

2021
4 (66)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

Филология и культура. Philology and Culture

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в
национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Дайбер Томас – профессор Гиссенского университета (Германия).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Карлсон Чарльз Фредерик – профессор Вашингтонского университета (США).

Киклевич Александр – профессор Варминско-Мазурского университета в г. Ольштын (Польша).

Куипер Конрад – член консультативного совета Европейского фразеологического общества «Еврофраз».

Кусе Хольгер – профессор, зав. кафедрой славистики технического университета г. Дрездена (Германия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Юлай Шамильоглу – профессор Висконсинского университета (США).

Онер Мустафа – профессор, директор Института социально-гуманитарных знаний Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – доцент, научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Хотинец Вера Юрьевна – профессор, зав. кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета.

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р пед. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Арсентьева Елена Фридриховна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Аюпова Роза Алляметдиновна, д-р филол. наук, доц. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Республиканского центра развития традиционной культуры Республики Татарстан.

Богоявленская Юлия Валерьевна, д-р филол. наук, доц., профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллин Камиль Рахимович, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закамулина Миляуша Нурулловна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, проф., и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, проф., Московский педагогический государственный университет.

Карасик Ольга Борисовна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р филол. наук, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций им. И.А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Нефедова Лилия Амирьевна, д-р филол. наук, доц., проф., Челябинский государственный университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет.

Садыкова Аида Гумеровна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, проф., Тюменский государственный университет, декан социально-педагогического факультета Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал).

Фаттахова Наиля Нурыйхановна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, проф., проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Абдулганеева И.** К вопросу об этнокультурной специфике русских производных с формантом -ушк- / -юшк- и их соответствиях в немецком языке в свете когнитивно-дискурсивного анализа. . 7
- Арсентьева Ю.** Английские и русские фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие человеческие пороки и преступления. 17
- Бакиров М.** К вопросу о происхождении токуз-огузских элементов в булгаро-татарском литературном языке. 23
- Борисова Н., Галиуллина Г.** Язык саха в мультикультурном мире Якутии: самобытность периодических изданий. 29
- Брыкова А.** Функции вербального ряда в графических рассказах для детей (на примере рассказов Н. Олейникова про Макара Свиного). 36
- Ван Лолань** Прагматический анализ обращений в свадебных причитаниях Пинежья (на материале публикации «Обрядовая поэзия Пинежья»). 45
- Гиниятуллина Л.** Структурно-семантические особенности сложного синтаксического целого (на примере художественного текста). 52
- Зайцева М.** Деньги в растительном коде русской лингвокультуры. 61
- Калинин К.** Несобственно-прямая речь в романе Евгения Водолазкина «Брисбен». 66
- Кузнецова Е.** О метафорической семантике английских глаголов положения в пространстве *sit, stand* и *lie*. 72
- Левитская А.** Осетинские аспектуально-акциональные эквиваленты глаголов русских способов действия со значением распределенности, рассредоточенности, суммарности. 78
- Левитская А.** Способы выражения семантики дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке в сопоставлении с русским (на примере глаголов русского дистрибутивно-суммарного СД). 86
- Маник С.** Английский лексикон Брекзита в лексикографическом аспекте. 94
- Мубаракишина А.** Дискурсивные особенности гороскопического текста. 101
- Паневина И.** Этикетное обращение в современной России. Социально-этический аспект. 106
- Султанова А.** Особенности многозначных процессуальных фразеологизмов с компонентом-онимом в русском языке лингвокультурологический аспект. 111
- Уарова О.** Лингвистическая интерпретация динамики развития образа героини в английской волшебной сказке. 118
- Фаттахова Н.** Бытовые приметы в телевизионном дискурсе. 125
- Хайрутдинова Г.** Образный потенциал лексики *месяц* (на материале поэтических произведений XIX – XXI веков). 130
- Чуксина Е.** Зооморфизмы как средства репрезентации концепта «fear» в романах Агаты Кристи. 137

Литературоведение

- Аксой Г.** Образ врача в современной татарской литературе. 143
- Александрова М.** Генезис советского травелога: путеводители по Волге начала XX века. 150
- Бронич М.** Исторические реалии в романе Пола Остера «4321». 157
- Гилязов Т., Насипов И., Шабакеев Р.** Богословы в татарской публицистике начала XX века. 162
- Зайнуллина Э.** Феномен андеграундного письма в прозе Юза Алешковского. 170
- Ли Пэнфей** Русский сентиментализм в зеркале литературоведения Китая. 174
- Милитчук А.** Религиозная проблематика в художественном творчестве и публицистике А. Непомнящего. 182

Насипов И., Юсупова Н., Шабакеев Р. Становление и развитие эпического стиля в тюрко-татарской религиозно-суфийской поэзии.	187
Новокрещенных И. Рецепция французской живописи XVII–XVIII веков в «Искусственной принцессе» Рональда Фирбенка.	192
Паикуров А., Дунаева Е. Синтез документального и художественного в творчестве Николая Александровича Львова (на материале «Итальянского дневника Н. А. Львова»).	198
Пономарева Е. Русский нуар: произведения «Газетчик», «Писатель», «Сценарист» Александра Молчанова как романтический цикл.	203
Сабирзянова Д. Фатих Хусни о природе литературного творчества.	209
Семина А. «Контрапунктик музыканта»: интонация и диалогизм в поэзии И. Чиннова.	215
Сесорова А. Феномен живописного экфрасиса в поэзии Г. Державина, К. Батюшкова и А. Полежаева.	225
Смыковская Т. Образ хлеба как символическая деталь в эпосе А. Солженицына «Красное колесо».	231
Текенова У. Своеобразие художественного психологизма в произведениях С. С. Суразакова и Д. Б. Каинчина.	236

ПЕДАГОГИКА

Бастриков Д. Комментирование художественного текста при формировании лингвокультурной компетенции иностранных учащихся.	243
Гареева Р., Фаткуллин Н., Хамидов Е. Междисциплинарные связи в контексте преподавания арабского языка.	250
Гонтарев В., Жданова Н. Система факторов успешного обучения искусству музыкальной импровизации.	255
Железнякова Е. Диагностика уровня владения русским языком детьми мигрантов в начальной школе.	261
Лескова Е. Особенности изучения фразеологизмов с компонентом-флоронимом на занятиях по РКИ: лингвокультурологический аспект.	270
Шифман Д. Обучение иностранному языку с помощью переключения языковых кодов в неязыковом вузе.	275

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Азертюрк Т. О вкладе татарского тюрколога в ориенталистику (рецензия на монографию профессора М. Х. Бакирова «Прототюрки: изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура». – Казань, 2018. – 464 с.).	282
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

Abdulganeeva, I. On the linguocultural specificity of Russian nominal derivatives with the formant -ushk/-yushk and their equivalents in German: A cognitive discursive analysis.	7
Arsentyeva, Yu. English and Russian phraseological euphemisms denoting human vices and crimes. . .	17
Bakirov, M. On the origin of Tokuz-Oghuz elements in the Bulgaro-Tatar literary language.	23
Borisova, N., Galiullina, G. The Sakha language in the multicultural world of Yakutia: The authenticity of periodicals.	29
Brykova, A. Functions of a verbal part of graphic stories (based on the texts of N. Oleynikov's stories about Makar the Fierce).	36
Wang Luolan Pragmatic analysis of appeals in the wedding lamentations of Pinega (based on the publication "Ritual poetry of Pinega").	45
Giniyatullina, L. Structural and semantic features of a complex syntactic whole (based on a literary text).. . . .	52
Zaitseva, M. Money in the flora code of Russian linguoculture.	61
Kalinin, K. Non-personal direct speech in Evgeny Vodolazkin's novel "Brisbane".	66
Kuznetsova, E. On the metaphorical semantics of the English posture verbs <i>sit</i> , <i>stand</i> and <i>lie</i>	72
Levitskaya, A. Ossetian aspectual-actional equivalents of Russian mode of action verbs (Aktionsarts) with the value of distribution, dissemination, summation.	78
Levitskaya, A. Methods of expressing the semantics of distributive diversity in the modern Ossetian language in comparison with Russian (based on the verbs of the Russian distributive-summary Actionsarts).	86
Manik, S. English Brexit lexicon in a lexicographic aspect.	94
Mubarakshina, A. Discursive features of the horoscope text.	101
Panevina, I. Etiquette forms of address in contemporary Russia: Social and ethical aspects.	106
Sultanova, A. Polysemantic process and action phraseological units with the -onym component in Russian.	111
Uarova, O. Linguistic interpretation of the female protagonist's image in the English fairy-tale: Development dynamics.	118
Fattakhova, N. Omens of everyday life in television discourse.	125
Hayrutdinova, G. Figurative potential of the lexeme <i>month</i> (based on poetic works of the 19 th – 21 st centuries).	130
Chuksina, E. Zoomorphisms as a means of the fear concept representation in the novels by Agatha Christie.	137

Literary Studies

Aksoy, G. The image of a doctor in modern Tatar literature.	143
Aleksandrova, M. Genesis of the Soviet travelogue: Guidebooks to the Volga in the early 20 th century. .	150
Bronich, M. Historical realities in Paul Auster's novel "4321".	157
Gilazov, T., Nasipov, I., Shabakaev, R. Theologians in Tatar journalism in the early 20 th century.	162
Zainullina, E. The phenomenon of the underground writing in the prose by Yuz Aleshkovsky.	170
Li Pengfej. Russian sentimentalism in the mirror of Chinese literary studies.	174
Militchuk, A. Religious problematics in the literary works and journalism of A. Nepominyashchiy. . .	182
Nasipov, I., Yusupova, N., Shabakaev, R. Formation and development of the epic style in the Turkic-Tatar religious-Sufi poetry.	187
Novokreshchennykh, I. Reception of French 17 th and 18 th century paintings in "The Artificial Princess" by Ronald Firbank.	192
Pashkurov, A., Dunaeva, E. Synthesis of the documentary and fictional in Nikolai L'Vov's work (based on "The Italian Diary" by N. L'Vov).	198
Ponomareva, E. Russian noir: Alexander Molchanov's works "The Newshound", "The Writer", "The Scriptwriter" as a novel cycle.	203
Sabirzyanova, D. Fatih Husni on the nature of literary creativity.	209
Semina, A. "Counterpoint of a musician": Intonation and dialogism in I. Chinnov's poetry.	215

Sesorova, A. The phenomenon of painting ekphrasis in the poetry of G. Derzhavin, K. Batiushkov and A. Polezhaev.	225
Smykovskaya, T. The image of bread as a symbolic detail in A. Solzhenitsyn's epopee "The Red Wheel".	231
Tekenova, U. The originality of artistic psychologism in the works of S. S. Surazakov and D. B. Kainchin.	236

PEDAGOGY

Bastrikov, D. Forming the linguocultural competence of international students: Commentaries on the artistic text.	243
Gareeva, R., Fatkullin, N., Khamidov, E. Interdisciplinary relations in the context of Arabic language teaching.	250
Goptarev, V., Zhdanova, N. The system of successful learning factors: The art of musical improvisation.	255
Zhelezniakova, E. Diagnostics of migrant children's Russian language proficiency in primary school. .	261
Leskova, E. Features of learning phraseologisms with a floronym component in classes of Russian as a foreign language: Linguoculturological aspects.	270
Shifman, D. Code switching in teaching foreign languages to non-linguistic students at the tertiary level.	275

UNIVERSITY LIFE

Azerturk, T. On the contribution of the Tatar turkologist to orientalism (review of Professor M. Bakirov's monograph "Proto Turks: Original homeland, early tribes and language, history and ethnoculture". - Kazan, 2018. - 464 p.).	282
---	-----

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-7-16
УДК 811.801.82

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ
РУССКИХ ПРОИЗВОДНЫХ С ФОРМАНТОМ -УШК- / -ЮШК-
И ИХ СООТВЕТСТВИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА**

© Ирина Абдулганеева

**ON THE LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF RUSSIAN NOMINAL
DERIVATIVES WITH THE FORMANT -USHK/-YUSHK AND THEIR
EQUIVALENTS IN GERMAN: A COGNITIVE DISCURSIVE ANALYSIS**

Irina Abdulganeeva

This article presents the results of a comparative typological study of the ethnocultural specificity of the Russian and German word-forming units in the light of the cognitive-discourse paradigm in current linguistic research. Based on the analysis of the word-formation model with the formant -usk/-yushk, namely, the derivatives with the formants -usk/-yushk in Russian and their translated equivalents in German, the study reveals the cognitive-mental nature of the actualization of the functional-semantic potential of derivatives with the formant -usk/-yushk in different types of Russian-language discourse in conceptualization of the external and internal world of native speakers and the resulting features of these units translated into German. The word-formation formant -ushk- / -yushk- is productive in relation to lexical units, whose denotative meaning is concepts in the Russian picture of the world. Functioning as important concepts of Russian linguoculture, neutral substantives *fate, field, mother, will*, etc. are actualized in the language in the form of derivatives with the formant -ushk- / -yushk-. The word-formation model with -usk/-yushk is productive in relation to Russian proper names or vocatives. The largest number of examples with proper names is found in the NKRYA, these proper names represent ethnocultural specifics and are used by native speakers of the Russian language in various types of discourse.

Keywords: ethnocultural semantics, derivatives, word-formation model, cognitive-discursive analysis, comparative-typological research.

В статье представлены результаты сопоставительно-типологического исследования этнокультурной специфики словообразовательных единиц русского и немецкого языков в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы современных лингвистических исследований. На материале анализа словообразовательной модели с формантом -ушк- / -юшк-, а именно производных с формантом -ушк- / -юшк- в русском языке и их переводных соответствий в немецком языке, обоснованы когнитивно-ментальная природа актуализации функционально-семантического потенциала производных с указанным формантом в разных видах русскоязычного дискурса в процессе концептуализации внешнего и внутреннего мира носителей языка и возникающие в связи с этим особенности передачи данных единиц на немецкий язык. Словообразовательный формант -ушк- / -юшк- продуктивен в отношении лексических единиц, денотативное значение которых для русской картины мира представляет собой концепты. Функционируя в качестве важных концептов русской лингвокультуры, нейтральные субстантивы *судьба, поле, мать, воля* и др. актуализируются в языке в форме производных с формантом -ушк- / -юшк-. Словообразовательная модель с -ушк- / -юшк- оказывается продуктивной в отношении русских имен собственных или вокативов. Наибольшее количество примеров в отношении имен собственных демонстрирует и НКРЯ, имена собственные репрезентируют этнокультурную специфику и используются носителями русского языка в различных видах дискурса.

Ключевые слова: этнокультурная семантика, производные, словообразовательная модель, когнитивно-дискурсивный анализ, сопоставительно-типологическое исследование.

Язык каждого народа или этнической группы представлен набором национально-специфических маркеров, которые выделяют данный язык среди всех других. Отражение национальной картины мира и его концептуализация посредством народно-этнического и авторского литературного творчества – неотъемлемая часть духовно-нравственного наследия каждого народа. Концептуализация сознания осуществляется разнородными средствами определенной лингвокультуры. Сегодня особенно активно учеными-лингвистами изучаются семантические аспекты словообразовательных феноменов, участвующих в категоризации и концептуализации внешнего и внутреннего мира человека.

Сопоставительно-типологические исследования в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы современных лингвистических исследований позволяют выявить общие и специфические семантические и структурные аспекты словообразовательных единиц, репрезентирующих в том или ином виде дискурса национально-коннотативный компонент, отмеченные этнокультурной спецификой.

Настоящая работа ставит своей целью исследовать и обосновать этнокультурную специфику русского языка в сопоставлении с немецким языком на основе изучения словообразовательного уровня русского языка, а именно рассмотрения функционально-семантических особенностей производных, образованных формантом *-ушк-* / *-юшк-*, и способов их передачи на немецкий язык. Анализу подвергнуты словообразовательные модели с вышеуказанным формантом и их соответствия в немецком языке.

Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью рассмотрения и углубленного изучения возможностей словообразовательного уровня языка в процессе концептуализации явлений и процессов окружающей действительности, миропонимания; необходимостью обоснования когнитивно-ментальной природы словообразовательных процессов.

Очевидно, что представления, которые образуют языковую картину мира, присутствуют в значении слов, выражений и конструкций языка в имплицитной форме – в идее презумпций, коннотаций, условий осмысленности, фоновых знаний и других типов имплицитных компонентов, содержащихся в языковых единицах [Зализняк, 2013, с. 273]. Данный потенциал языковые единицы актуализируют в определенном тексте, именно текст и его содержание порождают спектр эксплицитно и имплицитно выраженных значений языковых единиц. На наш взгляд, спра-

ведливым представляется указание В. Н. Комиссарова на то, что содержание текста определяется не только набором и организацией составляющих его единиц, но и когнитивными знаниями участников общения, а также той ситуацией, в которую включается текст в акте коммуникации, и той иллюкативной функцией, которую текст выполняет [Комиссаров, с. 11].

В трудах ученых Казанской лингвистической школы (И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, А. И. Анастасиева, а также ее современных представителей Г. А. Николаева, Э. А. Балалыкиной и др.) отмечалась и отмечается необходимость анализа и изучения семантического аспекта словообразования: «Словообразование теснейшим образом связано с семантикой, стилистикой и другими разделами языковой реальности. Семантические основания, заложенные в праславянском языке в определенные словообразовательные типы, по-разному реализуются в отдельных славянских языках, что связано в первую очередь с экстралингвистикой (жизненным опытом носителей конкретного славянского языка, их мировосприятием, культурными реалиями и т. д.)» [Николаев, с. 58].

Идиоэтническая специфика прослеживается, прежде всего, на лексико-семантическом уровне языка: она сказывается на способах мотивации и на распределении объема значений слова (общепринятых его осмыслений, или так называемых «словарных значений»). Индивидуальные особенности отдельно взятого исторического языка проявляются прежде всего в уникальности смысловых образований (и соответствующих им словообразовательных типов, грамматических категорий, синтаксических конфигураций), когда речь идет о характере соотношенности конкретных высказываний с определенными «словарными словами» и стоящими за ними предметами (предметами мысли) [Сухачев, с. 88].

Практическим материалом нашего исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также единицы, извлеченные методом сплошной выборки на основе обширного языкового материала, включая художественные произведения, которые не представлены в НКРЯ. Также анализу подверглись материалы, накопленные в ходе наблюдения и фиксирования за носителями языка во время коммуникативных ситуаций разговорного дискурса.

Для сравнительно-типологического изучения словообразовательных формантов, как и для всякого другого типологического исследования, определен набор констант, критериев, на основе

которых будут сопоставляться языки на данном уровне. Такими константами являются для русского языка: 1) производные с формантом *-ушк- / -юшк-*; 2) функционально-семантический потенциал производных с формантом *-ушк- / -юшк-* рассматривается в различных видах дискурса.

Таким образом, для сопоставительного описания суффиксальной системы русского и немецкого языков выделены словообразовательные схемы и модели в исследуемых языках.

Среди различных языковых средств, которые служат языковой репрезентации эмоционально-чувственного мира человека и направлены на повышение экспрессивности и субъективно-оценочного выражения смыслового полотна текста, немецкий лингвист S. Ullmann в числе первых называет «эмоциональные» производные („Emotionale Ableitungen“), образованные диминутивными или аугментативными суффиксами („Bestimmte Suffixe – Diminutiva, Augmentativa“). В данных производных денотативное значение корневой основы слова сопровождается коннотацией или оценочностью („...sie legen der Bedeutung des Stammwortes einen Gefühlsbeiklang oder ein Werturteil bei.“) [Ullmann, с. 167]. Говоря о статусе суффикса в языке, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «все суффиксы входят в арсенал технических средств словообразования и объединены общим для всех них назначением создания в языке новых слов. Это качество и отличает их от элементов формообразования. Однако в указанных пределах вскрывается сложный и запутанный механизм взаимодействия суффикса и производящей основы, наблюдаются самые различные случаи вхождения суффикса в словообразование, свидетельствующие о неоднородности функций, обслуживаемых суффиксами» [Арутюнова, с. 273]. Г. О. Винокур полагал, что «аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-нибудь основе, а не существует сам по себе» [Винокур, с. 426]. Правильнее было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря, о значении образца [Улуханов, с. 102].

Многие ученые отмечают стилистический потенциал словообразовательных ресурсов русского языка: «...сердцевину стилистических ресурсов в словообразовании составляют суффиксы и префиксы субъективной оценки» [Кожина, с. 242]. Данный факт продиктован флективным характером русского языка, в русском языке развита деривационная система, отмеченная наличием большого количества суффиксов, выражающих субъек-

тивно-оценочное значение. Для деривационной системы немецкого языка характерно словосложение. Как семантика русских дериватов, образованных посредством суффиксальных формантов, так и семантические неопределенности сложносоставных слов немецкого языка вызывают у лингвистов многочисленные вопросы. Основанием для неясного и неопределенного характера в вопросе о словообразовательной семантике выступают многочисленные случаи, в которых сложносоставные слова проявляют значение непредсказуемое или стохастическое („eine unvorhersagbare Bedeutung“). Эти слова, таким образом, скрывают семантические образцы („semantische Muster“), которые ранее не были актуализированы [Ullmann, с. 396].

Исследуемая нами словообразовательная модель активно функционирует во всех типах дискурса: художественном, разговорно-бытовом, песенном, сказочном, газетно-журнальном и т. д. Методом сплошной выборки нами было извлечено из различных источников и проанализировано свыше 1000 дериватов с формантами *-ушк- / -юшк-*. Более того, следует отметить, что производные с указанными формантами, которые начали активно использоваться русскими классиками 18-19 столетий Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, И. С. Куприным и др., активно функционируют и в произведениях современных авторов. Данные НКРЯ демонстрируют контексты с производными с *-ушк- / -юшк-* различных видов дискурса: (1) Суффикс «ушк-юшк», объясняла я иностранцам, которых учила русскому языку, обозначает старинную задушевную интонацию по отношению к явлению, предмету или человеку – *матушка, волюшка, полюшко, солонюшка* (Алексей Славовский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009) [НКРЯ] (здесь и далее разрядка наша – И. А.); (2) *Не по морюшку... и лебедушка плывет, Выше бережка головушку несет, Не ко мне ли родна матушка идет* (М. М. Пришвин. Дневники (1923) [Там же]; (3) *Да по ветру прямо на меня идет! Эх, судьбинушка неласковая! Готовился помереть, а как вышла смерть навстречу, оробел...* (Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)) [Там же] (здесь и далее курсив наш – И. А.).

Устное народное творчество, представленное былинами, песнями, сказаниями и сказками, также изобилует производными с формантом *-ушк- / -юшк-*:

(4) *Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле.
Едут по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои!* [Гусев]

Сказки, как вид народного творчества, входят составной частью в так называемую народную прозу. Кроме сказок, к народной прозе относятся предания, былины, легенды и сказы. Эта несказочная проза отличается от сказок прежде всего тем, что в то, о чем она повествует, люди верили. Образования с формантом *-ушк- /-юшк-* встречаются уже в названиях сказок: *Лисушкина* свадьба [Сказки, с. 538] с.538, *Снегурушка* и лиса [Там же, с. 539], *Козел и козлушка* [Там же, с. 540], *Курочка Татарушка* [Там же, с. 540], *Дарьюшка-Замазурка* [Там же, с. 541], *Горюшко* [Там же, с. 541], *Сестрица Аленушка* и братец *Иванушка* [Там же, с. 542].

Около двадцати процентов от общего числа анализируемых единиц, которые мы зафиксировали из обширного песенного и стихотворного материала методом сплошной выборки, функционируют в песенном и поэтическом дискурсе современных авторов. При выражении мыслей о родном крае, о Родине представителям русской языковой картины мира сознание напоминает строки известных русских песен, стихов, отрывков из произведений русских классиков, наполненных такими единицами, как *судьбинушка*, *полюшко*, *матушка*, *волюшка*. Функционируя в качестве важных концептов русской лингвокультуры, нейтральные субстантивы *судьба*, *поле*, *мать*, *воля* актуализируются в языке именно в форме производных с формантом *-ушк- /-юшк-*:

(5) Не гони лошадей ты, *Судьбинушка!*
Дай мне вдоволь испить Жизнь свою...
Ох, и больно хлестала ты *спинушку*.
Но я жив! И еще песнь спою! [Крайнов]

(6) Доля ты моя, *доля-долюшка*.
Да *судьбинушка* моя, непонятная.
От чего ты не со мною, моя *Олюшка*?
Ой, красавица моя, ненаглядная.
Доля ты моя *доля-долюшка*.
Да *судьбинушка* моя, непонятная.
От чего ты не со мною, моя *зорюшка*?
Ой, красавица моя, ненаглядная [Зацепин].

Словообразовательная модель с *-ушк- /-юшк-* оказывается продуктивной в отношении русских имен собственных или вокативов. Наибольшее количество примеров в отношении имен собственных демонстрирует и НКРЯ. Рассмотрим данное положение на примере имени собственного *Анна* и его формы с формантом *-ушк-* – *Аннушка*. В соответствии со сферой функционирования зафиксированы следующие показатели для формы *Аннушка*: художественная – 210 документов с числом вхождений 1474 (86.00%), публицистика – 79 документов с числом вхождений

152 (8.87%), бытовая – 19 документов с числом вхождений 66 (3.85%), учебно-научная – 7 документов с числом вхождений 12 (0.70%), электронная коммуникация – 3 документа с числом вхождений 6 (0.35%), художественная проза – 1 документ с числом вхождений 4 (0.23%), церковно-богословская – 1 документ с числом вхождений 1 (0.06%) [НКРЯ].

Основополагающим положением при анализе имен собственных для нас явилось то, что «...во всех сферах духовной жизни человека – религиозной, провиденциально-профетической, спекулятивно-философской, художественно-эстетической, социально-общественной – роль имени не только велика, но по особому отмечена, и то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны, и на ту силу, которая от нее неотделима» [Топоров, с. 380].

Имя, по нашему убеждению, является одним из ключевых репрезентантов этнокультурной специфики языка, в связи с чем требует детального подхода при поиске соответствия при переводе на иностранный язык. Особенную сложность для переводчиков представляют ласкательные и уменьшительно-ласкательные формы русских имен, которые традиционно образовывались посредством форманта *-ушк- /-юшк-*. Данные формы продуктивны и активно использовались и используются носителями русского языка в различных видах дискурса: былинном – *Добрынюшка*, сказочном – *Иванушка*, *Аленушка*, *Марьюшка*, разговорном – *Левушка* (от имени Лев), *Глебушка* (от имени Глеб). Более того, многие формы – *Аннушка*, *Олюшка*, *Иванушка* и т. д. – узнаваемы и для иноязычного реципиента благодаря художественным произведениям таких всемирно известных русских писателей, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Шолохов, В. Шукшин и др.

В НКРЯ представлено 55 вхождений имени *Аннушка*, лишь в одном случае переводчик переводит анализируемую единицу посредством диминутивного суффикса *-chen*: (7) *Она доверчиво, ясно и чисто взглянула в глаза. – Вы огорчены сегодня, Петер? – Аннушка, ты меня любишь? На это Анна только быстро опустила голову, на шее ее была повязана бархатка* (А. Н. Толстой. Петр Первый (1929-1943)). – *Vertrauensvoll sah sie ihm mit klarem und hellem Blick in die Augen: „Sie sind heute betrübt, Peter?“ „Annenchen, liebst du mich?“ Bei diesen Worten senkte Anna nur rasch den Kopf, ein Sammetbändchen schmückte ihren Hals...* (Alexei Tolstoi. Peter der Erste (Maximilian Schick, 1944)) [НКРЯ].

Во всех остальных случаях при передаче имени используется транслитерация. Такой способ передачи наблюдается и в отношении французского и английского языков: (8) – *Аннушка, милая, что мне делать?* – *рыдая, проговорила Анна, беспомощно опускаясь на кресло* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5-8) (1873-1877)) – «*Annuschka, liebe Annuschka, was soll ich tun?*» sagte Anna schluchzend und ließ sich hilflos auf einen Sessel sinken (Lew Tolstoi. Anna Karenina (5.-8. Teile)) [НКРЯ].

Анализируемая словообразовательная модель демонстрирует свою продуктивность также в отношении наименований лиц, обозначающих обращения (например, *Солдатушка*), и обращений по степени родства (например, *дядюшка, тетушка, братушка, матушка, женушка*). Если смотреть на родовую принадлежность мотивирующего слова, то следует отметить, что формант *-ушк-* / *-юшк-* соотносится со всеми родами: мужской род (*дядя, брат, солдат и т. д.*), женский род (*тетя, мама, жена*), средний род (*поле – полюшко, горе – горюшко, море – морюшко и т. д.*). Существительные с безударным суффиксом *-ушк-* имеют ласкательное значение. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется; при этом существительные женского рода и одушевленные мужского рода относятся ко второму склонению (флексия *-а* в им. п. ед. ч.), а существительные сред. р. и неодушевленные муж. р. – к первому склонению (флексия *-о*): *а) сторонушка, головушка, коровушка, зимушка, долюшка, вдовушка, нянюшка, кумушка* (жен.р.), *сиротинушка* (общ.р.), *братушка, соседушка, детинушка, дядюшка, тестюшка, соловушка* (муж. р., одушевл.) [Русская грамматика, 1980, с. 213].

Примером деэтимологизации для немецкого языка является обращение *das Mädchen* – *девушка*, *das Märchen* – *сказка*. Утрата соотнесенности с мотивирующей основой влечет к нерасчлененности основы и форманта *-chen*. В процессе развития языка меняются не только словообразовательные структуры слов, слова могут утрачивать родственные отношения, вычленяемые прежде морфемы перестают выделяться [Сорокина, с. 90].

Русское слово *девушка* сегодня также не воспринимается как ласкательное или эмоционально-окрашенное, формант *-ушк-* актуализирует только словообразовательное значение и указывает на то, что это существительное женского рода первого склонения.

Практика исследования показывает, что в разных лексикографических источниках часто приводятся различные дефиниции значений од-

них и тех же слов. Это значит, что содержание концепта и его актуализация в языке неисчислимы. Каждое слово репрезентирует в определенном контексте лишь часть концептуальных характеристик, значимых для определенной коммуникации. Это же утверждение Н. Н. Болдырева правомерно применить и в отношении производных имен, их функционально-семантический потенциал актуализируется в определенном виде дискурса и конкретной коммуникативной ситуации. В то же время за счет этих характеристик слово включает данный концепт в мыслительную деятельность, обеспечивает к нему доступ, в результате чего могут быть активизированы и другие концептуальные характеристики (скрытые, вероятностные, ассоциативные – то, что получило название инференции, выводного знания) [Болдырев, с.26].

Примеры дериватов с формантом *-ушк-* / *-юшк-*, функционирующие в художественном дискурсе, например, в произведениях русской классической литературы, показывают частотность применения при переводе на немецкий язык словообразовательной модели с диминутивным суффиксом *-chen* (*Mütterchen, Onkelchen, Brüderchen*). Рассмотрим данное утверждение на примере деривата *матушка*. В НКРЯ зафиксировано 793 вхождения словоформы *матушка*. Частотным переводным соответствием русского деривата *матушка* является в немецком языке словоформа *Mütterchen*, данное соответствие мы относим к словообразовательному уровню, так как дериват образован посредством диминутивного форманта *-chen* и также выражает ласкательное значение. Транслитерированное переводное соответствие *Matuschka* используется в случае словообразовательной омонимии. В приведенном примере речь идет об омоморфемах: *матушка* – суффикс *-ушк-* актуализирует ласковое обращение к матери, *Матушка Великая* – суффикс *-ушк-* актуализирует словообразовательное значение, обозначающее духовный сан или религиозный статус, отмечается также графическим маркером, а именно написанием с заглавной буквы: (9) *А Матушка Великая, как любовно называли преподобную Анастасию ее сестры-инокини, была с нами своим ласковым взором с иконы, подаренной приходу нашим владыкой Марком* (Вестник Германской епархии РПЦЗ, № 1, 2011) – *Die Große Matuschka* aber, wie die heilige Anastasia liebevoll von ihren Nonnenschwestern genannt wurde, war mit uns durch den zärtlichen Blick ihrer Ikone, welche der Gemeinde von unserem Vladyka Mark geschenkt wurde. (Der Bote, No. 1 (2011) [НКРЯ]. Вторую группу по частотности переводных соответствий деривата *матушка* зани-

мают нейтральные лексические единицы немецкого языка *Mutter, Mama, Mammam*. Данные соответствия передают только денотативное значение и не выражают ласкательного или уменьшительно-ласкательного значения. Третью группу составляют местоименные замены и лексические замены деривата *матушка*, например: *sie* – в переводе с немецкого ‘она’; *Frau* – в переводе с немецкого ‘женщина’; *die Alte* – в переводе с немецкого ‘пожилая женщина’. Анализ немецких переводных соответствий русских производных с формантом *-ушк-* / *-юшк-* указывает на следующие тенденции в элиминировании: 1) переводные соответствия, образованные при помощи диминутивных суффиксов немецкого языка: в этом случае речь идет о возможности сохранения субъективно-оценочного значения, мелиоративной или пейоративной оценки, выражаемой в определенных дискурсивно-контекстных условиях производным с формантом *-ушк-/юшк-*; 2) переводные соответствия лексического уровня: используются лексические единицы, которые передают только денотативное значение оригинала, элиминирование субъективно-оценочного значения отсутствует; 3) переводные соответствия, сочетающие лексические и словообразовательные средства при переводе [Абдулганеева, с.13–14].

Следующую группу составляют междометия, отрицательные частицы, а также слова, выражающие согласие. В разговорном дискурсе «нейтральные» варианты носителями русского языка используются в формах с формантом *-ушк-* / *-юшк-*. В ходе наблюдений за речью русскоязычных носителей зафиксированы следующие случаи употребления: (10) – *Валюха, ну иди скорее сюда! – А ю ш ки, бегу!* (от междометия *Ай*); (11) – *Не ту ш ки, не поеду я!* (от отрицательного слова *нет*); (12) – *Во ту ш ки тебе на! А заранее сказать не могу?!* (от частицы *вот* для выражения удивления). Важными для исследования когнитивно-ментальной природы словообразовательных формантов является их рассмотрение на примере иноязычных слов, носители языка удивительно просто моделируют различные образования с суффиксом *-ушк-/юшк-*, используя, например, заимствования из английского, немецкого языков: (13) *О ке ю ш ки, сама все сделаю!* (от англицизма *ок*, выражает согласие); (14) *Га с т а р ба й ту ш ки в пути, без них стройка остановилась!* (от немецкого заимствования *гастарбайтер*, в приведенном примере формант *-ушк-/юшк-* актуализирует одобрение по отношению к иностранным рабочим). Система языка – это динамичная система, постоянное изменение и допущение чужеродных элементов заложены в самом

характере системы [Толковый словарь конца XX века. Языковые изменения, с.7].

Иноязычные слова становятся в различных видах дискурса «своими» для носителя посредством использования русских формантов. Данные образования активно функционируют в разговорном дискурсе, являются эмоционально окрашенными и подчеркивают экспрессивный характер высказывания. Анализ словообразовательной модели производных с формантом *-ушк-/юшк-* подтверждает наше положение об этнокультурной специфике этого форманта, так как он репрезентирует представления русскоязычного носителя на когнитивно-ментальном уровне, «...речь идет о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражения в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком, и в частности значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, с.143].

Помимо функционально-семантического потенциала форманта *-ушк-/юшк-*, следует отметить способность форманта присоединяться к различным мотивированным основам, что свидетельствует о том, что модель продуктивна не только в отношении производных женского и мужского рода, но и при образовании ласкательных форма мужских и женских имен собственных, использовании эмоционально-окрашенных междометий (*Нетушки, Океюшки* и т. д.) При установлении отношений производности надлежит руководствоваться не столько соображениями морфологического порядка о возможности или невозможности членения слова на этом уровне, сколько данными, релевантными (имеющими определяющее значение) на уровне словообразования – данными о структурно-семантических особенностях анализируемого образования. Последние касаются, в частности, и его места среди других однокорневых или одноструктурных образований [Кубрякова, с.33]. Существенным остается вопрос о продуктивности суффикса *-ушк-/юшк-* в отношении образований, производящей основой которых выступают числительные. Согласно выдающемуся ученому Казанской лингвистической школы Э. А. Балашкиной, «грамматическая категория числа – один из важнейших „полигонов“ конфликта смысла и грамматики. На фоне регулярно образуемых и противопоставленных по семантиче-

скому признаку имен, обозначающих единичность или множественность называемых предметов, существует достаточно большое количество различных отклонений от указанной системы, когда семантика слова препятствует образованию той или иной формы» [Балалыкина, с.131]. Когнитивно-дискурсивный анализ производных с формантом *-ушк-* / *-юшк-* вносит дополнение относительно того, что функционирование формы множественного или единственного числа таких производных может быть обусловлено видом дискурса. Так, например, такие единицы как *однокомнатная квартира* или *двухкомнатная квартира* сегодня функционируют в форме образований с *-ушк-*: *однушка*, *двушка*. *Однушка*, как правило, квартира малых размеров (от 20 кв. м), квартира-студия, которая совмещает гостиную, спальню и кухню. Функционирование единственного числа *однушка*, *двушка* зафиксировано как в разговорном, так и в рекламном дискурсе: (15) Игорек наш, уже и *однушку* успел купить! – *Двушку* же хотел, поди не хватило!? (из беседы пассажиров автобуса).

В текстах рекламного дискурса, основной целью которых является также привлечение потенциальных покупателей одно- и двухкомнатных квартир, наблюдается высокая частотность употребления *однушки* и *двушки*: (16) «Хит продаж! Классическая *однушка* с раздельным с / у от 1 778 000 руб» [Хит продаж]; (17) Полноценная *однушка* с гардеробной [Полноценная *однушка* с гардеробной]; (18) Комфортная *двушка* [Комфортная *двушка*]. Однако формы множественного числа анализируемых единиц зафиксированы только для письменных рекламных текстов, размещенных на рекламных щитах или в различного рода рекламных объявлениях в сети Интернет: (19) Модные *двушки* [Модные *двушки*]. (20) *Однушки* на южную сторону от 1 327 000 руб. [*Однушки* на южную сторону]. Примеры использования множественного числа *однушки*, *двушки* на основе анализа диалогической речи персонажей текстов художественного дискурса, а также наблюдений за коммуникативными ситуациями носителей русского языка зафиксировать не удалось. Соответствиями в немецком языке для образований с *-ушк-* / *-юшк-* выступают нейтральные по значению сложносоставные образования *Einzimmerwohnung* – ‘однокомнатная квартира’, *Zweizimmerwohnung* – ‘двухкомнатная квартира’. Данные соответствия функционируют в различных видах дискурса и могут получать эмоционально-оценочную окраску при употреблении лексических средств или построении определенного синтаксического рисунка предложения.

В отношении языковой картины мира русского человека, на наш взгляд, функционирование образований с *-ушк-* / *-юшк-* могут указывать также на социальный статус говорящего или социальный статус реципиента, которому адресован текст. При осмыслении и оценке художественного произведения, коммуникативных ситуаций разговорного и других видов дискурса и «...с точки зрения норм и правил общенародного языка и его „живых“ ответвлений необходимо обратить внимание на то, что в способах речевого отбора и использовании разных средств общенародного языка представителями разных народных групп отражается социальная среда, разные социальные характеры». [Виноградов, с.10].

В заключение следует отметить, что словообразовательная модель с формантом *-ушк-* / *-юшк-* является продуктивной для русского языка. Производные с данным формантом в различных видах дискурса репрезентируют функционально-семантический потенциал, актуализируя национально-коннотативный компонент, отмеченный этнокультурной семантикой, которая вплетена в денотативное значение слова, чем и обусловлены трудности, возникающие при передаче производных с формантом *-ушк-* / *-юшк-* на немецкий язык.

Список литературы

- Абдулганеева И. И. Способы перевода русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами на немецкий язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 13–18.
- Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка). М.: Языки славянских культур, 2007, 288 с.
- Балалыкина Э. А. Мир языка и языки мира: Избранные труды по русскому языку и балто-славянским отношениям. Казань: Яз, 2012, 319 с.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М.: Берлин. Директ-Медиа, 2016, 253 с.
- Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954, № 5, с. 10.
- Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. «Избранные работы по русскому языку». М.: Учпедгиз, 1959, с.420.
- Гусев В. Полюшко-поле. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Полюшко-поле> (дата обращения: 26.06.2021)
- Зализняк Анна А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
- Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. с. 640.
- Зацепин А. Доля ты моя, доля-долюшка. URL: <https://pesni.guru> (дата обращения: 12.08.2021)

Однушки на южную сторону от 1 327 000 руб.
URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=http%3A%2F%2Fim0-tub.ru.yandex.net%2Fi%3Fid%3D8de0397813082c42fb28cf329b76c777-1%26ref%3Drim%26n%3D13%26w%3D999%26h%3D999&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=http%3A%2F%2Fim0-tub.ru.yandex.net%2Fi%3Fid%3D8de0397813082c42fb28cf329b76c777-1%26ref%3Drim%26n%3D13%26w%3D999%26h%3D999&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (дата обращения: 05.07.2021)

Комфортная двушка URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=http%3A%2F%2Fid2.mycdn.me%2Fimage%3Fid%3D896061986475%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*BvGMZ1H4TLdGENusBOP-FVdmFaw&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=http%3A%2F%2Fid2.mycdn.me%2Fimage%3Fid%3D896061986475%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*BvGMZ1H4TLdGENusBOP-FVdmFaw&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (дата обращения: 11.07.2021)

Кожина М. Н. Стилистика русского языка: [электронный ресурс] учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дукаева, В. А. Салимовский. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Комиссаров В. Н. Когнитивное и семантическое в тексте и проблема эквивалентности перевода. // *Semantik, Kognition und Aquivalenz* /hrag. Gert Jüger u. Albrecht Neubert. Leipzig.: Verlag Enzyklopädie, 1988. С.7–18

Крайнов А. Не гони лошадей ты, Судьбинушка! URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3169155/> (дата обращения: 11.07.2021)

Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965, 78 с.

Модные двушки URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.skcontinent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=https%3A%2F%2Fkovrov.city%2Fuploads%2Fnews%2F1_3_19_148_120002.jpg&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.skcontinent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=https%3A%2F%2Fkovrov.city%2Fuploads%2Fnews%2F1_3_19_148_120002.jpg&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (дата обращения: 21.08.2021)

Национальный корпус русского. URL: <http://www.ruscorpora> (дата обращения: 10.09.2021)

Николаев Г. А. Русское и славянское языкознание. Под общ. ред. К. Р. Галиуллина; Казан. ун-т, Филол. фак. Казань: Казан. ун-т, 2011. 220 с.

Полноценная однушка с гардеробной. URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=http%3A%2F%2Fid2.mycdn.me%2Fimage%3Fid%3D901508640427%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*c_AJHm3SxjqvoseUqWike7NJJQc&ogl_url=https%3A%2F%2F](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rlt_url=http%3A%2F%2Fid2.mycdn.me%2Fimage%3Fid%3D901508640427%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*c_AJHm3SxjqvoseUqWike7NJJQc&ogl_url=https%3A%2F%2F)

[www.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://www.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (дата обращения: 13.06.2021)

Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 743 с.

Сорокина Т. Н. «Совесть» или «Со+весть» // *Русский язык в школе*. Москва «Просвещение», №3, 1988. С.89–91.

Сказки: Кн.1 / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1988. 544 с.

Сухачев Н. Л. Значение и смысл слова. Лекции о лингвистическом знаке. СПб.: Нестор-История, 2019. 184 с.

Толковый словарь конца XX века. Языковые изменения / под. ред. Г. Н. Складневской. СПб.: ФОЛИО-ПРЕСС, 1998. с.704.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2005. 816 с.

Улханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 255 с.

Хит продаж! Классическая однушка с отдельным с / у от 1 778 000 руб. URL: https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_%28Copy%29.jpg&text=%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0+%D0%B2+%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B5+%D0%B6%D0%BA+%D0%B0%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8C&rpt=simage (дата обращения: 10.07.2021)

Ullmann S. Semantik. Eine Einführung in die Bedeutungslehre. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1973. 401 p.

References

Abdulganeeva, I. I. (2012). *Sposoby perevoda russkikh derivatov s suffiksami-intensifikatorami na nemetskii iazyk* [Methods for Translating Russian Derivatives with Intensifier Suffixes into German]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, No. 7 (18): v 2-h ch. Ch. I, pp. 13–18. (In Russian)

Arutiunova, N. D. (2007). *Problemy morfologii i slovoobrazovaniia: (Na materiale ispanskogo iazyka)* [Problems of Morphology and Word Formation: (Based on the Spanish Language)]. 288 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Balalykina, E. A. (2012). *Mir iazyka i iazyki mira: Izbrannye trudy po russkomu iazyku i balto-slavianskim otnosheniam* [The World of Language and the Languages of the World: Selected Works on the Russian Language and Balto-Slavic Relations]. 319 p. Kazan', Iaz. (In Russian)

Boldyrev, N. N. *Kognitivnaia lingvistika*. (2016) [Cognitive Linguistics]. 253 p. Moscow, Berlin. Direkt-Media. (In Russian)

Hit prodazh! Klassicheskaya odnushka s razdel'nym s/u ot 1 778 000 rub. [Bestseller! Classic odnushka with a separate bathroom and toilet from 1,778,000 rubles.]. URL:

https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_%28Copy%29.jpg&text=%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0+%D0%B2+%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B5+%D0%B6%D0%BA+%D0%B0%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8C&rpt=simage (accessed: 10.07.2021). (In Russian)

Gusev, V. *Poliushko-pole* [Polyushko-Field]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Poljushko-pole> (accessed: 26.06.2021). (In Russian)

Kozhina, M. N. (2008). *Stilistika russkogo iazyka: uchebnik* [Stylistics of the Russian Language]. M. N. Kozhina, L. R. Duskaeva, V. A. Salimovskii. 464 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

Komfortnaia dvushka [A Comfortable Two-roomed Flat]. URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rpt_url=http%3A%2F%2Fmycdn.me%2Fimage%3Fid%3D896061986475%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*BvGMZ1H4TLdGENusBOP-FVdmFaw&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rpt_url=http%3A%2F%2Fmycdn.me%2Fimage%3Fid%3D896061986475%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*BvGMZ1H4TLdGENusBOP-FVdmFaw&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (accessed: 11.07.2021). (In Russian)

Komissarov V. N. (1988). *Kognitivnoe i semanticheskoe v tekste i problema ekvivalentnosti perevoda* [Cognitive and Semantic Aspects in the Text and the Problem of Translation Equivalence]. Pp. 7–18. Iz knigi: Semantik, Kognition und Aquivalenz /hrag. Gert Jüger u. Albrecht Neubert. 192 p. Leipzig. Verlag Enzyklopädie. (In German)

Krainov, A. (2021). *Ne goni loshadei ty, Sud'binushka!* [Do Not Drive the Horses, Fate!]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3169155/> (accessed: 11.07.2021). (In Russian)

Kubriakova, E. S. (1965). *Chto takoe slovoobrazovanie* [What is Word Formation]. 78 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Modnye dvushki [Trendy Two-roomed Flats]. URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.skcontinent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rpt_url=https%3A%2F%2Fkovrov.city%2Fuploads%2Fnews%2F1_3_19_148_120002.jpg&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.skcontinent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rpt_url=https%3A%2F%2Fkovrov.city%2Fuploads%2Fnews%2F1_3_19_148_120002.jpg&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (accessed: 21.08.2021). (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora> (accessed: 10.09.2021). (In Russian)

Nikolaev, G. A. (2011). *Russkoe i slavianskoe iazykoznanie* [Russian and Slavic Linguistics]. Pod obshh. red. K. R. Galiullina; Kazan. un-t, Filol. fak. 220 p. Kazan', Kazan. un-t. (In Russian)

Polnotsennaia odnushka s garderobnoi [A Proper One-roomed Flat with a Dressing Room]. URL: [https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rpt_url=http%3A%2F%2Fmycdn.me%2Fimage%3Fid%3D901508640427%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*c_AJHm3SxjqvoseUqWIkE7NJJQc&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_\(Copy\).jpg](https://yandex.ru/images/search?pos=173&p=5&img_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg&text=однушка%20в%20зеленодольске%20жк%20акварель&rpt=simage&rpt_url=http%3A%2F%2Fmycdn.me%2Fimage%3Fid%3D901508640427%26t%3D20%26plc%3DMOBILE%26tkn%3D*c_AJHm3SxjqvoseUqWIkE7NJJQc&ogl_url=https%3A%2F%2Fwww.sk-continent.ru%2Fupload%2Fimages%2FAkvareli_hit_prodazh_klassicheskaya_odn._fs_(Copy).jpg) (accessed: 13.06.2021). (In Russian)

Russkaia grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiya (1980) [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology]. N. Ju. Shvedova (gl. red.). 743 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Sorokina, T. N. (1988). “Sovest” ili “So+vest” [“Conscience” or “Con + science”]. *Russkii iazyk v shkole*. Moscow, “Prosveshhenie”, No 3, pp. 89–91. (In Russian)

Suhachev, N. L. (2019). *Znachenie i smysl slova. Lektsii o lingvisticheskom znake* [The Sense and Meaning of the Word. Lectures on the Linguistic Sign]. 184 p. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. (In Russian)

Tolkovyi slovar' kontsa XX veka. Iazykovye izmeneniia (1998) [Explanatory Dictionary of the Late 20th Century. Language Changes]. Pod. red. G. N. Skliarevskoi. 704 p. St. Petersburg, FOLIO-PRESS. (In Russian)

Toporov, V. N. (2005). *Issledovaniia po etimologii i semantike. T. 1: Teoriia i nekotorye chastnye ee prilozheniia* [Research on Etymology and Semantics. Vol.1: Theory and Some of Its Particular Applications]. 816 p. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Uluhanov, I. S. (1977). *Slovoobrazovatel'naia semantika v russkom iazyke i principy ee opisaniia* [Derivational Semantics in Russian and the Principles of Its Description]. 255 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Ullmann, S. (1973). *Semantik. Eine Einführung in die Bedeutungslehre* [Semantics. An Introduction to the Theory of Meaning]. 401 p. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag. (In German)

Vinogradov, V. V. (1954). *Iazyk hudozhestvennogo proizvedeniia* [The Language of Fiction]. *Voprosy iazykoznanii*. No. 5, p.10. (In Russian)

Vinokur, G. O. (1959). *Zametki po russkomu slovoobrazovaniuu* [Notes on Russian Word Formation]. “Izbrannye raboty po russkomu iazyku”. 426 p. Moscow. (In Russian)

Zalizniak, Anna i dr. (2012). *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World]. 696 p. Moscow, Izdatel'skii dom “IaSK”. (In Russian)

Zalizniak, Anna A. (2013). *Russkaia semantika v tipologicheskoi perspektive* [Russian Semantics in a Ty-

pological Perspective]. 640 p. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Zatsepin, A. (2021). *Dolia ty moia, dolia-doliushka* [This Is My Fate, Dolya-Dolyushka]. URL: <https://pesni.guru> (accessed: 12.08.2021). (In Russian)

The article was submitted on 12.09.2021

Поступила в редакцию 12.09.2021

Абдулганеева Ирина Игоревна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
abdulganii@bk.ru

Abdulganeeva Irina Igorevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
abdulganii@bk.ru

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭВФЕМИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОРОКИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© Юлия Арсентьева

ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS DENOTING HUMAN VICES AND CRIMES

Yulia Arsentyeva

The article studies the phraseo-semantic group of English and Russian phraseological euphemisms denoting human vices and crimes. A review of the literature on the issue indicates the complexity of the euphemistic nomination in the field of phraseology. Phraseological euphemisms combine typical features of both phraseological and euphemistic units and are characterized by the rethinking of meaning, separability, stability (lexical and grammatical), imagery and high significance of connotation in the structure of their phraseological meaning. The main purpose of the euphemistic nomination is to soften and veil taboo or socially and morally condemned real denotations. A detailed study of this phraseo-semantic group indicates that phraseological euphemisms, designating human vices and crimes, successfully fulfill the role of mitigating and veiling the actions and behavior of a person condemned by human society both in English and in Russian. The vices and crimes, most condemned by human society, are murder, suicide and drunkenness. In many cases, the prototypes of the phraseological euphemisms under study are built on ameliorative or neutrally evaluated images. It is concluded that the euphemistic function of such units is largely due to the internal form of phraseological euphemisms, namely, their ameliorative or neutral (ambivalent) imagery, which in turn gives the prototypes of phraseological euphemisms a neutral or ameliorative assessment.

Keywords: phraseology, phraseological euphemism, euphemistic nomination, phraseological meaning, phraseo-semantic group.

Статья посвящена изучению фразеосемантической группы английских и русских фразеологизмов-эвфемизмов, обозначающих человеческие пороки и преступления. Обзор литературы вопроса свидетельствует о сложности эвфемистической номинации в сфере фразеологии. Фразеологизмы-эвфемизмы объединяют типичные особенности как фразеологических, так и эвфемистических единиц и характеризуются переосмысленностью значения, раздельнооформленностью, стабильностью (лексической и грамматической), образностью и высокой значимостью коннотации в структуре их фразеологического значения. Главной целью эвфемистической номинации является смягчение и вуалирование табуированных или социально и морально порицаемых реальных денотатов. Детальное изучение указанной фразеосемантической группы свидетельствует о том, что фразеологизмы-эвфемизмы с обозначением человеческих пороков и преступлений успешно выполняют роль смягчения и вуалирования порицаемых человеческим обществом действий и поведения человека как в английском, так и в русском языке. Наиболее осуждаемыми человеческим обществом пороками и преступлениями являются убийство, самоубийство и пьянство. Во многих случаях прототипы исследованных фразеологизмов-эвфемизмов построены на мелиоративно или нейтрально оцениваемых образах. Делается вывод, что эвфемистическая функция подобных единиц в значительной мере обусловлена внутренней формой фразеологизмов-эвфемизмов, а именно их мелиоративной или нейтральной (амбивалентной) образностью, в свою очередь придающей прототипам фразеологизмов-эвфемизмов нейтральную или мелиоративную оценку.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм-эвфемизм, эвфемистическая номинация, фразеологическое значение, фразеосемантическая группа.

Началом изучения эвфемизмов в лингвистике считается XIX век, однако объектом пристального внимания ученых-языковедов эвфемизмы стали только в течение последних десятилетий.

Большинство лингвистов солидарны в определении экстралингвистической природы эвфемизмов, что касается лингвистической природы эвфемистических единиц, они рассматриваются в

настоящее время как сложные языковые образования, а эвфемия относится учеными к многогранному языковому явлению. Общеизвестным считается тот факт, что социально табуированные предметы и явления в результате эвфемистической номинации приобретают более мягкие, завуалированные, приемлемые в обществе обозначения.

В лингвистике мы встречаемся с рядом определений эвфемизмов. Так, например, С. И. Ожегов характеризует эвфемизм в своем словаре следующим образом: «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное, напр. „неумный“ вместо „дурак“» [Ожегов, с. 831]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» к эвфемистическим единицам относят слова или выражения, являющиеся эмоционально нейтральными, которые употребляются вместо неприличных, грубых или нетактичных синонимичных слов или выражений [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 590].

В словарях, изданных в англоязычных странах за последние десятилетия, эвфемизмы рассматривают как мягкую замену более грубого, оскорбительного, неприемлемого в нормальном обществе слова или выражения, как термин преуменьшения, замалчивания, смягчения, свидетельствующий о проявлении воспитанности, вежливости или застенчивости [Cambridge International Dictionary of English, с. 471], [New Oxford Thesaurus of English, с. 322].

Как альтернативу нежелательному выражению в обществе рассматривают эвфемизм известные ученые, занимающиеся данной проблемой, К. Аллан и К. Барридж [Allan, Burridge, с. 11].

Создатель теоретической основы процесса эвфемизации и функционирования русских эвфемистических единиц Е. П. Сеничкина выделяет характерные признаки эвфемизмов как языковых единиц, обозначающих нежелательный внеязыковой денотат. По ее мнению, эвфемистические единицы характеризуются семантической неопределенностью, ведущей к смягчению или уменьшению отрицательной оценки внеязыкового денотата, приводящего к улучшению характера реального денотата. Сдвиг подобного обозначения в мелиоративную сторону характеризуется формальным характером [Сеничкина, с. 6].

В качестве эвфемизмов могут выступать как лексические, так и фразеологические единицы.

В. Н. Телия указывает на культурно-национальный характер фразеологического состава любого языка в силу того, что закрепленная в нем система образов выступает в качестве

своего рода «ниши» для кумуляции мировидения носителя языка, при этом данную систему прописывают связи того или иного рода с материальной, духовной или социальной культурой народа, вследствие чего именно фразеологический фонд языка может служить свидетелем национально-культурного опыта и традиций носителя языка [Телия, с. 108]. Ю. С. Степанов называет фразеологизмы «зеркалом жизни нации» [Степанов, с. 112].

Отнесенность фразеологизмов-эвфемизмов к компликативным языковым единствам объясняется тем фактом, что как фразеологическое, так и эвфемистическое переосмысление лежит в основе их создания. Переосмысление значения, раздельнооформленность, лексическая и грамматическая стабильность, образность, значительная роль коннотации в составе фразеологического значения относятся к характерным признакам фразеологизмов-эвфемизмов как фразеологических единиц. Как эвфемистические единицы фразеологизмы-эвфемизмы специально создаются в языке с целью смягчения, вуалирования, замалчивания общественно табуированных, морально и социально неприемлемых реальных денотатов. Объединяющим фактором является особенность их создания в языке с помощью вторичной номинации.

Таким образом, нами отмечаются отличительные особенности фразеологического значения данных языковых единиц, к которым относятся: «эвфемистическая функция, выраженная объективная пейоративная оценка. В качестве главной причины смягчения и вуалирования сигнификативно-денотативного компонента значения фразеологических эвфемизмов выступает мотивирующий образ, лежащий в основе фразеологической и эвфемистической номинации» [Арсентьева, 2012, с. 103].

Для проведения сопоставительного анализа английских и русских фразеологизмов-эвфемизмов мы обратились к многочисленным одноязычным и многоязычным словарям, наиболее авторитетными из которых являются словарь английских эвфемистических единиц И. С. Нимана и К. Г. Сильвера [Neaman, Silver]; два словаря Р. У. Холдера [Holder, 1995], [Holder, 2007]; словарь Н. А. Риса [Rees]; двуязычные фразеологические словари А. В. Кунина [Кунин] и Е. Ф. Арсентьевой [Арсентьева, 1999]; специальный словарь эвфемизмов Е. П. Сеничкиной [Сеничкина], а также фразеологические словари русского языка под редакцией А. И. Молоткова [Фразеологический словарь русского языка] (далее – ФСРЯ) и А. И. Федорова [Фразеологический словарь русского литературного языка...] (далее

– ФСРЛЯ). Для отбора материала мы также обращались к электронным корпусам [The Corpus of Contemporary American English] (далее – СОСА), [НКРЯ].

В. М. Мокиенко справедливо отмечает, что исключительная направленность на характеристику человека и человеческой деятельности составляет специфику фразеологической семантики [Мокиенко, с. 64]. В данной статье мы представляем результаты проведенного сопоставительного анализа английских и русских фразеологических эвфемизмов, характеризующих человеческие пороки и преступления.

Социальным детерминантом эвфемистических единиц данной фразеосемантической группы выступают моральные принципы, осуждающие и порицающие подобные проявления человеческой природы и аморальные действия человека. Вполне понятно, что человеческие пороки и преступления всегда выступали в качестве источника создания подобных фразеологизмов-эвфемизмов. Эмоциональной основой замены номинации подобных мелиоративно оцениваемых внеязыковых явлений с помощью фразеологизмов-эвфемизмов служит присущее людям чувство отвращения и стыда к подобным проявлениям низменной стороны природы человеческой натуры.

Наиболее страшными смертными грехами являются убийство и самоубийство. И в английском, и в русском языках представлены фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие данные тяжёлые преступления человека, сеющие смерть. Тот факт, что результатом этих грехов является смерть, позволяет рассматривать данные языковые единицы в качестве объединяющего начала двух фразеосемантических групп.

Особенность эвфемистической номинации наглядно проявляется в данных фразеологизмах-эвфемизмах. Так, некоторые из эвфемистических единиц, обозначающих убийство, построены на мелиоративном или нейтральном образе-прототипе: *to send somebody to glory* [Кунин, с. 316], *to send somebody to heaven* [Holder, 1995, с. 327], *to close an account* [Там же, с. 67], *people's justice* [Там же, с. 277], *отправлять к праотцам кого*, *отправить к праотцам кого* [ФСРЯ, с. 305], *отсылать на тот свет (к праотцам, в лучший мир <из миров>)*, *отослать на тот свет (к праотцам, в лучший мир <из миров>)* [Сеничкина, с. 300]. Внутренняя форма подобных эвфемистических единиц является полупрозрачной и позволяет нам достаточно легко понять значение языковой единицы. Образ, лежащий в основе фразеологического значения, имеет или мелиоративный характер, что ярко проявляется в при-

мерах, где убийца отправляет свою жертву к славе (*to glory*), в небеса (*to heaven*), в лучший мир <из миров>, или является нейтральным. Второй случай мы наблюдаем в примерах отправления убитого на тот свет, к праотцам или закрытия его или ее счета (*to close an account*). Интересно отметить, что фразеологизм-эвфемизм *people's justice*, построенный на явно мелиоративном образе «народной справедливости», означает «суммарное убийство без надлежащего судебного расследования», в качестве примера его использования словарь Р. У. Холдера приводит убийство царской семьи в России: *Spare them after all? When they should be punished according to the people's justice* [Holder, 1995, с. 277].

Таким образом, именно полупрозрачная внутренняя форма с мелиоративным или нейтральным образом, заложенным в основу значения данных эвфемистических единиц, ведет к смягчению понятия убийства и в английском, и в русском языках, сами же фразеологизмы-эвфемизмы выступают в качестве языкового способа переосмысленного и завуалированного обозначения данного смертного греха. В то же время ряд фразеологизмов-эвфемизмов в качестве прототипа имеют обозначения конкретных действий человека, не всегда резко отрицательных, в результате которых происходит самоубийство или убийство другого человека: *to get a bullet* (букв.: ‘получить пулю’) [Holder, 1995, с. 151], *to make a hole in the water* (букв.: ‘делать дыру в воде’) [Там же, с. 232], *покончить с собою / с жизнью* [Сеничкина, с. 329], *пускать <себе> пулю в лоб, пустить <себе> пулю в лоб* [Арсентьева, 1999, с. 227]. В любом случае образ, на основе которого строится фразеологизм-эвфемизм, выступает в качестве смягчающего средства обозначения убийства или самоубийства: *to take one's <own> life* (букв.: ‘брать свою <собственную> жизнь’) – ‘покончить жизнь самоубийством’ [Кунин, с. 455], *накладывать руки на кого, наложить руки на кого* (устар.) [ФСРЯ, с. 264].

К решительно осуждаемым порокам, в первую очередь в английском обществе, относится пьянство, которое также находит свое смягченное эвфемистическое обозначение и в английском, и в русском языках. Мы снова встречаем прототипы, построенные на мелиоративно или нейтрально оцениваемых образах: *under the weather* (букв.: ‘под погодой’) – ‘пьяный’ [Holder, 1995, с. 385]; *half and half* (букв.: ‘половина и половина’) – ‘пьяный’ [Там же, с. 169]; *to cock the little finger* (букв.: ‘поднимать маленький палец’) – ‘быть пьяницей’ [Там же, с. 69]; *in the tank* (амер.) (букв.: ‘в танке’) – ‘пьяный’ [Там же, с. 385]; *to*

hold one's liquor (букв.: 'держать свое спиртное, свой ликер') – пить много алкоголя [Там же, с. 181]; *за галстук (за воротник) закладывать (забивать, запускать, пропускать, трахать), за галстук (за воротник) заложить (залить, запустить, пропустить, трахнуть)* [Сеничкина, с. 127–128]; *крепкие напитки* [Там же, с. 166]; *любитель выпить* [Там же, с. 181] и т. д. Подобные фразеологизмы-эвфемизмы выполняют эвфемистическую функцию завуалированного смягчения в контексте в обоих сопоставляемых языках: *I had the impression that ... Enid was somewhat in her cups.* (G. Vidal. "Washington. D. C.") [Кунин, с. 190] (здесь и далее разрядка наша – Ю. А.); *Старый манегр пьет вино, как бездонная бочка, но знает хорошо местность; он указал три острова около впадения трех рек Буринда, где началась гибель облеуховского отряда* (М. А. Бестужев. Дневник плавания по Амуру) [НКРЯ]; *Под хмельком у него и координация лучше, за детей можно не волноваться* (Н. В. Нестерова. Грезиятка) [Там же].

Спектр неприглядных действий и поступков, особенностей человеческого характера, выражаемых с помощью фразеологизмов-эвфемизмов рассматриваемой нами фразеосемантической группы, достаточно широк, при этом образ, на котором основана фразеологическая и эвфемистическая номинация, часто носит нейтральный или даже мелиоративный характер. Приведем только несколько примеров: *to take care of* (букв.: 'заботиться о') в значении «давать взятку» [Holder, 1995, с. 366], *to wear Hector's coat* (букв.: 'носить пальто Гектора') – «быть предателем» [Там же, с. 398]; *cold feet* (букв.: 'холодные ноги') – «трусость» [Там же, с. 70]; *industrial logic* (букв.: 'индустриальная логика') – «жадность» [Там же, с. 197]; *tea leaf* (букв.: 'чайный лист') – «вор» [Там же, с. 369]; *to help oneself* (букв.: 'помогать себе') – «воровать» [Там же, с. 178]; *double entry* (букв.: 'двойной вход') – «бесчестный» [Там же, с. 106], *лежать на боку (на печи)* – «совсем ничего не делать, бездельничать» [ФСРЯ, с. 222]; *играть в прятки (в жмурки)* – «обманывать кого-л., скрывать, утаивать что-л. от кого-л.» [Там же, с. 179]; *длинные руки иметь* – «воровать, присваивать чужое» [Сеничкина, с. 113] и т. д. Контекстуальное использование фразеологизмов-эвфемизмов, характеризующих разные человеческие пороки, наглядно свидетельствует о сохранении их эвфемистической функции: *Perhaps wisely they turned coat and told us where he was* [Holder, 1995, с. 382]; *This Novak... and the people behind Novak, were feeling their oats and talking big* (S. Heym. "The Eyes of Reason") [Кунин, с. 548]; *Обнаруживается, что че-*

ловеческое сообщество, для того чтобы оставаться устойчивым, должно уклоняться от истины, знания (М. Амусин. Между законом и благодатью) [НКРЯ].

Фразеосемантическая группа, номинирующая человеческие пороки и преступления, относится к одной из наиболее активно пополняемых в настоящее время групп, в первую очередь благодаря эвфемистическому обозначению новых внеязыковых реалий типа наркомании, распространения психотропных средств. Особенно сильно данный процесс наблюдается в английском языке, причем в абсолютном большинстве случаев мы имеем дело с нейтральной или мелиоративной оценочностью подобных фразеологизмов-эвфемизмов. Можно предположить, что распространители наркотиков специально стараются привлечь внимание потенциальных покупателей с помощью их красочных обозначений. Так, например, нелегальные наркотики имеют образ 'ангельского порошка' (*angel dust*) [Holder, 1995, с. 10] и 'восточных веществ' (*Eastern substances*) [Там же, с. 114]; кокаин обозначается как 'небесный порошок' (*heaven dust*) [Там же, с. 177] и 'счастливый порошок' (*happy dust*) [Там же, с. 172]; опиум именуется 'китайским табаком' (*Chinese tobacco*) [Там же, с. 62], а качественная марихуана – 'колумбийским золотом' (*Columbian gold*) [Там же, с. 71].

Немногочисленные фразеологизмы-эвфемизмы, номинирующие наказания за преступления, и учреждения, связанные с ними, также отнесены нами к рассматриваемой фразеосемантической группе вследствие необходимости и неотвратимости наказания за преступления, социально и морально недопустимые в обществе: *assembly centre* – 'тюрьма' [Holder, 1995, с. 13], *big house* (амер.) – 'тюрьма' [Там же, с. 28], *down the line* – 'в тюрьме или в тюрьму' [Там же, с. 107], *дом лишения свободы* – «тюрьма» [Сеничкина, с. 115], *охранное отделение* – «орган тайного полицейского надзора» [Там же, с. 302] и др.

Итак, изучение фразеосемантической группы фразеологизмов-эвфемизмов, обозначающих человеческие пороки и преступления, в двух европейских языках, свидетельствует о том, что данные языковые единицы успешно выполняют роль смягчения и вуалирования порицаемых человеческим обществом действий и поведения человека в обоих сопоставляемых языках. При этом эвфемистическая функция подобных единиц в значительной мере обусловлена внутренней формой фразеологизмов-эвфемизмов, а именно их мелиоративной или нейтральной (амбивалентной) образностью, в свою очередь при-

дающей прототипам фразеологизмов-эвфемизмов нейтральную или мелиоративную оценку.

Список литературы

Арсентьева Е. Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань: Хэтер, 1999. 318 с.

Арсентьева Ю. С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2012. 177 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М.: Рус. язык, 1984. 944 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 2016. 160 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.09.2021)

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1978. 847 с.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа. Языки русской культуры, 2017. 824 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 2017. 288 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. М.: Топиал, 1995. 608 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1986. 543 с.

Allan K., Burridge K. Euphemisms and Dysphemisms. Language Used as Shield and Weapon. New York: Oxford University Press, 1991. 263 p.

Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1774 p.

Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. New York: Oxford University Press, 1995. 470 p.

Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. New York: Oxford University Press, 2007. 506 p.

Neaman J. S. and Silver C. G. Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms. Expanded and Revised Edition. New York: Facts on File, 1990. 373 p.

New Oxford Thesaurus of English. New York: Oxford University Press Inc, 2000. 1087 p.

Rees N. A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness. London: Harper Collins Publishers Ltd, 2006. 418 p.

The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <http://www.american corpus.org> (дата обращения: 06.09.2021)

Arsent'eva, E. F. (1999). *Russko-angliiskii frazeologicheskii slovar'* [Russian-English Phraseological Dictionary]. 318 p. Kazan', Hjetet. (In Russian, in English)

Arsent'eva, Iu. S. (2012). *Frazeologizmy-evfemizmy v angliiskom i russkom iazykah: dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological Euphemisms in the English and Russian Languages: Ph.D. Thesis]. Kazan', 177 p. (In Russian)

Cambridge International Dictionary of English (2001). 1774 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)

COCA (1990). *The Corpus of Contemporary American English* (COCA). URL: <http://www.american corpus.org> (accessed: 06.09.2021). (In English)

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka kontsa XVIII – XX vv. (1995) [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the End of the Eighteenth – Twentieth Centuries]. Pod red. A. I. Fedorova. 608 p. Moscow, Topikal. (In Russian)

Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka (1986) [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Pod red. A. I. Molotkova. 543 p. Moscow, Rus. iazyk. (In Russian)

Holder, R. W. (1995). *A Dictionary of Euphemisms*. 470 p. New York, Oxford University Press. (In English)

Holder, R. W. (2007). *A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean*. 506 p. New York, Oxford University Press. (In English)

Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. 944 p. Moscow, Rus. iazyk. (In English, in Russian)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 685 p. Moscow, Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Mokienko, V. M. (2016). *Zagadki russkoi frazeologii* [Mysteries of Russian Phraseology]. 160 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Neaman, J. S. and Silver, C. G. (1990). *Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms*. Expanded and Revised Edition. 373 p. New York, Facts on File. (In English)

New Oxford Thesaurus of English. (2000). 1087 p. New York, Oxford University Press Inc. (In English)

NKRIa (2001) *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Moscow. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 07.09.2021). (In Russian)

Ozhegov, S. I. (1978). *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 847 p. Moscow, Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Rees, N. A (2006). *Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness*. 418 p. London, Harper Collins Publishers Ltd. (In English)

Senichkina, E. P. (2008). *Slovar' evfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. 464 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

Stepanov, Iu. S. (2017). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. 824 p. Moscow, Shkola. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

References

Allan, K., Burridge, K. (1991). *Euphemisms and Dysphemisms. Language Used as Shield and Weapon*. 263 p. New York, Oxford University Press. (In English)

Teliia, V. N. (2017). *Russkaiia frazeologiiia. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*. 288 p. *Semanticheskii, pragmaticheskii i Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian) lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology.

The article was submitted on 09.09.2021

Поступила в редакцию 09.09.2021

Арсентьева Юлия Святославовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
juliarenat251@gmail.com

Arsentyeva Yulia Svyatoslavovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
juliarenat251@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-23-28
УДК 81'373

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОКУЗ-ОГУЗСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В БУЛГАРО-ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

© Марсель Бакиров

ON THE ORIGIN OF TOKUZ-OGHUZ ELEMENTS IN THE BULGARO-TATAR LITERARY LANGUAGE

Marsel Bakirov

The article is devoted to the history of the Bulgaro-Tatar literary language. In the course of studying the history of the Kushan toponym functioning, we suggested our own version concerning the origin of the Tokuz-Oghuz elements in the literary language of the Volga Bulgaria. In previous scientific research, the originality of the Bulgarian literary language was associated only with the influence of the Karakhanids' literary language. Based on the analysis of a number of historical sources, the work proves that the Toguz-Oghuzes (> Uyguuro-Oghuz) penetrated into the Volga Bulgaria from the south-east and mixed up with the local population. The article shares the hypothesis, put forward by J. Almaz, that the "mixed language" of "Kyissai-Yusuf" in the Middle Volga region is partly explained by the possible appearance of Oghuz-Uighurs along with the Kypchaks in the pre-Mongol time. The work proves that the appearance of a significant layer of the Oghuz-Uyghur vocabulary in the Bulgaro-Tatar literary language and in the colloquial speech of the local population is a direct consequence of the Toguz-Oghuzes' penetration into the territory of the Middle Volga region.

Keywords: Bulgars, Tokuz-Oghuzes, Karluks-Uigurs, Oghuz-Kypchaks, Burtases, Bulgaro-Tatar literary language.

Статья посвящается истории болгаро-татарского литературного языка. Изучая историю бытования топонима Кушан, автор статьи выдвинул свою версию происхождения токуз-огузских элементов в литературном языке Волжской Булгарии. Ранее в научных работах своеобразие болгарского литературного языка связывалось лишь с влиянием литературного языка караханидов. На основе анализа ряда исторических источников в работе доказывается, что в Волжскую Булгарию с юго-востока проникли и влились тогуз-огузы (>уйгуро-огузы) в состав местного населения. Автор статьи разделяет гипотезу Дж. Алмаза о том, что «смешанный язык» «Кыйссаи-Йусуфа» отчасти объясняется возможным появлением в домонгольское время в Среднем Поволжье наряду с кыпчаками и огузо-уйгуров. В работе доказано, что появление в болгаро-татарском литературном языке и в разговорной речи местного населения значительного пласта огузо-уйгурской лексики объясняется не только влиянием караханидского литературного языка Средней Азии, но и также следствием проникновения на территории Среднего Поволжья тогуз-огузов.

Ключевые слова: болгары, токуз-огузы, карлуки-уйгуры, огузы-кыпчаки, бургасы, болгаро-татарский литературный язык.

Изучая историю создания поэмы Кул Гали «Кыйссаи Йусуф», мы пришли к разработке новой концепции в тюркологии о проникновении токуз-огузов на территорию Волжской Булгарии и их слиянии с местным населением. Отправной точкой нашего исследования стала строка из поэмы: «Мэн Кашани, атым Гали» (подстр. пер.: «Я кашанец, имя мое Гали»). Мы решили более подробно познакомиться с историей этого болгарского города, который нашел отражение в тахаллусе (псевдониме) автора знаменитого произведения. В зависимости от диалектов в языке на-

селения Булгарии бытовало два варианта названия города: Кушан и Кашан. Кстати, это же характерно для бытования в Среднем Поволжье топонима Казань – Хузан, или Кузан. Название Кашан встречается в исторической песне «Кашан жыры» («Песня Кашана»), текст которой мы обнаружили в личном архиве филолога-археографа Зайнап Максудовой. Мы ввели эту песню, восходящую к болгарскому периоду, в научный оборот.

Подробно изучая историю этого города, мы нашли весьма интересное сообщение о городе

Кушане / Кашане, который, как мы полагаем вслед за Дж. Алмазом, был родным местожительством автора Кул Гали и местом создания им бессмертной поэмы. Эту уникальную информацию мы обнаружили в географическом энциклопедическом словаре арабского ученого ал-Руми Якута (1179–1229) «Могджам аль-болдан» («Удивительные города») [Якут]. В центральной национальной библиотеке Москвы имеются опубликованные в 1906 г. в Каире и в 1957 г. в Бейруте два арабоязычных издания этого словаря. К сожалению, это издание не переведено на русский язык. Мы сняли копию текста о географическом названии Кушан, и арабист Джамиль Зайнуллин помог нам перевести его на татарский язык.

Вот это малоизвестное сообщение, оставшееся до настоящего времени вне внимания наших исследователей: *«Кушан – город, расположенный на границе самого далекого тюркского государства. Его правитель верховодит и над токуз-огузами, являющимися сильным народом, и считается одним из великих тюркских царей»* [Якут, 1906, с. 29, 489; 1957, с. 489]. Как отмечает в конце своей энциклопедической статьи о Кушане Якут, проживавший в Багдаде, эти данные он взял у некоего ал-Кушани.

На наш взгляд, *«самое далекое тюркское государство»* от места проживания Якута, бесспорно, означает Волжскую Булгарию, а *«Кушан»* – это явно болгарский город Кушан. Ибо нигде, ни в каком раннем или средневековом источнике сведений о наличии в далеком от арабов тюркском государстве города с таким именем, кроме как болгарского города Кушан, нет.

А как быть со странным выражением в тексте Якута *«и его правитель верховодит и над токуз-огузами, являющимися сильным народом»*? Как нам кажется, такое утверждение тоже подтверждается историческими реалиями. Согласно исследованиям ученых, ранняя история уйгурских племен связана с токуз-огузами. С. Г. Кляшторный указывает на недостаточную разработанность этой темы [Краткая история уйгуров]. Одни исследователи, опираясь на сведения древних источников, раннюю историю *теле-«тегириков»* и *токуз-огузов* связывают с различными государственными образованиями в регионе Центральной Азии и Монголии (К. И. Петров [Петров, с. 70–73], С. Г. Кляшторный [Краткая история уйгуров, с. 52–54, 85–87, 115–116, 128]), другие размещают древнюю территорию огузов и уйгуров в Восточном Туркестане (по-китайски – Западном крае), в том числе в Прикаспийских и Приаральских степях (В. В. Радлов [Радлов, с. 126–127], А. Н. Бернштам [Бернштам, с. 66–70],

Л. Д. Боженков [Боженков, с. 68–69], С. П. Толстов [Толстов, с. 198], Л. Н. Гумилев [Гумилев, с. 212–216]).

Последняя версия смыкается с концепцией С. П. Толстова о Туранском и Среднеазиатско-Междуреченском происхождении *аугасиев-огузов*, которая нашла отражение и в древнем названии Сырдарьи как *öküz*, в греческой передаче – Окс [Толстов, с. 198]. Заодно следует напомнить, что античные авторы – Клавдий Птолемей и Дионисий Ливиец, жившие во II в. н. э., называют отдельную группу ранних тюрков этого края *уйгурами (ойхордами)*, указывая, что они живут позади прикаспийских скифов, прилегающих к Аральскому морю [Боженков, с. 22].

Средневековые арабо-персидские авторы одно из ранних местожительств токуз-огузов связывают с территорией Монголии: в регионе рек Орхона и Селенги. Эта родо-племенная группа фигурирует и в орхонских рунических памятниках, посвященных правителю и военачальникам возрожденного Восточного каганата голубых тюрков (VIII в.), а именно Билге-кагану, Кюльтегину и Тоньюкуку. В этих памятниках есть сведения о том, что токуз-огузы, планировавшие в союзе с табачагами (китайцами) разгромить тюркский каганат, благодаря опередившему их выступление походу тюрков, были побеждены и присоединены к Восточному каганату. После ослабления и падения этого государства на его месте образовался могущественный Уйгурский каганат (745–840 гг.), господствовавший в Центральной Азии почти целый век. Токуз-огузы же оказались в составе этого государства.

Но из китайских и мусульманских источников явствует, что и на юге, юго-западе, в частности, на территории провинции Ганьсу Китая, а также в отдельных регионах Центральной и Средней Азии появлялись и существовали огузо-уйгурские родо-племенные объединения и государства, непосредственно относящиеся к токуз-огузам. В их числе было государство огузов, образовавшееся в конце VIII века в низовьях Сырдарьи и далее на запад до Каспийского моря, население которого состояло из токуз-огузов, гозов, или узов, они же торки в русских летописях [Баскаков, с. 161].

Исследователи В. Ф. Минорский и Дж. Гамильтон (французский историк) рассматривают северные и южные территории уйгуров во взаимосвязи. Они считают, что орхонские уйгуры и токуз-огузы переселились на юг из-за междоусобиц и губительных войн в регионе их первоначального пребывания. В 840 г., после разгрома киргизами на Орхоне Уйгурского каганата, часть уйгуров ушла в Турфан (где ими было создано

государство Кочо), другая – в Ганьсу (здесь было создано Ганьчжоуское государство). Оба региона находились на территории современного Западного Китая. Третья часть ушла на Иртыш, четвертая – сары уйгуры, по мнению вышеназванных исследователей, мигрировала в степи, прилегающие к Аральскому морю. Дж. Гамильтон пишет: «После разгрома киргизами в IX веке часть тогузов-уйгуров, вытесненная на западную границу, поселилась вокруг Аральского моря» (цит. по: [Ахинжанов, с. 196]). Выходит, они слились с бытовавшими еще до них с Сырдарьинскими токуз-огузами и узами (торками в русских источниках).

В тот же период, в IX веке, было образовано новое уйгурское государство Гаочан (Турфанская котловина в Западном Китае, в отрогах Восточного Тянь-Шаня). Арабские авторы Ибн Хоредбек (IX в.), М. Хорезми (первая половина IX в.) гоачанских уйгуров называют токуз-огузами, тукузами, а китайцы – уйгурами [Бартольд, с. 16], [Боровкова, с. 136]. Появились токуз-гузы и в составе государства династии Караханидов в Восточном Туркестане. А это значит, что именно с этим переселением, а также последующим движением и экспансией кимако-кыпчаков связана одна из причин близости в те времена живого огузо-уйгуро-кыпчакского наречия-койне и караханидского литературного языка этого региона с языком населения и письменной литературы Среднего Поволжья.

Судя по этническому названию и по реликтам языкового влияния, контактирующие группы в языковой среде *токуз-огузов* (вар. *токуз-гузов*), переселившихся на юг, выделились из состава родо-племенного массива в бассейне рек Толы и Орхона, где впоследствии преобладал, то есть доминировал, огузский слой. Такое соотношение, должно быть, сложилось вследствие смешения уйгуров с автохтонными огузами, для которых Среднеазиатское Междуречье было их родиной. Скорее всего, эти же тюрки-огузы, кочевавшие к северо-востоку от Каспия и вокруг Арала, были современниками Фирдоуси, поэтому их появление в «Шах-наме» в качестве тюркоязычного туранского народа является вполне уместным и исторически правым [Агусти Алемань, с. 459].

В труде персидского историка ал-Марвази (XI в.), сведения из которого подчас восходят к первоисточнику первой половины IX в., сообщается о царях огузов из числа *«токуз-гузов в Приаралье, имевших многочисленное войско»*. Огузы, по словам этого автора, подразделялись на 1) токуз-гузов, 2) уйгуров и 3) уч-гуров [Агаджанов, с. 132]. М. И. Артамонов название

огуз/угыз напрямую связывает с древним тюркским корнем-словом *ог*, обозначающим 'потомство', 'род', 'племя', которое в формате *огуз/угуз* здесь использовано в собирательном значении. А отнесение им уч-гуров, являющихся соплеменниками огузов, к карлукам (< уйгурам) соответствует такому тезису [Артамонов, с. 568].

Таким образом, огузы Средней Азии представляли объединение родственных огузских и уйгурских племен, но, по словам Ибн аль-Факиха (XI в.), и в его время *токуз-огузы* являлись «царями» и больше других почитались у тюрков [Агаджанов, с. 132]. Расположенный в низовьях Сырдарьи г. Янгикент был в X–XI вв. резиденцией «царя гузов», и часть огузского народа из Туркестана, занимающегося кочевым скотоводством, вела оседлую жизнь в городах.

Но в XI в. имя народа токуз-огузов, используемое до этого арабскими и другими авторами по отношению к восточно-туркестанским и приаральским огуз-уйгурам, внезапно исчезает. Это произошло, как считает К. М. Петров, вопреки утверждению В. В. Бартольда, не из-за плохой осведомленности арабских авторов о них, а скорее всего в результате распада единства огузских и уйгурских народов [Петров, с. 84]. К этому следует добавить возникшие в тот период новые миграции огузов-уйгуров в этот раз на запад, вызванные межплеменными столкновениями и нашествием кимако-кыпчаков. В связи с этим этнические названия токуз-огузов стали мелькать уже в регионах Восточной Европы.

Интересное и ценное для нашей темы то, что токуз-огузы (смешанные огузы-уйгуры), как выясняется, очутились, оказывается, и в Среднем Поволжье, на территории буртасов, которые после падения Хазарского каганата вошли в состав Булгарии. О времени вхождения и о месторасположении этой территории А. Х. Халиков пишет так: «В X–XI вв. в территорию Волжской Булгарии были включены и бывшие буртасские земли, расположенные в волжском правобережье, а также верховья рек Хопра, Медведицы и Суры» [Халиков, с. 54, 63].

А вот интересующие нас выдержки из арабско-персидских хроник, подтверждающие пребывание *токуз-гузов* на земле буртасов: «*Итил (Волга) протекает по земле токуз-гузов*»; «*Река Буртас начинается с земли токуз-гузов*» (Ибн аль-Варди) (цит. по: [Кумек, 1972])¹. Название

¹ Необходимо особо подчеркнуть, что так как токуз-огузы здесь связываются непосредственно с землей буртасов, то бытующая в научных кругах версия отождествления ранними авторами верхней части реки

последней реки явно относится к существующей до сих пор одноименной реке Буртас на территории современной Мордовии (см. подр. об этом: [Гарипова, с. 309]), в состав которой вошла часть территории древних буртасов. В «Муджмал аттаварих» (XII в.) читаем: «*Области, прилегающие к берегам Булгара, называются „землями гузов“*» (цит. по: [Бакиров, с. 189]). Некоторые авторы это сообщение отождествляют также с токуз-огузами, подразумевая под выражением «берега Булгар» Среднюю Волгу.

Малоизвестные сведения Якута о болгарском городе Кушане (Кашане), а также о присутствии среди болгарского населения *токуз-огузов*, разумеется, совместно с подтверждающими это только что изложенными фактами приводят нас к заключению, что концепция о родине поэмы-дастана «Кыйссаи Йусуф» именно в самой Булгарии, действительно, имеет под собой серьезную основу, ибо на это указывают языковые факты, разъясняющие, почему в ее языке преобладают огузские и уйгурские элементы. Кроме того, на наш взгляд, это проливает свет, по признанию Н. А. Баскакова и наших лингвистов, на наличие огузской и уйгурской лексики в составе болгаро-татарского языка. Отсюда напрашивается резонный вывод, что языковые особенности «Кыйссаи Йусуф» объясняются не только взаимодействием с литературными языками на карлукско-уйгурской и огузо-кыпчакской диалектной основе Средней Азии, но и локальными особенностями болгаро-татарского разговорного языка. Примечательно и показательно еще то, что употреблявшийся савирским (Кавказ) и болгарскими правителями титул *эльтебер*, оказывается, берет начало также от токуз-гузов [Боровкова, с. 104], [Петров, с. 74].

Отнюдь не исключено также, что отмеченное Э. Наджибом бытование в Дешти-Кыпчаке еще до прихода орды Чингиз-хана племени с наименованием «татар» и, далее, принятие преемниками булгар этого же этнонима, очевидно, в определенной степени объясняется уже забытыми связями с этими уйгуро-угузоязычными токуз-огузами, в составе которых были и немонгольские татары. Это уникальное сведение содержится в персидском анонимном памятнике X века «Худуд ал-Алам», где говорится о государстве токуз-огузов (Гаочан) в Восточном Туркестане: «*Страна токуз-гузов больше всех областей тюрок, в ней больше всего населения. Правители всего Туркестана в прежние времена были из*

токуз-огузов. Они самые богатые среди тюрок, татары есть одно из племен токуз-огузов» [Бартольд, 1930, с. 160]. Проникновение и оседание части токуз-огузов на территории булгар Среднего Поволжья нам уже известно.

Как отмечает В. В. Радлов, у древних уйгуров было племя уч-табын (цит. по: [Каховский, 1982, с. 45]). Это часть токуз-уйгуров, которая обитала по реке Уч-Табын в Восточном Туркестане. Род табынцев был и в составе желтых уйгуров, и, что очень важно и показательно, они же засвидетельствованы в Муслумовском районе Татарстана в названиях деревень Верхний Табын и Нижний Табын. По свидетельству Дж. Г. Киекбаева, еще в прошлом веке кесе-табынцев, обитавших в долине реки Белой, называли уйгурами [Киекбаев, с. 72]. Эти данные тоже говорят в пользу того, что проникавшие еще в болгарское время в Среднее Поволжье уйгуры вошли в состав будущих татар и участвовали в определенных рамках в формировании болгаро-татарского литературного языка.

Список литературы

- Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
- Алмаз Дж. «Кыйссаи Юсуф» Али – болгаро-татарский памятник. М., 1960 (Доклад на XX Международном конгрессе востоковедов).
- Ахинжанов С. М. Кипчаки в истории Средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казах. ССР, 1989. 294 с.
- Аламень Агустин. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 604 с.
- Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2001. 687 с.
- Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. 1. М.: Наука, 1963. 195 с.
- Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 52–71.
- Боженков Л. Д. Древние связи Средней Азии. Ташкент, 1940. 284 с.
- Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан. М.: Наука, 1992. 185 с.
- Вайнерберг Б. И. Этнография Турана в древности. VII в. до н.э. VIII в. н.э. М.: Изд. «Восточное литературное» РАН, 1999. 359 с.
- Гарипова Ф. Г. Татарская гидронимия. Казань, 1998. 571 с.
- Каховский В. Ф. О чувашско-башкирских этнокультурных связях // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 41–57.
- Киекбаев Д. Ж. Фонетика башкирского языка. Уфа, 1955. 210 с.

Итил / Атиль с рекой Камой и идентификация ее начала с Агиделью (Белой) на территории башкир к данному сообщению относиться не может.

Краткая история уйгуров. Алма-Ата: Гылым, 1991. 256 с.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР, 1963. 148 с.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893. 130 с.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 324 с.

Халиков А. Х., Мухамедова Р. Г. Исторические источники этнокультурных параллелей между туркменами и татарами Поволжья и Приуралья // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. 159 с.

Бакиров М. Х. Лиро-эпик жанр буларак бәетләр // А. Г. Яхин, М. Х. Бакиров. Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1979. 170 б.

Якут аль-Хамави «Муджам аль-булдан». Бейрут, 1906.

Yaqut's dictionary of learned men, v.1-20, Cairo, 1938.

References

Agadzhanov, S. G. (1969). *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX–XIII vv.* [Essays on the History of the Oguzes and Turkmens of Central Asia in the 9th–13th Centuries]. 296 p. Ashkhabad, Ylym. (In Russian)

Akhinzhanov, S. M. (1989). *Kipchaki v istorii Srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. 294 p. Alma-Ata, "Nauka" Kazakh. SSR. (In Russian)

Alamen' Agusti (2003). *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in Ancient and Medieval Written Sources]. 604 p. Moscow, Menedzher. (In Russian)

Almaz, Dzh. (1960). "Kyissai Iusuf" Ali – bulgaro-tatarskii pamiatnik ["Kyissai Yusuf" Ali Is a Bulgaro-Tatar Monument]. Doklad na XX Mezhdunarodnoi kongresse vostokovedov. Moscow. (In Russian)

Artamonov, M. I. (2001). *Istoriia khazar* [Khazar History]. 2-e izd. 687 p. St. Petersburg. (In Russian)

Bakirov, M. Kh. (1979). *Liro-epik zhanr bularak bәetlär* [Verses as a Lyro-Epic Genre]. Iakhin A. G., Bakirov M. Kh. Fol'klor zhanrlaryn sistema itep tikshery tәҗribәse. 170 p. Kazan, Kazan un-ty nәshr. (In Tatar)

Bartol'd, V. V. (1963). *Sochineniia: v 9 t.* [Works: In 9 Vol.]. T. 1, 195 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bernshtam, A. N. (1947). *Problemy istorii Vostochnogo Turkestana* [Problems of East Turkestan History]. Vestnik drevnei istorii. No. 2, pp. 52–71. (In Russian)

Borovkova, L. A. (1992). *Problema mestopolozheniia tsarstva Gaochan* [The Problem of the Location of Gaochang Kingdom]. 185 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bozhenov, L. D. (1940). *Drevnie sviazi Srednei Azii* [Ancient Ties of Central Asia]. 284 p. Tashkent. (In Russian)

Garipov, a F. G. (1998). *Tatarskaia gidronimiia* [Tatar Hydronymy]. 571 p. Kazan'. (In Russian)

Iakut al'-Khamavi (1906). "Mudzham al'-bulda" ["Mujam al-buldan"]. Beirut.

Kakhovskii, V. F. (1982). *O chuvashsko-bashkirskikh etnokul'turnykh sviaziakh* [On Chuvash-Bashkir Ethnocultural Ties]. Voprosy etnicheskoi istorii Iuzhnogo Urala. Ufa, pp. 41–57. (In Russian)

Khalikov, A. Kh., Mukhamedova, R. G. (1977). *Istoricheskie istochniki etnokul'turnykh parallelei mezhdur turkmenami i tatarami Povolzh'ia i Priural'ia* [Historical Sources of Ethnocultural Parallels between the Turkmens and Tatars of the Volga and Ural Regions]. Problemy etnogeneza turkmenskogo naroda. 159 p. Ashkhabad, Ylym. (In Russian)

Kiebaev D.E. (1955). *Fonetika bashkirskogo iazyka* [Phonetics of the Bashkir Language]. 210 p. Ufa. (In Russian)

Kratkaia istoriia uigurov (1991) [A Brief History of the Uyghurs]. 256 p. Alma-Ata, Gylm. (In Russian)

Kumekov, B. E. (1972). *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The State of the Kimaks of the 9th–11th Centuries According to Arab Sources]. Alma-Ata. (In Russian)

Petrov, K. I. (1963). *Ocherk proiskhozhdeniia kirgizskogo naroda* [Essay on the Origin of the Kyrgyz People]. 148 p. Frunze. Izd. AN Kirg. SSR. (In Russian)

Radlov, V. V. (1893). *K voprosu ob uigurakh* [On the Issue of the Uighurs]. 130 p. St. Petersburg. (In Russian)

Tolstov, S. P. (1962). *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta* [Along the Ancient Deltas of the Oxus and Jaxartes]. In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia. 324 p. Moscow. Izd-vo vost. lit. (In Russian)

Vainerberg, B. I. (1999). *Etnografiia Turana v drevnosti. VII v. do n.e. VIII v. n.e.* [Ethnography of Turan in Antiquity. 7th Century BC. 8th Century AD]. 359 p. Moscow. Izd. "Vostochnaia literatura" RAN. (In Russian)

Yaqut's Dictionary of Learned Men (1938). V. 1–20, Cairo. (In English)

The article was submitted on 11.05.2021

Поступила в редакцию 11.05.2021

Бакиров Марсель Хаernasович,
доктор филологических наук,
профессор,
Республиканский Центр внедрения
и сохранения традиций в сфере культуры,

420060, Россия, Казань,
Пушкина, 66/33.
bakirovvolk@mail.ru

Bakirov Marsel Haernasovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Republican Center for Implementation
and Preservation of Traditions in the Field
of Culture,
66/33 Pushkina Str.,
Kazan, 420060, Russian Federation.
bakirovvolk@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-29-35
УДК 811.512.157

ЯЗЫК САХА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ ЯКУТИИ: САМОБЫТНОСТЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

© Надежда Борисова, Гульшат Галиуллина

THE SAKHA LANGUAGE IN THE MULTICULTURAL WORLD OF YAKUTIA: THE AUTHENTICITY OF PERIODICALS

Nadezhda Borisova, Gulshat Galiullina

The article attempts to rethink regional and national features of the periodicals in Yakutia, as well as to explore the uniqueness of their language and expressive means. Since the transformation of the entire media sphere takes place in the context of global integration, the regional national media system is changing: the merging of traditional and new media is taking place. In addition, there is a tendency to cover the processes, occurring in ethnic culture, through mass media. The only republican newspaper of the northern peoples "The Ilken" covers the issues and problems of the indigenous population, living in the region. Ethnic publications, such as "Dalbar Khotun", "Kye", "Kyym", "Tuymaada" in the Sakha language have the experience of conducting an interethnic dialogue, thanks to which they are included in the global network space, contributing to the rapprochement of peoples, their mutual understanding, and generating a tendency to preserve ethnic identity and national self-awareness.

Since there are two official languages in the republic, newspapers and magazines are mainly published in the Russian and Sakha languages. These publications are funded either by the state or by commercial, public structures. There are also publications established by corporations. The purpose of this study is to identify the uniqueness of Yakut periodicals. As a result, we observe a word-making activity, identify a special custom of the original language in the form of paired words, repetitions, as well as a desire to use idiomatic elements of the spoken language: epithets, metaphors, phraseological units and proverbs. In general, the language of periodicals with its cultural information is a kind of indicator of linguistic trends. This, we believe, affects the literary language of the Sakha people.

Keywords: national globalization, polyethnic region, periodical, ethnoculture, Sakha language, expressive means, literary language.

В статье предпринята попытка переосмыслить региональные и национальные особенности периодических изданий Якутии, а также исследовать уникальность языка и выразительных средств этих изданий. Поскольку трансформация всей медиасферы происходит в контексте глобальной интеграции, меняется региональная национальная медиасистема, происходит сочетание традиционных и новых медиа. Кроме того, наблюдается тенденция освещать процессы в этнической культуре через средства массовой информации. Единственная республиканская газета северных народов «Илкэн» освещает вопросы и проблемы коренных народов, проживающих в регионе. А этнические издания, такие как «Далбар хотун», «Үйэ», «Кыым», «Туймаада» на языке саха имеют опыт межнационального диалога, благодаря которому они включены в глобальное сетевое пространство, способствуют сближению народов и их взаимопониманию, а также порождают тенденцию к сохранению этнической идентичности и повышению национального самосознания.

Поскольку в республике два официальных языка, газеты и журналы преимущественно издаются на русском и языке саха. Эти издания финансируются либо государством, либо коммерческими, общественными структурами. Существуют также издания, учрежденные корпорациями. Целью данного исследования является выявление уникальности якутских периодических изданий. В результате наблюдается словотворческая активность, выделяется особый обычай языка оригинала в виде парных слов, повторов, а также стремление к идиоматическим элементам разговорного языка: эпитетам, метафорам, фразеологизмам и пословицам. В целом язык периодических изданий с его культурной информацией является своеобразным индикатором в отношении языковых тенденций. И это, как нам кажется, влияет и на литературный язык народа Саха.

Ключевые слова: нациоглобализация, полиэтнический регион, периодическое издание, этнокультура, язык саха, выразительные средства, литературный язык.

Этнический мир Якутии (далее – РС(Я)), приобретя регионально-национальные особенности, развивается под влиянием мировых и общероссийских тенденций. Соответственно, нациоглобализация медиасистемы республики имеет свои собственные тенденции. Во-первых, возросла роль медиасистемы в Интернете, то есть наблюдается сочетание традиционных и новых массмедиа, таких как интернет-издания и социальные сети. Во-вторых, массмедиа используются для освещения процессов в этнической культуре народов [Якимов].

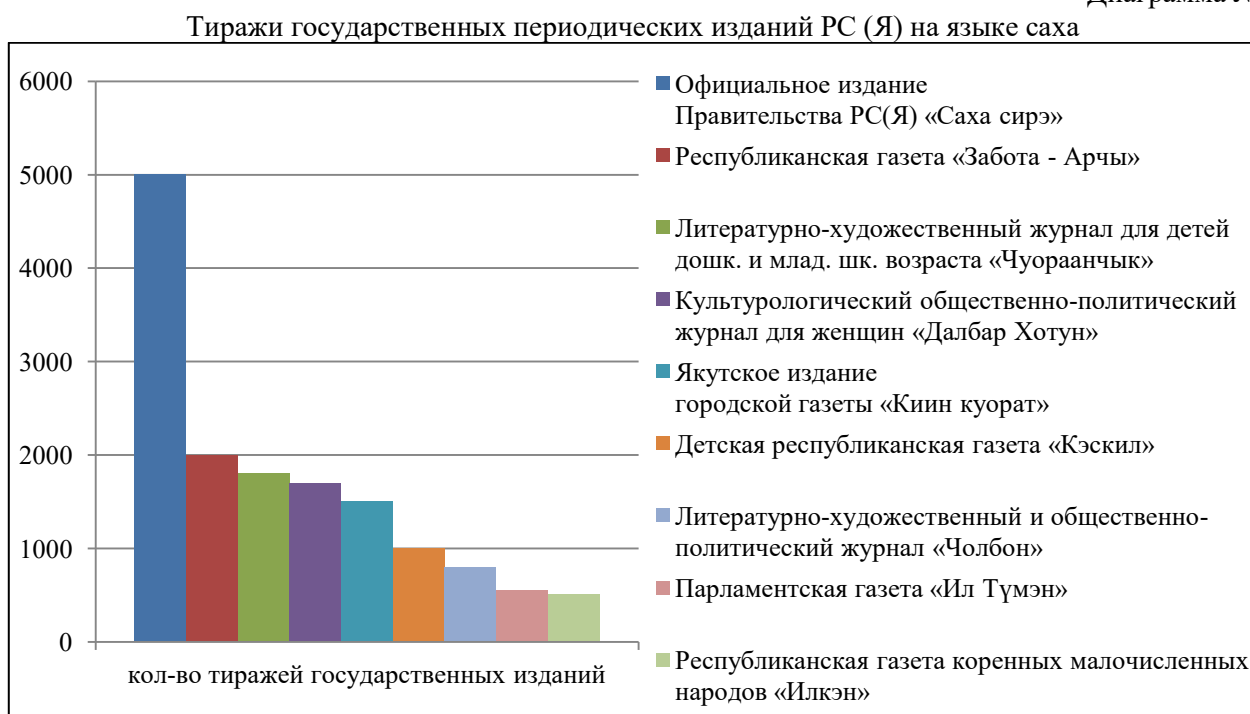
Очевидно, что с развитием интернет-СМИ количество печатных изданий с каждым годом уменьшается. Однако редакции печатных изданий Якутии фактически сохраняют свою роль. Заметим, что интерес к национальным печатным изданиям, особенно в сельской местности, не снижается. В этой связи следует отметить издательство «Айар» имени С. А. Новгородова, которое вносит неоценимый вклад в развитие образования, культуры и духовности РС (Я), сохранение и развитие языка саха и языков малочисленных народов Севера. Также отраднo, что Якутия стала самым читающим регионом в 2020 году и признана Литературным флагманом России.

На сегодняшний день в Якутии зарегистрировано 226 массмедиа. Из них 177 являются печатными периодическими изданиями: 125 газет и 52 журнала. Среди этих изданий хочется отме-

тить первый и единственный печатный орган северных народов «Илкэн», который освещает вопросы и проблемы коренных народов, проживающих в регионе. Газета издается на государственном русском, а также государственном якутском, официальных – долганском, эвенском, эвенкийском, чукотском и юкагирском языках с ноября 1999 года. Данное издание освещает не только самобытные традиции, культуру и литературу этнических наций, но и вопросы, проблемы коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории данного региона. Остальные газеты и журналы в республике издаются на русском и языке саха, так как в республике два государственных языка.

Региональные периодические издания финансируются либо государством, либо коммерческими, общественными структурами. Существуют также издания, учрежденные корпорациями. Всего в республике издается 56 газет и 4 журнала, учрежденных властными органами в лице правительства, министерств, администраций городов [Аргылов]. Так, в сфере государственных изданий улусные (районные) газеты функционируют в 34 муниципальных образованиях республики [Свитич, Сидоров, Смирнова]. Помимо улусных газет, выпускаются государственные периодические издания республиканского масштаба. Часть из них издается на языке саха (см. диаграмму №1).

Диаграмма №1

Итак, государственные издания на языке саха в медиапространстве республики представлены официальной газетой Правительства РС (Я) «Саха сирэ» («Якутская земля / страна») тиражом около 5 тысяч экземпляров, еженедельной газетой администрации города Якутска «Киин куорат» («Столица») (тираж около 1,5 тысяч экземпляров), детской республиканской газетой «Кэскил» («Будущее») (тираж около 1 тысячи экземпляров). Издаются журнал для женщин «Далбар Хотун» («Хозяйка»), литературно-художественный журнал для детей «Чуораанчык» («Колокольчик»), литературно-художественный журнал «Чолбон» («Звезда»), литературный альманах

«Күрүлгэн» («Водопад»). Существуют государственные издания, которые выходят на двух языках. Это парламентская газета «Ил Түмэн» и республиканская газета «Забота – Арчы», посвященная проблемам социальной защиты.

В республике также функционируют негосударственные издания на языке саха (см. диаграмму №2). Из них особо выделяется этническая газета «Кыым» («Искра»), которая позиционирует себя как «народная газета». Тираж ее достигал 33 тысяч, и не раз это отмечалось на всероссийских фестивалях прессы как феномен. Сегодня ее объем составляет 48 полос, тираж еженедельника достигает около 16500 экземпляров.

Диаграмма №2

Тиражи негосударственных периодических изданий РС (Я) на языке саха

Негосударственное издание также представляет гляцевый журнал «Үйэ» («Век»), тираж которого составляет 10 тысяч экземпляров. Журнал считает своей миссией сохранение истории и культуры народа Саха. Далее выходит газета «Туймаада» на двух языках: русском и саха – как свободное издание (тираж около 4 тысяч экземпляров). Газета названа в честь долины Туймаада, где сейчас расположена столица республики Якутск. К числу следующих негосударственных изданий относятся журналы «Байдам» для сельских предпринимателей (тираж около 4 тысячи экземпляров) и «Байанай» для рыболовов и охотников (тираж около 2,5 тысячи экземпляров). Согласно верованиям якутской мифологии, Байанай – дух природы, покровитель охотников.

В последние годы, особенно после переиздания орфографического словаря «Сахалыы таба суруйуу тылдьыта» (2015) и выхода многолетнего труда ученых – 15-томного Большого толкового словаря якутского языка (2018), среди са-

хазычных журналистов наблюдается интерес к уникальным образованиям со специфическими средствами языка оригинала, а также желание «оживить» письменную речь выразительными средствами разговорного языка. Следует заметить, что в 15 томах толкового словаря на 9496 страницах даны толкования 80 тысяч слов [Монастырев, Васильева, Аммосова, с. 92].

Итак, исследование позволило выделить следующие особенности языка оригинала и средства выразительности речи в периодических изданиях:

1. Наблюдается образование новых слов – неологизмов, когда в языке нет вариантов адекватного выражения, а также переосмысление, возрождение значения старых или существующих слов. Например:

а) *ХАМСЫК 'коронавирус'. Ол эрэри, хамсык ытарчалыы ылан, Арасыйыа экэниэмикэтигэр, аан дойду бэлиикэтигэр уустук быһыы-майгы бүрүүкээн эрэр* [Кыым, № 42, с. 4]. – «Однако сложная ситуация

в Российской экономике и мировой политике накаляется из-за распространения коронавируса (здесь и далее разрядка и перевод наш – Н. Б., Г. Г.).

ДЬАНСЫК 'пандемия'. *Дьянсык хаптайдабына, аан дойдуну кэрийэ барыхпытын бабарабыт* [Далбар Хотун, № 6, с. 14]. – 'Когда пандемия закончится, мы хотим путешествовать по миру'.

КУОРТАМ 'аренда'. *Үгүс дьон икки дьилээхтэриттэн биирин куортамна биэрэн эбии дохуоттаналлар* [Саха сирэ, № 42, с. 6]. – 'Многие люди получают дополнительный доход, сдавая в аренду одно из двух зданий'.

ТҮМЭЛ 'музей'. *Ити түмүгэр, Эрмитаж түмэлэ Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Ян Ван Эйк улуу, аан дойду таһымнаах шедеврдэриттэн маппыта* [Кыым, № 42, с. 3]. – 'В результате, музей Эрмитаж лишился великих, мирового уровня шедевров Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Яна Ван Эйка'.

КУЙААР СИТИМЭ 'интернет'. *Куйаар ситимэ тэтимнээхтик киирбит үйэтигэр дьыбэ олон араас сонуннары билиэххин, элбэх дьону кытары билсэххин сөп* [Үйэ, № 4, с. 38]. – 'Благодаря быстрому проникновению интернета можно, находясь дома, узнавать разные новости, знакомиться со многими людьми'.

Эти новые слова, сравнительно недавно вошедшие в обиход, уже стали привычными и общепотребительными для народа. Нам кажется, что изменения в сознании людей, в культуре вызывают потребность в таких новых словах:

б) **ИЛ ДАРХАН** 'глава'. *Саха өрөспүүбүлүкэтэ, үрдүкү дуоһунастаах салайааччытын «баһылык» диэн сөбүлээминэ, «Ил Дархан» диэн аат тобулан киллэрбитэ* [Кыым, № 42, с. 13]. – 'Республика Саха (Якутия), которой не понравилось название «глава» для ее высшего должностного лица, ввела титул «Ил Дархан»'.

Следует отметить, что слово *Дархан* (устар.) – это возрождение старого, забытого, переводимого как «солидный, почтенный» [Большой толковый ..., с. 112–113]. А слово *Ил* (тюрк.) – «народ, племенной союз, государство, мир, согласие» [Там же, с. 605].

ХААЛЫК 'лыжная палка' (диал.). *Хаалыкка тирэнэн хаамы сүрэх тэбиитин күүһүрдэр, хаан эргирин түргэтэтэр, унуоҕу кытаатыннар, илии-атах, сис былчыннарын сайыннарар* [Үйэ, № 4, с. 41]. – 'Ходьба с палками (скандинавская ходьба) усиливает сердцебиение, ускоряет кровообращение, укрепляет кости, развивает мышцы рук, ног и спину'.

В этом примере, нам кажется, прослеживается диалектная лексика, связанная с традиционным занятием саха – ходьбой на лыжах на охоте.

2. Журналисты мастерски используют в своих материалах парные слова и повторы, представляющие собой особый узуальный пласт языка саха. Например:

а) *Төһө да сэниэ-сылба барбытын, үп-харчы ороскуоттаммытын иһин, ону толуйар үйэлээх тутуу! Кут-сүр бөбөргүүр, күүс-уох түмүллэр, өй-санаа өрөгөйдүүр, сырдык ыра олохсуйар Горнайбыт үүнэ-сайда, чэчири турарыгар бигэ эрэллээхпин* [Үйэ, № 3, с. 7]. – 'Несмотря на все усилия и потраченные средства, это долговременное сооружение! Уверен, что наш Горный улус, в котором крепнет дух, объединяются силы, возвышаются умы, живет светлая мечта, будет расти и процветать'.

Дьикти бабайы, сэбизскэй кэмнэ үп-харчы туһунан толкуй суох буолара да, үлэ-хамнас, былаан-сорук барыта этэннэ бүтэн-оһон, онорулан иһэр буолара. Сааһырдахха, аат-суол, чыын-хаан туох да суолтата суох эбит [Кыым, № 30, с. 7]. – 'Как ни странно, в советское время не было мысли о деньгах, но все дела, планы и задачи заканчивались благополучно. В старости имя и чин (звание) не имели никакого значения'.

Как видно, парные слова свободно воспроизводимы и, выражая различные понятия, имеют более общее значение:

б) *Ньыыкан үп-үрүн ыраас халааттаах, илиитин сотору-сотору суунар эбит* [Туймаада, №. 17, с. 11]. – 'Никон был в белом-пребелом халате, часто умывал руки'; *Көлүөнэ-көлүөнэ тус-туһунан өйдөбүллээх буоларын киһи сааһа эбиллэн истэбин ахсын дьэнкэтин өйдүүр буолар эбит* [Үйэ, № 4, с. 38]. – 'Оказывается, чем старше становится человек, тем яснее он понимает, что у каждого поколения есть свое особое понимание'; *Нэһилиэнньэ үөрэхтээх буолуута дойдудойду ахсын араас таһымнаабын мэлдьэһэр табыллыбат* [Үйэ, № 3, с. 3]. – 'Нельзя отрицать, что уровень образования населения в каждой местности разный'.

В этих примерах слова с повторением основы выражают множественность предметов и придают высказыванию яркую эмоциональную окраску для усиления эмоционального воздействия речи.

3. Наблюдается стремление к выразительным, идиоматическим элементам разговорного языка: пословицам, метафорам, эпитетам, олицетворениям.

а) Умелое использование журналистами пословиц придает речи яркость, убедительность, силу: *Киһи куннээх, балык ыамнаах дэнэрини Куола уол утүөкэннээх сүөһү көрөөччү буолбута...* [Туймаада, № 42, с. 5]. – ‘Как говорится, у человека бывает время светлых дней, у рыбы – время, благоприятное для икрометания, Коля стал прекрасным скотоводом...’; *Ким эрэ тангара маһа, ким эрэ күрдүөх маһа буолар аналлаах буоллахпыт...* [Там же]. – ‘Кто-то из нас назначен для иконы, а кто-то – для лопаты...’; *Инчэбэй тирбэбэ быстыбатыныы, хаахыныыр мас охтубатыныы ураанхай сахалар тулуйан, тулуктаһан көрүүбүн* [Там же]. – ‘Как ни рвется сыромятный ремень, как ни валится скрипучее дерево, давайте терпеть, уряхайцы’; Олох диэн араас. *Бүгүн эн – ат үрдүгэр, сарсын – ат өрөбөтүгэр!* [Кыым, № 30, с. 19]. – ‘Сегодня ты оказываешься на коне, а завтра – под конем!’.

б) В определенной ситуации метафоры употребляются для замены той или иной единицы:

ХОРОБОР МУОСТААХ, СЫСПАЙ СИЭЛЛЭЭХ – ‘коровы, лошади’. *Хоробор муостаабы, сыспай сиэллээби баһаран туран иттии модун хорсун санааны эрийэр* [Байдам, № 5, с. 13]. – ‘Чтобы разводить высокорогатых, густогривых, требуется большое мужество’;

КУУРУССА СААРЫСТЫБАТА – ‘куриный мир’. Тус хотугу куурусса саарыстыбата [Байдам, № 4, с. 16]. – ‘Царство куриц на Севере’;

ТИМИР КӨЛӨ – ‘автомобиль, машина’. *Тимир көлөнү айааһыыр суопшардар* [Үйэ, № 4, с. 46]. – ‘Водители, объезжающие железного коня’;

ДОЙДУ ТЭБЭР СҮРЭБЭ – ‘Москва’. *Дойду тэбэр сүрэбиттэн* кыайы кынаттаах [Саха сирэ, № 42, с. 25]. – ‘Из сердца нашей страны на крыльях победы’.

в) Иногда олицетворение выступает как одна из разновидностей метафоры: *Хара тыа харабын уутунан суунна* [Байдам, № 5, с. 28]. – ‘Дремучий лес омыл глаза слезами’; *Тутуон эрэ кэрэх, мас «ыллаабы тынан» барар...* [Байдам, № 5, с. 34]. – ‘Как только строишь, дерево «поет»...’.

Кроме того, употребляются красочные определения – эпитеты:

Кини үрүйэ сырдык ыраас уутунуу кылыгырыы сүүрэр куолаһыттан ырыа бастагы матыыптарын кэрэ дьүрүскэнэ тохтон барда даһаны, саала иһэ ытыс тыаһынан хабылла түһэр [Далбар Хотун, № 5, с. 20]. – ‘От ее голоса, сверкающего, как чистая вода из ручья, прервалась прекрасная ме-

лодия первого куплета песни, но зал был охвачен аплодисментами’.

Таким образом, специфические особенности языка и выразительные средства якутской периодики в определенном смысле являются самобытным, своеобразным индикатором различных тенденций в развитии литературного языка народа Саха. А литературный язык, как известно, является воплощением духовной культуры и средством самовыражения народа. Следует отметить, что без развития национальной культуры, как пишет академик П. А. Слепцов, нет национального развития [Слепцов, с. 194]. Следовательно, нет нации как самобытной этнической общности. Поэтому очень важно иметь в республике качественные издания на родном языке исконных жителей Якутии.

Такие этнические издания, как «Далбар Хотун», «Үйэ», «Кыым», «Туймаада» и другие на языке саха имеют опыт межнационального диалога, благодаря которому они включены в глобальное сетевое пространство. Их роль заключается не только в сохранении и преумножении национальной культуры, родного языка, традиций, но и в предоставлении возможности познакомиться с другими народами, их традициями, обычаями, культурой. Тем самым эти издания способствуют сближению народов и их взаимопониманию, а также порождают тенденцию к сохранению этнической идентичности и повышению национального самосознания.

Список литературы

Аргылов Н. А. Медиаполитика Республики Саха (Якутия) в современных условиях: концепция, направления, способы реализации: дис. ... канд. политических наук: Санкт-Петербург, 2019. 376 с. URL: https://disser.spbu.ru/files/2018/disser_argylov_na.pdf (дата обращения: 05.10.2021).

Большой толковый словарь якутского языка / АН РС (Я). Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, Том III. (Буквы Г, Д, Дь,И), 2006 г. 844 с.

Монастырёв В. Д., Васильева Н. Н., Аммосова Ия. В. «Большой толковый словарь якутского языка»: новое достижение якутской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2021. № 19. С. 92–108. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44875758_98068826.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

Свитич Л. Г., Сидоров О. Г., Смирнова О. В. Улусные (районные) газеты Республики Саха (Якутия): социологическое исследование (опрос редакторов и журналистов). Новосибирск: Наука, 2017. 140 с.

Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) // П. А. Слепцов; [сост.: д. филол. н. Н. И. Данилова, к. филол. н. Н. Н. Васильева; отв. ред. к. филол. н. Н. И. Иванова]; Совет по яз.

политике при Президенте РС (Я), Ин-т гуманитар. ис- след. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2008. 544 с.

Якимов О. Д. Трансформация медиасистемы Рес- публики Саха (Якутия) в условиях глобализации // Вестник Северо-Восточного федерального универси- тета им. М. К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 99–104. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20332295_14615304.pdf (дата обращения: 05.10.2021).

Байдам. Александр Корякин: «Үлэ киһиэхэ куһаҕаны онорбот» // Байдам бааһынай. 2021. № 5 (67). С. 13–15.

Байдам. Тус хотугу куурусса саарыстыбата // Байдам бааһынай. 2021. № 4 (66). С. 16–19.

Байдам. Хара тыа хараҕын уутунан суунна // Айылҕа. 2021. № 5 (67). С. 28–29.

Байдам. Тутуон эрэ кэрэх, мас «ыллаабытынан» барар... // Уус кыһата. 2021. № 5 (67). С. 34–37.

Далбар Хотун. Умсуура Ырыа ыллыгынан // Киһи – бүппэт ырыа. 2021. № 6 (152). С. 10–14.

Далбар Хотун. Истий ырыам тылларын // Айар кут. 2021. № 5 (151). С. 20–23.

Кыым. Аан дойду олоҕо: сэрингэ эрэ тийбэтэрбит // Тирэх санаа. 28.10.2021. № 42 (22541). С. 4.

Кыым. Ускуустуба айымньыларын бачаачайдааһын // Аан дойду. 28.10.2021. № 42 (22541). С. 3.

Кыым. Татарстан парламена утарда // Тосхол. 28.10.2021. № 42 (22541). С. 13.

Кыым. Киһи тоҕо олороруй? // Ыйытык. 05.08.2021. № 30 (22529). С. 7.

Кыым. Психолог Лена Авелева: «Ылал – ийэтинэн» // Соргу. 05.08.2021. № 30 (22529). С. 19.

Саха сирэ. Төлүүргүн умнума! // Нолуок. 28.10.2021. № 42 (6283). С. 6.

Саха сирэ. Дойду тэбэр сүрэбиттэн кыайы кынаттаах // Хаһыат уонна ааҕааччы. 28.10.2021. № 42 (6283). С. 25.

Туймаада. Хата... // Эйгэ. 06.05.2021. № 17 (559). С. 11.

Туймаада. Сымыйалыыр диэмэн... // Олох-дьаһах. 28.10.2021. № 42 (584). С. 5.

Үйэ. «Дьоллоох киһи дьону дьоллуур» // Олох оргуйар ортотугар. 2021. № 4 (75). С. 38–39.

Үйэ. Скандинавскай хаамы дьону түмэр, чөл олоххо уһуйар // 2021 сыл – Доруобуйа сыла. 2021. № 4 (75). С. 41.

Үйэ. Никита Андреев: «Биһиги – күүспүт түмсүүгэ!» // XXI үйэ аҕа баһылыктара. 2021. № 3 (73). С. 4–7.

Үйэ. Оҕо саас ахтылҕана // Оскуолатааҕы доҕоттору түмэр бэлиэ дьон. 2021. № 4 (75). С. 38–39.

Үйэ. Люксембург: үгүһү, дириги – чуумпутук, судургутук // Редактор суруга. 2021. № 3 (73). С. 3.

Үйэ. Тимир көлөнү айааһы суонпардар // Удьуор утума. 2021. № 4 (75). С. 46–47.

kontseptsii, napravleniia, sposoby` realizatsii: dis.... kand. politicheskikh nauk [Media Policy of the Republic of Sakha (Yakutia) in Modern Conditions: Concept, Directions, Ways of Implementation: Ph.D. Thesis]. 376 p. St. Petersburg State University, St. Petersburg. https://disser.spbu.ru/files/2018/disser_argylov_na.pdf (accessed: 05.10.2021). (In Russian)

Baidam. (2021). *Aleksandr Koriakin: “Yle` kihie`xe` kuhaḡany` onorbot”* [Alexander Koryakin: “Work Does No Harm to a Person”]. Baidam baahynai, No. 5 (67), pp. 13–15. (In Yakut)

Baidam. (2021). *Tus xotugu kuurussa saary`sty`bata* [The Chicken Kingdom in the North]. Baidam baahynai, No. 4 (66), pp. 16–19. (In Yakut)

Baidam. (2021). *Khara ty`a kharagyn` uutunan suunna* [The Larch Forest Is Weeping]. Aiylḡa, No. 5 (67), pp. 28–29. (In Yakut)

Baidam. (2021). *Tutuon e`re` ke`re`kh, mas “y`llaaby`ty`nan” barar...* [As Soon As You Hold It in Your Hands, the Tree Begins to “Sing”...]. Uus kyhata, No. 5 (67), pp. 34–37. (In Yakut)

Bol`shoi tolkovy`i slovar` iakutskogo iazy`ka (2006) [A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. AN RS (YA). In-t gumanit. issled.; pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. III. (Letters G, D, D.I). 844 p. Novosibirsk, Nauka. (In Yakut, in Russian)

Dalbar Khotun (2021). *Y`ry`a y`lly`gy`nan* [The Song Path]. Kihi – byppet yrya, No. 6 (152), pp. 10–14. (In Yakut)

Dalbar Khotun (2021). *Istii y`ry`am ty`llary`n* [Listen to the Words of My Songs]. Aiara kut, No. 5 (151), pp. 20–23. (In Yakut)

Iakimov, O. D. (2012). *Transformatsiia mediasistemy` Respubliki Sakha (Iakutiia) v usloviakh globalizatsii* [Transformation of the Media System of the Republic of Sakha (Yakutia) in the Context of Globalization]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Tom 9, No. 2, pp. 99–104. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20332295_14615304.pdf (accessed: 05.10.2021). (In Russian)

Kyym (28.10.2021). *Aan doidu oloḡo: se`riige` e`re` tiiibe`te`rbat* [International Life: Provided There Was No War]. Tirekh sanaa, No. 42 (22541), pp. 4. (In Yakut)

Kyym (28.10.2021). *Uskuustuba aiy`mn`y`lary`n bachaachaidaaḡy`n* [Squandering a Work of Art]. Aan doidu, No. 42 (22541), pp. 3. (In Yakut)

Kyym (28.10.2021). *Tatarstan parlamena utarda* [The Parliament of Tatarstan Objected]. Toshol, No. 42 (22541), pp. 13. (In Yakut)

Kyym (05.08.2021). *Kihi toḡo olororui?* [Why Does a Person Live?]. Yiytyk, No. 30 (22529), pp. 7. (In Yakut)

Kyym (05.08.2021). *Psiholog Lena Aveleva: “Y`al – iie`tine`n”* [Psychologist Lena Aveleva “The Keeper of the Hearth”]. Sorgu, No. 30 (22529), pp. 19. (In Yakut)

Monasty`rev, V. D., Vasil`eva, N. N., Ammosova, Ia. V. (2021). *“Bol`shoi tolkovy`i slovar` iakutskogo iazy`ka”*: novoe dostizhenie iakutskoi leksikografii [“Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language”: A New Achievement of the Yakut Lexicography]. Voprosy leksikografii, No. 19, pp. 92–108.

References

Argylov, N. A. (2019). *Mediapolitika Respubliki Sakha (Iakutiia) v sovremenn`kh usloviakh*:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44875758_98068826.pdf (accessed: 10.11.2021). (In Russian)

Sakha sire` (28.10.2021). *Telyyrgyn umnuma!* [Don't Forget to Pay!]. Noluok. No. 42 (6283), pp. 6. (In Yakut)

Sakha sire` (28.10.2021). *Doidu te`be`r syre`jitte`n ky`aiy`y` ky`nattaax* [On the Wings of Victory from the Very Heart of Our Country]. Hahyat uonna aаҕааччы. No. 42 (6283), pp. 25. (In Yakut)

Svitich, L. G., Sidorov, O. G., Smirnova, O. V. (2017). *Ulusny`e (raionny`e) gazety` Respubliki Sakha (Iakutiia): sotsiologicheskoe issledovanie (opros redaktorov i zhurnalistov)* [Ulusnye (District) Newspapers of the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Research (Survey of Editors and Journalists)]. L. G. Svitich, O. G. Sidorov, O. V. Smirnova. 140 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)

Sleptsov, P. A. (2008). *Stupeni i problemy` iakutskogo iazy`koznaniia (sbornik nauchny`kh statei)* [Stages and Problems of Yakut Linguistics (A collection of scientific articles)]. P. A. Sleptsov; sost.: d. filol. n. N. I. Danilova, k. filol. n. N. N. Vasil'eva; otv. red. k. filol. n. N. I. Ivanova; Sovet po iaz. politike pri Prezidente RS (YA), In-t gumanit. issled. i problem malochisl. narodov Severa SO RAN. Iakutsk, IGIIPMNS SO RAN. (In Russian)

Tuimaada (06.05.2021). *Khata...* [Finally....]. Eige, No. 17 (559), pp. 11. (In Yakut)

Tuimaada (28.10.2021). *Sy`my`ialy`y`r die`me`n...* [Don't Say I'm Deceiving]. Olokh-d`ahakh, No. 42 (584), pp. 5. (In Yakut)

Yie` (2021). *"D`ollookh kihi d`onu d`olluur"* ["A Happy Person Makes People Happy"]. Olokh orguiar ortotugar, No. 4 (75), pp. 38–39. (In Yakut)

Yie` (2021). *Skandinavskai khaamy`y` d`onu tyte`r, chel olokhkho uhuia* [Scandinavian Walking Unites People, Introduces Them to a Healthy Lifestyle]. 2021 syl–Doruobuia syla. No. 4 (75), pp. 41. (In Yakut)

Yie` (2021). *Nikita Andreev: "Bihigi – kyy`spyt tymsyyge`!"* [Nikita Andreev: "Unity Is Our Strength!"]. XXI yie aҕа bahylyktara, No. 3 (73), pp. 4–7. (In Yakut)

Yie` (2021). *Oҕо саас axty`lҕana* [Childhood Nostalgia]. Oskuolataaҕy doҕottoru tymer belie d`on, No. 4 (75), pp. 38–39. (In Yakut)

Yie` (2021). *Liuksemburg: ygyhy, dirini – chuumputuk, sudurgutuk* [Luxembourg: Does a Lot, Deeply – Calmly, Simply]. Redaktor suruga. No. 3 (73), pp. 3. (In Yakut)

Yie` (2021). *Timir kolony aiaahy`y`r suoppardar* [Drivers Who Ride an Iron Horse]. Ud`uor utuma, No. 4 (75), pp. 46–47. (In Yakut)

The article was submitted on 08.11.2021

Поступила в редакцию 08.11.2021

Борисова Надежда Марковна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Северо-Восточный федеральный университет,
677013, Россия, Якутск,
Кулаковского, 42.
borisovanm1963@mail.ru

Borisova Nadezhda Markovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
North-Eastern Federal University,
42 Kulakovsky Str.,
Yakutsk, 677013, Russian Federation.
borisovanm1963@mail.ru

Галиуллина Гульшат Раисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
caliullina@list.ru

Galiullina Gulshat Raisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
caliullina@list.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-36-44
УДК 811.161.1

**ФУНКЦИИ ВЕРБАЛЬНОГО РЯДА
В ГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Н. ОЛЕЙНИКОВА
ПРО МАКАРА СВИРЕПОГО)**

© Александра Брыкова

**FUNCTIONS OF A VERBAL PART OF GRAPHIC STORIES
(BASED ON THE TEXTS OF N. OLEYNIKOV'S STORIES ABOUT MAKAR
THE FIERCE)**

Aleksandra Brykova

The study discusses some aspects of a verbal part of the graphic stories about Makar the Fierce, as a type of a creolized text, written by N. Oleynikov and published in the Leningrad children's magazine "Yozh" ('The Hedgehog') in 1929–1931. The article shows that graphic stories as a polycode genre demonstrate special type of visual and verbal coordination so that the text of a graphic story depends on its visual part and performs structural and compensatory functions. The text makes it possible to identify the beginning and the end of the story, to expand the temporal and geographic boundaries of the plot using temporal localized and non-localized predicates (usual and repeated actions). The text also helps to make the plot constituent and rhythmic, and to create the entire image of a character (because of unmis-takable references and a cinematic trick of voice-over with the help of onomatopoeic words). Moreover, the narrative structure of graphic stories for younger children has something in common with a repre-sentative and iconic type of discourse but finds more lexical and syntax complexity so that it would corre-spond to the children's communicative ability and, at the same time, improve their communicative com-petence.

Keywords: creolized text, graphic story, Makar the Fierce, N. Oleynikov, magazine "Yozh", repre-sentative and iconic type of discourse.

Предметом обсуждения в статье становится специфика организации вербального ряда одного из типов креолизованного текста – детских графических рассказов про Макара Свирепого, напеча-танных Н. Олейниковым в ленинградском журнале «Еж» в 1929–1931 гг. Графические рассказы, как поликодовый жанр, обнаруживают специфическое взаимодействие вербальной и визуальной их составляющей, и анализ показывает, что текст в таком рассказе находится в подчинительной позиции относительно визуального ряда и выполняет структурную и компенсаторную функции. Он позволяет идентифицировать начало и конец рассказа, расширить пространственные и темпо-ральные границы хронотопа, введя туда действия как локализованные, так и не локализованные на временной оси (привычные и повторяющиеся). Также текст помогает обеспечить сюжету последо-вательное развертывание, ритм и целостность восприятия за счет точной референции и кинемато-графического приёма «озвучания» произведения, за который отвечают звукоподражательные сло-ва. Одновременно с этим нарратив графических рассказов для детей младшего школьного возраста обнаруживает признаки репрезентативно-иконического дискурса, но не воспроизводит его, а ус-ложняет как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, тем самым одновременно и отве-чая коммуникативным потребностям читателей-детей, и повышая уровень их коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: креолизованный текст; графический рассказ; Макар Свирепый; Н. Олейников; журнал «Еж»; репрезентативно-иконический дискурс.

Введение

В условиях современной коммуникации, предполагающей при передаче информации ак-

тивное использование элементов невербального характера (иллюстраций, графиков, гифок и пр.), изучение неомогенных по своей символической

структуре текстов, которые принято называть креолизированными [Сорокин, Тарасов], или поликодовыми, становится все более актуальным как с позиций когнитивной лингвистики, так и с позиций нарративно-коммуникативного и прагматического подходов. Причем в случае с произведениями детской литературы объектом анализа становятся не только и не столько комиксы [Сонин], но и тексты, предполагающие четкое пространственное разделение визуальной и вербальной составляющей, в основе которой лежит не диалог, как в комиксах, а монолог, что заведомо усложняет принципы взаимодействия двух этих знаковых систем.

Типологически тексты подобного рода определяются в разных исследованиях с помощью различных, условно синонимичных терминов – книжки-картинки (калька с английского термина *picturebook*) [Скаф], рассказ в картинках, графический рассказ [Корнилова]. Последний из предложенных терминов представляется нам наиболее удачным для целей данной статьи, так как он, на наш взгляд, является наиболее емким и актуализирует двойственную, визуально-вербальную, природу исследуемого объекта¹.

Однако, насколько можно судить по обзору работ, в первую очередь зарубежных (см., например, [Arizpe, Style], [Hamer, Nodelman, Reimer], [Kummerling-Meibauer], [Nikolajeva, Scott, 2001]²), анализу текста таких произведений исследователи обычно уделяют значительно меньше внимания, чем, скажем, исследованию визуального ряда – в аспекте литературно-художественном или педагогическом (вопросы чтения и обучения). В то время как собственно лингвистический анализ креолизированных произведений позволяет не только более точно определить их художественно-эстетическую природу,

но и оценить их с позиции соответствия текста когнитивным и языковым возможностям читателей-детей.

Несмотря на то, что «книжки с картинками» ожидаемо являются более привлекательными для детей, чем книжки без картинок, интуитивное предположение об их большей простоте для восприятия остается спорным, что хорошо показано, например, в работе П. Нодельмана [Nodelman], а также в работах ряда российских когнитивистов и психологов [Блинова, Щербакова], проведенных, однако, не на материале детской литературы. Анализ вербального ряда в таком случае помогает понять, какие задачи выполняет лингвистический уровень текста, находясь в случае графического рассказа в заведомо подчинительной, относительно визуального ряда, позиции, как он способствует (или не способствует) лучшему пониманию авторской – эстетической, воспитательной, развлекательной – задачи произведения. Особенно когда речь идет о произведениях, созданных в ранний советский период, историко-культурные особенности которого наложили свой отпечаток на тексты многих авторов, в том числе (а может быть, и в первую очередь) на тексты детских писателей. И графический рассказ занимал среди этих текстов не последнее место, о чем свидетельствует большое тематическое разнообразие таких рассказов, печатавшихся в советских детских журналах и нередко объединенных в серии. К наиболее популярным можно отнести рассказы 30-х гг. прошлого века про Умную Машу (выходившие в журнале для детей младшего возраста «Чиж») и Макара Свирепого (выходившие в журнале для детей старшего возраста «Еж»).

Общая характеристика материала: графические особенности

Макар Свирепый был одним из постоянных персонажей журнала «Еж» (1928–1935), обеспечивавших ему, наряду с другими постоянными персонажами, гипертекстовую связность. Прототипом Макара Свирепого стал Н. Олейников, работавший в это время главным редактором «Ежа» и нередко подписывавший свои произведения, в том числе исследуемые рассказы, псевдонимом Макар Свирепый. В качестве иллюстратора выступал А. Успенский, нарисовавший персонаж, чье портретное сходство с Н. Олейниковым легко усматривалось за счет характерного казацкого чуба.

Рассказы выходили в журнале в период с 1929 по 1931 гг. и представляли собой серию сюжетно связанных картинок, выполненных в черно-белой, графической манере и объединен-

¹ Мы осознанно оставляем за рамками статьи более подробное обсуждение вопроса терминологии жанра, так как его освещение не представляется необходимым для целей лингвистического анализа. То же касается и термина «креолизированный текст», конкурирующего с терминами «полимодальный текст», «поликодовый текст», о чем достаточно подробно написано в статье А. А. Бернадской [Бернадская].

² Относительно работы М. Николаевой и С. Скотт необходимо сделать отдельное замечание: в работе представлен довольно целостный анализ детских книг с картинками (*picturebooks*), в том числе разработан набор функций текста применительно к особенностям его взаимодействия с визуальным рядом (см. также более раннюю работу М. Николаевой и С. Скотт [Nikolajeva, Scott, 2000]). Однако это не отменяет того факта, что основное внимание авторов сконцентрировано все же на анализе литературоведческих аспектов исследуемых ими произведений.

ных прозаическим текстом. От иллюстрированных рассказов, так же появлявшихся на страницах «Ежа», эти графические рассказы отличало то, что изображения были конституирующей частью произведения, определяющей, в том числе, и его вербальное оформление. Особенно хорошо это видно в рассказах «Макар Сви́репый в Африке» (1929, № 6–7), «Новые приключения Макара Сви́репого»³ (1930, № 13–24) и «Макар Сви́репый в Америке» (1931, № 4–22).

Сюжеты рассказов про Макара Сви́репого совмещали в себе элементы приключенческих, авантурных и остросоциальных жанров, так как Макар боролся за благополучие рабочих с фашистами и ку-клус-клановцами. Тем примечательнее тот факт, что для иллюстрации таких сложных вопросов, пусть и данных через призму авантурного приключения, был выбран жанр графического рассказа, впоследствии использовавшийся в советской публицистике в основном для решения более простых сюжетных и эстетических задач (классические «Книжки с картинками» Н. Радлова, рассказы детского журнала «Сверчок», те же рассказы про Умную Машу).

Анализ иллюстраций графических рассказов – их количества, формата и расположения – показывает, что усложнение тематики рассказов вело к постепенному увеличению количества изображений:

- в рассказе «Макар Сви́репый в Африке» – 31 изображение, напечатанное на 6 листах в 2-х номерах журнала (по три листа в каждом);
- в рассказе «Новые приключения Макара Сви́репого» – 34 изображения в 6 номерах журнала на 6 листах, распределенных крайне неравномерно: 20 изображений на 3 листах, 11 изображений на 2-х листах (8+ 3) и 3 изображения на одном листе;
- в рассказе «Макар Сви́репый в Америке» – целых 68 изображений в 7 номерах журнала в общем на 13 листах. Этот рассказ представляется наиболее стабильным, так как в 6-и номерах рассказ занимает по 2 листа (количество изображений варьируется от 12 до 8), а заключительная часть рассказа помещается на один лист и включает в себя 6 изображений.

Количество изображений на одной странице так же варьируется: наиболее часто встречаемым становится набор из 6 изображений одинакового формата, расположенных попарно в три ряда сверху-вниз. Реже количество изображений увеличивается до 8-ми или сокращается до 3–4-х. При этом показательно, что, если на странице

располагаются меньше 6 изображений, они обычно бывают неодинаковы по формату. В свою очередь, 6 изображений становятся той «золотой серединой», которая позволяет дать максимальное количество сюжетной информации, сохраняя при этом относительную детальность и четкость изображения, а также удобочитаемый размер шрифта (увеличение количества изображений до 8-ми неизменно вело к сильному сокращению размера шрифта и межстрочного интервала).

В исследуемых рассказах наблюдаются эксперименты не только с количеством изображений, но также с их размером и относительным расположением. В этом отношении особый интерес представляет первый рассказ «Макар Сви́репый в Африке», где соседние изображения даны «в склейку», словно кадры киноплёнки, несмотря на то что они могут иметь разную пространственную точку зрения и смещенную перспективу. Однако в последующих рассказах от этого визуально-композиционного приема отказываются, проводя четкую пространственную границу между соседними изображениями, отчасти преодолеваемую текстом, который объединяет несколько изображений в строке.

Основные функции вербального ряда

Увеличение количества изображений и, как следствие, необходимость печатать рассказ в нескольких номерах журнала отразились и на его вербальной составляющей, повысив значимость связующих элементов. В первую очередь речь идет о фразах, маркирующих завершение части рассказа / всего рассказа. Они выносились за пределы текста, оформлялись либо курсивом в скобках, либо разрядкой и были разнообразны с лексико-синтаксической и прагматической точек зрения, представляя собой директивы, комиссивы или репрезентативы: *О новых победах Макара в Африке читай в следующем номере “Ежа”* [Олейников, 1929, № 6, с. 36⁴]; *Продолжение следует* [Олейников, 1930, № 13, с. 22]; *Продолжение будет* [Олейников, 1931, № 14, с. 21]; *Продолжение в след. номере* [Олейников, 1931, № 4, с. 9]; *Продолжение* [Олейников, 1930, № 15–16, с. 16]; *Конец* [Олейников, 1931, № 22, с. 17].

Однако впоследствии связующие фразы шаблонизировались: *Продолжение следует*; *Продолжение будет*; *Окончание следует* [Олейни-

³ Начиная с № 15–16 рассказ назывался просто «Приключения Макара Сви́репого».

⁴ Здесь и далее указаны год, номер и страница журнала «Еж», где были впервые напечатаны цитируемые рассказы. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

ков, 1931, № 19–20, с. 25]. При этом другие графические способы обеспечения целостности, в том числе нумерация изображений или текстовых отрезков под ними, почти не использовались. Текст нумеровался только в первой части рассказа «Макар Свирепый в Америке», но в последующих частях от нумерации отказались, видимо, из-за того, что сквозная нумерация представлялась неудобной из-за большого объема, а нумерация внутри каждой части была неинформативна.

Для обеспечения структурной целостности рассказа, а также для более простого ориентирования читателя в нем использовались не только специальные маркеры части / конца рассказа, но и иные нарративные способы обозначения входа / выхода из ситуации рассказывания, соответствующие сказовой устной традиции, однако появлявшиеся непоследовательно: *Было это в марте. Макар Свирепый сказал: «Я поеду на слет в Галле»* [Олейников, 1930, № 13, с. 22]; *Так закончились удивительные приключения Макара Свирепого, которые сделали его знаменитым во всем мире* [Олейников, 1930, № 24, с. 29].

В отдельных случаях для связи между частями рассказа, напечатанными в разных номерах журнала, использовались лексические повторы, поддержанные пунктуацией: *Макар Свирепый схватил рыбу, схватил дельфина за горло и вытащил «Еж», завернуть добычу. Вдруг...* (конец части – А. Б.); *Вдруг* (начало следующей части в новом номере журнала – А. Б.) *Макар Свирепый увидел берег* [Олейников, 1930, № 13, с. 22; № 15–16, с. 16]. Подобные повторы, выполняя функцию когезии, одновременно с этим предполагали необходимость со стороны ребенка перечитать предыдущую часть рассказа, перед тем как знакомиться с новой (что имело смысл, так как журнал «Еж», изначально выходивший два раза в месяц, постепенно стал ежемесячным, а в некоторых случаях мог выпускаться сдвоенными номерами).

Сюжеты исследуемых рассказов строились с опорой на прямую хронологию, но допускали элементы ретроспекции и введение элементов внесюжетного хронотопа, предполагающего описание привычных / повторяющихся действий героев, темпорально не локализованных⁵. Элементы ретроспекции чаще использовались как один из способов обеспечения гипертекстовой связности всего журнала (включения рассказа в общий контекст), на что указывают ссылки на

имена других сквозных персонажей журнала и упоминание ранее напечатанных текстов: *Но хитрый Макар вымазал внутри рупор клеем «ни взад ни вперед».* Клей «ни взад ни вперед» избрал Иван Топорышкин» [Олейников, 1929, № 7, с. 31]; *А на другой день он вместе с Иваном Топорышкиным выехал в Европу. Но об этом читатели уже знают из прошлого номера «Ежа»* [Там же, с. 32].

Необходимы были ретроспективные повторы и для указания на важные составляющие сюжета. В этом случае они могли носить эксплицитный характер и облекаться в форму вопросов, предполагающих прямое взаимодействие с читателем и направление его внимания: *Вы помните соль, которую наш герой взял с собой в путешествие?* [Олейников, 1930, № 21, с. 15].

Реже ретроспективные вставки были необходимы для создания образа героя, мотивировки его поведения: *Вдруг из реки вылез крокодил. Крокодил этот славился своей жадностью. Однажды он съел быка, овцу, воробья и потом еще полчаса гонялся за мухой* [Олейников, 1929, № 6, с. 34]. То же касается и текстовых отрезков, представляющих собой описание привычных действий героя: *Макар весело шагал по Африке и с восторгом читал свою статью, напечатанную в «Еже».* Он никогда ничего не читал, кроме своих сочинений» [Там же]. Маркерами темпорально нелокализованного действия здесь становятся наречия времени *всегда / никогда*, противопоставленные временному детерминанту *однажды* как показателю локализации: *Однажды он жарил рыбу, вдруг, шлеп! Дрова провалились в море, лед подтаял под дровами* [Олейников, 1930, № 13, с. 22].

Подобное построение сюжета усложняет и сам нарратив, и взаимодействие вербального и визуального рядов, так как текстовая составляющая рассказа лишь частично коррелирует с изображением, но не дублирует его, а расширяет его границы.

Внимания требует и сюжетный, темпорально локализованный, хронотоп, так как он так же обнаруживает расширение границ – временных и пространственных, в том числе за счет текстовой составляющей. Если в графических рассказах для детей младшего возраста (рассказах про Умную Машу или рассказах «Сверчка», например) сюжет чаще всего описывал незначительное происшествие, разрешение которого требовало не более нескольких часов, то действие рассказов про Макара Свирепого могло занимать несколько недель или месяцев, что объяснялось расширением пространственных границ: действия проходили в Америке и в Германии (до Германии,

⁵ Темпоральная (временная) локализация в работе понимается с опорой на работы А. В. Бондарко (см.. Бондарко, с. 210–233)).

например, Макар плыл на льдине и оттуда возвращался на корабле). Маркерами хронотопа в первую очередь становятся предположно-падежные сочетания с предлогом *через*, указывающие на отрезок времени, необходимый для завершения того или иного действия: *По сигналу все разом отпустили пальму — и Макар полетел! Через полчаса Макар был уже в редакции* [Олейников, 1929, № 7, с. 32]; *Через неделю пароход подошел к Нью-Йорку* [Олейников, 1931, № 4, с. 9].

Показательно, что, чем более социальным становится сюжет, тем меньше в нем фантастичности, что обнаруживается даже во временных маркерах. Так, в первом приключенческом рассказе «Макар Свирепый в Африке» Макар «долетел» (вместе с конем и жирафом) в Ленинград из Африки — как некоего географически абстрактного топоса — за полчаса, так как его, словно барона Мюнхгаузена, запустили в небо с помощью пальмы. Стремительность полета подчеркивалась и на визуальном уровне, с помощью схематично расположенных в непосредственной близости друг от друга берега Африки и редакции «Ежа», разделенных только условной водной преградой (см. [Олейников, 1929, № 7, с. 32]). Во втором рассказе из Ленинграда до Германии (г. Гале, где должен был проходить международный слет пионеров) Макар несколько месяцев плыл на льдине (*Плыл он месяц, плыл два* [Олейников, 1930, № 13, с. 22]), а до Америки добирался уже на корабле в течение недели.

Использование временных детерминантов с предлогом *через*, в зависимости от семантики конкретного временного существительного, позволяло варьировать временные границы сюжета, ускоряя или замедляя действие, одновременно с этим обеспечивая рассказу хронологическую непрерывность: *Через минуту связанный сыщик лежал на полу и мычал <...>. А Макар Свирепый в очках и цилиндре спокойно вышел из каюты* [Олейников, 1931, № 4, с. 9].

Помимо предположно-падежных сочетаний с предлогом *через*, в качестве временных маркеров активно использовались наречия *однажды / вдруг / уже / наконец*. Наречие *однажды* маркировало вход в сюжетный хронотоп; *вдруг*, в соответствии с жанром приключенческого рассказа, обозначало наиболее значимые сюжетные точки, а наречие *уже* фиксировало внимание на взаимосвязи узлов повествования: *Однажды в редакцию явился заезжий американец и подал Макару Свирепому письмо* [Там же, с. 8]; *Макар Свирепый шел по пустынному переулку. Вдруг из-за угла показались два полисмена* [Олейников, 1931, № 6, с. 20]; *Чемпион уже надел на себя кожаный пояс, уже защелкали фотоаппараты,*

уже вся толпа, с замиранием сердца, поднялась со своих мест [Олейников, 1931, № 21, с. 31]; *Наконец полицейские отстали* [Олейников, 1930, № 15–16, с. 16].

Значительно реже в качестве маркеров временной локализации использовались конкретные даты и другие показатели, позволяющие более или менее точно разместить сюжет на временной оси, что можно объяснить спецификой жанра — сказового, близкого к городской легенде. Даже использование дат можно оценивать не в историческом, а в экспрессивном плане, так как они обеспечивали своего рода гиперлокализацию: *8 августа 1930 года в 11 часов вечера на борту парохода «Смольный» произошло странное происшествие* [Олейников, 1930, № 22–23, с. 28].

Сказовость хронотопа обнаруживается и в устойчивых маркерах типа *на днях*, использование которых позволяет сократить временную дистанцию между читателем и рассказываемой историей за счет актуального прошедшего: *На днях редакция «Ежа» получила телеграмму из Америки. «Ура!» — крикнул секретарь, прочитав телеграмму ... <...> На следующий день весь город встречал Макара Свирепого на Ленинградском аэродроме* [Олейников, 1931, № 22, с. 17].

Помимо маркеров темпоральной локализации действия, структурную целостность тексту и всему рассказу обеспечивают и классические способы текстовой связности, среди которых обнаруживаются не только местоименные повторы, что ожидаемо, но и активно используемые синонимические замены:

В левой руке Макар держал зонтик <...>. Вечером Иван Топорышкин, Даня Неусихин и Яша Миллер проводили знаменитого путешественника на пароход [Олейников, 1931, № 4, с. 9]; *«Живо наверх!» — скомандовал Макар. — «А ты?» — спросили друзья. — «Обо мне не беспокойтесь!» — ответил гордый изобретатель* [Олейников, 1931, № 14, с. 21].

Как можно видеть из примеров, синонимы чаще всего используются для обозначения главного героя (допускаются также названия полным и усеченным вариантом имени с опущенным характеризующим прилагательным).

Исследования показывают (например, работа Е. С. Кубряковой о специфике детских актов референции [Кубрякова]), что как для текстов детской литературы, так и для детских устных и письменных нарративов нехарактерно использование синонимов для названия одного и того же референта, так как они могут вызывать ошибки кореференции. Это связано с не до конца усвоенными правилами референции и с не до конца осознанной конвенциональностью языкового

знака. Именно поэтому примечательно, что в текстах исследуемых рассказов синонимические замены используются часто и обычно не ограничиваются двумя синонимами (типа *полицейские / полисмены*). Объясняется это, вероятно, не только усложнением нарратива, отражающим усложнение сюжета, но и наличием визуальной составляющей, которая облегчает процесс референции и кореференции⁶.

Помимо «структурной» функции, текст выполняет также компенсаторную и динамическую функции. Художественной особенностью приключенческих рассказов, насыщенных погонями, становится то, что изображение фиксирует физическое действие в «верхней точке его напряжения» (см., например, [Олейников, 1931, № 6, с. 20].), в то время как текст маркирует промежуточные этапы (за счет однородных глагольных предикатов – простых и составных с фазисной связкой), что позволяет избежать фрагментарности повествования: *Он забежал вперед, перекинул через улицу свою веревку и стал ждать* [Олейников, 1931, № 6, с. 20].

Ряды однородных членов представляют собой формы глагола практически исключительно прошедшего времени (если речь не идет о репликах прямой речи), в основном совершенного вида в конкретно-фактическом значении (предела и результата): *Макар дочитал статью, оглянулся – и сразу понял, в чем дело* [Олейников, 1929, № 6, с. 34]; *Макар достал из кармана удочку, привязал ее к веревке и спустил в люк* [Олейников, 1931, № 10, с. 19]. Реже используются формы несовершенного вида в конкретно-процессном значении: *Задыхаясь и хрипя, он (крокодил – А. Б.) шел за Макаром на веревочке. Окрестные племена дрожали от ужаса* [Олейников, 1929, № 6, с. 34].

В зависимости от конкретного нарратива ряды описанных однородных предикатов могут выполнять как динамическую функцию, так и функцию замедления сюжета. В первом случае динамика достигается за счет семы интенсивности в лексическом значении глагола, а также за счет использования лексических интенсификаторов: *Крокодил во весь опор помчался за Макаром и разом схватил несчастную Ве-ме-ту-си-катули-хату (по-русски, Жучку)* [Там же].

⁶Здесь нужно особо отметить, что полиграфическое оформление также отчасти работало на усложнение процесса референции, так как текст в рассказах про Макара Свирепого не коррелировал напрямую с тем изображением, под которым он располагался, а связывал несколько изображений, что требовало от читателя большей внимательности при соотнесении информации разных видов.

Во втором случае использование ряда однородных членов и глагольных повторов указывает на намеренное раскладывание действия на составляющие, отдаляющее результат: *Они чешутся, чешутся... Вертят рулем направо, налево. Они чешутся, забыв о пленнике, о мотоцикле, обо всем на свете* [Олейников, 1930, № 21, с. 15].

И в том, и в другом случае ряды однородных глагольных предикатов в количестве трех-четырёх сближают исследуемые тексты с устным и письменным репрезентативно-иконическим (по терминологии К. Ф. Седова [Седов, с. 167–168]) дискурсом, встречающимся у детей младшего школьного возраста. В первую очередь на это указывает детализация физических действий героя, последовательное прописывание каждого этапа. При этом, в отличие от репрезентативно-иконического дискурса, в текстах про Макара Свирепого активно используются одиночные деепричастия и деепричастные обороты, что позволяет ранжировать действия по степени значимости, а также по показателю одновременности / неодновременности без использования временных детерминантов: *Проходя мимо шущмана, Макар не удержался и громко чихнул* [Олейников, 1930, № 15–16, с. 16]; *Сказав эти слова, Макар взобрался на мачту и не слезал с нее до самого Ленинграда: ему хотелось первым увидеть берега СССР* [Олейников, 1930, № 24, с. 29].

Компенсаторная функция текста обнаруживается также в активном использовании звукоподражательных слов и знаменательных лексем со «звучащей» семантикой, дополненной семой интенсивности: *Щелк! Хлоп! Бац! – и три льва забились на треножнике, как бабочка на булавке* [Олейников, 1929, № 7, с. 30]; *Бочка с треском и шумом покатила вниз по лестнице* [Олейников, 1931, № 6, с. 20]; *«Да здравствует «Еж»! – заревел Макар. – «У-а-рр-ау!» – заревел тигр!* [Олейников, 1929, № 6, с. 36].

В таком использовании «звучащей» лексики обнаруживается своего рода кинематографический прием, позволяющий «озвучить» (хотя бы на уровне ассоциаций, связанных с базовым перцептивным опытом читателя-ребенка) «немое» изображение, добавив сюжету большей динамичности и напряженности.

Однако наиболее примечательной особенностью исследуемого нарратива с позиции компенсаторной функции вербального ряда, на наш взгляд, является активное использование экспрессивной характеризующей лексики – существительных и прилагательных с положительной и отрицательной окраской: *Макар протянул треножник навстречу кровожадным чудовищам* [Олейников, 1929, № 7, с. 30]; *Хитрый Макар*

поставил над пальмой граммофон, а сам залез на пальму [Там же, с. 31]; Жирафа поднялась на дыбы. Но великий наездник Макар Свирепый уже сидел на спине животного [Там же]. Используется собственно экспрессивная лексика – не во вторичном значении и не суффиксальные образования, но наиболее употребительная, позволяющая резко очертить как положительные качества главного героя, так и отрицательные качества его противников.

Здесь, как и в случае с использованием однородных глагольных предикатов, можно говорить именно о компенсаторной функции текста (если опираться на понимание компенсаторности, выдвинутое М. Николаевой [Nikolajeva, Scott, 2000, с. 229–232]), так как текст позволяет уточнить характеристики предметов, внутреннее состояние героев, которое лишь частично доступно читателю через внешние признаки, изображенные на картинке. Это же объясняет и использование внутренней речи, оформленной с помощью кавычек: *Вдруг Макар увидел парикмахера, который расставлял на витрине разные парики. «Еге, – подумал Макар, – на этот раз мне повезло». Он выхватил из рук парикмахера длинные усы, наклеил их на себя и бросился бежать* [Олейников, 1930, № 15–16, с. 16]. Причем в большинстве случаев текст не противоречит изображению (не входит с ним в конфликт), лишь уточняя изображение на уровне психологических характеристик, данных отчасти через призму точки зрения имплицитного рассказчика⁷.

Использование экспрессивной лексики, в том числе лексики, описывающей качества героя, однако, не свидетельствует о психологизме исследуемых рассказов. Как это обычно бывает в детской литературе, характер героя достаточно статичен и сюжетно детерминирован: его качества проявляются через действия и только уточняются на вербальном уровне, что позволяет создать максимально целостный образ, призванный вызвать у читателей соответствующий эмоциональный отклик.

Заключение

Таким образом, исследование текстов графических рассказов про Макара Свирепого и анализ

путей их взаимодействия с изображением показывает, что произведения негетерогенной знаковой природы представляют собой сложное коммуникативно-эстетическое целое, в котором вербальная составляющая выполняет ряд структурных и компенсаторных функций. Текст в таких рассказах не просто заполняет сюжетные лакуны и делает повествование более динамичным, но позволяет вывести повествование за границы изображения (в хронологическом плане), обеспечить правильную референцию героев, создать необходимый образ героев и даже «наполнить немое изображение звуком».

В свою очередь, усложнение сюжета ведет к усложнению и на уровне визуального, и на уровне вербального рядов, требующему новых визуальных решений в количестве, формате и расположении картинок, в способах обеспечения структурной и сюжетной целостности рассказа. Это влечет за собой усложнение нарратива, который, пусть и обнаруживает признаки репрезентативно-конического дискурса и, как можно предположить, отвечает нарративным возможностям читателей-детей, не тождественен этому дискурсу. Различия обнаруживаются как на синтаксическом уровне, допускающем большее число полупредикативных конструкций, так и на уровне лексическом, где обнаруживается более активное использование синонимических замен как способа обеспечения кореференции, поддержанного стабильностью визуального ряда. Нарратив такого типа, хоть и возникает по причинам в первую очередь литературно-художественным, опосредованно способствует формированию более высокого уровня коммуникативной компетенции читателей-детей, осознанию конвенциональности языкового знака и, как следствие, стилистических возможностей языка.

Список литературы

- Бернадская А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2000. № 3. С. 104–110.
- Блинова Е. Н., Щербакова О. В. Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов // Психологический журнал. 2021. №1. (Т. 42). С. 66–79.
- Бондарко А. В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград: Наука, 1987. 348 с.
- Корнилова В. В. Детские иллюстрированные журналы в художественной жизни Петербурга XIX–п.п. XX века. Типология и эволюция: автореф. дис. ... канд. иск. наук: СПб., 2002. 30 с.

⁷ О частичном противоречии можно говорить только при использовании сравнительных оборотов: в тексте они появляются часто и добавляют всему рассказу образности и наглядности, необходимой читателю-ребенку, однако не всегда удачный выбор основания для сравнения ведет к алогичности этого образа: *Леопард завизжал как поросенок и беспомощно повис на дереве* [Олейников, 1929, № 6, с. 35]; *Тигр как подстреленный голубь забился в воздухе* [Там же, с. 36].

Кубрякова Е. С. Специфика актов референции в детской речи // Детская речь: проблемы и наблюдения: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. С. Н. Цейтлин. Ленинград: ЛПИ, 1989. С. 4–13.

Олейников Н. Макар Свирепый в Америке // Еж: Ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста. 1931. № 4. С. 8–9; № 6. С. 20–21; № 10. С. 18–19; № 14. С. 20–21; № 19–20. С. 24–25; № 21. С. 31–32; № 22. С. 17.

Олейников Н. Макар Свирепый в Африке // Еж: Ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста. 1929. № 6. С. 34–36; № 7. С. 30–32.

Олейников Н. Новые приключения Макара Свиного // Еж: Ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста. 1930. № 13. С. 22; № 15–6. С. 16; № 17–18. С. 10; № 21. С. 15; № 22–23. С. 28; № 24. С. 29.

Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика. Становление коммуникативной компетенции человека. М.: Лабиринт, 2008. 318 с.

Скаф М. Комикс и книжка-картинка: границы визуально литературных жанров // Детские чтения. 2016. №2 (Т. 10) С. 285–303.

Сонин А. Г. Комикс как знаковая система: психолингвистическое исследование (на материале франкоязычных комиксов): дис. ...канд. филол. наук: Барнаул, 1999. 236 с.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Н. А. Безменова, М.: Наука, 1990. С. 180–186.

Arizpe E., Style M. Children Reading Picturebooks. London and New York: Routledge, 2016. 256 p.

Hamer N., Nodelman P., Reimer M. More Words about Pictures: Current Research on PictureBooks and Visual/Verbal Texts for Young People. New York and London: Routledge, 2017. 244 p.

Kummerling-Meibauer B. The Routledge Companion to Picturebooks. New York: Routledge, 2018. 546 p.

Nikolajeva M., Scott C. How Picturebooks work. New York and London: Garland Publishing, 2001. 308 p.

Nikolajeva M., Scott C. The Dynamic of Picturebook Communication // Children's Literature in Education. No. 4. Vol. 31. 2000. pp. 225–239.

Nodelman P. Decoding the Images: How Picture Books Work // Understanding Children's Literature: Key essays from the International Companion Encyclopedia of Children's Literature. New York: Taylot & Francis e-Library, 2002, pp. 128–139.

References

Arizpe, E., Style, M. (2016). *Children Reading Picturebooks*, 256 p. London, New York, Routledge. (In English)

Bernadskaja, A. A. (2000). *K probleme "kreolizatsii" teksta: istoriia i sovremennoe sostoianie* [To the Problem of Text "Creolization": History and Modern State]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, No. 3, pp. 104–110. (In Russian)

Blinova, E. N., Shcherbakova, O. V. (2021). *Kognitivnye mekhanizmy ponimaniia verbal'nykh i*

ikonicheskikh tekstov [Cognitive Mechanisms of Understanding of Verbal Texts and Infographics]. *Psikhologicheskii zhurnal*, No. 1, (Vol. 42), pp. 66–79. (In Russian)

Bondarko, A. V. (ed.) (1987). *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis* [Theory of the Functional Discourse Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. 348 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Hamer, N., Nodelman, P., Reimer, M. (ed.) (2017). *More Words about Pictures: Current Research on Picture Books and Visual/Verbal Texts for Young People*. 244 p. New York, London, Routledge. (In English)

Kornilova, V. V. (2002). *Detskie illiustrirovannye zhurnaly v khudozhestvennoi zhizni Peterburga XIX–p.p. XX veka. Tipologii i evoliutsiia*: avtoref. dis. ... kand. isk. nauk [Children's Illustrated Magazines in Art Life of Petersburg in the 19th–the Beginning of the 20th Centuries: Doctoral Thesis Abstract]. St. Petersburg, 30 p. (In Russian)

Kubriakova, E. S. (1989). *Spetsifika aktov referentsii v detskoj rechi* [On Some Aspects of Acts of Reference in Children's Speech]. *Detskaia rech': problemy i nabludeniia*: Mezhevuz. sb. nauch. tr. / ed. by S. N. Tseitlin. Leningrad, LGPI, pp. 4–13. (In Russian)

Kummerling-Meibauer, B. (ed.) (2018). *The Routledge Companion to Picturebooks*. 546 p. New York, Routledge. (In English)

Nikolaeva, M., Scott, C. (2001). *How Picturebooks Work*. 308 p. New York, London, Garland Publishing. (In English)

Nikolaeva, M., Scott, C. (2000). *The Dynamic of Picturebook Communication*. Children's Literature in Education, No. 4, Vol. 31, pp. 225–239. (In English)

Nodelman, P. (2002). *Decoding the Images: How Picture Books Work*. Understanding Children's Literature: Key Essays from the International Companion Encyclopedia of Children's Literature. New York, Taylot & Francis e-Library, pp. 128–139. (In English)

Oleinikov, N. (1931). *Makar Svirepyi v Amerike* [Makar the Fierce in America]. *Ezh: Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei mladshogo shkol'nogo vozrasta*, No. 4, pp. 8–9; No. 6, pp. 20–21; No. 10, pp. 18–19; No. 14, pp. 20–21; No. 19–20, pp. 24–25; No. 21, pp. 31–32; No. 22, p. 17. (In Russian)

Oleinikov, N. (1929). *Makar Svirepyi v Afrike* [Makar the Fierce in Africa]. *Ezh: Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei mladshogo shkol'nogo vozrasta*, No. 6, pp. 34–36; No. 7, pp. 30–32. (In Russian)

Oleinikov, N. (1930). *Novye priklucheniia Makara Svirepogo* [Makar the Fierce's New Adventures]. *Ezh: Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei mladshogo shkol'nogo vozrasta*, No. 13, p. 22; No. 15–16, p. 16; No. 17–18, p. 10; No. 21, p. 15; No. 22–23, p. 28; No. 24, p. 29. (In Russian)

Sedov, K. F. (2008). *Ontopsikholingvistika. Stanovlenie kommunikativnoi kompetentsii cheloveka* [Ontopsycholinguistica: Developing of Human's Communicative Competence]. 318 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

Skaf, M. (2016). *Komiks i knizhka-kartinka: granicy vizual'no-literaturnykh zhanrov* [Komiks and Picturebooks: The Boundaries of Visual and Literature Genres]. *Detskoe chteniia*, No. 2, Vol. 10, pp. 285–303. (In Russian)

Sonin, A. G. (1999). *Komiks kak znakovaiia sistema: psikholingvisticheskoe issledovanie (na materiale frankoiazychnykh komiksov): dis. ...kand. filol. nauk* [Comics as a Symbol System: Psycholinguistic Research

(with References to French Comics): Doctoral Thesis]. Barnaul, 236 p. (In Russian)

Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). *Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaia funktsiia* [Creolized Texts and Their Communicative Functions]. *Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia*. Ed. by N. A. Bezmenova. Pp. 180–186. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 19.10.2021

Поступила в редакцию 19.10.2021

Брыкова Александра Андреевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9-11.
a.brykova@spbu.ru

Brykova Aleksandra Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Saint-Petersburg State University,
7-9-11 Universitetskaya Emb.,
St. Peterburg, 199034, Russian Federation.
a.brykova@spbu.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-45-51
УДК 811.161.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ ПИНЕЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ «ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ ПИНЕЖЬЯ»)

© Ван Лолань

PRAGMATIC ANALYSIS OF APPEALS IN THE WEDDING LAMENTATIONS OF PINEGA (BASED ON THE PUBLICATION "RITUAL POETRY OF PINEGA")

Wang Luolan

A wedding lamentation, one of the oldest folklore genres, is a poetic improvisation of the bride in accordance with the defined traditional patterns. The article presents the characteristics of appeals in the wedding lamentations of Pinega by means of statistical and comparative analysis. In wedding lamentations, the address has a high artistry, expressiveness and is distinguished by its stereotyped and fixed forms in comparison with the address used in spoken speech. The form of appeals and the response to it are conditioned by generally accepted social conventions. The choice of appeals depends on the presupposition of the speaker about their social relations, and the reaction to the appeal is determined by the presupposition of the addressee. In wedding lamentations, the bride's speech loses its power, i.e. it does not trigger an appropriate action or response from the addressee. This phenomenon is justified by the fact that before the wedding, the social status of the bride is in the process of transition, the established relations of the bride with others are subject to change. The object of our research is the appeal in Pinega wedding lamentations, its pragmatic meaning acts as the research subject. The purpose of our research is to identify the characteristic features of the appeal in Pinega wedding lamentations. Researching appeals in wedding lamentations makes it possible to see how traditional symbolic practices (ceremonies and ritual speeches) help people adapt to new social roles.

Keywords: pragmatic characteristics of appeals, wedding lamentations of Pinega, statistical analysis, comparative analysis, transformation of the bride's social status.

Свадебное причитание, один из древнейших фольклорных жанров, представляет собой поэтическую импровизацию невесты в соответствии с определенными шаблонами, заданными традицией. В статье представлены характеристики обращений в свадебных причитаниях Пинежья, выявленные при помощи статистического и сопоставительного анализов. В свадебных причитаниях обращение обладает высокой художественностью, экспрессивностью и отличается своей стереотипностью и закреплённостью форм по сравнению с обращением в спонтанной речи. Форма обращения и ответная реплика адресата обусловлены общепринятыми социальными конвенциями. Выбор обращений зависит от пресуппозиции говорящего, а реакция на обращение определяется пресуппозицией адресата. В свадебных причитаниях речь невесты теряет свою силу: она не вызывает соответствующего действия или ответа от адресата. Это связано с тем, что социальный статус невесты находится в процессе трансформации, установленные отношения невесты с окружающими подвергаются изменению. Объектом нашего исследования является обращение в свадебных причитаниях Пинежья, а в качестве предмета выступает его прагматический смысл. Цель заключается в выявлении прагматических характеристик обращения в свадебных причитаниях Пинежья. Исследование обращений в свадебных причитаниях даст нам возможность увидеть, как традиционные символические практики (обряды и ритуальная речь) помогают людям адаптироваться к новым социальным ролям.

Ключевые слова: прагматические характеристики обращений, свадебные причитания Пинежья, статистический анализ, сопоставительный анализ, трансформация социального статуса невесты.

Введение

Начиная с 70-80 гг. XX века в области лингвистики наблюдается рост интереса к изучению

функционирования языковых единиц в коммуникативных актах. Обращения, которые «составляют самый многочисленный, употребительный

и семантически веский разряд коммуникативных единиц» [Балакай, с. 4], становятся одним из важнейших объектов лингвопрагматики.

Традиционно под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 304]. В современном русском языке обращение принято выражать именем собственным, нарицательным существительным (*девушка, мужчина, ребята* и т. д.), прилагательным или причастием (*дорогой, уважаемый* и т. д.), а также терминами родства.

Обращение представляет собой особое языковое явление, его семантика и прагматика вызывают устойчивый интерес ученых в различных областях науки. Исследования, главным образом, сосредоточены на следующих трех аспектах обращения: его прагматических функциях, семантических референциях и эмотивных коннотациях.

По поводу прагматических функций обращений, несмотря на различия в классификации, разные ученые сходятся на том, что обращение задаёт определенную тональность для последующего высказывания (см.: [Кучинский, с. 22], [Кожухова, с. 83], [Адоньева, с. 257] и др.), оно не только выполняет идентифицирующую и апеллятивную функции, но и эмотивную и оценочную (см.: [Кожухова, с. 82–83], [Балакай, с. 7–14], [Федулова, с. 239–241], [Проничев, с. 60–68] и др.

По поводу семантической референции обращения замечание С. Б. Адоньевой проливает свет на имманентные связи между обращением и социальными конвенциями. По замечанию ученого, референтом обращения является не адресат речи, а тип отношений (конвенция), который вырабатывается социумом в качестве гаранта для социальной интеракции [Адоньева, с. 264–266]. Обращение принуждает отвечающего вести себя заданным образом, которым принято действовать в данной социальной роли. «И когда адресат отвергает избранное обращение, он выражает отказ от предложенного типа взаимодействия (какой я тебе батя!)» [Там же, с. 266]. Таким образом, можно сказать, что выбор определенного обращения в значительной степени определяет способ и результат воздействия на адресата.

В современном обществе человек одновременно исполняет много социальных ролей и обладает различными статусами. Выбирая определенное обращение к адресату, говорящий учитывает не только персональные характеристики ад-

ресата (социальный статус и роль), но и статусно-ролевое соотношение между адресантом и адресатом, а также характеристики коммуникативной ситуации. Выбор говорящим определенного обращения зависит от того, насколько эффективно он хочет воздействовать на предназначенного адресата.

Свадебные обряды и фольклор в прошлом служили социальным институтом, который был выработан социумом для регулирования социальных отношений и внутренних конфликтов человека при смене социального статуса. Лексика, обозначающая социальный статус участников свадьбы, и особенно те лексемы, которые используются в качестве обращения, имеют важный смысл в этом отношении.

Общие характеристики обращений в свадебных причитаниях

Обращения в свадебных причитаниях по преимуществу соответствуют общепринятым языковым канонам и речевому этикету, но при этом имеют свои особенности.

Во-первых, в свадебных причитаниях категория обращений шире, так как, кроме вышеуказанных видов лексем, номинации «свадебных чинов» тоже используются как обращения. Более того, обращения обычно выражаются устойчивыми словосочетаниями *эпитет + лексема*, обозначающими социальный статус человека (*красная девушка, родимый татонька, молодой князь* и т. д.), редко выражаются одиночным словом (*девушка, татонька* и т. д.), что часто встречается в устной речи.

Во-вторых, за обращением очень часто следуют пояснительные выражения, то есть метафорическое употребление названий животных, предметов, природных явлений: *белая лебедь, красное солнышко, голубой голубочек* и т. д.. Такие метафорические выражения можно рассматривать как органичный состав обращений [Федулова, с. 239–242] или же как отдельные добавочные конструкции, то есть приложения. В нашей статье мы рассматриваем такие метафорические выражения как приложения.

В-третьих, для усиления того или иного эмоционального оттенка перед обращением употребляются личное местоимение и эмоциональные междометия. Личное местоимение используется вместе с обращением, и оно обычно предшествует обращению (*Уж ты родитель мой батюшка, уж пожалей-ка меня да пожалуйста* [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 35]). Таким образом, в свадебном причитании обращение сочетается с личным местоимением, эмоциональными междометиями, метафорическими

выражениями, образуя лексико-семантический комплекс, который позволяет не только показать социальный статус адресата и социальные отношения между адресатом и адресантом (между невестой и участниками свадьбы), но и одновременно осуществить эмоциональную оценку этих отношений. Место обращения в высказывании несет определенное значение, оно обусловлено иллокутивными функциями речи и замыслом говорящего и определяет словоформу обращений. Как правило, в начальной позиции обращение оказывается комплексным, многословным, а в середине речи используется краткое обращение (одиночное слово).

В своей статье Т. В. Нестерова различает вокативы с минимальной степенью прагматичности и вокативы-экспрессивы (вокативы с максимальной степенью прагматичности). Первые из них обычно используются для установления контакта в нейтральной ситуации, а вокативы-экспрессивы характерны для выражения эмоций [Нестерова, с. 15–16]. В свадебных причитаниях, на наш взгляд, обращение используется не только для установления и поддержания контакта, но и для выражения эмоциональной оценки субъекта речи по отношению к адресату. В русском языке существуют различные способы для выражения эмоциональной оценки, например, морфологические и лексические средства. Экспрессивность обращений преимущественно выражается посредством морфологического состава слова (диминутивов) и метафорическими выражениями.

Свадебные причитания исполняются в конкретных свадебных обрядах и имеют определенную иллокутивную цель – помочь невесте и другим участникам свадьбы реализовать перестройку сети их межличностных и социальных отношений. В результате бракосочетания социальный статус группы людей подвергается изменению, которое заметно отражается в их номинации. Как отмечает С. Б. Адоньева, «переход от одного жизненного этапа к другому предполагал изменение общего обращения по имени», таким образом, «общество ратифицирует изменение статуса своего члена через изменение обращения к нему» [Адоньева, с. 258–265]. Коммуникативный стиль (выбор речевой стратегии говорящего) также отражает социальное положение и соотношение обоих собеседников, но обращение представляет собой эксплицитный указатель их общественных отношений и определяет способ их коммуникативного взаимодействия. Выбранное обращение не только характеризует позицию адресата в отношении говорящего, но и демонстрирует самоидентификацию говорящего, так как

социальные отношения характеризуются реципрокной связью.

Статистические и стилистические характеристики обращений в свадебных причитаниях Пинежья

Из имеющегося материала (всего 70 текстов причитаний) [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 29–127] мы отобрали все лексемы и словосочетания, выполняющие такие иллокутивные акты, как номинативный и вокативный, которые служат основным критерием для выделения обращения из потока высказываний. Статистические характеристики обращений таковы: всего насчитывается 57 причитаний, где используются обращения, что составляет 81,4% от общего числа текстов. Очевидно, что использование обращений в свадебных причитаниях частотно. Они обращены либо к родственникам невесты (30 причитаний), либо к самой невесте (2 причитания), либо к людям, которые находятся в близких, но не родственных отношениях с невестой (25 причитаний). В последнюю группу входят подружки, соседи, «бояре» (гости со стороны жениха), парни своей деревни. Среди них большинство причитаний (88% общего числа) посвящено подружкам и соседям. Адресаты, относящиеся к категории родни, включают в себя отца, мать, родителей вместе, брата, сестру, тётю и божатку (крестную). Среди них 12 причетов посвящено отцу невесты (40% общего числа).

При этом надо заметить, что при обращении к родственникам невеста чаще использует притяжательное местоимение *мой, моя*, исключение составляют только 3 причета (10% общего числа). Модель обращения невесты к адресатам-родственникам такова: (*личное местоимение*) + *притяжательное местоимение* + *прилагательное* + *термин родства*. Хотя местоимения *ты* и *вы* часто используются в обращении, но они иногда пропущены. Например:

*Уж родитель ты мой батюшка,
уж пожалей-ка меня да пожалуйста...* [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 35];

*Уж и родима моя да мамонька,
Уж и пожила я у вас да покрасовалася,
Не видала я у вас, родима мамонька,
Как утренняя зоренька занимается...* [Там же, с. 37].

По отношению к неродственникам модель обращения получается иная: (*личное местоимение*) + *прилагательное* + *нарицательное существительное*. По сравнению с обращениями к адресатам-родственникам, здесь реже использовано притяжательное местоимение. Обращаясь к подружкам и соседям, невеста иногда использует

притяжательное местоимение *мои, моя*, что составило 36% общего числа этой группы (9 причитаний). Например:

Порядовны мои да соседушки,

Уж куда вы да сходили... [Там же, с 55]

Мы полагаем, что отмеченные выше характеристики не случайны. Притяжательное местоимение обычно указывает на определенное соотношение между субъектом и объектом: либо оба субъекта принадлежат к одному и тому же коллективу (например, семья, группа, община), либо объект-предмет относится к субъекту. В нашем исследовании речь идет именно о первом случае, когда субъект и объект относятся к одному и тому же коллективу. Так, родня и невеста объединены либо брачными отношениями, либо кровной связью; духовные родители и невеста объединены религиозными отношениями; подружки, соседи (девочки, молодые девушки, женщины) и невеста объединены половозрастными характеристиками. Таким образом, притяжательное местоимение можно считать указателем социальных отношений между невестой и адресатом.

По поводу характеристики адресата Б. К. Фирдевс отмечает следующие параметры: социальное положение; возраст; знакомство или родство; профессия и род занятий [Фирдевс, с. 75]. Невеста в свадебных причитаниях обычно характеризует себя следующим образом: 1. использованием лексем, обозначающих социальное положение: *красная девушка / девица, девушка, первоображная княгиня, княгиня Анна* и т. д.; 2. использованием прилагательных, обозначающих половозрастные характеристики и качество человека: *младая / молодая, малёхонька / молодешенька, глупенька / глупёхонька* и т. д.; 3. использованием метафорического выражения, которое способно вызывать симпатию аудитории: *белая лебедь, травиночка недорослая, цветочек непрощёлый, стать-то маленька, душа красная* и т. д.

В свадебных причитаниях обращения к отцу выражаются устойчивыми формулами и различаются по тому, в какой части высказывания они употреблены. В начальной позиции обращение выражается следующим образом: *родитель батюшка / татонька / татенька, родной батюшко, родимый / родимой татенька, тятенька, татонька*. В середине речи используется одинокое обращение *татенька / татонька*. Слово-сочетание *красное солнышко* устойчиво используется как метафорическое выражение образа отца невесты. Например:

Уж красное мое солнышко,

Уж родитель мой да татонька,

Уж вы на чего, татонька, обзарились,

Уж на чего да обнадеялись? [Обрядовая поэзия Пинежья, с 37]

Уж ты красное солнышко,

Уж родитель мой татенька,

Уж ты на что на меня рассердился,

Уж ты на что на меня прогневался? [Там же, с. 127]

Обращения к матери тоже различаются в зависимости от места расположения. В начальной позиции обращение часто выражается формулами *родимая мамонька / маменька / маменка*, а в середине речи – одиноким словом *маменька / матушка*. В качестве метафорического выражения для образа матери невесты обычно используется сочетание (*желанная*) *кормилица*:

Уж ты родима моя маменька,

Уж ты желанна да моя кормилица... [Там же, с 57]

Ты не радуйся, маменька,

Ты не сына женишь, маменька,

Не сноху берёшь – заменушку... [Там же, с 120]

Обращение к брату оказывается более многообразным, выражается формулами *родимый брателко, любимый брателко, добрый удалый молодец*. Соответственно, его метафорическое выражение – *сизый голубочек, ясный соколочек*. Обращение к родной сестре обычно выражается формулами *родимая сестрица / сестрицынька / сестричушка* и метафорическими выражениями *белая лебедь, сизая голубушка*. Приведем два примера:

Уж ты родимый мой да брателко,

Уж ты сизый да голубочек,

Уж ты ясный да соколочек,

Уж ты сходи-ка да на улицу,

Наколи-ка мелких дровец... [Там же, с 50]

Уж ты белая моя лебёдушка,

Родима да сестрица.

Уж вы пойдёте на ниву великую... [Там же, с 121]

Обращение к другим женским родственникам так же подобно обращению к матери, например, *родимая тётенька, родимая божаточка*.

Следует обратить внимание на причитания, посвященные подружкам и соседям. В этом случае обращение тоже отличается в зависимости от его позиции в предложении. В начальной позиции обращение оказывается комплексным, многословным, а в середине речи используется краткое обращение.

На основе сопоставительного анализа можно отметить, что обращение к подружкам демонстрирует либо половозрастные характеристики адресатов (*девушки / девицы, подруженьки да молоденьки* и т. д.), либо эмоциональную оценку

говорящего (*милые подружечки, полюбовные подружечки, дорогие подруженьки, девицы души красные, девушки да голубушки, порядовные соседюшки* и т. д.), либо социальные отношения между ними (*подруженьки да сестрицыньки, женочки да соседюшки, девицы да подруженьки, родимые соседюшки* и т. д.).

Примечательно, что перлокутивный эффект речевых актов (реальные последствия) в свадебных причитаниях не совпадает с произнесением этих же самых актов в ситуации реального диалога. Функционирование перформативных высказываний обусловлено социальными конвенциями. В причитаниях перформативы перестают быть такими речевыми актами, каковые произносятся в реальной жизни. Как отмечает С. Б. Адоньева, «адресант причитаний вменяет адресату определенное действие, но известный коммуникативный прием перестает срабатывать» [Адоньева, с. 254].

Механизм воздействия свадебных причитаний тесно связан с их прагматическим предназначением – подготовкой невесты к переходу в новый социальный статус и разрушением установленных социальных отношений. Схема адресации причетного высказывания, выдвигаемая С. Б. Адоньевой, применима к анализу свадебных причитаний. Схема начинается с определения социальной позиции адресата по отношению к говорящему, таким образом адресату приписана роль агенса, соответственно, адресат получает власть контролировать ситуацию и изменять ее. Далее следуют различные речевые акты, характерные и типичные для свадебных причитаний, – экспрессивы, директивы. В самом конце следует определение себя говорящего через социальный или ритуальный статус [Там же, с. 256].

В свадебных причитаниях характерно использование диминутивов. Они в какой-то степени придают причитаниям лиричность, эмоциональность, сокращают дистанцию между коммуникантами, передают положительное отношение говорящего к адресатам, смягчают сердце адресатов, умиляют аудиторию при речевом воздействии. В этом отношении диминутивы имеют непосредственную связь с речевой тактикой. З. Рудник-Карват предлагает определение «побудительная функция» диминутивов [Рудник-Карват, с. 319–320]. Это деятельностная функция, связанная с иллокутивными целями и соответствующим перлокутивным эффектом. При диминутивах говорящий проявляет активное отношение к адресату, что побуждает последнего к действию.

Сопоставив число диминутивов в спонтанной речи белозеров и в их фольклорной речи (при-

четной, заговорной и частушечной), С. Б. Адоньева указывает, что по отношению к речи спонтанной число диминутивов в фольклорной речи значительно увеличивается [Адоньева, с. 267]. Широкое распространение диминутивов отчетливо ощущается также в свадебных причитаниях Пинежья. Для того чтобы объяснить распространение диминутивов в причитаниях, нам кажется, следует рассматривать, с одной стороны, семантические свойства диминутивов, с другой – прагматические (иллокутивные) функции их при коммуникации.

Если речь идет об иллокутивных функциях диминутивов в обращениях, то можно сказать, что они способствуют формированию общего взгляда у коммуникантов, так как при общении говорящий принуждает адресата разделить его позицию по отношению к предмету речи.

Как правило, диминутивы не только передают значение размера предмета, но и обозначают эмоционально-оценочное отношение говорящего к обсуждаемым предметам или адресату. Как отмечают М. В. Русакова и А. Ю. Русакова, уменьшительные суффиксы существительных могут выражать не только отношение говорящего к предмету речи, но и к слушающему. [Русакова М., Русакова А., с. 270–271]. В свадебном фольклоре как одном из словесных искусств народа диминутивы прежде всего передают не значение размера предмета, а функционируют в качестве стилистического приема, придающего причету лирическую окраску.

Чаще всего уменьшительно-ласкательные суффиксы могут использоваться в самих обращениях, например, в собственном имени: *Матрёнушка, Борисушка Михайлович* и т. д.; в терминах родства: *маменька, татенька, сестрицынька* и пр.; в нарицательных существительных: *подруженьки, соседюшки* и пр.; иногда уменьшительно-ласкательные суффиксы используются в метафорических выражениях: *красное солнышко, сизонькой голубочек, ясеньской соколочек, белая лебедушка* и т. д.

По мнению С. Б. Адоньевой, употребление диминутивов в разговорной речи часто связано с характером предъявления ситуации слушателю. Говорящий использует диминутивы тогда, когда он рассказывает о предметах, имеющих некое личное или непосредственное отношение к нему, и предлагает слушателю представить или увидеть фрагмент своей жизни его взглядами [Адоньева, с. 268–269]. В ситуацию коммуникации включается адресат, который непосредственно контактирует с говорящим в момент коммуникации. Таким образом, не случайно, что

особенно активно диминутивы используются в обращениях.

В общем, с одной стороны, выражая доброе расположение к адресатам, причетница (невеста) показывает близкие отношения между участниками свадьбы и собой, которые сложились и действуют до сватовства; с другой – безрезультативность речевых актов причетниц демонстрирует разрушение тех близких отношений, так как в обращениях воплощается пресуппозиция невесты о своем социальном статусе и имеющихся социальных отношениях. Неудача коммуникации, несоответствие перлокутивного эффекта с намерением говорящего подтверждают то, что его пресуппозиция о своем социальном статусе и социальных отношениях не совпадает с реальностью, с пресуппозицией участников свадьбы. Это непосредственно связано со сменой социального статуса невесты и трансформацией ее социальных отношений в период свадебных обрядов.

Выводы

В свадебных причитаниях широко используется обращение, которое относит пропозициональное содержание причитаний к обрядовой действительности. В функциональной плоскости обращения в свадебных причитаниях показывают различные социальные отношения между невестой и участниками свадьбы и трансформацию их социальных отношений.

Список литературы

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 312 с.

Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Новокузнецк, 2005. 24 с.

Кожухова Л. В. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 80–85.

Кучинский Г. М. Диалог и мышление. Минск: Изд-во БГУ, 1983. 190 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов // Русский язык за рубежом. 2001. № 4. С. 14–20.

Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / под ред. Савушкиной Н. И. М.: Изд-во МГУ, 1980. 280 с.

Проницев В. П. Метафорическое употребление слов в обращении // Некоторые вопросы лексики и грамматики русского языка и методики его преподавания иностранцам, 1970. № 4. С. 60–68.

Рудник-Карват З. О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: изд-во Наследие, 1998. С. 319–320.

Русакова М. В., Русакова А. Ю. Русские диминутивы: Сочетаемость, функционирование, семантика: (К постановке проблемы) // Материалы конф., посвященной 90-летию А. Г. Десницкой. СПб.: изд-во Наука, 2002. С. 270–271.

Федулова У. М. Стилистические функции обращения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 239–242.

Фирдевс Б. К. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник ВГУ. 2017. № 4. С. 74–76.

References

Adon'eva, S. B. (2004). *Pragmatika fol'klora* [The Pragmatics of Folklore]. 312 p. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU. (In Russian)

Balakai, A. A. (2005). *Etiketnye obrashheniia: funktsional'no-semanticheskie i leksikograficheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Etiquette Addresses: Functional-Semantic and Lexicographic Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Novokuzneck, 24 p. (In Russian)

Fedulova, U. M. (2014). *Stilisticheskie funktsii obrashheniia* [Stylistic Functions of Appeal]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, No. 1, pp. 239–242. (In Russian)

Firdevs, B. K. (2017). *Obrashhenie v sovremennom russkom iazyke: vidy i funktsii* [Address in Modern Russian: Types and Functions]. Vestnik VGU, No. 4, pp. 74–76. (In Russian)

Kozhuhova, L. V. (2007). *Rechevoi akt obrashheniia* [Speech Act of Address]. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. No. 48, pp. 80–85. (In Russian)

Kuchinskii, G. M. (1983). *Dialog i myshlenie* [Dialogue and Thinking]. 190 p. Minsk, Izd-vo BGU. (In Russian)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 682 p. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian)

Nesterova, T. V. (2001). *Pragmatika obrashhenii-antronimov* [The Pragmatics of Anthroponymic Appeals]. Russkii iazyk za rubezhom. No. 4, pp. 14–20. (In Russian)

Obriadovaia poeziia Pinezh'ia (1980) [Ritual Poetry of Pinega]. 280 p. Moscow, Izd-vo MGU. (In Russian)

Pronichev, V. P. (1970). *Metaforicheskoe upotreblenie slov v obrashhenii* [Metaphorical Use of Words in Circulation]. Nekotorye voprosy leksiki i grammatiki russkogo iazyka i metodiki ego prepodavaniia inostrantsam. No. 4, pp. 60–68. (In Russian)

Rudnik-Karvat, Z. (1998). *O funktsiiah umen'shitel'nykh i uvelichitel'nykh sushchestvitel'nykh v tekste* [About the Functions of Diminutive and Augmentative Nouns in the Text]. Liki iazyka: K 45-letiu nauchnoi deiatel'nosti E. A. Zemskoi. Moscow, pp. 319–320. (In Russian)

Rusakova, M. V., Rusakova, A. Ju. (2002). *Russkie diminutivy: Sochetaemost', funkcionirovanie, semantika: (K postanovke problemy)* [Russian Diminutives: Compat-

ibility, Functioning, Semantics: (On the Problem)]. Materialy konf., posviashhennoi 90-letiiu A. G. Desnitskoi. St. Petersburg, pp. 270–271. (In Russian)

The article was submitted on 31.08.2021

Поступила в редакцию 31.08.2021

Ван Лолань,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9.
wluolan@qq.com

Wang Luolan,
graduate student,
Saint-Petersburg State University,

7/9 Universitetskaya Emb.,
St. Peterburg, 199034, Russian Federation.
wluolan@qq.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-52-60
УДК 811.512.145

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

© Лилия Гиниятуллина

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF A COMPLEX SYNTACTIC WHOLE (BASED ON A LITERARY TEXT)

Liliya Giniyatullina

The conducted research is devoted to the complex analysis of a complex syntactic whole, namely, the language units they are composed of, the interconnection of their components, the relationships between the parts of complex syntactic wholes and the expression of their unity. The purpose of the study is to identify and analyze the types of syntactic relations between the components of complex syntactic wholes, their linguistic features at all language levels, as well as to prove their structural and semantic integrity. Based on the analysis of complex syntactic wholes, selected by the continuous sampling method from the texts of Tatar fiction and folklore, the article concludes that linguistic features of complex syntactic wholes are activated at the phonetic, morphemic, lexical, morphological and syntactic levels. Taken as a whole, all these linguistic phenomena lead to the unity of the internal and external structures of complex syntactic wholes. Their internal and external structures and the content are closely interrelated. A changing or replacement of any structural component will lead to a reorientation of the emphasis in meaning, thereby changing the entire structure of a specific complex syntactic whole.

Keywords: complex syntactic whole, linguistic features, structural and semantic integrity, literary text, style, language unit.

Проведенное исследование посвящено проблеме комплексного анализа сложных синтаксических целых, а именно рассмотрению, из каких единиц языка они созданы, как их компоненты связаны между собой, какие отношения устанавливаются между частями сложных синтаксических целых и как выражается их единство. Цель исследования – выявить и проанализировать виды синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых, определить в них особенности на всех языковых уровнях, доказать их структурную и семантическую целостность. На основании анализа сложных синтаксических целых, отобранных методом сплошной выборки из текстов татарской художественной литературы и произведений татарского народного творчества, делаются выводы о том, что в них активизированы языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Все эти языковые явления в комплексе приводят к единству внутренней и внешней структуры сложных синтаксических целых. Внутренняя, внешняя структура и содержание в сложных синтаксических целых тесно взаимосвязаны. Изменение их или замена любой структурной составляющей приведет к переориентации акцентов смысла, тем самым изменит всю структуру конкретного сложного синтаксического целого.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, языковые особенности, структурная и семантическая целостность, художественный текст, стиль, единица языка.

Актуальность настоящей статьи обусловлена потребностью более полного научного исследования структурных, семантических и грамматических особенностей сложного синтаксического целого в художественных текстах, что может послужить основой для дальнейшего исследования их как особой синтаксико-стилистической единицы в системе других синтаксических единиц.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить виды синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых в художественных текстах; во-вторых, описать структурно-семантические типы исследуемых сложных синтаксических целых и, наконец, проанализировать компоненты сложных синтакси-

ческих целых на основе их структуры и семантики.

Художественная литература посредством различных средств воздействует на читателя, передает мысли и чувства автора, используя лексическое богатство языка, возможности разных стилей. При комплексном анализе художественного текста внимание акцентируется на выявлении языковых особенностей (фонетических, лексико-фразеологических, грамматических). Изучить текст в целом возможно, лишь разделив его на более мелкие части, элементы. Сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ) является одним из элементов текста.

ССЦ художественного текста сохраняют «в себе уникальные структурные характеристики, порождающие действительно нетривиальные смыслы» [Борботько, с. 26].

Комплексному анализу текста, в том числе и ССЦ, посвящены работы таких лингвистов, как А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, В. В. Виноградов, Н. С. Поспелов, Г. О. Винокур, И. А. Фигуровский, И. Р. Гальперин, Л. М. Лосева, Г. Я. Солганик, И. С. Папуша, В. Н. Хангильдин, Х. Р. Курбатов, М. З. Закиев, В. Х. Хаков, Ш. С. Ханбикова, С. М. Ибрагимов, Ф. С. Сафиуллина, Г. Ф. Саттаров, И. Б. Баширова, Ф. И. Урманчеев, Р. С. Абдуллина, М. М. Шакурова и других.

Анализировать ССЦ невозможно, не определив, из каких единиц языка оно состоит, как они связаны друг с другом, какие отношения устанавливаются между ними, в чем проявляется их единство [Папуша, с. 222].

В лингвистике ССЦ рассматривается как сочетание предложений, связанных между собой семантическими, структурными и грамматическими средствами связи. В структурном плане в ССЦ выделяются зачин, содержащий начало мысли, формулирующий его микротему; медиальная часть – развитие микротемы; концовка – итог микротемы сложного синтаксического целого, подчеркивающий это не только в смысловом, но и в грамматическом отношении. При анализе примеров ССЦ, вычлененных из текстов татарской художественной литературы, мы пришли к выводу о том, что для связи частей ССЦ применяются языковые особенности на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Рассмотрим в качестве примера ССЦ из текста рассказа А. Тангатарова «Өзелде» («Оборвалось») [Татар хикәяләре, с. 329–331].

(1) Солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр аның күз алдына килә башладылар. (2)

Берничә ел ул учитель булып торды, шушы учительлекнең соңгы елында Настя белән танышуы, аңа туган мәхәббәте исенә төшкәч, озын гына сулу алды да кулларын яңакларына куеп лампага караган көенчә катып калды... (3) Ах, гомер. (4) Бүгенге генә күк әле, менә кичә генә әйткәндәй, «Настя, я люблю» дигән сүзләре. (5) Настя, зур кара күзләрен аңа сирпеп карап елмайган иде. (6) Аның бу елмаюы «Я тоже» дигән сүзе иде. (7) Кайда соң хәзер ул вакытлар? (8) Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар. – Ему вспомнились молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни того времени. Несколько лет он был учителем, а когда вспомнил, что в последний год работы познакомился с Настей и влюбился в нее, вздохнул и, подперев щеки руками, застыл, глядя на лампу... Ах, жизнь. Кажется, что все произошло только сегодня, как будто лишь вчера он говорил ей «Настя, я люблю тебя». Настя улыбнулась, глядя на него большими черными глазами. Ее улыбка означала «Я тоже». Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть (здесь и далее перевод наш – Л. Г.)

ССЦ состоит из 8 предложений. Зачин данного ССЦ (*Солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр аның күз алдына килә башладылар* – ‘Ему вспомнились молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни того времени’) – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным времени, осложненное однородными подлежащими, связанными интонацией перечисления. Смысловое ядро данного ССЦ составляют придаточное предложение, подлежащие и слова группы подлежащих главного предложения (*солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр* – ‘молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни’).

Медиальная часть ССЦ содержит 5 предложений, которые сообщают информацию о прошлой жизни героя. Они последовательно раскрывают содержание ССЦ.

Концовка ССЦ определена структурой седьмого и восьмого предложений.

В зачине и концовке намечена микроидея ССЦ – контраст в настроении героя: *яшь гомер* – ‘молодость’ и *кайтмый торган арткы гомер* – ‘жизнь, которую уже не вернуть’. Информацию зачина и концовки можно сопоставить друг другу: *...солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр – кайда соң хәзер ул вакытлар? Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар* – ‘...молодость, проведенную до того, как стал солдатом, радостные дни того времени – Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть’. Искажения фактической информации не наблюдается.

В ССЦ выявлены языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне активизированы следующие языковые особенности:

- трехкратное повторение слова *гомер* – ‘жизнь’, которое является центральной лексемой смыслового ядра ССЦ;

- применение контекстуальных антонимов *яшь гомер* – ‘молодость’, *арткы гомер* – ‘жизнь, оставшаяся позади’; антонимов *бүгенге күк* – ‘как сегодня’, *кичә генә айткәндәй* – ‘как будто сказал вчера’ помогают автору разделить жизнь героя на две части;

- употребление в контексте предложений на русском языке: «Настя, я люблю», «Я тоже». Автор мог бы их перевести на татарский язык, но он этого не сделал, так как именно эти два предложения помогают автору раскрыть глубокие чувства героев и трагизм судьбы двух представителей разных национальностей.

На морфологическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

- повторяющееся личное местоимение *ул* – ‘он’ в разных падежных формах обеспечивает анафорическую связь между предложениями ССЦ;

- употребление в форме множественного числа подлежащих зачина и концовки объединяет их в функциональном, семантическом и грамматическом планах;

- наречия времени *кичә* – ‘вчера’, *хәзер* – ‘сейчас’ и места *артта* – ‘позади’ также противопоставляют действия, описанные в ССЦ, помогают раскрыть чувства героя, в данном случае чувство сожаления. Междометие *ах* усиливает это чувство лирического героя.

На синтаксическом уровне можно отметить следующие языковые особенности:

- номинативное предложение *Ах, гомер* – ‘Ах, жизнь’ употреблено для выражения начала воспоминаний героя;

- инверсия в последних двух предложениях, которые составляют концовку ССЦ, подводят итог и подчеркивают это в грамматическом плане. Такую же функцию выполняет и форма вопроса и ответа в концовке ССЦ: *Кайда соң хәзер ул вакытлар? Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар.* – ‘Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть.’

На фонетическом уровне активизированы нижеследующие языковые особенности:

- сочетание пятикратного повторения увулярного звука *р* и наличие слога с двумя согласными звуками подряд в одном предложении

(*Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар* – ‘Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть’) показывает финальную точку развития микроидеи ССЦ.

На морфемном уровне можно указать следующие языковые особенности:

- однокоренные слова *учитель, учительлек* – ‘учительство’; *елмайган (иде), елмая* – ‘улыбнулась, улыбка’; *артта, арткы* – ‘позади, оставшаяся позади’ выполняют функцию средства связи между предложениями ССЦ.

В текстах художественной литературы часто встречаются ССЦ с противительными отношениями между компонентами. Предложения, которые входят в состав таких ССЦ, создают семантико-грамматическое единство. В них главным является то, что такие сообщения строятся именно путем передачи присущих предложениям ССЦ противоречий.

Продемонстрируем данное положение на примере ССЦ, вычлененного из текста рассказа Ф. Амирхана «Ул үксез бала шул!» (‘Он ведь сирота!’) [Эмирхан]

Ул үксез бала шул!

(1) Гаёт көнне мин ишек алдына яңа киёмнәрмә киенеп чыктым. (2) Күлмәк, кәләүш һәм читекләрем генә түгел, минем казакием дә өр-яңа. (3) Шушы гаекә генә тектерелгән казаки иде.

(4) Безнең ишек алдында минем белән яшәтеш малайлар аз түгел иде. (5) Алар да бүген яңа киёмнәр киенгәннәр, үзләренчә кушшыланганнар, матурланьшканнар иде. (6) Бары бер генә, бер кечкенә генә малай бүген безнең шикелле киенмәгән, үзенә һәрвакыттагы иске киёмәндә иде. (7) Бу малай, былтыр ата-анасы үлгәнлектән, бу ел берүдә хезмәт итеп торган асрау малай Нури. –

Он ведь сирота!

В день религиозного праздника я вышел во двор в новой одежде. У меня новые не только рубашка, тюбетейка и ичиги, но и мой казакин. Это был казакин, специально сшитый к празднику. У нас во дворе мальчиков моего возраста было немало. И они сегодня были одеты в новую одежду, по-своему нарядные, красивые. Лишь один, один маленький мальчик, был сегодня одет не так, как мы, он был в своей повседневной старой одежде. Это был мальчик Нури, который жил в приемной семье, так как в прошлом году умерли его родители.

ССЦ состоит из заголовка текста (названия) и 7 предложений. Зачином выступает заголовок текста *Ул үксез бала шул!* – ‘Он ведь сирота!’ Смысловое ядро: *үксез бала* – ‘сирота’. Структурно медиальная часть разделена на два компонента. Первый компонент составляют первые пять предложений, где описываются мальчики, живущие в достатке, у них есть родители, кото-

рые к празднику купили им новую одежду. Второй компонент формируют шестое и седьмое предложения. Они противопоставляются первому компоненту: описывается мальчик сирота, который отличается от тех детей.

Концовкой ССЦ является последнее седьмое предложение.

Контекстуальные синонимы, которые расположены в зачине и в концовке, отвечают за структурную целостность ССЦ: *уксез (бала)* – ‘сирота’, *асрау (малай)* – ‘мальчик, который живет в приемной семье’. Мальчик – сирота, поэтому вынужден жить в другой семье. Тем самым в концовке раскрывается и причина противоречий, описанных в медиальной части ССЦ.

В ССЦ можно указать и языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне выявлены такие языковые особенности:

- повторяющаяся лексема *кием* – ‘одежда’ указывает на то, что лирический герой, именно сравнив одежду, сделал выводы о статусе других детей;

- антонимы *яңа / иске* – ‘новый / старый’, *былтыр / бу ел* – ‘в прошлом году / в этом году’; контекстуальные антонимы *шушы гаеткә генә тектерелгән (кием) / һәрвакыттагы (кием)* – ‘(одежда) сшитая на этот праздник / повседневная (одежда)’ участвуют в выражении противительного отношения между предложениями ССЦ;

- синонимы *бала, малай* – ‘ребенок, мальчик’ определяют возраст героев; они же вместе с вышеназванными контекстуальными синонимами *уксез / асрау* – ‘сирота, живущий в приемной семье’ объединяют части ССЦ в структурном плане.

На морфологическом уровне отмечены следующие языковые особенности:

- личные местоимения *мин* – ‘я’ и *без* – ‘мы’ в разных падежных формах по цепочке связывают предложения ССЦ между собой;

- указательное местоимение *бу* – ‘этот’, которое повторяется в концовке ССЦ два раза, отделяет конкретного мальчика от его сверстников и привязывает происходящее к определенному отрезку времени;

- применение форм степени сравнения прилагательного *яңа* – ‘новый’ делает акцент именно на том, что вся одежда мальчика новая, неношенная (*казакием дә әр-яңа* – ‘и мой казакин совершенно новый’);

- повтор конструкции *числительное + ограничительная частица генә* (‘лишь’) еще раз подчеркивает то, что такого плохо одетого ре-

бенка больше нет, то есть данная конструкция участвует в создании противительного отношения;

- наличие наречия времени *бүген* – ‘сегодня’ привязывает действие к конкретному дню;

- положительная и отрицательная формы глагола *киенгәннәр / киенмәгән* – ‘надели / не надели’ подтверждают противительное отношение между компонентами медиальной части.

На синтаксическом уровне обнаружены следующие языковые особенности:

- противительный союз *бары* – ‘лишь’ является основным показателем противительного отношения между двумя компонентами медиальной части ССЦ;

- однородные подлежащие, связывающиеся между собой интонацией перечисления, сочинительным союзом *һәм* – ‘и’ частицами *генә түгел* – ‘не только’ во втором предложении, и однородные сказуемые в пятом предложении акцентируют внимание на сходстве мальчика-рассказчика и других его сверстников: они все в новой одежде, они все красивые, нарядные;

- повторяющаяся форма сказуемых, имеющих в составе вспомогательный глагол *иде*, переносят действие в прошедшее время, а отсутствие данной формы в последнем предложении в грамматическом плане подтверждает то, что именно это предложение является концовкой ССЦ.

На фонетическом уровне выделены такие языковые особенности:

- многосложные слова *кушыланганнар* – ‘принарядились’, *матурланышканнар* – ‘прихорошились’ с шипящей *ш* в составе, расположенные в последнем предложении одной из противопоставляемых компонентов медиальной части, вместе с послелогом *шикелле* – ‘как’ в первом предложении другого компонента также участвуют в создании противительного отношения между компонентами ССЦ.

На морфемном уровне выявлены следующие языковые особенности:

- однокоренные слова *үзенең / үзләренчә* – ‘свой / по-своему’ помогают выражать противительное отношение между компонентами. Те мальчики одеты в новую одежду, они по-своему нарядные, красивые, а этот был в своей повседневной старой одежде. Ряд однокоренных слов *кием – киенеп – киенгәннәр* – ‘одежда – одевшись, оделись’ объединяют предложения ССЦ между собой.

Противительные союзы в ССЦ могут выражать и сопоставительные отношения. Рассмотрим пример из повести Р. Низами «Сәйдәшнәң»

соңгы елы» (‘Последний год Сайдаша’) [Низами, с. 17]:

(1) Салихны иң нык эсэрткәне икенче нэрсэ иде. (2) Гармун! (3) Менэ кайда якыннан күрде ул аны. (4) Бер абый кулындагы гармунын сайрата гына! (5) Ачылып-ачылып киткән яшел күрекләренә сандугач кереп оялаган диярсең... (6) Сыгылмалы бармаклары гармун телләрендә, әле берсенә, әле икенчесенә күчә-күчә, елдам бииләр. (7) Кара төймәле бакаларына басып, кайчакны аккордлар да биреп куя ул. (8) Гармунның елтыр яңаклары исә кояш нурларында чагылып-чагылып китә... (9) Бу инде сиңа әргән ише генә түгел!

(10) Берәздән гармунчы озын моңлы бер көйгә күчте. (11) Нинди көй икән бу? (12) Ул чакта кечкенә Салихжан моның “Шахта көе” икәннән каян белсен, ди!

(13) Ташаяк ярминкәсеннән энә шулай эсәрләнеп кайтты Салих. (14) Насретдин жизнәсенә эштән, сәүдә юлыннан бушаганы юк, гармун артыннан йөрергә вакыты тар аның.

(15) Ә шулай да сүзендә торды ул: малайга Варақсиннар остаханәсеннән жыйнак кына бер гармун күтәреп кайтты. (16) Салихның бер-ике көннән соң “Эпипэ” көен уйнап күрсәтүе өйдәгеләрнең исен китәргән иде. –

То, что сильно удивило Салиха, было другое. Гармонь! Вот где он ее увидел так близко. Дядя только так играет на гармошке!словно в распахнутых зеленых мехах гнезвился Соловей... Гибкие пальцы танцуют на клавише гармонии, плавно переходя от одной к другой. Иногда он брал аккорды, нажимая на черные клавиши. А блеск гармошки отражается в лучах солнца... Это тебе уже не орган!

Через некоторое время гармонист переключился на длинную мелодию. Что это за мелодия? Откуда же мог знать тогда маленький Салихзян, что это «Шахта көе»!

Вот таким вот взволнованным вернулся Салих с ярмарки Ташаяк. Зять Насретдин был всегда сильно занят, у него не было времени пойти купить гармошку.

И все же он сдержал слово: из мастерской Варақсинных купил мальчику гармонь. Когда Салих через день-два сыграл мелодию «Эпипэ», все домочадцы были сильно удивлены.

ССЦ состоит из 16 предложений. Зачин данного ССЦ *Салихны иң нык эсэрткәне икенче нэрсэ иде. Гармун!* – ‘То, что сильно удивило Салиха, было другое. Гармонь!’ выражен номинативными предложениями. Смысловое ядро данного ССЦ сконцентрировано в словах *эсэрткән, гармун* – ‘то, что сильно удивило, гармонь’.

Медиальная часть ССЦ состоит из трех компонентов. Первый – с третьего по двенадцатое предложения, в которых описывается впечатление Салиха, полученные после того, как он уви-

дел гармонь. Второй компонент – тринадцатое и четырнадцатое предложения. Тринадцатое предложение завершает микроидею первого компонента. Четырнадцатое предложение начинает новую микроидею ССЦ. Пятнадцатое предложение составляет третий компонент медиальной части ССЦ. Его информация сопоставляется с микротемой второго компонента. Эти три компонента раскрывают одно смысловое ядро, поэтому они составляют одно ССЦ.

Таким образом, медиальная часть ССЦ содержит 14 предложений. Концовка ССЦ – шестнадцатое предложение.

В ССЦ выделены языковые показатели на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне выявлены:

- пятикратное повторение слова *гармун* – ‘гармонь’, которое является центральной лексемой смыслового ядра ССЦ;

- повторение лексемы *көй* – ‘мелодия’ в конце первого компонента медиальной части подряд в трех предложениях указывает на его завершение, а употребление ее в последнем предложении концовки, во-первых, связывает предложения ССЦ, во-вторых, подтверждает завершение ССЦ;

- выражения *гармунын сайрата* (букв. ‘заставляет гармонь петь как соловей’), *сандугач кереп оялаган диярсең* – ‘словно гнезвился соловей’, *бармаклары бииләр* – ‘пальцы танцуют’, *гармунның елтыр яңаклары* – ‘блеск гармошки’ помогают пояснить читателю, почему Салих был очарован именно этим инструментом;

- фразеологизм *исен китәргән* – ‘удивил’, синонимы *эсэрткән* – *исен китергән* – ‘очаровал – удивил’ служат для связи зачина и концовки ССЦ: вначале Салих сам был сильно удивлен, а в конце сам удивил своих близких;

- контекстуальные антонимы *гармун* – ‘гармонь’, *әргән* – ‘орган’ в данном отрывке подчеркивают, что герой отдает предпочтение гармонии.

На морфологическом уровне отмечены следующие языковые особенности:

- личные местоимения в разных падежных формах обеспечивают анафорическую связь между предложениями ССЦ;

- указательные местоимения *әнә* – ‘вот’, *шулай* – ‘так’ в первом предложении второго компонента заменили все сказанное в первом компоненте и обеспечили связь между ними.

На синтаксическом уровне можно указать такие языковые особенности:

– восклицательные и вопросительные предложения помогают читателю понять, как сильно был потрясен Салих, его эмоции;

– противительный союз *ә* ‘а’ выражает сопоставительное отношение между компонентами медиальной части ССЦ. Да, Насретдин очень занятый человек, но он нашел время для того, чтобы сходить и купить гармонь Салиху. Союз *ә* ‘а’ также помогает автору раскрыть характер Насретдина. Он – человек слова;

– номинативные предложения зачина определяют смысловое ядро ССЦ;

– повторяющийся вспомогательный глагол *иде* в зачине и в концовке, который не встречается в медиальной части, доказывает грамматическую целостность ССЦ.

На фонетическом уровне важным является восклицательная интонация, которая служит для выражения сильного чувства восторга (Гармун! ‘Гармонь!’ *Бер абый кулындагы гармунын сайратагына!* – ‘Дядя только так играет на гармошке!’; *Бу инде сиңа эргән ише ганә түгел!* – ‘Это тебе уже не орган!’), удивления (*Ул чакта кечкенә Салихҗан моның “Шахта көе” икәнән каян белсен, ди!* – ‘Откуда же мог знать тогда маленький Салихзян, что это «Шахта көе»!’).

На морфемном уровне выделены следующие языковые особенности:

– парные слова *ачылып-ачылып* (*киткән күрекләр*) – ‘распахнутые (меха)’, *күчә-күчә* (*бишләр*) – ‘плавно переходя (танцуют)’ употреблены для выражения повторяющихся действий;

– однокоренные слова *гармун, гармунчы* – ‘гармонь, гармонист’ связывают предложения ССЦ.

В текстах художественной литературы можно выделить и сложные синтаксические целые со следственными отношениями между частями. В качестве примера указанного типа предлагается анализ ССЦ из текста Г. Сабитова «Тәүге соклану» (‘Первый восторг’) [Сабитов, с. 44–45]

(1) Башымны күтәрдем, күккә карадым. (2) Һәм кинәт шунда бөтен кайгы-хәсрәтләрем, юып алгандай, юкка чыкты. (3) Күктә-биектә, зәп-зәңгәр төпсез тирәнлектә ике генә өем ак болыт йөзә иде. (4) Күземне томалаган мөлдәрәмә томан аша, ниндидер сихри тамаша булып күренделәр миңа алар, ак болытлар. (5) Моңа кадәр бер дә күргәнем булмаганмы шуларны? (6) Әнием арыш урганда, айман күлэгәсендә чүпрәк имезлек имеп ятканда күзем төшмәгәнме?

(7) Бәбкә чирәмәндә аунап-аунап уйнаган чакларда искәргәнем булмаганмы?

(8) Юктыр, ахрысы, беренче күрүем шушы булгандыр. (9) Күрдәм дә күнелемне эсир иттеләр.

(10) Ак болытлар, ак болытлар! (11) Шул көннән соң гомерем буена юлдаш булды алар миңа. (12) Урманнарда йөрсәм, яфракларны аралап, зәңгәр күктән

эзләдем. 13) Су коенсам, дулкыннарға чалкан ятып, һаман күккә бактым. (14) Жырласам, жырларыма керде шул өем болытлар, ятсам – төшләремә. –

Я поднял голову, посмотрел на небо. И вдруг вся моя печаль вмиг исчезла. В небе, высоко в голубой бездне, плавали две кучки белых облаков. Они, белые тучи, сквозь туман, окутавший мои глаза, показались мне каким-то волшебным зрелищем. Неужели я их раньше не видел? Когда мама убирала рожь, а я в тени сосал соску, я не увидел?

Не замечал ли я, когда играл на траве?

Нет, я впервые их увидел, наверное. Как только увидел, они пленили меня.

Белые облака, белые облака! С тех пор они стали для меня спутниками на всю жизнь. Когда ходил по лесам, сквозь листья искал их в голубом небе. Когда я купался, я лежал на волнах и все время смотрел в небо. Если пел, то в мои песни вливались эти облака, если ложился – в мои сны.

ССЦ состоит из 14 предложений. Смысловое ядро выражено подлежащим и группой подлежащего третьего предложения: *ике өем ак болыт* – ‘две кучки белых облаков’.

Зачином являются первые четыре предложения.

Медиальная часть состоит из двух компонентов. Второй компонент начинается с восьмого предложения. С десятого по четырнадцатое предложения – концовка ССЦ.

Структура первого компонента медиальной части очень своеобразна. Она состоит из вопросительных предложений, которые герой адресовал самому себе.

Пояснение *ак болытлар* – ‘белые облака’, расположенное в зачине, будучи повторенным в концовке, отвечает за структурную целостность ССЦ. Порядок слов в предложениях зачина и концовки, перестановка местами местоимения *миңа* (‘мне’) и *алар* (‘алар’) в четвертом и одиннадцатом предложениях связывают, объединяют в одно целое компоненты ССЦ.

В анализируемом ССЦ также выявили языковые особенности на всех уровнях.

На лексическом уровне:

– синонимы *карадым* – ‘смотрел’, *күзем төшмәгәнме* – ‘не замечал’, *күргәнем булмаганмы* – ‘не видел’, *искәргәнем булмаганмы* – ‘не обращал внимания’ по цепочке связывают предложения первой части ССЦ между собой;

– употребление в роли синонима к слову *карадым* – ‘смотрел’, расположенному в зачине, устаревшее слово *бактым* – ‘смотрел’ в концовке, также создает целостность между компонентами ССЦ;

– слово *кинәт* – ‘вдруг’ указывает на мгновенные изменения в душе героя.

На морфологическом уровне отмечены следующие языковые особенности:

- функция личных местоимений *миңа* – ‘мне’, *алар* – ‘они’ описана выше;
- трехкратное выражение сомнения *юктыр* – ‘нет, наверное’, *ахрысы* – ‘наверно’, *булгандыр* – ‘возможно, был’ подтверждают неуверенность героя в своих словах;
- употребление глаголов в отрицательной форме и вопросительная частица *-мы /-ме* уже предполагают отрицательный ответ на вопросы, сформулированные в первом компоненте;
- повторение прилагательного *зәңгәр* – ‘голубой’ в зачине и концовке связывает эти две части;
- указательные местоимения *шул* – ‘тот’, *шушы* – ‘этот’, *шуларны* – ‘их’, *шунда* – ‘там’ выступают средством связи между предложениями ССЦ и избавляют от ненужных повторов;
- в конструкции *ике генә өем* – ‘лишь две кучки’ частица *генә* – ‘лишь’ указывает на малое количество облаков. Их мало, но они сотворили чудо.

На синтаксическом уровне выявлены такие языковые особенности:

- определенно-личные предложения (5, 6, 7 предложения) являются грамматическим показателем границ второго компонента медиальной части;
- инверсия в предложениях зачина и концовки (4, 10 предложения) также в структурном плане связывают части ССЦ;
- номинативное предложение *Ак болытлар, ак болытлар!* – ‘Белые облака, белые облака!’ еще раз выделяет лексемы смыслового ядра, является показателем начала концовки ССЦ и, как было уже отмечено, отвечает за структурную целостность ССЦ.

На фонетическом уровне выделены следующие языковые особенности:

- постепенное уменьшение количества слогов в концовке интонационно завершает ССЦ: *ур-ман-нар-да йөр-сам* (6) – *су ко-ен-сам* (4) – *жыр-ла-сам* (3) – *ят-сам* (2).

На морфемном уровне отмечены следующие языковые особенности:

- различные грамматические формы слов (*күр, күрү, күрдем, күренделәр, күргәнем булмаган* – ‘увидь, увидеть, увидел, показались, не видел’) также связывают предложения ССЦ.

Анализ художественных текстов позволил также выявить временные отношения между частями ССЦ. Грамматически компоненты таких ССЦ связываются между собой посредством носительных слов. Примеры данных отношений

чаще встречаются в фольклорных текстах, особенно в сказках.

Рассмотрим в виде примера миф «Жир ничек яралган?» («Как образовалась Земля?») [Татар халык иҗаты, с. 23]

Жир ничек яралган?

1) Элек заманнарда дөнья тоташ судан гына торган. 2) Кешеләр әле булмаган. 3) Суда балыклар һәм су кошлары гына яшәгәннәр. 4) Шунда бер үрдәк су төбенә чумып, борыны белән бер кисәк балчык алып чыккан. 5) Бу зурайган һәм шуннан жир хасил булган, ди. –

Как образовалась Земля?

В прежние времена мир состоял только из сплошной воды. Людей еще не было. В воде жили только рыбы и водоплавающие птицы. Тут утка нырнула на дно и достала носом кусок глины. Говорят, что он увеличился и из него образовалась Земля.

Текст небольшого по объему мифа целиком составляет одно ССЦ. Оно состоит из заголовка и 5 предложений. Смысловое ядро выражено словом *жир* («земля»).

Заголовок является зачином ССЦ.

Пятое предложение – концовка. Зачин и концовка связаны лексемой *жир* – ‘земля’ и синонимами *яралган* – ‘образовалась’, *хасил булган* – ‘образовалась’. Также в концовке содержится ответ на вопрос, сформулированный в зачине.

Медиальная часть состоит из двух компонентов. В первом компоненте (1-3 предложения) описывается то время, когда еще земли не было. Во втором компоненте раскрывается то основное событие, которое повлияло на процесс возникновения земли. Относительное слово *шунда* – ‘тогда’ связывает эти два компонента.

На лексическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

- выражение *элек заманнарда* – ‘в прежние времена’ указывает на время события, все это произошло очень давно;
- антонимы *су / жир* – ‘вода / земля’ в тексте указывают на то, что земля появилась из воды;
- повторение лексемы *су* – ‘вода’ обеспечивает анафорическую связь между предложениями ССЦ.

На морфологическом уровне отмечены такие языковые особенности:

- местоимение *бу* – ‘это’ в роли личного местоимения *ул* – ‘она’ употребляется для того, чтобы избежать повтора: *балчык – бу* (‘глина – она’) связывает предложения между собой;
- форма неопределенного прошедшего времени привязывает события ко времени.

На синтаксическом уровне выделены следующие языковые особенности:

– в зачине и медиальной части употреблены лишь простые предложения, в них описываются события, которые в итоге привели к кардинальному изменению. Им в структурном плане противопоставляется концовка, которая выражена сложносочиненным предложением. Из нее читатель узнает конечный результат, в ней ставится точка микроидеи ССЦ. Вспомогательный глагол *ди* – ‘говорят’ в данном предложении указывает на то, что информация недостоверная.

На морфемном уровне отмечены такие языковые особенности:

– однокоренные слова *су, су кошлары, су төбе* – ‘вода, водоплавающие птицы, под водой’ объединяют предложения в семантическом плане.

Таким образом, обзор ССЦ, вычлененных из текстов художественной литературы, анализ синтаксических отношений между их компонентами позволил сделать следующие выводы: для связи частей ССЦ в художественных текстах применяются языковые средства всех уровней: фонетические, морфемные, лексические, морфологические и синтаксические. Лексические средства (повторение лексем, употребление антонимов, синонимов, контекстуальных антонимов и синонимов, фразеологизмов и др.) помогают связать предложения ССЦ, участвуют в выражении синтаксических отношений между компонентами ССЦ. Морфологические выполняют различные функции в семантическом и грамматическом плане: употребление личных местоимений придают тексту искренность; частотность глаголов придает речи динамичность; употребление одной формы определенных частей речи объединяет компоненты ССЦ и др. Синтаксические средства (союзы, союзные слова; употребление одного типа предложений, однородных членов предложений, инверсия и др.) создают структурную и грамматическую целостность ССЦ. Языковые особенности на морфемном уровне (однокоренные слова, различные грамматические формы слов и др.) выполняют функцию средства связи между предложениями ССЦ. Особенности на фонетическом уровне участвуют в создании синтаксических отношений между компонентами ССЦ.

При создании текста авторы используют весь арсенал имеющихся в языке средств. Структура и смысловое строение в ССЦ взаимосвязаны. Это способствует возникновению специфической структурно-семантической особенности ССЦ. Изменение любой структурной составляющей ССЦ влечет за собой переориентации акцентов смысла.

Список литературы

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2007. 268 с.

Папуша И. С. Аккумуляция языковых средств в герме сложного синтаксического целого // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. № 4, С. 222–226.

Әмирхан Ф. Ул үк сөз бала шул. Казан: Мәгариф, 1921. 15 б.

Низами Р. Без яшибез. К: Тат. кит. нәшр. 2011. 526 б.

Сабитов Г. Тәүге соклану // Ялкын. 2011. № 8. 44–45 б.

Татар халык ижаты: Хрестоматия. Казан: Мәгариф, 2004. 478 б.

Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2007. 400 б.

References

Amirkhan, F. (1921). *Ul yksez bala shul*. [An Orphaned Child]. 15 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Borbot'ko, V. G. (2007). *Printsipy formirovaniia diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinernetike*. [Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguosynernetics]. 268 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

Nizami, R. (2011). *Bez iashibez*. [We Live]. 526 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)

Papusha, I. S. (2010). *Akkumuliatsiia iazykovykh sredstv v germe slozhnogo sintaksicheskogo tselogo* [Accumulation of Language Means in the Herm of a Difficult Syntactic Unit]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Iaroslavl', Izd-vo IaGPU, No. 4, pp. 222–226. (In Russian)

Sabitov, G. (2011). *Təyge soklanu* [The First Rapture] *Ialkyn*. No. 8, pp. 44–45. (In Tatar)

Tatar khalyk igaty: Khrestomatiia. (2004) [Tatar Folk Art: A Textbook]. 478 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Tatar khikəialəre: XX gasyr bashy. (2007) [Tatar Stories: The Beginning of the XX Century]. 400 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

The article was submitted on 17.11.2021

Поступила в редакцию 17.11.2021

Гиниятуллина Лилия Миннулловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан,
420111, Россия, Казань,
К.Маркса, 12.
gin_liluk@mail.ru

Giniyatullina Liliya Minnullovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Institute of Language, Literature and Art named
after G. Ibragimov, the Academy of Sciences of
the Republic of Tatarstan,
12 Karl Marx Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
gin_liluk@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-61-65
УДК 811.161.1

ДЕНЬГИ В РАСТИТЕЛЬНОМ КОДЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

© Мария Зайцева

MONEY IN THE FLORA CODE OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

Maria Zaitseva

Despite the prevalence of research, based on the representation of language and culture as encoded sign systems, this scientific trend has remained relevant over the past several decades largely due to the ambiguity of the concept of the 'linguocultural code' itself. The article studies the flora cultural code in close relationship with the origin and evolution of the forms and types of money. In this way, we reveal the ontological essence of the flora cultural code in the Russian language culture.

The purpose of the paper is to identify the pragmatic potential of the flora code symbolic elements in the Russian linguistic culture. To this end, we studied folk ideas about the plant and material world both in the historical and cultural context, identified, linguoculturologically described and analyzed the 'flora images' of money in the Russian language.

The cognitive analysis of the meaning-forming language units, which make up one of the basic codes in the Russian linguoculture, determines the relevance of our research. Russian spells, folk rituals, proverbs and sayings, phraseological units, idioms, literary texts of classical Russian literature, modern fiction prose, and media texts formed the empirical basis of the research.

The analysis of the material shows that the Russian flora linguocultural code contains the archetypes of money. It contains the axiological sense of the economic essence of money as a means of exchange and circulation (vegetabilistic money), a means of calculation and payment (usury). Thus, the flora code of Russian linguoculture is considered not only in the semantic aspect (which is the base of the analysis) – but also in terms of its pragmatic potential.

Our research involves empirical, theoretical, etymological, linguocognitive and descriptive research methods, the methods of component and contextual analysis, used for the interpretation of meanings, disclosure of the internal form and content of language units – symbolic elements of the flora code in Russian linguoculture.

Keywords: flora code of culture, money, Russian language, vegetabilistic money, money 'to growth'.

Несмотря на распространенность исследований, основанных на представлении языка и культуры как закодированных знаковых систем, данное научное направление остается актуальным на протяжении последних десятилетий во многом в связи с неоднозначностью самого понятия «лингвокультурный код». В статье рассматривается растительный культурный код в тесной взаимосвязи с происхождением и эволюцией форм и видов денег. Таким образом, автор раскрывает онтологическую сущность растительного культурного кода в русской языковой культуре.

Цель статьи – выявить прагматический потенциал знаковых элементов растительного кода в русской лингвокультуре. С этой целью автором были изучены народные представления о растительном и материальном мире в историко-культурном контексте, выявлены и лингвокультурологически описаны и проанализированы «растительные образы» денег в русском языке.

Актуальность исследования определяется востребованностью когнитивного анализа смыслообразующих языковых единиц, составляющих один из базовых кодов в русской лингвокультуре. Эмпирическую базу исследования составил обширный лингвистический материал русских заговоров, народных обрядов, пословиц и поговорок, фразеологизмов, идиом, художественных текстов классической русской литературы, современной художественной прозы, медиатекстов.

Анализ материала показал, что растительный лингвокультурный код содержит архетипические представления о деньгах. В нем заключен ценностный смысл экономической сущности денег как средства обмена и обращения (вегеталистические деньги), средства расчета и платежа (ростовщичество). Таким образом, растительный код русской лингвокультуры рассмотрен не только в семантическом аспекте (являющемся базовым при анализе), – раскрыт также его прагматический потенциал.

При анализе задействованы эмпирический, теоретический, этимологический, лингвокогнитивный и описательный методы исследования, методы компонентного и контекстуального анализа,

примененные при толковании значений, раскрытии внутренней формы и содержания языковых единиц – знаковых элементов растительного кода русской лингвокультуры.

Ключевые слова: растительный код культуры, деньги, русский язык, вегеталистические деньги, деньги в рост.

С лингвокультурологических позиций язык рассматривается как хранитель, транслятор и выразитель культурно-исторической памяти народа (Н. Ф. Алефиренко, А. Вежицка, Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. А. Маслова, М. В. Пименова, В. Н. Телия и др.). Вслед за Изотовой мы считаем, что «коды культуры определяют картину мира» [Изотова, с. 5]. Согласно Н. Ф. Алефиренко, «лингвокультурный код – это система означивания, то есть сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов, которые используются в процессах смыслообразования и репрезентации смыслов» [Алефиренко, с. 61–62]. В. А. Маслова утверждает, что «кодом задается значимость знака, а интерпретатор (пользователь) эту информацию расшифровывает» [Маслова, с. 137].

В нашем представлении рассматриваемая «совокупность знаков и механизмов», лежащая в основе понятия культурного кода, в процессе эмпирического, чувственного познания окружающей действительности интерпретируется в образы, обладающие национальной идентичностью у каждого народа. Одним из таких культурных кодов является растительный (вегетативный, фитоморфный, флористический) код культуры. В нем отражены архетипические представления человека о природном мире как о биологическом мире живых растительных организмов, окружающих его на протяжении всей его жизни. Согласно этим представлениям этот код хранит культурно-историческую память народа. Он является базовым в любой лингвокультуре, поскольку связан с жизнедеятельностью человека.

Социально-экономическая сфера жизнедеятельности человека выделяется как важнейшая в современной повседневности бытия человека. В этой сфере существенная роль отводится деньгам. Исследований, посвященных выявлению растительного кода денег, нами выявлено не было, что обусловило новизну нашего исследования.

Растительный код рассматривают как самостоятельный базовый (Г. М. Васильева, В. А. Маслова, Е. А. Хомяков и др.), в составе пищевого кода культуры (А. В. Боровкова (Балдова), К. А. Власова, О. А. Дормидонтова, Е. В. Капелюшник, Н. А. Устинова, Е. А. Юрина), в со-

вокупности с архитектурным и духовным культурными кодами (В. А. Маслова), во взаимодействии с цветовым кодом (О. И. Василенко), в составе биоморфного кода (А. У. Бейсембаева). Вслед за В. В. Красных мы считаем, что «между кодами культуры нет и не может быть жестких границ» [Красных, с. 6], так как они взаимосвязаны и обладают взаимопроникновением в любой культуре.

Теоретическим материалом настоящего исследования послужили научные статьи и монографии по теме исследования, толковые словари русского языка, словарь русских пословиц и поговорок русского народа. Источником эмпирического материала явились интерактивные данные Национального корпуса русского языка.

Славянские культурные представления о мире растений связаны, прежде всего, с магией слова (заговорами), суевериями и народными обрядами. В. В. Усачева выделяет ключевую роль растений в формировании архаической картины мира в славянском языковом сознании [Усачева, с. 84–126, 161–248]. Наши предки относились к растениям как к живым существам. Бытовал специальный ритуальный обряд добывания растения. Прежде чем сорвать цветок или выкопать растение, их окружали золотыми или серебряными монетами, затем произносили заговор или читали псалом. После этого цветок или растение помещали в красный или золотой шелковый лоскут ткани и бережно уносили с собой. У каждого значимого в народном представлении растения был свой небесный покровитель.

У кладоискателей и землепашцев был общий небесный покровитель Симон Зилот. Наши предки верили, что с помощью магических способностей растений – мифического цветка папоротника или расковника – можно не только обнаружить, но и откопать клад. Отсюда возникло народное название расковника – *разрыв-трава*, которая якобы разрывала замки на сундуках с сокровищами.

Сакральный в славянском понимании мир растений наделялся прагматическим содержанием. В языковом сознании славян круглые листья растений ассоциативно связывались с монетами. Про сорное растение «осот» говорили: *Растет красна и светла трава, листочки кругленьки, что денежки* (цит. по: [Стрижев, с.

493]) (здесь и далее разрядка наша – М.З.). Осот рекомендовали держать торговым людям и купцам, так как верили, что он умножает деньги.

Таким образом, в славянском, а позднее и в русском языковом сознании укоренилась устойчивая взаимосвязь материально-денежной сферы жизнедеятельности человека с природным миром растений.

До появления монетных денег их роль выполняли различные товары, среди которых особое место занимали товары растительного происхождения. Деньги в виде растений и их семян и плодов – зерна, табака и т. д. – входили в так называемую вегеталистическую (лат. *vegetabilis* – растительная) группу классических товарных денег, когда реальные товары растительного происхождения выступали в качестве денежного эквивалента.

Первобытные формы денег были необычайно разнообразны и зависели от естественной среды обитания – местных природно-климатических условий. Виды их различались в зависимости от рода занятий групп населения. Плодородные почвы располагали к занятию земледелием. За эталон единицы веса принимались пользовавшиеся устойчивым спросом семена растений. В странах Европы была востребована пшеница. У восточных славян средством товарообмена и исходным мерилем веса было простое хлебное зерно.

Культурный хлебный злак символизировал богатство, которое оценивалось по наполненности амбаров, закромов зерном. Растущие желтые колосья пшеницы напоминали золото и вели к достатку, о них говорили: *Тонко деревцо животы качает* [Даль, с. 387]. Бескрайние поля пшеницы, снопы, мешки зерна и мельницы излучали и хранили энергию благополучной жизни, олицетворяли зажиточность, хозяйственность. Хороший урожай зерна предвосхищал удачную торговлю и сытую жизнь зимой, плохой урожай вёл к голоду и безденежью. Таким образом, испокон веков на Руси пшеничный злак символизировал жизнь, изобилие и счастье.

Ассоциативная связь семян растений – зерна и денег проявилась во фразеологизме русского языка *Денег куры не клюют: Денег в семье куры не клюют, имеем все: дом, машины, золото, бриллианты, едим на платине, ходим по серебру* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки) [НКРЯ].

Бытовала поговорка: *Сей пшеницу на Симона Зилота – родится, аки золото!* [Даль, с. 322]. *Сеять* имеет значение «разбрасывать семена на подготовленную для посева почву» [БТСРЯ, с. 1181]. В русском языке глаголы (*по*)сеять упот-

ребляются в сочетании с деньгами: *Другими словами, он сеял деньги лишь там, где надеялся сторицею собрать жатву* (Н. Гейнце. В тине адвокатуры) [НКРЯ]. *Посеять* имеет переносное значение «потерять» [СТСРЯ]: *Однако сколько мы с тобой денег-то посеяли* (М. Горький. Фома Гордеев) [НКРЯ].

В основе растительного кода культуры лежит понятие «растение» – «организм, питающийся неорганическими веществами воздуха и почвы, обычно прикрепленный к месту своего обитания» [БТСРЯ, с. 1100]. Этимология слова *растение* связана с производным словом *расти*, произошедшим от праславянского **orsti* – «плести». Смысловая составляющая слова *растение* связана с ростом: «Слово *рост* (от древнеславянского *orstь*) имеет общую основу с латинским *arduus* – ‘высокий, большой’, буквально ‘стремящийся ввысь’» [От какого слова произошло слово растение].

Выражение *давать деньги в рост* («под проценты») на Руси было связано с ростовщиками и ростовщицеством: *Всем было известно, что великий князь не только покровительствовал киевским ростовщикам, но и сам отдавал деньги в рост через посредство своих приближенных* (А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха) [НКРЯ].

Обращение к русской литературе позволяет проследить наивные представления о данном виде денежного займа в культурно-историческом контексте: *Один крестьянин, слыхавший о том, что можно деньги класть в рост и получать годовые проценты, закопал скопленные им сто рублей в землю на целый год* (Н. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача) [НКРЯ].

Данный вид дохода не входил в морально-этические и религиозные нормы поведения на Руси: *Средневековая католическая церковь считала большим грехом и запрещала давать деньги в рост*» (В. Рябушинский. Судьба русского хозяина) [НКРЯ].

Сочетание *давание денег в рост* употребляется и в современном русском языке: *Клановая экономика отказывается брать чужие деньги в рост* (Время МН, 2003) [НКРЯ]. В медиатексте обыгрывается евангельская притча о таланте – весовой и счетной денежной античной единице, которую, вместо того, чтобы «пустить в рост», закопали в землю подобно растению: *На сегодняшний день мы имеем финансовую систему одного таланта – когда люди нацелены на сохранение, а не на рост капитала, деньги надежнее зарывать в землю, а не пускать в оборот* (Известия,

2003.01.28) [НКРЯ]. *Зарыть талант в землю* означает «не заботиться о росте, развитии».

Таким образом, в рассмотренных фразеологизмах и идиомах русского языка закодирована духовная, культурно-историческая память народа, а также отражены архетипические представления о социально-экономической сфере жизнедеятельности человека в русском языковом сознании, через призму растительного кода русской лингвокультуры воссозданы «растительные образы» денег.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что растительный код русской лингвокультуры хранит не только историческую память русского народа и его языковые и культурные традиции, а также содержит важную знаковую информацию, обладающую прагматическим потенциалом. Фразеологизмы русского языка *Денег куры не клюют*, *(По)сеять деньги*, идиоматическое выражение *Давать деньги в рост* являются трансляторами культурных смыслов, составляющими практическую и духовную ценность для русского народа.

Список принятых сокращений

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка
НКРЯ – Национальный корпус русского языка
СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Академия, 2002. 394 с.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа в 2 ч. Часть 2. М.: ЛитРес, 2021. 544 с.

Изотова Н. Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 4А. С. 5–11.

Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.

Маслова В. А. Русский язык как совокупность кодов: растительного, архитектурного, духовного // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 137–140.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (даты обращения: 10.06 – 10.07.2021)

От какого слова произошло слово растение / Растения. Сборник информации о разных растениях.

15.11.2020. URL: <https://floramir.ru/ot-kakogo-slova-proizoshlo-slovo-rastenie/> (дата обращения: 15.06.2021)

Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 2. М-П. / Т. Ефремова. СПб.: АСТ, Астрель, 2006. 1168 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: 15.07.2021)

Стрижев А. Н. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Русское разнотравье. М.: Об-во сохранения лит. наследия, 2007. 568 с.

Усачёва В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

References

Alefirenko, N. F. (2002). *Poeticheskaia energiia slova. Sinergetika iazyka, soznaniia i kul'tury*. [The Poetic Energy of the Word. Synergetics of Language, Consciousness and Culture]. 394 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. (2014) [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1536 p. Gl. red. S. A. Kuznetsov. Saint-Petersburg, Norint. (In Russian)

Dal', V. I. (2021). *Poslovitsy russkogo naroda v 2 ch. Chast' 2*. [Proverbs of the Russian People in 2 Parts. Part 2]. 544 p. Moscow, LitRes. (In Russian)

Izotova, N. N. (2020). *K voprosu o prochtenii "kul'turnogo koda" v lingvokul'turologii*. [On the Reading the "Cultural Code" in Linguoculturology]. *Kul'tura i tsivilizatsiia*. No 4A. Vol. 10, pp. 5–11. (In Russian)

Krasnykh, V. V. (2001) *Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru)*. [Codes and Etalons of Culture (An Invitation to a Conversation)]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*: Sb. Statei. Otв. red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Pp. 5–19. Moscow, MAKS Press. Vol. 19. (In Russian)

Maslova, V. A. (2011). *Russkii iazyk kak sovokupnost' kodov: rastitel'nogo, arhitekturnogo, duhovnogo*. [The Russian Language as a Set of Codes: Vegetative, Architectural, Spiritual]. *Uchebnye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. V. 24 (63). No 1. V. 1, pp. 137–140. *Seriia "Filologiiia. Social'nye kommunikatsii"*. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 10.06.–10.07.2021). (In Russian)

Ot kakogo slova proizoshlo slovo rastenie (2020) [What Word Did the Word Plant Come From]. *Rasteniia. Sbornik informatsii o raznykh rasteniiakh*. 11.15. URL: <https://floramir.ru/ot-kakogo-slova-proizoshlo-slovo-rastenie/> (accessed: 15.06.2021). (In Russian)

Strizhev, A. N. (2007). *Sobranie sochinenii v piati tomakh*. [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 2. *Russkoe raznotrav'e*. 568 p. Moscow, Obshchestvo sohraneniia literaturnogo naslediia. (In Russian)

Usachiova, V. V. (2008). *Magiia slova i deistviia v narodnoi kul'ture slavian*. [The Magic of the Word and Action in the Folk Culture of the Slavs]. 368 p. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian)

The article was submitted on 06.11.2021
Поступила в редакцию 06.11.2021

Зайцева Мария Владимировна,
аспирант,
Башкирский государственный университет,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
Avenue122@ya.ru

Zaytseva Maria Vladimirovna,
graduate student,
Bashkir State University,
32 Zaky Validy Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
Avenue122@ya.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-66-71
УДК 811.161.1

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»

© Константин Калинин

NON-PERSONAL DIRECT SPEECH IN EVGENY VODOLAZKIN'S NOVEL "BRISBANE"

Konstantin Kalinin

This article studies non-personal direct speech as a means of artistic expression in modern Russian literature. The text of the novel "Brisbane" by the popular writer Evgeny Vodolazkin was selected for our analysis. The novelty of the research is the study of its expressive syntax. The widespread use of non-personal direct speech in this work allows us to draw a number of important conclusions regarding the place of reception in the space of a literary text. Note that non-personal direct speech helps to convey the attitude of the characters to each other and to the events described, and also reveals the author's standpoint. Uncertainty, that the words were uttered, blurs the boundaries between what was said and what was not, which transfers phrases into the field of mental comprehension of the world. In some examples, non-personal direct speech is an imitation of the flow of real time in an artistic space, it allows you to convey intonations of live, oral speech within the artistic text. Non-personal direct speech can form a monological and a dialogical unity and serve as a means of informing the reader about the described object. As frequent linguistic constructions that form non-personal direct speech in the novel "Brisbane", one can name plug-in constructions, rhetorical questions and rhetorical exclamations. In general, the use of non-personal direct speech in the text increases the expressiveness of especially significant episodes and enhances the rhetoric of the statement.

Keywords: non-personal direct speech, author's speech, speech of characters, monological and dialogical unity in the text, expressiveness of utterance.

Статья посвящена изучению несобственно-прямой речи как средства художественной выразительности в современной русской литературе. Для анализа выбран текст романа «Брисбен» популярного писателя Евгения Водолазкина. Это произведение ещё не привлекалось для изучения в аспекте функционирования в нём средств экспрессивного синтаксиса, что и обуславливает новизну исследования. Широкое употребление в произведении несобственно-прямой речи позволяет сделать ряд важных выводов относительно места приёма в пространстве художественного текста. Отметим, что несобственно-прямая речь помогает передать отношения персонажей друг к другу и к описываемым событиям, а также раскрывает авторскую позицию. Отсутствие уверенности в том, что слова были произнесены, размывает границы между сказанным и несказанным. Это переводит фразы в область мысленного постижения мира. В некоторых примерах употребление несобственно-прямой речи представляет собой имитацию течения реального времени в художественном пространстве, позволяет передать интонации живой, устной речи в пределах художественного текста. Несобственно-прямая речь может оформлять монологические и диалогические единства, служить средством информирования читателя об описываемом объекте. В качестве частых языковых конструкций, оформляющих несобственно-прямую речь в романе «Брисбен», можно назвать вставные конструкции, риторические вопросы, риторические восклицания. В целом, употребление в тексте несобственно-прямой речи повышает экспрессивность особо значимых эпизодов, усиливает риторичность высказывания.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, авторская речь, речь персонажей, монологические и диалогические единства в тексте, экспрессивность высказывания.

В современной художественной литературе актуализируются многие языковые приёмы преодоления традиционного построения текста. К числу таких приёмов относится несобственно-

прямая речь, которая получила широкое употребление как стилистическая фигура экспрессивного синтаксиса. Согласно определению Н. С. Валгиной, несобственно-прямой речью на-

зывается «чужая речь, непосредственно включённая в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграничивающаяся от него» [Валгина, с. 411]. Такое включение чужой речи в авторский текст предоставляет писателю большую свободу в построении произведения. Это позволяет ему более полно выразить свою позицию относительно описываемого в произведении. В точке перехода к чужой речи, включения «чужого» высказывания в прозаический текст отражается смена эмоциональной направленности [Ворон, с. 50]. Это делает несобственно-прямую речь важным аспектом достижения единства художественного текста [Русский язык, с. 162] как для писателей, так и для исследователей.

Рассмотрим художественные возможности употребления несобственно-прямой речи в тексте современной русской литературы на примере романа Евгения Водолазкина «Брисбен».

Перед описанием конкретных примеров считаем важным сделать следующую оговорку. В исследовании нами используется широкое понимание несобственно-прямой речи, которое включает в себя любые отклонения от строгого оформления прямой речи. Поэтому в статье рассматривается ряд примеров, в которых несобственно-прямая речь граничит с прямой, но не оформлена как последняя. В других исследованиях такие конструкции определяются как «непомеченная прямая речь» и «полупрямая речь». По своим функциональным особенностям такие конструкции приближаются к несобственно-прямой речи и привлекают внимание читателя. Вместе они составляют особый пласт синтаксических средств выражения экспрессивности текста.

Включение в авторское повествование конструкций с несобственно-прямой речью может помочь автору, с одной стороны, дать характеристику персонажа, с другой – выразить отношение героев произведения друг к другу. Такая двойственная роль несобственно-прямой речи ярко отражена в описании того, как Ника, жена Нестора, вызвавшегося написать книгу о главном герое, встречает последнего в своей квартире. Описывая этот эпизод, автор включает в повествование вставные конструкции, передающие несобственно-прямую речь героини:

Перед тем как сесть, Ника показывает квартиру писателя. Всё как положено: забытые до предела книжные полки (мужу дарят много книг, мы же их давно не покупаем), где вертикальная расстановка соседствует с горизонтальной. <...> Книжки на столах, на кроватях, на микроволновке и стиральной машине (писатель любит читать в ванной). Ника называет Нестора писате-

лем и очень им гордится» [Водолазкин, с. 43] (здесь и далее разрядка наша – К. К.).

Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Вставные конструкции являются довольно распространённым приёмом оформления несобственно-прямой речи в тексте. Как отмечает О. П. Глухова, они «передают внутренний мир персонажа, косвенно оценивают его поступки, поведение, речевую манеру» [Глухова, с. 273]. В таком контексте функциональные возможности вставных конструкций накладываются на особенности конструкций несобственно-прямой речи, что, несомненно, создаёт художественную выразительность отрывка.

Уверенность в том, что приведённые в скобках фрагменты относятся к речи героини, создаётся использованием форм 1 лица местоимения и глагола в первой конструкции, что в целом характерно для конструкций прямой речи, и указанием в авторском тексте на то, что использованное во второй вставной конструкции слово *писатель* входит в лексикон героини.

Две конструкции несобственно-прямой речи создают в отрывке словесный ряд текста. По определению А. И. Горшкова, под этим термином следует понимать не только «собственно словарные, лексические ряды, но и ряды всех других единиц и единств, т. е. ряды, которые могут вестись в слова или составиться из слов» [Горшков, с. 55]. Две вставные конструкции с несобственно-прямой речью не только связаны между собой, они вносят дополнительные смыслы в текст. Особое внимание представляет ряд, сформированный словами *муж – писатель*. Он выражает отношение героини к Нестору: она в нём видит не только близкого ей человека, но и признаёт его заслуги как профессионала. С другой стороны, это выдаёт её гордость за мужа и попытку указать на его статус в разговоре со всемирно известным музыкантом. Приём показывает, как раскрываются отношения между персонажами произведения, и становится понятной авторская позиция. Н. С. Валгина называет это «сближением авторского повествования с речью героев» [Валгина, с. 411].

В другом отрывке несобственно-прямая речь, оформленная как вставная конструкция, передаёт интенсивность действий персонажа, который хочет получить необходимую ему информацию:

Человек долга, Нестор с порога уточняет время завтрашнего выезда, но его вопрос остается без ответа. Он не сдаётся и повторяет вопрос иным образом: когда все садятся за стол, поднимает бокал и желает мне с Катей счастливого пути в Мюнхен (кстати,

в котором часу мы выезжаем?) [Водолазкин, с. 265].

Вопросительное предложение, в котором указание на речь персонажа, как и в предыдущем примере, выражено с помощью форм 1 лица местоимения и глагола, семантически усиливает дважды встречающееся слово *вопрос*. Читатель не только узнаёт о поступке героя, но как бы проживает его. Появление самой формулировки вопроса Нестора указывает на сильное переживание героя и значимость исхода дела для него. Особое звучание этот приём получает в контрастном описании: пожелание счастливой поездки другим персонажам сталкивается с личным желанием героя, что создаёт авторскую иронию в тексте. Этот приём является характерным для авторской манеры Евгения Водолазкина.

Другая особенность употребления несобственно-прямой речи в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» заключается в том, что она появляется в эпизодах произведения, отмеченных особой экспрессивностью описания. В таких отрывках текста несобственно-прямая речь выступает как приём создания эмоционального воздействия на читателя. Проиллюстрируем эту мысль примерами из текста.

Первый поцелуй влюблённых описан в романе следующим образом:

Катарина наклонилась к нему, он ощущал ее дыхание. Не ощущал своего... Можно я тебя поцелую? Возникшую паузу заполнила машина за окном. Я никогда не селовалась. Глеб медленно поднял голову и коснулся губами ее полураскрытых губ [Там же, с. 221].

Повествование в отрывке как бы замирает, что позволяет читателю пережить волнение персонажей. Для достижения такого эффекта автор опускает те конструкции, которые оформили бы прямую речь персонажей. Несобственно-прямая речь в отрывке становится средством выражения напряжённости момента. Читатель не знает наверняка, сказали ли герои эти слова друг другу, так как подобные события могут происходить и без слов. В таком случае автор передаёт не только слова героев, но и их внутренние переживания: сомнение Глеба в правильности своих действий и смущение Катарини. Это можно определить по тому, что слова героини не являются ответом на поставленный вопрос, но представляют собой молчаливое согласие. В этом случае подтекст оказывается более важным, чем сказанное. Обе конструкции представляют собой зеркальное повторение друг друга: *я – я, поцелую – селовалась*. Особо отметим, что во второй конст-

рукции автор использует умышленное искажение орфографического облика слова для передачи индивидуальных особенностей речи героини. В научной литературе такое употребление иногда определяется как «графон» [Кухаренко, с. 75]. Использование описанных конструкций передаёт особое эмоциональное напряжение, возникшее между героями.

Сильное эмоциональное потрясение испытывает главный герой при возвращении к обучению игре на гитаре. Это передаётся оформлением разговора с помощью несобственно-прямой речи:

Учительницу интересовало, согласен ли Глеб на такой репертуар? Да, согласен. Радость возвращения в музыкальную школу была такой полной, что он был согласен на всё [Там же, с. 159].

В этом отрывке передаётся спешность ответа героя на вопрос учительницы. Ответ даётся не после раздумий и выбора, а на основании эмоционального решения. Усиливает экспрессивность отрывка троекратное повторение слова *согласен*: в вопросе учительницы, в ответе Глеба и в авторском тексте. Уверенность в правильности решения героя подтверждается словами автора: именно занятие музыкой определит судьбу героя и принесёт ему славу.

Описанные фрагменты с несобственно-прямой речью из романа «Брисбен» о поцелуе влюблённых и возвращении Глеба в музыкальную школу передают яркие положительные эмоции персонажей произведения. Этот приём также может оформлять самые тяжёлые, негативные переживания героев. Так описано бессилие педагога, выражающееся через гневную речь:

Глеб Федорович смотрел на Крюкова, испытывая полноценную ненависть. Ты хочешь оттопыриться перед девочками? Глеб медленно подошел к ученику. Так вот, лучше не делай этого за мой счет. А то что, сдержанно уточнил Крюков [Там же, с. 267].

Слова Глеба Фёдоровича, оформленные как несобственно-прямая речь и звучащие как угроза, противопоставлены почти беззаботной, наглой фразе Крюкова, которая реализована по схеме «прямая речь – слова автора». Это указывает на особые внутренние переживания героя, позволяющего себе те слова, которые не стоило бы говорить педагогу.

Несобственно-прямая речь использована и в самом напряжённом моменте романа – известии о смерти главного героя:

Из операционной выходит пожилой хирург. Выбрали его. Идет медленно. Остановилось сердце... Катя зажимает ему рот, чтобы кричать самой [Там же, с. 402].

Эти два слова, с одной стороны, описывают ситуацию, с другой – они должны быть произнесены врачом, чтобы жена узнала трагическую новость. Однако очевидно, что никто из персонажей не хочет произносить эти слова. В этом отрывке несобственно-прямая речь играет роль усиления выразительности художественной силы воздействия. Употреблённое многоточие указывает на остановку в повествовании, что создаёт напряжённость высказывания.

Проанализированные примеры явно демонстрируют способность несобственно-прямой речи выражать те мысли, эмоции и переживания, которые не всегда требуют слов и оказывают сильное влияние на персонажей произведения. Вместе с ними это эмоциональное воздействие испытывает и читатель. Стирание границ между высказанным и невысказанным с помощью несобственно-прямой можно встретить в следующем отрывке романа:

Вроде бы ничего не говорит, но откуда-то издали слышится ее голос. Если между нами что-то произойдет, я буду жалеть. Ставит меня в известность. Она. Это последнее, что я помню [Там же, с. 103–104].

Оформление слов героини вне указания на их произнесение с помощью несобственно-прямой речи заставляет читателя сомневаться в том, слышал ли герой эти слова, сказала ли героиня их ему или это всё ему почудилось. Это связано с отражением в языке романа описания состояния персонажа. Прерывистость воспоминаний героя на языковом уровне подкрепляется использованием парцелляции: *Ставит меня в известность. Она.* Такое употребление языковых средств передаёт авторскую позицию относительно произошедшего.

Несобственно-прямая речь в романе, оформляющая монолог пана Тадеуша, обращённый к самолётам, выполняет функцию риторического усиления высказывания. Разговор с самим собой, указывающий на неуравновешенное душевное состояние героя, представляет почти театрализованное зрелище. Фразы героя врываются в описание нелепых действий. Их соединение выражает драму жизни героя. Приведём отрывок этого описания:

Вернувшись и вытерев губы, в разговоре с пролетающими мимо пан Тадеуш переходил на шепот. Да, панове, можно сказать, что моя жизнь прошла на этих десяти сотках. Допустим, что она сложилась не так, как я хотел. А может, и просто сложилась. Схлопнулась. Смялась, как этот спичечный коробок (звук сминаемого коробка). Стала, если позволите, узкой [Там же, с. 99–100].

В отрывке речь обращена к самому себе. Это такой способ рефлексии персонажа. Горькая ирония, следующая за улыбкой читателя, позволяет выразить авторское отношение к персонажу через чувство глубокой жалости и сострадания. При этом читатель «слышит» не только слова персонажа, но и звук того, как пан Тадеуш сминает коробок. Эффект драматизации отрывка усиливает авторская ремарка (звук *сминаемого коробка*), оформленная в тексте как вставная конструкция. Наконец, отметим, что наряду с указанными приёмами усиления эмоциональности высказывания в отрывке автором использована градация, включённая в несобственно-прямую речь: *сложилась – схлопнулась – смялась*. Этот градационный ряд, представляющий цепь контекстных синонимов, создаёт имитацию устной, спонтанной речи, подбора персонажем слов для более точной формулировки своей мысли. Совсем не обязательно, что эти слова были произнесены паном Тадеушем. Они могли быть невнятным бормотанием, переходящим из речи в мыслительную деятельность. Эта мысль подкрепляется наблюдениями исследователей: «в форме несобственно-прямой речи чаще передаются невысказываемые мысли героя» [Бабайцева, Масимов, с. 252]. В целом, этот фрагмент создаёт образ героя, передаёт «портрет его души» в монологическом единстве, организованном несобственно-прямой речью.

Напротив, несобственно-прямая речь в романе также оформляет и фрагменты текста, передающие диалоги персонажей. В романе «Брисбен» похожее употребление несобственно-прямой речи встречается неоднократно. Разберём один такой отрывок:

Лежа на Глебовом плече, Анна выдувала дым тонкой струйкой. Глеб смотрел в потолок. О чем ты думаешь, спросила Анна. О смерти. Странно, она потерлась затылком о руку Глеба, странно, что ты думаешь о смерти именно сейчас, – это все равно, что думать о смерти на пляже. Глеб провел пальцем по Аннинному носу. Я видел смерть на пляже... Фу, Анна сбросила его руку. Если будем всегда любить друг друга,

сказал Глеб, то смерть не страшна. Не страшна, понимаешь? Понимаю. Анна встала и сняла с его живота пепельницу. Я помо- юсь? Растянувшись на кровати Анны, он рассмат- ривал оперный театр [Водолазкин, с. 117].

В приведённом отрывке переплетаются раз- личные формы передачи речи двух персонажей. В нём есть предложения, построенные по типу прямой речи, однако в них отсутствует соответ- ствующая пунктуация. Другие конструкции, представляющие фразы героев, вводятся в текст совсем без оформления и представляют собой несобственно-прямую речь. Таким образом, всё диалогическое единство отрывка представляет собой особое художественное пространство тек- ста. Автор пытается передать особенности про- текания реального диалога, не всегда имеющего строго выверенную структуру. В отрывке отра- жена быстрая реакция Анны на фразу Глеба о смерти на пляже (Фу), а последний вопрос оста- ётся без ответа. Реплики перемешиваются с дей- ствиями практически так же, как это могло бы происходить в действительности. Такое оформ- ление диалога в тексте с помощью несобственно- прямой речи создаёт особое течение художест- венного времени, имитирующего реальное. По- добное оформление диалога с помощью несобст- венно-прямой речи можем встретить в несколь- ких других эпизодах романа, в частности в раз- говоре Глеба с учительницей об отъезде семьи Анны [Водолазкин, с. 118] или при изложении Клещуком идеи о пении миллионеру Ивасику [Водолазкин, с. 291]. В последнем случае можно выделить риторический вопрос и риторическое восклицание, имитирующие живую разговорную речь:

Ивасик, в котором еще тлела искра здорового со- мнения, спросил, точно ли его пение будет публике интересно. В ответ Клещук развел руками и словно бы задохнулся от избытка чувств. Конечно бу- дет! Потому что если ее не заинтере- сует пение Ивасика, то что же тогда может такую публику заинтересо- вать? [Там же, с. 291].

В отрывке наигранное поведение Клещука создаёт иронию, отражающую авторское отно- шение к персонажам и их поступкам.

Наконец, в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» встречается употребление несобст- венно-прямой речи для создания ретроспектив- ного повествования, которое возвращает главно- го героя в детскую пору и напоминает ему слова матери. Несобственно-прямая речь в этом от-

рывке включается в диалогическое пространство и выделяется в тексте романа курсивом:

Она и называла его Кук. Кук написал мне, что, помимо города, в честь Брисбена назван кратер на луне. По образованию генерал был астрономом. Или: Кук пишет, что в свободное время генерал Брисбен открыл более семи тысяч звезд. Ты только пред- ставь: в свободное время! [Там же, с. 75].

Эти слова матери проносятся в качестве вос- поминаний в мыслях главного героя. В этом кон- тексте интересно, что они уже никому не при- надлежат, а раскрываются, с одной стороны, как мысли самого героя, которые могут уже не вос- производить слова мамы, а представлять собой собственно сочинение Глеба, с другой – являют- ся авторским включением, потому что и сам ге- рой не воспроизводит их. Они даны автором как справочная информация, необходимая читателю для полноты понимания сути описываемого. Та- ким образом, несобственно-прямая речь оформ- ляет хронотоп повествования, а также становится средством передачи сведений об объекте описа- ния.

Приведённый анализ отрывков романа Евге- ния Водолазкина «Брисбен», построенных с по- мощью несобственно-прямой речи, наглядно де- монстрирует возможности этого приёма переда- чи чужой речи в текстах современной русской литературы как создания экспрессивности вы- сказывания, риторического усиления воздейст- вия на читателя, построения монологических и диалогических единств, объединения отношения автора и персонажей к описываемым событиям, передачи устной, спонтанной речи и преодо- ления границ между сказанным и несказанным. Все найденные случаи употребления несобст- венно-прямой речи в романе свидетельствуют о высоком художественном мастерстве писателя. Евгений Водолазкин так же виртуозно владеет художественным языком, как и герой его романа Глеб Яновский мастерством игры на гитаре.

Список литературы

- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
- Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.
- Водолазкин Е. Г. Брисбен: роман. М.: АСТ, 2019. 410 с.
- Ворон П. А. Ритм и несобственно-прямая речь в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // Вест- ник Литературного института им. А. М. Горького. № 2–3. М., 2021. С. 46–55.

Глухова О. П. Несобственно-прямая речь как способ выражения авторской модальности в современной прозе // В мире научных открытий. Красноярск: НИЦ, 2013. № 11(47). С. 269–275.

Горшков А. И. Композиция художественного текста как объект лингвистического исследования // Литературный язык и литература (статьи по истории и теории литературного языка). М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2007. С. 55–63.

Кухаренко В. А. Стилистика английского языка. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 95 с.

Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

References

Babaitseva, V. V., Maksimov, L. Ju. (1981). *Sovremenniy russkii iazyk. Sintaksis. Puntuatsiya* [Modern Russian Language. Syntax. Punctuation]. 271 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

Glukhova, O. P. (2013). *Nesobstvenno-priamaya rech' kak sposob vyrazheniya avtorskoi modal'nosti v sovremennoi proze* [Non-personal Direct Speech as a Way of Expressing the Author's Modality in Modern

Prose]. V mire nauchnykh otkrytii. Krasnoyarsk, NIC. No. 11(47), pp. 269–275. (In Russian)

Gorshkov, A. I. (2007). *Kompozitsiya khudozhestvennogo teksta kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Composition of a Literary Text as an Object of Linguistic Research]. *Literaturnyi iazyk i literatura (stat'i po istorii i teorii literaturnogo iazyka)*. Pp. 55–63. Moscow, izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. (In Russian)

Kukharensko, V. A. (2011). *Stilistika angliiskogo iazyka* [Stylistics of the English Language]. 95 p. Omsk. (In Russian)

Russkii iazyk. Entsiklopediia (1979) [Russian Language. An Encyclopedia]. 432 p. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia. (In Russian)

Valgina, N. S. (1978). *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of the Modern Russian Language]. 339 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Vodolazkin, E. G. (2019). *Brisben: roman* [Brisbane: A Novel]. 410 p. Moscow, AST. (In Russian)

Voron, P. A. (2021). *Ritm i nesobstvenno-pryamaya rech' v romane Andreja Belogo "Serebrjanyj golub"* [Rhythm and Non-personal Direct Speech in the Novel "The Silver Dove" by Andrei Bely]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. No. 2–3, pp. 46–55. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 06.11.2021

Поступила в редакцию 06.11.2021

Калинин Константин Андреевич,
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка
как иностранного и межкультурной
коммуникации,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова Р.М., 28.
filologkalinin@mail.ru

Kalinin Konstantin Andreevich,
Ph.D. in Philology,
Head of the Department of Russian as a Foreign
Language and Intercultural Communication,

Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
28 R.M. Nizametdinov Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
filologkalinin@mail.ru

О МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ *SIT*, *STAND* И *LIE*

© Евгения Кузнецова

ON THE METAPHORICAL SEMANTICS OF THE ENGLISH POSTURE VERBS *SIT*, *STAND* AND *LIE*

Evgenia Kuznetsova

The problem under discussion is the features of metaphorical and metonymic expressions with the English posture verbs *sit*, *stand* and *lie*. There is a growing interest in posture verbs in any language, so linguists are trying to systematize and discover the schemes of their usage depending on the shape and parameters of an object, the stand and surface on which this object is, etc. Metaphorical and metonymic expressions with such verbs require additional and thorough analysis as the criteria for the analysis of the verbs in their direct meaning (i.e. the description of the position in the space) might be applied indirectly. In our research, we try to identify basic source domains, target domains and situations when these posture verbs convey new meanings and to distinguish the structures when the transference from a direct meaning to an indirect one may occur. Based on the analysis of the language examples, taken from monolingual English dictionaries, it is possible to indicate that the metonymic transfer of the verbs *sit*, *stand* and *lie* is situationally limited and leads to their metaphorical transfer. This can be explained by the fact that posture verbs have a long semantic component of 'animality' and any changes in the sentence structure may lead to metaphorical and metonymic transfers.

Keywords: posture verbs, metaphorical transfer, metonymic transfer, source domain, target domain, long semantic component.

В статье рассматриваются особенности метафорических и метонимических выражений с английскими глаголами положения в пространстве *sit*, *stand* и *lie*. Сами по себе глаголы положения в пространстве представляют особый интерес в любом языке, и лингвисты стремятся систематизировать и выявить схемы их употребления в зависимости от формы и параметров предмета, опоры, на которой находится предмет, и др. Метафорические и метонимические выражения с такими глаголами нуждаются в дополнительном анализе, поскольку критерии анализа глаголов в их прямом значении (то есть описание положения в пространстве) в данном случае могут быть применимы только косвенно. В нашем исследовании была предпринята попытка выделить основные области-источники, области-мишени и ситуации, когда данные глаголы положения в пространстве приобретают новые значения, а также структуры, при которых переход от прямого смысла к переносному представляется возможным. На основе анализа примеров, отобранных в ходе целенаправленной выборки из англоязычных словарей, можно сказать, что метонимический перенос глаголов *sit*, *stand* и *lie* ситуационно ограничен и влечет за собой метафорический перенос. Это обусловлено тем, что глаголы положения в пространстве имеют длинный семантический компонент «одушевленности» и любые смены актантов и добавление членов предложения могут повлечь метафорические и метонимические переносы.

Ключевые слова: глаголы положения в пространстве, метафорический перенос, метонимический перенос, область-источник, область-мишень, длинный семантический компонент.

Понятия метафоры и метонимии стали рассматривать как мыслительные механизмы относительно недавно. С конца XX века лингвисты начали исследовать данные понятия подробнее в рамках когнитивной лингвистики. Одними из первых, кто обратил внимание на данную проблему с этой точки зрения, были Э. Маккормак

[Маккормак], Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон]. Актуальность нового ракурса обращения к проблеме метафоры в языке позволила не только по-новому взглянуть на метафору, но, возможно, и более рельефно выявить ее сущность в сопоставлении с близкими явлениями, в частности с метонимией, и увидеть также

концептуальные свойства метонимии. В данном исследовании с точки зрения механизмов метафоры, метонимии и метафтонимии рассматриваются глаголы местоположения *sit*, *stand* и *lie*. Основной целью исследования является определение особенностей метафорического и метонимического значения данных глаголов на основе анализа примеров, отобранных в ходе целенаправленной выборки из англоязычных словарей.

Н. Д. Арутюнова разграничивает понятия метафоры и метонимии по первичности одной из двух функций. Так, для метафоры первичной является функция характеристики, а функция идентификации объектов – вторичной, в то время как для метонимии свойственна идентифицирующая функция по отношению к конкретным предметам [Арутюнова, с. 31–32]. Различия между метафорой и метонимией связаны также с тем, как организованы составляющие их концептуальные структуры, и с сохранением логических связей между ними. В метафоре происходит перенос области-источника на область-мишень (в некоторых источниках используют термин «область-цель»). В метонимии устанавливается связь одного элемента с другим элементом этой же концептуальной структуры. В случае метафоры перенос осуществляется на основе сходства образов референтов, например: *When she said they would make a profit, it was music to Richard's ears* [Cambridge English Dictionary]. В случае метонимии – на основе их смежности: *Hollywood – the American film industry or celebrity culture* [Collins English Dictionary].

Несмотря на явные различия этих двух понятий, далеко не всегда можно четко разграничить метафору и метонимию, поскольку у них есть и общие характеристики. Как у метафоры, так и у метонимии есть концептуальные основания – они являются способами осмысления фрагментов мира и могут становиться узальными лексическими средствами вторичной номинации: *A skin had formed on the top of the milk* [Cambridge English Dictionary] (здесь и далее разрядка наша – Е. К.). Регулярные метафорические и метонимические переносы закрепляются в соответствующих моделях, например, «часть тела – физический мир»: *heart of the city* ('центр города'), *right-hand man* ('правая рука', 'ближайший помощник, соратник'). В результате того, что у лексических единиц появляются дополнительные значения на основе метафорических и метонимических переносов, лексический состав языка обогащается новыми значениями.

Процессы метафоризации и метонимизации принадлежат к базовым когнитивным механизмам, с помощью которых концептуализируются

и категоризируются предметы и явления как внешнего, так и внутреннего мира человека [Козлова, с. 137]. Данные процессы находятся во взаимодействии друг с другом, что объясняет трудность их разграничения в языковом материале и возможность их взаимодействия в рамках одной концептуальной системы. Важное отличие метафоры от метонимии на уровне языковой репрезентации состоит в том, что первая чаще репрезентируется через существительное, а вторая – через глагол, однако в случае с глаголом не исключены и метонимо-метафорические переносы, имеющие в основе метонимический сдвиг [Там же, с. 142]. Подобное взаимодействие метафоры и метонимии в одном языковом выражении называют метафтонимией, подчеркивая данным термином то, что в едином процессе прослеживаются ассоциативные связи как по сходству, так и по смежности. Термин «метафтонимия», обозначающий концептуальное взаимодействие между метафорой и метонимией, был введен Л. Гуссенсом, но многие лингвисты (например, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Дж. Тейлор) в своих работах не отрицали возможный синкретизм метафоры и метонимии до появления этого термина. Л. Гуссенс в своих работах выделяет четыре типа метафтонимии: метафора из метонимии (*to beat your breast*), метонимия внутри метафоры (*to bite one's tongue off*), метафора внутри метонимии (*to be / get up on one's hind legs*), деметонимизация в метафорическом контексте (*to pay lip service to*) [Goossens, с. 332–336]. Однако эта классификация не нашла большого отклика у лингвистов, поэтому, в основном, определяют единственный тип метафтонимии – метафору на базе метонимии. Так, Н. Ример выделяет два этапа формирования (порождения, возникновения) метафорических выражений [Rieter, с. 380–388]. На первом этапе происходит метонимическое расширение значения (например, *man of cloth*: священники носили одежду из особой ткани, которая выделяла их среди других людей). На втором этапе оно метафорически накладывается на новое значение, которое впоследствии может конвенционализироваться (таким образом, в данном примере связь между родом деятельности и одеждой исчезает) [Denroche, с. 113].

В данной статье анализируются метафора и метафтонимия с глаголами *sit*, *stand* и *lie*. Как показал семантический анализ данных глаголов по этимологическому словарю [Online Etymology Dictionary], их исходное значение связано с описанием пространственной ориентации человека в состоянии покоя (они восходят к древнеанглийским глаголам *sittan*, *standan*, *licgan* соответ-

венно). Таким образом, предложения с данными глаголами изначально имеют длинный семантический компонент «одушевленности». В современном функционировании данных глаголов этот компонент является в той же мере первостепенным: *I'm going to sit on a couch and watch my wife cook* [Corpus of Contemporary American English], но они также обозначают состояние покоя объектов живой и неживой природы: *The dog stands in the doorway of the kitchen, barking like mad* [Там же]; *Thankfully, the rain had stopped but puddles of water were still standing stagnantly before the café's door* [Lexico].

Глаголы положения используются в речи в сочетаниях с тремя основными актантами: Агенса (одушевленный), Опора и Рабочая поверхность [Дмитренко, с. 189–190]. Выделим три основные модели, построенные с помощью этих актантов: 1) Агента + Глагол + Опора (*Mother was sitting in her chair in the kitchen* [Collins English Dictionary], где *mother* – Агента, *was sitting* – Глагол, *chair* – Опора); 2) Агента + Глагол + Рабочая поверхность (*The injured man was lying motionless on his back* [Там же], где *man* – Агента, *was lying* – Глагол, *back* – Рабочая поверхность); 3) Агента + Глагол + Опора + Рабочая поверхность (*The body lay face downwards on the grass* [Lexico], где *body* – Агента, *lay* – Глагол, *face* – Рабочая поверхность, *grass* – Опора). Когда цепочка компонентов изменяется (особенно, когда Агента заменяется на Объект (неодушевленный)), глаголы приобретают новые смыслы, что приводит к расширению их значений и использованию в новых контекстах, которые репрезентируют ситуации сходства и смежности ментальных образов референтов.

В анализируемых в статье примерах областью-источником для переносов является положение в пространстве, а область-мишень представлена различными смысловыми областями. За основу анализа взяты типы метафор и метафорические переносы, которые систематизированы и получили достаточно подробное описание [Скребцова]. В некоторых случаях можно зафиксировать метонимический перенос по смежности и появление у глаголов новых значений в рамках онтологической метафоры, в частности контейнера / вместилища с предположительным местом (с или без указания на него), где происходит действие. В данных случаях областью-мишенью является деятельность, осуществляемая в отдельно взятом месте (в суде, комитете, образовательном учреждении и т. п.):

(1) *The court will sit tomorrow morning* [Cambridge English Dictionary];

(2) *The committee sat to hear the arguments for and against the plan* [Там же].

Если в примерах (1) и (2) в метафоризации глагола большую роль играет значение собирательного существительного-подлежащего, то в примере (3) подлежащее – Агента, здесь нет таких актантов, как Опора или Рабочая поверхность, а действие, выраженное глаголом положения, направлено на дополнение:

(3) *After I've sat my exams, I'm going on holiday* [Там же].

В примере (4) областью-мишенью также является деятельность, осуществляемая в отдельно взятом месте, но это место известно только самому говорящему, действие, выраженное глаголом положения, направлено на дополнение, а акцент смещается с места на конкретную деятельность:

(4) *I'm sitting my sister's kids this Saturday* [Там же].

Несмотря на то, что в примере (5) место действия не указано, однако оно предположительно происходит в некотором пространстве (открытом или закрытом, где над картиной работает художник), а сама деятельность позирования художнику непосредственно включает в себя намеренное неподвижное положение тела. Определяющим для выражения значения является деятельность художника. Сам же художник в структуре предложения является дополнением:

(5) *Monet's wife sat for him many times* [Там же].

Восприятие человеком конкретных предметов также может быть отражено с помощью онтологической метафоры контейнера. Из-за замены Агента на неодушевленный Объект, грамматического отрицания и облигаторного наречного сочетания *too well*, выражающего качественную характеристику процесса, перенос осуществляется на область-мишень «оценка» (в данном случае область-мишень – это оценка состояния после принятия пищи):

(6) *Something I ate for breakfast didn't sit too well* [Dictionary.com].

Глагольная метафора по онтологическому основанию также может представлять собой осмысление абстрактных понятий. В следующих примерах в качестве области-мишени выступает акт оценки соответствия одних явлений или фактов социальной жизни другим. Акт оценки выражен конструкцией с неодушевленным Объектом, глаголом *sit* и отрицательным элементом (лексическим – наречием *badly* либо синонимичной грамматической структурой *doesn't sit too well*):

(7) *You know, drawing the analogy between men and dogs doesn't sit too well with them* [Lexico];

(8) *Its aristocratic tendencies sit badly with the meritocratic facts of Scottish life* [Там же].

По онтологическому основанию также строятся метафоры персонификации, или олицетворения, предметов и отвлеченных понятий. В данном случае метафоризации подвержены и существительное (неодушевленный Объект), и глагол. Первична метафоризация существительного, так как от него зависит значение глагола. В таком случае областью-мишенью часто становится умственная деятельность (9, 10), так как имена *decision*, *solution* репрезентируют данный концепт:

(9) *My decision stands* [Там же];

(10) *The solution lies in a return to traditional values* [Там же].

В качестве области-мишени может также выступать концепт стабильности как нечто проверенное временем или неоспоримое (примеры (11) и (12)). В данном случае в длинном семантическом компоненте подчеркнута Опора на существительные *record*, *reputation*:

(11) *...a record which stood for 42 years* [Там же];

(12) *His reputation stands high, but he is not without his detractors* [Там же].

Анализ структурных метафор позволяет глубже рассмотреть суть того или иного понятия и концепта. В результате метафорического использования глаголов *sit*, *stand* и *lie* в разных контекстах, включая и фразеологические единицы с данными глаголами, в их значении вербализуется концепт «Покой» в качестве семантической основы, к которой добавлены семантически производные значения.

Так, в примере (13) есть и собирательное существительное-Агенс *government*, и актант Опора / Рабочая поверхность *on its hands*, но в исходном значении не предполагается вообще никакого действия (ср. англ. *to sit on your hands* – *to do nothing about a problem or a situation that needs dealing with* [Cambridge English Dictionary]; рус. *сидеть сложа руки* – бездействовать, не принимать участия в каком-л. деле [Фразеологический словарь русского языка]), на основании чего происходит метафорический перенос области-источника «Положение (частей) тела» на область-мишень «Бездействие»:

(13) *Every day the crisis worsens and yet the government seems content to sit on its hands* [Cambridge English Dictionary].

Как уже было отмечено, замена одушевленного Агенса на неодушевленный Объект часто влечет за собой метафорический перенос. Однако глаголы положения могут использоваться и с неодушевленными предметами, когда речь идет об их нахождении в пространстве (в этом случае

они синонимизируются с глаголом *to be*) при условии, что предметы обладают определенными постоянными характеристиками форм и размеров (например, протяженность в горизонтальной и вертикальной плоскостях). Описание водной среды при помощи глагола *stand* опирается на такую пространственную концептуализацию воды, где вода осмысливается как горизонтально простирающаяся субстанция (река, озеро, море и т. п. – горизонтальные объекты). В подобных видах концептуализации глагол *stand* не используется. Однако под воздействием внешних сил (например, наводнения) уровень воды повышается и, таким образом, вертикальная характеристика водной среды оказывается в концептуализации данной ситуации выделенным элементом. В результате происходит перенос из области-мишени «Расположение (нахождение) в пространстве» (*stand* синонимизируется с *be*) в область-мишень «Стагнация» («Отсутствие движения»):

(14) *But first consider what is happening, and why the water is standing where it is* [Lexico].

В определенном контексте, например, в описании погребения человека в месте его захоронения, роль Агенса заменяется ролью неодушевленного Объекта, в результате используется «стертая» метафора, в которой областью-мишенью становится неизменное состояние покоя:

(15) *Here lies Catin, son of Magarus* (надпись на могильной плите, досл. русск. *Здесь покоится Катин, сын Магаруса*) [Collins English Dictionary].

Помимо этого, есть стертые структурные метафоры, в которых областью-мишенью выступает временное состояние покоя:

(16) *Test the meat is done to your liking, then remove and allow to stand for at least 10 minutes before carving* [Lexico];

(17) *Let the cake stand a few hours, preferably overnight to cool before unmoulding* [Там же].

Рассматривая глагольные структурные метафоры с глаголом *stand*, необходимо выделить еще одну область-мишень – «Неизменность, стабильность» (здание *stood* – не разрушено):

(18) *After the storms only one house was left standing* [Там же].

Неизменность и стабильность могут быть не только характеристикой физического плана, но и эмоционального, а именно отношением, основанным на возможности (*can stand*) или невозможности (*can't stand*) что-либо вынести или пережить:

(19) *I can't stand hearing her cry* [Cambridge English Dictionary].

Имеются также переносы, которые не могут быть охарактеризованы только с точки зрения классификаций метафоры и метонимии. Сема «вертикальное положение» у глагола *stand* в его метафорическом употреблении соотносится с идеей непреклонности, устойчивости, намеренного сохранения состояния. Это дает возможность полагать, что метафорический перенос имеет область-мишень «Намерение достичь цели», что подкрепляется обстоятельством цели (*to win*) в примере (20), а глагол *stand* по своей функции приближается к значению глаголов *want, intend*:

(20) *Look how much we stand to win!* [Lexico]

В примере (21) значение того же глагола *stand* переосмысливается и приближается к полуслужебному значению структуры *be going to* без участия обстоятельства следствия (*to lose a lot of money*):

(21) *Our firm stands to lose a lot of money if the deal is unsuccessful* [Cambridge English Dictionary].

В анализе структуры предложений (20) и (21) можно увидеть, что глагол *stand* употребляется в этих значениях только при наличии после него инфинитива с частицей *to* в функции обстоятельства. Данное свойство употребления глагола позволяет нам обратить внимание на структурную обусловленность его семантики. Так, при реализации объектной валентности глагола обозначенное им состояние перекатегоризуется в действие и глагол становится акциональным, например, *to sit one's exams, to sit smb's kids* (см. примеры 3 и 4). В таких случаях происходит расширение интранзитивной структуры и образование транзитивной. Конструкции с глаголом *stand* могут расширяться до дитранзитивной модели с прямым и косвенным дополнением «подлежащее – сказуемое – косвенное дополнение – прямое дополнение», в которой сказуемое получает значение «поставить (что-л.) (перед кем-л.) в положение готовое для использования», а глагол *stand* приобретает значение *to treat, or to pay for* [Dictionary.com] – ‘угостить (чем-либо)’, ‘заплатить за угощение для кого-то (обед или напитки)’:

(22) *If I happen to see you around, I'll stand you a drink* [Lexico];

(23) *I couldn't get to the bank, so could you stand me lunch?* [Cambridge English Dictionary].

Данные примеры перекатегоризации статального глагола в акциональный сочетают в себе признаки метафоры и метонимии, поэтому рассматриваются в статье как случаи метафтонимии.

Обобщая проанализированные примеры употребления английских глаголов положения в состоянии покоя *sit, stand, lie* в метафорическом и метонимическом значениях, можно сделать следующие выводы.

Глагольная метафора как сложное лингвокогнитивное явление требует комплексного подхода, в котором учитываются несколько оснований. Анализ примеров показал, что среди метафор с глаголами состояния покоя *sit, stand* и *lie* самыми частотными являются метафоры по онтологическому и структурному основаниям. Метонимический перенос глаголов *sit, stand* и *lie* ситуационно ограничен и влечет за собой метафорический перенос (содержание процесса метафтонимии). Данное синкретичное явление можно назвать глагольной метафтонимией. Наиболее частотной из проанализированных примеров метафоры является структурная метафора, что обусловлено высокой сочетаемостью глаголов *sit, stand* и *lie* с другими лексическими единицами различных категорий. В результате взаимодействия данных глаголов с другими языковыми единицами в предложении появляется ряд новых метафорических употреблений, расширяющих поле областей-мишеней. Поскольку глаголы положения имеют длинный семантический компонент «одушевленности» и, как следствие, определенные актанты для реализации исходного значения, любая смена актантов или добавление новых членов предложения могут повлечь метафорические и метонимические переносы.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Дмитренко С. Ю. Глаголы стандартных и нестандартных положений в пространстве // Слово и язык. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 182–206.
- Козлова Л. А. Метафора и метонимия: сходства и различия // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2011. №4 (29). С. 137–144.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Макормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
- Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
- Фразеологический словарь русского языка (Е. Н. Телия). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/> (дата обращения: 23.05.2021).

Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 05.05.2021).

Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 07.05.2021).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 05.08.2020).

Denroche, C. T. *Metaphor, Metonymy, Language Learning and Translation*. Institute of Education (University of London), 2012. 292 p.

Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 05.08.2020).

Goossens, L. 'Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action' in *Cognitive Linguistics*. Volume 1 (3) Jan 1, 1990. Pp. 323–340.

Lexico. URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 05.08.2021).

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 05.08.2021).

Riemer, N. 'When is a Metonymy no Longer a Metonymy?' in R. Dirven & R. Parings (eds). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 379–406.

References

Arutiunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs. Teoriia metafori* [Metaphor and Discourse. Theory of Metaphor]. Obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M. A. Zhurinskoi. Pp. 5–32. Moscow, Progress. (In Russian)

Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 5.05.2021). (In English)

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 5.08.2020). (In English)

Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed: 7.05.2021). (In English)

Denroche, C. T. (2012). *Metaphor, Metonymy, Language Learning and Translation*. Institute of Education (University of London). 292 p. (In English)

Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (accessed: 5.08.2020). (In English)

Dmitrenko, S. Yu. (2011). *Glagoly standartnykh i nestandardnykh polozhenii v prostranstve* [Standard and Non-standard Posture Verbs. Word and Language]. S. Iu. Dmitrenko, V. S. Khrakovskii. Slovo i iazyk. Pp. 182–206. Moscow, Iaziki slavianskikh kultur. (In Russian)

Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka (Teliia, N. E.) [Phraseological Dictionary of the Russian Language (Teliia, N. E.)]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/> (accessed: 23.05.2021). (In Russian)

Goossens, L. (1990). 'Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action' in *Cognitive Linguistics*. Volume 1 (3) Jan 1, pp. 323–340. (In English)

Kozlova, L. A. (2011). *Metafora i metonimiia: skhodstva i razlichii* [Metaphor and Metonymy: Similarities and Differences]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki, No. 4 (29), pp. 137–144. Tambov. (In Russian)

Lakoff, D., Dzhonson, M. (1990). *Metafori, kotorymi my zhivem. Teoriia metafori* [Metaphors We Live By. Theory of Metaphor]. Obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M. A. Zhurinskoi N. D. Pp. 387–415. Moscow, Progress. (In Russian)

Lexico. URL: <https://www.lexico.com/> (accessed: 5.08.2021). (In English)

Makkormak, E. (1990). *Kognitivnaia teoriia metafori. Teoriia metafori* [A Cognitive Theory of Metaphor. Theory of Metaphor]. Obshch. red. N. D. Arutyunovoi i M.A. Zhurinskoi . Pp. 358–386. Moscow, Progress. (In Russian)

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 5.08.2021). (In English)

Riemer, N. (2002). 'When is a Metonymy no Longer a Metonymy?' in R. Dirven & R. Parings (eds). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Pp. 379–406. Berlin, Mouton de Gruyter. (In English)

Skrebtsova, T. G. (2011). *Kognitivnaia lingvistika: Kurs lektsii* [Cognitive Linguistics: A Lecture Course]. 256 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2021

Поступила в редакцию 08.09.2021

Кузнецова Евгения Александровна,
ассистент,
Алтайский государственный педагогический
университет, Лингвистический институт,
656031, Россия, Барнаул,
Молодежная, 55.
kuznetsova_ea@altspu.ru

Kuznetsova Evgenia Aleksandrovna,
Assistant Professor,
Altai State Pedagogical University, Linguistic
Institute,
55 Molodyozhnaya Str.,
Barnaul, 656031, Russian Federation.
kuznetsova_ea@altspu.ru

ОСЕТИНСКИЕ АСПЕКТУАЛЬНО-АКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ГЛАГОЛОВ РУССКИХ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ, РАССРЕДОТОЧЕННОСТИ, СУММАРНОСТИ

© Алина Левитская

OSSETIAN ASPECTUAL-ACTIONAL EQUIVALENTS OF RUSSIAN MODE OF ACTION VERBS (AKTIONSARTS) WITH THE VALUE OF DISTRIBUTION, DISSEMINATION, SUMMATION

Alina Levitskaya

The meanings of distributive repetition as one of the universal semantic types of repetition are represented in modern Russian by the verbs of distributive, cumulative, total, and excessive multiplicity modes of action (Aktionsarts), consistently characterized by different prefixes that introduce their own special actional shades. The study of Ossetian functional-translational correspondences to Russian verbs of the listed modes of action (Aktionsarts) reveals that the meanings of distributive repetitiveness of action are expressed in the modern Ossetian language by a group of multiplicative verbs, which include, along with the meaning of multiplicativity, the elements of distributive meanings. This is a certain part of repeated-reflexive Aktionsart multiplicative verbs, a part of the collective-multiact Aktionsart verbs, the verbs of the total-qualitative Aktionsarts, and also a huge layer of prefixed formations with *fæ-*, which, in combination with lexical, grammatical, and syntactic means, convey all actional nuances of the distributive nature of the action. It is this part of the Ossetian prefixed verbs that acts, first of all, as an equivalent of the meanings of summation, dispersion, distribution, cumulateness, effective totivity, excessive multiplicity, and totality, represented in the modern Russian language by the corresponding Aktionsarts. With a complete coincidence of universal aspectual-actional meanings, unique differences are revealed in the degree of obligation and frequency of expressing categorical meanings, as well as in the arrangement of idioethnic accents, reflecting mental characteristics of the linguistic picture of the world.

Keywords: actionality, collective repetition, distributiveness, cumulateness, totality, idioethnic.

Значения дистрибутивной неоднократности как одного из универсальных семантических типов неоднократности представлены в современном русском языке глаголами дистрибутивного, кумулятивного, тотального, чрезмерно-кратного способов действия (СД), последовательно характеризованных разными приставками, вносящими свои специальные акциональные оттенки. Исследование осетинских функционально-переводных соответствий русским глаголам перечисленных способов действия (Aktionsarts) обнаруживает, что значения дистрибутивной неоднократности действия выражаются в современном осетинском языке группой мультипликативных глаголов, включающих наряду со значением мультипликативности и элементы значений дистрибутивности. Это определенная часть многоактных глаголов повторно-возвратного СД, часть глаголов собирательно-многоактного СД, глаголы тотально-качественного СД, а также огромный пласт приставочных образований с *фæ-*, передающих в сочетании с лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами все акциональные оттенки дистрибутивного характера действия. Именно эта часть осетинских приставочных глаголов выступает, в первую очередь, эквивалентом значений суммарности, рассредоточенности, распределенности, кумулятивности, результативной тотивности, чрезмерной кратности, тотальности, представленных в современном русском языке соответствующими СД. При полном совпадении универсальных аспектуально-акциональных смыслов выявляются уникальные расхождения в степени обязательности и частотности выражения категориальных значений, а также в расстановке идиоэтнических акцентов, отражающих ментальные особенности языковой картины мира.

Ключевые слова: акциональность, собирательная неоднократность, дистрибутивность, кумулятивность, тотальность, идиоэтнический.

Изучение способов выражения значений дистрибутивности в современном осетинском языке как одного из семантических типов неодноточности, отражающей такое универсальное внеязыковое множество, как дистрибутив [Холодович, с. 16], позволило нам ранее установить, что разные варианты экспликации этого значения в осетинском языке представлены осетинскими глаголами определенных способов действия (СД). Так, например, значение распределенности / рассредоточенности / суммарности в комбинации с другими акциональными оттенками наблюдаем в части мультипликативных глаголов повторно-возвратного СД (*рабар-бабар* к.¹ / *перевешивать*; *равсер-бавсер* к. / *перевешивать*; *ракал-бакал* к. / *переливать*, *пересыпать*; *ранымæй-банымæй* к. / *пересчитывать*; *рахæс-бахæс* к. / *переносить*, *перетаскивать* и др.) [Левитская, 2019, с. 21–22], в части мультипликативных глаголов собирательно-многоактного СД и производных от них (*алыгтæ* к. / *перерезать*; *æрхæудытæ* к. / *попадать*; *дывыттытæ* к. / *разбрасывать*; *кæстытæ* к. / *оглядывать*; *нызылынтæ* к. / *покорезить* и др.) [Левитская, 2020, с. 106], особенно отчетливо это значение присутствует в осетинских приставочных глаголах с *фæ-* в функционально-переводных эквивалентах русских глаголов дистрибутивного СД, что отмечено и словарями современного осетинского языка, например²: *фæахсын* / *переловить* (217); *фæриссын* / *переболеть* (275); *фæтутæ* к. / *оплевать* (301); *фæхъуыды* к. / *обдумать* (317); *фæззарын* (*фæ-* – вариант приставки *фæ-* при стяжении гласного приставки *æ-* и начального гласного корня *-æ-*) / *перебрать* (323); *фæсафын* / *распотрошить* (336) и др.

Продолжая исследовать данную группу осетинских приставочных глаголов в соотношении с их аспектуально-акциональными соответствиями в русском языке, обнаруживаем, что именно глаголы с приставкой *фæ-* передают разные оттенки пантивной суммарности, свойственные русским глаголам со значением дистрибутивности, кумулятивности, тотальности, чрезмерной кратности действия. Например: *Так поблагодарил он все организации и всех людей, которые помогли ему в формировании отрядов и подпольной сети* (32). – *Афтæ фæарфæтæ кодта организацитæн æмæ адамæн сеппæтæн, парти-*

занты балтæ æмæ сусæгæй куджытæ сфæдз кæнынæн ын чи фæххуыс, уыдонæн (39)³ и др. (здесь и далее разрядка наша – А. Л.)

Объектно-дистрибутивное значение действия *поблагодарил* / *фæарфæтæ* к. подчеркивается специальными лексическими показателями: – *все организации и всех людей – организацитæн æмæ адамæн сеппæтæн*. Глагол *фæарфæтæ кодта* / *поблагодарил* образован от переходного предельного глагола *арфæ* к. / *благодарить* (буквально: ‘*делать благодарность*’). Множественное число именной части *арфæтæ* / *благодарности* составного глагола в роли сказуемого подчеркивает, что *благодарность* выражалась неоднократно и тем самым дополнительно указывает на множественность отдельных объектов действия, что является одним из признаков дистрибутивности. Приставка *фæ-* маркирует кратность действия, обозначенного глаголом совершенного вида, букв.: ‘*сделал поочередно благодарности всем организациям и всем людям*’.

Данный пример – полное подтверждение определения дистрибутивности как разновидности универсального семантического типа собирательной неодноточности [Храковский, с. 141–142].

Русским глаголам кумулятивно-дистрибутивного СД, в значение которого, кроме семы распределенности, входит еще и сема аккумуляции объектов (*понабрать*, *понаделать*, *поназвать* и т. д.), в осетинском языке тоже соответствуют приставочные глаголы с *фæ-*. Например: *И Вырикова, а потом Лядская <...> назвали всех комсомольцев и всех видных ребят, которые остались на «Первомайке» и в поселке Краснодон* (588). – *Æмæ сын фæдзыртой, «Первомайкæйы» æмæ Краснодоны поселчы чи баззад, уыцы фæскомцæдисонты, стæй иннæ зынгæ фæсивæды дæр иууылдæр* (750) и др.

В осетинском варианте глагол *фæдзыртой* ближе по значению русскому глаголу *поназывали*, который являет собой кумулятивную разновидность дистрибутивной неодноточности.

Русским глаголам со значением дистрибутивности, маркированной приставками *раз-* / *рас-*, тоже соответствуют осетинские приставочные глаголы с *фæ-*. Например:

Раздались крики, взвизгивания. Листовки расхватили (478). – *Сыхъуысти хъæртæ,*

¹ Здесь и далее к. – *кæнын* / ‘*делать*’, вспомогательный глагол в составных глаголах.

² Примеры из Осетинско-русского словаря в 4-х т. Т. 4. 2019 [Осетинско-русский словарь], в скобках указаны страницы словарных статей.

³ Здесь и далее примеры взяты из: Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М.: Худ. лит.-ра, 1970. 678 с. / Фадеев А. А. Ёрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с. Поэтому далее в скобках указываются только страницы.

хъыллыстытæ. Листовкæтыл фæхæлæф кодтой (608) и др.

Русские глаголы с приставкой *раз-* / *рас-* с дистрибутивным значением отличаются от глаголов с приставкой *пере-* тем, что подчеркивают не кратность действия и раздельность объектов, а признаки процессности и интенсивности. Более того, несколько глаголов с приставкой *раз-* / *рас-* М. А. Шелякин относит к итеративам процессно-длительного СД со значением «длительного и итеративного действия исходного глагола» [Шелякин, с. 84]. Следующие примеры подтверждают актуальность этого наблюдения М. А. Шелякина и для осетинского языка:

Я и Витя, мы всю ночь расклеивали её по городу. Это поручение от райкома партии (594). – *Æз æмæ Витя, мах æй æнæхъæн æхсæв фæныхæстæм горæты, партийы райкомы бабыгъдуанмæ гæсгæ* (757) и др.

В этом примере наблюдается переносное употребление формы ед. ч. местоимения *её* в значении местоимения множественного числа *их* (часть вместо целого: *её* / листовку в значении «их / листовки»). Существенный для выражения дистрибутивной акциональности нюанс: употребление дополнения в ед. ч., а не во мн. ч. тоже «работает» на идею обобщенности, не подчеркивает раздельности объектов, хотя понятно, что речь идет о совокупном актанте листовки (комментарий наш – А.Л.).

В русской версии высказывания наблюдаем обобщенно-фактический тип употребления НСВ в его ограниченно-кратной разновидности. Лексическим показателем ограниченной длительности кратного действия является обстоятельство *всю ночь* / *æнæхъæн æхсæв*. В осетинской версии в глаголе *фæныхæстæм*, употребленном в качестве функционально-переводной параллели русскому глаголу *расклеивали*, можно отметить те же, что и в русской версии, аспектуально-акциональные смыслы, а именно: дистрибутивный характер действия, его повторность, представленную как обобщенный факт, ограниченную длительность, монотемпоральность.

Сходство в аспектуально-акциональной семантике двух версий состоит и в том, что в каждой из них одновременно присутствуют значения длительности и итеративности действия, в русском языке ассоциированные с приставкой *рас-* и суффиксом *-ива-*, в осетинском – с приставкой *фæ-* (буквально: ‘*расклеивали листовки всю ночь и расклеили их по всему городу*’).

Не менее интересную комбинацию аспектуально-акциональных смыслов наблюдаем и в следующем примере:

Он вспомнил операцию по разгону скота и долго расспрашивал, как технически штаб извещал группу о предстоящей операции, как внутри группы ее руководитель извещал ребят и как они все сходились (523). – *Стурты ныппырх кæныны операци йæ æрдыл æрлæууыд, æмæ йæ бирæ фæфарста, операци уыдзæн, уый тыххæй штаб къордтæн куыд æгъдауæй фехъусын кодта, къордты хуылфы та разамонæг йæхæдæг куыд хъусын кодта фæсивæдæн æмæ куыд æрæмбырд сты* (667) и др.

В русской версии *он ... долго расспрашивал...* (о разных трех аспектах организации работы подпольщиков – А. Л.) указание на последовательное распределение действий позволяет представить действия как процессные или кратные, что обозначено не только приставкой *рас-*, но и употреблением (трижды!) придаточных изъяснительных предложений, выполняющих миссию совокупного раздельного актанта – объекта. Значение процессности подчеркнуто лексическим показателем *долго*, а значение повторности – суффиксом итеративности *-ива-*. В осетинском варианте глагол – в форме СВ, что позволяет выразить значение пантивной суммарности, характерное для глаголов с дистрибутивным значением, и подчеркнуть итоговые результаты действия, что тоже соответствует семантике СВ. В осетинской версии лексический показатель *бирæ* / *много* (ср. с русским: *долго*) актуализирует из двух значений русского итератива *расспрашивал* именно неограниченно-кратное, а преверб *фæ-* вносит дополнительное значение ограниченной длительности, которое в сознании носителей языка ассоциируется с этим превербом, как, впрочем, и значение кратности [Осетинско-русский словарь, т. 4, с. 215].

Следует отметить, что осетинские глаголы с приставкой *фæ-* соответствуют и глаголам с приставкой *с-* / *со-*, которые, по меткому замечанию В. С. Храковского, имеют в современном русском языке значение дистрибутивности: «Если считать дистрибутивными глаголами глаголы с приставкой *раз-* / *рас-*, обозначающими движение из точки по разным направлениям, – разлететься, разехаться, или каузацию такого движения – разогнать, развести, то, соответственно, следует считать дистрибутивными и глаголы с приставкой *с-*, которые обозначают движение в точки из разных направлений: слететься, съехаться, или каузацию такого движения: согнать, свести» [Храковский, с. 140]. Например:

Согнанные с родных мест, вновь возвращаются на родные места, ищущие таких мест, где их не знают, пробирающиеся через рубежи

фронта на свободную советскую землю... – они идут, идут, неисчислимые как песок... (305). – *Сæ райгуырæн бынаеттæй кæй фæтардтой* (букв.: ‘те, кого с огнали ...’), *фæстæмæ та сæ райгуырæн бынаеттæм чи здæхи, кæм сæ нæ зонынц, ахæм рæттæ чи агуры, фронты арæнтыл сæрибар советон захмæ лæгæрдгæйæ – уыдон цæуыны, цæуыны, змисау æнæнымæц...* (382) и др.

Осетинский глагол СВ в форме прош. вр. *фæтардтой* / *согнали* соответствует русской глагольной форме – причастию прош. вр. СВ *согнанные*. И в русском, и в осетинском вариантах обозначены смыслы, характерные для глаголов со значением дистрибутивной суммарности, когда называется расчлененное действие, которое выполняется последовательно «по отношению ко многим объектам (или соотносительно со многими субъектами)» [Исаченко, с. 287].

Среди русских дистрибутивно-суммарных глаголов М. А. Шелякин отмечает глаголы с приставкой *о-* (*об-*) как содержащие «признак ограниченной распределительности» [Шелякин, с. 72]. И этим русским глаголам в осетинском переводе тоже соответствуют глаголы с приставкой *фæ-*. Например: *Все это он уже не раз обдумал наедине* (351). – *Уыдаеттæ септæтыл цу æмæ дыууæ хатты нæ фæхъуыды кодта цунагæй* (441) и др.

В осетинском варианте на множественность объектов указывает грамматическая форма дополнения *уыдаеттæ* / *они, те* – указательное местоимение *уый* / *тот* во множественном числе, букв.: *обо всех тех* (имплицитно ‘случившихся с ним событиях’), а сирконстанты *цу æмæ дыууæ хаты* / *не один и не два раза* указывают на кратность действия.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что русским глаголам со значением дистрибутивности, маркированной приставками *пере-*, *по-*, *раз-* / *рас-*, *о-/об-*, соответствуют осетинские глаголы с приставкой *фæ-*.

Как известно, в современном русском языке значения дистрибутивной неоднократности реализуются, наряду с глаголами дистрибутивно-суммарного СД, глаголами таких специально-результативных СД, как кумулятивный СД и тотальный СД, при более существенных отличиях между глаголами дистрибутивного СД и глаголами тотального СД. Ср.: *перемазать все скатерти* – дистрибутивный СД (указывается на распределенный характер действия); *измазать все скатерти* – тотальный СД (указывается на итоговый охват крайне интенсивным действием распределенного характера совокупности всех объектов или субъектов).

Специфика глаголов тотального СД, характеризованных приставками *из-* / *ис-* и *вы-*, заключается в том, что в предложениях с ними «обозначается такое множество повторяющихся ситуаций, которые в сумме затрагивают все части какого-либо реально единого актанта, но выступающего в данном случае как совокупность или конечное дистрибутивное множество своих квазиотдельных частей» [Храковский, с. 144].

Значение русских глаголов тотального СД в современном осетинском языке тоже передается приставочными глаголами с *фæ-*. Например:

Не забудьте, что мне сорок пять лет, я был моряком, я изъездил все страны мира, и я видел решительно все, что происходит на свете (361). – *Рох дæ ма уæд, цыппор фондз азы мыл кæй цæуы, уый, æз уыдтæн моряк, æз фæхаттæн аппæт дунейы бæстæтыл дæр, æмæ рухс дунейы цыдæриддæр цæуы, уыдон махи цæстытæй фæдтон!* (455) и др.

Глаголы тотального СД, как правило, соотносятся и в осетинском, и в русском языке с суммарно-интегративным значением СВ.

Особо наглядно выражено значение суммарной интегративности в тех осетинских версиях соответствия русским глаголам данного СД, которые представлены формами составных глаголов с именной частью во множественном числе. Например: *Был задет* (*задет* в значении «ранен») *не раз в атаке...* (629) – *Æз фæцæфтæ дæн ныббырсты* (803) и др. Здесь *фæцæфтæ дæн* / ‘был изранен, изранился’ – от глагола *фæцæф уæвын* / ‘быть раненым, получить ранение’ (*цæф* – ‘рана’, *цæфтæ* – ‘раны’).

Суммарно-интегративное значение воздействия на субъект подчеркивается формой множественного числа именной части составного глагола, то есть «*был ранен неоднократно не одной, а несколькими ранами*». В русском тексте значение неоднократности передается обстоятельством кратности действия «*не раз*», а в осетинском – приставкой *фæ-* в глаголе СВ.

Среди русских глаголов со значением пантивной суммарности действия, наряду с глаголами дистрибутивной и кумулятивной семантики, выделяются и глаголы чрезмерно-кратной семантики. Уточняя аспектуально-акциональную семантику глаголов данного СД, характеризованных приставкой *из-/ис-*, М. А. Шелякин отмечает, что «значение чрезмерно-кратных глаголов сводится к суммарному представлению чрезмерно-кратного проявления действия в связи с субъектно-отрицательной оценкой количества действия (измучиться, изголодаться, изолгаться)» [Шелякин, с. 80–81]. Нас в этих глаголах интересуют прежде всего семы пантивной сум-

марности и распределенного характера действия, позволяющие включить данные глаголы в зону русской дистрибутивной неоднократности, а также то, как эти нюансы акциональной семантики передаются средствами осетинского языка:

И душа моя изболится, гляючи на вас... (223) – Стæй удæй дæр фæрисдзынæн, сымахæ кæсгæйæ... (282) и др.

Русскому глаголу чрезмерно-кратного СД *изболится* соответствует осетинский глагол *фæрисдзынæн* – приставочное образование от глагола *риссын / болеть*. То есть и в этих случаях русским глаголам со значением чрезмерно-кратного СД соответствуют осетинские глаголы с приставкой *фæ-*.

Как отмечалось нами выше, в зоне дистрибутивной неоднократности в современном русском языке присутствуют и глаголы кумулятивного СД, характеризованные приставкой *на-*, со значением «достижения значительного количества одних и тех же результатов путем многократного осуществления действия исходного глагола... накосить (травы), настирать (белья), наделать (столов), надавать (книг) и др.» [Шелякин, с. 75].

Важно отметить, что значение русских глаголов кумулятивного СД тоже передают осетинские глаголы с приставкой *фæ-*. Например:

В комнате, где сидели хозяева, было душно: наносило жаром и чадом из кухни... (169) – Хæдзары хицауттæ цы уаты бадтысты, уым уыди æнуд: кухнийæ сæм фæцыди тæвд æмæ тæф... (213) и др.

В русском варианте *наносило жаром и чадом* наблюдаем эллипсис родительного падежа существительного *духоты*, легко восстанавливаемого из контекста (...*было душно: духоты наносило жаром и чадом*), а также характерную для выражения значения кумулятивного СД трансформацию в безличную конструкцию с субъектом «в форме родительного партитивного: набежало (народу), нападало (листьев), навалило (снегу) и т. д.» [Зализняк, Шмелев, с. 114]. Значение многократного поступления в комнату *жара и чада из кухни*, выражаемого русским глаголом НСВ в неограниченно-кратном типе употребления *наносило*, передается одним из значений многозначного осетинского глагола СВ *фæцыди* ← *фæцауын* / пойти, уйти, пройти ← *цауын* / находиться в движении (в разных значениях): букв.: *пришли* (неоднократно) / *донесли* / *нанесли* (неоднократно) *жар и чад*.

Как известно, общерезультативный СД от предельных глаголов выступает в современном русском языке в нескольких вариантах. Один из них – результативно-тотивные глаголы с семантикой проявления целиком, сразу от начала до

конца, без частичного осуществления. «В них НСВ выражает не конкретно-процессное, а неограниченно-кратное значение: включать / включить, схватывать / схватить, брать / взять и др.» [Шелякин, с. 74]. В следующем примере мы наблюдаем именно такой, на наш взгляд, вариант употребления результативно-тотивного глагола *вставать / встать* в неограниченно-кратном значении, и, что характерно, его смысловым и аспектуально-акциональным эквивалентом выступает осетинский глагол с приставкой *фæ-*: *Степь без конца и без края тянулась на все концы света, тучные дымы пожаров вставали на горизонте... (53) – Лæгъз быдыры æнакæронæй айтыгъд алы ‘рдаем, арвæрæтты барзонд фæцыдысты сыгъды бæзджын фæздæджытæ... (66) и др.*

С точки зрения семантических особенностей, отличающих дистрибутивную неоднократность, главными являются две, и обе они присутствуют в данном примере: в каждой микроситуации из их распределенного множества присутствуют одни и те же (или почти одни и те же) участники; все микроситуации составляют одну монотемпоральную макроситуацию.

Примечательно также и то, что с позиции синтаксических особенностей предложений с дистрибутивными глаголами в них одну (как минимум!) позицию (актанта / сирконстанта) занимает предметное существительное во множ. ч., и такое существительное есть и в русской, и в осетинской версиях: *дымы / фæздæджытæ*. С учетом четкого указания на пространственно-ориентационную характеристику действия – *вставали на горизонте* – и способности осетинских провербов точно обозначать пространственно-ориентационные значения [Выдрин, с. 9] в данном контексте вполне мог быть употреблен глагол *сцыдысты / ссыдысты* (*сцауын / подниматься снизу вверх*), но в таком случае теряется дополнительное указание на кратный характер действия. Вот почему в осетинской версии предпочтение отдано приставке *фæ-*, которая «работает» на ассоциации с кратностью и которая, кстати, свободна от пространственно-ориентационных значений (единственная из осетинских провербов!), но при этом вносит значение однонаправленности, достаточное для сохранения смысла. Это значение распределенной кратности действия в осетинском варианте включено в аспектуально-акциональный набор смыслов приставочного глагола СВ, то есть буквально: *высоко на горизонте встали* (неоднократно) *дымы...*

На способность некоторых других осетинских приставочных образований, например, с

приставкой *ра-*, выражать значение, близкое к значению русских глаголов дистрибутивного СД, обращал внимание Р. Л. Цаболов [Цаболов, с. 341]. Приставочные глаголы *равæрдтой / расставили, рамбырд кодтой / подобрали*, приведенные автором в качестве дистрибутивных, действительно, включают в свою семантику значение дистрибутивной неоднократности, однако это значение имеют и те глаголы, от которых они образованы: *равæрдтой (равæрын / расставить) ← æвæрын / расставлять; рамбырд кодтой (рамбырд кæнын / собрать, подобрать) ← æмбырд к. / собирать, подбирать*, как и другие предельные переходные глаголы, в семантике которых есть сема распределенного характера действия. Например: *равгæнын / перелить, пересыпать ← æвгæнын / переливать, пересыпать; райуарын / разделить, раздать ← уарын / делить, раздавать; ракардын / перекрыть, раскроить ← кæрдын / кроить, крошить; рассивын / собрать, сгрести ← ссивын / собирать, сгребать; рауидзын / поклевать (все зерна), собрать, подобрать (мелкие предметы) ← уидзын / клевать (зерна), собрать, подбирать (мелкие предметы)* и др. [Осетинско-русский словарь, т. 3. с. 459–511]. Присоединение приставки *ра-* вносит только значение достижения результата предела действия, поскольку приставочный глагол переходит в сферу СВ. Значение дистрибутивной суммарности не вносится данной приставкой, не ассоциируется в сознании носителя осетинского языка со значением распределенной кратности действия, что мы наблюдаем в различных вариантах употребления приставочных форм с *фæ-*, как правило, соответствующих аспектуально-акциональной нагрузке русских глаголов дистрибутивного СД, кумулятивного СД, тотального СД, чрезмерно-кратного СД и образующих поле дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке.

Таким образом, универсальный семантический тип дистрибутивной неоднократности представлен в современном осетинском языке рядом характеризованных способов действия. Это, прежде всего, глаголы с разными оттенками дистрибутивности, маркированными приставкой *фæ-*, выступающие аспектуально-акциональными параллелями русских глаголов определенных характеризованных СД – дистрибутивного, кумулятивного, тотального, чрезмерно-кратного. Это также глаголы тотально-качественного СД, маркированные приставкой *æр-* [Левитская, 2007, с. 103], и определенная часть осетинских мультипликативов, а именно некоторые глаголы повторно-возвратного СД, собирательно-многоактного СД, в которых, кроме значения много-

актности, присутствует и значение дистрибутивности. Эту часть мультипликативных глаголов мы выделили в качестве, так сказать, переходной (пограничной) зоны между мультипликативной и дистрибутивной неоднократностью – двумя разновидностями одного и того же семантического типа – собирательно-неоднократности. Данная группа «пограничных» значений подтверждает, что способы действия не отделяются друг от друга непроницаемыми «перегородками и не составляют звеньев единой стройной системы...» [Маслов, с. 188].

Эксплицирование в современном осетинском языке в сопоставлении с русским разных вариантов значения дистрибутивной неоднократности подтверждает, что «языковая модель мира определяется набором свойственных данному языку концептов» [Падучева, с. 15], которые различаются акцентами, отражающими особенности восприятия одной и той же ситуации объективной действительности. При очевидной универсальности разных акциональных оттенков дистрибутивной неоднократности их конкретные комбинации в сопоставляемых языках при обозначении одного и того же действия (процесса) заметно отличаются не только идиоэтническими нюансами в аспектуальном содержании собственно глагольных форм, но и степенью участия дополнительных средств контекста в формировании общего аспектуально-акционального смысла высказывания, а также степенью обязательности и частотности выражения категориальных смыслов.

Список литературы

- Выдрин А. П. Превербь в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 9–15.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II. Братислава: Словацкая акад. наук, 1960. 577 с.
- Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007, № 5, с. 89–107.
- Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2019. № 3. С. 21–33.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательно-многоактный СД и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 105–117.

Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–312.

Осетинско-русский словарь в 4-х т. Т. 3. Владикавказ: СОИГСИ РАН ВНИЦ, 2018. 720 с.; Т. 4. Владикавказ: СОИГСИ РАН ВНИЦ, 2019. 749 с.

Падучева Е. В. Русский императив: инвариант и частные значения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7–18.

Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3.: Молодая гвардия. М.: Художественная литература, 1970. 679 с.

Фадеев А. А. Арыгон гварди. Дзæуджыхæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с.

Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Ученые записки Ленинградского университета. 1946. № 69. Сер. Филологические науки. Вып. 10. С. 15–36.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 7-е изд. М.: URSS, 2017. С. 124–152.

Цаболов Р. Л. К истории осетинских превербов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1957. Т. XIX. С. 319–354.

Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 7-е изд. М.: URSS, 2017. С. 63–85.

References

Fadeev, A. A. (1953). *Ærygon gvardi* [The Young Guard]. 839 p. Džæudžyhæu, Cægat Irystony chinguyty rauagdad. (In Ossetian)

Fadeev, A. A. (1970). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. V 7 t. Vol. 3. Molodaia gvardiia. 679 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Isachenko, A. V. (1960). *Grammaticheskii stroi Russkogo iazyka v sopostavlenii s Slovatskim* [Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with the Slovak Language]. 577 p. Ch. II. Bratislava. (In Russian)

Kholodovich, A. A. (1946). *Kategoriiia mnozhestva v iaponskom v svete obshhei teorii mnozhestva v iazyke* [Category of the Set in Japanese in the Light of the General Theory of Set in the Language]. Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. No. 69. Ser. Filologicheskie nauki. Vyp. 10, pp. 15–36. (In Russian)

Khrakovskii, V. S. (2017). *Kratnost'* [Multiplicity]. Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie.

Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis. 7-e izd. Pp. 124–152. Moscow, URSS. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2007). *O vidovoi nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom iazyke (vliianie universal'nyh i idioetnicheskikh faktorov)* [On Species Inconsistency in the Modern Ossetian Language (the influence of universal and idio-ethnic factors)]. Voprosy iazykoznanii, No. 5, pp. 89–107. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2019). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: povtorno-vozvratnyi sposob deistviia (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: A Repeatable Return Method of Action (Compared with the Russian Language)]. Izvestiia JuFU. Filologicheskie nauki. No 3, pp. 21–33. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2020). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: sobiratel'no-mnogoaktnyi SD i rezul'tativno-mnogoaktnyi SD (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: Collective-Multi-Act SD and Productive-Multi-Act SD (in comparison with the Russian language)]. Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena. No. 196, pp. 105–117. (In Russian)

Maslov, Ju. S. (1959). *Glagol'nyi vid v sovremennom bolgarskom literaturnom iazyke (znachenie i upotreblenie)* [Verb Form in the Modern Bulgarian Literary Language (Meaning and Use)]. Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo iazyka. Moscow, izd-vo AN SSSR, pp. 157–312. (In Russian)

Osetinsko-russkii slovar' (2018; 2019) [Ossetian-Russian Dictionary]. V 4-h t. Vol. 3. Vladikavkaz, SOIGSI VNC RAN. 720 p.; Vol. 4. Vladikavkaz, SOIGSI VNC RAN. 749 p. (In Ossetian, in Russian)

Paducheva, E. V. (2013). *Russkii imperativ: invariant i chastnye znacheniiia* [Russian Imperative: Invariant and Particular Values]. Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. No. 4, pp. 7–18. (In Russian)

Sheliakin, M. A. (2017). *Sposoby deistviia v pole limitativnosti* [Ways of Action in the Field of Limitativity]. Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis. 7-e izd. Pp. 63–85. Moscow, URSS. (In Russian)

Tsabolov, R. L. (1957). *K istorii osetinskih preverbov* [On the History of the Ossetian Preverbs]. Izvestiia Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Ordzhonikidze. Vol. XIX, pp. 319–354. (In Russian)

Vydrin, A. P. (2016). *Preverby v osetinskom iazyke: vzaimodeistvie s kategoriei vremeni* [Preverbs in the Ossetian Language: Interaction with the Category of Time]. Grammaticheskie kategorii v iazykakh mira: ierarhiia i vzaimodeistvie. Materialy dokladov. Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN. Pp. 9–15. St. Petersburg, Nestor-Nistory. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Shmelev, A. D. (2000). *Vvedenie v russkuiu aspektologiiu* [Introduction to Russian Aspectology]. 226 p. Moscow, iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Левитская Алина Афакоевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
руководитель отдела культурного наследия,
Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания,
362025, РСО-Алания, Владикавказ,
Ватутина, 46.
54alina.levitskaya@gmail.com

Levitskaya Alina Afakoevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Head of the Cultural Heritage Department,
Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania,
46 Vatutin Str.,
Vladikavkaz, 362025, North Ossetia-Alania.
54alina.levitskaya@gmail.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ДИСТРИБУТИВНОЙ НЕОДНОКРАТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ДИСТРИБУТИВНО-СУММАРНОГО СД)

© Алина Левитская

METHODS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF DISTRIBUTIVE DIVERSITY IN THE MODERN OSSETIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH RUSSIAN (BASED ON THE VERBS OF THE RUSSIAN DISTRIBUTIVE-SUMMARY ACTIONSARTS)

Alina Levitskaya

The study of the ways to designate a universal sign of the action multiplicity in the modern Ossetian language, in comparison with Russian, indicates that multiplicativity, distributivity and iteration, as the main types of monotemporal and polytemporal repetition, are represented in the Ossetian language by several variants - different modes of action (Actionsarts). This fact confirms the universal nature of the content in the named types of repetition, reflecting the general patterns of the world perception by speakers of different languages. By analyzing the potential of the distributive repetition meanings in Ossetian, we reveal, along with a complete coincidence of universal aspectual-actional meanings in the languages being compared, unique idioethnic differences in the combinations of these meanings, in the degree of their actualization, obligation and frequency when denoting the same situation of extra-linguistic reality. Distributive repetitiveness is expressed in the Ossetian language by verbs of certain modes of action - distributive-total Actionsarts, characterized by the prefix *фæ-*, a part of the verbs of the multiplicative collective-multiact Actionsarts, characterized by the plural form of the name in the semantic part of the compound verb, a part of the multiplicative re-reflexive verbs with complex Actionsarts, the prefix formant of work- - *ба-*, total-qualitative Actionsarts, characterized by the prefix *æр-*, etc. The aspectual-actional meanings of these Actionsarts differ from their functionally translated Russian parallels in such nuances that reflect (with the unity of the world perception!) the interpretation of objective entities and the relationship between them characteristic only of the Ossetian language.

Keywords: multiplicativity, distributivity, iterativity, monotemporality, polytemporality, universality, idioethnicity.

Исследование способов обозначения универсального признака кратности действия средствами современного осетинского языка в сопоставлении с русскими свидетельствует о том, что мультипликативность, дистрибутивность и итеративность как основные типы монотемпоральной и политемпоральной неоднократности представлены в осетинском языке несколькими вариантами – разными способами действия (Actionsarts), что подтверждает универсальный характер содержания названных типов неоднократности, отражающих общие закономерности восприятия мира носителями разных языков. Анализ потенциала значений дистрибутивной неоднократности в осетинском языке обнаруживает, наряду с полным совпадением универсальных аспектуально-акциональных смыслов в сравниваемых языках, и уникальные идиоэтнические расхождения в комбинациях этих смыслов, в степени их актуализации, обязательности и частотности при обозначении одной и той же ситуации внеязыковой действительности. Дистрибутивная неоднократность выражается в осетинском языке глаголами определенных способов действия: дистрибутивно-суммарного СД, характеризованного приставкой *фæ-*; частью глаголов мультипликативного собирательно-многоактного СД, характеризованного формой множественного числа имени в именной части составного глагола; частью глаголов мультипликативного повторно-возвратного СД, характеризованного сложным префиксальным формантом *ра-* – *ба-*; тотально-качественного СД, характеризованного префиксом *æр-* и др. Аспектуально-акциональные значения этих СД отличаются от их функционально-переводных русских параллелей такими нюансами, которые отражают (при един-

стве восприятия мира!) свойственную только осетинскому языку интерпретацию объективных сущностей и отношений между ними.

Ключевые слова: мультипликативность, дистрибутивность, итеративность, монотемпоральность, политемпоральность, универсальность, идиеотничность.

Исследование различных вариантов обозначения признака кратности действия средствами современного осетинского языка позволяет нам выявить несколько способов обозначения мультипликативности (многоактности), дистрибутивности (суммарности, распределенности, рассредоточенности), итеративности (повторности) действия, которые соотносятся с такими типами множества внеязыковых ситуаций, как мультипликатив, дистрибутив, итератив, и традиционно характеризуются как основные, универсальные [Храковский, 2017, с. 152] среди всех типов «множества как нечто такого, что противостоит единичности, является исключительно многообразным по своему составу, по своей структуре» [Холодович, с. 16].

В зависимости от особенностей обозначения многоактного характера действия в поле осетинской мультипликативности нами выделены нехарактеризованные и характеризованные способы действия¹. К нехарактеризованному многоактному СД мы отнесли глагольную лексику с семантикой мультипликативности в статусе «категориального компонента лексической семантики» [Маслов, 1984, с. 14], но без ее формального выражения, например, *æууилын / жевать, наетын / стонать, ризын / дрожать* и др., а также составные глаголы типа *æхситт кæнын / свистеть*², *кæпп к.*³ / *щелкать, хакъуырц к. / икать* и др., знаменательная часть которых, как правило, – звукоподражательное слово, а грамматическое значение выражается вспомогательным глаголом *кæнын / делать*.

Как характеризованные СД нами выделены следующие: дискретно-многоактный СД (*дыз-дыз к. / дрожать мелкой дрожью; сым-сым к. / сопеть; цъыкк-цъыкк к. / тикать* (о часах) и др.) [Левитская, 2020а, с. 75–89]; собирательно-многоактный СД (*æлхысчъытæ к. / ципать; гæппытæ к. / прыгать; цудтытæ к. / шататься* и др.) [Левитская, 2020б, с. 105–117]; результативно-многоактный СД (*æрбад-æрбад к. / приседать; батил-батил к. / покачи-*

вать; фæурум-фæурум к. / останавливаться (часто) и др. [Там же]; повторно-возвратный СД (*ракæс-бакæс к. / озираться, рафæлдах-бафæлдах к. / переворачивать с одной стороны на другую; рацу-бацу к. / ходить туда-сюда и др.*) [Левитская, 2019, с. 21–33].

Мультипликативные глаголы обозначенных СД отличает принадлежность к одному и тому же типу семантической неоднократности – собирательной. Данное аспектуально-акциональное значение наиболее ярко представлено в глаголах собирательно-многоактного СД, в которых указание на множественность актантов, совершающих (монотемпорально) одно и то же действие, или на множественность одного и того же действия, совершаемого (тоже монотемпорально) одним и тем же актантом, воспринимается с точки зрения его знаменательных характеристик как обобщенный факт. Актуализируется именно собирательный, обобщенный характер этого действия при всей его фактической объективной множественности. В современном русском языке этот тип представлен двумя разновидностями: мультипликативной и дистрибутивной [Храковский, 2017, с. 133]. Подтверждением принадлежности глаголов с семантикой и мультипликативности, и дистрибутивности к данному типу как универсальному и, тем самым, близости их акциональных смыслов могут служить и факты современного осетинского языка. В определенных контекстах осетинские глаголы мультипликативных СД, а именно мультипликативные глаголы собирательно-многоактного СД и повторно-возвратного СД, могут выступать эквивалентами русских глаголов дистрибутивно-суммарного СД, который наряду с кумулятивным СД и тотальным СД реализует значения дистрибутивной неоднократности [Там же, с. 139–144].

Например:

1) *В то же время он быстро оглядывал все, что попадало в его поле зрения, пытаясь разглядеть в темноте лица* (112). – / *Дзургæ-дзурын лæппу цырды кæстытæ кодта алцамæ дæр, цæмæдæриддæр – иу фæкомкоммæ ис, уымæ, цæсгæмттæ талынджы куы фенид, ууыл фæлваргæйæ* (142)⁴ (здесь и далее разрядка наша – А. Л.).

¹ В нашем понимании способа действия (Aktionsart – далее СД) мы опираемся на его определения в трудах Ю. С. Маслова [Маслов, 1984, с. 12–14], М. А. Шелякина [Шелякин, 1972, с. 238–253].

² Буквально: *делать свист* или см. далее: *делать щелчок, икоту* и т. п.

³ Здесь и далее к. – *кæнын / делать*.

⁴ Здесь и далее примеры взяты из: Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М.: Худ. лит.-ра, 1970. 678 с. / Фадеев А. А. Ёрыгон гвар-

Осетинский мультипликативный глагол собирательно-многоактного СД *кастытæ кодта* соответствует русскому глаголу *оглядывал* в значении дистрибутивно-суммарного СД: выражается постепенный охват результативным действием всех объектов или субъектов. Этот СД всегда предполагает форму мн. ч. объекта или субъекта со значением «все, много». Отметим при этом, что «русские глаголы с приставкой *о-* (*об-*), относящиеся к дистрибутивно-суммарному СД, отличаются от глаголов этого же СД, но с приставкой *пере-*, характером дистрибутивно-суммарного действия: не содержат признака подчеркнутой кратности действия и раздельности объектов» [Шелякин, 2017, с. 76]. Именно эта семантика не подчеркнутой, обобщенной множественности действия усиливает сходство аспектуально-акциональных характеристик русского глагола дистрибутивно-суммарного СД *оглядывал* и осетинского глагола собирательно-многоактного СД *кастытæ кодта*.

2) *Ваня Земнухов вдруг так весело расхохотался, что его непослушные длинные прямые волосы попадали на лоб и на уши, но он их тотчас же откинул резким движением головы* (69). – *Ваня Земнухов æвиптайды афтæ хæлдзæг ныххудт, æмæ йæ æгоммæгас æмраст сæры хъуынтæ æрхæудтытæ кодтой йæ ныхыл æмæ йæ хъустыл, фæлæ сæ уый уайтагъддар фæстæмæ феппæрстæ, йæ сæр цæхкæр стилгæйæ* (87).

Осетинский мультипликативный глагол собирательно-многоактного СД *æрхæудтытæ кодтой* соответствует русскому глаголу дистрибутивно-суммарного СД *попадали*. В данном примере дистрибутивное множество действий сопряжено с совокупным характером актант-субъекта, вследствие чего повтор действий происходит не последовательно, а одновременно.

Близость к русским глаголам дистрибутивно-суммарного СД с приставкой *пере-* наблюдаем и среди осетинских мультипликативных глаголов повторно-возвратного СД: *равæр-бавæр к.* / *переставлять, перепрятывать*; *равзæр-бавзæр к.* / *переворачивать, перебирать*; *радав-бадав к.* / *перетаскивать* и др.

Таким образом, в современном осетинском языке часть мультипликативных глаголов – собирательно-многоактного СД и повторно-возвратного СД – являются семантически пограничной зоной между мультипликативной и дистрибутивной неоднократностью – двумя разно-

видностями одного семантического типа – собирательной неоднократности. Более близкими же эквивалентами русских глаголов тех специально-результативных СД, которые образуют в современном русском языке поле дистрибутивной неоднократности (дистрибутивного / распределительного СД, или дистрибутивно-суммарного СД, кумулятивного / накопительно-суммарного СД, или кумулятивно-дистрибутивного СД, тотального СД⁵), выступают осетинские глаголы с приставкой *фæ-*.

Обратимся к примерам употребления осетинских глаголов с приставкой *фæ-* как смысловых и аспектуально-акциональных эквивалентов русских глаголов дистрибутивной семантики:

1. *В эту ночь они перетаскали из склада в «Сеняхах» бутылки с горючей жидкостью на «Шанхай»* (145) – *Уыцы ахсæв уыдон «Сенякийы» цы скълад уыдис, уырдыгæй фæхæстой «Шанхаймæ», судзæг хæцца цы æвгта уыдис, уыдон* (183).

Осетинский глагол *фæхæстой* соответствует русскому глаголу *перетаскали* со значением постепенного охвата результативным действием разрозненных, отдельных объектов. Признак подчеркнутой кратности действия и раздельности объектов ассоциируется в русском языке с приставкой *пере-* (*перепилить все дрова, перемыть всю посуду, перекупать всех детей* и т. д.), а в осетинском языке этот признак ассоциируется с приставкой *фæ-*.

2. *Так они перебирали своих подруг и товарищей* (320) – *Афтæ равзар-бавзар фæкодтой се' мбæлты – чызджыты æмæ лæппуты* (402).

В осетинском глаголе СВ повторно-возвратного СД *равзар-бавзар фæкодтой* / *перебрали* присутствуют следующие аспектуально-акциональные смыслы:

1) действие носит повторно-возвратный характер, то есть каждая кандидатура рассматривается совокупным актантом-субъектом (*они*) неоднократно;

⁵ Выделяемые разными авторами [Авилова, с. 601–604]; [Зализняк, Шмелев, с. 114–116]; [Шелякин, 2017, с. 75–77] и др. русские способы действия со значением распределенности, суммарности, рассредоточенности действия отличаются названиями в зависимости от того, какие комбинации акциональных смыслов выделяют авторы. Поскольку все эти смыслы находятся в одной и той же семантической зоне дистрибутивной неоднократности как одной из двух разновидностей универсального семантического типа неоднократности – собирательной неоднократности, расхождения в названиях русских СД для нашего исследования не принципиальны.

ди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с. Поэтому в дальнейшем указываются только номера страниц.

2) действие имеет распределенный характер;

3) преверб *фæ*- усиливает значение кратности и одновременно значение ограниченной длительности действия, поскольку является маркером СВ, благодаря чему действие обозначается как конкретный целостный факт, ограниченный пределом, но (!) включающий в себя повторы ситуаций неоднократного рассмотрения кандидатур двумя руководителями подпольной ячейки.

В результате в осетинском варианте получаем комбинацию акциональных смыслов, близкую значению русского глагола *поперебрали*. В русском варианте употреблен глагол НСВ *перебрали*, допускающий в контексте русского предложения как значение процессности, так и значение кратности. В самом предложении нет никаких специальных средств, актуализирующих значение кратности или длительности. Однако оценка аспектуальных характеристик, заложенных в более широком контексте, и анализ пропозиций, обозначенных в предтексте и посттексте, не оставляют сомнений в том, что неоднократное рассмотрение руководителями ячейки кандидатур всех их товарищей на предмет их возможного вовлечения в подпольную организацию не могло быть кратковременным. Так, в предтексте имеем точное указание на то, что процедура рассмотрения началась, когда *вечер опустился на степь, на сады* (318), то есть только начало вечера. А в посттексте имеем указание на наступление глубокой ночи: *Месяц, уже пошедший на убыль, но все еще большой, красным заревом стоял за деревьями, густые, резкие тени легли вдоль сада...* (320).

Таким образом, широкий контекст указывает на определенную длительность действия, поэтому в русском варианте предпочтение получает значение длительности в форме глагола НСВ *перебрали*. Это именно тот случай, когда «повторительное значение <...> выражено не в самом высказывании, а наводится аспектуальной характеристикой предшествующего высказывания» [Храковский, 2014, с. 10].

Осетинский вариант содержит, в отличие от русского, в самой глагольной форме *равзар-бавзар фæкодтой*, кроме отмеченных выше значений дистрибутивности и повторности действия, еще и значение ограниченной длительности действия. Дело в том, что преверб *фæ*- является маркером этого значения не только как любая приставка, сообщающая глаголу значение СВ и тем самым значение целостности, ограниченности пределом, но он еще выступает в соединении с неопределенными глаголами определенных лексико-семантических разрядов и как маркер пердуративности и делимитативности. Например:

а) пердуративности:

1) *А мать и дочь, оставшись одни, проплакали на материнской кровати почти до вечера* (263). – *Мад æмæ чызг та, цуынагæй баззайгæйæ, мады сынтæгыл бадтысты, афтæ фæкуыдтой боныцъæхтæм* (330);

2) *Я свое детство все на улице пробежал босиком, как Сережка...* (401). – *Æз Сережкæйи хуызæн æппынæдзых дæр бæгъæввадæй уынгты фæразгъор-базгъор кодтон* (510) и др.;

б) делимитативности:

1) *Немцы еще повозились и побубнили пьяными голосами...* (174) – *Немыц ма цыдæртæ фæцархайтой æмæ расыг гуыв-гуыв фæкодтой...* (220);

2) *Некоторое время они еще поглядели на «газик»* (75). – *Иу цæдæр ма фæкастысты «газик»-мæ...* (94) и др.

В современном русском языке пердуративное значение, то есть проявление действия в сравнительно длительные и определенные отрезки времени, представлено образованиями от неопределенных глаголов с помощью приставок *про-*, *от-*, *пере-*, а делимитативное значение проявления действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени – с помощью приставок *по-* и *вз-* в сочетании с суффиксом *-ну-*, а также приставок *при-*, *пере-*, *со-* [Шелякин, 2017, с. 79–80]. То есть разные русские приставки (наряду со специальными лексическими показателями) дифференцируют значения пердуративности и делимитативности. В осетинском же языке контекст и специальные лексические средства указывают на аспектуально-акциональную разницу в длительности действия, приставка *фæ*- выступает маркером только идеи ограниченности протекания действия временными рамками. Вот почему мы наблюдаем употребление одних и тех же приставочных образований с *фæ*- и в значении пердуративности, и в значении делимитативности. Например:

фæлаууын / простоять – в пердуративном значении:

Так простоял он довольно долго и начал уже терять терпение (259). – *Валько афтæ фæлаууыд дзæвгар æмæ йын зын быхсæн уыд* (325);

фæлаууын / постоять – в делимитативном значении:

Всего несколько мгновений простояла эта неопределенность... (297) – *Æрмæст цу цалдæр цæстыфæныкъуылдмæ фæлаууыд уыцы æбæрагдзинад...* (373);

фæбадын / просидеть – в пердуративном значении:

Так просидели они молча несколько часов, наедине со своей совестью (351). – *Афтæ æнæ дзургæйæ уыдон фæбадтысты цалдæр саххаты, сæ намысимæ иуыæгæй* (441);

фæбадын / *посидеть* – в делимитативном значении:

«Смогу ли я до света посидеть в твоём сарае?» – спросил Ваня (249) – «*Боныцъæхтæм мын дæ сарайы фæбадæн ис?*» – бафарста Ваня (314).

Таким образом, приведенные и другие примеры осетинских приставочных образований с *фæ*- подтверждают факт закрепления за этим превербом в кругу глаголов определенных (непредельных) лексико-семантических разрядов значения ограниченности реализации действия временным пределом: «они обозначают особый тип событий, которые сводятся к ограниченному во времени отрезку процесса, <...> пусть и разной степени длительности» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, с. 17]. На наш взгляд, данная семантика преверба *фæ*- ассоциативно присутствует в перечне аспектуально-акциональных смыслов осетинского предиката *фæравзар-бавзар кодтой*. Подчеркнем, что этот перечень более соответствует значению русского глагола *поперебрали* и вполне согласуется с описанием значения поочередного распространения действия на ряд объектов при обозначении распределительного характера действия русскими глаголами с префиксом *по*-, присоединяемым к приставочным глаголам: *повытолкать-повыталкивать, повыбить-повыбивать, пооткрыть-пооткрывать, повстать-повставать* и др. [Авилова, с. 604]. Семантика «поочередности» подтверждается и другими примерами употребления осетинских приставочных глаголов с *фæ*-, образованных от предельных глаголов, при передаче значения распределенного характера действия. Например:

1. *Однако они сразу повставали, увидев вооруженных людей* (502). – *Фæлæ уайтагъд фестадысты, хотыхджын адамы куы ауыдтой, уæд* (640).

2. *В течение нескольких дней, терпеливо копаясь в земле, ребята находили остатки шрифта по радиусу в несколько метров от места, где он был обозначен по плану, и выбрали все, что там было* (421). – *Цалдæр боны дæргъы лæппутæ фæуыгътой шрифты баззайæггæгтæ, фæразонæй сыджыт сызмæнтгæйæ, пъланæ гæсгæ шрифт ныгæд кæм хъуамæ уыдаид, уымæн йæ алфæмблай, цалдæр метры æттæдæр, æмæ афтæмæй æруыгътой, шрифтаей цы баззад, уый* (536–537).

Второй пример интересен тем, что в осетинской версии употреблены две однокоренные глагольные формы с разными приставками *фæ*- и *æр*-, образованные от глагола *уидзын* / *клевать, выбирать, собирать* (мелкие предметы), и обе формы выражают разные оттенки дистрибутивности. Первая – *фæуыгътой* – соответствует русской форме *находили*. Русский предикат в данном предложении употреблен в обобщенно-фактическом результативном значении, «когда глагол НСВ обозначает действие, достигшее результата» [Зализняк, Шмелев, с. 26]. (В высказывании отражается внеязыковая ситуация продолжительностью в несколько дней). Глагол *находили* относится к группе результативнототивных глаголов, которые, по замечанию В. С. Храковского, в форме НСВ «имеют неограниченно-кратное значение либо исключительно, либо преимущественно» [Храковский, 2017, с. 145], то есть конкретно-процессное значение в этом употреблении исключается. На эту же особенность аспектуальной семантики глагола *находили* обращает внимание и О. П. Рассудова в контексте, близком нашему словоупотреблению. «Предложение “Здесь находили старинные монеты...” – означает, что названное явление имело место неоднократно, действие воспринимается как повторяющееся, поскольку глагол «находить» в нашем сознании непроцессный... НСВ без специальных контекстуальных средств выражает повторяемость действий, завершённых, достигших предела... Значение повторяемости мыслится как неоднократно воспроизведение одного и того же действия через неопределённо-длительные интервалы» [Рассудова, с. 33, 38].

Отметим, что глагольная форма *находили* в нашем примере – это ограниченно-кратная разновидность обобщенно-фактического типа употребления НСВ при обозначении ситуации обобщенного факта, когда глаголы НСВ употребляются в сочетании с показателями ограниченной кратности действия и обозначают определенное количество повторов действия, представленного безотносительно к конкретному характеру его осуществления [Бондарко, 1980, с. 611–612]. Лексическим показателем ограниченной кратности действия выступает обстоятельство *в течение нескольких дней* / *цалдæр боны дæргъы*. Именно это значение ограниченной кратности действия передается осетинским глаголом СВ *фæуыгътой*, семантика которого более точно соответствует русскому глаголу *повыбирали*. Значение кратного осуществления действия вносит приставка *фæ*-. СВ осетинского глагола обозначает в подобного рода употреблениях действие не в его «естественной» целостности еди-

ничного конкретного факта, а ... в более или менее «искусственной» целостности, возникшей путем «конденсации», «суммирования», объединения в одно целое объективно не единичного действия... [Шелякин, 1972, с. 73]. Сравнение формы *фæуыгътой / повыбѳирали* с однокоренным глаголом с другой осетинской приставкой *æр-* в том же высказывании *æруыгътой / выбра-ли* еще более оттеняет значение *фæ-*: «в каждом случае семантический взнос присоединяемого префикса значителен» [Горбова, с. 29]. При том, что оба приставочных глагола обозначают результативные действия, они отличаются акциональными оттенками: приставка *æр-* вносит значение, близкое значению русского осложненно-характеризующего СД, «указывающего на тщательность и раздельность этапов выполнения действия, на качественную эффективность каждого момента: *выписать* (буквы), *выщупать* (пульс), *вымерить* и др.» [Шелякин, 2017, с. 78]. При этом такой элемент значения, как исчерпывающее распространение действия на весь объект или субъект, отличающий глаголы тотального СД, входящего в зону дистрибутивной неоднократности, присутствует в этой осетинской глагольной форме, пусть и не столь ярко, как в форме с приставкой *фæ-*, маркером дистрибутивно-суммарного СД. Фактически мы наблюдаем в осетинском глаголе с приставкой *æр-* комбинацию акциональных смыслов, которая не позволяет считать подобные примеры абсолютно адекватными какому-то одному русскому СД, вот почему мы выделили глаголы с *æр-* с отмеченной выше двойственной акциональной семантикой в отдельный разряд как тотально-качественный СД [Левитская, 2007, с. 103]. Что касается формы *фæуыгътой / повыбѳирали* как функционально-переводного эквивалента русского *находили*, то очевидно, что отличающее осетинский предикат значение дистрибутивной суммарности в русской параллели можно оценить как имплицитное, подчиненное значению неоднократной повторяемости.

Аспектуально-акциональная семантика русского глагола *находили* в ограниченно-кратном значении обобщенно-фактического употребления НСВ, сходном с суммарным употреблением СВ [Бондарко, 1980, с. 611–621], передается в осетинском языке формой совершенного вида глагола, что указывает на монотемпоральный характер кратного действия. Политемпоральный характер действия обозначается в осетинском языке аналитической конструкцией *глагол + частица -у* / граммемой категории кратности, входящей в ядро функционально-семантического поля аспектуальности современного осетинского

языка наряду с категорией вида [Левитская, 2007, с. 89]. Благодаря аналитическому характеру данной граммемы для осетинской категории кратности «характерен тотальный охват всей глагольной лексики» [Маслов, 2004, с. 328].

В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть все варианты эксплицирования дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке в сопоставлении с русским. Тем не менее, приведенные в статье примеры употреблений осетинских приставочных глаголов с *фæ-*, глаголов других осетинских СД в значениях, близких русскому дистрибутивно-суммарному СД, подтверждают универсальность данного семантического типа неоднократности как отражение одного из универсальных типов внеязыкового множества и тем самым доказывают общность «закономерностей отражения объективной действительности в человеческом сознании <...> и единства восприятия мира...» [Бондарко, 2017, с. 31]. При этом конкретные комбинации аспектуально-акциональных смыслов, участвующих в сравниваемых языках в выражении значения дистрибутивной неоднократности при обозначении одной и той же внеязыковой ситуации, заметно отличаются не только в «денотативном, сигнификативном, экспрессивно-стилистическом отношении» [Шелякин, 1972, с. 238], но и идиоэтническими акциональными нюансами, отражающими «чисто человеческую, субъективную точку зрения на мир, часто «наивную» и «ненаучную» [Петрухина, 2001, с. 56], что и представляет научный интерес для понимания особенностей интерпретации каждым отдельным языком объективных сущностей внеязыковой действительности.

Список литературы

- Авилова Н. С. Морфологические категории глагола. Категория вида. Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов // Русская грамматика – 80. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 582–604.
- Бондарко А. В. Употребление видов // Русская грамматика – 80. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 604–613.
- Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 5–39.
- Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.

Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.

Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2019. № 3. С. 21–33.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: дискретно-многоактный способ действия в сопоставлении с русским языком // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2020а. № 2. С. 75–89.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательно-многоактный СД и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020б. № 196. С. 105–117.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. 840 с.

Петрухина Е. В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового содержания // Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 56–66.

Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 148 с.

Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3.: Молодая гвардия. М.: Художественная литература, 1970. 679 с.

Фадеев А. А. Арыгон гварди. Дзæуджыхæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с.

Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Ученые записки Ленинградского университета. 1946. № 69. Сер. Филологические науки. Вып. 10. С. 15–36.

Храковский В. С. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 14. С. 3–12.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 124–152.

Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): дис. ... д-ра филол. наук: Ленинград, 1972. 660 с.

Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики:

Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 63–85.

References

Avilova, N. S. (1980). *Morfologicheskie kategorii glagola. Kategoriiia vida. Kategoriiia zaloga i razriady perekhodnyh i neperekhodnyh glagolov* [Morphological Categories of the Verb. The Category of Aspect. The Category of Voice and the Categories of Transitive and Intransitive Verbs]. *Russkaia grammatika* – 80. Vol. I. Pp. 582–604. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bondarko, A. V. (1980). *Upotreblenie vidov* [The Use of Aspects]. *Russkaia grammatika* – 80. Vol. I. Pp. 604–613. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bondarko, A. V. (2017). *Vvedenie. Osnovaniia funktsional'noi grammatiki* [Introduction. Foundations of Functional Grammar]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. Izd 7-e. Moscow, Lenand. Pp. 5–39. (In Russian)

Gorbova, E. V. (2017). *Russkoe vidoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikatsiia ili nabor kvazigrammem? (eshhe raz o bolevykh tochkah russkoi aspektologii)* [Russian Speciation: Inflection, Word Classification, or a Set of Quasigrammes? (Once Again about the Pain Points of Russian Aspectology)]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No 1, pp. 24–52. (In Russian)

Fadeev, A. A. (1970). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. V 7 t. Tom 3. *Molodaia gvardiia*. 679 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Fadeev, A. A. (1953). *Ærygon gvardi* [The Young Guard]. *Dzæudzyhæu: Cægat Irystony chinguyty rauagdad*. 839 p. (In Ossetian)

Kholodovich, A. A. (1946). *Kategoriiia mnozhestva v iaponskom v svete obshhei teorii mnozhestva v iazyke* [Category of Set in Japanese in the Light of the General Theory of Set in the Language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. No. 69. Ser. *Filologicheskie nauki*. Vyp. 10, pp. 15–36. (In Russian)

Khrakovskii, V. S. (2014). *Est' li u nesovershennogo vida v russkom iazyke povtoritel'noe (neogranichenno-kratnoe / mnogokratnoe / iterativnoe / uzual'noe / habitual'noe) znachenie?* [Does the Imperfect Species in Russian have a Repetitive (Unlimited / Multiple / Iterative / Usual / Habitual) Meaning?]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No. 14, pp. 3–12. (In Russian)

Khrakovskii, V. S. (2017). *Kratnost'* [Multiplicity]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. Izd 7-e. Moscow, Lenand. Pp. 124–152. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2007). *O vidovoi nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom iazyke (vlianie universal'nyh i idioetnicheskikh faktorov)* [On Specific Inconsistency in the Modern Ossetian Language (the influence of universal and idioethnic factors)]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No. 5, pp. 89–107. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2019). *Mul'tiplikativnye sposoby dejstvija v sovremennom osetinskom iazyke: povtorno-vozvratnyi sposob deistvii (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: A Repeated-Return Method of

Action (in comparison with the Russian language)]. *Izvestiia IuFU. Filologicheskie nauki*. No. 3, pp. 21–33. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2020a). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: diskretno-mnogoaknyi sposob deistviia v sopostavlenii s russkim iazykom* [Multiplicative Modes of Action in the Modern Ossetian Language: Discrete-Multi-Act Mode of Action in Comparison with the Russian Language]. *Vestnik MGU. Serii 9: Filologiya*. No. 2, pp. 75–89. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2020b). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: sobiratel'no-mnogoaknyi SD i rezul'tativno-mnogoaknyi SD (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: Collective-Multi-Act SD and Productive-Multi-Act SD (in comparison with the Russian language)]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena*. No. 196, pp. 105–117. (In Russian)

Maslov, Iu. S. (1984). *Ocherki po aspektologii* [Essays on Aspectology]. 263 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

Maslov, Iu. S. (2004). *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshhee iazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics]. 840 p. Moscow, iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2001). *Ob universal'nom i idioetnicheskom komponentah iazykovogo sodержaniia* [On the Universal and Idio-Ethnic Components of the Linguistic Content]. *Issledovaniia po iazykoznaniiu*: Sb.

statei k 70-letiiu A. V. Bondarko. Pp. 56–66. St. Petersburg, izd-vo SPb. un-ta. (In Russian)

Rassudova, O. P. (1982). *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom iazyke* [The Use of Verb Aspects in Modern Russian]. 148 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Sheliakin, M. A. (1972). *Pristavochnye sposoby glagol'nogo deistviia i kategorii vida v sovremennom russkom iazyke (k teorii funktsional'no-semanticheskoi kategorii aspektual'nosti): dis. ... dokt. filol. nauk* [Prefix Methods of Verbal Action and the Category of Aspect in Modern Russian (to the theory of the functional-semantic category of aspectuality): Doctoral Thesis]. Leningrad. 660 p. (In Russian)

Sheliakin, M. A. (2017). *Sposoby deistviia v pole limitativnosti* [Ways of Action in the Field of Limitativity]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. Izd 7-e. Moscow, Lenand. Pp. 63–85. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Shmelev, A. D. (2000). *Vvedenie v russkuiu aspektologiu* [Introduction to Russian Aspectology]. 226 p. Moscow, iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Mikaelian, I. L., Shmelev, A. D. (2010). *Vidovaia korreliativnost' v russkom iazyke: v zashchitu vidovoi pary* [Species Correlation in the Russian Language: In Defense of a Species Pair]. *Voprosy iazykoznaniiia*. No 1, pp. 3–23. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2021

Поступила в редакцию 08.09.2021

Левитская Алина Афаковна,
кандидат филологических наук,
доцент,
руководитель отдела культурного наследия,
Институт истории и археологии Республики
Северная Осетия-Алания,
362025, РСО-Алания, Владикавказ,
Ватутина, 46.
54alina.levitskaya@gmail.com

Levitskaya Alina Afakoevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Head of the Cultural Heritage Department,
Institute of History and Archeology of the Re-
public of North Ossetia-Alania,
46 Vatutin Str.,
Vladikavkaz, 362025, North Ossetia-Alania.
54alina.levitskaya@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-94-100
УДК 81'33

АНГЛИЙСКИЙ ЛЕКСИКОН БРЕКЗИТА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

© Светлана Маник

ENGLISH BREXIT LEXICON IN A LEXICOGRAPHIC ASPECT

Svetlana Manik

The article describes the features of the Brexit lexicon in the English language. The hypothesis of the research stipulates that the socio-political phenomenon of the United Kingdom's departure from the European Union has generated and developed a unique layer in the English language, reflecting a deep split and contradictions in the British society. So far, the current vocabulary has not been properly examined by linguists and systematized by lexicographers. The paper describes the Brexit lexicon, as well as lexicographic approaches to registering these terms. There has been no lexicographic analysis or dictionary reviewing of the reference books, describing the lexical units of this socio-political phenomenon. Thus, the significance of the work is determined by the fact that this issue is understudied and the data is original. The previous research on the Brexit lexicon aims to state the dynamic process of coining new words in the English language and to distinguish key word-formation patterns. Moreover, the researchers note potential challenges for the end-users to understand the semantics of the new terms and compounds. The article examines various media publications on the given topic, online glossaries as examples of volunteer lexicography, registering this lexical layer, as well as the corpus of Brexit – the Brexit Corpus on Sketch Engine platform.

Keywords: Brexit lexicon, neologisms, volunteer lexicography, reference book, lexicographic description.

Статья посвящена рассмотрению особенностей лексикона Брекзита английского языка. Основная гипотеза исследования заключается в утверждении, что общественно-политическое явление выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза способствовало зарождению и становлению целого пласта лексики в английском языке, отражающего глубокий раскол и противоречия британского общества. Данный вокабуляр к настоящему времени недостаточно изучен лингвистами и систематизирован лексикографами. В работе описываются характерные черты лексикона Брекзита, а также лексикографические подходы к регистрированию данных терминов. К данному моменту не проводился лексикографический анализ или обзор справочников, фиксирующих лексические единицы данного общественно-политического феномена. Следовательно, актуальность настоящего исследования обуславливается малоизученностью вопроса и новизной материала. Существующие труды по лексикону Брекзита нацелены на констатацию динамичной неологизации в английском языке, на выделение основных словообразовательных моделей. Вместе с тем исследователи отмечают возможные трудности с пониманием семантики новых терминов и терминологических единиц у читателей. Материалами данной работы служат медиапубликации по изучаемой теме, онлайн-гlossарии из серии волонтерской лексикографии, регистрирующие этот лексический пласт, а также корпус Брекзита – Brexit Corpus на платформе SketchEngine.

Ключевые слова: лексикон Брекзита, неологизмы, волонтерская лексикография, справочное издание, лексикографическое описание.

Введение

Вопросы глобализации и международной интеграции, с одной стороны, и сохранения национальной идентичности и дезинтеграции, с другой, становятся ключевыми политическими, финансовыми, экономическими и социально-значимыми аспектами в XXI веке. Так, шансы выхода Великобритании из Европейского союза, результаты референдума, условия соглашения,

евроскептицизм, «токсичность переговоров» и т. п. являются темами многих медиапубликаций с 2012 до настоящего времени, когда факт брекзита уже свершился. Все эти события находят свое отражение в стремительно появляющихся языковых неологизмах и лингвистических изменениях в английском языке, которые затем регистрируются в лексикографических справочных изданиях.

Слово Brexit (сначала Brixit – Britain / British + exit), как отмечает К. Максвелл, впервые появилось в письменных источниках в июне 2012 года по аналогии с Grexit (Greece / Greek + exit), термином, годом ранее введенным экономистом Эбрахимом Рахбари при описании стремления Греции выйти из еврозоны из-за экономического кризиса [Maxwell]. В то время журналисты использовали кавычки, курсив или фразу *so-called* ('так называемый') при употреблении данной лексической единицы, что подтверждает ее ненормативность. Однако с 2015 года, когда в Великобритании прошли выборы и назначили дату референдума, слово Brexit прочно закрепилось в английском языке и стало употребляться повсеместно. Oxford English Dictionary зарегистрировал словарную статью «a term for the potential or hypothetical departure of the United Kingdom from the European Union» («термин потенциального или гипотетического выхода Великобритании из Европейского Союза») и анонсировал его словом года в 2015 году [Oxford English Dictionary], а Collins Dictionary – в 2016 [Collins English Dictionary].

Подобная словообразовательная модель вызвала живой интерес и привела к созданию в английском языке слов Fixit и Czechit для обозначения попыток Финляндии и Чешской Республики соответственно прекратить членство в Европейском Союзе. Вместе с тем сценарий выхода из состава, из некой организации или группы является довольно популярным, поэтому в английском языке известны слова: Auxit (Austria + exit), Bexit (Belgium + exit), Dexit (Deutschland + exit), Germexit (Germany + exit), Frexit (France + exit), Irexit (Ireland + exit), Italexit (Italy + exit), Luxembexit (Luxembourg + exit), Nexit (Netherlands + exit), Texit (Texas + exit), Scexit/Scexit (Scotland + exit) и т. п. Важно подчеркнуть, что подобная неологизация возможна и с именами людей, например, Mexit (Messi + exit) – уход Лионеля Месси из международного футбола; Trexit (Trump + exit) – уход Д. Трампа с поста президента; Zumxit (Zuma + exit) – возможная отставка президента Южной Африки Д. Зума и т. п.

Интересно отметить, что в английском языке родился целый лексикон Брекзита, поскольку вслед за термином Brexit появилось значительное количество новых слов, имеющих отношение к данной семантической группе: *breferendum*, *brexiteer*, *Brexitosphere*, *regrexit*, *Brexitology*, *Uncorn*, *backstop*, *hard border*, *chequers blueprint*, *chequers checkmated* и т. п. Актер С. Робертс на протяжении двух лет собирал лингвистический материал из медиапубликаций, официальных документов британского правительства и ЕС, из

социальных сетей, интернет-сайтов и затем подготовил видео инсталляцию, в которой он в течение 80 минут читает в алфавитном порядке слова и фразы (в общей сложности около пяти тысяч), связанные с феноменом Брекзита. Данная работа была осуществлена при поддержке Художественного Совета Англии (Arts Council of England) и приурочена к 31 января 2020 года, когда Великобритания официально перестала быть членом ЕС.

Таким образом, общественно-политическое явление Брекзита способствовало зарождению и становлению целого подязыка, отражающего глубокий раскол и противоречия британского общества, но который к данному моменту недостаточно систематизирован лексикографами и изучен лингвистами.

Кроме онлайн-гlossариев Брекзита, обновляемых и дополняемых, в свет вышел словарь Г. Иреса и Дж. Майерса «Johnson's Brexit Dictionary: or an A to Z of What Brexit Really Means» [Eyres, Myerson] и Ф. Лопсена «Historical Dictionary of Brexit (Historical Dictionaries of International Organizations)» [Laursen], в которых описываются основные лексические единицы языка Брекзита. К настоящему моменту не проводилось лексикографических работ по анализу данных справочников. Следовательно, актуальность настоящего исследования обуславливается малоизученностью вопроса и новизной материала.

Целью данной публикации является рассмотрение характерных черт английского лексикона Брекзита и подходы к его систематизации с позиции современной лексикографии.

Обзор литературы

Традиционно лексический состав языка пополняется за счет заимствований из других языков, а также за счет появления новых слов или новых значений у лексических единиц, уже существующих в лексиконе. Неологизация тесным образом взаимосвязана не только с развитием науки, техники, информационных технологий, но и с общественно-политическими процессами, происходящими в обществе, поскольку люди стремятся найти средства для номинации новых феноменов и реалий. Поэтому каждой эпохе свойственны определенные лексические изменения. Брекзит также оказал значительное воздействие на развитие английского языка, в том числе как языка международного общения.

Известно несколько исследований, посвященных вопросам неологизмов Брекзита в английском языке. Г. Лалич-Кристин и Н. Силаски проанализировали различные данные из новостных и социальных медиа, блогов и интернет-

форумов, аудиовизуальный контент демонстраций за выход из ЕС и за сохранение Великобританией членства в этой организации за период с июня по ноябрь 2016 г. [Lalić-Krstin, Silaški]. Ученым удалось выделить наиболее часто встречаемые ключевые слова, представляющие семантическую оппозицию *exit / leave vs. remain, Britain vs. EU*, при концептуализации Брекзита, которые исследователи систематизировали в три группы:

- слова, созданные по словообразовательной аналогии (Brexit as a model);
- лексические единицы, созданные с использованием элементов слова Brexit (Brexit as a source word);
- слова, семантически связанные с полем Брекзит (Brexit as an inspiration) [Там же].

В первую группу лингвисты отнесли все случаи формирования лексической единицы по модели «название страны + слово exit» с учетом всех вариантов написания, когда гипотетически многие страны Европейского союза озвучивали желание / необходимость выйти из состава объединения:

Grexit – Greece + exit; *Spexit* – Spain + exit; *Itexit* – Italy + exit; *Auxit* – Austria + exit; *Bexit* – Belgium + exit; *Chexit / Czechit* – Czech + exit; *Dexit* – Deutschland + exit; *Fixit* – Finland + exit; *Frexit* – France + exit; *Germexit / Gerxit* – Germany + exit; и т. п.

Интересно подчеркнуть, что в данный период многие люди испытывают сильное желание создавать неологизмы, используя для моделирования не только слово *exit*, но также *leave* и *out*, отражая популярную тенденцию расставания и выхода. А. Звики в своем блоге ссылается на кэрролловские слова-бумажники (Portmanteau), лексические контаминации, когда два корня сливаются и образуют новое слово [Zwicky]. Он полагает, что мы живем в Portmantexia, месте, которое люди хотят покинуть, поэтому в слове корень *-exit, -leave, -out*:

Here we are in Portmantexia, a land of words in –exit, –leave, and –out, a land that people want to abandon. The leading family in Portmantexia is the Exits, especially the recently prominent Brexit, towering above cousins Grexit, Crexit, the infant Trexit, the black sheep Texit, and the newborns Nexit and Frexit [Там же].

В довольно ироничной манере лингвист описывает все происходящие в жизни людей явления. В свою очередь, в своем посте М. Либерман приводит слова *Departugal, Italeave, Czechout, Oustria, Finish, Slovakout, Latervia, Byegium* и др. [Liberman]. Данные неологизмы пополняют лексический состав английского языка, забавляя

людей и позволяя проявить словотворческие способности, однако время покажет, останутся ли они в литературном языке и будут ли включены в словари.

Вторая группа представляет собой список слов, созданных с использованием элементов слова *Brexit* (Brexit as a source word). Как правило, речь идет о включении части Br(e)(x)-, производная от *British* или *Britain*. Так, Г.Лалич-Крстин и Н. Силаски относят сюда слова *breferendum, Brexpats, (point of no) Breturn, breiter, brexiteer, Brexitesque, Brexitography, Brexitology, Brexitophobia, bracceptance, Braccident, Branalysis, Branger, brargaining, bredictable, Bre-do, breferendum, bregret, Brelax, bremain, Brenial, Brepeat, brepression, bresults, Brethink, brevastation, breverse, Brexecited, brexhausted, Brexin, Brexodus, brexistence, Brexpats* и др. [Lalić-Krstin, Silaški]. Целесообразно подчеркнуть, что из данного перечня непонятно, почему некоторые слова пишутся с заглавной буквы, а некоторые нет, пунктуация сохранена авторами из первоисточников в медиапубликациях.

А. Брукез также акцентирует внимание на подобном словообразовательном тренде добавления *Brex-* в начале слова в английском языке [Brookes]. Лингвист анализирует слова *Brexiety* (British + anxiety) – ‘чувство беспокойства из-за неопределенного политического будущего Великобритании’; *Brextremist* (British + extremist) – ‘человек с экстремистскими взглядами на Брекзит’; *Brexodus* (British + exodus) – ‘массовая эмиграция, вызванная Брекзитом’; *Brexistential* (British + existential) – ‘описывающий, имеющий отношение к кризису относительно британской идентичности’; *Brextension* (British + extension) – ‘продление даты крайнего срока для выхода Великобритании из ЕС’ или (British + tension) – ‘чувство напряжения из-за всего происходящего’ (перевод наш – С.М.).

Интересно то, что от существительного *Brexit* образованы разные части речи: существительные, прилагательные и глаголы. Словообразовательные модели учитывают традиционные правила английской грамматики, например, в предложении «Don't go brexing my heart» *brex* использована в глагольной функции.

Л. Фонтаен также проводит словообразовательный анализ лексикона Брекзита на материале корпуса Брекзита (Brexit corpus) на платформе Sketchengine [Fontaine]. Ученый обращается к коллокациям со словом *брекзит* в диахроническом аспекте и изучает грамматическое поведение данного имени существительного, образованного от глагола. Варианты словообразования

анализируемой лексемы отражают не только пути пополнения лексического состава английского языка, но и пути создания определённых грамматических категорий, например, номинативов, так как все вновь созданные слова, входя в язык, реализуют определённые грамматические категории, в первую очередь части речи и грамматический род. Л.Фонтаен описывает связь грамматики и словообразования, что особенно наглядно прослеживается в области словосложения [Там же].

Третья группа неологизмов включает в себя лексические единицы, которые семантически связаны с событиями вокруг Брекзита (*Brexit as an inspiration*) [Lalić-Krstin, Silaški]. К ним относятся *Byegium* (bye + Belgium); *Caleavefornia* (California + leave); *Czechout* (Czech + checkout); *Departugal* (depart + Portugal); *Italeave* (Italy + leave); *Oustria* (oust + Austria); *Quitally* (quit + Italy); *Retireland* (retire + Ireland); *Slovakout* (Slovakia + out); *Texodus* (Texas + exodus). Политические и социально-экономические новости вокруг выхода Великобритании из ЕС и варианты развития событий в других европейских государствах отражаются через призму ироничного отношения журналистов и политиков ко всему происходящему и словотворчество общественников и филологов. Р. Бенчез называет это «лингвистической креативностью» (linguistic creativity) и приводит некоторые возможные причины данного процесса: лаконичность / компактность и яркость / самобытность; контекст употребления (коммуникативный, культурный, социальный, текстовый); запоминаемость; аналогия и др. [Benczes]. В аспекте лексикона Брекзита наиболее значимыми становятся лаконичность и яркость создаваемых образов, социальный контекст и аналогия. Так, лаконичность напрямую связана с экономией слов, при которой говорящий стремится минимизировать поверхностную сложность высказывания, но максимально увеличить смысловое наполнение информацией, передаваемой слушающему. Поэтому сложносоставное слово может передавать комплексные идеи в компактной форме. Это связано с тем, что в семантической структуре композита дифференцируется базовое, основное значение предметного отношения и некая «идиоматическая» надстройка над ним. Последняя ощущается как своего рода ассоциация в общественном сознании с «феноменом, явлением, предметом такого вида», не получающая в составе сложного слова материального воплощения. Например, слоган *beleave* (believe + leave) призывает людей поверить в необходимость голосования за выход их ЕС; словосочетание *EUge (mistake)* (EU + huge)

употребляется теми, кто противостоит брекзиту и описывает результаты референдума как большую

ошибку; *Eurhope* (Europe + hope), *EUnity* (EU + unity) и *Euthanasia* (EU + euthanasia) – надписи на плакатах всех тех, кто выступает за сохранение членства Великобритании в ЕС, за интеграцию и единство. Все данные композиты являются очень яркими, вызывают более наглядные и понятные образы, нежели словосочетания и фразы, объясняющие их. Все они очевидны в заданном социальном контексте, все они созданы по аналогии с другими подобными неологизмами для употребления именно в данной коммуникативной ситуации.

Таким образом, существующие труды по лексикону Брекзита нацелены на констатацию подобной неологизации в английском языке в результате общественно-политических процессов в обществе, на выделение основных словообразовательных моделей. Вместе с тем исследователи отмечают возможные трудности с пониманием семантики новых терминов и терминологических единиц у читателей. Поэтому начали выходить в свет глоссарии, списки слов и лексикографические справочники, регистрирующие данный лексикон. Представляется необходимым проанализировать подходы к лексикографированию вокабуляра Брекзита.

Материалы исследования

Основой данной работы являются различные глоссарии и минимумы, подготовленные медиа-изданиями, (не)правительственными и (не)коммерческими организациями, библиотеками, крупными ретейлерами, объединениями, учебными заведениями, исследовательскими центрами и т.п.: *Brexit Lexicon: Update* [Brexit Lexicon: Update]; *Brexit Jargon Buster. Glossary of Terms used in relation to Brexit* [Brexit Jargon Buster]; *Glossary: Brexit by Practical Law* [Glossary]; *Brexit Phrasebook: A Guide to the Talks' Key Terms* [Brexit Phrasebook]; *Brexitteer to second referendum: a handy Brexit glossary* [Brexitteer to second referendum]; *Customs and Brexit Glossary from AEB* [Customs and Brexit Glossary] и т. п. Данный список можно продолжать, поскольку люди довольно активно вовлечены в дискуссию о Брекзите и судьбе других европейских стран, в сети размещено много подобных проектов. Безусловно, такие публикации в значительной степени варьируются от обобщенных и повседневных наблюдений пользователей о лексиконе Брекзита, привлекающих к себе внимание, до по-настоящему полезной информации, основанной на реальном опыте в ка-

кой-либо предметной области и знаниях. Их основная черта заключается в хаотичности и непоследовательности (*randomness*). Все они представляют собой примеры отдельного направления современной англоязычной лексикографии – *волонтерской лексикографии* (*volunteer lexicography*).

Вместе с тем важно отметить, что лексикографическое волонтерство, движимое личными мотивами, желанием поделиться знаниями и интересами к какому-либо предмету, приводит в результате к появлению словарей или отдельных крупных онлайн-проектов, в том числе совместных с известными лексикографическими издательствами. Подобная смена лексикографической парадигмы обязывает учитывать опыт любительских проектов, поскольку словарь в новом тысячелетии становится не столько продуктом, сколько информационно-справочной услугой. Успех нового справочного издания зависит от степени персонализации лексикографической информации (*personalized /customized lexicographic data*) и гарантии качества продукта, то есть большую роль играют авторы-составители, их знания об описываемом предмете и о потребностях своих читателей.

Вместе с тем, в ходе анализа лексикона Брекзита важно обратиться к существующему корпусу Брекзита – *Brexit Corpus* на платформе *SketchEngine*, поскольку каждый словарь основывается на корпусе. Данный корпус составлен из медиапубликаций в интернете (*the Guardian, the BBC, the Daily Mail, the Telegraph* и др.), а также комментариев и твитов на английском языке по теме Брекзит, референдума по вопросу выхода Великобритании из ЕС за период с 19 июня по 21 июня 2016 г. [*SketchEngine*]. Общее количество загруженных документов 506,828, количество слов – 108,452,923. Следовательно, корпус является репрезентативным.

Выводы

Проанализировав различные теоретические труды по теме исследования, лексикографические справочники, регистрирующие вокабуляр Брекзита, медиапубликации по данному общественно-политическому феномену и корпус Брекзита, возможно выделить некоторые характерные черты данного лексикона.

Во-первых, английскому языку Брекзита характерно значительное количество неологизмов. Важно подчеркнуть, что некоторая часть из них остается окказионализмами, их можно встретить один-несколько раз в онлайн-статьях, блогах, форумах или в постах в социальных сетях. Интересно, что такие новые слова регистрируются в

авторских онлайн-списках или глоссариях, продуктах волонтерской лексикографии, но не фиксируются в более крупных словарях, выпускаемых известными лексикографическими домами. Другая часть лексикона Брекзита приобретает нормативный характер. Эти лексические единицы широко используют политики, общественные деятели, журналисты и затем простые люди. Они входят в литературный язык, закрепляются в словарях национального языка. В свою очередь, слово *Брекзит* стало международным и хорошо узнаваемым по всему миру. Оно вошло в различные языки в своей первоначальной фонетической и графической форме и прекрасно ассимилировалось, поэтому не требует перевода.

Во-вторых, в английском языке, кроме большого количества неологизмов, некоторые слова приобрели новые значения. Например, *Unicorn*: вместо выдуманного и волшебного создания единорога у лексической единицы появилось иное метафорическое толкование. Объединив волшебную коннотацию и экономическое значение (стартап или компания с миллиардной капитализацией), члены британского парламента, противники выхода Великобритании из ЕС, называют планы и предсказания ярых сторонников Брекзита об экономически выгодном замещении партнерства с ЕС сотрудничеством с Индией, Китаем и США «мифическими единорогами». Или слово *backstop*, которое вместо значения «содействие, помощь» приобрело новый смысл «бэкстоп, предохранитель, страховка, страховочный вариант», когда речь идет об условной границе, пока отсутствии границы на время переходного периода между Ирландией и Северной Ирландии как составной части Соединенного Королевства.

В-третьих, некоторые слова, отражающие конкретные события общественно-политической жизни, образовали целые семантические «кластеры». Ранее были отмечены группы неологизмов, создаваемых по аналогии или с частью *bre(x)-* (*Brexitesque, Brexitannia, breferendum, brexiteer, Brexitsphere, breferendum, Brexipats, (point of no) Breturn, breiter, brexiteer, Brexitesque, Brexitography, Brexitology* и т. п.). На материале подобных слов в работе отмечены продуктивные словообразовательные модели и особенности грамматических трансформаций (*Brexit* как существительное; *Brexit* как глагол (*The UK will Brexit in 2019*); *Brexit* как прилагательное (*Brexit referendum*)).

Также целесообразно выделить кластеры словосочетаний относительно некоего события или явления. Например, согласование плана Брекзита в летней резиденции английского пре-

мьер-министра Чекерз в июле 2018 года стимулировало появление следующих словоупотреблений: *Chequers Blueprint*, *Chequers Checkmated*, *Chequers Euro-fudge* и *Chuck Chequers*.

В-четвертых, лексикон Брексита характеризуется четкой поляризацией, поскольку обсуждение вопроса выхода Великобритании из ЕС расколол все британское общество. Таким образом, в английском языке Брексита можно выделить такие антитезы, противопоставления как *Brexiter*, *Brexiteer* vs *Remainer*, *Remoaner*; *deal* vs *agreement*; *leave* vs *remain*; *hard Brexit* vs *soft Brexit* vs *clean Brexit*; *Brexit* vs *bremain* и т. п.

Еще одной характерной чертой рассматриваемого лексикона является его артистичность, побуждение к творчеству. Так, некоторые исследователи подчеркивают, что Брексит стал искусством. Все многообразие неологизмов и авторских слов, творчество политиков, общественных деятелей, журналистов и лингвистов привело к появлению в английском языке целого лексического пласта, который описывают как артисты (например, инсталляция С.Робертса), так и волонтеры-любители и профессиональные лексикографы в различных словарях, глоссариях и корпусах.

Возможно выделить несколько подходов к лексикографированию вокабуляра Брексита. С одной стороны, речь идет о кратких справочниках, зачастую регистрирующих и описывающих от 10 до 20 слов и словосочетаний. Авторы трактуют заглавные слова с конкретной общественно-политической позиции (за или против Брексита) или стремятся быть беспристрастными в дефинициях и констатируют значение термина, дополняя его энциклопедическими и культурологическими сведениями об описываемой единице. С другой стороны, известны более полные списки и объемные словарные издания. В них авторы рассматривают лексикон Брексита с некоторой долей иронии, развлекая и привлекая внимание пользователей к данному феномену, либо в повествовательной манере фиксируют историю появления слова или словосочетания, ссылаясь на конкретные документы, соглашения, акты и т. п.; предлагают контексты употребления, иллюстрирующие семантические оттенки заглавного слова; регистрируют картинки или инфографику, дополняющие и расширяющие представление читателя о данном явлении.

Корпус Брексита является богатым и репрезентативным источником материала для анализа данного языка. Из него можно получить не только списки ключевых терминов и терминологических словосочетаний, но также многочисленные контексты употребления, коллокационные воз-

можности запрашиваемого слова, а также сравнить близкие по значению лексические единицы. Единственным недостатком представляется ограниченность и законченность корпуса, поскольку он не обновляется, в нем зафиксированы контексты определенного временного отрезка.

Список литературы

Benczes R. Setting Limits on Creativity in the Production and Use of Metaphorical and Metonymical Compounds. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110223606.217/html> (дата обращения: 10.08.2021).

Brexiteer to second referendum: a handy Brexit glossary. URL: <https://www.vox.com/world/2019/4/11/18300382/brexit-news-glossary-flexextension-second-referendum> (дата обращения: 10.08.2021).

Brexit Jargon Buster. Glossary of Terms used in relation to Brexit. URL: <https://www.twobirds.com/en/in-focus/brexit/glossary> (дата обращения: 10.08.2021).

Brexit Lexicon: Update. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=76ba1d00-0702-4957-a506-7c40f40cfdc3> (дата обращения: 10.08.2021).

Brexit Phrasebook: A Guide to the Talks' Key Terms. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/19/brexit-phrasebook-a-guide-to-the-talks-key-terms> (дата обращения: 10.08.2021).

Brookes I. From «Brexity» to «prorogation»: how Brexit has changed the way we use language in 2019. URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/from-brexity-to-prorogation-how-brexit-has-changed-the-way-we-use-language-in-2019/> (дата обращения: 10.08.2021).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 10.08.2021).

Customs and Brexit Glossary from AEB. URL: <https://www.aeb.com/uk-en/customs-after-brexit/customs-glossary.php?firstLetter=T> (дата обращения: 10.08.2021).

Eyres H., Myerson G. Johnson's Brexit Dictionary: or an A to Z of What Brexit Really Means. Pushkin Press, 2018. 144 p.

Fontaine L. The early semantics of the neologism BREXIT: A lexicogrammatical approach. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1186%2Fs40554-017-0040-x.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

Glossary: Brexit by Practical Law. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com> (дата обращения: 10.08.2021).

Lalić-Krstin G., Silaški N. From Brexit to Bregret. An Account of Some Brexit-induced Neologisms in English. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/english-today/article/from-brexit-to-bregret/CF56C28ECB973EF358C9A2F84C71F11C> (дата обращения: 10.08.2021).

Laursen F. (2021) Historical Dictionary of Brexit (Historical Dictionaries of International Organizations). Rowman & Littlefield Publishers, 400 p.

Lieberman M. Other Countries Exit From the EU: better portmanteaux. URL: <https://languageblog.ldc.upenn.edu/nll/?p=26366> (дата обращения: 10.08.2021).

Maxwell K. Buzz Word Brexit. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/brexit.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (accessed: 10.08.2021).

Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 10.08.2021).

Zwicky A. Leaving, in Tears and a Portmanteau. URL: <https://arnoldzwicky.org/2016/06/25/leaving-in-tears-and-a-portmanteau/> (дата обращения: 10.08.2021).

References

Benczes, R. (2010). *Setting Limits on Creativity in the Production and Use of Metaphorical and Metonymical Compounds*. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110223606.217/html> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Brexit to Second Referendum: A Handy Brexit Glossary. URL: <https://www.vox.com/world/2019/4/11/18300382/brexit-news-glossary-flexextension-second-referendum> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Brexit Jargon Buster. Glossary of Terms Used in Relation to Brexit. URL: <https://www.twobirds.com/en/in-focus/brexit/glossary> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Brexit Lexicon: Update. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=76ba1d00-0702-4957-a506-7c40f40cfdc3> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Brexit Phrasebook: A Guide to the Talks' Key Terms. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/19/brexit-phrasebook-a-guide-to-the-talks-key-terms> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Brookes, I. (2019). *From 'Brexit' to 'Prorogation': How Brexit Has Changed the Way We Use Language in 2019*. URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/from-brexit-to-prorogation-how-brexit-has-changed-the-way-we-use-language-in-2019/> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Customs and Brexit Glossary from AEB. URL: <https://www.aeb.com/uk-en/customs-after-brexit/customs-glossary.php?firstLetter=T> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Eyres, H., Myerson, G. (2018). *Johnson's Brexit Dictionary: Or an A to Z of What Brexit Really Means*. 144 p. Pushkin Press. (In English)

Fontaine, L. The Early Semantics of the Neologism BREXIT: A Lexicogrammatical Approach. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1186%2Fs40554-017-0040-x.pdf> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Glossary: Brexit by Practical Law. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Lalić-Krstin, G., Silaški, N. (2018). *From Brexit to Bregret. An Account of Some Brexit-induced Neologisms in English*. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/english-today/article/from-brexit-to-bregret/CF56C28ECB973EF358C9A2F84C71F11C> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Laursen, F. (2021). *Historical Dictionary of Brexit (Historical Dictionaries of International Organizations)*. 400 p. Rowman & Littlefield Publishers. (In English)

Lieberman, M. (2016). *Other Countries Exit From the EU: better portmanteaux*. URL: <https://languageblog.ldc.upenn.edu/nll/?p=26366> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Maxwell, K. Buzz Word Brexit. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/brexit.html> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed: 10.08.2021). (In English)

Zwicky, A. *Leaving, in Tears and a Portmanteau*. URL: <https://arnoldzwicky.org/2016/06/25/leaving-in-tears-and-a-portmanteau/> (accessed: 10.08.2021). (In English)

The article was submitted on 02.12.2021

Поступила в редакцию 02.12.2021

Маник Светлана Андреевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Директор Института гуманитарных наук
Ивановского государственного университета,
153025, Россия, Иваново,
Ермака, 39.
maniksa@ivanovo.ac.ru

Manik Svetlana Andreevna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Director of the Institute of Humanities,
Ivanovo State University,
39 Ermak Str.,
Ivanovo, 153025, Russian Federation.
maniksa@ivanovo.ac.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-101-105
УДК 811.161.1

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОСКОПИЧЕСКОГО ТЕКСТА

© Анастасия Мубаракшина

DISCURSIVE FEATURES OF THE HOROSCOPE TEXT

Anastasia Mubarakshina

The article raises the issue of a current widespread linguistic phenomenon - the horoscope text. The study of this type of text has begun relatively recently, but the history of the horoscope has several millennia. Until now, the problem of attribution of this speech genre has remained unsolved, since horoscope texts possess the features of several discourses: astrological, magical, prophetic and media discourses. The article studies discursive features of horoscope texts at the semiotic, syntactic and pragmatic levels. From the point of view of semantics, the horoscope is characterized by archetypal images, verbalized in the signs of the Zodiac circle. For the first time, the 13th sign of Ophiuchus, which has been identified by astrologers relatively recently, is mentioned in the article. Nonverbal, verbal and creolized types of texts are distinguished based on the form of presenting the material in the horoscope. At the syntactic level, we consider common stylistic techniques and the structure of sentences in daily horoscopes. The structural organization, as a rule, complies with the functional dominant of the horoscope. The horoscope text consists of two compositional components: a description of the state of affairs and recommendations for further actions. From the point of view of pragmatics, we consider the main horoscope influence techniques, which empower these texts only with informative, but also with suggestive potential within the framework of the media discourse.

Keywords: astrological discourse, magical discourse, discursive features, horoscope, text.

В статье поднимается вопрос об актуальном и распространенном языковом феномене – гороскопическом тексте. Изучение данного типа текста началось сравнительно недавно, однако история появления гороскопа насчитывает несколько тысячелетий. До сих пор вопрос отнесенности данного речевого жанра остается открытым, поскольку в текстах гороскопа прослеживаются черты нескольких дискурсов: астрологического, магического, профетического и медийного. Дискурсивные особенности гороскопических текстов рассматриваются на семиотическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. С точки зрения семантики для гороскопа характерны архетипические образы, вербализованные в знаках Зодиакального круга. В статье также впервые упоминается 13 знак Змееносца, который выделен астрологами сравнительно недавно. Отдельного внимания заслуживает форма подачи материала в гороскопе, на основании которой выделяются невербальные типы, вербальные и креолизованные тексты. На синтаксическом уровне рассмотрены распространенные стилистические приемы, структура предложений в ежедневных гороскопах. Структурная организация, как правило, подчиняется функциональной доминанте гороскопа. Гороскопический текст состоит из двух композиционных составляющих: описания положения дел и рекомендаций к дальнейшим действиям. С точки зрения прагматики рассмотрены основные приемы воздействия, наделяющие гороскопические тексты не только информативным, но и суггестивным потенциалом в рамках медийного дискурса.

Ключевые слова: астрологический дискурс, магический дискурс, дискурсивные особенности, гороскоп, текст.

К вопросу изучения прогностических текстов лингвисты обратились сравнительно недавно, что обуславливает размытость методологии их исследования, вариативность в трактовке самого термина, а также в определении дискурсивных особенностей гороскопических текстов как жанров астрологического или магического дискурсов. Отметим, что вопрос до сих пор остается от-

крытым, поскольку имеются обоснованные точки зрения и той, и другой позиции. Так, например, Е. Р. Савицкайте определяет гороскоп с позиции лингвистических особенностей, присущих астрологии [Савицкайте], а Е. В. Бабаева [Бабаева] и Т. В. Чернявская [Чернявская] усматривают преимущественные языковые черты магического дискурса. С нашей точки зрения, текст гороскопа

в настоящее время в большей степени призван выполнять функцию перлокутивного или суггестивного акта, что максимально нивелирует магические атрибуты в его содержании и делает его больше похожим на жанры медиакommunikации [Богодерова] и астрологии. В данной работе будут рассмотрены структурно-семантические и стилистико-синтаксические особенности организации русскоязычного гороскопического текста, которые позволят максимально точно отнести прогностический текст к тому или иному дискурсивному пространству. Актуальность исследования обусловлена интегративным подходом к анализу отобранного материала, который включает методологию лингвистики текста, прагмалингвистики, лингвокультурологии, теории коммуникации и функциональной лингвистики.

Материалом исследования послужили тематические гороскопические тексты, полученные методом сплошной выборки с сайтов популярных интернет-сервисов (Астростар.ру, Гороскопы365.ру, 1001 Гороскоп.ру). В общей сложности было проанализировано около 100 текстов гороскопов, рассчитанных на каждый день. Прогнозы носили общий характер.

В качестве предмета исследования были рассмотрены структурно-композиционные, прагмалингвистические и стилистические особенности гороскопических текстов.

Стоит отметить, что эпизодический характер большинства научных изысканий по заявленной проблеме не выделяют указанные тексты в отдельную таксономию, несмотря на тот факт, что с каждым днем гороскопы становятся все популярнее и являются неременной составляющей контента современной медиакommunikации. Однако, например, вопрос о принадлежности гороскопа к конкретному виду дискурса затрагивается в диссертации А. А. Князевой, которая на материале английского языка рассматривает футурологические, метеорологические и астрологические прогнозы, или гороскопы [Князева].

В данной работе под гороскопом вслед за Е. Р. Савицкайте мы имеем в виду прогностический текст, репрезентированный «различными языковыми средствами и существующий чаще всего в письменной форме, для которого характерна содержательная и структурная завершенность (проявляющаяся, как правило, имплицитно), и имеющий явную или скрытую авторскую установку воздействия на адресата, чтобы тот следовал содержащимся в нем рекомендациям» [Савицкайте, с. 21]. Подчеркнем, что А. А. Князева относит данный языковой феномен к астрологическому дискурсу с элементами магического, хо-

тя конкретные языковые и когнитивные основания анализируются поверхностно [Князева].

Астрологический тип дискурса «представляет собой бытийный тип дискурса, сочетающий в себе особенности метафизического, эзотерического и научного дискурсов» [Азначеева, с. 19]. С точки зрения метафизики данный дискурс отражает природу бытия и влияние энергии Вселенной на жизнь и судьбу человека. Эзотерическая основа рассматривает аспекты «тонкого мира» и влияния духа на материальный мир; научный компонент использует для интерпретации сакральных знаний вполне конкретные эмпирические методы: математическое моделирование, типизация, обобщение, интроспекция и т. д. Семиотическая система астрологии состоит из знаков Зодиака, планет, небесных тел и их конфигураций и коррелирует со всеми семиотическими измерениями: семантикой, синтактикой и прагматикой.

Все перечисленные измерения непосредственным образом отражены в гороскопических текстах. Говоря о семантике, необходимо учитывать, что каждый гороскоп опирается на теорию архетипов и в интерпретации каждого натива имеет тот или иной доминирующий признак: архетип *Овна* – лидерство, архетип *Льва* – постоянство, архетип *Стрельца* – мудрость, архетип *Тельца* – инертность, архетип *Девы* – служение, архетип *Козерога* – обязательства, архетип *Близнецов* – разнообразие, архетип *Весов* – сотрудничество, архетип *Водолея* – свобода, архетип *Рака* – материнство, архетип *Скорпиона* – страсть, архетип *Рыб* – жертвенность. Отметим, что соотношение знаков Зодиака с конкретным человеком осуществляется путем определения положения в данном знаке солнца в конкретный момент времени, то есть рождения.

Отдельного внимания заслуживает форма подачи материала гороскопа. Е. Р. Савицкайте предлагает классифицировать тексты гороскопов на вербальные, то есть классические в нашем понимании, невербальные, а также креолизованные, представляющие собой синтез словесной и иллюстративной составляющей [Савицкайте, с. 9].

Объем вербального гороскопа варьируется от пары строк до брошюр и полноформатных книг и может быть как общим гороскопом для всех реципиентов, так и отдельным предсказанием для каждого знака Зодиака: *У Львов в этот день повышается уровень работоспособности. Вы сможете в течение длительного времени выдерживать интенсивные нагрузки, не чувствуя усталости...* [Астростар.ру]. Кроме того, вербальные гороскопы зачастую дают рекомендации

по отдельно взятым сферам человеческой деятельности, это обуславливает наличие любовного гороскопа, бизнес-гороскопа, гороскопов здоровья, красоты, кулинарного предсказания и т. п.

Характерной особенностью специализированных гороскопов является наличие в них особой терминологии, которая недоступна для понимания обывателю читателю, что придает такого рода текстам оттенок сакральности: *3248-й день перехода к Шестому Солнцу; Майянский знак дня: Восход-2* [1001 Гороскоп.ру].

Лингвистические средства, репрезентированные в тексте вербального гороскопа, «вполне соответствуют сложившейся в данный момент социально-информационной конъюнктуре и адекватно отражают „чаяния“ всего общества» [Мубаракшина, с. 80].

Невербальные гороскопы имеют обычно вид таблиц, графиков с характерными общепринятыми символами, например, сердце для обозначения любовной сферы отношений. Данный вид гороскопа не содержит комментариев и является менее востребованным, поскольку не дает рекомендаций для действий, а лишь указывает на вектор предстоящих событий (Рис.1).

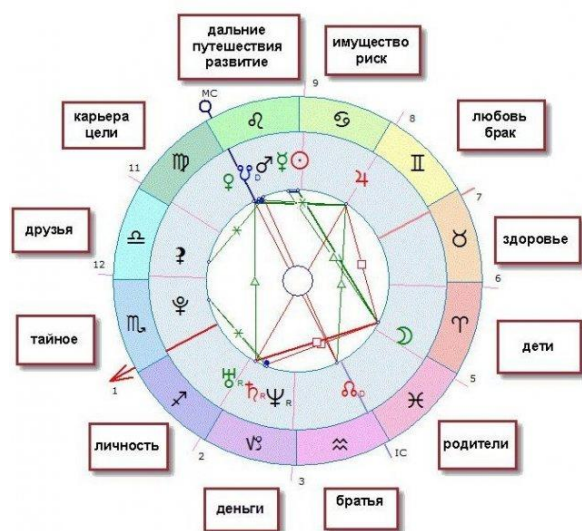

Рис.1. Натальная карта (невербальный гороскоп)

Креолизованные тексты стали популярными лишь в конце 20 века с развитием технических возможностей средств массовой информации. Данные гороскопы способствуют созданию целостного образа в процессе интерпретации вербальной составляющей в совокупности с иллюстративным контентом (Рис.2).

Рис. 2. Креолизованный текст гороскопа

Отметим, что текстовая составляющая на данный момент остается доминирующей, поэтому задача герменевтического анализа текста гороскопа созвучна задачам астрологов: отыскание новой модели интеллигибельности, посредством которой язык репрезентируется не структурой и событием, а «бесконечным» обращением одного в другое средствами дискурса.

Функциональными доминантами текста гороскопа являются фатическая и воздействующая, именно они зачастую обуславливают структурно-стилистическую организацию жанра.

Композиционное строение текста в гороскопе обычно разделено на 2 взаимообусловленные части. В пропозиции обычно содержится констатация и интерпретация положения небесных светил и интерпретация данного положения относительно предстоящих событий в жизни реципиента: *Солнце вошло в знак Скорпиона, и таким образом начался еще один осенний сезон в астрологии* [Яндекс Дзен]. Во второй части можно найти рекомендации, относящиеся к разным аспектам жизнедеятельности: *Это может показаться некомфортным, но люди, которые не слишком смелы в повседневной жизни, могут прямо сейчас сделать в своей жизни что-то экстраординарное* [Там же].

Предложения, как правило, не носят характер императива, а имеют форму повествования в настоящем времени, подчеркивая таким образом большую достоверность описываемых действий.

Доступность риторических приемов, а также лаконичность текста гороскопа обуславливают минимальные усилия, которые реципиенты прилагают для их интерпретации. В то же время создается определенный психологический комфорт, поскольку очень частыми вкраплениями в текст гороскопа являются пословицы и поговорки, хорошо известные носителям всех знаков Зодиакального круга: *Сегодня Весам сам чёрт не указ:*

их стремление к самостоятельности во мнениях очевидно всем окружающим [Гороскопы 365.ру].

Такого рода детали создают общую комплиментарность текста, невзирая на его малый формат.

В то же время гороскопический текст в основе своей практически всегда имеет противопоставление: негативный прогноз в одной сфере деятельности уравнивается удачами в противоположной ипостаси, как правило, это касается личной жизни и карьеры реципиента: *Пусть сегодня Весы вряд ли сумеют достичь сверхрезультатов, зато подарят хорошее настроение всем, кому повезет оказаться с ними рядом. Отложите все дела и будьте рядом с теми, кому вы нужны* [Там же].

Данный стилистический прием практически всегда сопровождается коммуникативной удачей, поскольку учитывает полярные варианты развития событий.

Реализация прагматического параметра гороскопа сближает его с магическим дискурсом, поскольку именно он в первую очередь опирается на теорию речевых жанров. Вопрос о суггестивном потенциале современного гороскопа уже рассматривался нами с позиции речевых тактик и стратегий воздействия. В числе прочих прагматических характеристик были выделены тотальная направленность, жизнеутверждающий призыв к конкретному действию, оперирование специальной терминологией, отсылка к авторитетному источнику, использование опорных лексем-когнитивных доминант, [Мубаракшина, с. 82].

Так или иначе, гороскоп всегда в основе своей содержит прием, известный как «эффект Барнума-Форрера», под которым подразумевается, что реципиент гипертрофирует точность обобщенного и неопределенного описания текста гороскопа, когда знает, что предсказание создано индивидуально для него [Forer, с. 122–123].

Таким образом, гороскопический текст по своей природе сочетает в себе черты всех упомянутых выше дискурсов, однако, на наш взгляд, современные тексты ежедневных гороскопов тяготеют преимущественно к медийному и астрологическому дискурсам: к первому по принципу доминирующей сферы распространения, которая диктует ряд критериев для соответствия медиапространству; ко второму – по принципу организации и особенностям содержательного наполнения гороскопов, которые обязательно включают в себя специальную терминологию, прием контраста как основополагающего элемента при построении текста и суггестивные тактики и стратегии, которые делают гороскопы «достоверными» прогнозами в сознании реципиентов.

Список литературы

Азначеева Е. Н. Астрологический дискурс: семиотический и когнитивный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 19–21.

Астростар.ру. URL: <https://www.astrostar.ru/> (дата обращения: 31.10.2021).

Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-ра филол. наук: Волгоград, 2004. 438 с.

Богодерова М. В. Современный гороскоп как массмедийный вид текста: дис. ... канд. филол. наук: Уфа, 2010. 179 с.

Гороскопы365.ру. URL: <https://goroskop365.ru/> (дата обращения: 31.10.2021).

1001 Гороскоп.ру. URL: <https://1001goroskop.ru/> (дата обращения: 31.10.2021).

Князева А. А. Англоязычные прогностические тексты: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Самара, 2011. 24 с.

Мубаракшина А. М. Суггестивный потенциал гороскопического текста // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. №1(63). С.77–83.

Савицкайте Е. Р. Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2006. 24 с.

Чернявская Т. В. Дискурсивное пространство англоязычных предрассудков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2008. 15 с.

Яндекс Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/astromag/solnce-v-skorpione-vliianie-na-harakter-kareru-i-lichnuiu-jizn-5d32bffe3062c00ad488995> (дата обращения: 02.11.2021).

Forer B. R. The Fallacy of Personal Validation: A Classroom Demonstration of Gullibility / B. R. Forer // Journal of Abnormal and Social Psychology. Volume 44, Issue 1. January 1949. Pp. 118–123.

References

Aznacheeva, E. N. (2011). *Astrologicheskii diskurs: semioticheskie i kognitivnye aspekty* [Astrological Discourse: Semiotic and Cognitive Aspects]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 33 (248). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 60, pp. 19–21. (In Russian)

Astrostar.ru. URL: <https://www.astrostar.ru/> (accessed: 31.10.2021). (In Russian)

Babaeva, E. V. (2004). *Lingvokulturologicheskiye kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskikh kartin mira: diss. ... dokt. filol. nauk* [Linguoculturological Characteristics of the Russian and German Axiological Pictures of the World: Doctoral Thesis] Volgograd. 438 p. (In Russian)

Bogoderova, M. V. (2010). *Sovremenniy goroskop kak massmediyniy vid teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Horoscope as a Mass-Media Type of Text: Ph.D.

Thesis]. 10.02.04 Bogoderova Marina Viktorovna. Ufa, 179 p. (In Russian)

Cherniavskaia, T. V. (2008). *Diskursivnoe prostranstvo angloyazychnykh predrassudkov: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Discursive Space of English-Language Prejudices: Ph.D. Thesis Abstract]. Volgograd, 17 p. (In Russian)

Forer, B. R. (1949). *The Fallacy of Personal Validation: A Classroom Demonstration of Gullibility*. B. R. Forer, Journal of Abnormal and Social Psychology. Volume 44, Issue 1. January, pp. 118–123. (In English)

Goroskopy365.ru. URL: <https://goroskop365.ru/> (accessed: 31.10.2021). (In Russian)

Kniazeva, A. A. (2011). *Angloyazychnye prognosticheskie teksty: struktura, semantika, pragmatika: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [English-Language Prognostic Texts: Structure, Se-

mantics, Pragmatics: Ph.D. Thesis Abstract]. Kniazeva Anastasiia Alekseevna. Samara, 24 p. (In Russian)

Mubarakshina, A. M. (2021). *Suggestivnyi potentsial goroskopicheskogo teksta* [Suggestive Potential of the Horoscope Text]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 1(63), pp. 77–83. (In Russian)

Savitskaite, Ye. R. (2006). *Diskursivnye kharakteristiki prognosticheskikh tekstov (na materiale nemetskikh goroskopov): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Discursive Characteristics of Predictive Texts (based on German horoscopes): Ph.D. Thesis Abstract]. Voronezh, 24 p. (In Russian)

1001 Goroskop.ru. URL: <https://1001goroskop.ru/> (accessed: 31.10.2021). (In Russian)

Yandex Zen. URL: <https://zen.yandex.ru/media/stranavigator/solnce-v-skorpione-vliianie-na-harakter-kareru-i-lichnuiu-jizn-5d32bffee3062c00ad488995> (accessed: 02.11.2021). (In Russian)

The article was submitted on 03.11.2021

Поступила в редакцию 03.11.2021

Мубаракшина Анастасия Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
blondy010888@mail.ru

Mubarakshina Anastasia Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
blondy010888@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-106-110
УДК 811.161.1

ЭТИКЕТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Ирина Паневина

ETIQUETTE FORMS OF ADDRESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: SOCIAL AND ETHICAL ASPECTS

Irina Panevina

The article deals with the issue of etiquette forms of address in contemporary Russia. The change of political regimes in the country has eventually led to the loss of the pre-revolutionary extensive forms of address (*your honor, sir, madam, miss, etc.*). Later, the Soviet period address *comrade* disappeared as well. Nowadays, there is a lacuna in the literary language. The common polite form of address is absent, and this leads either to the violation of the norms when addressing a person by gender (*man, woman, etc.*), or forces a speaker to use various forms of apology when trying to arrest someone's attention (*excuse me, pardon me, etc.*). This situation disrupts the effectiveness of communication, it does not allow the address to reveal its communicative potential, lowering the general cultural level of communication. In this respect, the article deals with the notions of ethics and etiquette, speech etiquette and speech act theory. The focus is on the address as an element of speech etiquette and speech act theory, its illocution and perlocutionary effects. The article highlights the notion of responsibility in communication, as it is closely connected with the notions of ethics and speech etiquette. In order to find out which address forms are used, which ones are acceptable and desirable, what attitude to the existing system of vocatives is, and what suggestions to improve it are, an Internet survey was conducted among people, aged 18 to 76, of both sexes and different education levels. The article presents the results of the survey that demonstrate the priorities of the society in relation to the forms of etiquette address and reveal problems, existing in the field of language ecology and culture.

Keywords: ethics, etiquette, speech etiquette, etiquette address forms, speech act, responsibility, survey, language ecology and culture.

В статье рассматривается проблема этикетного обращения в современной России. Смена политических режимов в стране последовательно привела к утрате дореволюционной разветвленной системы обращений (*ваше благородие, сударь, мадам, барышня* и др.), а затем обращения советского периода *товарищ*. В настоящее время образовалась лакуна, общепринятое этикетное обращение отсутствует в литературном языке, что либо приводит к нарушению его норм при обращении по гендерному признаку (*мужчина, женщина*), либо вынуждает использовать различные формы извинения при апелляции к незнакомому человеку (*извините, простите* и др.). Описанное положение вещей нарушает эффективность коммуникации, не позволяет обращению раскрыть свой коммуникативный потенциал, снижает общий культурный уровень общения. В связи с этим в статье рассматриваются понятия этики и этикета, речевого этикета и теории речевых актов. В центре внимания находится обращение как элемент речевого этикета и теории речевых актов, его иллокуции и перлокутивные эффекты. Уделяется внимание понятию ответственности при общении, тесно связанному с понятиями этики и речевого этикета. С целью выяснить, какие обращения являются используемыми, допустимыми и желательными, каково отношение к существующей системе вокативов и каковы предложения по ее усовершенствованию, был проведен интернет-опрос лиц обоего пола и разного уровня образования в возрасте от 18 до 76 лет. В статье приводятся результаты опроса, демонстрирующие приоритеты в обществе по отношению к этикетным обращениям, а также вскрывающие проблемы в сфере экологии языка и культуры.

Ключевые слова: этика, этикет, речевой этикет, этикетное обращение, речевой акт, ответственность, опрос, экология языка и культуры.

Эффективность, успешность общения во многом зависит от соблюдения определенных норм, правил. Под влиянием культуры в обществе был выработан свод таких правил, касающихся

ся как вербальной, так и невербальной коммуникации, – этикет. В него включают правила поведения, речевые нормы, манеру одеваться в соответствии с той или иной обстановкой и т. д. В зависимости от страны, социальной группы и других факторов содержание этого понятия разнится. Имеет оно и временную специфику. Другими словами, то, что принимается одним обществом в определенный период его бытования как этикетная норма, может отвергаться в другом или в этом же коллективе, но в иной временной промежуток. Подвижность этикетных норм способствует регистрации социальных изменений. Новые реалии требуют нового выражения, и культура, в том числе и речевая, реагирует на эти перемены.

Наше внимание сосредоточено на речевом этикете, который определяется как «социально заданные и национально-специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская, с. 9].

Как элемент этикета общение имеет непосредственное отношение к этике, в рамках которой оно тесно связано с понятием ответственности. Участники общения, выбирая ту или иную речевую единицу, тот или иной тип речевого поведения, должны учитывать принятые обществом моральные и языковые нормы, соотносить свой выбор с ситуацией, только в этом случае можно рассчитывать на удачную коммуникацию. Как правило, взаимодействие между людьми начинается с обращения. Трудно переоценить важность верного выбора его формы для осуществления дальнейшего успешного общения. «Ответственность говорящего как его предвидение последствий собственного речевого поведения состоит в правильном выборе обращения к собеседнику, которое коррелирует и с его статусом, и с характером речевой ситуации, что определяется социальной дистанцией между коммуникантами» [Юй, с. 155].

Обращение задает тон всему последующему диалогу, позволяет не только привлечь внимание, но и выразить свое отношение к собеседнику, к ситуации. В этом смысле обращение можно рассмотреть в свете теории речевых актов. Опираясь на нее, мы можем утверждать, что смысл высказывания имеет три компонента: локуция (что говорится), иллокуция (цель высказывания) и перлокуция (результат высказывания, его воздействующая роль). Выбирая то или иное слово в качестве вокатива (локуция), мы преследуем ка-

кую-то цель (иллокуция). По мнению Л. В. Кожуховой, «можно выделить следующие иллокутивные акты обращения:

- 1) номинативный (интенция говорящего – назвать адресата речи);
- 2) вокативный (интенция – привлечь внимание адресата);
- 3) социально-регулятивный или этикетный (интенция – отразить статусно-ролевое соотношение коммуникантов и вежливо оформить речь);
- 4) оценочно-характеризующий (интенция – охарактеризовать адресата и выразить отношение к нему говорящего);
- 5) дейктический (интенция – указать на адресата).

Каждый из этих иллокутивных актов обращения ориентирован на определенный перлокутивный эффект; вокативный – внимание адресата, социально-регулятивный – формирование у адресата пресуппозиции о статусно-ролевом соотношении коммуникантов, о признании или непризнании говорящим этого соотношения, оценочно-характеризующий – формирование пресуппозиции адресата, касающейся отношения к нему говорящего и собственной самооценки, дейктический – указание адресату речи, что он является получателем сообщения» [Кожухова, с. 82–83].

Большой коммуникативный потенциал обращений, в том числе и экстралингвистический, позволяет им стать важной частью общения. Верно выбранные в качестве вокатива слово или фраза способны раскрыть эти возможности, тогда как ошибка выбора или отсутствие нужного слова в вокативной функции может привести к коммуникативной неудаче. Русский язык располагает богатым арсеналом слов, которые могут использоваться как вокатив в различных речевых ситуациях. Это имена собственные, термины родства, названия профессии, именованья по роду занятия, положению в обществе, должности, названия лиц по национальному, возрастному, гендерному признаку. Выбор каждого из них связан не только с определенной речевой ситуацией, но и культурно, исторически обусловлен. Можно сказать, для России обращение – маркер эпохи. Так, в дореволюционной России была разветвленная система вокативов, учитывающих социальное положение коммуникантов, их возраст, пол и др. После революции эта система была заменена на единое для всех обращение *товарищ*. В конце XX – начале XXI века в России снова произошел ряд политических, а как следствие, и социокультурных изменений. Однако новое время не выработало нового нейтрального

и общепринятого обращения. Э. Г. Куликова пишет: «Прежняя доминантность в качестве обращения слова *товарищ* сохранилась сегодня только в армии. К обращению *господин* русское общество постепенно привыкает: представление о том, что такое обращение неприемлемо к людям с невысоким социальным статусом, сгладилось, хотя как обращение к незнакомому человеку оно по-прежнему не используется. У галлицизмов, которые использовались в качестве обращений в дореволюционной России, нет шансов вернуться в этом качестве: за ними закрепились исключительно ироническая модальность» [Куликова, с. 80]. Исследователь отмечает, что в современном русском литературном языке сформировались относящиеся к ограниченной возрастной категории обращения *молодой человек* и *девушка*, а остальная часть социума осталась без стилистически нейтрального вокатива. «В культурном сообществе невозможно обращаться к незнакомым людям «по половому признаку» (*мужчина, женщина*), приходится заполнять лакуну формами извинения» [Там же, с. 81].

Очевидно, что с течением времени актуальность поднятой проблемы не снижается, а ее игнорирование может привести к печальным в культурном и социальном плане последствиям. Целое поколение выросло в обществе, где к незнакомому человеку вежливее всего обратиться с помощью слов *извините* или *простите*. Предполагаем, что отсутствие общепринятого этикетного обращения не может не сказываться на самосознании человека.

Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна, и этот факт влияет на выбор специфического вокатива, который используется, как правило, в ограниченном кругу, где каждый соотносит себя с определенной национальной или религиозной группой, но общего, объединяющего всех обращения на данный момент нет. Богатый русский язык может предложить палитру вариантов, но общество единогласно не принимает ни один, следовательно, человек не идентифицирует себя как часть этого общества. В связи с этим мы предполагаем еще одну функцию у обращения – интегрирующую (объединяющую). Показательно то, что она не проявляется в современном социокультурном пространстве России. Как замечает Т. А. Воронцова, «в России современная речевая ситуация характеризуется индифферентным (безразличным) отношением к русскому языку в целом и к речевой культуре в частности» [Воронцова, с. 9]. Автор называет ряд причин, приведших к описанной ситуации, среди которых:

– низкий уровень речевой культуры в социально значимых сферах, таких как СМИ, публичная речь и профессиональный дискурс;

– ментальные факторы (простота в поведении как бессознательный эталон; инерционность мышления как отсутствие потребности в новом знании);

– социально-политические факторы (отсутствие четкой языковой политики; установка на «демократизацию» речи; отсутствие социальной или профессиональной группы, речь которой считалась бы образцом для подражания);

– культурологические факторы (ориентация на западные ценности; отсутствие системы профессиональных требований к владению государственным языком; второстепенность филологических знаний) [Там же, с. 9–15].

Указанные факторы становятся причиной падения как общего культурного уровня, так и речевой культуры. Общество находится как бы в безвременьи, люди не осознают себя как стабильную единицу стабильного социального института, поэтому не могут определиться, как называть себя и компаньона по коммуникации. В доказательство выдвинутому положению нами был проведен интернет-опрос, охватывавший лиц обоего пола и разного уровня образования от 18 до 76 лет. Цель опроса – выяснить предпочтительный вокатив и отношение к обращениям, бытующим в современном российском обществе. Был предложен тест с выбором ответа и возможностью дополнить его своим вариантом. Графа *другое* (свой вариант) не только давала возможность расширить предложенный спектр обращений: активность ее заполнения являлась показательной для определения позиции реципиентов в отношении языка и культуры (активная, безразличная).

На вопрос *Какие слова Вы используете в роли этикетных обращений?* мы получили следующие ответы:

мужчина / женщина; молодой человек / девушка – 78%;

господин / госпожа – 4%;

гражданин / гражданка – 0%;

сударь / сударыня – 0%;

товарищ – 4%;

уважаемый / уважаемая – 12%;

другое – 2% (вариант *извините*).

Наиболее распространенным предсказуемо оказался первый вариант. Слова *уважаемый / уважаемая* являются вторыми по популярности, но, несмотря на лексическую «культурность» слова, без имени собственного (например, *уважаемый Иван Иванович*) вряд ли такой вокатив может считаться образцом этикетного обраще-

ния. Рекомендуемые сейчас как нейтральные в официальной обстановке обращения *господин / госпожа* и еще не так давно бывшее общепринятым обращение *товарищ* разделили третье место. Невысокий процент опрошенных (2%) используют в качестве вокатива извинительную формулу (*извините*). Слова *гражданин / гражданка* никем не были отмечены. Предположим, что на это повлияла неоднозначная семантика и коннотация этих обращений: ушло на второй план и устарело значение *житель города*, на первый план вышла сема принадлежности к постоянному населению определенной страны. Сильна также связь слов *гражданин / гражданка* с правовой сферой.

При ответе на вопрос *Какой вариант обращения к незнакомому человеку Вы считаете приемлемым?* отмечаются следующие показатели:

мужчина / женщина; молодой человек / девушка – 74%;
господин / госпожа – 4%;
гражданин / гражданка – 4%;
сударь / сударыня – 0%;
товарищ – 0%;
уважаемый / уважаемая – 14%;
другое – 0%;
нет ответа – 2%.

Мы видим, что, несмотря на кажущуюся схожесть вопросов, ответы несколько различаются. Так, на 4% меньше респондентов, употребляющих обращение *мужчина / женщина; молодой человек / девушка*, считают его приемлемым при обращении к незнакомому человеку. Это отчаянный, хотя и весьма низкий показатель. Полагают уместным обращение *гражданин / гражданка* 4% опрошенных (этот вариант не был отмечен в ответах на первый вопрос), а вот обращение *товарищ*, используемое в роли этикетного 4% респондентов, никто не посчитал приемлемым. Значительно возросла доля ответов с вариантом *уважаемый / уважаемая* (14%). Обращение типа *уважаемый Иван Иванович*, безусловно, находится в рамках литературной нормы, но при апелляции к незнакомому человеку нам неизвестны его имя и отчество, поэтому остается только этикетное прилагательное, неполноценное в качестве самостоятельного вокатива.

Показательны ответы на вопрос *Как вы относитесь к существующим этикетным обращениям в России?* Мнения распределились следующим образом:

нужно оставить все, как есть – 42%;
меня не беспокоит этот вопрос – 34%;
нужно ввести единое и обязательное для всех *сударь / сударыня* – 0%;

нужно ввести единое и обязательное для всех *господин / госпожа* – 0%;

нужно ввести единое и обязательное для всех *гражданин / гражданка* – 2%;

нужно ввести единое и обязательное для всех *товарищ* – 0%;

нужно ввести разветвленную систему обращений, учитывающую социальный статус, возраст, профессию и т. д. (по образцу дореволюционной России) – 16%;

другое – 6%.

Очевидно, плачевное положение в вопросе этикетного обращения в России устраивает или не беспокоит большую часть опрошенных (76%), что подтверждает высказанный ранее тезис об индифферентности общества к проблемам языка и культуры. Выступают за реконструкцию дореволюционной системы 16%; обращение *гражданин / гражданка* в первом вопросе никто не отметил как употребляемое; 4% полагали приемлемым во втором, однако только 2% считают его возможным в качестве единого и обязательного для всех. Такой низкий процент популярности вряд ли будет способствовать закреплению данных слов как общепринятых вокативов. Ответ *другое* (6%) демонстрирует, что респондентов не устраивают никакие из наличествующих вариантов, но и в качестве предложений было выдвинуто лишь одно: *молодой человек, девушка*. Такой вокатив, безусловно, не может удовлетворить все категории населения, так как имеет возрастные ограничения. Подающее надежды на то, чтобы стать нейтральным и общепринятым, обращение *господин / госпожа* никто не отметил как возможный вариант. То же можно сказать об обращении *сударь / сударыня*: хотя оно лишено политических и социальных коннотаций, его не рассматривают в качестве вероятного общепринятого и нейтрального вокатива.

Проанализируем долю отмеченных рецептов обращений, которые могут рассматриваться как допустимые с точки зрения этикета и литературной нормы. Используют в своей речи как вокатив слова *господин / госпожа, товарищ, извините* 10% опрошенных, считают приемлемыми варианты *господин / госпожа, гражданин / гражданка* 8%. Это очень низкий показатель уровня культуры общения и риторической грамотности.

Активную позицию по данному вопросу можно выяснить, обратив внимание на активность заполнения графы *другое*, долю «пустых» ответов и на ответы на третий вопрос. Своих вариантов (графа *другое*) практически не предлагалось (2% в первом вопросе, 0% во втором и 6% в третьем), 76% опрошенных либо ничего не хотят

менять в сложившейся ситуации с обращениями, либо этот вопрос их не интересует (индифферентная позиция), сюда же примыкают «пустые» ответы. Итого 2-6% опрошенных с активной позицией по поднятой проблеме против 78% с безразличным к ней отношением. К сожалению, выдвинутый в начале статьи тезис подтверждается.

Итак, лакуна в сфере этикетных обращений в современной России продолжает сохраняться, и «рядовые пользователи языка» не видят, чем ее можно заполнить. Не воспринимается как нарушение нормы обращение *мужчина / женщина*, слабо выражена социальная активность в отношении культуры речи (большая часть опрошенных не обеспокоена этим вопросом). Несформированность культуры обращения говорит, по нашему мнению, о неустойчивом положении общества, нестабильности, неустроенности в социальном и культурном плане. Играют свою роль и процессы глобализации, стирающие национально-культурные различия, и языковая мода, транслирующаяся через массмедиа и не отличающаяся высоким стилем. Вышесказанное говорит о том, что отсутствие приемлемых вокативов – это лишь вершина айсберга, симптом, говорящий о нездоровой экологической обстановке в обществе и языке, и решать данную проблему нужно системно и всесторонне, повышая этический и культурный уровень населения.

Список литературы

Воронцова Т. А. Культура речи. Учебное пособие. Ижевск: УдГУ. Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 141 с.

Кожухова Л. В. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 80–85.

Куликова Э. Г. Социальная коммуникация и социальные отношения в контексте идей лингвистической экологии // Философия права. 2017. №1 (80). С. 76–82.

Формановская Н. И. Социальнокультурная сущность речевого этикета // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7, № 2. С. 9–20.

Юй И. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. №2. С. 150–159.

References

Formanovskaia, N. I. (2003). *Sotsial'nokul'turnaia sushchnost' rechevogo etiketa* [The Socio-Cultural Nature of Speech Etiquette]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. T. 7, No. 2, pp. 9–20. (In Russian)

Iui, I. (2017). *Formy russkogo rechevogo etiketa v svete etiki otvetstvennosti* [Forms of Russian Speech Etiquette in the Light of the Ethics of Responsibility]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9. Filologiya*. No. 2, pp. 150–159. (In Russian)

Kozhukhova, L. V. (2007). *Rechevoi akt obrashcheniia* [The Speech Act of Address]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Pp. 80–85. (In Russian)

Kulikova, E. G. (2017). *Sotsial'naia kommunikatsiia i sotsial'nye otnosheniia v kontekste idei lingvisticheskoi ekologii* [Social Communication and Social Relationships in the Context of Linguistic Ecology]. *Filosofia prava*. No. 1 (80), pp. 76–82. (In Russian)

Vorontsova, T. A. (2011). *Kul'tura rechi. Uchebnoe posobie* [Culture of Speech. A Textbook]. 141 p. Izhevsk, UdGU. Izd-vo "Udmurtskii universitet". (In Russian)

The article was submitted on 06.11.2021

Поступила в редакцию 06.11.2021

Паневина Ирина Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военная академия войсковой
противовоздушной обороны Вооруженных
Сил Российской Федерации имени Маршала
Советского Союза А.М.Василевского,
214027, Россия, Смоленск,
Котовского, 2.
ira_twin@mail.ru

Panevina Irina Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Marshal Aleksander Vasilevsky Military
Academy of the Armed Forces Air Defence
Corps,
2 Kotovsky Str.,
Smolensk, 214027, Russian Federation.
ira_twin@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-111-117
УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ МНОГОЗНАЧНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ОНИМОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Алина Султанова

POLYSEMANTIC PROCESS AND ACTION PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE - *ONYM* COMPONENT IN RUSSIAN

Alina Sultanova

The phraseological units with the *-onym* component are of particular interest to researchers as its features influence the development of the semantic structure of a phraseological unit and determine its structural, semantic and syntactic features. The semantic and grammatical meanings of the components, constituting a phraseological unit and organizing its semantics, contribute to the development of its meaning or meanings. Modern phraseology studies the features of the phraseological unit grammatical form in order to solve problems in the field of the phraseology development, since this approach allows us to identify structural patterns of phraseological units based on the syntactic units of the language, which are the productive basis for the development of phraseological units.

This article analyzes polysemantic process and action phraseological units with the *-onym* component, taking into account the correlation of the proper name with national culture, namely, phraseological units with anthroponym, mythonym, and literary *-onyms*. Phraseological units with the *-onym* are also described according to the correlation type of the verb component meaning with the primary meaning of the phraseological unit. The structural models of the phraseological units with the *-onym* are classified according to the type of a word combination and a sentence. The article also presents the results of the structural and quantitative analysis of polysemantic phraseological units with the *-onym* component based on the primary meaning and selected from the Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language, the Academic Dictionary of the Russian Phraseology and the Dictionary of Proper Names.

Keywords: metaphor, metonymy, polysemantic phraseological units, *-onym*, structural and grammatical models of phraseological units.

Особый интерес для исследователей представляют фразеологизмы с онимом, особенности которых определяют направление развития семантической структуры фразеологизма и обуславливают его структурно-семантические и синтаксические особенности. Семантико-грамматические значения компонентов фразеологической единицы, организуя ее значение, оказывают влияние на развитие ее производного значения или значений. Современные лингвисты изучают особенности грамматического выражения фразеологической единицы с целью решения вопросов в области развития фразеологии. Этот подход позволяет выявить закономерности конструктивной обусловленности фразеологической единицы от синтаксических единиц языка, являющихся продуктивной базой развития фразеологизмов.

В данной статье анализируются многозначные процессуальные ФЕ с компонентом-онимом по первичному значению с учетом культурной соотнесенности имени собственного с культурным пространством, а именно фразеологизмы с антропонимом, мифонимом, литературным онимом. Фразеологизмы с онимом описываются также по типу корреляции значения глагольного компонента с первичным значением фразеологизма. Рассматриваются структурные модели фразеологических единиц с онимом по типу словосочетаний и предложений. Статья также отражает результаты структурного и количественного анализа многозначных ФЕ с онимом по первичному значению, отобранных на основе «Фразеологического словаря русского литературного языка», «Академического словаря русской фразеологии» и «Словаря собственных имен».

Ключевые слова: метафорическое переосмысление, метонимический перенос, многозначность фразеологических единиц, оним, структурно-грамматические модели ФЕ.

Русские фразеологизмы с онимами отражают культурные и национальные особенности, складывавшиеся на протяжении речевого взаимодействия народа. Именной компонент ФЕ оказывает влияние на структурно-семантические и синтаксические черты фразеологизма, определяя область его использования. Компоненты ФЕ, обладая грамматическими и семантическими свойствами, участвуют в развитии его значения или значений. Исследование структурно-грамматических особенностей ФЕ является актуальным для решения вопроса о роли конструктивной организации ФЕ в развитии его семантической структуры.

Изучению ФЕ с онимами посвятили свои работы известные российские ученые, такие как Е. Н. Бетехтина, И. В. Бугаева, М. М. Вознесенская, Т. Н. Кондратьева, Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, О. А. Мещерякова, М. Л. Ковшова и др.

Главным структурным компонентом ФЕ с онимом является само имя собственное, определяемое как «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Большой энциклопедический словарь, с. 437]. Это определение позволило путем сплошной выборки выявить многозначные ФЕ с онимом из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова, «Академического словаря русской фразеологии» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского и «Словаря собственных имен» М. Л. Ковшовой.

В данной работе мы описываем структурно-грамматические признаки многозначных процессуальных ФЕ с онимом, объединенных на основе принципов структурно-грамматической классификации ФЕ А. М. Чепасовой, относящей к этому разряду ФЕ, значение которых передается глаголом или глагольным словосочетанием [Чепасова, с.65]. Эту группу составляет менее 10% многозначных процессуальных ФЕ от общего количества многозначных ФЕ с онимом. Наиболее представленными в количественном отношении оказались предметные фразеологизмы.

К разряду процессуальных многозначных ФЕ с именем собственным мы относим ФЕ, имеющие в своем составе глагольный компонент, который является грамматически ведущим и характеризует ФЕ как действие, состояние, изменение по первичному значению и обуславливает морфологические формы ФЕ: *разгрести* / *разгрести* <*чистить, вычищать* / *вычистить*, *приблизить* > Авгиевы <авгиевы> конюшни – Разг. 1. Приводить в порядок очень грязное помещение, ликвидировать хаос [Словарь собственных

имен..., с. 200] (далее – ССИ); *валять* / *свалять* <*ломать; строить; корчить из себя* > ваньку <Ваньку, дурака, дурочку>. Неформ. – 1. Кривляться, паясничать [Там же, с. 231]; *показать* <*устроить, прописать, предъявить* > кузькину <Кузькину> мать. Неформ. Бран. Часто в форме угрозы. – 1. Физически расправиться с кем-л. [Там же, с. 272]; *петь* / *запеть* <*тянуть* / *затянуть* > Лазаря <лазаря> – 1. Устар. Прося подаяния, петь духовный стих про воскресение Лазаря [Там же, с. 275]; *превратиться* <*обращаться* / *обратиться* > из Савла в Павла – 1. Высок. Духовно преобразиться, нравственно переродиться [Там же, с. 299]; *кануть в Лету* – высок. 1. Перестать существовать, начиная с некоторого момента в прошлом или будущем, что осмысливается как погружение в реку, являющуюся, согласно мифологическим представлениям, рекой забвения, безвозвратно поглощающей события и их участников [Академический словарь русской фразеологии, с. 427] (далее – АСРФ); *провалиться в тартарары* – 1. Неожиданно и быстро перестать существовать в личной сфере субъекта, не оставив после себя следа, что описывается как перемещение в подземное пространство [Там же, с. 856].

Метод компонентного анализа позволил определить, что не у всех русских глагольных ФЕ с онимом значение в словарях передается глаголом или глагольным словосочетанием. Так, среди ФЕ с именем собственным выделяются такие фразеологические единицы, чья структура не включает глагол как компонент, но в словарях отмечается, что они используются в сочетании с определенными глаголами. Например, в словаре собственных имен М. Л. Ковшовой следующие ФЕ с представлены в сочетании с глаголом: *[как] умная Машиа поступать* – 1. Образцово, рассудительно, как должно [ССИ, с. 285]; *как сидорову* <*Сидорову*> козу пороть, драть, прибить, отлупить, гонять – 1. Нещадно (наносить сильные побои) [Там же, с. 315]; *Христом Богом* <*Христом-Богом; христом-богом; Христа ради; именем Христа-спасителя* > просить, упрашивать, молить, заклинать – 1. Очень сильно, с надеждой на выполнение просьбы [Там же, с. 339]; *как ванька-встанька* подниматься, выпрямляться; приходить, возникать – 1. Непременно [Там же, с. 229]; *как Диоген [в бочке]* <*Диогеном в бочке* > чувствовать себя; жить, сидеть – 1. Стесненно, неудобно [Там же, с. 249]; *Как у Христа за пазухой* <*в запазухе* > быть, находиться, чувствовать себя, жить – 1. В полной безопасности [Там же, с. 336]; *под Котовского* стричь, брить – 1. Наголо. Про голову человека [Там же, с. 269]. Первичные значения данных ФЕ не выражают дей-

ствия, состояния или изменения. Таким образом, к разряду процессуальных ФЕ с именем собственным данные единицы не относятся.

Также выделяются многозначные ФЕ с ИС без глагольного компонента, чьи первичные значения передаются при помощи глагола: *Федора растяпа, палка беспутая* Обл. – 1. Медленно, плохо соображает [Там же, с. 327]; *как <словно> тень отца Гамлета <Тень отца Гамлета>* Разг. – 1. Пугающе действовать, вести себя [Там же, с. 239]. Была обнаружена ФЕ с ИС, в структуру которой входит глагольный компонент, но выражаемое значение не передает действия, изменения или состояния: *как сидорову <Сидорову> козу гонять, пороть, драть* прост. – 1. Нещадно (наносить сильные побои) [Там же, с. 315]. Последние три ФЕ с онимом также были включены в анализируемую группу процессуальных многозначных ФЕ с онимом.

В результате структурного анализа были выделены следующие группы процессуальных многозначных ФЕ с онимом:

1) глагольно-субстантивные ФЕ со структурой $v + n$ объектно-постпозитивного типа с прямым объектным управлением, при котором объект используется в форме винительного падежа: *разгребать / разгрести <чистить, вычищать / вычистить, прибирать> Авгиевы <авгиевы> конюшни; валять / свалить <ломать; строить; корчить из себя> ваньку <Ваньку, дурака, дурачку>; показать <устроить, прописать, предъявить> кузькину <Кузькину> мать; неть / запеть <Тянуть / затянуть> Лазаря <лазаря>;*

2) глагольно-субстантивные ФЕ со структурой $v + prep + n + prep + n$ объектно-предложного типа с генетивным управлением первого компонента и аккузативным управлением второго компонента: *превратиться <обращаться / обратиться> из Савла в Павла;*

3) со структурой $v + comp + n$ с компаративным компонентом как: *как сидорову <Сидорову> козу гонять, пороть, драть;*

4) глагольно-субстантивные ФЕ со структурой $v + prep + n$ объектно-предложного типа с аккузативным управлением: *кануть в Лету, провалиться в тартарары;*

5) субстантивно-субстантивные со структурой $n + n$ с компаративным компонентом как беспредложного типа с генетивным управлением: *Как <словно> тень отца Гамлета <Тень отца Гамлета>;*

6) со структурой предложения по модели односоставного предложения: *Федора растяпа, палка беспутая.*

Большая часть процессуальных ФЕ с онимом включает имя собственное в качестве зависимого компонента в форме родительного или винительного падежа, связанного со стержневым компонентом при помощи подчинительной связи (управления). В трех ФЕ именной компонент выражен притяжательным прилагательным, образованным от имени собственного, и в одной ФЕ оним является стержневым компонентом в форме именительного падежа.

Происхождение многозначных процессуальных ФЕ с онимом обусловлено именным компонентом, имеющим свой источник появления. На основе разделения М. Л. Ковшовой типов собственных имен в идиомах на антропонимы, мифонимы, хрононимы, агионимы, литературные онимы, исторические онимы [Ковшова, с. 172] мы выделили многозначные процессуальные ФЕ с мифонимом (*разгребать / разгрести Авгиевы конюшни; кануть в Лету; провалиться в тартарары*); антропонимом (*валять / свалить ваньку; показать кузькину мать; как сидорову козу гонять, пороть, драть; Федора растяпа, палка беспутая*); агионимом (*петь / запеть Лазаря; превратиться из Савла в Павла*); литературным онимом (*Как <словно> тень отца Гамлета <Тень отца Гамлета>*). Мифонимы в составе анализируемых ФЕ обозначают лицо (царь Авгий) и место (река Лета, тартарары (от греч. Тартарос, преисподняя)); агионимы обозначают лица (Савел и Павел) и предмет (псалм о Лазаре); литературный оним обозначает литературный персонаж (Гамлет); антропонимы называют людей в фамильярной / вульгарной форме (ванька). Помета обл., показывающая принадлежность ФЕ к определенной местности, позволяет сделать вывод, что ФЕ *Федора растяпа, палка беспутая*, закрепилась как идиома в результате устной коммуникации в территориально ограниченной группе людей. В большинстве случаев источник происхождения ФЕ с компонентом-онимом позволяет проанализировать процесс метафорического переосмысления ситуации-прототипа ФЕ с онимом. Так, например, Лета – река забвения в подземном царстве (в древнегреческой мифологии) [Фразеологический словарь русского литературного языка, с. 285] (далее – ФСРЛЯ); Тартарары, производное от Тартар – в древнегреческой мифологии: ад, преисподняя [Толковый словарь русского языка, с.790] (далее – ТСРЯ) послужили для метафорического переосмысления ситуации безвозвратного исчезновения предметов, событий, участников.

Глагольные компоненты некоторых процессуальных многозначных ФЕ с онимом имеют в своей семантической структуре значение, кото-

рое прямо коррелирует с ситуацией-прообразом ФЕ и, соответственно, включает смежные семы, позволяющие вступать словам разной частеречной принадлежности в составе ФЕ в синтагматические отношения. Например, лексема *кануть* развивает значение «упав куда-л., во что-л., погрузиться», связанное с понятием водного потока, водоема при помощи общих признаков «целиком опуститься», «жидкость». Прообразом ФЕ *кануть в Лету* (высок. 1. Перестать существовать, начиная с некоторого момента в прошлом или будущем) является ситуация, описываемая в мифах Древней Греции как «погружение в реку Лету, являющуюся, <...> рекой забвения, безвозвратно поглощающей события и их участников» [АСРФ, с. 427]. Основное значение глагола *провалиться* «упасть в какое-л. отверстие или устремиться вниз, разрушив собственной тяжестью опору» [Большой толковый словарь русского языка, с.999] (далее – БТСРЯ) связано с понятием резкого изменения видимого положения предмета при помощи общих признаков «направление книзу», «движение к земле». Прообразом ФЕ *провалиться в тартарары* (1. Неожиданно и быстро перестать существовать в личной сфере субъекта, не оставив после себя следа) является ситуация, связанная с удалением объекта из зоны видимости, что отражается в значении «перемещение в подземное пространство» [АСРФ, с.856], то есть куда-нибудь подальше [ТСРЯ, с.790].

В ряде ФЕ компонент-имя собственное имеет определяющее значение, так как семантическая структура ФЕ учитывает коннотативные признаки онима в ее составе. Например, ФЕ *строить ваньку* (1. Кривляться, паясничать) включает глагольный компонент *строить*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 10. кого. Разг. Выставить себя в каком-л. свете, представить себя каким-л. образом. [БТСРЯ, с. 1280]. ФЕ *корчить из себя ваньку* (1. Кривляться, паясничать) включает глагольный компонент *корчить*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 3. кого (что). Разг. Стараться казаться кем-л., каким-л., прикидываться кем-л. [Там же, с. 460]. Имя собственное *Ванька* в составе ФЕ используется в фамильярной / вульгарной форме, нередко заменяется в ФЕ вариантом *дурак*, *дуручка*, что выявляет у онима такие семантические признаки, как «отсутствие ума», «глупое поведение».

Глагольные компоненты большинства ФЕ развивают вторичное значение, совпадающее со значением ФЕ, в составе которых они находятся. Приведем примеры. ФЕ *чистить авгиевы конюшни* (Разг. – 1. Приводить в порядок очень

грязное помещение, ликвидировать хаос) включает глагольный компонент *чистить*, который в составе данной ФЕ реализует вторичное значение: 3. Освобождать от чего-л. накопившегося, засоряющего, чуждого, вредного и т. п. [Там же, с. 1481]. ФЕ *показать кузькину мать* (Неформ. Бран. Часто в форме угрозы. – 1. Физически расправиться с кем-л.) включает глагольный компонент *показать*, который реализует метафорическое значение: 8. (что кому), разг. Проучить кого-л., сделать нагоняй кому-л. за что-л. [Там же, с. 893]. ФЕ *устроить кузькину мать* (Неформ. Бран. Часто в форме угрозы. – 1. Физически расправиться с кем-л.) включает глагольный компонент *устроить*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 5. Разг. Подготовить и осуществить что-л., организовать. || Неодобр. Сделать что-л. предосудительное, нежелательное; учинить что-л. [Там же, с.1403]. ФЕ *прописать кузькину мать* (Неформ. Бран. Часто в форме угрозы. – 1. Физически расправиться с кем-л.) включает глагольный компонент *прописать*, который так же реализует метафорическое значение: 7. (что) кому. Разг. Наказать кого-л. за что-л. строгим выговором или телесно. [Там же, с. 1020]. ФЕ *тянуть Лазаря* (1. Устар. Прося подаяния, петь духовный стих про воскресение Лазаря.) включает глагольный компонент *тянуть*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 20. (что). Петь, произносить что-л. медленно, протяжно. [Там же, с.1360]. ФЕ *затянуть Лазаря* (1. Устар. Прося подаяния, петь духовный стих про воскресение Лазаря) включает глагольный компонент *затянуть*, который реализует метафорическое значение: 7. (что чем). Разг. Начать протяжно петь, выть или нудно говорить. [Там же, с.353]. ФЕ *превратиться из Савла в Павла* (1. Высок. Духовно преобразиться, нравственно переродиться) включает глагольный компонент *превратиться*, который в составе данной ФЕ реализует вторичное значение: 2. Стать кем-л., развить какие-л. качества, наклонности. [Там же, с. 956]. ФЕ *обратиться / обращаться из Савла в Павла* (1. Высок. Духовно преобразиться, нравственно переродиться) включает глагольный компонент *обратиться / обращаться*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 5. || кем-чем, в кого-что. В русских сказках и поверьях: *силой волшебства превратиться в кого-что-л.* [Там же, с.683]. Источником образования данной ФЕ является библейская легенда об апостоле Павле, который уверовал в Христа, когда услышал обращенный к нему глас Божий, и стал проповедовать христианство. Однокоренной глагол *обратить* также развивает метафорическое

значение, тесно связанное с изменением взглядов: «3. кого (что). Книжн. Убеждением склонить к чему-л., заставить следовать чему-л. || во что. Побудить к принятию какой-л. веры, к изменению вероисповедания». [Там же, с.683]. ФЕ *кануть в Лету* (высок. 1. Перестать существовать, начиная с некоторого момента в прошлом или будущем, что осмысливается как погружение в реку, являющуюся, согласно мифологическим представлениям, рекой забвения, безвозвратно поглощающей события и их участников) включает глагольный компонент *кануть*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 3. Пропасть, исчезнуть, скрыться. [Там же, с.415]. ФЕ *провалиться в тартарары* (От греческого Тартарос «преисподняя») 1. Неожиданно и быстро перестать существовать в личной сфере субъекта, не оставив после себя следа, что описывается как перемещение в подземное пространство) включает глагольный компонент *провалиться*, который в составе данной ФЕ реализует метафорическое значение: 6. Разг. Пропасть, исчезнуть. [Там же, с. 999].

Выделяются также ФЕ, в составе которых глагольные компоненты не используются ни в одном из указанных в словаре значений. Так, например, ФЕ *валять Ваньку* (1. Кривляться, паясничать), *свалять Ваньку* (1. Кривляться, паясничать), *ломать Ваньку* (1. Кривляться, паясничать) включают глагольные компоненты *валять*, *свалять* и *ломать*, семантическая структура которых не представлена значениями, связанными с поведением. ФЕ *предъявить кузькину мать* (Неформ. Бран. Часто в форме угрозы. – 1. Физически расправиться с кем-л.) включает глагольный компонент *предъявить*, семантическая структура которого не развивает значения, связанного с угрозой физической расправы.

Обнаружены также ФЕ с онимом, включающие глагольный компонент, который используется в основном значении. Например, в ФЕ *Петь Лазаря* (1. Устар. Прося подаяния, петь духовный стих про воскресение Лазаря.) глагольный компонент *петь* используется в значении 1. (что). Издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение. [Там же, с.828], компонент-имя собственное Лазаря используется в метонимическом значении «духовный стих про Лазаря». Вариант ФЕ *запеть Лазаря* (1. Устар. Прося подаяния, петь духовный стих про воскресение Лазаря.) также включает глагольный компонент в основном значении: 1. Начать петь. [Там же, с.337]. ФЕ *разгрести авгиевы конюшни* (Разг. – 1. Приводить в порядок очень грязное помещение, ликвидировать хаос) включает глагольный компонент

разгрести, который используется в основном значении: 1. Отгребая в разные стороны, разрыть что-л. сыпучее, рыхлое. || Освободить от снега, мусора и т.п. [Там же, с.1066]. ФЕ *прибирать авгиевы конюшни* (Разг. – 1. Приводить в порядок очень грязное помещение, ликвидировать хаос) включает глагольный компонент *прибирать* / *прибрать*, который используется в основном значении: 1. (что). Разг. Привести в порядок, произвести уборку. [Там же, с.970]. Выявлена одна ФЕ с вариативным глагольным компонентом-моносемантом, значение которого связано с семами компонента-имени собственного. ФЕ *вычистить / вычищать авгиевы конюшни* (Разг. – 1. Приводить в порядок очень грязное помещение, ликвидировать хаос) включает моносемичный глагольный компонент *вычистить* / *вычищать* (сделать чистым, очистить от чего-л [Там же, с.1481], связанный с лексемой *конюшни* общим семантическим признаком «грязь». Прототипом ФЕ *вычистить / вычищать авгиевы конюшни* (Разг. – 1. Приводить в порядок очень грязное помещение, ликвидировать хаос) является ситуация, описываемая в древнегреческой легенде о Геракле как «уборка грязных конюшен царя Авгия» [ССИ, с. 201].

ФЕ как *сидорову <Сидорову> козу гонять, пороть, драть*. (Прост. 1. Нещадно (наносить сильные побои) включает варианты глагольного компонента *гонять*, *пороть*, *драть*. Значение ФЕ «наносить сильные побои» в Словаре собственных имен заключено в скобки как вариант. Таким образом, *пороть*, являясь однозначным, используется в основном значении: кого (чем), за что. Разг. Сечь, бить (розгами, ремнём и т.п.) [Там же, с. 926]. Глагольный компонент *драть* используется в метафорическом значении: 4. кого (чем). Разг. Бить, хлестать; сечь, пороть [Там же, с.283]. Глагольный компонент *гонять* используется в основном значении: 1. кого-что. = Гнать (1, 2, 4-5 зн.), но действие, повторяющееся, совершающееся в разных направлениях и в разное время. [Там же, с.218]. *Гнать* 1. кого-что. Заставлять двигаться в каком-л. направлении, понуждать к передвижению. [Там же, с. 211]. Следует отметить, что семантическая структура глаголов *драть* и *пороть* включает признаки «сильный, интенсивный», «физическое воздействие», «удар», «гибкое орудие воздействия»; в семантической структуре лексемы *гонять* основным признаком является «понууждение к передвижению».

В двух процессуальных ФЕ с онимом отсутствует глагольный компонент: *Федора растяпа, палка беспутая* (Обл. 1. Медленно, плохо сообщает) и как <словно> *тень отца Гамлета*

<Тень отца Гамлета> (Разг. 1. Пугающе действовать, вести себя). В ФЕ *Федора растяпа, палка беспутая* значение «медленно, плохо соображает» передается путем метафорического переосмысления лексем *палка* и *беспутая*. Полисемант *палка* (1. Ветвь или тонкий ствол дерева, срезанные и очищенные от побегов) имеет сеть вторичных значений, среди которых выделяются следующие значения, связанные с рассматриваемым ФЕ: 2. || Разг. О чем-л. напоминающем такой предмет. | О худом, длинном человеке. 3. Предмет такой формы из какого-л. материала, употребляемый для различных целей. [Там же, с.776]. Указанные значения лексемы *палка* коррелируют со значением ФЕ опосредованно, на основе ассоциативных признаков «человек», «неодушевленный предмет, который не обладает способностью к мышлению». Данные ассоциативные признаки реализуются в сочетании с прилагательным *беспутый*. В словарях зафиксировано прилагательное *беспутный*. Вариант *беспутый*, используемый в ФЕ, подчеркивает принадлежность его к областным. Мы считаем, что *беспутый* и *беспутный* являются вариантами одной лексемы, которая развивает значение, актуализирующееся в ФЕ: Разг. Ведущий разгульный, развратный образ жизни; непутёвый [Там же, с.75]. Непутевый – Разг. Легкомысленный, беспутный; бестолковый, безалаберный [Там же, с.637]. Значение лексемы *растяпа* «неловкий человек, делающий всё невнимательно» с пометой неодобр. [Там же, с.1103] отрицательно характеризует поведение и также связано с мышлением при помощи признака «невнимательность». В ФЕ как <словно> *тень отца Гамлета* <Тень отца Гамлета> значение «пугающе действовать, вести себя» возникло на основе сюжета трагедии В. Шекспира «Гамлет» [ССИ, с.239]. В данной ФЕ процессуальность выражается при помощи ассоциативных признаков, вызванных значением роли персонажа в пьесе в виде призрака, рассказавшего тайну и требовавшего мщения. Семантические признаки лексем *тень* и *призрак* «неясный, смутный», «темный» вызывают ассоциативные признаки «потусторонний мир», «страх перед потусторонним миром» и находят воплощение в образе, создаваемом ФЕ на основе литературного источника.

Внутри процессуального класса многозначных ФЕ с онимом мы выделили четыре фразеосемантические группы по первичному значению:

1. Фразеологизмы, обозначающие деятельность человека, не направленную на другое лицо или предмет (субъектные фразеологизмы). Данные ФЕ характеризуют поведение человека: *превратиться* <обращаться / обратиться > из

Савла в Павла; валять / свалить < ломать; строить; корчить из себя > *ваньку* < Ваньку, дурака, дурочку >; *Федора растяпа, палка беспутая, как* <словно> *тень отца Гамлета* <Тень отца Гамлета>.

2. Фразеологизмы, обозначающие деятельность человека, направленную на предмет или лицо (объектные фразеологизмы): *разгребать / разгрести* <чистить, вычищать / вычистить, прибирать > *Авгиевы* < авгиевы > конюшни; *показать* <устроить, прописать, предъявить> *кузькину* <Кузькину> *мать; петь / запеть* < тянуть / затянуть > *Лазаря* <лазаря>.

3. Экзистенциальные фразеологизмы, связанные с понятиями существования, наличия предмета или лица: *провалиться в тартарары, кануть в Лету*.

4. Фразеологизмы, обозначающие образ действия и связанные с действием, указываемым фразеологизмом: *как сидорову* < Сидорову > *козу гонять, пороть, драть*.

В современной фразеологии исследование особенностей семантико-грамматических классов ФЕ связано, в первую очередь, с определением синтактико-грамматического соотношения ФЕ со словосочетанием или предложением, и решение вопросов структурной организации ФЕ направлено на выявление зависимости ФЕ от конструктивной обусловленности составляющих ее компонентов. Описание особенностей структурно-грамматической организации ФЕ обуславливает учет основных факторов развития значений ФЕ, что позволит выявить основные типы структурных схем или моделей многозначных ФЕ.

Список литературы

- Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Норинт, 1998. 1535 с.
- Большой энциклопедический словарь. Языковедение / Гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. 1887 с.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.
- Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М. Л. Ковшова. М.: Ленанд, 2019. 352 с.
- Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Российская академия наук. Институт рус-

ского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 стр.

Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. / А. И. Федоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 144 с.

References

Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii (2015) [Academic Dictionary of Russian Phraseology]. A. N. Baranov, M. M. Voznesenskaia, D. O. Dobrovolskii, K. L. Kiseleva, A. D. Kozerenko. 2d ed. 1168 p. Moscow, LECSRUS. (In Russian)

Bol'shoi e'ntsiklopedicheskii slovar'. Iazy'koznanie (2000) [Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. Iartseva V. N. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo "Bol'shaia Rossiiskaia e'ntsiklopediia". 1887 p. (In Russian)

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazy'ka (1998) [Big Explanatory Dictionary]. A. S. Kuznetsov. RAN, In-t lingvist. issled. 1535 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)

Чепасова, А. М. (2006). *Semantiko-grammaticheskie klassy russkih frazeologizmov*:

ucheb.posobie [Semantic Grammatical Classes of Russian Phraseological Units: A Textbook]. 144 p. Cheliabinsk, ChGPU. (In Russian)

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazy'ka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinic (2008) [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: About 13000 Phraseological Units]. A. I. Fedorov. 3-d ed. 878 p. Moscow, Astrel AST. (In Russian)

Kovshova, M. L. (2019). *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguistic and Cultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: An Anthroponymic Code of Culture]. 400 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovicah, pogovorkah i idiomah (2019) [Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms]. M. L. Kovshova. 352 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

Tolkovy'i slovar' russkogo iazy'ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy'razhenii (2006) [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. S. I. Ozhegov, N. Iu. Shvedova. Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo iazy'ka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. 944 p. Moscow, ООО "ИТИ Технологии". (In Russian)

The article was submitted on 14.05.2021

Поступила в редакцию 14.05.2021

Султанова Алина Петровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А. Н. Туполева
– КАИ,
420111, Россия, Казань,
К. Маркса, 10.
alinasultanova@mail.ru

Sultanova Alina Petrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan National Research Technical University
named after A. N. Tupolev – KAI,
10 K. Marx Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
alinasultanova@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-118-124
УДК 811.111-26

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗА ГЕРОИНИ В АНГЛИЙСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

© Ольга Уарова

LINGUISTIC INTERPRETATION OF THE FEMALE PROTAGONIST'S IMAGE IN THE ENGLISH FAIRY-TALE: DEVELOPMENT DYNAMICS

Olga Uarova

The study explores the problem of interpreting the image of the female protagonist in a fairy-tale. The structure of the images of the fairy-tale characters varies within the scope of its elements, their connections and role in the text. The objective of the work is to identify linguistic mechanisms that reflect the development of the female protagonist's image in a fairy-tale. The analysis is based on the English fairy-tale "Tom Tit Tot". The findings suggest that the linguistic feature is a key element in the structure of the female protagonist's image in this fairy-tale. The results have identified the author's nomination as a tool for interpreting the development of the female protagonist's image based on her self-presentation and from the point of view of other characters. The article specifies her permanent and flexible features in the structure of the image and their functions. While the self-presentation and the author's presentation represent permanent features, characterizing the female protagonist's image, the forms of addressing her, used by other characters, refer to variable features of her image. Various forms of address, used by other characters, adjust to the transformations of her social roles and show the dynamics of her development. Particular attention is paid to the protagonist's behavioral qualities, which undergo certain transformations - from carelessness and spinelessness to the endurance and guile, acquired as a result of going through trials.

Keywords: English fairy-tale, female protagonist, image structure, interpretation, plot, nomination, forms of address, self-presentation.

В статье рассмотрена проблема интерпретации образа героини в ходе развития сюжета волшебной сказки. Структура образов сказочных персонажей варьируется по степени охвата ее элементов, их связей, включения в текст, роли и может быть рассмотрена в статике и динамике. Цель исследования заключается в выявлении механизмов, отражающих развитие образа героини в сказке. Материалом исследования послужила английская волшебная сказка «Tom Tit Tot». В результате анализа показано, что ключевым инструментом интерпретации образа героини в сказке служат его языковой признак, выраженный в форме обращения к героине других персонажей, самопрезентация и ее номинация рассказчиком сказки. Среди выделенных элементов определены устойчивые и изменяющиеся компоненты образа героини, определены их функции. Самоидентификация и номинация автором представляют устойчивые компоненты образа героини и составляют ее основу. Формы обращения к ней других персонажей образуют изменяющиеся компоненты образа и отображают динамику его развития. Различные обращения к героине других персонажей фиксируют изменения ее социальной роли. Особое внимание уделено поведенческим качествам героини, которые подверглись трансформации – от беспечности и бесхарактерности до приобретенных в результате прохождения испытаний выдержки и хитрости.

Ключевые слова: английская сказка, героиня, структура образа, интерпретация, сюжет, номинация, форма обращения, самоидентификация.

Целью работы является выявление языковых механизмов, отражающих развитие образа главной героини в английской волшебной сказке. В задачи работы входит рассмотрение структуры образа героини, определение устойчивых и изменяющихся элементов ее, их функций, а также

описание изменений в поведенческих характеристиках героини. Среди актуальных вопросов, связанных с исследованием сказки, остается проблема изучения образа ее героев, поскольку он обладает сложной структурой с разнородны-

ми элементами и одновременно отображает видение мира, систему ценностей и отношений.

Новизна работы определяется рассмотрением образа героини в динамике через комплекс средств, используемых для ее референции в соответствии с развитием сюжета: языковую репрезентацию с позиции других персонажей, рассказчика и самопрезентацию, что способствует осуществлению понимания ее образа в сказке.

В работе применяются аналитический и описательный методы, которые предусматривают наблюдение языковых фактов в тексте, выявление особенностей их функционирования и их обобщенный анализ.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов на спецкурсах, посвященных изучению мифологии и фольклора англоязычных стран, а также в дальнейших лингвистических исследованиях в этой области.

Материалом для работы послужила английская сказка «Tom Tit Tot» («Том Тит Тот»), зародившаяся на территории Британских островов и получившая в дальнейшем распространение в других европейских странах [Thompson, с. 48]. Изучению этой сказки посвящены работы в рамках анализа функционирования языковых средств [Акименко], [Шайхутдинова]; изучения особенностей собственных имен персонажей [Егорова]; рассмотрения национального менталитета английской культуры [Рыжикова]. Эти исследования фокусируются на отдельных языковых и культурных фактах, актуализируемых в изучаемой сказке. Интерес представляет рассмотрение лингвистических, композиционных и культурно-значимых аспектов при изучении развития образа сказочного персонажа.

Исследователи отмечают, что народная волшебная сказка «возникла в период разложения родового строя и начала формирования классового общества» [Тананыхина, с. 190]. Всестороннее изучение и признание ее ценности связано с распространением сборников сказок, составленных специалистами из разных стран Европы (Братья Гримм, Дж. Джекобс, Э. Клодд и др.). По мнению О. А. Плаховой, авторы английских сборников сказок стремились приблизить язык сказки к литературному языку: «Аутентичность обработанных произведений достигалась посредством вкрапления в сказочный текст отдельных диалектных и архаических форм. Данная тенденция отчетливо просматривается на примере литературной адаптации Дж. Джейкобсом сказки «Тот Тит Тот» («Tom Tit Tot») из сборника Э. Клодда (1889)» [Плахова, с. 56]. Литературная и языковая унификация сказок наро-

дов Британских островов привела одновременно к формированию их жанрового разнообразия и утрате регионального своеобразия.

В исследовании мы придерживаемся определения специфики жанра сказки А. Н. Цветковой, которая заключается в реалистичном отображении нереальных событий в короткой истории с приключением и волшебным сюжетом [Цветкова, с. 16]. Сюжет волшебной сказки состоит из экспозиции, зачина, развития, кульминации и развязки. Рассмотрим динамику развития образа героини сказки с позиции этих сюжетных элементов.

Повествование сказки «Tom Tit Tot» начинается с фразы *once upon a time* ('давным-давно'), которая указывает, что ее действие происходит вне времени и пространства. Система персонажей сказки представлена героями, имена которых неизвестны. Их идентификация в сказке осуществляется на основе ряда характеристик: происхождения, положения в обществе, пола и родственных связей (*king* – 'король', *woman* – 'женщина', *daughter* – 'дочь'). При этом какие-либо другие характеристики героев, такие как внешность, возраст, характер, не упоминаются. Репрезентация образа главной героини сказки реализуется посредством различных форм обращения к ней другими персонажами, которые изменяются в ходе развития их взаимоотношений и в которых отражается динамика развития образа героини. Только рассказчик выступает в роли безучастного наблюдателя за приключениями героини, неизменно апеллируя к ней с помощью гендерной формы номинации *girl* – 'девочка', которая не содержит коннотации и не выражает его отношение к ней.

Экспозиция сказки разворачивается в доме матери героини: женщина просит свою дочь проследить за приготовленными пирогами, однако героиня их съедает: "*Darter*", *says she, 'put you them there pies on the shelf, and leave 'em there a little'*" [Якобс, с. 1] (здесь и далее разрядка наша – О.У.) – «Доча, – сказала женищина, – положи пироги на полку и оставь их там ненадолго» (здесь и далее перевод наш – О.У.). Языковая оболочка обращения *darter* – 'доча' представляет диалектную форму английской лексики *daughter* – 'дочь', которая указывает на регион происхождения сказки – Восточная Англия. Обращение *darter* – 'дочь' реализует функцию по родству и положению в семье. Девушка не справляется с заданием матери, она съедает все пироги и не испытывает при этом чувства вины. Таким образом, в начале сказки формируется образ безответственной и легкомысленной юной героини, которая не способна выполнить условия договоренности со своей матерью.

Недостача пирогов выступает в качестве триггера для развития сюжета сказки. В своих работах В. Я. Пропп отмечает, что «в типичной волшебной сказке вся завязка сводится к тому, чтобы отправить героя из дома» [Пропп, с. 204]. Мать из-за чувства неловкости перед королем, прослышавшем об этом казусе, находчиво выдает упущение дочери за достижение: ее дочь соткала пять мотков пряжи за день, а не съела пять пирогов. Король проявляет интерес к такой ситуации и предлагает взять ее дочь в жены при условии, что через год она должна будет доказать свое умение быстро прясть, иначе она будет казнена: *<...> but the last month of the year she'll have to spin five skeins every day, and if she don't I shall kill her* [Якобс, с. 2] – *<...> в последний месяц года она будет должна прясть по пять мотков пряжи каждый день, в случае если она не сможет выполнить это условие, она будет казнена по моему приказу*. Разговор о женитьбе король ведет с матерью героини без учета ее чувств и мнения, указывая на девушку с помощью местоимения *she* – ‘она’, которое выполняет функцию универсального субститута имени. Обращение к героине как к дочери в сказке больше не используется, поскольку она уже не возвращается в дом своей матери.

Изменение в статусе героини влечет за собой изменения в ее языковой репрезентации в сказке. В конце года король, согласно уговору, напоминает героине об условии своей женитьбы и обращается к ней при помощи фразы *my dear* – ‘моя дорогая’: *Now, my dear, here you'll be shut in tomorrow with some victuals and some flax, and if you haven't spun five skeins by the night, your head'll go off* [Якобс, с. 3] – *Так вот, теперь выслушай меня, моя дорогая! Завтра ты будешь заперта в этой комнате. Еда и волокно для пряжи у тебя будут. В случае если ты не успеешь соткать пять мотков пряжи к вечеру, тебе отрубят голову*. Традиционно форма обращения *my dear* указывает на близкие взаимоотношения в паре и демонстрирует привязанность друг к другу. Однако такое обращение может выражать также и снисходительность к адресату (*“spoken used when speaking in a friendly way to someone, especially someone who is much younger or much older than you. This use can sometimes sound rather patronizing”* [Longman Dictionary]). Актуализация этой формы обращения к героине в контексте угрозы короля демонстрирует, что, несмотря на ее статус жены короля и его снисходительное к ней отношение, героиня находится в зависимом и опасном для ее жизни положении. Она лишь покорно принимает свою участь, понимая условия договора и неизбежность наказания.

В ситуации осознания реальности угрозы своей жизни героиня переоценивает свое прежнее поведение. Она понимает, что все это время вела себя безвольно и безответственно, что отражается в ее собственной характеристике (*gutless girl* – ‘безвольная девчонка’): *Well, she was that frightened, she'd always been such a gutless girl, that she didn't so much as know how to spin, and what was she to do tomorrow with no one to come nigh her to help her?* [Якобс, с. 3] – *Нужно сказать, что она была очень сильно напугана словами короля. Все это время она вела себя абсолютно безвольно: даже не научилась прясть за все это время! Что же она будет делать завтра, если никто не сможет ей помочь?* Рефлексия героини о своем поведении также отражается в форме грамматической конструкции высказывания, выраженной при помощи Past Perfect (*she'd always been*), которая проводит черту между ее прежним и нынешним образом поведения. Апелляция к лексеме *girl* во внутренней речи героини является важным фактором, указывающим на ее самоидентификацию.

Дальнейшее развитие сюжета сказки связано с появлением волшебного существа, которое, на первый взгляд, выполняет функцию дарителя по классификации В. Я. Проппа. Благодаря такому персонажу обычно герой или героиня сказки получает помощь, при этом предварительно подвергается испытанию. Внезапное появление и загадочное происхождение персонажа определяет использование описательного наименования для его обозначения, уточняющее особенности его внешнего вида. Американский исследователь фольклорных сказок С. Томпсон относит такой персонаж к типу «волшебные помощники», отмечая, что его именем называется сказка [Thompson, с. 48].

При первой встрече это существо обращается к героине с помощью личного местоимения *you* – ‘ты / вы’, которое выражает формальное общение, выполняет дейктическую функцию и лишено оценочности. Существо выражает свою готовность ежедневно прясть пять мотков шерсти для героини при условии, что к положенному сроку она должна будет отгадать его имя: *I'll give you three guesses every night to guess my name, and if you haven't guessed it before the month's up you shall be mine* [Якобс, с. 4] – *Я предоставлю тебе по три попытки каждый вечер, чтобы ты могла отгадать мое имя, но, если ты не сумеешь его угадать до конца месяца, ты будешь моей*. Формальность общения определяется тем, что в его основе лежат договоренность между участниками и условие, которое содержит угрозу жизни в случае его невыполнения. Героиня практи-

чески не удивляется неожиданному появлению этого существа в комнате, и ей ничего не остается, как согласиться на его предложение. Ей снова приходится полагаться на волю случая. Далее при каждой встрече ей придется угадывать имя своего волшебного существа, но каждый раз безрезультатно.

В течение месяца героине удастся выполнять задание короля с помощью тайного помощника. При этом каждый раз, когда король убеждается, что героиня справилась с заданием, он обращается к ней со словами *my dear* – ‘моя дорогая’ и отмечает, что и в этот раз сохранит ей жизнь: *I see I shan't have to kill you tonight, my dear,' says he; 'you'll have your food and your flax in the morning,' says he, and away he goes* [Якобс, с. 5]. – «Итак, мне не придется тебя убивать сегодня, моя дорогая, поскольку ты выполнила задание. Утром у тебя будет еда и лен для прялки», – сказал король и ушел. И так каждый день героине приходится противостоять двум более сильным персонажам для того, чтобы пройти испытание и выжить.

Следует отметить, что, несмотря на смену статуса героини с течением времени, рассказчик продолжает описывать ее с помощью лексемы *girl*. Основанием для этого служит полисемия слова *girl* в английском языке: девочка как ребенок в формальном регистре речи (“A girl is a female child”), дочь (“You can refer to someone's daughter as a girl”), девушка (“Young women are sometimes referred to as girls. This use could cause offence”) [Collins Online English Dictionary]. Общей семой для всех словарных определений лексемы *girl* является *юность*, что объясняет выбор наименования героини рассказчиком. Апелляция рассказчика к юному возрасту героини при ее наименовании контрастирует с формами номинации героини другими персонажами сказки, но совпадает с ее собственной идентификацией, что может служить ключом к интерпретации ее образа.

Кульминацией истории становится предпоследний день испытаний, когда загадочное существо напоминает героине о приближающейся расплате, если завтра она не отгадает его имя: *Woman, there's only tomorrow night, and then you'll be mine!* [Якобс, с. 6] – *Женщина, у тебя осталась только одна ночь, и после ты будешь моей!* В этот момент существо впервые использует в адрес героини обращение *woman* – ‘женщина’ вместо прежнего обращения в виде местоимения *you*. Эта гендерная форма обращения в английском языке считается грубой и употребляется в ситуации сильного раздражения. Более того, в современном английском языке она рас-

сматривается как устаревшая и неприемлемая. Смена формы обращения существа в адрес героини указывает на изменения в расстановке сил между ними. Помощник героини превращается в ее антагониста в сказке. В этом фрагменте впервые в общении героини и ее мнимого помощника проявляется оппозиция «женщина» и «существо, обладающее магическими силами», которая содержит элемент превосходства на стороне существа. В обращении *woman* – ‘женщина’ можно отметить несколько коннотаций: принадлежность к человеческому роду, простое происхождение и зрелость, то есть то, как ее воспринимает это существо. Угроза существа сильно пугает героиню, поскольку она осознает, что предстает в его глазах беззащитным созданием, полностью находящимся в его власти.

В этот же вечер в комнату героини заходит король, обращаясь к ней со словами *my dear* – ‘моя дорогая’, снова упоминая о казни: *“Well, my dear,' says he. 'I don't see but what you'll have your skeins ready tomorrow night as well, and as I reckon I shan't have to kill you, I'll have supper in here tonight.”* [Якобс, с. 6] – «Моя дорогая, – обратился к ней король, – если и завтра ты сумеешь подготовить пряжу к моему приходу, то клянусь, что мне не придется тебя убивать. А сегодня я поужинаю с тобой в этой комнате». Неизменное употребление королем обращения *my dear* в адрес героини свидетельствует об этикетном характере этой формы, указывая больше на их формализованные отношения, чем на реальные чувства. Использование этой формы обращения в контексте угрозы короля подтверждает непреклонность его намерений следовать договоренности. Во время ужина король рассказывает героине об увиденном им днем на охоте существе, которое сидело за прялкой и бормотало свое имя – *Tom Tit Tot*. При этом рассказе героиня проявляет выдержку, не выдав королю своей радости по случаю неожиданной разгадки имени волшебного существа. В. Я. Пропп определяет такое развитие событий в сказке как «арену для проявлений случайностей», уточняя, что «эта случайность в значительной степени определяет собой характер фантастичности волшебной сказки» [Пропп, с. 205].

Развязка сюжета волшебной сказки заключается в финальной схватке героини с антагонистом: существо снова угрожает ей расправой, обращаясь к ней при помощи лексемы *woman* – ‘женщина’: *“Take time, woman, that says; next guess, and you're mine. And that stretched out that's black hands at her”* [Якобс, с. 8]. – «Не торопись, женщина, – сказала существо, – еще одна попытка, и ты станешь моей». В этот момент

существо протянуло к ней свои черные руки. Тогда героиня, снова проявляя выдержку, намеренно трижды неверно называет имя антагониста и только потом произносит его настоящее имя – Tom Tit Tot. В это же мгновение существо исчезает навсегда. В этом случае справедливо замечание о том, что «имя персонажа – один из главных инструментов магического воздействия на него (...)». [Егорова, с. 92]. Действительно, имя существа звучит как заклинание, после произнесения которого оно исчезает. Героиня снова проявляет выдержку и выходит из ситуации победительницей: она выполняет задание короля с помощью волшебного существа и разгадывает загадку этого существа при помощи короля.

В итоге юной героине сказки удалось выдерживать все испытания благодаря воле случая, приобретенной выдержке и хитрости. В. Я. Пропп полагал, что хитрость представляет одну из сложнейших проблем сказочной поэтики: «Хитрость есть орудие слабого против сильного. Поэтому хитрость в сказке не только не осуждается, но героизируется <...>. Мораль героя в этом случае не вполне безупречна, но в борьбе с природой и насилием слабый человек не мог побеждать иначе, как хитростью. Обманутые в этих случаях всегда более сильны, чем герой» [Пропп, с. 213].

В английской волшебной сказке «Tom Tit Tot» место и время ее действия, а также имена героев, их возраст и внешность неизвестны. В сказке известны лишь роли героев – это мать героини, которая именуется в сказке как *женщина* – *woman*, *король* – *king*, ставший ее мужем, и *существо* – *thing*, которое помогало ей выполнять задания. Большая часть этих персонажей статичны, кроме главной героини. Ее развитие прослеживается в сюжетном построении сказки. Долгое время героиня проявляла зависимость от своего окружения: сначала от матери, затем короля и в конце магического существа. В зависимом положении она оказывалась во многом из-за своей беспечности и отсутствия силы воли. Однако в развязке сказки ей удалось пройти все испытания, которые основываются на выполнении договоренности, благодаря сочетанию случая, приобретенной силы воли и хитрости. Таким образом, в сказке мы наблюдаем за перевоплощением юной девушки из жертвы в победительницу: она повышает свой социальный статус, выдерживает испытание более сильных и старших персонажей и сохраняет свою жизнь. Оценка этих событий в повествовании сказки отсутствует, что подтверждает мнение о том, что сказка не характеризует, а стремится к действию [Пропп, с. 199].

С одной стороны, образ главной героини английской сказки «Tom Tit Tot» претерпевает изменения в ходе развития сюжета, но с другой – в его основе лежит устойчивая данность. Ее образ строится на трех языковых механизмах: номинация автором, самоидентификация героиней и обращения к ней других персонажей (матери, короля и волшебного существа). Основу образа героини формируют ее самоидентификация и номинация автором, которые совпадают в этой сказке. Рассказчик на протяжении всего повествования именуется героиню с помощью полисемантической лексемы *girl*, которая апеллирует к ее юному возрасту, несмотря на изменяющиеся обстоятельства. Самоидентификация героини проявляется в ее внутренней речи в момент осознания реальности угрозы для ее жизни и выражена во фразе *gutless girl* – ‘безвольная девчонка’, в которой *girl* является основным компонентом. Таким образом, можно утверждать, что номинация героини рассказчиком и ее самоидентификация с общим признаком «юность» формируют устойчивые элементы в структуре образа героини. При этом динамику развития образа героини отображают формы обращения к ней других персонажей, которые фиксируют изменения ее социального статуса в ходе развития сюжета сказки: *darter* – ‘дочь’, *my dear* – ‘жена’, *woman* – ‘женщина’. Они играют ключевую роль в лингвистическом оформлении динамики развития образа героини в ходе развертывания сюжета сказки. Каждый новый аспект ее образа связан с восприятием ее другими персонажами и отражает трансформации ее образа. При этом восприятие ее другими персонажами, выраженное в различных формах обращения к ней, накладывается на ее собственное восприятие и восприятие автором. Таким образом, в структуре образа героини можно выделить устойчивые и изменяющиеся элементы.

Наблюдение за различными формами номинации героини в ходе развития сюжета сказки является ключом к интерпретации развития ее образа. Языковой признак является единственным и смыслообразующим механизмом в структуре образа героини в английской волшебной сказке «Tom Tit Tot». Изменяющиеся элементы образа героини отображают динамику ее развития, устойчивые элементы – ее основу. Формы обращений к героине других персонажей в сказке, выполняя в каждой ситуации свою узуальную функцию, объединены одной функцией – указания изменений ее социальной роли. Следует отметить, что в основе испытаний, которые проходит героиня, лежит соблюдение договоренности. Это условие можно отнести к универсальной ка-

тегории в сказке в целом. К культурно-значимым характеристикам в ее образе на тот период времени являются проявление выдержки, хитрости и надежда на волю случая. Несмотря на то, что сказка носит имя волшебного существа, она посвящена девушке простого происхождения, которая вырастет через прохождение испытаний.

Перспективы дальнейшего исследования вопроса заключаются в изучении структуры образа литературных персонажей применительно к разным жанрам, а также изучении репрезентации гендерных особенностей этих образов.

Список литературы

Акименко Н. А. Особенности функционирования графико-фонетических средств в английских народных сказках (диахронический аспект) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 342–346.

Егорова О. А. Специфика мифологической основы волшебного вымысла в сказках британских островов // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 87–97.

Плахова О. А. Национально-культурная обусловленность жанрового своеобразия английской народной сказки // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 53–62.

Пропп В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа). М.: Издательство «Лабиринт», 2000. 416 с.

Рыжикова А. С. Отражение национально-культурного колорита в языке на примере английских народных сказок // Форум молодежной науки. 2021. № 2 (2). С. 111–117.

Тананыхина А. О. Традиции развития английской волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-1 (44). С. 190–192.

Цветкова А. Н. Функционирование художественной детали в структуре образа (на материале английской народной сказки) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1 (13). С. 14–18.

Шайхутдинова Т. Н. Особенности использования лексических стилистических средств в английской народной сказке // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61 (9). С. 8–11.

Якобс Джозеф. English Fairy Tales: Сборник классических английских сказок. М.: Книга по требованию, 2016. 288 с.

Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 18.06.2021).

Longman Dictionary of Contemporary English online. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 18.06.2021).

Thompson S. The Folktale. The Dryden Press. 1946, New York, 536 p.

References

Akimenko, N. A. (2014). *Osobennosti funktsionirovaniia grafiko-foneticheskikh sredstv v angliiskikh narodnykh skazkakh (diakhronicheskii aspekt)* [Peculiarities of Graphic and Phonetic Features in the English Fairy and Folk-Tales (A Diachronic Aspect)]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. No. 16, pp. 342–346. (In Russian)

Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 18.06.2021). (In English)

Egorova, O. A. (2014). *Spetsifika mifologicheskoi osnovy volshebnogo vymysla v skazkakh britanskikh ostrovov* [Characteristic Aspects of the Mythological Basis of Magical Tales of the British Isles]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. No. 1, pp. 87–97. (In Russian)

Iakobs, J. (2016). *English Fairy Tales: Sbornik klassicheskikh angliiskikh skazok* [A Collection of English Classical Fairy Tales]. Dzhozef Iakobs. 288 p. Moscow, Kniga po trebovaniu. (In Russian)

Longman Dictionary of Contemporary English online. Rezhim dostupa: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed: 18.06.2021). (In English)

Plakhova, O. A. (2014). *Natsional'no-kul'turnaia obuslovlennost' zhanrovogo svoeobrazii angliiskoi narodnoi skazki* [National-Cultural Conditionality of English Folk Tale Genre Specificity]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. No. 4 (17), pp. 53–62. (In Russian)

Propp, V. Ia. (2000). *Russkaia skazka (Sobranie trudov V. Ia. Proppa)*. [Russian Fairy-Tale (Collection of works by V. Ya. Propp)]. 416 p. Moscow, Izdatel'stvo "Labirint". (In Russian)

Ryzhikova, A. S. (2021). *Otazhenie natsional'no-kul'turnogo kolorita v iazyke na primere angliiskikh narodnykh skazok* [Reflection of National and Cultural Flavor in the Language on the Example of English Folk Tales]. Forum molodezhnoi nauki. No. 2 (2), pp. 111–117. (In Russian)

Tananykhina, A. O. (2015). *Traditsii razvitiia angliiskoi volshebnoi skazki* [Development Traditions of the English Fairy Tale]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 2–1 (44), pp. 190–192. (In Russian)

Tsvetkova, A. N. (2014). *Funktsionirovanie khudozhestvennoi detali v strukture obraza (na materiale angliiskoi narodnoi skazki)* [The Function of an Imagery Detail within a Single Image Unit (In an English Fairy Tale)]. Vestnik MGPU. Serii: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie. No. 1 (13), pp. 14–18. (In Russian)

Shaikhutdinova, T. N. (2020). *Osobennosti ispol'zovaniia leksicheskikh stilisticheskikh sredstv v angliiskoi narodnoi skazke* [Peculiarities of the Use of Lexical Stylistic Means in English Folk Tales]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia. No. 61 (9), pp. 8–11. (In Russian)

Thompson, S. (1946). *The Folktale*. 536 p. The Dryden Press. New York. (In English)

The article was submitted on 12.10.2021
Поступила в редакцию 12.10.2021

Уарова Ольга Васильевна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Академия наук Республики Саха (Якутия),

677007, Россия, Якутск,
пр. Ленина, 33.
uarovalya@mail.ru

Uarova Olga Vasilievna,
Ph.D. in Philology,
leading researcher,
Academy of Sciences of the Republic of Sakha
(Yakutia),
33 Lenin Pr.,
Yakutsk, 677007, Russian Federation.
uarovalya@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-125-129
УДК 811.161.1

БЫТОВЫЕ ПРИМЕТЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

© Наилья Фаттахова

OMENS OF EVERYDAY LIFE IN TELEVISION DISCOURSE

Nailya Fattakhova

The article discusses new omens of everyday life that are actively functioning in a number of television series. Our study reveals the main specific features of television discourse as a new telereality, created by the manipulative influence on the consciousness of the perceiving individual. The purpose of the work is to investigate the main mechanism of formation and functioning of new everyday life omens in television discourse as a special type of signs, containing specifically formulated and structured knowledge about the modern world around an individual. The article reveals the reasons for a particular form of the TV series organization and substantiates the reasons for the use of everyday life omens as a semantic dominant of the television series "The Blind". The described paradigm of new superstitious signs, given against the background of traditional structural and semantic constructions, suggests that superstition is becoming part of a contemporary person's mental space. Our main research method is the discourse analysis of more than a thousand episodes of the series "The Blind"; in addition, we used the method of an open questionnaire conducted over five years. The results of the study indicate that people of different age groups demonstrate increasing interest not only in the series "The Blind", but also in other similar series.

Keywords: television discourse, new omens of everyday life, discourse analysis, structure of omens, prohibition semantics, house as a basic lexeme.

В статье рассматриваются новые бытовые приметы, активно функционирующие в ряде телевизионных сериалов. Автор раскрывает основные специфические черты телевизионного дискурса как новой телереальности, создающейся за счет манипулятивного воздействия на сознание воспринимающего индивида. Цель работы – исследовать основной механизм формирования и функционирования новых бытовых примет в телевизионном дискурсе как особого типа примет, содержащих специфически сформулированные и структурированные знания об окружающем индивида современном мире. Выявлены основания для особой формы организации сериала и обоснованы причины использования бытовых примет в качестве смысловой доминанты телевизионного сериала «Слепая». Описанная парадигма новых суеверных примет на фоне традиционных структурно-семантических конструкций позволяет говорить о том, что суеверие становится частью ментального пространства современного человека. Основным методом исследовательской практики послужил дискурс-анализ более тысячи серий сериала «Слепая», кроме того, был использован метод открытого анкетирования, проведенного в течение пяти лет. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в разных возрастных группах интерес не только к сериалу «Слепая», но и к другим подобного рода сериалам стабильно возрастает.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, новые бытовые приметы, дискурс-анализ, структура примет, семантика запрета, дом как базовая лексема.

Традиционная культура народа отражается в народных приметах, которые характеризуются стереотипным восприятием действительности, зафиксированным в обычаях, традициях, суевериях, месяцесловах. Очевидно, именно приметы лежат в основе большинства устойчивых конструкций русского языка, таких как пословицы, поговорки, загадки и т. п., поскольку первоначально они возникли как реакция первобытного человека на природные явления. Не зная, как

объяснить стихийные природные явления, древний человек одушевлял их. Многолетние наблюдения позволили ему создать определенные рекомендации, как вести себя в той или иной ситуации. Первоначально сформировался фонд метеорологических примет, актуальных для первобытного охотника, а в дальнейшем для моряков, путешественников, строителей, воинов, земледельцев и др. Метеорологические приметы лежат в основе сельскохозяйственных примет, регла-

ментирующих работу земледельцев. В настоящее время практически все метеорологические и сельскохозяйственные приметы забыты, находятся в пассивном фонде, поскольку отпала необходимость использовать их для успешного ведения сельскохозяйственной деятельности, хотя и предпринимались попытки их возвращения в активный лексический фонд.

Наряду с метеорологическими и сельскохозяйственными приметами существуют и так называемые бытовые, или суеверные, приметы, которые в последние годы становятся одним из наиболее активно развивающихся жанров фольклора, поскольку приобретают статус приметы, способной создать алгоритм поведения индивида, требующий интерпретации непонятной, необъяснимой с логической точки зрения определенной жизненной ситуации. При этом «... суеверия можно рассматривать как элементы текста старой культуры с утраченным кодом...» [Лотман, с. 488–489]. Интерпретация утраченного кода, его оживление и восстановление в современных реалиях связаны прежде всего с восстановлением не только кумулятивной функции, но и эстетической, развлекательной. Бытовая примета становится основным элементом множества телевизионных сериалов, таких как «Слепая», «Гадалка», «Знахарка», «Старец», «Порча», «Мистические истории» и т. п., в которых проблемы героев трактуются ясновидящими, экстрасенсами, ведуньями, потомственными ведьмами, чернокнижниками, медиумами и пр. через обряды, приметы, суеверия, незнание которых приводит к неприятностям, неудачам, несчастью в обыденной жизни.

Как правило, новые, телевизионные, приметы создаются на основе традиционных, основанных на коллективном представлении о тех или иных правилах поведения в типизированной ситуации. Алгоритм создания и функционирования народных примет изучен достаточно полно в работах В. К. Харченко, Н. Н. Фаттаховой, М. К. Кульковой, Т. С. Садовой и др., однако механизм порождения телевизионных примет во многом остается не раскрытым.

Телевизионный сериал «Слепая» (более тысячи серий) [Слепая] позволяет изучить закономерности формирования и функционирования новых примет, поскольку каждая серия выступает как определенный контекст, позволяющий выявить релевантные для него приметы, и сопоставить их с исходными конструкциями. И если традиционные приметы, имея обобщающее значение, как правило, не фиксировали исходной ситуации и не указывали на конкретные последствия, то телевизионные приметы переключают

фокус внимания с коллективного на индивидуальное восприятие ситуации, концептуализируя различные состояния героев в данное время и в данной ситуации.

Рассмотрение основных способов формирования телевизионных примет приводит нас к необходимости поиска их прототипичной структуры и методики ее реализации в телевизионном дискурсе. Как правило, каждая серия – это отдельная история, однако в совокупности все серии образуют сериал с регулярно повторяющимися ситуациями и сценами. Жизненные неудачи героев сериала объясняются незнанием стратегии поведения в той или иной ситуации. Непредсказуемость поведения создается за счет того, что индивид не знает, забыл или не придает значения знакам судьбы, предостерегающим его от неверного поведения. Бытовое поведение может быть осмыслено лишь с учетом примет, кодирующих ситуацию как обобщенный знак предостережения.

В основе бытовых примет лежит традиционная модель всех типов примет «Если... (знай что), то...». Условно-следственная семантика может иметь несколько зеркальных вариантов, в частности, в суеверных приметах она реализуется в модели «Нельзя..., иначе...», включающей два основных компонента: запрет / разрешение и предостережение. При этом телевизионные приметы формируются на основе данной модели прежде всего с учетом принципа аналогии, когда подобное объясняется подобным, связь между ними объясняется мифическими сближениями, основанными на «склонности народного ума во всем находить аналогию» [Афанасьев, с. 340].

Как известно, предсказать поведение того или иного индивида возможно, если нам известны определенные правила его поведения, спровоцированные окружающими его предметами, вещами, явлениями. Значение аналогии реализуется на лексическом уровне, когда определенная вещь, предмет, поведение являются условием для возникновения определенной ситуации, как правило, негативной в жизни героев сериала: *Кривые зеркала искривляют пространство – нельзя в них смотреться; Потеряешь зонтик – потеряешь мужа; Если одну одежду с человеком носить, то и в личной жизни одни и те же люди будут встречаться* (здесь и далее разрядка наша – Н. Ф.)

Наиболее частотными являются приметы, связанные с местом проживания, домом героев сериала, при этом определенная жизненная ситуация стереотипизируется только после появления сериала. Предметы и вещи, окружающие героя, становятся своего рода знаками, незнание

сути которых порождает, как правило, неудачу в личной или профессиональной жизни. И если старые бытовые приметы имплицитно сохраняли целый пласт знаний о свойствах и качествах предметов, вещей и явлений окружающей древнего человека мира, то телевизионные приметы построены на знании одного человека, бабы Нины-ясновидящей, которой можно было верить или не верить. Несмотря на то, что Баба Нина слепая, она хорошо видит внутренним зрением и транслирует забытое знание, скрытые от индивида законы и нормы поведения: *судьба уже предначертана; любой из нас управляет судьбой; от судьбы не уйдешь; сам виноват в своих несчастиях; если бы послушался меня, избежал бы неприятности* и др. Не случайно, в конце каждого фильма внучка констатирует: *Бабушка говорит, что...*, например: *Бабушка говорит, что нельзя детей до десяти лет из общей посуды кормить, это приведет к разлуке*. При этом транслируются знания того, что конкретный индивид не всегда может принять, поскольку приметы существуют не сами по себе, а лишь в контексте личного опыта, его представлений о нормах, сформировавшихся в обществе.

Дом в традиционном представлении – это место, где человек защищен от всех бед и несчастий, место, куда нет доступа чужим, однако так называемые псевдоприметы построены на осознании того, что именно дом рассматривается как место повышенной опасности, в котором как детали самого дома (квартиры), так и вещи, наполняющие его, способны повлиять на личную и профессиональную жизнь индивида. По мнению бабы Нины, индивид формирует правила поведения через действия (правильные или неправильные). Умение соотнести правила и последствия их несоблюдения позволяют избежать негативных явлений в жизни.

Основным средством построения примет выступает принцип бинарности, ориентированный на пространственные (*внутри – снаружи, верх – низ*), темпоральные (*утро – вечер*), количественные (*полный – пустой*), родственные (*свой – чужой*) и др. признаки: *Окна сначала изнутри мыть, потом снаружи, иначе счастье будет дом стороной обходить; В новую квартиру надо со старыми тапочками въезжать, иначе расстанетесь с любимым; Нельзя вешать свои и чужие вещи на одну вешалку – это приведет к большим ссорам*.

Бытовое поведение в доме связано с повышенной ритуализацией, поскольку практически все элементы дома (окно, лестница, кровать, стол, стул и др.) – это знаки судьбы, предостерегающие от неправильного поведения: *Нельзя*

знакомиться на лестнице или на ступеньках – не сулит ничего хорошего; Через порог говорить – ссоре потом быть; Нельзя сидеть на столе – к несчастью, к обману это.

Семантико-синтаксическая структура телевизионных примет реализуется в двух вариантах. Первый вариант «Если... (знай, что), то...» не содержит категорического запрета на осуществление того или иного действия и остается нейтральным в определении его последствий. Как правило, это обобщенное предостережение, которое касается любого, всякого индивида в определенной ситуации, последствия несоблюдения условия в левой части приметы трактуются неопределенно, без четкого указания на следствие (к беде, несчастью, ссорам, к неприятностям и т. п.). Структура может быть эксплицитной и имплицитной: *Если лампочка в доме перегорает, жди в жизни перемен, а хороших или плохих это как повезет; Если сахар из дома отдавать (знай, что), это к ссорам; Если перед выходом из дома на порог наступить (знай, что), то могут разные неприятности случиться; (Если) Кот в доме (знай, что) – семья крепкая; (Если) Крошки в постели (знай, что) – разлад в семье*.

Вторая, более распространенная группа, имеет структуру «Нельзя + инфинитив..., иначе...» (с вариантом «Никогда не + инфинитив..., иначе»), содержит категорический запрет, не оставляя альтернативы для выбора, при этом часто дается расшифровка того, что следует ожидать при несоблюдении определенных правил. Слово *нельзя* имеет значение «категорического запрета на речь, мысль или действие, признанные всегда или условно принимаемые здесь и сейчас как невозможные, предосудительные или вредные» [Колесов, Колесова, Харитонов, т. 1, с. 505]. Под категорический запрет попадают многие действия индивида в доме (квартире): *Нельзя домашние цветы за порогом сажать, они могут забрать благополучие и счастье; Нельзя уносить домашние вещи на работу, иначе даже счастливый брак может разрушиться; Нельзя деньги на ночь на столе оставлять – к бедности; Никогда не подбирайте чужих телефонов – это может навлечь беду*.

Традиционно дом в широком значении этого слова рассматривался как место деятельности женщины, как замкнутое пространство, мужчина ассоциировался с простором, широким полем. Телевизионные приметы размывают гендерные границы. Есть несколько примет, ориентированных на женщину, поскольку предполагается, что именно она занимается хозяйством: *Нельзя мести сор к порогу, только наоборот, иначе вместе*

с сором выметешь любовь, счастье; Если полы женщина сама не моет, то в доме часто будут ссоры и обман; Нельзя супружескую постель мягким бельем застилать, иначе обман будет; Кошки в доме незамужней женщины – к одиночеству.

Примет, в которых фигурирует мужчина, гораздо меньше, некоторые из них идентифицируются имплицитно: *Если молодой неженатый мужчина зеркало разобьет, не быть ему 7 лет женатым; На красном белье с женщиной спать – к большим неприятностям; Если дома гантели поднимать, перемены большие будут.*

В большинстве суеверных примет запрет носит обобщенный характер, относится ко всем, без гендерных различий, это свидетельствует о том, что представление о доме меняется, сейчас это место общее для всех, поэтому и последствия неверного бытового поведения могут ощутить все жильцы без гендерных и возрастных различий: *Нельзя там, где спишь, работой заниматься, иначе счастья в личной жизни не будет; Нельзя, чтобы часы висели над супружеской кроватью, иначе семья не будет счастливой; Нельзя по дому босиком ходить – несчастье и беды на себя навлечешь; Нельзя сидеть на столе – к несчастью, к обману это.*

Все типы новых примет образуют своеобразные парадигмы, поэтому в одной и той же серии часто используются все структуры: и прототипическая конструкция, и ее зеркальные варианты, например: *Если бумагами на кровати заниматься, сляжет кто-то из близких / Нельзя бумагами на кровати заниматься – это может привести к болезни; Если бумажные игрушки дома держать, то отношения в семье испортятся / Бумажные игрушки нельзя дома держать, отношения в семье от этого испортятся; Если велосипед в доме хранить – будет беда / Велосипеду в доме не место – к беде / Нельзя велосипеды в квартире оставлять – от этого разные беды могут случиться; Одежда разные – судьбы разные / Не к добру под разными одеялами спать / Мужу и жене нельзя под разными одеялами спать – это приводит к охлаждению в семье.*

Правая часть бытовых примет содержит указание на последствия неправильного бытового поведения. Что может привести к беде, неприятностям, несчастьям, ссоре? Как дифференцируются такие последствия? Есть ли определенная закономерность в наступлении наказания за незнание космических законов? И если часть примет сохраняет неопределенную множественность, нерасчлененность следствия, присущую старым приметам, то новые приметы ломают традицию, допуская индивидуализацию следствия,

привязывая его к определенному условию. Специфика телевизионных примет и состоит в том, что часто они содержат расшифровку того, что указано в правой части. Пропозиция-следствие не просто обозначается, но конкретизируется указанием на те последствия, которые ожидают индивида: *Нельзя вслед уезжающему сор из дома выносить (это верная примета, что прежним он не вернется, а может, совсем не вернется); В доме обязательно должны быть тапочки для гостей (если их нет и гости ходят босые, хозяин рискует растерять их всех. Они не будут приходить); Тапочки в подарок получить, верная примета (человек свой дом скоро заведет); Если вешать на зеркале заднего обзора брелоки, сделанные из животных, то велика возможность, что машина попадет в аварию; В новую квартиру надо со старыми тапочками въезжать, иначе расстанетесь с любимым.*

Ситуация-следствие, как правило, фиксирует только негативные последствия бытового поведения современного человека, при этом базовым понятием является словосочетание *плохая примета* или слово *плохо*, которые могут конкретизироваться через лексемы *несчастье, беда, неприятность, обман, ссора* и т. п.: *Много зеркал в доме – плохая примета; Нельзя в зеркале фотографироваться – плохо это (зеркало все передает); Деньги на полу считать – плохая примета (не будут они в доме водиться); Нельзя брать в долг мягкими купюрами, они могут принести несчастье; Нельзя ночью деньги из дома выносить, иначе счастья в доме не будет; Если подушку на стол класть – не только мелкие, но и большие неприятности случиться могут; Если пустые ведра в доме хранить, близкий человек тебя обмануть может; Нельзя деньги на ночь на столе оставлять – к бедности; Нельзя друзьям одинаковые вещи носить – к ссоре приведет; Если мать и дочь одинаковые кольца носят – не будет между ними ссор и раздоров.*

Таким образом, сопоставление новых телевизионных примет с традиционными, проверенными предшествующим опытом, проводится по нескольким параметрам, однако в фокусе внимания остается изменение функции примет. Если для традиционных примет основными функциями являются кумулятивная, прогностическая, прагматическая, регуляторная, то для телевизионных примет на первый план выступает развлекательная функция, поскольку приметы становятся средством формирования интереса к телевизионным сериалам, они начинают выступать в роли центральной скрепы, доминанты, вокруг которой разворачивается действие. При этом сериалы, основанные на приметах, суевериях, повериях,

обычаях, заговорах, строятся по одному шаблону, когда проблемы частной, личной жизни героев обобщаются, моделируются как универсальный код поведенческой стратегии. Авторы сериалов в своем выборе наиболее релевантной информации, способной привлечь максимальное количество зрителей, опираются на проверенные временем приметы, которые легко соотносятся с некоторым сценарием, фреймом, при этом потенциальные варианты одной и той же модели могут быть бесконечными.

Список литературы

Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2004. 704 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. Петербург: Златоуст, 2014. 505 с.

Слепая. URL: <https://tv3.ru/project/slepaya> (дата обращения: 09.11.2020).

References

Afanas'ev, A. N. (1986). *Narod-khudozhnik: Mif. Fol'klor* [People as Artists: Myth. Folklore]. Literatura. 368 p. Moscow, Sovetskaia Rossiia. (In Russian)

Lotman, Iu. M. (2004). *Semiosfera* [Semiosphere]. 704 p. Sankt-Peterburg, "Iskusstvo-SPB". (In Russian)

Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. V 2-kh t. T.1. 505 p. Peterburg, Zlatoust. (In Russian)

Slepaya [The Blind]. URL: <https://tv3.ru/project/slepaya> (accessed: 09.11.2020). (In Russian)

The article was submitted on 08.11.2021

Поступила в редакцию 08.11.2021

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-130-136
УДК 8.11.161.1'38

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *МЕСЯЦ* (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XIX – XXI ВЕКОВ)

© Гульшат Хайрутдинова

FIGURATIVE POTENTIAL OF THE LEXEME *MONTH* (BASED ON POETIC WORKS OF THE 19th – 21st CENTURIES)

Gulshat Hayrutdinova

The article explores the figurativeness of the *month* lexeme within the framework of the problem of language aesthetics, a promising trend of linguistics. This lexical unit has not yet been the object of a comprehensive analysis in terms of its figurative potential, which determines the relevance of our topic. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the figurative possibilities of the word *month*, functioning in the poetic works of the 19th – 21st centuries. Our research into the figurative potential was carried out with a focus on the concept of N. V. Pavlovich, who justified the idea of the image paradigmaticity. The study is based on the poetic texts contained in the “Russian National Corpus”. We mainly used the descriptive-analytical, semantic-stylistic and quantitative methods in our study and analyzed the poetic texts, in which the polysemous word *month* is used in the meaning of ‘the disk of the moon or part of it’. Sixteen paradigms have been identified, in which the noun *month* appears in the position of the left element, or the subject of a comparison. This article presents and describes ten of the most voluminous models, in which the lexeme *month* is intentionally close to the words related to the concepts of “a living object”, “an organ”, “a tool”, “substance”, “precious”, “light”, “transport”, “a plant”, “food” and “an object”. We have come to the conclusion that the greatest productivity and, consequently, stability is characteristic of the paradigm “month → a living object”. The remaining nine paradigms, considered by us, are less, although highly, productive and stable.

Keywords: poetic text, semantics of the *month* lexeme, figurative potential of the word, figurative paradigms, model elements, paradigm stability.

В статье исследуется образность лексемы *месяц* в рамках проблемы эстетики языка, относящейся к перспективному направлению развития лингвистики. Данная лексическая единица еще не была объектом всестороннего анализа в плане характеристики ее образного потенциала, чем обусловлена актуальность нашего обращения к этой теме. Цель исследования – комплексный анализ образных возможностей слова *месяц*, функционирующего в поэтических произведениях XIX–XXI веков. Изучение образного потенциала проводилось с ориентацией на концепцию Н. В. Павлович, обосновавшей идею парадигматичности образа. Материалом для изучения послужили стихотворные тексты, содержащиеся в Национальном корпусе русского языка. При исследовании языкового материала использовались главным образом описательно-аналитический, семантико-стилистический и количественный методы. Анализу были подвергнуты те поэтические тексты, в которых многозначное слово *месяц* используется в значении «диск луны или его часть». Выявлены 16 парадигм, в которых существительное *месяц* выступает в позиции левого элемента, или предмета сравнения. В данной статье представлены и описаны 10 наиболее объемных моделей, в которых лексема *месяц* намеренно сближается со словами, относящимися к понятиям «живой предмет», «орган», «орудие», «вещество», «драгоценное», «свет», «транспорт», «растение», «еда» и «предмет». Установлено, что наибольшая продуктивность и, следовательно, устойчивость характерна для парадигмы «месяц → живой предмет». Остальные 9 из рассмотренных нами парадигм обладают меньшей, хотя и достаточно высокой продуктивностью и устойчивостью.

Ключевые слова: поэтический текст, семантика лексемы *месяц*, образный потенциал слова, образные парадигмы, элементы модели, устойчивость парадигмы.

Исследование эстетики языка и речи, представляя собой сложную проблему междисциплинарного характера, относится к одному из важных направлений развития лингвистики. При описании эстетики лексических единиц наиболее часто исследователи обращаются к изучению их образно-ассоциативных возможностей. Этому вопросу посвящены, в частности, работы В. П. Григорьева, Б. А. Ларина, Л. А. Новикова, О. Г. Ревзиной, Д. Н. Шмелева и др. С точки зрения Т. В. Матвеевой, под образностью языковой единицы понимается такой набор ее свойств, как изобразительность, конкретно-предметное представление, наглядность, «картинность» [Матвеева, с. 247].

Наиболее ярко и полно эстетические возможности языковых единиц раскрываются в поэтической речи. Как известно, в стихотворных текстах высокую частотность обнаруживают лексические единицы, характеризующие чувства, эмоциональные состояния лирического героя. Важную роль играют также слова, называющие явления природы, среди которых обращают на себя внимание обозначения небесных объектов, обладающие как смысловой, так и эстетической значимостью [Хайрутдинова, 2016. Эстетические ресурсы русского языка, с. 35].

Целью нашего исследования в данной статье является комплексный анализ образного потенциала слова *месяц*. В рамках анализа предполагается изучение способов намеренного сближения данной лексической единицы с другими словами, в результате чего «возникает „сходство несходного“, или образ». Исследование образно-ассоциативных возможностей лексемы *месяц* осуществлено с ориентацией на концепцию Н. В. Павлович, предложившей идею инвариантности, или парадигматичности, образа [Павлович, с. 19]. При освещении изучаемого вопроса, кроме анализа данного слова как элемента образной парадигмы и описания свойств выявленных моделей, рассматриваются также семантика лексической единицы и ее грамматические особенности.

Функционирование слова *месяц* уже было объектом внимания филологов (О. Н. Биль, Ф. Ф. Гилемшина, О. Н. Маркович, О. В. Стафеевой, Н. А. Тураниной), изучавших космонимы с точки зрения концептуально-тематической их характеристики, функционирования в мифах, поэтических произведениях Серебряного века и т. д. Н. В. Павлович при описании языка образов также приводит данные относительно включения слова *месяц* в некоторые парадигмы образов, однако полный анализ образно-ассоциативных возможностей этой лексической единицы не по-

лучил отражения в лингвистической литературе. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена тем, что лексема *месяц*, представляющая безусловный научный интерес в плане разработки эстетики художественного слова, еще не была объектом комплексного изучения. В качестве основных методов исследования были использованы описательно-аналитический, семантико-стилистический и количественный методы. Материал для изучения лексемы *месяц*, используемой в произведениях русской поэзии XIX–XXI веков, извлечен из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). В ходе проведения научной работы проанализированы стихотворные произведения 149 авторов.

Функционирование любой лексической единицы, в том числе в аспекте актуализации ее образных возможностей, во многом определяется семантикой. Анализ словарных данных показал, что слово *месяц* является полисемантом и имеет три значения: 1. Единица исчисления времени по солнечному календарю, равная одной двенадцатой части года. 2. Тридцать дней, посвященных какому-н. общественному мероприятию. 3. Диск луны или его часть [Ожегов, Шведова, с. 352]. В данной статье мы сосредоточим свое внимание на употреблении рассматриваемой лексической единицы в ее третьем словарном значении.

Изучение языкового материала привело нас к выводу, что в большинстве поэтических текстов реализуется значение «часть диска луны», например: *Месяц, тоненькая долька, / из окна глядит на нас...* (Ю. Левитанский. «Катя, Катя, Катерина...»); *Вверху над роцей – месяц ломтиком, / И ломтик лодки на воде.* (И. Елагин. «Я эмигрировал на озеро...»); *Тот же в небе под вечер / Месяц жёлтый – дугой.* (В. Наседкин. «Синью тёпую крадась...») [НКРЯ] (здесь и далее разрядка наша – Г. Х.)

В меньшей части примеров слово *месяц* обозначает диск луны: *Вот уж веет прохладой nocturnoю; / Грезит колос над узкой межею; / Месяц огненным шаром встает, / Красным заревом лес обдаёт.* (И. Никитин. «В синем небе плывут над полями...») [Там же].

В результате исследования образных возможностей анализируемого слова нами были выявлены 16 образных парадигм, в которых оно выступает в позиции левого элемента модели (X), или предмета сравнения. В данной статье будут рассмотрены 10 наиболее объемных моделей.

1. Значительный корпус примеров включает в себя контексты, обнаруживающие сочетание лексемы *месяц* с существительными, которые

обозначают живой предмет (32,38% словоупотреблений).

1.1. В большей части материала рассматриваемое слово сближается с личными существительными, которые являются обозначениями людей, а также существ, воспринимаемых как живые, – персонажей мифов, сказок и т. п.: *ба-тюшка, брат, горец, красавец, любовник, фанатик, чародей, черт* и др. Среди них стоит отметить те лексические единицы, которые неоднократно встречаются в произведениях русской поэзии при реализации образного потенциала лексемы *месяц*. К таким словам относятся существительные *брат, друг, старик, сторож* и *кудесник*. Приведем некоторые текстовые примеры: *В небе плакал месяц старый... / Дымки-тучки проползали, / Утешали старика...* (П. Соловьева. «Старый месяц»); *...А вокруг, у перелесиц, / Полудночью голубой, / Слово ст о-ро-ж, ходит м е с я ц, / Водит облака гурьбой!..* (С. Клычков. «Над грядой перелесиц...»); *М е-с я ц – ласковый кудесник – / Запускает во-ро-жбу...* (Н. Зарудин. «В поведях солнечных рука...») [Там же]. В данных фрагментах текстов лексема *старик* используется в значении «мужчина, достигший старости» [Ожегов, Шведова, с. 762], существительное *сторож* реализует значение «работник, который сторожит, охраняет что-н.» [Там же, с. 770], слово *кудесник* – значение «волхв, чародей» [Там же, с. 312].

Род существительного *месяц* и субстантивов, используемых в позиции правого члена парадигмы, в подавляющем большинстве случаев совпадает, то есть в качестве образа сравнения используются главным образом личные существительные мужского рода типа *князь, богатырь, жнец, игумен*, что ведет к маскулинизации неодушевленного субстантива [Хайрутдинова, 2016. Образный потенциал оронимов..., с. 524]. Однако в единичных случаях функционируют и существительные женского рода, что не соответствует распространенной в художественной речи тенденции персонификации неодушевленных существительных, например: *Розовеет месяц на восходе / Деспота в лучах золотого круга, / Как ц а р и ц а юная, в разводе / Все влюбленная в ц а-ря-супруга.* (В. Иванов. «Розовеет месяц на восходе...») [НКРЯ].

1.2. В ряде случаев образ сравнения получает зооморфное осмысление благодаря использованию в позиции правого члена образной парадигмы названия животного. В большинстве контекстов используются названия а) млекопитающих (*конь, волк, ягненок*) и б) птиц (*сокол, лебедь, чайка, селезень*). Приведем текстовые примеры: а) *Резвый м е с я ц, как ко н ь молодой, / Про-*

скакал в облаках над поляной. (И. Молчанов. «Глубже, память, врезай лемехи...»); б) *Звезды кружатся далекие, / Посреди их м е с я ц со ко-лом ...* (А. Толстой. «Весенний дождь») [Там же]. В единичных случаях употребляются обозначения других видов живых организмов, в частности, название насекомого: *М е с я ц, как ба-бочка на огонь, / Замахивается криво.* (Г. Оболдуев. «Не спеша набухают крепкие...») [Там же].

2. Довольно большую часть языкового материала охватывает парадигма, правый элемент которой репрезентируется словами, обозначающими орган (или часть тела) живого предмета: *рог, клык, коготь, ребро, глаз, око, бровь, голова, лицо* (13,08% случаев использования). Данное наблюдение подтверждается следующими примерами: *А м е с я ц в вышине оскалил желтый клык / и смотрит на меня, внимательный и дерзкий.* (С. Кекова. «Есть много разных птиц. Вот гриф. Он словно граф...»); *В туче прячется, бродит Бог, / коготь м е с я ц а грыз.* (И. Бродский. «В горах»); *В ту ночь был м е с я ц чист и тонок, / Как на лице влюбленном бровь ...* (С. Клычков. «Поутру нелады и ссоры...») [Там же]. Наибольшую активность в этой группе слов проявляет лексема *рог* (чаще в форме единственного числа), реализующая значение «вырос из костного вещества на черепе у некоторых животных» [Ожегов, Шведова, с. 680]: *Он что-то вспомнил так правдиво / Из темного праязыка, / Что м е с я ц в небе всем на диво / Преобразился в рог быка.* (Д. Самойлов. «Не думал про стихосложение...») [НКРЯ].

3. Несколько меньшей по объему является та часть примеров, в которых лексема *месяц* сближается со словами, относящимися к семантической зоне «орудие». Из лексем, входящих в эту зону, используются существительные *серп, нож, ятаган, меч, палаш, сабля, топор, стрела, плуг* (11,63% случаев). При этом наиболее частотным является сравнение месяца с серпом, что, очевидно, можно считать одним из проявлений поэтической традиции. Приведем несколько фрагментов стихотворных произведений: *...В небе м е с я ц народился / И серп о м лег у межи...* (С. Клычков. «Зоряница»); *Помню, в священную ночь / спать не ложились в бараке / М е с я ц, как жертвенный нож, / тихо сиял над землёй.* (С. Стратановский. «Кто это был, я не знаю...»); *...идет цыганка в бар ночами, / сезонником идет цыган, / и только м е с я ц над степями / один висит, как я т а г а н.* (О. Берггольц. «О, табор в городе, о, табор...»); *Ползет, пригнувшись и дрожа, / В зубах кривую саблей м е с я ц, / Чтоб ночь-невесту сквозь пожар / К седлу до-*

бычею привесить. (Н. Зарудин. «В поводах солнечных рука...») [Там же]. Среди приведенных отрывков обращают на себя внимание те контексты, в которых в позиции правого элемента образной парадигмы выступают слова *серп* («ручное орудие – изогнутый полукругом мелко зубренный нож для срезывания хлебных злаков с корня» [Ожегов, Шведова, с. 713]), *ятаган* («большой кривой турецкий кинжал» [Там же, с. 919]) и *сабля* («рубящее и колющее оружие с длинным изогнутым клинком» [Там же, с. 691]), наглядно демонстрирующие тот признак, на основании которого происходит сближение сравниваемых объектов – кривизна, изогнутость формы.

4. Следующую объемную модель образуют контексты, в которых образ сравнения реализуется благодаря использованию обозначений вещества (9,59% примеров): *серебро*, *мел*, *ртуть*, *фаянс*, *эмаль*, *золото*, *янтарь*, *медь*. Подтвердим сказанное фрагментами стихотворных текстов: *...месяц, гнездясь за деревьями, / Серебром сочится в листву.* (Б. Нарциссов. «Это – летнюю ночью бессонница...»); *Вот мое милое дело, / Мой дом, мой замок... / Месяц белее мела / В оконных рамах.* (Д. Самойлов. «Вот мое милое дело...»); *В маленьких глазках – в болотной мути – / Месяц кружился, как капля ртути.* (Э. Багрицкий. «Ежами в глаза налезала хвоя...»); *Уже был месяц розов, как янтарь.* (Д. Самойлов. «Скажите, гражданин, как здесь пройти...») [НКРЯ]. Так, в первом из приведенных примеров образ сравнения выражен с помощью слова *серебро* – «драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета» [Ожегов, Шведова, с. 713]; во втором контексте с этой целью использована лексическая единица *мел* в значении «мягкий белый известняк, употребляемый в промышленности, для окраски, писания» [Там же, с. 691]. В большинстве случаев сближение с лексемами, выполняющими роль правого элемента парадигмы, происходит с учетом цветовой характеристики сравниваемых объектов. При этом наиболее частотным является сочетание слова *месяц* с существительным *серебро*.

5. Менее объемная модель охватывает те случаи употребления слова *месяц*, когда оно ассоциируется с лексемами, входящими в понятие «драгоценное» (8,43% случаев использования). Данное понятие репрезентируется за счет слов *бриллиант*, *жемчуг*, *топаз*, *коралл*, *янтарь*, *серьга*, *монета*. Например: *Когда сверкает ярким бриллиантом / Весенний месяц на небе ночном, / Все говорят, что души христиан там / Погибших реют в сумраке лесном.* (А. Тиняков. «Лесная заводь»); *В темных улицах плавится*

страшно и гулко / Пьяный крик, гоготанье и визг. / А в пустынном провале над тьмой переулка / Тонкий месяц серьгой повис. (Г. Сатовский. «Ночь набросила ризы спокойной печали...»); *Скатился месяц медною монетой, / Упала гривенником поздняя звезда... / Вот это - / Да!..* (А. Жаров. «У каменного моста...») [Там же]. В этой группе слов наиболее высока частотность слова *серьга*, реализующего значение «украшение, обычно с драгоценным камнем, продаваемое в мочку уха» [Ожегов, Шведова, с. 714].

6. Следующая парадигма «месяц → «свет» выделена на основе анализа 6,10% словоупотреблений. При этом довольно часто используется слово *свет* «лучистая энергия, воспринимаемая глазом, делающая окружающий мир видимым» [Ожегов, Шведова, с. 701]. Отмечены ассоциации с естественными источниками света: *солнце*, *звезда*, *луч*, например: *И не покажет уж глаз / Месяц – цыганское солнышко.* (С. Клычков. «Юность – питье солодовое...»); *Но месяц / Померк и закатился, как звезда.* (И. Бунин. «Авраам»). Выявлены также контексты, в которых слово *месяц* сближается с обозначениями искусственных источников света (*светоч*, *фонарь*, *ночник*): *Вот мой город, огромный и сумрачный! / Светит месяц как тусклый ночник. / Здесь любил я прелестную дурочку, / Здесь к армейской ушанке привык.* (В. Ковенацкий. «Я ночами летаю над городом...») [НКРЯ]. Как видим, в последнем фрагменте текста слово *ночник* реализует значение «слабо горящая лампочка, зажигаемая на ночь» [Ожегов, Шведова, с. 422].

7. Также не столь значительная по объему парадигма представлена примерами, в которых месяц ассоциируется с транспортным средством или его частью: *челн*, *челнок*, *ладья*, *фелука*, *моторик*, *колесо*, *полоз* (4,07% примеров). В приводимых далее контекстах понятие «транспорт» репрезентируется словами *челн* («выдолбленная из дерева лодка» [Ожегов, Шведова, с. 884]), *ладья* («лодка, парусное судно» [Там же, с. 318]) и *колесо* («в различных механизмах: диск или обод, вращающийся на оси и служащий для приведения механизма в движение» [Там же, с. 282]): *В волнах древесных месяц – челн, / А Ночь над ним – утес огромный...* (А. Белый. «Приход ночи»); *И месяц наверху налил / И косо плыл по дыму, как ладья.* (Д. Самойлов. «Скажите, гражданин, как здесь пройти...»); *Опять серебряной росой / Ботинки старые об мою, / И месяц желтым колесом / Взойдет, чтоб встретиться со мною...* (И. Молчанов. «Ну как забыть твоё лицо...») [НКРЯ].

8. Еще одна модель выделена на основе анализа контекстов, в которых лексема *месяц* сближается со словами, относящимися к понятию «растение»: *подсолнух одуванчик, лилия, мимоза, незабудка, лист* и др. (3,19% от общего числа примеров). Приведем фрагменты текстов: *Месяц – точно одуванчик / В степи неба голубой.* (К. Фофанов. «Я иду, вокруг – всё избы...»); *Всем в мире светит / месяц-мимоза...* (В. Соснора. «Черной ночью...»); *Вот наплывают ночные туманы, / Месяц – желтый, как осенью лист, – / Грустно сквозь сизого облака смотрит...* (М. Михайлов. «Песнь океанид») [Там же]. Анализ текстов показывает, что во многих случаях подчеркивается форма и цвет (желтый или светлый, белесый) сравниваемых объектов. Так, слово *одуванчик*, использованное в первом контексте, реализует значение «травянистое растение сем. сложноцветных с желтыми цветками и семенами на пушистых волосках» [Ожегов, Шведова, с. 447].

9. По количеству примеров с предыдущей моделью совпадает парадигма, в которой роль правого элемента выполняют лексические единицы (*калач, пирожок, сайка, рогалик, яйцо* и др.), принадлежащие семантической зоне «еда». Так, в приводимых далее примерах лексема *месяц* сближается со словами *калач* («пшеничный хлеб, по форме напоминающий замок с дужкой» [Там же, с. 260]), *сайка* («продолговатый или круглый пшеничный хлебец» [Там же, с. 692]) и *яйцо* («куриное яйцо как пища» [Там же, с. 917]): *Войти бы в Божью стряпущую, / Где месяц – калач анисовый!..* (Н. Клюев. «У вечерни два человека...»); *Он сказал мне: «Месяц в небе, / Словно сайка на столе» – / Значит: думает о хлебе, / Я мечтаю о тепле.* (Н. Некрасов. «У Трофима»); *Словно яйцо, / Расколовшись, скользнул / Месяц за дальним холмом.* (С. Есенин. «Пропавший месяц») [НКРЯ]. При этом неоднократное использование отмечено лишь в отношении двух слов – *яйцо* и *пирожок*.

10. Последняя из рассматриваемых парадигм включает контексты, в которых лексема *месяц* сближается со словами *шар, мяч, парус, икона, знамя, подкова* и др. (3,17% словоупотреблений). Эти лексические единицы, по мнению Н. В. Павлович, обозначают некие уникальные предметы, не соотносимые с традиционно выделяемыми понятиями [Павлович, с. 141]. Например: *Месяц огненным шаром встает, / Красным заревом лес обдаёт.* (И. Никитин. «В синем небе плывут над полями...»); *Месяц – парус, небо – звездный пруд. / И никто не знает, как мне больно / Оттого, что яблони цветут.* (Л. Андерсен. «Месяц всплыл на небо, зо-

лотея...») [НКРЯ]. Так, в последнем отрывке слово *месяц* сочетается с существительным *парус*, реализующим значение «укрепляемое на мачте судна и надуваемое ветром полотно из парусины, плотной ткани» [Ожегов, Шведова, с. 494].

Следует сказать, что намеренное сближение слов, выступающих в роли левого и правого элементов рассмотренных парадигм, определяется рядом критериев. В качестве таких оснований можно назвать следующие: существующее с древности стремление человека «оживлять» окружающие предметы и явления действительности, наделяя их свойствами лица или животного; сходство обозначаемых объектов по форме, световому тону, характеру совершаемых действий; тип авторской эмоциональности; индивидуальные особенности восприятия мира и т. д. Например, сближение лексемы *месяц* со словами *рог, бровь* (относящимися к понятию «орган») детерминировано сходством обозначаемых объектов по форме. Использование при описании месяца колоративов *белый* (голубь), *серебряная* (слеза), *желтый* (серп) свидетельствует о том, что образность поэтического текста формируется на основе сходства по световому тону.

Как известно, среди лексических единиц, выступающих в позиции правого элемента парадигмы, можно выделить наиболее часто используемые слова и более редкие лексемы, которые придают образу определенную степень новизны. Так, в парадигме «месяц → живой предмет (птица)» традиционный образ создается в результате уподобления небесного тела лебедю (Эллис (Л. Кобылинский), И. Доронин), в то время как сравнение с зобатым селезнем (Н. Клюев) формирует образ, отличающийся большей оригинальностью. В рамках модели, в которой образ сравнения репрезентируется словами, относящимися к понятию «орудие», традиционным является сопоставление месяца с серпом (А. Блок, Ю. Верховский, Н. Клюев, О. Мандельштам, С. Надсон, И. Суриков), а сравнение с плугом (В. Брюсов) имеет эффект новизны. В парадигме «месяц → транспорт» традиционными можно считать случаи сближения анализируемой лексемы со словами *ладья* (Н. Клюев, Г. Оболдуев, Д. Самойлов) и *челнок* (Вс. Рождественский, Н. Тuroверов), тогда как использование слова *полоз* (М. Зенкевич) в позиции правого члена модели ведет к созданию индивидуально-авторского образа.

Кроме количества контекстов, в которых представлена та или иная парадигма, важно учитывать и такое свойство модели, как продуктивность, то есть количество образов, в которых она

реализуется. Изучение 10 описанных нами парадигм в этом аспекте показало, что наибольшая продуктивность характерна для модели «месяц → живой предмет» (109 образов). При этом важно указать, что подавляющее большинство контекстов в рамках этой парадигмы обнаруживает сближение лексемы *месяц* с обозначениями лиц – преимущественно мужского пола (83 образа). Меньшую, но довольно высокую продуктивность демонстрируют остальные из рассмотренных моделей: «месяц → орган» (20 образов), «месяц → драгоценное» (14), «месяц → свет» (14), «месяц → вещество» (13), «месяц → оружие» (12), «месяц → растение» (11), «месяц → транспорт» (11), «месяц → еда» (11) и «месяц → предмет» (11).

Поскольку высокая продуктивность парадигмы во многом обуславливает ее устойчивость, то есть степень «узнавания» и силы воздействия [Павлович, с. 103–104], то можно также сделать следующий вывод: все 10 описанных парадигм обладают свойством устойчивости.

В процессе анализа языкового материала нами были выделены еще 6 моделей, в которых лексема *месяц* сочетается со словами следующих семантических зон: «ткань», «сосуд», «плоды», «пространство», «экзистенциальное» и «ментальное», однако обозначенные парадигмы охватывают весьма незначительный сегмент нашего материала – менее 5%.

Интересно также отметить, что наиболее часто образные возможности слова *месяц* реализуются в поэтических текстах В. Брюсова, И. Елагина, С. Клычкова, Н. Клюева, Н. Некрасова, Г. Оболдуева и К. Случевского. Показательно, что общее число употреблений лексемы *месяц* в их произведениях составляет почти 18%. Самая объемная по количеству часть примеров (75,6%) связана с творчеством поэтов XX столетия, что обусловлено сложными литературными процессами, характерными для этого периода, широким диапазоном художественных направлений, а также своеобразием индивидуальных стилей авторов.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о значительной широте образно-ассоциативного потенциала лексемы *месяц*, используемого в значении «диск луны или его часть». Выделены 16 образных парадигм, в которых данное слово выступает в позиции левого элемента. Дана характеристика моделей с точки зрения количества контекстов, в которых лексема *месяц* употребляется в качестве предмета сравнения. Проанализированы и описаны 10 наиболее объемных по количеству примеров моделей. Определены такие свойства парадигм, как

продуктивность и устойчивость. Установлено, что наибольшую продуктивность и устойчивость демонстрирует парадигма, в которой существительное *месяц* сближается со словами, обозначающими живой предмет. Остальные 9 из рассмотренных в статье моделей характеризуются меньшей, хотя и довольно высокой продуктивностью и устойчивостью. Роль правого элемента в этих парадигмах выполняют слова, относящиеся к семантическим зонам «орган», «орудие», «вещество», «драгоценное», «свет», «транспорт», «растение», «еда» и «предмет». Кроме того, представлены характеристики функционирования лексемы *месяц* с хронологической точки зрения, а также с учетом фактора новизны образа.

Список литературы

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 563 с..

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 19.09.21).

Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Типография Росельхозакадемии, 1995. 491 с.

Хайрутдинова Г. А. Образный потенциал оронимов (на материале стихотворных произведений XIX–XX вв.) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 523–527.

Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы русского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 170 с.

References

Khairutdinova, G. A. (2016). *Esteticheskie resursy russkogo iazyka* [The Aesthetic Resources of the Russian Language]. 170 p. Kazan, izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Khairutdinova, G. A. (2016). *Obraznyi potential oronimov (na materiale stikhotvornykh proizvedeniy XIX–XX vv.)* [The Figurative Potential of Oronyms (based on the material of poetic works of the XIX–XX centuries)]. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh processov v sovremennoi Rossii* [Elektronnyi resurs]. Vyp. 5, pp. 523–527. Materialy 5 kongressa ROPRIAL. St. Petersburg. ROPRIAL. 1 elektron. opt. disk (CD-R). (In Russian)

Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Complete Dictionary of Linguistic Terms]. 563 p. Rostov n/D., Fenix. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (accessed: 06.09.16). (In Russian)

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Iu. (2007). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Lan-

guage: 80000 Words and Idiomatic Expressions]. 944 p. Moscow, ООО "А TEMP". (In Russian)

Pavlovich, N. V. (1995). *Iazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom iazyke* [The Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. 491 p. Moscow, Tipografiia Rossel'khozakademii. (In Russian)

The article was submitted on 03.11.2021

Поступила в редакцию 03.11.2021

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Kgulshat@yandex.ru

Hayrutdinova Gulshat Ahmathanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Kgulshat@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-137-142
УДК 811.111

ЗООМОРФИЗМЫ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «FEAR» В РОМАНАХ АГАТЫ КРИСТИ

© Евгения Чуксина

ZOOMORPHISMS AS A MEANS OF THE FEAR CONCEPT REPRESENTATION IN THE NOVELS BY AGATHA CHRISTIE

Evgeniya Chuksina

The article reviews the interpretive potential of zoomorphisms as a means of secondary representation of the “fear” concept in the detective novels written by Agatha Christie. Since the “fear” concept plays one of the main plot-forming roles in her works, the features of its secondary representation are the valuable material for a literary analysis. The frequent verbalization of the “fear” concept with the help of zoomorphic metaphors, comparisons and phraseological units is an incentive to classify and analyze the latter and identify the underlying characteristics of their formation. This enables to indicate what causes fear, how it is experienced and to highlight the characters’ features as the subject and object of the emotion of fear in the works under study. The used methods are: a conceptual analysis and the method of cognitive modeling. As a result, we identify zoomorphic metaphors, comparisons and phraseological units, reflecting the cause of the emotion: uncertainty, physical and mental threat; features of the emotion experience: internally and externally manifested panic; the following characteristics of the object of the emotion: spite, cruelty, shrewdness, and those of the subject of the emotion: cowardice, weakness, independence. The article notes that the characteristics, underlying the formation of zoomorphic analogies, create an extended metaphor, in which the object of the emotion is compared with a predator or hunter and the subject of the emotion – with a victim.

Keywords: “fear” concept, zoomorphism, interpretive potential, Agatha Christie, detective novels.

Статья посвящена рассмотрению интерпретирующего потенциала зооморфизмов как средств вторичной репрезентации концепта «fear» в детективных романах Агаты Кристи. Так как этот концепт в указанных произведениях играет одну из главных сюжетобразующих ролей, особенности его вторичной репрезентации представляют собой ценный материал для литературоведческого анализа произведений. Частотная передача концепта «fear» при помощи зооморфных метафор, сравнений и фразеологизмов является побуждением к их классификации и анализу и выявлению лежащих в основе их формирования характеристик, которые, в свою очередь, отражают причины появления эмоции страха, характер её переживания и основные черты персонажей, которые могут осмысливаться как субъект и объект эмоции страха в рассматриваемых произведениях. К используемым методам исследования относятся концептуальный анализ и метод когнитивного моделирования. В результате были выделены зооморфные метафоры, сравнения и фразеологизмы, отражающие причину эмоции: неизвестность, угроза физического и ментального поражения; особенности переживания эмоции: внутренне и внешне проявляющаяся паника; следующие характеристики как объекта эмоции: злость, жестокость, пронизательность, так и субъекта эмоции: трусость, малодушие, слабость, независимость. Отмечается, что лежащие в основе создания рассмотренных зооморфных аналогий характеристики формируют расширенную метафору, в которой объект эмоции сравнивается с хищником или охотником, субъект эмоции – с жертвой.

Ключевые слова: концепт «fear», зооморфизм, интерпретирующий потенциал, Агата Кристи, детективные романы.

Одной из главных задач репрезентации эмоций в произведениях художественной литературы считается создание психологического портрета персонажа. Характеристики персонажей, испытывающих или вызывающих ту или иную

эмоцию, часто передаются с помощью средств вторичной репрезентации. К числу таких средств относятся зооморфные метафоры, сравнения, фразеологизмы.

В толковом словаре С. А. Кузнецова отмечено, что зооморфизм – это «наделение чертами животных реальных или воображаемых объектов; представление богов и духов в образе животных» [Кузнецов].

Среди зооморфных «аналогий» (метафор и сравнений) большое количество стёртых, так как в основе их значений, согласно Т. А. Гридниной и Н. И. Коноваловой, лежат ассоциативные стереотипы, обусловленные этнокультурной оценкой зооморфного образа [Гридина, Коновалова]. Индивидуальным является состав зооморфной лексики, который обусловлен замыслом автора.

В детективных романах наличие большого количества персонажей предполагает создание запоминающихся по внешности и характеру образов с помощью описания их поведения в стрессовых ситуациях. Каждый образ и связанный с ним способ переживания или пробуждения эмоции страха должны вызывать у читателя определённые идеи относительно роли персонажа в произведении, его связи с другими персонажами и его отношения к преступлению.

Цель данной работы – рассмотреть интерпретирующий потенциал зооморфных метафор, сравнений и фразеологизмов, используемых при передаче концепта «fear» в детективных романах английского писателя Агаты Кристи, и, как следствие, выявить отражённые в зооморфизмах особенности компонентов изучаемого концепта: объекта эмоции страха (человека, вызывающего эмоцию), причины появления эмоции, субъекта эмоции страха (человека, испытывающего эмоцию) и характера переживания эмоции.

Материалом для исследования стали детективные романы Агаты Кристи «Убийство в доме викария», «Убийство в „Восточном экспрессе“», «Убийство по алфавиту», «Десять негрятят», «Раз, два – пряжку застегни».

Для достижения указанной цели применяются концептуальный анализ и метод когнитивного моделирования.

Задачи работы:

1. изучение зооморфной лексики, используемой при репрезентации концепта «fear» в указанных произведениях;
2. выявление, классификация и анализ зооморфных метафор, сравнений и фразеологизмов, передающих в языке концепт «fear»;
3. определение особенностей следующих компонентов концепта «fear»: объекта эмоции, причины эмоции, субъекта эмоции и переживания эмоции.

Актуальность работы обусловлена: 1. интересом к расширению способов анализа литературного произведения и возможностью по-

пытки применения концептуального анализа, в частности анализа особенностей эмоционального концепта, в целях определения сюжетообразующих черт произведения; 2. сложностью определения содержания концептов эмоционально-чувственного мира человека и вместе с тем важностью их тщательного изучения на разнообразном языковом материале, в последнем заключается н о в и з н а данной работы.

Прежде чем приступить к практической части статьи, следует отметить сходство когнитивных моделей строения метафор и сравнений, проявляющееся в выявлении в обеих моделях области-источника и области-цели [Бабина, Долгова, с. 40]. Основные отличия метафоры и сравнения, которые выражаются в имплицитности и эксплицитности сопоставления объектов, а также в «диапазоне интерпретации» [Там же] проведённых аналогий, в настоящей работе не принимаются во внимание, так как художественные произведения предполагают контекстуальное ограничение, которое, на наш взгляд, в некоторой степени «уменьшает» указанные различия. Учёные Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко], О. И. Глазунова [Глазунова] к основным источникам образования фразеологизма как образной языковой структуры относят метафору.

Таким образом, в соответствии с интерпретацией Дж. Лакоффом и М. Джонсоном метафоры как проекции между тем, что осмысливается (область-цель), и тем, с помощью чего осмысливается (область-источник) [Лакофф, Джонсон], в данной работе при анализе зооморфных метафор, сравнений и фразеологизмов используем модель, в которой выделяются указанные области.

В первую очередь рассмотрим зооморфные метафоры и сравнение, выделенные при анализе репрезентации характеристик персонажей, вызывающих эмоцию страха, то есть осмысливаемых как объект эмоции.

Метафора HUMAN BEING – ANIMAL (wild animal) получает объективацию при помощи существительного *animals* и наречия *anxiously*, которое отражает тревожное состояние одного из говорящих:

Lombard said softly: „Feeding time at the Zoo! The animals are very regular in their habits!“ Vera said anxiously: „Isn't it very risky, what he's doing?“ [Christie. Ten Little Niggers] (здесь и далее разрядка наша – Е. Ч.).

Область-цель – подозреваемый; область-источник – дикое животное. Характеристики, на основе которых осуществляется перенос: поведение (инстинктивное); черта характера (злость).

Метафора HUMAN BEING – ANIMAL (wolf) выражается в языковых единицах, называющих хищника, части его тела и выполняемое им действие: *wolf, wolfs face, teeth, wolf-like smile*, и в лексемах, отражающих отношение к этому объекту: *horrible, dangerous, menacing, to be afraid of*:

„A wolf - that's what it is - a wolfs face... Those horrible teeth...“ Lombard said, and his voice was a snarl - dangerous - menacing: „This is the end, you understand. We've come to the truth now. And it's the end...“ [Christie. Ten Little Niggers].

Philip Lombard laughed. „Dangerous? Who's afraid of the big bad wolf? I'll be dangerous when I get hold of him!“ [Там же]

At nine-thirty he was sitting on the edge of his bed looking at his watch. He put it to his ear. Then his lips drew back from his teeth in that curious wolf-like smile characteristic of the man [Там же].

Область-цель – подозреваемый, человек, представляющий опасность; область-источник – хищник. Характеристики, на основе которых осуществляется перенос: внешность (черты лица, отражающие свирепость); черта характера (жестокость).

Сравнение HUMAN BEING LIKE ANIMAL (cat) получает своё отражение при помощи существительного *cat*; союза *like*; слов, называющих часть тела, *eyes* и её характеристику *green*, и лексемы, отражающей отношение к объекту, *to start*:

His eyes opened. They were green like a cat's. He said softly: „Eh bien. I have thought. And you?“ Lost in their reflections, both men started violently [Christie. Murder on the Orient Express].

Область-цель – сыщик, проницательный человек; область-источник – хищник, хитрое животное. Характеристика, на основе которой осуществляется перенос, – черта характера, отражающаяся в поведении и взгляде (проницательность).

Вызванные объектом эмоции ассоциации, которые способствуют появлению страха, относим к причинам эмоции. Одной из причин страха становится обнаруженная при анализе выделенных метафор и сравнения угроза физического и ментального поражения. При изучении зооморфных фразеологизмов, отражающих маскировку хищников безобидными животными, определили следующую причину – неизвестность. Пример зооморфных фразеологизмов:

„He is no longer the wolf,“ thought Poirot. „No, he has put on the sheep's clothing. But underneath? I wonder...“ [Christie. Murder on the Orient Express].

„I think there is something wrong here,“ said Eileen Rich slowly. „It's as though there were someone among us who didn't belong.“ She looked at him, smiled, almost laughed and said, „Cat among the pigeons, that's the sort of feeling. We're the pigeons, all of us, and the cat's amongst us. But we can't see the cat.“ „That's very vague, Miss Rich“ [Christie. Cat Among the Pigeons].

Далее представим зооморфные метафоры и сравнения, выделенные при анализе репрезентации переживания эмоции страха субъектом.

Сравнение HUMAN BEING LIKE ANIMAL (dog) передается при помощи названия субъекта эмоции *dog*; союза *like*; фразового глагола *to slip away* и отражающей эмоцию конструкции *to be afraid*:

Why, I've seen him slip away like a dog with its tail between its legs when she turned on him. He was afraid of her if you like [Christie. The A.B.C. Murders].

Область-цель – трусливый, осознающий свою вину и власть над собой человек; область-источник – испугавшаяся человека / хозяина собака. Характеристики, на основе которых осуществляется перенос: поведение в момент переживания эмоции страха (попытки уйти от объекта эмоции); черты характера (трусость).

Сравнение HUMAN BEING – ANIMAL (sheep) передаётся названием животного *sheep*; предлогом *like*; прилагательным *anxious*, обозначающим эмоциональное состояние, и глаголом, отражающим поведение и невербальную экспрессию *to bleat*:

She smiled suddenly at him, a smile that invited sympathy. „She's like a sheep, you know. She gets anxious and bleats“ [Christie. Murder on the Orient Express].

Область-цель – трусливый человек, находящийся в стрессовой ситуации; область-источник – овца в опасной ситуации. Характеристики: поведение – интенсивное проявление паники, проявляющейся в голосе; черты характера – трусость, малодушие.

Сравнение HUMAN BEING LIKE ANIMAL (rabbit) объективируется при помощи названия животного *rabbit*, союза *like* и прилагательного *shivering*, передающего невербальную экспрессию страха: *Here, in due course, Lawrence was*

confronted by the nervous Gladdie whom he described as more like a shivering rabbit than anything human [Christie. Murder at the Vicarage]. Область-цель – кроткий трусливый человек; область-источник – кролик. Характеристики: поведение – паника, проявляющаяся в дрожи тела; черта характера – трусость.

Сравнение HUMAN BEING LIKE ANIMAL (bird) и метафора HUMAN BEING – ANIMAL (bird) получают объективацию при помощи существительного *bird*; единиц, указывающих на поведение человека в ситуации, вызывающей эмоцию страха: *to be quiet, to sit huddled, to dash against, to crouch, to stare, to look dazed*, и слов, называющих эмоциональное состояние: *terrified, frightened*:

Put on a couple of men to watch this Camden Town address, but I don't want our bird frightened... [Christie. Ten Little Niggers].

Vera Claythorne was very quiet. She sat most of the time huddled in a chair. Her eyes stared ahead of her into space. She looked dazed. She was like a bird that has dashed its head against glass and that has been picked up by a human hand. It crouches there, terrified, unable to move, hoping to save itself by its immobility [Там же].

Область-цель – жертва, находящаяся в непосредственной опасности; область-источник – птица в ловушке. Характеристики: черта характера (слабость); состояние – интенсивно проявляющаяся во взгляде и поведении паника, вызванная беспомощностью.

Метафора HUMAN BEING – ANIMAL (wild animal) объективируется в обозначении части тела субъекта эмоции *animal eyes*; в передаче невербальной экспрессии страха *eyes go from side to side* и в лексеме *terrified*, называющей эмоциональное состояние:

Frank Carter pulled at his lip. His eyes went from side to side, terrified frankly animal eyes [Christie. One, Two, Buckle My Shoe].

Сравнение HUMAN BEING LIKE ANIMAL (wild animal) выражается с помощью названия субъекта эмоции *animal*, союза *like* и описания невербальной экспрессии страха *to shoot nervous glances, a wary look*:

The big Italian had a wary look in his eye as he came in. He shot nervous glances from side to side like a trapped animal [Christie. Murder on the Orient Express].

В указанных выше метафоре и сравнении выделяются область-цель – независимый чело-

век, попавший под власть непреодолимых обстоятельств и тем самым ограниченный в действиях, и область-источник – животное, попавшее в ловушку. Характеристики: состояние – растерянность, отражающаяся во взгляде внутренне проявляющаяся паника; черты характера – независимость, свободолюбие.

Осмысление сыщика как охотника, а преступника как его добычи передаётся с помощью совместного употребления в предложении сравнения HUMAN BEING LIKE ANIMAL (cat) и метафоры HUMAN BEING – ANIMAL (mouse), которые объективируются в сочетании существительных *cat, mouse* с глаголом *to pounce on* и с помощью двух метафор HUMAN BEING – ANIMAL (dog) и HUMAN BEING – ANIMAL (rabbit), которые выражаются в сочетании существительных *dog, rabbit* с глаголом *to see*: *The dog, "Hercule Poirot thought in confused idiom, "has seen the rabbit!"* [Christie. One, Two, Buckle My Shoe].

Poirot leant forward. He was like a cat pouncing on a mouse. „Whose, then?“ The girl drew back a little, startled [Christie. Murder on the Orient Express].

Метафорическое осмысление в одном из романов Агаты Кристи получает традиционная британская забава «Охота на лис»:

„And catch a fox / And put him in a box / And never let him go“ „And catch a fox and put him in a box and never let him go!“ repeated Poirot. Poirot looked at me in mild surprise. „It's because you told him his crime was not sporting,“ I gasped [Christie. The A.B.C. Murders].

В данном примере лиса (fox) осмысливается как субъект эмоции, а человеком, осмысливающимся как объект эмоции, является охотник (hunter). Выявляется следующая пара метафор HUMAN BEING (victim) – ANIMAL (fox) и HUMAN BEING (murderer) – HUMAN BEING (hunter), среди которых только первая относится к зооморфной.

Особенность переживания эмоции страха получает отражение в характеристиках, на основе которых были созданы рассмотренные выше метафоры: проявляющаяся внутренне и внешне в невербальной экспрессии: во взгляде, голосе, дрожи, в нарушении логичности мышления, и как следствие, в иррациональном поведении – паника. Расстройство мышления получает объективацию также в выделенном сравнении THOUGHTS LIKE SQUIRRELS. Это сравнение отражается в сочетании существительных

thoughts, squirrels с союзом *like* и глаголом *to run*:

Six people, all outwardly self-possessed and normal. And within? Thoughts that ran round in a circle like squirrels in a cage... „What next? What next? Who? Which?“ [Christie. Ten Little Niggers].

Область-цель – мышление; область-источник – белки в клетке. Характеристика – путаница, смятение, паника.

Таким образом, были рассмотрены используемые в детективах Агаты Кристи зооморфные метафоры, сравнения и фразеологизмы, которые употребляются для репрезентации характеристик объекта и субъекта эмоции страха, отношения между субъектом и объектом эмоции, причины и особенностей переживания эмоции.

Анализ описания объектов эмоции страха позволил выявить зооморфные метафоры HUMAN BEING – ANIMAL (wild animal), HUMAN BEING – ANIMAL (wolf) и сравнение HUMAN BEING LIKE ANIMAL (cat), которые отражают следующие характеристики объектов, вызывающих страх: злость, жестокость, пронизательность. При изучении выделенных зооморфных фразеологизмов, а также метафор и сравнений, отражающих особенности объектов эмоции, выделили причины возникновения эмоции страха – физическое и ментальное поражение, неизвестность. Рассмотрев репрезентацию переживаний эмоции страха, переданную при помощи зооморфных сравнений HUMAN BEING LIKE ANIMAL (dog), HUMAN BEING LIKE ANIMAL (sheep), HUMAN BEING LIKE ANIMAL (rabbit), HUMAN BEING LIKE ANIMAL (bird), HUMAN BEING LIKE ANIMAL (wild animal) и зооморфных метафор HUMAN BEING – ANIMAL (bird), HUMAN BEING – ANIMAL (wild animal), определили следующие черты характера субъектов эмоции: трусость, малодушие, слабость, независимость. С помощью выявленных в основе формирования указанных выше метафор характеристик и с помощью анализа метафоры THOUGHTS – SQUIRRELS, отражающей мыслительные процессы в стрессовой ситуации, определили, что одной из основных особенностей переживания эмоции страха в романах является внутренне и внешне проявляющаяся паника.

Можно отметить, что в рассмотренных детективных романах Агаты Кристи объекты, к которым относится как преступник / подозреваемый, так и сыщик, сравниваются с хищниками. Субъекты, жертвы преступления и сами преступники по отношению к сыщику, как правило, сопоставляются с жертвами хищников или охотников. Процесс расследования преступления, как

и процесс самого преступления, часто метафорически осмысливается как процесс охоты, в котором хищники внушают страх своим жертвам.

В заключение укажем, что выявленные в результате изучения зооморфной лексики, объективирующей концепт «fear» в детективных романах Агаты Кристи, свойства компонентов эмоционального концепта отражают некоторые сюжетные особенности рассматриваемых произведений.

Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00372)

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. Белгород. 2017. № 2. С. 50–73. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29368931> (дата обращения: 20.10.2021).

Бабина Л. В., Долгова Е. В. Когнитивные модели сравнения при формировании семантики английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов. 2021. № 1. С. 39–46.

Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург. 2000. 190 с. URL.: <http://philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (дата обращения: 20.10.2021).

Гридина Т. А. Коновалова Н. И. Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург. 2009. С. 73–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18833477> (Дата обращения: 07.10.2021).

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт. 2000. с. 1536. URL: <http://bookre.org/reader?file=490084&pg=1537> (дата обращения: 07.10.2021).

Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС. 2004. 256 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/lakoff_dzh_dzhonson_m_metaforoy_kotorymi_my_zhivem/17-1-0-410 (дата обращения: 05.10.2021).

Christie A. Murder at the Vicarage. URL: https://celz.ru/agatha-christie/page,14,33633-murder_at_the_vicarage.html (дата обращения: 05.09.2021).

Christie A. Murder on the Orient Express. URL: http://detective.gumer.info/anto/christie_8_2.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

Christie A. The A.B.C. Murders. URL: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/The_ABC_Murders.html#0 (дата обращения: 21.09.2021).

Christie A. Ten Little Niggers. URL: <https://thefreeonlinenovel.com/bi/ten-little-niggers> (дата обращения: 29.09.2021).

Christie A. One, Two, Buckle My Shoe. URL: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/One_Two_Buckle_My_Shoe.html#0 (дата обращения: 03.10.2021).

Christie A. Cat Among the Pigeons. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=209669> (дата обращения: 08.10.2021).

References

Alefirenko, N. F. (2017). *Frazemosemiozis kak process lingvokreativnogo myshle-niia* [Phrasemosemiosis as a Process of Linguocreative Thinking]. *Izvestiia Iuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 2, pp. 50–73. Belgorod. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29368931> (accessed: 20.10.2021). (In Russian)

Babina, L. V., Dolgova, E. V. (2021). *Kognitivnye modeli sravneniya pri formirovanii semantiki anglijskih frazeologizmov s komponentom-zoonimom*. [Cognitive Models of Comparison in the Formation of Semantics of English Phraseological Units with a Zoonym Component]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 1, pp. 39–46. Tambov. (In Russian)

Christie, A. *Murder at the Vicarage*. URL: https://celz.ru/agatha-christie/page,14,33633-murder_at_the_vicarage.html (accessed: 05.09.2021). (In English)

Christie, A. *Murder on the Orient Express*. URL: http://detective.gumer.info/anto/christie_8_2.pdf (accessed: 15.09.2021). (In English)

Christie, A. *The A B C Murders*. URL: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/The_ABC_Murders.html#0 (accessed: 21.09.2021). (In English)

Christie, A. Ten Little Niggers. URL: <https://thefreeonlinenovel.com/bi/ten-little-niggers> (accessed: 29.09.2021). (In English)

Christie, A. One, Two, Buckle My Shoe. URL: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/One_Two_Buckle_My_Shoe.html#0 (accessed: 03.10.2021). (In English)

Christie, A. Cat among the Pigeons. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=209669> (accessed: 08.10.2021). (In English)

Glazunova, O. I. (2000). *Logika metaforicheskikh preobrazovanii*. [The Logic of Metaphorical Transformations]. St. Petersburg, p. 190. URL: <http://philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> (accessed: 20.10.2021). (In Russian)

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2009). *Natsional'no-kul'turnaia spetsifika zoomorfnykh metafor: eksperimental'nye dannye* [National-Cultural Specificity of Zoomorphic Metaphors: Experimental Data]. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*. Ekaterinburg, pp. 73–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18833477> (accessed: 07.10.2021). (In Russian)

Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. P. 1536. St. Petersburg, Norint. URL: <http://bookre.org/reader?file=490084&pg=1537> (accessed: 07.10.2021) (In Russian)

Lakoff, G., Dzhonson, M. (2004). *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS. p. 256. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/lakoff_dzh_dzhonson_m_met_afor_kotorymi_my_zhivem/17-1-0-410 (accessed 05.10.2021). (In Russian)

The article was submitted on 07.11.2021
Поступила в редакцию 07.11.2021

Чуксина Евгения Александровна,
аспирант,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина,
392036, Россия, Тамбов,
Интернациональная, 33.
evgeniyach96@yandex.ru

Chuksina Evgeniya Aleksandrovna,
graduate student,
Derzhavin Tambov State University,

33 Internatsionalnaya Str.,
Tambov, 392036, Russian Federation.
evgeniyach96@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-143-149

УДК 821.512.145

ОБРАЗ ВРАЧА В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Гульсая Аксой

THE IMAGE OF A DOCTOR IN MODERN TATAR LITERATURE

Gülise Aksoy

Currently, the next wave of culture medicalization, associated with the pandemic, has begun to vividly manifest itself with increasing attention to medicine and to the profession of a doctor. The article systematizes the material on the typology of the doctor images in Tatar literature. The study is based on the works created in the 20th–21st centuries. The image of a doctor is found in the literary works of different genres (poetry, epic, drama) and is most often developed by writers in a romantic way. By virtue of the profession, in the plots of the works, the doctor frequently appears during a crisis, in borderline situations, on the verge of life and death. The writers create the portrait of a doctor by depicting their professional activity, therefore an important place is given to the chronotope of the hospital and home. Masters of the word praise the doctors' selfless work in the name of saving lives and health of their patients. They care not only about the health of the patients' bodies, but also about the state of their souls. The medical topic is widely revealed in the works of the writers of the post-war decades. In these works, the images of doctors are closely connected with the world of literature and music. Most often, their activities are presented as art under the guise of heroism and self-sacrifice.

Keywords: Tatar literature, image of a doctor, G. Kutui, A. Gilyazov, R. Mannan, M. Gilyazov, R. Mukhina.

В настоящее время стала рельефно проявляться очередная волна медиализации культуры, связанная с пандемией, наблюдается повышенное внимание к медицине, к профессии врача. В статье систематизирован материал по типологии образа врачей в татарской литературе. Материалом для исследования послужили произведения, созданные в XX–XXI вв. Образ врача встречается в произведениях, принадлежащих к разным родам литературы (поэзия, эпос, драма). Доказано, что образ врача чаще всего разрабатывается писателями в романтическом ключе. В силу профессии врач в сюжете произведений чаще всего появляется в кризисной, пограничной ситуации на грани жизни и смерти. Портрет врача создается писателями через показ профессиональной деятельности, поэтому важное место отводится хронотопу больницы, дома. Художники слова воспевают самоотверженный труд врачей во имя спасения жизни и здоровья пациентов. Они заботятся не только о здоровье тела пациентов, но и о состоянии их души. Наиболее широко врачебная тема раскрывается в произведениях писателей послевоенных десятилетий. Образы врачей в произведениях тесно связаны с миром литературы и музыки. Чаще всего их деятельность раскрывается как искусство под покровом героизма и самопожертвования.

Ключевые слова: татарская литература, образ врача, А. Кутуй, А. Гилязов, Р. Маннан, М. Гилязов, Р. Мухина.

Как верно подметила исследовательница И. А. Баранова, «образ врача – не самая популярная тема в отечественном литературоведении» [Баранова, с. 186].

Знаковыми в плане врачебной тематики являются в татарской литературе два произведения: повесть А. Кутуя «Неотосланные письма» [Кутуй] и роман А. Абсалямова «Белые цветы» [Әпсәләмов].

В 1935 г. А. Кутуй в своей повести «Неотосланные письма» воссоздал биографию рядового советского врача по имени Галия: сиротское детство в сельской глубинке, студенческая юность в Казани, врачебная практика в Казани и в санатории в деревне Адрас, куда женщина уехала после развода. Ярче всего портрет врача раскрывается в эпизодах, описывающих жизнь в советской деревне. А. Кутуй описывает созидательную дея-

тельность врача по ремонту врачебного пункта, по профилактике заболеваний среди тружеников. Писатель включает ряд эпизодов из ежедневной практики врача, указывающих на положительную динамику улучшения его отношений с местными жителями. Постепенно слава о враче, настоящем профессионале своего дела, разлетается по окрестностям. К Галие приезжают больные не только из деревень, но и из Казани. Как верно подметила М. Хабутдинова, А. Кутую удалось создать полнокровный образ женщины-врача, не перегружая повесть излишней дидактичностью и риторичностью. Эпистолярная форма помогла писателю глубже раскрыть мир чувств, радости и горести, сокровенные мысли героини-врача. Литературовед обращает внимание на изменения в передаче медицинской терминологии: «вместо традиционных для татарского языка арабских заимствований „таиб“, „даруханэ“, „гаилэ“ и др. Адель Кутуй пользуется русизмами „врач“, „аптека“, „семья“» [Хабутдинова, 2013, с. 183–184].

Широкую известность в татарской литературе получил роман А. Абсалямова «Белые цветы», выдержавший более 20 переизданий на различных языках. В 1970 г. это произведение обрело популярность благодаря публикации в журнале «Роман-газета». Как верно подметил А. Дорфман, «читатели от всей души полюбили героев романа: молодых влюбленных врачей – Гульшагиду и Мансура, их верных друзей-медиков – Диляфруз и Юматшу, опытного профессора Абузара Тагирова, а также их любимых пациентов – хрупкую девушку Асию, говорливого артиста Николая Любимова, писателя Хайдара Зиннурова. В персонажах „Белых цветов“ многие узнавали себя, своих родных и знакомых. А еще догадывались, что в образе писателя Зиннурова есть что-то и от самого автора. Оно и неудивительно, ведь любимый многими роман Абдурахман Абсалямов не только задумал, но и написал, буквально лежа на больничной койке» [Дорфман].

Как отмечает А. Абсалямов в своих воспоминаниях, к образам врача он обращался и ранее, до написания «Белых цветов»: военврач Мунира из романа «Орлята», врач Катя Бушуева из романа «Газинур». В 1955 г. писатель написал очерк об агрызском враче Ахмете Айдарове [Абсалямова]. Оказавшись в больнице, А. Абсалямов познакомился с профессором Терегуловым, который впоследствии стал прототипом хирурга Абузара Гиреевича Тагирова в романе «Белые цветы». Образ врача Гульшагиды из романа из ряда собирательных. Однако современники писателя утверждают, что прототипами этого образа послужили врачи железнодорожной клиники г. Казани Зумара Зарипова, Раиса Абдрахма-

нова. Образ героини был увековечен в песне, созданной композитором Джаудатом Файзи. Свидетельством популярности бессмертных образов врачей стало то, что роман дважды экранизировали.

Роман «Белые цветы» – яркий образец советского производственного романа, в котором увековечены трудовые будни врачей с большой буквы, настоящих профессионалов своего дела, отличающихся трепетным отношением к своим пациентам, ежедневно ведущих борьбу за их жизнь и улучшение здоровья. В работе Г. Гайнуллиной очень подробно разобрана система персонажей этого романа. Литературовед отмечает, что представление о врачах в произведении формируется через описание их профессиональной деятельности, повседневный быт, круг общения медицинских работников [Гайнуллина]. По мнению литературоведа Р. Мустафина, система персонажей организована по принципу антитезы: «Одни делают для людей все, что в их силах и даже сверх того... Другие, прикрываясь высоким и авторитетным званием советского врача, преследуют узкоэгоистические, корыстные цели» [Мустафин, с. 3].

Благодаря метафоре А. Абсалямова белые цветы стали символом врачей в Татарстане.

В творчестве А. М. Гилязова образы врачей встречаются в качестве эпизодических героев, однако несут в себе огромный гражданский потенциал (см. подр.: [Хабутдинова, 2008]). В знаменитой повести «Три аршина земли» врачи в поезде и в сельской больнице самоотверженно борются за жизнь супруги Мирвали, стараются вырвать ее из лап смерти:

«Шамсегаян лежит при смерти...

Только молодой врач сельской больницы не хочет примириться с этим. Правда, Шамсегаян, должно быть, пережила очень много тяжелого и горького. Сердце ее изношено, надорвано и уже не в силах бороться, однако он должен помочь! Смерть она безжалостна, и ее можно победить только упорной борьбой... Вся жизнь человека – это борьба со смертью... Бороться... Бороться... Так думает врач» [Гилязов, с. 25].

Таким видит деятельность врача автор легендарной повести.

Образ врача встречается в романе А. Гилязова «В чьих руках топор?»:

«Сразу оговоримся: Назип Юсупович Нургалиев в этот раз попал к настоящему врачу, мастеру своего дела. К счастью! Врач – это наделенный большими правами стрелочник, захочет, выведет тебя из туннеля к свету, захочет, прямиком отправит на кладбище.

Фаридун Фазлыев мог не только тело, но и душу врачевать» [Гыйләжев. Балта кем кулында?, с. 90].

Герой А. Гилязова всегда оставался верен себе. Он не сломался, когда коллеги-пустозвоны своими доносами загнали его в лагерь. Ф. Фазлыев был, по словам А. Гилязова, «*врачом божьей милостью*», «*белой вороной*» на фоне «*сотен недалеких тупиц, карьеристов и эгоистов в белых халатах*» [Там же].

«Он и в лагере некоторое время работал врачом. И там не растерял человеческие качества, всех, и начальников, и простых работяг, лечил одинаково, а ответ на грозный вопрос „за что меня арестовали, за какие грехи лишили справедливого места в обществе?“ нашел, лишь столкнувшись со многими судьбами, выслушав много искалеченных сердец, стремясь хоть как-то облегчить участь тысячам угнетенных, предотвратив несколько смертей. „Общество не от преступников, а от справедливых, совестливых людей хотело избавиться!“, – это умозаключение не сломило его духовно. Фаридун Фазлыев не предался унынию, а стал искренне помогать тем, чьи судьбы в одну минуту перевернулись с ног на голову – он одинаково праведно служил, подобно пророку, и виноватым, и невинным» (пер. Н. Ишмухаметова. – Г. А.) (см. подр.: [Там же, с. 89]).

Врач Ф. Фазлыев помогает Н. Нургалиеву сохранить в себе человеческое достоинство. Герой неожиданно для себя оказывается способным к подвигу, самопожертвованию: преодолев страх, он сумел добиться, чтобы этот опытный врач с больной женой получил заветную квартиру и справедливость наконец восторжествовала (см. подр.: [Хәбетдинова, с. 605–606]).

Фаридун Фазлеевич не занимает высоких должностей и не имеет званий и наград, однако о нем в городе знают многие, поэтому спешат к нему на прием.

Изучив биографии современных татарских писателей, мы обратили внимание на то, что среди них немало тех, кто по профессии врач. Это в определенной форме преломилось в их творчестве.

Одним из них является Архипов Ринат Николаевич (1946), татарский и российский поэт, создающий свои произведения на татарском и русском языках под литературным псевдонимом Ринат Маннан. Писатель выпустил два десятка книг, многие из которых адресованы детям («Ленивый стол» (2005), «Азбука Шурале» (2011), «Как сталь» (2014), «Приключения зайчонка Нани», «Красная бабочка» (2015) и др.) [Ринат Архипов].

В ряде его книг отчетливо прослеживается связь с врачебной деятельностью. После

окончания в 1974 г. Казанского медицинского университета он долгие годы работал врачом в больницах Чистополя и Казани. В 2001 г. писатель выпустил книгу для детей «Азбука доктора» [Маннан], за создание которой в 2007 году был награжден дипломом лауреата премии им. К. Насыри Министерства образования и науки Республики Татарстан. В 2003 году художник слова создает увлекательную книгу о строении человеческого тела «Анатомический театр», в 2005 году увидела свет книга об инфекционных заболеваниях «Микроб» [Ринат Архипов].

Наше внимание привлекла поэма Р. Маннана «Казанский ГИДУВ», посвященная известным казанским врачам. Для поэта Казань – «*город-труженик весомых / Достижений и побед / Город вузов и ученых / коренной интеллигент*» [Там же]. Взор автора поэмы обращен в 1920 год, когда в Поволжье полыхал огонь Гражданской войны, свирепствовал голод. Именно в эти годы корифеями медицины было сформировано 6 кафедр, составивших основу Казанского ГИДУВа. Р. Маннан дает меткие характеристики врачам, внесшим бесценный вклад в историю казанской медицины, в поэме встречается свыше двух десятков имен.

Так, Р. А. Лурия охарактеризован как «*основатель института и отличный клиницист*». В раскрытии его образа огромное место занимает эпиграф, взятый из его научного наследия: «*Медицину поистине нельзя выучить до конца и нельзя считать врачом того, кто ежедневно снова и снова не изучает ее*».

Писатель восхищается профессором В. Ф. Богоявленским: «*интеллигентность, простота, ум вселенский и земная доброта*».

С большим уважением и трепетом вспоминает Р. Маннан о хирурге А. В. Вишневском. Его личность раскрывается через эпиграф, который вобрал в себя его медицинское кредо: «*Необходимо всю жизнь работать, всю жизнь думать, всю жизнь готовиться даже к самой небольшой операции*». Автобиографический миф о талантливом хирурге включает в себя память о босоногом детстве этого астраханского паренька, юности целеустремленного студента медуниверситета, длительных занятиях в анатомичке, вдумчивой работе над научными трудами. По убеждению Р. Маннана, чтобы стать настоящим хирургом, требуется «*труд и упорство*», любовь к своим пациентам. В сакрализации труда врача огромную роль в пространстве поэмы играет описание гранитного памятника А. В. Вишневскому: через профессиональный жест хирурга воспета ежеминутная готовность врача к операциям.

Под статью профессору и его ученик – хирург П. С. Крестников, прибывший в Казань в годы войны из Чистополя. Большое внимание уделяется образу камского городка, снискавшего славу как родина химика Бутлерова, как островок безопасности в годы Великой Отечественной войны для великих русских писателей: Паустовского, Фадеева, Пастернака, Леонова, Федина, Ахматовой, Цветаевой. По мнению Р. Маннана, имя известного хирурга П. С. Крестникова занимает достойное место в галерее замечательных людей, связанных с этим городом.

Гинеколога В. С. Груздева, «*профессора от бога*», писатель прославляет за создание кафедры, ставшей «*цитом надежным для матерей*». Научный потенциал этого врача раскрывается в эпиграфе – цитате из его трудов: «*Прежний взгляд на практическую медицину как на искусство сменился новым, согласно которому медицина есть отрасль естествознания, и в ней должны господствовать те же методы, как и во всех естественно-исторических науках*».

Создавая портрет врача С. С. Зимницкого, Р. Маннан акцентирует внимание на многогранности его врачебной деятельности: «*нефролог, / кардиолог, инфекционист, / фтизиатр, пульмонолог*». В поэме цитируются строки из его стихотворений, что позволяет создать очень лиричный портрет врача, защитившего докторскую диссертацию в 28 лет.

В галерее врачей заметное место занимает образ знаменитого гематолога Н. К. Горяева. Писатель подробно раскрывает его научную методику. Р. Маннан в качестве эпиграфа использует отзыв коллег, которые отмечают скрупулезность работы Н. К. Горяева, лично выполняющего анализы. Личность врача раскрывается через его окружение: дружбу с семьями Чебоксаровых, Тергуловых. Огромную роль в раскрытии характера этого героя играет музыка. В поэме описана игра Н. К. Горяева на виолончели.

Обращаясь к образу В. М. Бехтерева, поэт описывает его бюст из серого мрамора – дань памяти таланту психиатра. Р. Маннан акцентирует внимание на лекторском даре ученого, слушать лекции которого приходил даже А. М. Горький.

Глубоко человечным получился у Р. Маннана образ профессора А. А. Агафонова, который раскрывается не только через картины его профессиональной деятельности, а предстает обладателем прекрасного баритона, радующим окружающих своим проникновенным пением, тонким ценителем русской поэзии.

Р. Маннан прославляет «*патриарха педиатрии*» Е. М. Лепского как главного борца с рахи-

том. В поэме врач предстает создателем детской клиники, ученым, детским доктором, обеспечившим детям стройную походку и твердую поступь. В эпиграфе сконцентрирована информация о его врачебной деятельности, направленной на борьбу с патологиями детского организма.

В поэме воспевается деятельность физиолога А. Ф. Самойлова, прибывшего в Казань в 1920 г. Большую роль в характеристике этого образа играют картины природы: Р. Маннан показывает глубинную взаимосвязь процессов, протекающих в мире природы, с процессами внутри организма.

Имя врача Г. А. Клячкина в пространстве поэмы неразрывно связано с образом его больницы, в которой провел последний отрезок жизни великий поэт Г. Тукай. Символом научной деятельности Г. А. Клячкина выступают в произведении книги и рукописи. Это творческое начало предстает как объединяющая сила двух гениев: татарского народного поэта и известного врача.

Вспоминая добрыми словами врача-нейрохирурга Веронику Тушнову, Р. Маннан разворачивает свой вариант ее биографического мифа, где важное место отводится литературной составляющей. Читателю явлен портрет талантливого поэта, тонкого лирика и знатока человеческой души.

Л. И. Шулутко воплощает в себе черты врача-кудесника, поставившего на ноги сотни калек после Великой Отечественной войны. Р. Маннан находит новую грань в образе Казани. Это город пятидесяти военных госпиталей, развернувших свою работу в годы войны.

Финальная глава поэмы посвящена деятельности доктора Ш. С. Каратая, связанной с медициной катастроф. Масштабность его работы подчеркнута через хронотоп, который расширяется за счет включения в систему образов скорой, автотопов, вертолетов, самолета ТУ-204.

В эпилоге Р. Маннан сравнивает ГИДУВ со Вселенной, полной славных имен замечательных врачей [Там же].

В 2019 г. М. Гилязов центральным героем своей пьесы «Живы ли вы?» сделал врача-травматолога Тамерлана. Он является представителем рода Исламовых, погрязших в пороках современного общества. Тамерлан протягивает руку помощи родственнику, оказавшемуся в критической ситуации: чтобы найти средства для его лечения от рака в Германии, продает свой «дом мечты». В пьесе отчетливо слышатся отголоски романа воспитания: герои проходят путь духовного развития. Драматург использует традиционные сюжетные архетипы спасения, противостояния, преображения, жертвенности. Тамерлан использует болезнь родственника во благо сплю-

чения разобщенной семьи. Благодаря этой критической ситуации, он преодолевает свой внутренний конфликт, избавляется от обид и гнева, встает на путь милосердия и прощения. Супруга травматолога по имени Фарида, размышляя о роли мужа в жизни районной больницы, так описывает его деятельность:

«Когда мы приехали в Заинск, Тамерлан был единственным травматологом на весь район. Дорог нормальных нет, народ сплошь садится за руль навеселе, нет порядка. Заинская дорога была дорогой смерти. Почти ежедневно на ней случались страшные аварии. Всех покалеченных везли к Тамерлану. Он денно-нощно делал операции, не зная усталости! Неделями не бывал дома! Возвращался на ненадолго, побелевший, осунувшийся, и вновь бежал на работу! Вы же ничего этого не видели!» [Гыйләжев. Исәнмесез!, с. 12].

В больнице Тамерлан показан как талантливый травматолог, готовый в критической ситуации нести ответственность за коллектив. В его чемоданчике хранятся дневники наблюдений за течением заболевания. В финале Тамерлан превращается во врача-самородка, создателя удивительной методики лечения онкологии оперативным методом.

В 2021 г. врач Равия Мухина написала пьесу «Белые цветы. Отражение», в которой нашли продолжение лучшие традиции производственной тематики. Равия Мухина посвятила свою пьесу светлой памяти профессора Раисы Шарафутдиновны Абдрахмановой и 55-летию выхода в свет романа А. Абсалямова «Белые цветы». Сюжет основан на воспоминаниях и дневниковых записях врача Асии Ильясовны. Она мечтала в детстве стать врачом, чтобы спасти жизнь отцу – фронтовику-инвалиду.

Сакрализация профессии врача достигается в пьесе благодаря включению эпизода, где описывается встреча студенток медучилища с писателем А. Абсалямовым – автором легендарного романа «Белые цветы». Во время читательской конференции юная Асия впервые узнает о своем кумире – враче медуниверситета Раисе Шарафутдиновне, послужившей прообразом Гульшагиды. Так в пьесе утверждается идеал жертвенного служения своей профессии. Равия Мухина расцвечивает свои воспоминания описанием самодетельного спектакля по мотивам романа «Белых цветов», поставленных силами студентов медучилища. Огромное значение для характеристики героини играет эпизод спасения подруги, которой студентка Асия вовремя оказала медицинскую помощь. Со знанием дела в пьесе реконструированы будни врача. Интертекстуальная

связь с легендарным романом поддерживается за счет включения в ткань пьесы легендарной песни Гульшагиды. Р. Мухиной важно подчеркнуть преемственность во врачебной практике, поэтому Асия Ильясовна в пьесе есть продолжение Раисы Шарафутдиновны. Драматург прибегает к антитезе: Асия Ильясовна – Рустем Акаев. Ее жизненное кредо в пьесе сформулировано предельно четко: *«если надежда на сохранение здоровья пациента составит всего лишь один процент, мы должны этим воспользоваться! Даже если это будет один лишь процент!»* [Мухина].

Р. Мухина в своей пьесе-посвящении, как верно подметила литературовед М. Хабутдинова, следуя традициям советского производственного романа подробно освещает деятельность врача как профессионала в рамках общечеловеческих и общенациональных ценностей, дает популярное описание врачебной практики. В развитии сюжета прибегает к документализму, детализация отличается скрупулезностью. Будни врача изложены доступно. Врач дан в тесной связи с коллективом. Система образов организована по принципу антитезы «профессионал – непрофессионал». Драматург прибегает к кинематографическому сюжету [Хабутдинова, 2021]. Спектакль режиссера Р. Аюпова прозвучал одой современным врачам, трудящимся в «красной зоне». Произведение пронизывает ностальгия по советскому прошлому.

В татарской литературе преобладает образ врача, борющегося не только за здоровье человека, но и отвечающего за смысл его существования. Татарские писатели разрабатывают образы врачей в духе чеховских традиций: на них возложена обязанность врачевать не только тело, но и душу больного. Обращение к врачебной тематике позволяет писателям и поэтам поднять важные проблемы устройства человеческого общества, характера человеческих взаимоотношений и др. В произведениях образ врача возникает, как правило, в кризисных для героев ситуациях, что позволяет авторам размышлять о жизни и смерти, совести и безнравственности, правде и лжи. В галерее врачей преобладают герои – настоящие профессионалы своего дела, готовые нести ответственность за других в самом широком смысле слова. Чаще всего эта тема в татарской литературе преподносится в романтическом ключе. Писатели воспевают ежедневный подвиг людей в белых халатах.

Список литературы

Абсалямова А. Свет неугасимый // Татарский мир. 2005. № 5. С. 2

Баранова И. А. Литература и медицина: трансформация образа врача в литературе XIX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. № 2 (8). С. 186–194.

Гилязов А. М. Три аршина земли // А. М. Гилязов Повести: Три аршина земли; В пятницу, вечером. Казань: Магариф, 2008. С. 11–70.

Дорфман А. «Белые цветы»: как больничные стены помогли писателю создать бестселлер // Аргументы и факты. 2015. 15 января.

Гайнуллина Г. Р. Городская тематика в романе Г. Абсалимова «Белые цветы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2 (36). 2014. С. 100–105.

Кутуй А. Н. Неотосланные письма. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. С. 5–63.

Маннан Р. Азбука доктора. Казань: Раннур, 2001. 40 с.

Мустафин Р. Души огонь неугасимый // Р. Мустафин Литературные портреты. Казань: Тат. кн. изд-во, 1966. С. 3–34.

Ринат Архипов (Ринат Маннан) // Srpkzn.ru: Татарстанское отделение Союза российских писателей, 2009–2014. URL: <http://www.srpkzn.ru/I/?p=139> (дата обращения 12.09.2021).

Хабутдинова М. М. «Неотосланные письма» – вершина творчества Кутуя // А. Н. Кутуй Неотосланные письма. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. С. 163–185.

Хабутдинова М. Драгоценный камень А. Гилязова // А. М. Гилязов Повести: Три аршина земли; В пятницу, вечером. Казань: Магариф, 2008. С. 233–258.

Хабутдинова М. Производственный роман на современной татарской сцене // Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, 2021. URL: https://vk.com/ifmk_kfu (дата обращения 12.09.2021).

Әпсәләмов Г. Ак чәчәкләр: Роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 510 б.

Гыйләжев А. М. Балта кем кулында? Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 320 б.

Гыйләжев М. Исәнмесез!: ике пәрдале пьеса. 41 б. // Архив ТГАТ им. Г. Камала.

Мухина Р. Ак чәчәкләр кебек. Рукопись. 40 с. // Архив ТЮЗа им. Г. Кариева.

Хәбәтдинова М. М. Аяз Гыйләжевнең 1986–1991 еллар ижатына госуми күзәтү // А. Гыйләжев Сайланма әсәрләр 6 т. 5 т. Казан: Татар. китап нәшр., 2016. Б. 582–617.

Dorfman, A. (2015). “*Belye tsvety*”: *kak bol'nichnye steny pomogli pisateliu sozdat' bestseller* [“The White Flowers”: How Hospital Walls Helped Writer to Create a Bestseller]. *Argumenty i fakty*. 15 ianvaria. (In Tatar)

Әпсәләмов, Г. (1989). *Ak chächäklär: Roman* [The White Flowers: A Novel]. 510 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Gainullina, G. R. (2014). *Gorodskaya tematika v romane G. Absaliyama "Belye tsvety"* [Urban Themes in G. Absaliyama's Novel “The White Flowers”]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2 (36), pp. 100–105. (In Russian)

Giliyazov, A. M. (2008). *Tri arshina zemli* [Three Arshins of Land]. A. M. Giliyazov Povesti: Tri arshina zemli; V piatnitsu, vecherom. Pp. 11–70. Kazan', Magarif. (In Russian)

Gyläjev, A. M. (2008). *Balta kem kulynda?* [Whose Hand Holds the Ax?]. 320 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Gyläjev, M. *Isänmesez!: ike pərdəle p'esa* [Hello !: A Two-Act Play]. 41 p. Arkhiv TGAT im. G. Kamala. (In Tatar)

Khabutdinova, M. (2008). *Dragotsennyi kamen' A. Giliyazova* [A. Gilyazov's Gem]. A. M. Giliyazov Povesti: Tri arshina zemli; V piatnitsu, vecherom. Pp. 233–258. Kazan', Magarif. (In Russian)

Khabutdinova, M. M. (2013). “*Neotoslannye pis'ma*” – *vershina tvorchestva Kutuia* [“The Unsent Letters” as the Pinnacle of Kutuya's Work]. A. N. Kutui. *Neotoslannye pis'ma*. Pp. 163–185. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khabutdinova, M. (2021). *Proizvodstvennyi roman na sovremennoi tatarskoi stsene* [A Production Novel on the Modern Tatar Stage]. Institut filologii i mezhkul'turnoi kommunikatsii Kazanskogo federal'nogo universiteta. URL: https://vk.com/ifmk_kfu (accessed: 12.09.2021). (In Russian)

Khäbetdinova, M. M. (2016). *Aiaz Gyläjevneñ 1986–1991 ellar ižatyna gosumi kyzätü* [A Review of Ayaz Gilyazov's Work from 1986 to 1991]. A. Gyläjev *Sailanma әсәрләр 6 т. 5 т.*, pp. 582–617. Kazan, Tatar. kitap nәshr. (In Russian)

Kutui, A. N. (2013). *Neotoslannye pis'ma* [The Unsent Letters]. Pp. 5–63. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Mannan, R. (2001). *Azbuka doktora* [The Doctor's ABC]. 40 p. Kazan', Rannur. (In Russian)

Mukhina, R. *Ak chächäklär kebek* [Like White Flowers]. *Rukopis'*. 40 p. Arkhiv TIUza im. G. Karieva. (In Tatar)

Mustafin, R. (1966). *Dushi ogon' neugasimyi* [The Soul's Unquenchable Fire]. R. Mustafin *Literaturnye portrety*. Pp. 3–34. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

Rinat Arkhipov (Rinat Mannan) (2009–2014) [Rinat Arkhipov]. Srpkzn.ru: Tatarstanskoe otdelenie Soiuza rossiiskikh pisatelei. URL: <http://www.srpkzn.ru/I/?p=139> (accessed: 12.09.2021). (In Russian)

References

Absaliyama, A. (2005). *Svet neugasimyi* [The Unquenchable Light]. *Tatarskii mir*. No. 5, p. 2. (In Russian)

Baranova, I. A. (2010). *Literatura i meditsina: transformatsiia obraza vracha v literature XIX veka* [Literature and Medicine: Transformation of the Image of a Doctor in the Literature of the 19th Century]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*. No. 2 (8), pp. 186–194. (In Russian)

Аксой Гульуса Габдрашитовна,
кандидат философских наук,
преподаватель,
Бартынский университет,
Турция, Бартин,
Факультет Агаджи, 54.
gaksoy@bartin.edu.tr
ORCID 0000-0003-3827-9054

Aksoy Gülüse,
Ph.D. in Philosophy,
Senior Lecturer,
Bartın University,
54 Faculty of Agadji,
Bartın, Turkey.
gaksoy@bartin.edu.tr
ORCID 0000-0003-3827-9054

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-150-156
УДК 82-992

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОГО ТРАВЕЛОГА: ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ВОЛГЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

© Мария Александрова

GENESIS OF THE SOVIET TRAVELOGUE: GUIDEBOOKS TO THE VOLGA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Maria Aleksandrova

The study of the travelogue as a historical source is carried out in the context of representation of the province artistic images, the Volga and Russia. The objects of our research are pre-revolutionary and Soviet guides to the Volga, chosen as a representative tourist destination. The factors that influenced the formation of Soviet travelogues are identified based on the comparison of the techniques of modeling the travel space in the imperial and Soviet discourse. The article discusses approaches to the study of travelogues in modern science and the history of Russian and Soviet guidebooks as a means for representing the socio-cultural space. The article examines characteristic features of guidebooks and travelogues in the early 20th century in the context of their influence on the specifics of Soviet guidebooks as phenomena of mass culture. Key trends in the development of the Soviet guide are identified: standardization, popularization of scientific knowledge, depersonification of the author, emphasis on ideologically sought-after dominants of urban space. The article highlights the interrelation of the key texts in terms of the problem under study – the guidebooks by N. Bogolyubov, A. Beschinsky, G. Moskvich, V. Gilyarovsky, A. Subbotin and P. Kritsky, revealing the general content and stylistic features of Soviet guidebooks and travelogues of the 1920s - 1930s (M. Gorky, I. Ilf, E. Petrov). We describe the role of the guidebook in creating a new system of cultural landmarks, relevant for the Soviet state and localized in the travel space.

Keywords: travelogue, Volga, Soviet culture, guidebook, travel, province.

Исследование путеводителя как исторического источника осуществляется в контексте репрезентации художественных образов провинции, Волги, России. В качестве объектов исследования представлены дореволюционные и советские путеводители по Волге, выбранной в качестве репрезентативной и значимой туристской дестинации. На основе сопоставления приемов и средств моделирования пространства путешествия в имперском и советском дискурсах выявляются факторы, повлиявшие на становление советского травелога. В статье рассматриваются подходы к исследованию травелога в современной отечественной гуманитарной науке, история развития российского и советского путеводителя как инструмента репрезентации социокультурного пространства. Исследованы черты, характерные для дореволюционного путеводителя и модернистского травелога начала XX века в контексте их влияния на формирование специфики советских путеводителей как феноменов массовой культуры. Выявлены и проанализированы ключевые тенденции в развитии советского путеводителя: каноничность, популяризация научного знания, деперсонификация автора, акцентирование идеологически востребованных доминант городского пространства. Установлена взаимосвязь и преемственность ключевых для исследуемой проблемы текстов – путеводителей и путевых очерков Н. Боголюбова, А. Бесчинского, Г. Москвича, В. Гиляровского, А. Субботина, П. Критского, выявлены общие содержательные и стилистические особенности советских путеводителей и травелогов 1920–30-х гг. (М. Горький, И. Ильф, Е. Петров). Отмечена роль путеводителя в создании новой системы культурных ориентиров, актуальных для молодого советского государства и локализованных в пространстве путешествия.

Ключевые слова: травелог, Волга, советская культура, путеводитель, путешествие, провинция.

Анализируя пространственные структуры советской повседневности, мы обращаемся к травелогам и путеводителям как к текстам, фиксирующим не только определенные досуговые

практики, но и актуальные механизмы репрезентации территорий, набор связанных с ними художественных образов. Путеводитель как текст и элемент культуры в значительной степени моде-

лирует пространство путешествия, отражая при этом специфику эпохи. В данном исследовании мы стремимся выявить истоки и предпосылки становления советского травелога, определить в какой степени он является преемником травелога дореволюционного, установить, какие факторы и тенденции повлияли на его специфику.

Волга в данном случае выступает репрезентативной локацией: во-первых, в силу наличия достаточно большого объема волжских текстов-путешествий, во-вторых, как одна из традиционных дестинаций массового туризма в Российской империи и Советской России, а в-третьих, как пример репрезентации российской провинции в наиболее всеобъемлющем ее смысле – как совокупность малых и больших городов, методов хозяйствования и практик повседневности, сочетания различных укладов и культур. Само путешествие по Волге – крупнейшей реке Европы от истока до устья – это еще и пример имперской коннотации, характерной и для царской, и для советской России.

В связи с относительно недавним появлением термина «травелог» в российском научном дискурсе, формирование общей теории травелога Нового времени является сегодня актуальной задачей. За последние 20 лет (мы ведем отсчет с актуализации данного термина в работе А. Эткинда [Эткинд]) определение травелога остается неоднозначным. В частности, В. М. Русаков, а также других ряд сибирских, пермских, тверских исследователей относят к жанру травелога широкий круг текстов о путешествиях от научных и методических до художественных произведений и медиаформатов, при этом сами описываемые путешествия могут быть как реальными, так и мысленными, вымышленными, планируемыми [Русаков]. Ряд исследователей [Милюгина, Строганов] относят травелог к документальным жанрам, другие предлагают считать травелог особым жанровым образованием, сочетающим документальность с вымыслом и другими проявлениями литературности [Пономарев]. При этом использование термина «травелог» акцентирует выход за рамки описательного географического нарратива, предполагающий идеологическую деконструкцию травелога как метатекста.

Исходя из целей настоящего исследования, представляется важным выделить в качестве ориентиров следующие определения травелога: широкое – «форма субъективно-творческого освоения действительности» [Русаков, с. 304] и более узкое – «текст, созданный по следам реальной поездки, в котором маршрут становится основным фактором, влияющим на композицию и смыслы произведения» [Пономарев, с. 563].

В этой же связи, подчеркивая, что травелог и путеводитель не являются синонимами, отметим, что ряд классификаций рассматривает путеводитель как один из видов травелога, в то время как другие авторы указывают на разграничение и даже противоположность этих понятий. Водораздел здесь можно провести по нескольким признакам: наличие фигуры автора и личной истории, наличие сюжета, систематизация материала, ориентация на целевую аудиторию и ряд других. Предполагая, что в каждом конкретном случае и временном периоде сходство и различие этих понятий будет варьироваться, отметим, что для рубежа XIX–XX веков путеводители стали актуальным феноменом массовой культуры, формируя для новой, более обширной аудитории новые практики репрезентации и освоения пространства, в значительной степени повлиявшие на формирование специфики советского травелога, ориентированного в силу ряда идеологических причин на массового читателя.

К началу XX века туризм (и в значительной степени – речной волжский круизный туризм) уже приобретает характер распространенной практики досуга для широких масс населения. Путеводитель как жанр создает необходимую интеллектуальную базу для подобных практик, предлагая туристу доступную, неглубокую, но достаточную, удобно упакованную информацию, задает ориентиры и фактически конструирует осваиваемое пространство и имидж территории из акцентируемых достопримечательностей, ценностей и смыслов. В отличие от травелога, путеводитель создает пространство упорядоченное, ранжированное, фиксируя не процесс, но заданный результат освоения территории. В соответствии с тенденциями массовой культуры он ориентирует не на осмысление и освоение, но на потребление территории.

Исследователи отмечают, что при этом, в случае с российской провинцией, развитие жанра путеводителя, заимствующего европейский опыт, во многом опережало степень и скорость развития самого пространства [Рудинская]. Зачастую именно путеводители формировали тот реестр знаковых мест и элементов исторической памяти провинциального города, который впоследствии культивировался в туристских практиках и повседневной жизни. Таким образом, предлагаемая компиляция научных и обыденных, достоверных и вымышленных фактов, письменных и устных источников, со временем превращалась в каноническую схему сжатого рассказа, бытующего в территориальном социуме и передающегося новым поколениям. Сопоставление путеводителей, изданных в середине

XIX века, с путеводителями 1910-х годов не выявило серьезных различий в содержании того, что помнили, что репрезентировали в качестве обязательного набора памятных дат и событий представители среднего класса.

При этом отметим и параллельную тенденцию: именно путеводители во многом выступали инструментом фиксации результатов активизировавшегося краеведческого движения в российской провинции, наблюдавшегося с конца XIX века. Акцентирование региональной идентичности в период либеральных реформ породило новые формы патриотичности и общественной деятельности для провинциальной интеллигенции, такие как изучение и популяризация истории. Локальные «опыты родиноведения» (мы пользуемся метким выражением ярославского краеведа Петра Критского [Критский]) становились достоянием масс именно в жанре путеводителя – как наиболее практико-ориентированной и востребованной. Значительная роль по «формированию у населения страны вдумчивого отношения к окружающему миру» в начале XX века отводится особой практике путешествия-экскурсии как форме культурного досуга и образовательной деятельности. Начиная с 1914 года в Ярославле издается первый в провинции специализированный туристский журнал «Русский экскурсант», на страницах которого публиковались методические разработки экскурсий и описания состоявшихся путешествий, предпринятых энтузиастами экскурсионного движения [Огурцов, с. 4]. Это лишь один из примеров, необходимый нам для констатации характерной тенденции периода: описание путешествия подчиняется задачам образования, воспитания, популяризации науки.

Зафиксируем и еще одну, казалось бы, очевидную, черту путеводителя начала XX века – тенденцию к деперсонализации автора. В модернистских травелогах российских акцентированы впечатления и «беглые взгляды», пространств и процесс путешествия зачастую понимается символически, метафорически. Например, для Василия Розанова в сборнике путевых очерков «Мимолетное» свидетельства провинциального быта служат частные истории, услышанные им в пути, Волга предстает «русским Нилом», наталкивая на размышления о язычестве [Грубель, с. 69–72].

Безусловно, путеводитель начала XX века, являясь феноменом массовой культуры, представляет совершенно иной текст. Однако автор заметен и здесь, он говорит с читателем, мотивирует, используя художественные образы и увлекательные сюжеты. К примеру, невзрачные детали речного пейзажа в окрестностях Костромы

становятся поводом для эмоциональных рассуждений о бурлацкой доле:

«в былые времена на этом именно камне происходило посвящение в бурлачество новичков-лямочников. Обряд посвящения был незатейлив, груб и жесток...» [Бесчинский, с. 106–107].

В иных случаях автор позволяет субъективные и даже не вполне этичные реплики. Григорий Москвич, основатель издательства «Русский Бедкер», описывая уездный город Мышкин выносит краткий приговор:

«Культуры здесь нет, так же, как и достопримечательностей. Несколько улочек и площадей утопают в грязи и вызывают томящее чувство подавляющей скуки» [Москвич, с. 115].

Путеводители начала XX века представляют удивительный сплав восторженных описаний, частных поверхностных суждений, местных легенд и точных статистических сведений вплоть до перечня прибывающих судов с указанием тоннажа и типа груза, следуя традиции, заложенной популярными путеводителями «Волга от Твери до Астрахани» братьев Н. П. и А. П. Боголюбовых [Боголюбов], «Волга и волгари» экономиста А. П. Субботина [Субботин]. В публицистике конца XIX века мы встречаем сходные тенденции: в «Очерках современной России» журналиста И. И. Колышко [Колышко] три волжские губернии – Тверская, Ярославская и Костромская – предстают в первую очередь как «пространство хозяйствования» [Милюгина, Строганов, с. 40], при этом стремление к объективности сочетается здесь с эмоциональностью и тенденциозностью, проявляющейся в выборе сюжетов и персонажей, готовности автора обнаружить заранее известные черты, «присущие» российской провинции.

Отметим, что туристические путеводители по Волге под редакцией А. Бесчинского, Г. Москвича, В. Гиляровского [Гиляровский], сами по себе неоднократно издававшиеся, нередко копировали описания энциклопедического издания М. О. Вольфа «Живописная Россия» в 12 томах, издававшееся на рубеже XIX–XX веков [Вольф]. При этом даже по сравнению с более ранними аналогами степень деперсонализации автора заметно возрастает, не говоря уже о сравнении с волжскими текстами-приключениями Александра Дюма [Dumas] и Теофиля Готье [Gautier]. В путеводителе начала XX века автор фактически занимает одну точку обзора с читателем, выступая типичным туристом – столичным жителем среднего класса, способным судить о провинции и

интересоваться ей с позиций столичного культурного опыта.

Рассмотрим, как перечисленные черты дореволюционного путеводителя трансформировались в волжских текстах первых десятилетий советской власти.

В 1925 году Волжским государственным пароходством и НКПС осуществляется выпуск издания «Поволжье. Природа. Быт. Хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой» – результата работы большого научного коллектива под ред. В. П. Семенова Тян-Шанского [Поволжье]. Оформленный как путеводитель, солидный труд с картами, схемами и таблицами преследует цель *«дать в небольшой книжке широким трудящимся массам представление об особенностях природы, быта разноплеменного населения и хозяйства Поволжья. Потребность эта никогда не ощущалась так остро, как теперь»* [Поволжье, с. 6].

Путеводитель, многократно переиздававшийся во второй половине 1920-х гг., содержит очерки о природе – от гидрологии и геологии до флоры и фауны, этнографические очерки с картами и статистикой, очерки об истории Гражданской войны на Волге и развитии Волжского пароходства, обширный справочник с расписанием и тарифами движения судов, примерные маршруты с детальным описанием средств передвижения, возможных вариантов пересадок и «бытовыми» ремарками: *«использование недельного отпуска», «остановка в Жигулях для тех, кто не боится неудобств»* [Там же, с. 625–628].

Опыт столь масштабного энциклопедического издания о Волге прямо опирается на опыт «Живописной России» Вольфа, выпускавшейся под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского. Отметим, что в авторский коллектив советского путеводителя 1925 года вошли двое его сыновей. Схема, по которой построен раздел «Маршрутные описания», базируется на традиционной структуре дореволюционных путеводителей. При этом мы можем заметить некоторую неопределенность в стиле подачи: стремление к популярности изложения в исторических экскурсах борется с сухостью и чрезмерной детализацией описания промышленного потенциала городов и некоторой клишированностью описаний архитектурных памятников.

Здесь отметим еще одну важную для нас черту. В 1920-е годы сложившийся реестр ориентиров-достопримечательностей явно нуждается в пересмотре. Так, здесь еще иногда фигурируют храмы – исключительно как *«любопытные образчики»* определенного стиля или *«исключительные памятники»* народного зодчества.

Очень интересен подход к эпизодам дореволюционной истории: здесь упоминаются князья, патриархи, отшельники как естественные и понятные читателю исторические деятели, но, как правило, скупо, бегло, без традиционных и, казалось бы, ожидаемых читателем эпитетов, характеристик, описаний. Например, по сравнению с путеводителем Бесчинского, в описании Казани нет ни дракона Зиланта, ни легенды о «Сумбекиной башне», нет даже упоминания о Иване Грозном [Там же, с. 416–423].

При этом культурная карта новой, советской истории в 1920-е годы еще переживает процесс своего оформления. В путеводителе по Волге мы отмечаем редкие памятники В. И. Ленину, К. Марксу, музей шлиссельбуржца Н. А. Морозова в Мологе. Кострома и Нижний Новгород пока еще не актуализируют народных героев Ивана Сусанина и Кузьму Минина. Даже в описании Ульяновска информация о В. И. Ленине занимает две строчки [Там же, с. 427].

Новый набор канонических мест памяти сложится уже в 1930-е годы и зафиксируется к середине XX столетия. Это отразится как в наименованиях самих волжских городов, так и в их облике. Интересно отметить, что храмы, замалчиваемые путеводителями, в это время исчезают и из реального пространства волжских городов – по крайней мере, в качестве узнаваемых доминант, а нередко и фактически.

Фиксация новых, идеологически востребованных объектов культурного пространства и корректировка традиционно сложившегося облика городов методом исключения из списка достопримечательностей значимых прежде памятников свидетельствуют о формировании стратегий и механизмов конструирования пространства путешествия.

К 1953 году в путеводителе «Волга. Магистраль пяти морей» [Волга], новая система доминант (заводские трубы, очаги советской культуры, памятник борцам революции) уже сложилась, нам заранее предустановлены имидж и миссия каждого города, выступающего соответствующим примером развития одной из отраслей народного хозяйства. Автор путеводителя, как и в издании 1925 года, деперсонифицирован (в предисловии лишь упоминаются «подготовивший текст к печати» журналист и путешественник, популяризатор географии Г. Кублицкий, архитектор Р. Якубов, научный редактор В. Покишевский [Там же, с. 4]). Текст, предлагаемый читателю, написан от лица коллектива, порывая с традицией «авторских» путеводителей Владимира Гиляровского или Григория Москвича. Автор в советском травелогe отождествляется с чи-

тателем – трудящимся советским человеком. Однако, как и в популярных дореволюционных путеводителях, предполагаемый читатель осваивает пространство провинции взглядом «из центра», с позиций столичного жителя.

Путеводитель 1953 года, многократно переиздававшийся и цитируемый в последующих изданиях середины XX века, во многом определил стиль и структуру волжского травелога советского периода. В данном контексте можно отметить, что вслед за путеводителями новые тенденции перенимают и путевые очерки. И. Ильф и Е. Петров в очерке «Ярославль перед штурмом» нивелируют прежнюю систему доминант, сравнивая купола храмов с пучком редиски, отмечают:

«Только красные колонноподобные фабричные трубы спасают городской пейзаж от налета средневековья. Пока что на каждую церковь приходится по трубе. Но пятилетка нарушит это состояние равновесия в пользу труб, а не колоколен» [Ильф, Петров, с. 8].

При этом в очерке прямо указывается на новый центр города – фабрику «Красный Перекоп», где отныне происходят все актуальные события городской жизни: город Ярославль находится сейчас не в городе Ярославле, а по соседству... Купцы не строили там церквей (одна-две – и обчелся). И портфеленосцев там немного. Город этот – «„Красный Перекоп“, текстильная фабрика, одна из самых больших в Советской стране» [Там же, с. 9]

Максим Горький в цикле очерков «По Союзу Советов» [Горький], публиковавшемся в журнале «Наши достижения» в течение 1929 года, фактически использует приемы путеводителя, строя повествование по универсальному для каждой локации шаблону «прибытие – воспоминание – беседа с местными жителями – вывод», используя характерные для советского травелога оппозиции «тогда vs. теперь», «стихийно vs. сознательно». Важнее и то, что сам автор (несмотря на известность) здесь также исчезает как физический, телесный субъект путешествия, сливаясь с коллективным читателем – советским человеком. Еще одно важное наблюдение исследователь данного цикла очерков А. Гуски делает в отношении процесса конструирования пространства: реальность пространства путешествия поглощается пространством воспоминания и потенциальной возможности [Гуски, с. 179]. По выражению М. Балиной, «в травелогах 1930-х годов путевой хронотоп продолжает служить организационным элементом жанра, но перестает быть его структурной основой. В путевом очерке те-

перь все подчинено одному мифу – мифу творения» [Балина, с. 898].

В 1930-е годы «литература факта» уступает место описанному процессу творения мифа. Вместе с тем, уже в заключение, отметим и еще один аспект: краеведческий, научно-популярный контекст путеводителя как инструмента сохранения культурной памяти вновь выйдет на первый план уже во второй половине XX века, на долгое время определив содержание путеводителей и советских травелогов – от путешествия Юрия Бычкова и Бориса Носика по «Золотому Кольцу России» до масштабных серий, принимаемых издательством «Искусство» в 1960–70-е гг.

Лишь в постсоветский период путеводитель как феномен вновь переживает смену парадигм, конструируя новое пространство путешествия и предлагая новые стратегии в репрезентации социокультурного пейзажа волжского города.

Статья выполнена по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

Список литературы

- Балина М. Литература путешествий // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 896–909.
- Бесчинский А. Путеводитель по Волге. М.: Т-во И. Н. Кушнерова и К, 1903. 384 с.
- Боголюбов Н. П. Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Изд. П. О. «Самолет», 1862. 415 с.
- Волга. Магистраль пяти морей. М.: Речиздат, 1953. 486 с.
- Вольф М. О. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 1. СПб.: Тов. М. О. Вольф, 1881. 492 с.
- Гиларовский В. А. Волга. Путеводитель по городам России. М.: АСТ, 2009. 255 с.
- Горький М. По Союзу Советов // Горький А. М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 17: Рассказы, очерки, воспоминания. 1924–1936. М.: Худож. лит., 1952. С. 113–232.
- Грюбель Р. «Мимолетное»: антропологические и этнологические странствия Василия Розанова по неизвестным просторам России // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 58–82.
- Гуски А. Наставник в пути. Путевые записки Максима Горького «По Союзу Советов» // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 169–180.

Ильф И., Петров Е. Ярославль перед штурмом // Чудак. 1929. № 37. С. 8–9.

Кольишко И. И. Очерки современной России. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1887. 530 с.

Критский П. А. Наш край. Ярославская губерния. Опыт родинovedения. Ярославль: Типолитография Губернской земской управы, 1907. 309 с.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков. Вестник ТвГУ. Серия: Филология. Тверь, 2011. Вып. 3. С. 37–43.

Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса: Техник, 1905. 646 с.

Огурцов Н. Г. Цель и задачи «Русского экскурсанта» // Русский экскурсант. № 1. Ярославль, 1914. С. 3–5.

Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Под ред. проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского Л.: Изд. Волжского государственного пароходства и транспечати НКПС, 1925. 636 с.

Пономарев Е. Р. Травелог vs. Путевой очерк. Постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 562–580.

Русаков В. М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс Пи. 2013. № 12. С. 304–306.

Руцинская И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX века. М.: Ленанд, 2014. 285 с.

Субботин А. П. Волга и волгари. СПб.: Тип. В. Демакова, 1894. 160 с.

Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

Dumas A. De Paris à Astrakan, nouvelles impressions de voyage. Paris, 1865. 195 p.

Gautier T. Voyage en Russie. Paris, 1867. 293 p.

References

Balina, M. (2000). *Literatura puteshestvii* [Travel Literature]. Sotsrealisticheskii kanon. Pp. 896 – 909. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. (In Russian)

Beschinskii, A. (1903). *Putevoditel' po Volge* [Guide to the Volga]. 384 p. Moscow, T-vo I. N. Kushnereva i K°. (In Russian)

Bogoliubov, N. P. (1862). *Volga ot Tveri do Astrakhani* [The Volga from Tver to Astrakhan]. 415 p. St. Petersburg, Izd. P. O. “Samolet”. (In Russian)

Dumas, A. (1865). *De Paris à Astrakan, nouvelles impressions de voyage* [From Paris to Astrakhan, New Travel Impressions]. 195 p. Paris. (In French)

Etkind, A. (2001). *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretations of Travel. Russia and America in Travelogues and Intertexts]. 496 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Gautier, T. (1867). *Voyage en Russie* [Travel to Russia]. 293 p. Paris. (In French)

Giliarovskii, V. A. (2009). *Volga. Putevoditel' po gorodam Rossii* [Volga. Guide to the Cities of Russia]. 255 p. Moscow, AST. (In Russian)

Gorky, M. (1952). *Po Soiuzu Sovetov* [Across the Union of Soviets]. Gorky A. M. Sobranie sochinenii. In 30 volumes. Vol. 17, pp. 113–232. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Grubel, R (2010). “*Mimoletnoe*”: antropologicheskie i etnologicheskie stranstviia Vasiliia Rozanova po neizvestnym prostoram Rossii [“The Fleeting Moments”: Anthropological and Ethnological Wanderings of Vasily Rozanov in the Unknown Spaces of Russia]. Beglye vzglyady. Novoye prochteniye russkikh travelogov pervoi treti XX veka. Pp. 58–82. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Guski, A. (2010). *Nastavnik v puti. Putevyye zapiski Maksima Gor'kogo “Po Soyuzu Sovetov”* [Mentor on the Way. Travel Notes of Maxim Gorky “Across the Union of Soviets”]. Beglye vzglyady. Novoye prochteniye russkikh travelogov pervoi treti XX veka. Pp. 169 – 180. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Ilf, I., Petrov, E. (1929). *Iaroslavl' pered shтурмом* [Yaroslavl before the Assault]. Chudak. No. 37, pp. 8–9. (In Russian)

Kolyshko, I. I. (1887). *Ocherki sovremennoi Rossii* [Essays on Modern Russia]. 530 p. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za. (In Russian)

Kritskii, P. A. (1907). *Nash krai. Iaroslavskaiia guberniia. Opyt rodinovedeniia* [Our Land. Yaroslavl Province. Homeland Studies Experience]. 309 p. Iaroslavl, Tipolitografiia Gubernskoi zemskoi uprav. (In Russian)

Miliugina, E. G., Stroganov, M. V. (2011). *Printsipy izucheniia “tverskikh” travelogov XVI–XX vekov* [Principles of Studying “Tver” Travelogues of the 16th–20th Centuries]. Vestnik TvGU. Series, Philology. Tver. No. 3, pp. 37 – 43. (In Russian)

Moskvich, G. G. (1905). *Illustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Volge* [Illustrated Practical Guide to the Volga]. 646 p. Odessa, Tekhnik. (In Russian)

Ogurtsov, N. G. (1914). *Tsel' i zadachi “Russkogo ekskursanta”* [Purpose and Objectives of the “Russian Excursionist”]. Russkii ekskursant. No. 1, pp. 3 – 5. Iaroslavl. (In Russian)

Povolzh'e. Priroda, byt, khoziaystvo. Putevoditel' po Volge, Oke, Kame, Viatke i Beloi (1925) [Volga Region. Nature, Everyday Life, Economy. Guide to the Volga, Oka, Kama, Vyatka and Belaya]. Ed. prof. Semenov-Tian-Shanskii V. P. 636 p. Leningrad, izd. Volzhskogo gosudarstvennogo parokhodstva i transpечати NKPS. (In Russian)

Ponomarev, E. R. (2020). *Travelog vs. Putevoi ocherk. Postkolonializm rossiiskogo izvoda* [Travelogue vs. Travel Sketch. Postcolonialism of the Russian Version]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. No. 6 (166), pp. 562–580. (In Russian)

Rusakov, V. M. (2013). *Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga* [Diversity of Types and Genres of a Travelogue]. Diskurs Pi. No 12, pp. 304–306. (In Russian)

Rutsinskaia, I. I. (2014). *Putevoditel' kak fenomen massovoi kul'tury. Obrazy rossiyskikh regionov v*

provintsial'nykh putevoditelyakh vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka [Guidebook as a Phenomenon of Mass Culture. Images of Russian Regions in Provincial Guidebooks of the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries]. 285 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

Subbotin, A. P. (1894). *Volga i volgari* [The Volga and the Volgars]. 160 p. St. Petersburg, Tip. V. Demakova. (In Russian)

Volf, M. O. (1881). *Zhivopisnaia Rossiia* [Picturesque Russia]. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T. 1. 492 p. St. Petersburg, Tov. M. O. Volf. (In Russian)

Volga. Magistral' piati morei (1953) [The Highway of Five Seas] 486 p. Moscow, Rechizdat. (In Russian)

The article was submitted on 15.09.2021

Поступила в редакцию 15.09.2021

Александрова Мария Вячеславовна,
кандидат исторических наук,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
150000, Россия, Ярославль,
Республиканская, 108/1.
msheleh@mail.ru

Aleksandrova Maria Vyacheslavovna,
Ph.D. in History,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
108/1Respublikanskaya Str.,
Yaroslavl, 150000, Russian Federation.
msheleh@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-157-161
УДК [821.111 – 94 (073)] (091)

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ ПОЛА ОСТЕРА «4321»

© Марина Бронич

HISTORICAL REALITIES IN PAUL AUSTER'S NOVEL "4321"

Marina Bronich

The paper discusses the various methods Paul Auster employs to incorporate historical, social and political realities – invariably having an important role to play in all his works – into his recent novel “4321”, constructed as a genre fusion between a family saga and Bildungsroman. Whatever the narrator tells about his family is meticulously dated and referenced with the facts and flow of American history in the first half and the middle of the 20th century. Auster explores various ways to combine documentary and fictional narratives. Thus, social and political context can be given occasionally as a summary list of newspaper headlines or as a diary kept by a reporter who witnesses and takes part in the described events, doing so either as a private citizen or as an accredited member of the press. The form of representation invariably offers highly personal perspectives on what is happening that multiply and come together to form a bigger picture of the world in action. Auster persistently emphasizes the fictional status of his work by casting characters from his previous novels as actual participants in historical events, demonstrating the important postmodernist concepts of inseparably entwined literature and reality, the blending of incompatibilities, the universality of Text and its game-playing modus.

Keywords: Paul Auster, family saga, Bildungsroman, postmodernism, historical realities, diary.

В статье рассматриваются различные способы включения исторических и социально-политических реалий, которые всегда играли существенную роль в книгах Пола Остера, в текст его последнего романа «4321», соединяющего жанровые черты семейной хроники и романа воспитания. Все, что рассказывает повествователь о своей семье, скрупулезно датируется и соотносится с историческими фактами, с ходом истории страны первой половины XX века. Автор ищет различные способы сочетания документального и вымышленного. События общественно-политической жизни преподносятся то в виде газетной хроники кратким перечислением, то в форме дневника репортера, очевидца и участника событий, то как частного лица, то как аккредитованного журналиста. Каждая форма репрезентации предлагает субъективное мнение, из множества которых складывается общая картина происходящего. Остер настойчиво подчеркивает официальный статус своего текста как вымысла и включает в качестве действующих лиц исторических событий героев своих предыдущих романов, тем самым демонстрируя существенные для литературы постмодернизма принципы единства литературы и реальности, совмещения несовместимого, универсальности и игрового модуса Текста.

Ключевые слова: Пол Остер, семейная хроника, роман воспитания, постмодернизм, исторические реалии, дневник.

В романном мире Пола Остера, несмотря на обилие фантастических ситуаций, неправдоподобных сюжетных ходов, исторические и социально-политические реалии всегда играли существенную роль, подтверждая тезис писателя о том, что роман как форма способна адекватно выражать не только внутренние, но и внешние конфликты автора со временем и миром [Auster, 1992, с. 289]. Судя по эволюции творчества Остера, внешние конфликты явно нарастают, конкретизируются и постепенно обретают обстоятельное, достоверно реалистическое воплоще-

ние. В ранних романах «Нью-Йоркской трилогии» (1987) или «В стране последних вещей» (1987) враждебный мир предстает в обобщенной форме либо как агрессивный мегаполис, превращающий людей в призраки, либо как распадающаяся цивилизация, разрушающая человеческую сущность. В романах 1990–2000-х гг. зло мира получает частичную определенность: война во Вьетнаме («Храм Луны», 1989; «Левиафан», 1992), ужасы Дахау («Пророческая ночь», 2002), иракская война («Человек во тьме», 2008), а противостояние миру выливается в расовые кон-

фликты и студенческие волнения 1968 года («Невидимое», 2009) или в столкновения с полицией («Сансет Парк», 2010). Но ни одна книга Остера не может соперничать по широте, масштабности и детализации изображения исторического фона с его последним по времени написания романом «4321» (2017), над которым автор работал почти семь лет.

В романе соединяются жанровые черты семейной хроники и романа воспитания, где рассказывается в четырех вариантах о сложном процессе становления героя Арчи Фергусона от первых детских впечатлений до трагического финала в трех случаях и создания автобиографической книги четвертого Фергусона, которая получила название «4321». В основу композиции книги положены фрагментарность и принцип симультанности, позволяющие использовать параллелизм ситуаций для сравнительного показа синхронных этапов жизни четырех Фергусонов, тесно связанных с историей семьи и историей страны. Каждый из семи разделов книги разделен на четыре главы, в которых синхронно с нарочито избыточными деталями воспроизводятся этапы жизни четырех Фергусонов: детство, отрочество, юность, достижение зрелости. Судьба Фергусонов складывается по-разному: Фергусон-1 становится журналистом, но сгорает во время пожара, не успев написать свой главный репортаж, Фергусон-2 погибает в тринадцатилетнем возрасте во время грозы, а Фергусон-3 попадает под колеса автомобиля, и только Фергусон-4 осуществляет свое жизненное предназначение – становится писателем. Каждый из Фергусонов наделен чертами творческой личности: склонностью к саморефлексии, способностью наблюдать и сопоставлять увиденное, характерной памятью, удерживающей мельчайшие подробности пережитого, богатой фантазией и удивительной восприимчивостью к явлениям социальным и политическим. Все, что рассказывает повествователь о своей семье, о жизни фергусоновского клана тщательно датируется, связывается с историческими событиями, большими и малыми, определяющими жизнь Америки первой половины XX века.

Дед героя, родоначальник Фергусонов, как и многие другие евреи из черты оседлости Российской империи, прибывающие в Америку в самом начале XX века, чтобы попытаться счастья на другом континенте, отчаянно боролся за выживание, работая разнорабочим, матросом, смотрителем за животными в гастролирующем цирке, водителем грузовика, землекопом, ночным сторожем, и был застрелен во время ограбления склада, который он охранял. Его осиротевшие сыновья росли в

тяжелые годы Великой депрессии, раз и навсегда внушившей им непреложный закон жизни: либо работай, либо голодай. Арчи, родившийся, как и Остер, в 1947 году, черпал сведения о тех далеких временах из отрывков разговоров старших, из полудостоверных историй, которые рассказывали его тетюшки, из многозначительных намеков, которыми порой обменивались на семейных сборищах родственники. Благодаря подчеркнутому элементу недосказанности и неопределенности, повествование об истории семьи приобретает оттенок легендарности, присущий преданию. В то же время совершенно очевидные семейные события или их последствия, как, например, брак родителей Арчи, получают точную историческую локацию, хотя иронические обертоны указывают на дистанцирование рассказчика от происходящего:

«It was late January 1944. In Russia, the nine-hundred-day siege of Leningrad had just ended; in Italy, the Allies were pinned down by the Germans at Monte Cassino; in the Pacific, the American troops were about to launch an assault on the Marshall Islands; and on the home front, at the edge of Central Park in New York City, Stanley was proposing marriage to Rose» [Auster, 2017, c. 16].

Герой во всех своих ипостасях вовлечен в диалог со временем, с детства вглядываясь в окружающий мир и его бесконечные метаморфозы. По мере взросления всех четырех Фергусонов идет процесс конкретизации исторических реалий. Для пятилетнего Фергусона-3 война в Корее обернулась необходимостью изображать горе, которое он не чувствовал, в связи с гибелью злокозненного кузена Эндрю. А первое столкновение шестилетнего Фергусона-2 с внешним миром бомб и войн было похоже на удар ниже пояса. Эмоциональный рассказ старшей кузины Фрэнси о процессе над Розенбергами вдребезги разрушил его безмятежное существование, заставив осознать меру собственного невежества, жажду знания и потребность активного участия в делах внешнего мира. Когда шестью годами позже он начинает в школе издавать собственную газету, в ней, наряду со спортивными новостями, интервью на волнующие его ровесников темы, появляются леворадикальные комментарии политических событий как выражение позаимствованных у мужа кузины Фрэнсис тезисов «*about the Cold War, the blacklist, the Red Scare, and the unhinged anti-communism that drove American foreign policy, which had led the State Department into supporting vicious, right-wing dictatorships all around the world, especially in Central and South America...*» [Там же, с. 160]. Тринадцатилетний

Фергусон-1 по новостным сообщениям начинает отслеживать политическую карьеру Джона Кеннеди, который представляется ему человеком, способным изменить мир, живущий по законам холодной войны и гонки вооружений.

Документальное выступает как личное свидетельство. Согласно П. Рикеру, свидетельства представляют собой основополагающую структуру перехода от памяти к истории [Рикер, с. 44]. В этом смысле и жанр семейной хроники, и жанр романа воспитания как повествования о событиях, произошедших во времени, «структурируют память, выполняющую функцию свидетельства об этих событиях» [Там же, с. 7]. Поставленная П. Рикером проблема соотношения вымысла и исторической правды или, по выражению исследователя, памяти, которая повторяет, то есть документальной истории, и памяти, которая воображает, то есть вызывает прошлое в виде образов [Там же, с. 49], в романе Остера представлена во всей сложности.

История жизни Арчи Фергусона, хотя и вырастает на автобиографической основе, подчеркнуто вымышлена, что акцентируется принципом вариативности повествования, но не только. Маленького Фергусона-2, сломавшего ногу, преследует мысль о вероятных путях развития ситуации: как сложилась бы его судьба, будь у него другие родители, упал он с другого дерева, будь он другим мальчиком и т. д. Фергусон-4 пытается представить возможную жизнь в другом семейном окружении, в другой бытовой обстановке. Однако вымышленный герой формируется и действует в реальных исторических обстоятельствах. Фергусон, как представитель поколения, чьи студенческие годы пришлись на «критическое десятилетие» Америки, ввергнут в водоворот истории. Склонный к саморефлексии герой, подобно джойсовскому Стивену Дедалусу, воспринимал ситуацию в виде серии концентрических кругов.

«The outer circle was the war and all that went with it: American soldiers in Vietnam <...> napalm, burning villages <...> escalation, pacification <...> The second circle represented America, the two hundred million on the home front: the press <...> the antiwar movement <...> the Black Power movement, the counterculture movement <...> the Silent Majority. The third circle was New York which was almost identical to the second circle but more immediate, more vivid <...> The fourth circle was Columbia, Ferguson's temporary abode ... no longer walled off from the big world outside it <...> The fifth circle was the individual <...> the person who was himself» [Auster, 2017, с. 632–633].

Завершает эту подробную схему универсума осознание героем своей неразрывной связи не только с пространственно близкими, но и далекими событиями внешнего мира, которые изображаются в романе с опорой на документ.

Автор ищет различные способы сочетания документального и вымышленного. События общественно-политической жизни преподносятся то в виде газетной хроники кратким перечислением, то в форме дневника репортера, очевидца и участника событий, то как частного лица, то как аккредитованного журналиста, но неизменно предлагающего субъективное мнение, из множества которых складывается общая картина происходящего. Все четыре Фергусона причастны журналистике, все четверо с детства заворочены властью слова. Фергусон-1 начинает еще в юности подрабатывать в местной газете обозревателем школьных спортивных событий, затем становится членом редколлегии «Спектейтора» («Columbia Daily Spectator»), реально существовавшей периодической студенческой газеты Колумбийского университета, и, в конце концов, выбирает жизненный путь профессионального журналиста. Фергусон-2 в одиннадцать лет, следуя традиции персонального журнализма, издает многопрофильную газету. Фергусон-3 пробует свои силы в кинокритике, а затем в жанре автобиографии, а Фергусон-4 еще в четырнадцатилетнем возрасте, написав повесть, осознал свое писательское призвание, хотя время от времени ему приходилось печатать книжные обзоры в периодике.

Жажда творчества, которая владеет всеми Фергусонами, приводит их поначалу в журналистику, хотя каждый из них мечтает о большой литературе. Журналистика увлекает их фактографичностью, но прежде всего возможностью ощутить причастность к стремительно меняющемуся миру. Автор, сравнивая журналистику и литературу, видит в них соотношение Текста и произведения: множественности, противоречивости, бессистемности газетной информации противостоит единство смысловой интенции архитектурного целого. На этом противопоставлении-сопоставлении построен весь роман, внутренний механизм которого неожиданно обнаруживается в рассуждениях юного Фергусона-2:

«Books moved forward in a straight line from beginning to end, whereas newspapers were always in several places at once, a hodgepodge of simultaneity and contradiction, with multiple stories coexisting on the same page, each one exposing a different aspect of the world, each one asserting an idea or a fact that had nothing to do with the one that stood beside it ...» [Там же, с. 151].

Недолговечность, быстротечность и всеохватность газетных новостей соответствуют текущести, стремительности и хаотичности происходящих событий. Журналистика и литература традиционно по-разному описывали один и тот же мир, и, хотя технологии современных СМИ позволяют «документально» воспроизводить события, которые никогда не случались, или факты и явления, которых никогда не было, герой Остера жестко разделяет сферы вымысла и достоверности, о чем свидетельствует прежде всего история Фергусона-1, официально аккредитованного репортера в охваченном расовыми бунтами Ньюарке 1967 года, а затем ставшего свидетелем и хроникером студенческих протестов весной 1968 года в Колумбийском университете.

В отличие от своего героя автор осознает зыбкость границы между вербализованным фактом и вымыслом и неслучайно оформляет свидетельство происходящего в форме дневника Фергусона. С одной стороны, он выступает как псевдодневник, поскольку принадлежит перу вымышленного персонажа, с другой – в нем «присутствует некий отстраненный взгляд хроникера, умеющего <...> запечатлеть время во всей его сложности и многообразии. Голос одного человека становится голосом миллионов, а дневник – не <...> „частными“ записями, но неповторимым свидетельством» [Местерхази, с. 57], тем более что регистрация событий в дневнике героя практически текстуально совпадает с официальными сведениями о произошедшем. Примечательно, что записи в этом дневнике сделаны по прошествии нескольких лет после случившегося. Фергусон восстанавливает в памяти события 1966–1968 годов, выстраивая их в хронологическом порядке и давая им оценку. Несмотря на то что и последовательность, и подлинность воссоздаваемых фактов в романе, а также действий официальных лиц, реальных участников и жертв ньюаркских расовых бунтов и студенческих беспорядков в Колумбийском университете подтверждаются имеющимися документальными свидетельствами – газетными репортажами, фотоснимками происходящего [Cruz], [Mumford, с. 125–131], легшими в основу историографического описания, официальный статус текста Остера как вымысла настойчиво подчеркивается введением в рассказ об исторических событиях персонажей предыдущих книг писателя: Дэвида Зиммера, Дэниэла Куинна, Марко Фогга, Адама Уокера, Питера Аарона.

Репрезентация исторических событий в романе демонстрирует важнейшие для литературы постмодернизма принципы смешения реальных

фактов и вымысла, совмещения несовместимого, игры с читателем, субъективизации истории. Свидетельствование героя, которое является основным способом включения исторически конкретных фактов в повествование, устанавливает ситуацию диалога. «Свидетель подтверждает перед кем-либо реальность сцены, при которой он, согласно его утверждению, присутствовал – вероятно, в качестве действующего лица или жертвы, однако в момент свидетельствования – в позиции третьего лица по отношению ко всем участникам действия» [Рикер, с. 228]. И читатель, который принимает свидетельство, может согласиться, а может и усомниться в адекватности воссозданных фактов, тем более, если принять во внимание временной промежуток между восприятием событий и их письменной фиксацией.

Жизнь Арчи Фергусона на протяжении двадцати трех лет (действие романа завершается в начале 1970 года) вместила в себя множество событий: личных драм, семейных кризисов, утрат и приобретений. В ней, как в фокусе, сошлись основные тенденции времени. Развернутые документальные описания социально-политических событий дублируются в письмах, дневниках героя, становятся предметом его рефлексии и переживаний. Причем все четыре Фергусона стараются в той или иной степени отстраниться от непосредственного участия в общественных конфликтах. Фергусон-1 участвует в антивоенных демонстрациях и освещает деятельность протестных студенческих организаций в университетской газете, как репортер становится свидетелем расовых бунтов в Ньюарке и вместе со своей матерью, фотокорреспондентом, оказывается в самой гуще событий. Но бушующие вокруг него политические споры, вспышки насилия, кровавые столкновения, «шум и ярость» бунтующих ему претят. Он мечтает целиком посвятить себя переводу французских поэтов. Фергусон-3, погруженный полностью в мир кино и книг, очень далек от того, что происходит вокруг. Фергусон-4, казалось бы, занятый, на первый взгляд, исключительно проблемами эстетического характера, поисками своих тем, мотивов, стиля, тем не менее оказывается причастным к живой истории: переводит деньги, полученные от чуждого ему отца, в фонд антивоенных организаций, бесстрашно противостоит расистам, защищая свою сводную сестру и ее черного возлюбленного, и расплачивается за это отчислением из Принстона. Все Фергусоны испытывают непреодолимую потребность перевести мир реальный в мир слов. И каждый из них по-своему в газетных статьях, кинокритицизмах, рассказах и романах воссоздает интеллектуальную и эмо-

циональную атмосферу эпохи, формирующую определенную психологию и жизненные позиции. А под пером автора складывается эпический роман воспитания, в котором изображение социально-политических процессов перерастает масштабы традиционного исторического контекста формирования героя и превращается в самодовлеющее начало. Не случайно завершает роман документальный отчет о бунте в тюрьме Аттика и политической карьере губернатора Нью-Йорка Нельсона Рокфеллера.

Список литературы

Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия: Русская версия. М., 2007. С. 18.

Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

Auster P. *The Art of Hunger*. Los Angeles: Sun & Moon Press, 1992. 312 p.

Auster P. 4321. New York: Henry Holt and Company, 2017. 866 p.

Cruz F. Columbia University 1968. URL: <http://www.columbia.edu/cu/computinghistory/1968/> (дата обращения: 17.04.21).

Mumford K. *Newark: A History of Race, Rights, and Riots in America*. New York: NYU, 2008. 320 p.

Wang T. Newark riot (1967) URL: <https://www.blackpast.org/african-american-history/newark-riot-1967/> (дата обращения: 17.04.21).

References

Auster, P. (1992). *The Art of Hunger*. 312 p. Los Angeles, Sun & Moon Press. (In English)

Auster, P. (2017). *4321*. 866 p. New York, Henry Holt and Company. (In English)

Cruz, F. (1998). *Columbia University 1968*. URL: <http://www.columbia.edu/cu/computinghistory/1968/> (accessed: 17.04.21). (In English)

Mestergazi, E. G. (2007). *Literatura non-fikshn* [Non-fiction Literature]. *Eksperimental'naia entsiklopediia: Russkaia versia*. P. 18. Moscow. (In Russian)

Mumford, K. (2008). *Newark: A History of Race, Rights, and Riots in America*. 320 p. New York, NYU. (In English)

Riker, P. (2004). *Pamiat', istoriia, zabvenie*. [Memory, History, Oblivion]. Per. s frants. 728 p. Moscow, izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. (In Russian)

The article was submitted on 10.09.2021

Поступила в редакцию 10.09.2021

Бронич Марина Карповна,
доктор филологических наук,
профессор,
Нижегородский государственный
лингвистический университет,
603155, Россия, Нижний Новгород,
Минина 31а.
mbronich@rambler.ru

Bronich Marina Karpovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Nizhny Novgorod Linguistic University,
31a Minin Str.,
Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation.
mbronich@rambler.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-162-169
УДК 821.512.145

БОГОСЛОВЫ В ТАТАРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

© Тагир Гилязов, Илшат Насипов, Рушан Шабакеев

THEOLOGISTS IN TATAR JOURNALISM IN THE EARLY 20TH CENTURY

Tagir Gilazov, Ilshat Nasipov, Rushan Shabakaev

The article studies the works, written by Fatih Amirkhan, Gayaz Iskhaki, Najip Gasri and others, which are dedicated to famous Tatar theologians. It gives a brief overview of the latest scientific monographs, devoted to the history of Tatar social and religious-philosophical thought. The subject of the research is the topics and problems of these works, as well as the principles on which the publicists based their evaluation of the contribution that theologians made to the renewal and development of the Tatar nation in the late 19th- early 20th centuries. The ideology, that prevailed in the USSR until the mid-1980s, ruled out the possibility of an objective study of huge layers of national history and culture, as well as journalism. The comprehension of this heritage on a fundamentally new basis determines the relevance and scientific novelty of the topic under study. The article also assesses the contribution of Tatar publicists to the study and promotion of these authoritative theologians' scientific works and their life paths. Our analysis of the journalistic heritage of F. Amirkhan, G. Iskhaki, N. Gasri and others has revealed that their articles were created in accordance with the concept of the cultural-historical school. The Tatar publicists believed that their work should be a means of transforming national life.

Keywords: Fatih Amirkhan, Gayaz Iskhaki, Shigabutdin Mardjani, Musa Bigiev, scientist, reform, national and religious traditions.

Статьи Фатиха Амирхана, Гаяза Исхаки, Наджипа Гасри и др., посвященные известным татарским богословам, являются объектом изучения данной работы. Дается краткий обзор последних монографических трудов ученых, посвященных истории татарской общественной и религиозно-философской мысли. Предметом исследования являются тематика и проблематика статей, а также принципы оценивания публицистами вклада богословов в обновление и развитие татарской нации в конце XIX – начале XX века. Господствовавшая в СССР до середины 1980-х годов идеология исключала возможность объективного исследования огромных пластов национальной истории и культуры, а также публицистики. Осмысление данного наследия на принципиально новой основе определяет актуальность и научную новизну темы данного исследования. В работе оценивается также вклад татарских публицистов в изучение и пропаганду научных трудов, жизненного пути авторитетных богословов. В ходе анализа публицистического наследия Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Н. Гасри и др. было выявлено, что данные статьи создавались согласно концепции культурно-исторической школы. Татарские публицисты считали, что статьи должны быть средством преобразования национальной жизни.

Ключевые слова: Фатих Амирхан, Гаяз Исхаки, Шигабутдин Марджани, Муса Бигиев, ученый, реформа, национально-религиозные традиции.

В татарской литературе до начала XX века по причине ее синкретичности художественное произведение служило средством передачи общественной и философской мысли. В эпоху Исхаки и Тукая публицистика, как и другие отрасли, выходит на самостоятельный путь развития и становится площадкой для освещения актуальных политических, социальных, экономических, философских проблем эпохи. К началу XX века появились такие именитые публицисты, как Гаяз Исхаки, Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов,

Галиасгар Камал, Габдулла Тукай, Наджип Гасри, Шариф Камал и др. В их публицистическом наследии наряду с актуальными общественными, социальными, национальными вопросами освещаются такие проблемы, как подготовка духовенства и духовно образованных мусульман, реформа исламского образования, образование национальной элиты, роль Муфтията, Духовного управления мусульман и др.

В советское время идеологические и социологические принципы в татароведении не позволяли

объективно и полно освещать жизнь и деятельность изменивших историю своего народа и своей эпохи личностей. Крайне негативное отношение к арабо-мусульманской науке и религии в новом социалистическом обществе поставило непреодолимый барьер на пути освоения поколениями советского периода научного потенциала татарского исламоведения и ориенталистики, накопленного до 1917 года. С распадом Советского Союза в свет начали выходить первые труды: «Просветление открывает свет... (Страницы из истории татарской общественной мысли)» («Мәғрифәт нуры ачар... (Татар ижтимагый фикере тарихыннан сәхифәләр)») [Абдуллин], «Марджани: ученый, мыслитель, просветитель» [Марджани: ученый...] и др. Вышли в свет десятки книг, посвященных Ш. Марджани, который своими религиозно-философскими трудами и просветительской деятельностью занимает особое место в целом поколении джадидистов конца XIX – начала XX века: «Библиотека Марджани...» [Мәржани китапханәсе...], «Марджани» [Мәржани], «Очерки Марджани о восточных народах» [Очерки Марджани...]. Публикация трудов Мусы Бигиева, размышлявшего о судьбе мусульманского мира в связи с мировыми историческими событиями, касавшимися судеб мусульманского мира, обогатила представления татарского читателя о великих личностях [Бигиев]. В очерках освещаются исторические этапы и основные течения татарской философской и общественной мысли 1000-летнего периода развития книжно-письменной культуры татарского народа [Очерки истории...], а монографический труд Л. И. Тухватуллиной посвящен исследованию процессов формирования новых представлений о человеке в татарской теологической литературе рубежа XIX–XX веков [Тухватуллина]. Был опубликован ряд статей, посвященных изучению истории мусульманских обществ, общественного движения мусульман в России, деятельности муфтия М. Султанова, религиоведа М. Бигиева, которые стали идеологами как модернизации мусульманских обществ, так и обновления общественной жизни татар ([Загидуллин], [Мухетдинов, Хабутдинов, Гимадеев] и др.).

Изданы очерки с портретами татарской интеллигенции – историков, просветителей, богословов, сыгравших большую роль в общественной жизни и истории татарской культуры XVIII – начала XX века ([Татар зыялылары], [Хабутдинов, 2003] и др.). В статье А. Хабутдинова, М. Хабутдиновой дается оценка татарской интеллигенции богословам, в частности Г. Баруди, чьи образы искажены в литературных произведениях, созданных в годы нового режима, восстанавливается историческая достоверность, объективно

оценивается их место в духовном и культурном подъеме татарского народа [Хабутдинов, Хабутдинова, 2017]. В трудах Т. Гилязова, где рассмотрена всесторонняя деятельность писателей, внесших большой вклад в возрождение татарского народа на рубеже XIX–XX вв., особое внимание уделяется их публицистическим статьям, освещающим религиозные проблемы, авторитетные личности, которые сыграли огромную роль в судьбе татарского народа ([Гыйлажев. Фатих Әмирхан...], [Гыйлажев. Татар халкының...], [Гыйлажев, XX гасыр башы...] и др.).

В научных изданиях, вышедших в последние годы, где представлено творчество Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Г. Тукая, Г. Ибрагимова и др., опубликованы статьи, посвященные Габденнасыру Курсави, Каюму Насыри, Шигабутдину Марджани, Юсуфу Акчуре, Мусе Бигиеву, Зие Камали, Садри Максуди и др. Однако особое место в этом поколении джадидистов, религиозных деятелей занимает Ш. Марджани. Обсуждение воплощения этой личности в работах татарских публицистов уместно начать со стихотворения татарского народного поэта Г. Тукая «Шигаб хазрет» (1913). *«Если надо, то скажу: он – великодушный хазрет, / Он словно полная луна – он Шигаб хазрет, / Он сделал первым шаг к образованию, / Бесценный он для нашей нации хазрет»*. – *«Кирәк булса, әйтеп бирәм: ул шәп хәзрәт, / Тулган ай күк балкып чыккан Шигаб хәзрәт, / Мәғарифкә әүвәл башлап адым салган, / Милләт өчен бәһа җитмәс кыйбат хәзрәт»*) [Тукай, с. 271]. Известно, что поэт сочинил эту оду в дни подготовки к 100-летию Шигабутдина Марджани. Философско-нравственные мысли Тукая направлены на оценку места великого ученого в национальной истории, роли великого мыслителя в судьбе татарского народа. Не только Тукай, но и его современники признают Ш. Марджани образованным ученым, человеком, изменившим ход истории. Историк татарской общественной мысли А. Хабутдинов пишет: «Современники Тукая: историки Газиз Губайдуллин, Габдельбари Баттал, Заки Валиди, писатели Фатих Амирхан и Галимджан Ибрагимов видели в Марджани прежде всего колосса – блестящего ученого, доказавшего, что татарский народ может рождать личности, вызывающие уважение во всем мусульманском мире и в Европе» [Хабутдинов, 2003, с. 18].

Известный татарский публицист Ф. Амирхан размышляет о роли отдельных личностей в историческом процессе. Поэтому целый ряд его публицистических статей посвящен лидерам нации, которые в период резких социально-общественных перемен «помогают истории

спокойно, благоприятно двигаться и ускорять то, что ей предназначено». – «тарихка булшычы, тарихның акрын гына, форсат белән генә эшләчәк эшен ашыктыручы куәтләр» [Жамал Вәлиди, с. 119] (здесь и далее перевод наш. – Т. Г., И. Н., Р. Ш.), то есть «духовным руководителям». Среди них – выдающиеся личности, подготовившие почву для возрождения религиозно-философских учений, общественной мысли татар, татарской литературы и культуры.

В связи со 100-летием со дня рождения Ш. Марджани, который стоял у истоков духовного возрождения татарского народа, своими трудами способствовал пробуждению и развитию самосознания нации, вышли в свет несколько статей Ф. Амирхана. В статье «Тень Марджани в наших мечтах» («Безнең хыялларда Мәржани күләгәсе») (1915) автор, исходя из отношения к этому выдающемуся лидеру в его семье, размышляет о месте Ш. Марджани в истории культуры татарского народа, об общественно-национальном значении его личности. Ф. Амирхан пишет, что его предки с большим уважением относились к идеям татарского мудреца: «Поэтому в нашей семье имя Марджани, великого ученого, мыслителя воспринималось с большим уважением». – «Шуңа күрә безнең гаиләдә Мәржани исеме олуг бер галим, бер мөтәфәккир исеме буларак, зур бер ихтирам белән яд ителеп килә иде» [Әмирхан, 1984, с. 132]. Уважительное отношение в семье, непоколебимый характер перед богатыми прихожанами, авторитетный внешний вид видного ученого, выражение критической оценки другим муллам, мударрисам медресе, похвальные слова на языке народа создают особый тип, образ Марджани в душе подростка Фатиха.

В старших классах медресе «Мухаммадия» Ф. Амирхан изучает работы Ш. Марджани «Назурат» («Назурат аль-хак фи фардийят аль-гашаи ва ин лям йагаб аш-шафак»). – «Взгляд на истину о необходимости вечерней молитвы независимо от наступления сумерек» (1988)), «Әлхикмәтел балига» («Альхикматель балига»), содержащие философско-методологические замечания и комментарии к произведениям известного средневекового теолога Галями Тафтазани. Портрет Ш. Марджани, как и портрет его наставника Г. Курсави, придерживавшегося идей «открытия врат иджитхада» для каждого мусульманина и обновления ислама (таджид), приобретает новые штрихи, и он признается Ф. Амирханом «как прогрессивный, национальный деятель татар» [Там же, с. 135].

С течением времени, когда происходит смена мнений и поколений в мире татар, а также в связи со 100-летием со дня рождения религиозного реформатора в душе Ф. Амирхана личность богослова возрождается как «научный тип, тип героя цивилизации». – «фән тибы, шөжәгәте мәдәния (мәдәният батыры. – Т. Г., И. Н., Р. Ш.) тибы». Публицист подытоживает мысль про Ш. Марджани о том, что он «звезда», духовный наставник, хадим нации, который вселил надежду в будущее татарского народа, показал путь к ее дальнейшему развитию [Там же, с. 136].

Историк А. Хабутдинов отмечает, что деятельность Ш. Марджани была направлена на воспитание элиты татарского народа: «В отличие от Гаспринского и джадидистов, он никогда не стремился создать всеобщую начальную школу, Марджани ставил целью образование национальной элиты» [Хабутдинов, 2003, с. 27]. Среди национальных хадимов, которых подготовил ученый Ш. Марджани, А. Хабутдинов выделяет Шакирзяна Тагира – автора первой новометодной азбуки на татарском языке; адвоката, депутата Первой Государственной Думы, члена ЦК партии «Иттифак», редактора первой татарской газеты «Казанский корреспондент» Саид-Гирея Алькина; видного городского деятеля, лидера казанского бюро партии «Иттифак» Мухаммед-Садыка Галикеева; Исмаила Гаспринского, который стремился создать нацию мусульман России по европейскому образцу, и др.

Рецензия Ф. Амирхана «Сборник в память о Марджани» («Мәржани хатирәсенә мәжмуга») (1915) была написана на сборник, который был подготовлен татарскими учеными к 100-летию со дня рождения Ш. Марджани. В введении статьи автор сообщает, что в связи с этой датой у казанской интеллигенции возникла идея издания научного сборника. Освещая богословские труды и просветительскую деятельность Марджани с научной точки зрения, рецензент говорит о важном условии – привлечении специалистов, работающих в этих областях, и он выделяет три направления его деятельности: «Марджани – и богослов, и историк, и национальный хадим». – «Мәржани – бер галим дини дә, бер мөәррих тә (тарихчы да. – Т. Г., И. Н., Р. Ш.), бер хадиме милләт тә иде» [Әмирхан, 1984, с. 137]. Современниками Ф. Амирхана ученый оценивается также в культурно-историческом контексте конца XIX – начала XX века. Например, Н. Гасри, акцентируя свое внимание на основных видах его деятельности, характеризует его прежде всего как крупнейшего богослова, религиозного реформатора своего времени: «Шигаб-хазрет – величайший мударрис своего времени, величай-

ший ученый исламского мира, реформатор, который стал решать часть национальных интересов по части религии». — «Шиһаб хэзрэт вакытының иң зур мөдәррисе, ислам дөнъясының иң зур галиме, мөжәддиде (реформаторы. — Т. Г., И. Н., Р. III.) булып милли ихтыяжларымызның дини булганнарын төгәлләргә тотынды» [Гасрый, 1915]. «В своих богословских трудах и просветительской деятельности он стремился к своеобразному приспособлению ислама к изменяющейся действительности, к формированию национального самосознания татарского народа» [Шаһавиев, с. 73].

Ф. Амирхан пишет, что для достижения поставленной цели была создана комиссия из пяти человек, а вопросы материального обеспечения издания сборника и организации работ были возложены на Газиза Губайдуллина. О трудах ученого в области толкования Корана писал Габдулла Гисмати, о биографии, которая занимает наибольшую часть сборника, — Шаһар Шараф, статью, освещающую путь Марджани в вопросах веры — Кашшаф Тарджемани, о книгах по мусульманскому праву (фикху) Ш. Марджани — Тагир Ильяс, а Газиз Губайдуллин написал две статьи, раскрывающие новые страницы в деятельности ученого, освещавшие как его взгляды на светские науки и искусство, так и исторические труды. Учеными Марджани оценивается как «первый татарский историк», обратившийся к проблемам этногенеза татарского народа, «обладавший обширными знаниями о различных культурах, народах мусульманского Востока, всесторонне исследовавший эту проблему». — «төрле мәдәниятләр, мөселман Көнчыгышы халыклары турында биниһая киң белемнәргә ия булып, әлегә проблеманы һәрьяклап тикшергән» [Юзиев, с. 47]. Кроме того, авторами статей, всесторонне дополняющих и углубляющих эти основные отрасли деятельности авторитетного ученого, являются Галимжан Баруди, Ризаитдин Фахретдин, Юсуф Акчура, Хабиб аль-Назар, Абдурахман Гумеров, Хасангата Габаши. В предисловии к сборнику его составители, известные татарские интеллектуалы Г. Баруди, Б. Шараф, Г. Губайдуллин, Р. Фахретдинов и др., цитируют слова Ш. Марджани о сохранении мусульманской идентичности и культуры в истории всего человечества: «Живущие на земном шаре человеческие дети (дети Адама. — *авт.*) служат культуре различных племен и нации, они стараются оставить своим детям и внукам общественное наследство культуре своих наследников». — «Жир шарында яши торган адәм балаларының төрле кавем вә милләтләре мәдәният юлында хезмәт иткәннәр, үзләреннән соң киләчәк бала һәм

оныкларына мирас жыйелмасы буларак мәдәниятләрен калдыра барганнар» [Мәржани: Фәнни-популяр жыйынтык, с. 10]. Как справедливо отмечает А. Хабутдинов, «татары благодаря Марджани почувствовали себя частью мировой цивилизации, но частью отдельной, самостоятельной, не тождественной другим частям» [Хабутдинов, 2003, с. 17]

Автор рецензии рассматривает издание сборника, не имеющего прецедента в национальной печати, как «очень ценное достояние нашей литературы». В дальнейшем он ставил вопрос о публикации серьезных и научных работ о трудах К. Насыри, Г. Тукая и И. Гаспринского, рассматривая эти личности как представителей поколения, воспитанного под влиянием ученых и религиозных воззрений Ш. Марджани.

Ф. Амирхан посвятил Мусе Бигиеву несколько своих публицистических работ. В истории татарской религиозной и философской мысли М. Бигиев известен как религиозный деятель, реформатор с такими же либеральными взглядами, как у Г. Курсави, Г. Утыз-Имани, Ш. Марджани. Он продолжил деятельность своего наставника Ш. Марджани. Как писал А. Юзиев, он «оставил после себя не только богатое наследие, но и учеников и последователей, которые продолжают его дело. Одним из них был преподаватель петербургского университета, ученый-просветитель Х. Фаизханов (1828–1866). Традиции Марджани по истории арабо-мусульманской философии, изучению проблем исламской богословской науки продолжают такие ученые, как Муса Бигиев, Галимджан Баруди, Риза Фахреддин, Кашшаф Тарджемани» [Юзиев, с. 49].

Ф. Амирхан написал рецензию на крупномасштабный труд М. Бигиева «Кавагаде фикһия» («Правила фикха»). Она не вошла в вышедшие в советское время сборники писателя. Публицист рассматривает историю исламского образования. Автор статьи указывает на то, что Муса Бигиев сделал серьезный шаг в вопросе реформы фикха, который был затронут в татарском мире 40–50 лет назад. М. Бигиев подверг «критике используемые в медресе книги по богословию и фикху и предлагал обратиться к богатейшему в мусульманской литературе, философии богословскому наследию» [Хайрутдинов, с. 378]. В результате каноны фикха, хаотично преподаваемые в медресе, были определенным образом упорядочены.

Фельетон Ф. Амирхана «Качества, присущие нам» (О качествах, соответствующих нашей природе) («Затымызга мөнәсиб сыйфатларымыз» (Асылыбызга туры килә торган сыйфатлар)) был напечатан в газете «Идел» в номере от 22

декабря 1909 года и 12 января 1910 года [Әмирхан, 1989, с. 156–164]. Она была написана в связи с разгоревшимся на страницах журнала «Шура» спором по поводу публикации книги Мусы Бигиева, освещающей проблемы Ислама. Богослов в 1909 году в 22-м (15 ноября) номере журнала опубликовал статью «История религий» («Тарихы әдьян (диннәр. – Т. Г., И. Н., Р. Ш.)»), а позже вышла его книга «Всеохватность милости Аллаха (Милость Божия для всех одинакова)» («Рәхмәте илаһия гомумия (Аллаһның рәхмәте барлык кешеләргә дә бер)») (1910). Он обращается к идее средневековых мусульманских мыслителей «об универсальности милости Всевышнего».

М. Бигиев, опираясь на обнаруженные им аргументы и доказательства из Корана и Сунны, доказывал конечность во времени ада и всеохватность милости Аллаха, благодаря которой люди, придерживавшиеся самых разных вероисповеданий, вплоть до языческих, будут спасены» [Хайрутдинов, с. 378].

Статья Н. Гасри «Шигаб хазрет» («Шиһаб хәзрәт»), посвященная 100-летию со дня рождения и 25-летию со дня смерти Шигабутдина Марджани, была опубликована в газете «Ил» в номере от 2 января 1915 года. В статье в жанре юбилейной статьи публицист пытается определить место и ценность научной деятельности Ш. Марджани в истории культуры татарского народа. Н. Гасри связывает факт выхода Ш. Марджани на поле боя с потребностью времени, среды [Гасрый, 1915]. Несмотря на то что таких великих людей можно пересчитать по пальцам, он выражает сожаление, что татарская нация не смогла достойно почтить их память.

Н. Гасри выделяет основные отрасли многогранной деятельности Ш. Марджани. Автор статьи в первую очередь характеризует его как крупного богослова и религиозного реформатора своего времени, а во-вторых, выделяет деятельность Ш. Марджани в направлении создания и написания национальной истории и называет его «национальным историком». Мнение автора статьи о Ш. Марджани перекликается с оценками З. Валиди, Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Г. Тукая и других.

Статья Н. Гасри «Вопрос о медресе» («Мәдрәсә мәсьәләсе») (1914), с одной стороны, затрагивает проблематику публицистики Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Г. Камала, с другой – роль личности, духовного вождя в историческом процессе, в жизни нации [Гасрый, 1914]. В статье в центр ставится проблема выпуска образованных мулл в медресе, преподавателей-хадимов в связи с отсутствием университетов у татар. По мнению публициста, с

течением времени меняются функции и обязанности мулл. К современному мулле он относится с разных ракурсов: он ученый-религиовед, грамотный советник народа в бытовых вопросах, общественный хадим, осведомленный в вопросах национального характера. Для достижения этих целей возникает необходимость обновления, реформирования системы образования в медресе.

Проблему подготовки «духовных вождей», «наставников» «духовных учителей» Н. Гасри рассматривает в национально-общественном контексте и в рамках поликультурного пространства. Для эффективной деятельности мулл, духовенства, с присущими им характерными качествами, навыками и знаниями, он прежде всего определяет структуру и объем образования в медресе. Невозможно транслировать Коран, знания шариата без методики преподавания религиозных наук, без выполнения роли национального деятеля, без знания родного языка, алфавита, литературы и истории. Так как мусульманский священник является гражданином России, то и знание отечественной истории становится обязательным условием. Подчеркивается важность осведомленности муллы в области всеобщей истории, психологии, общественных наук, чтобы он мог выполнять обязанности «духовного пастуха, вождя общины» («бер рух көтүчесе, жәмәгать юлбашчысы») [Гасрый, 1914].

К 120-летию со дня рождения Ш. Марджани была написана статья Гаяза Исхаки «Хазрет Шигабутдин аль-Марджани» («Шиһабетдин әл-Мәржани хәзрәтләре») (1936), оставившая после себя большое публицистическое наследие, обладающее широким тематическим пространством и жанровым разнообразием. Писатель начинает статью с оценки эпохи, в которой жил ученый. Во время учебы в Бухаре из-за большой способности рассуждать и выносить суждения он не только соглашался с изложенным в книге, но и вступал в споры с одноклассниками и наставниками по религиозным вопросам. Он говорит о необходимости пересмотра некоторых положений фикха (мусульманского правоведения), отстаивает идеи обновления ислама, об адаптации некоторых канонів ислама к татарской жизни: «Поскольку в основе построения нашей Идель-Уральской тюрко-татарской национальной жизни лежит единство, единство религии и нации, Шигаб-хазрет укрепил и религиозную основу нашей национальной жизни». – «Безнең Идел-Урал төрек-татарның милли тормышының корылуы дин белән милләтнең бергәлеге, берләшеп кулга-кул тотынып баруы нигезендә булганга, Шиһаб хәзрәт милли тормышыбызның дини нигезен дә ныгытты» [Исхакий, с. 107]. По возвра-

щении в Казань подчеркивается, что религиозные реформистские взгляды доставляли Шигаб-хазрету большие трудности, но ученый не отказывался от своего пути, от киблы (направления). Положительно оценивались стойкость характера, смелость Марджани, сохранявшего свой авторитет и престиж перед купечеством, которое в то время был достаточно могущественным.

Г. Исхаки анализирует многогранную деятельность Ш. Марджани на пути служения татарскому народу в тесной связи с его качествами характера, врожденным талантом. Гаяз Исхаки высоко ценит религиозного деятеля, оставившего глубокий след в татарском просветительском движении и национальной исторической науке. Публицист рассматривает ценность Шигабутдин-хазрета в той же культурной, общественно-национальной плоскости, что и его современники: «Шигаб-хазрет, с нашей националистической точки зрения, это не только имам, не только мудarris, не только религиозный ученый. Он — слуга нации, организатор общества, который строит нашу нацию на новой основе, очищает ее корни, чтобы защитить от будущих ветров». — «Шиһаб хэзрэт, безнең милләтчелек ноктасыннан караганда, ул бер имам гына, бер мөдәррис кенә, бер дин галиме генә түгелдер. Ул милләтебезне яңа нигезгә корышучы, милләтебезнең киләчәк жил-давылда саклануы өчен аның тамырын тазартучы бер милли хезмәтчебездер, бер ил төзүчебездер» [Там же].

Проанализировав публицистическое наследие Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Н. Гасри и др., мы выявили, что статьи появились под непосредственным влиянием концепции культурно-исторической школы. Татарские публицисты ратовали за публицистику, тесно связанную с современной национальной действительностью, способную быть средством преобразования национальной жизни. Видно, что под влиянием общественно-национальных, научных и религиозных взглядов таких видных религиозных деятелей, как Шигабутдин Марджани, Муса Бигиев, Галимджан Баруди, пробудивших татарскую нацию и приведших ее в движение, формируется поколение джадидистов татарской интеллигенции. Благодаря их самоотверженному труду жизнь татарского народа начинает строиться на новом фундаменте и готовится прочная основа для дальнейшего ее сохранения. Каждый интеллигент в этой цепочке вносит свой неоценимый вклад в развитие национального самосознания, культуры татарского народа, в продвижение его на новые европейские широты.

Список литературы

- Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Обращение к Великому Турецкому Национальному Собранию, Введение к трактату «Аль-Муафакат», Воззвание к мусльманским нациям, Женщина в свете священных аятов благородного Корана / сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 256 с.
- Загидуллин И. К. Оренбургское магометанское духовное собрание — центр реформ мусульманского сообщества конца XIX века // TATARICA. 2014. № 2 (3). С. 122–139.
- Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Сб статей. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 191 с.
- Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю., Гимадиев И. Ф. Муса Биги как историк общественного движения российских мусульман // TATARICA. 2015. № 1 (4). С. 118–126.
- Очерки истории татарской общественной мысли: Татар. кн. изд-во, 2000. 191 с.
- Очерки Марджани о восточных народах. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. 175 с.
- Тухватуллина Л. И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX — начало XX веков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. 207 с.
- Хабутдинов А. Лидеры нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. 159 с.
- Хабутдинов А. Ю., Хабутдинова М. М. Историческая основа и прототипы героев пьесы Н. Исанбет «Һижрэт» (1923): размышления после спектакля «Качаклар» («Беглецы») (режиссер И. Зайниев) // TATARICA. 2017. № 1 (8). С. 107–123.
- Хайрутдинов А. Г. Муса Бигиев (Муса Джаруллах) // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов, отв. ред. Г. С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ. 2002. Т. 1: А–В. С. 378–379.
- Абдуллин Я. Мәғрифәт нуры ачар... (Татар ижтимагый фикере тарихыннан сәхифәләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 197 б.
- Әмирхан Ф. 3. Әсәрләр: Дүрт томда. 4 т.: Әдәбият-сәнгать тәнкыйте, биографик материаллар, хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 390 б.
- Әмирхан Ф. 3. Әсәрләр: Дүрт томда. III т.: Публицистика. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 512 б.
- Гасрый Н. Мәдрәсә мәсьәләсе (съезд дикъкатенә) // Ил. 1914. 17 июнь (№ 31).
- Гасрый Н. Шиһаб хэзрэт // Ил. 1915. № 56. 2 гыйнвар.
- Гыйлажәев Т. Ш. Татар халкының рухи һәм мәдәни яңарышында Ф. Әмирхан // Фәни Татарстан. 2021. № 1 (29). Б. 87–104.
- Гыйлажәев Т. Ш. Фатих Әмирхан тәнкыйтендә һәм публицистикасында татар зыялылары // Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э. Р. Тенишева: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 21–23 апреля 2021 г.) / под ред. Ж. З. Туктарова, В. Ф. Мухамеджановой, Г. Х. Самочкиной. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. (376 с.). С. 105–109.

Гыйлажев Т. Ш. XX гасыр башы әдәби һәм мәдәни контекстында Н. Гасрый ижаты // ТАТАИКА. 2021. № (1). Б. 51–77.

Жамал Вәлиди: әдәби һәм тарихи-документаль жыентык / төз. Диләрә Абдуллина, Жәүдәт Миңнуллин. Казан: Жыен, 2010. 624 б.

Исхакый Г. Әсәрләр 15 томда. 11 т.: публицистика / фәнни мөх. З. Рәмиев, төз., текст. әзерл., аңл. һәм искәрм. әзерл.; кереш мәкалә авт. З. Мөхәммәтшин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 447 б.

Мәржани китапханәсе: фәнни-библиографик жыентык / Төз. Р. Ф. Мәрданов; фәнни мөх. И. Г. һадиев. Казан: Милли китап, 2004. 122 б.

Мәржани: Фәнни-популяр жыентык / Фәнни мөх. М. Г. Госманов. Казан: Жыен, 2010. 704 б.

Татар зыялылары: тарихи портретлар: Укытучылар һәм югары сыйныф укучылары өчен мәкаләләр жыентыгы / Төз. Р. М. Мөхәммәтшин. Русчадан Ә. М. Камалов тәрж. Казан: Мәгариф, 2003. 208 б.

Тукай Г. М. Әсәрләр. Академик басма: 6 томда: 2 т.: шигъри әсәрләр (1909–1913) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. З. Р. Шәйхелисламов, Г. А. Хөснетдинова, Ә. М. Галимжанова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 384 б.

Шәһавиев Д. А. Мәржани Шихабетдин // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөхәррир Ә. М. Мәһаров, җаваплы мөхәррир Г. С. Сабиржанов. Казан: ТР ФАнec Татар энциклопедиясе институты, 2014, т. М–П. Б. 93–94.

Юзиев А. Шихабетдин Мәржани (1818–1889) // Татар зыялылары: тарихи портретлар: Укытучылар һәм югары сыйныф укучылары өчен мәкаләләр жыентыгы / Төз. Р. М. Мөхәммәтшин. Русчадан Ә. М. Камалов тәрж. Казан: Мәгариф, 2003. Б. 40–49.

References

Abdullin, Ia. (1987). *Mәg"rifät nury achar...* [Revealing the Light of Enlightenment]. (Tatar ixtimagyi fikere tarikhyynnän sökhifölär). 197 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Bigiev, M. (2006). *Izbrannye trudy: V 2 t.* [Selected Works in Two Volumes]. T. 2: Obrashchenie k Velikomu Turetskomu Natsional'nomu Sobraniyu, Vvedenie k traktatu "Al'-Muafakat", Vozzvanie k musul'manskim natsiiam, Zhenshchina v svete sviashchennykh aiatov blagorodnogo Korana. Sost. i per. s osman. A. Khairutdinova. 256 p. Kazan', Tatar.kn.izd-vo. (In Russian)

Gasryi, N. (1914). *Madräsä mäs'aläse (s"ezd dik"katena)* [The Issue of Madrasahs (to the Members of the Congress)]. Il. 17 iun' (No. 31). (In Tatar)

Gasryi, N. (1915). *Shihab khäzrät* [Shihab Hazrat]. Il. No. 56. 2 gyinvar. (In Tatar)

Gyilažev, T. Sh. (2021). *Fatikh Әmirkhan tänkyyitendä һәм publitsistikasynda tatar zyalylyary* [Tatar Intellectuals in Fatih Amirkhan's Critique and Journalism]. Iazyki kultury v kontekste istoricheskogo naslediya: k 100-letiyu so dnia rozhdeniya E. R. Tenisheva: sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 21–23

aprelia 2021 g.). Pod red. Zh. Z. Tuktarova, V. F. Mukhamedzhanovoi, G. Kh. Samochkinoi. Penza, izd-vo PGU, (376 p.). Pp. 105–109. (In Tatar)

Gyilažev, T. Sh. (2021). *XX gasyr bashy әdäbi һәм мәдәни kontekstynda N. Gasryi iжаты* [Spiritual Heritage of N. Gasri in the Literary and Cultural Context of the Early 20th Century]. TATAICA. No. (1), pp. 51–77. (In Tatar)

Gyilažev, T. Sh. (2021). *Tatar khalkynyң rukhi һәм мәдәни iaңaryshynda F. Әmirkhan* [F. Amirkhan in the Spiritual and Cultural Revival of the Tatar People]. Fәnni Tatarstan. No.1 (29), pp. 87–104. (In Tatar)

Iskhakiy, G. (2001). *Әsärләр 15 tomда* [Works in 15 Volumes]. 11 t.: publitsistika. Fәnni mөkh. Z. Rәmiyev, töz., tekst. әzerl., aңl. һәм iskәrm. әzerl.; keresh мәkalә avt. Z. Mөkhәmmәtshin. 447 p. Kazan, Tatar. kit.nashr. (In Tatar)

Iuziev, A. (2003). *Shihabetdin Mәrjәni* (1818–1889) [Shigabutdin Marjani]. Tatar zyalylyary: tarikhi portretlar: Ukytuchylar һәм iugary syinyf ukuchylary öchen мәkalәләр жуentygy. Tөz. R. M. Mөkhәmmәtshin. Ruschadan Ә. M. Kamalov tәrж. Pp. 40–49. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)

Khabutdinov, A. Iu., Khabutdinova, M. M. (2017). *Istoricheskaya osnova i prototipy geroev p'esy N. Isanbet "Khizhrat". Razmyshleniya posle spektaklia "Kachaklar" ("Begletsy")* (rezhisser I. Zainiev) (1923) [Historical Basis and Prototypes of the Characters in N. Isanbet's Play "khizhrat" (1923): Reflections after the Performance "Kachaklar" ("Runaways") (directed by I. Zayniev)]. TATARICA. No. 1 (8), pp. 107–123. (In Russian)

Khabutdinov, A. (2003). *Lidery natsii* [Leaders of the Nation]. 159 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khairutdinov, A. G. (2002). *Musa Bigiev (Musa Dzharrullakh)* [Musa Bigiev (Musa Jarullah)]. Tatarskaya entsiklopediya: V 5 t. Gl. red. M. Kh. Khasanov, otv. red G. S. Sabirzianov. T. 1: A–V. Pp. 378–379. Kazan', Institut Tatarskoi entsiklopedii AN RT. (In Russian)

Mardzhani: uchenyi, myslitel', prosvetitel' (1990) [Mardjani: A Scientist, Thinker and Educator]. Sb statei. 191 p. Kazan', Tatarskoe kn. izd-vo. (In Russian)

Mukhetdinov, D. V., Khabutdinov, A. Iu., Gimadiev, I. F. (2015). *Musa Bigi kak istorik obshchestvennogo dvizheniya rossiiskikh musul'man* [Musa Bigi as a Historian of the Social Movement of Russian Muslims]. TATARICA. No. 1 (4), pp. 118–126. (In Russian)

Mәrjәni kitapkhanәse: fәnni-bibliografik әжyentyk (2004) [Marjani Library: A Scientific-Bibliographic Collection]. Tөz. R. F. Mәrdanov; fәnni mөkh. I. G. hadiev. 122 p. Kazan, Milli kitap. (In Tatar)

Mәrjәni: Fәnni-populyar әжyentyk (2010) [Marjani: A Popular Science Collection]. Fәnni mөkh. M. G. Gosmanov. 704 p. Kazan, Жyен. (In Tatar)

Ocherki istorii tatarskoi obshchestvennoi mysli (2000) [Essays on the History of Tatar Social Thought]. 191 p. Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Ocherki Mardzhani o vostochnykh narodakh (2003) [Essays by Mardjani on the Eastern Peoples]. 175 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Shahaviev, D. A. (2014). *Mәrjәni Shihabetdin* [Shigabutdin Marjani]. Tatar entsiklopediyase: 6 tomда. Bash mөkhәrrir Ә. M. Mazharov, җавaply mөkhәrrir G.

S. Sabirjanov. T: M–P. Pp. 93–94. Kazan, TR FАнең Tatar entsiklopediiase instituty. (In Tatar)

Tatar ziyalyly: tarikhi portretlar: Ukytuchylar һәм iugary syinyf ukuchylary өчен мәкаләләр җыентыгы (2003) [Tatar Intellectuals: Historical Portraits: Collection of Articles for Teachers and High School Students]. Töz. R. M. Mөkhəmmətshin. Ruschadan Ə. M. Kamalov tərj. 208 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Tukai, G. M. (2011). *Əsərlər. Akademik basma: 6 tomda* [Works. Academic Edition: 6 Vols]. 2 t.: shig"ri əsərlər (1909–1913). Töz., tekst., isk. һәм aңl. əzerl. Z. R. Shəikhelislamov, G. A. Khəsnetdinova, E. M. Galimjanova. 384 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Tukhvatullina, L. I. (2003). *Problema cheloveka v trudakh tatarskikh bogoslovov: konets XIX – nachalo XX vekov* [The Problem of Man in the Works of Tatar Theologians: the Late 19th - Early 20th Centuries]. 207 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Zagidullin, I. K. (2014). *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie – tsentr reform musul'manskogo soobshchestva kontsa XIX veka* [The Orenburg Muslim Spiritual Assembly: The Reformation Centre of the Muslim Society in the Late 19th Century]. TATARICA. No. 2 (3), pp. 122–139. (In Russian)

Əmirkhan, F. Z. (1984). *Əsərlər: Dyr̄t tomda* [Works in Four Volumes]. 4 t.: Ədəbiyat-səngat' tənkyite, biografik materiallar, khatlar. 390 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Əmirkhan, F. Z. (1989). *Əsərlər: Dyr̄t tomda* [Works in Four Volumes]. III t.: Publitsistika. 512 p. Kazan, Tatar.kit.nəshr. (In Tatar)

Жамал Вәлиди: *ədəbi һәм tarikhi-dokumental' җыентык* (2010) [Jamal Walidi: A Literary and Historical-Documentary Collection]. Töz. Dilərä Abdullina, Жәүдәт Миңнуллин. 624 p. Kazan, ЖҮен. (In Tatar)

The article was submitted on 30.08.2021

Поступила в редакцию 30.08.2021

Гилазов Тагир Шамсегалиевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tgilazov@bk.ru

Насипов Илшат Сахиятуллович,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450008, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
Российский исламский университет
Центрального духовного управления
мусульман России,
450008, Россия, Уфа,
Чернышевского, 5.
nasipov2021@yandex.ru

Шабакеев Рушан Ринадович,
преподаватель,
Российский исламский университет
Центрального духовного управления
мусульман России,
450008, Россия, Уфа,
Чернышевского, 5.
Ruchan1991@yandex.ru

Gilazov Tagir Shamsegalievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tgilazov@bk.ru

Nasipov Ishat Sahiyatulloevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkortostan State Pedagogical University
(BSPU) named after M. Akmullah,
3a October Revolution Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
Russian Islamic University of the Central
Spiritual Administration of Muslims of Russia,

5 Chernyshevskogo Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
nasipov2021@yandex.ru

Shabakaev Rushan Rinadovich,
Assistant Professor,
Russian Islamic University of the Central
Spiritual Administration of Muslims of Russia,
5 Chernyshevskogo Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
Ruchan1991@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-170-173
УДК 882.09-1

ФЕНОМЕН АНДЕГРАУНДНОГО ПИСЬМА В ПРОЗЕ ЮЗА АЛЕШКОВСКОГО

© Эльвира Зайнуллина

THE PHENOMENON OF THE UNDERGROUND WRITING IN THE PROSE BY YUZ ALESHKOVSKY

Elvira Zainullina

The article is devoted to the concept of “underground writing”, which is new to Russian literary criticism. The authors describe its main features: oral (conversational) oriented trend, free writing without a clear plan, discreteness, inconsistency and narrative eclecticism. The article highlights the first person narration (skaz) and the image of a narrator. We study the social affiliation of the character-narrator through his language expression. Based on the revealed techniques of extravaganza, carnival grotesque, absurdity, satire and phantasmagoria, an attempt is made to identify the type of underground writing in the texts of the prose writer Yuz Aleshkovsky in his pre-emigrant period.

As a result of our study of Yuz Aleshkovsky's early novelettes narrative peculiarities, we have identified a special type of underground writing generally characteristic of the prose of forty-year-olds: oral, based on the effect of a reader's eavesdropping; freely discoursing on sex; using science fiction, extravaganza; carnivalistically ridiculing Soviet reality and values; using techniques of grotesque, parody and irony.

While analyzing underground prose texts, we spotted the hyperbole of ideologized society, when writers resorted to word creation, quotation thinking, literary allusions, when they chose a marginal narrator with his individual philosophy, the one who would be isolated from society. All these stylistic features of the prose work poetics, by the writers of the period under study, constitute a special, discrete, multi-level, multi-aspect underground writing.

Keywords: underground, “forty-year-olds”, underground writing, Yuz Aleshkovsky, “Nikolai Nikolaevich”, narrator, carnival grotesque, narration, parody.

Статья посвящена новому для отечественного литературоведения понятию «андеграундное письмо». Автором описываются его основные особенности: устная направленность, свободное, без четкого плана письмо, дискретность, сбивчивость, эклектичность повествования. Особое внимание в статье уделено сказу и образу рассказчика. Изучается маркированность социальной принадлежности героя-рассказчика. Делается попытка доказать тип андеграундного письма в текстах доэмигрантского периода прозаика Юза Алешковского, обнаружив в нем приемы феерии, карнавального гротеска, абсурда, сатиры, фантазмагории.

В результате исследования особенностей повествования ранних повестей Юза Алешковского был выявлен особый тип андеграундного письма, характерного для прозы сорокалетних в целом: устное, опирающееся на эффект подслушивания читателем, свободно говорящее о сексе, использующее фантастику, феерию, карнавально высмеивающее советскую действительность, ценности, использующее приемы гротеска, пародии, иронии. При анализе текстов прозы андеграунда была считана гипербола заидеологизированного общества, когда писателям было свойственно словотворчество, цитатное мышление, литературные аллюзии, в произведениях был избран маргинальный рассказчик, изолированный от общества, с его индивидуальной философией. Все эти стилистические особенности поэтики произведений прозы писателей исследуемого периода составляют особое, дискретное, многоуровневое, многоаспектное андеграундное письмо.

Ключевые слова: андеграунд, «сорокалетние», андеграундное письмо, Ю. Алешковский, «Николай Николаевич», повествователь, карнавальный гротеск, сказ, пародия.

Несмотря на свою к настоящему времени продолжительную историю, феномен русского литературного андеграунда в научном дискурсе

оказывается явлением мало изученным. В первую очередь это касается самого термина «андеграунд», чье семантическое поле представляется

очень размытым. С одной стороны, этот термин часто пересекается с «диссидентством», и тогда к писателям андеграунда относятся авторы, рефлексировавшие на события Гражданской войны, сталинские «чистки», расстрелы родителей, события Великой Отечественной войны, XX съезд КПСС и оказывавшие оппозицию режиму, отбрасывая события десятилетий советской истории на страницах своих произведений. С другой стороны, пересекаются и взаимопереплетаются дефиниции понятий «андеграунд», «неофициальная культура» и «неподцензурная литература», начавшая свое существование в СССР еще в 1930-е гг. И даже секретный доклад Н. С. Хрущева на XX съезде партии Советского Союза в 1956 году, положивший начало «оттепельному» периоду, коренным образом сложившуюся ситуацию не изменил: здесь можно говорить и о глотке свежего воздуха после почти тридцатилетнего правления И. В. Сталина, и об ускорении процесса уже начавшегося к этому времени становления андеграундной культуры (например, хорошо известная судьба СМОГистов).

Вместе с тем, на наш взгляд, андеграунд должен не только включать в себя диссидентскую идеологическую составляющую и мироощущение непечатного слова, но обязательно подчеркивать суб- и контркультурную природу. Ситуация андеграундного подполья определила собственную концепцию мира и специфический тип письма, который мы предлагаем называть андеграундным. В данной статье мы попытаемся описать особый вид андеграундного письма – устного, свободного, использующего фантастику, фантазмагорию, карнавалы, высмеивающего советскую действительность, ценности, идеалы советского общества.

Андеграундное письмо характеризуется открытостью, отсутствием единой линии сюжета. Сюжеты писателей самиздата разорванные, хаотичные, с большим количеством отступлений, эмоциональных срывов. Если письмо «официальных» писателей ориентировано на многочисленную аудиторию, то андеграундное письмо имеет другой посыл – такой текст может никогда не попасть в руки читателя, не быть напечатанным, он только для своих, его всегда можно переписать или сжечь. Так зафиксировалась устность и сказовость повествования писателей самиздата.

Основными приметами андеграундного письма становятся деонтологизация действительности, ирония, деиерархизация культурных ценностей. Однако в рамках данной статьи мы обратимся непосредственно к исследованию языкового уровня, поскольку, по справедливому

замечанию С. П. Белокуровой, «общая черта литературных произведений, принадлежащих к андеграунду, – игнорирование стилистических и языковых ограничений, зачастую моральных норм» [Белокурова]. По замечанию П. Майер, необходимость в живом, свободном от уз пропаганды и цензуры, независимом языке ощущалась в советскую эпоху очень сильно: «Оказалось, что советские писатели попали в ситуацию языкового застоя: нескомпроментированного русского языка в их распоряжении просто не осталось» [Майер, с. 132].

На волне скандального альманаха «Метрополь» в прозу сорокалетних языком сарказма, язвительности и дерзости входит запрещенный советской литературой писатель, «антисоветчик» Юз Алешковский. Его первая неподцензурная повесть «Николай Николаевич» (1970), выделяющаяся особенностями сюжета, языка и идейным содержанием, очень быстро распространилась в самиздате. Ю. Алешковский входит в русскую андеграундную литературу, используя ту же сказовую манеру, что и Е. Шварц, М. Зощенко, Н. Лесков. Именно разговорный язык, экспрессивность повествования, обценная лексика и воровской жаргон стали ведущими приметами сказовой стратегии писателя.

Традиционно сказ истолковывается как «своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа» [Виноградов, с. 49]. Б. М. Эйхенбаум называет сказом «такую форму повествовательной прозы, которая в своей лексике, синтаксисе и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика», утверждая, что любой текст «есть только запись, знак» [Эйхенбаум, с. 214]. Неавторское сознание (по определению М. Бахтина) является наиболее существенным методом сказовой речи. В повествовании большинства повестей Ю. Алешковского наблюдается воссоздание индивидуального разговорного речевого акта, а его субъектом выступает рассказчик. Автор выбирает рассказчиками повестей представителей низшего класса, носителей правды и справедливости. Так, в «Николае Николаевиче» основное повествование строится в диалоговой форме, в доверительной беседе давно знакомых лиц, одном душевном разговоре: «Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет...» [Алешковский, с. 5].

Расширение возможностей сказовой формы происходит за счет включения в устную речь рассказчика бюрократического, воровского жаргона и обценной лексики. Разностилевые элементы речи создают образ псевдоприобщенного к науке героя. Автору важно изобразить героя, не

принадлежащего к системе, маргинального героя, через его язык и стиль рассказать о лицемерности официальных структур.

Т. Маркова, акцентируя внимание на проблемах речевых моделей прозы конца XX века, справедливо замечает: «В новейшей литературе возникают сверхсложные, гибридные языковые формы, в которых литературное и „мифологизированное“ слово оказывается включенным в слово разговорное, диалогическое, просторечное» [Маркова, с. 9]. Согласно гипотезе лингвиста И. Сандомирской, исследующей русскую женскую прозу, такая речь легко присваивает «низкостатусные» литературные формы и обладает непосредственностью высказывания [Кузьминский, Сандомирская]. Судорожность устной речи была отмечена как примета прозы Ю. Алешковского. Персонажи Алешковского – Николай Николаевич, Ланге, Милашкин, Фан Фаныч – находятся в состоянии эмоционального потрясения, ошарашенные известием, будучи застигнутыми врасплох и даже изнасилованными. Для Ю. Алешковского важна фатика – наслаждение от общения. Специфика живого устного разговора решается автором в ритме и интонации. В своем монологе рассказчик в «Николае Николаевиче» взахлеб рассказывает кiryохе про свои мужские «победы»: «...Почему же ты не веришь в эти обмороки? <...> А они когда бывают? При оргазмах! <...> Налей боржомчику...» [Алешковский, с. 21] Здесь явственно заметны формальные признаки сказа Ю. Алешковского – отклонения от логического движения словесного ряда и затруднения в выборе слов.

По классификации В. Шмида, повествователь в «Николае Николаевиче» диегитический [Шмид]. Исследователь определяет такого нарратора как ведущего двойную функцию повествования. Николай одновременно является и субъектом повествования, и его объектом. Речевые жесты, словесная мимика выступают в повести рецессивным признаком. Слова и предложения сцепляются по принципу речи выразительной. Повествователь постоянно уклоняется от основного предмета речи, переходя на промежуточные. Автор дает такому нарратору голос для того, чтобы познакомить читателя с парадигмой русской жизни советского периода. «Николай Николаевич» мыслится как повесть-самораскрытие. Сознание Николая структурирует все произведение.

Вместе с тем в повести наблюдается повествовательный полифонизм, созданный приемом несобственно-прямой речи. Данный прием маркирует отношение нарратора к другим персонажам. Так, в начале повести заметно уважение и

интерес Николая к Кимзе. Ему доверяется большое пространство текста, через него повествователь посвящает своего собеседника в секреты научной лаборатории: к примеру, в эпизоде «Николая Николаевича», где герой становится работником лаборатории. К концу же повести отношение к Кимзе меняется, и несобственно-прямых монологов Кимзы вовсе нет. А голос Влады Юрьевны к середине повести приобретает все больший вес. Показателен и монолог академика, называющий советскую науку «суходрожкой». Ему позволено говорить смело и напутственно. Он гордится Николаем, который желает всерьез заняться сапожным мастерством.

Таким образом, в повести оказываются важными голоса лишь тех персонажей, которые близки к кругу нарратора.

По замечанию Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, не найти в русской словесности 1960–1980-х годов более карнавального писателя, чем Ю. Алешковский [Лейдерман, Липовецкий]. По законам карнавальной традиции герой у писателя может чувствовать себя личностью расчеловеченной, согласной быть испытываемым телом для научных экспериментов («Николай Николаевич») или убийцей и насильником старейшей кенгуру в зоопарке («Кенгуру»). Однако карнавализация проникает в андеграундном письме и на языковой уровень. Антирежимный пафос коммунистического дискурса можно встретить, например, у В. Войновича, создавшего Государственный экспериментальный ордена Ленина публичный дом имени Н. К. Крупской, где власть коммунистической Москвы следит за сексуальными отношениями («Москва 2042»). Той же логике карнавализации подчинены пародийно сниженные советские клише: «У Крупской от коллективизации глаза полезли на лоб» [Алешковский, с. 66]. В лозунге «Гражданин генсек, маршал брезидент Прежнев Юрий Андропович!» фонетическая оболочка и сочетание слов «бредить» и «президент» создают комический эффект [Там же, с. 541].

В карнавальном ключе изображается психологическое учение З. Фрейда в «Кенгуру». Отсылка к философии психоаналитика выглядит карнавально, комично и парадоксально. Гротескна и фантазмагорична ситуация с проверкой биотоков ленинского мозга в повести «Кенгуру». Запись «удалось записать нашим славным микрофизикам с помощью самого большого в мире радиотелескопа» [Там же, с. 212]. В этом же эпизоде замечен сарказм и абсурд в реплике Брежнева: «...Полвека, как дуба врезал человек, а мозга все еще у него кумекает, не то что у нас» [Там же]. Нарочито эпатажная смеховая форма

повествования текстов Ю. Алешковского — основная черта его андеграундного письма.

Таким образом, исследовав повествование ранних повестей Юза Алешковского, мы можем выявить особый тип андеграундного письма, характерного для прозы сорокалетних в целом: устное, опирающееся на эффект подслушивания читателем, свободно говорящее о сексе, использующее фантастику, феерию, карнавалы, высмеивающее советскую действительность, ценности, использующее приемы гротеска, пародии, иронии. При анализе текстов прозы андеграунда нами считывается гипербола заидеологизированного общества. Авторам было свойственно словотворчество, цитатное мышление, литературные аллюзии, в произведениях был избран маргинальный рассказчик, изолированный от общества, с его индивидуальной философией. Все эти стилистические особенности поэтики произведений прозы писателей исследуемого периода составляют особое, дискретное, многоуровневое, многоаспектное андеграундное письмо.

Список литературы

Алешковский Ю. Собрание сочинений: в 3 томах. М.: Рипол Классик, 2001. Т. 1. 672 с.

Белокурова С. П. Андеграунд // Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%C0%CD%C4%C5%C3%D0%C0%D3%CD%C4&bukv=%C0> (дата обращения: 28.10.2021).

Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Кузьминский Б., Сандомирская И. Пауза и слово, или Есть ли имя у боли // Иностранная литература. 1993. № 3. С. 236–244.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература 1950–1990-е годы. В 2 т. М.: Т. 2, 2006. 688 с.

Майер П. Сказ в творчестве Юза Алешковского // Юз! Чтения по случаю 80-летия Юза Алешковского. Middletown, Connecticut: Wesleyan University, 2010. С. 131–143.

Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская,

В. Пелевин): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 50 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

Эйхенбаум Б. М. Литература: теория, критика. Л.: Прибой, 1927. 300 с.

References

Aleshkovski, Yu. (2001). *Sobranie sochinenii: v 3 tomah* [Collected Works: In 3 Volumes]. Vol. 1. 672 p. Moscow. Ripol Klassik. (In Russian)

Belokurova, S. P. (2007). *Andegraund* [Underground]. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov*. St. Petersburg, Paritet. URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%C0%CD%C4%C5%C3%D0%C0%D3%CD%C4&bukv=%C0> (accessed: 28.10.2021). (In Russian)

Eikhnenbaum, B. M. (1927). *Literatura: teoriia, kritika* [Literature: Theory, Criticism]. 300 p. Leningrad. Priboi. (In Russian)

Kuzminski, B., Sandomirskaya, I. (1993). *Pauza i slovo, ili Est' li imya u boli* [Pause and a Word, or Does Pain Have a Name]. *Inostrannaya literatura*, No. 3, pp. 236–244. (In Russian)

Leiderman, N. L., Lipovetski, M. N. (2006). *Sovremennaya russkaya literatura 1950–1990-e gody* [Contemporary Russian Literature of the 1950s–1990s. In 2 Volumes]. Vol. 2. 688 p. Moscow. (In Russian)

Markova, T. N. (2003). *Formotvorcheskie tendentsii v proze kontsa XX veka (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Form-making Tendencies in Prose of the Late Twentieth Century (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin): Doctoral Thesis Abstract]. 50 p. Ekaterinburg. (In Russian)

Mayer, P. (2010). *Skaz v tvorchestve Iyuz Alshkovskogo. Iuz! Chteniia po sluchaiu 80-letii Iyuz Alshkovskogo* [The Tale in the Work of Yuz Aleshkovsky. Yuz! Readings on the Occasion of the 80th Birthday of Yuz Aleshkovsky]. Pp. 131–143. Middletown, Connecticut. Wesleyan University. (In Russian)

Schmid, V. (2008). *Narratologiya* [Narratology]. 304 p. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1980). *Izbrannye proizvedeniia. O iazyke hudozhestvennoi literatury* [Selected Works. About the Language of Fiction]. 360 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Зайнуллина Эльвира Азатовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zainullinaelvira77@gmail.com

Zainullina Elvira Azatovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zainullinaelvira77@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-174-181

УДК 94(47)''18''(092)

РУССКИЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ КИТАЯ

© Ли Пэнфей

RUSSIAN SENTIMENTALISM IN THE MIRROR OF CHINESE LITERARY STUDIES

Li Pengfei

This article focuses on a comprehensive review of Chinese literary scholars' contemporary conceptions on the genesis, poetics, and typology of sentimentalism in the Russian literary culture of the late eighteenth and early nineteenth centuries. We are interested in five main thematic-typological models of the sought-after perception:

- (a) Consideration of Russian sentimentalism in the context of the Western European literary process;
- b) Analysis of the emergence and development of sentimentalism in Russia;
- c) Study of the system of sentimentalism views as a literary ideology;
- d) Study of the prospects of Russian sentimentalism in the literature of the nineteenth century and beyond;

e) Overview of the problem of the so-called "Chinese sentimentalism" in the works on the history of Western and Russian sentimentalism, including those with a typological comparison of the Chinese understanding of sentimentalism and Western European views.

One of the indicators of Chinese reception is the connection of several levels, several points of view, in one problem analysis. Also, of great importance is the simultaneous consideration of the socio-historical, moral-philosophical, and general culturological aspects of the issue in the studies of Chinese scholars.

In general, it is this research base that becomes the main one when preparing Chinese philologists for analyzing the work of the major representative of Russian sentimentalism, Nikolai Karamzin.

In the article we used such methods of research as: biographical, genetic, psychological, comparative-typological, historical-typological, as well as elements of the systemic approach.

Keywords: 18th century literary culture, Russian Sentimentalism, Chinese literary criticism, singularity of perception.

В центре внимания статьи – комплексный обзор современных концепций китайских литературоведов о генезисе, поэтике и типологии сентименталистского направления в литературной культуре России третьей трети XVIII – начала XIX века. Нас интересуют пять основных тематико-типологических моделей искомого восприятия:

- а) рассмотрение русского сентиментализма в контексте западноевропейского литературного процесса;
- б) анализ возникновения и развития сентиментализма в России;
- в) изучение системы взглядов сентиментализма как литературной идеологии;
- г) исследование перспектив русского сентиментализма в литературе XIX века и последующего времени;

д) обзорное обращение в работах по истории западного и русского сентиментализма к проблеме так называемого «китайского сентиментализма», в том числе – через типологическое сравнение китайского понимания сентиментализма и западноевропейского.

Один из показателей китайской рецепции – соединение в одном проблемном анализе нескольких уровней, нескольких точек зрения. Также большую роль играет одновременное рассмотрение в исследованиях китайских ученых социально-исторической стороны вопроса, нравственно-философской и общей культурологической.

В целом именно эта научно-исследовательская база становится главной при подготовке китайских филологов к анализу творчества крупнейшего представителя русского сентиментализма – Николая Карамзина.

В статье нами использовались такие методы исследования, как биографический, генетический, психологический, сравнительно-типологический, историко-типологический, а также элементы системного подхода.

Ключевые слова: литературная культура XVIII века, русский сентиментализм, китайское литературоведение, своеобразие восприятия.

Во взглядах китайских филологов на сентиментализм «вовне», в русской и европейской литературе, можно выделить пять основных аспектов:

а) рассмотрение русского сентиментализма в контексте западноевропейского литературного процесса (здесь китайские ученые достаточно консервативны, систематизируют представления литературоведов, распространенные с середины XX века; общая картина есть в книге: [Орлов]);

б) анализ возникновения и развития сентиментализма в России;

в) изучение системы взглядов сентиментализма как литературной идеологии (параллель при изучении русской литературы – в работах: [Кочеткова], [Иванов]);

г) исследование перспектив русского сентиментализма в литературе XIX века и последующего времени (на примере произведений Карамзина этот вопрос рассматривала Л. А. Сапченко [Сапченко]);

д) обзорное обращение в работах по истории западного и русского сентиментализма к проблеме так называемого «китайского сентиментализма» – в работе: [Хэ Синь] (в том числе дается типологическое сравнение китайского понимания сентиментализма и западноевропейского).

Часто разные аспекты рассмотрения встречаются одновременно в работе одного ученого, пишущего о явлении сентиментализма. Начнем с одного из наиболее показательных примеров.

Известный китайский филолог Хэ Синь в 2015 году опубликовал монографию «Сентиментальность поэзии «Да Ли». В основе концепции ученого – гипотеза типологического сравнения классического западноевропейского сентиментализма и китайского сентиментализма. В основе сентиментализма Западной Европы, отмечает Хэ Синь, – социо-рациональное и одновременно сильно выраженное личностное начало.

Интересно, что в некоторых моментах такая, как будто бы традиционная, давняя точка зрения все же дополняется китайскими интерпретаторами за счет новых научных гипотез, сформировавшихся к концу XX – началу XXI века. Так, Хэ Синь, размышляя о природе сентиментализма Европы, замечает: «Западный сентиментализм подчеркивает рациональные эмоции» [Хэ Синь, с. 6].

Этот тезис полностью соответствует недавней концепции профессора А. С. Курилова, согласно которой сентиментализм в России до начала XIX столетия – это ответвление нормативного рационалистического классицизма [Курилов].

Социальный аспект признает в европейском сентиментализме большинство литературоведов Китая. Если Хэ Синь говорит о «европейском буржуазном просвещении XVIII века» как стимуле возникновения данного направления [Хэ Синь, с. 6], то профессор Жэнь Гуансюань идет еще дальше. В его книге «Краткая история российской литературы» (2006) прямо указывается, что на зарождение мирового сентиментализма повлияла «промышленная революция в Британии», а сам сентиментализм, соответственно, явился «... продуктом исторической реальности, когда концепция „просветительского разума“ серьезно пострадала и усилились капиталистические социальные противоречия...» [Жэнь Гуансюань, с. 30–31]. Кстати, такой социологический подход замечен будет у китайских ученых и при анализе взглядов Карамзина (при разборе утопических «крестьянских» реформ русского писателя).

В китайском сентиментализме, пишет дальше Хэ Синь, меняются характер эмоций и охват проблемы. На смену европейскому индивидуалистическому подходу («депрессия, печаль и грусть внутреннего мира автора и человека вообще как отдельной личности»), приходит в китайской литературной культуре историко-национальное видение, благодаря чему и сентиментализм приобретает новые черты. Ведущие темы и мотивы китайского сентиментализма – «... печаль мира; внутренняя боль от того, что Родина попала в руки врага; оплакивание несчастий жизни при постоянном стремлении найти свое место в обществе; озабоченность страны и нации тяжелыми потрясениями в истории...» [Хэ Синь, с. 8]. В итоге Хэ Синь ссылается на своего предшественника и учителя Ли Цзэху: можно говорить о том, что в центре китайской сентименталистской литературной культуры – «... очень сильная печаль о взлете и падении страны...» [Там же].

Прямо влияет все это и на понимание миссии писателей, главная задача которых перед обще-

ством и народом – исполнение «социальных и исторических обязанностей» [Там же].

Нам важно в заключение отметить, что в России, в русской литературе, именно Карамзин вышел на похожее понимание: соединил идеи художественного изучения души человека с новыми представлениями об истории и национальной культуре (что, конечно, повышает интерес к его творчеству в китайском литературоведении).

В то же время в интерпретации возникновения русского сентиментализма филологическая наука Китая часто традиционна и даже консервативна. Это хорошо видно в следующем обзорном суждении Хэ Синя: «... это направление, появившееся в западноевропейском буржуазном просвещении в конце XVIII века, называемое также „чувствительным направлением“ или „предромантизмом“: из-за отказа от разума и стремления к эмоции...» [Там же, с. 6–7]. В западном и советском литературоведении 1940–1960-х годов сложилось целое научное направление, утверждавшее тождественность сентиментализма и предромантизма в литературном процессе ([Пумпянский], [Nebel]); немного позже на базе этих идей появилась гипотеза о том, что сентиментализм – вид предромантизма [Grasshoff].

Социологический подход приводит современных китайских литературоведов и к поиску противоречий в программе сентиментализма как литературного движения. Здесь идет явное наследование концепции одного из первых советских литературоведов, обратившихся к целостному анализу этого направления в России, – П. А. Орлова (его книга «Русский сентиментализм» вышла в 1977 году) [Орлов].

Повторим главные идеи такой интерпретации в восприятии учеными Китая: с одной стороны, сентиментализму присущ «...упадочный, темный и грустный тон», «...описание несчастных встреч и трагической судьбы персонажей...», с другой стороны, главное для писателей сентиментализма – «основа идеологии и социальной психологии», «глубокое сочувствие страданиям людей на дне (жизни. – Л. П.)» и «определение „сердца добра“ как сущности природы человека, признание назначения искусства в воспитании человеческих чувств...» [Жэнь Гуансюань, с. 30].

Истоки русского сентиментализма китайская филология тоже нередко увязывает с социальным и политическим окружением культуры, выделяя следующие его внешние причины:

– «социальный кризис, вызванный крестьянским восстанием во главе с Пугачевым и критическим отношением к самодержавному правительству»;

– «беспокойство за крушение системы крепостного права и страх (интеллигенции. – Л. П.) перед национально-освободительным движением» [Жэнь Гуансюань, с. 31]. Похожее понимание проблемы – в обзорной статье Хуан Ианя «Краткий обзор развития литературы времени русской дворянской литературы» (1989). Так, ученый пишет, что «сентиментализм», как и «пассивный романтизм», представляет собой одновременно и «отражение кризиса в аристократическом классовом сознании» и «оружие для дворянской усадьбы, чтобы защитить себя в паническом и безрадостном будущем». Цель такого «оружия» – «...прикрыть все острые противоречия ... в обществе моральными нормами, ... чувствами...» [Хуан Иань, с. 51].

Обнаруживается в итоге четкая преемственная связь с традициями советского классического литературоведения: в разных работах отмечались в разные годы и созерцательный, пассивный характер дворянского сентиментализма в России, и зарождение «демократического» сентиментализма как реакции на народные волнения и крестьянские войны, и стремление к утопическому пониманию общества через идиллию [Орлов]. П. А. Орлов, отметив в заключение для сравнения, даже этапы и виды русского сентиментализма ставил в прямую зависимость от социополитической ситуации, когда выделил консервативный «дворянский сентиментализм», передовой революционный «демократический сентиментализм» и период «кризиса русского сентиментализма» вследствие отхода этого направления от актуальных общественных проблем [Орлов].

Рассмотрев самые важные примеры, хотим обратиться к работе еще одного известного современного китайского литературоведа – Сюй Мэни. Этот исследователь ставит перед собой задачу «собрать» в системе главные черты сентиментализма как литературной идеологии.

Ключевыми ученый считает три момента в программе сентиментализма:

1. В центре понимания мира находятся «эмоциональное поклонение, ... воспевание индивидуальных чувств людей и ... подробное описание изменений внутренних человеческих эмоций...»;

2. Создается идеальная модель нового человека, который «...должен иметь доброе сострадание, стремиться к (внутренней, нравственной. – Л. П.) свободе и дорожить семейной жизнью...»;

3. Восхваление идиллической жизни и природы как «идеального рая», когда люди живут как простые поселяне, становятся едины с природой, а город становится источником зла...» [Сюй Мэни, с. 85].

Поскольку мы пишем о восприятии китайским литературоведением творчества русского писателя-сентименталиста Николая Карамзина, нам важно обращаться постоянно и к наблюдениям российских ученых. В данном случае суждения Сюй Мэни оказываются очень близкими наблюдениям М. В. Иванова в его монографии «Судьба русского сентиментализма» (1996). Русский филолог выделяет три идейно-тематические основы сентименталистской программы: «тема незащищенности человека перед миром и культивирование его способности сострадать и войти в мир другого человека»; «проблема высокой семейной жизни, культ домашнего очага, женщины и ребенка», «представления о едином ритме природы и человеческого сердца» [Иванов].

Как видим, происходит активное собирание гуманитарной наукой Китая и новейших достижений.

Но и это еще не все. В некоторых случаях системные обзоры литературы русского сентиментализма делаются в Китае и раньше, чем в России. К примеру, если итоговые монографии Н. Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» и М. В. Иванова «Судьба русского сентиментализма» вышли в 1994 и 1996 году, то программная статья Фан Пина «Обозрение сентиментализма в России» – в 1991 году.

Теперь перейдем к такому важному вопросу, как восприятие истоков сентиментализма в России китайским литературоведением. Первое, что сразу обращает на себя внимание: китайским литературоведам достаточно хорошо известны авторы как раннего, так и позднего сентиментализма в России. В исследовании Сюй Мэни 2003 года названы обзорно произведения Федора Эмина, Михаила Хераскова и Михаила Муравьева как показательные примеры русского сентименталистского движения 1760–1770-х годов. Ранний русский сентиментализм – время прямых предшественников и учителей Карамзина. В первых новых русских произведениях, отмечают наши ученые, хорошо видны основные особенности этого периода.

Снова обратимся к работе Сюй Мэни:

а) подражание западноевропейскому сентиментализму (особенно – Руссо и Гете) и одновременно стремление создать похожее произведение «по шаблону»: «...так в русском литературном мире появился «Российский Вертер», который стал даже ... любимым чтением молодых крестьянских девушек...» [Сюй Мэни, с. 85];

б) упрощенная характеристика персонажей, ряд ненужных направлений в сюжете, отсутствие гармонии и единства в языке и стиле (подробнее:

[Там же, с. 88]). Первая и особенно вторая приметы типичны для творчества Ф. Эмина;

в) введение в повествование, пусть пока еще и несколько абстрактно, образа «сочувствующего человека» (как происходит в поэмах Хераскова), «...с созданием характерного прецедента для выражения личных чувств...» [Там же, с. 87];

г) выработка своего особенного «личностного стиля» с автобиографизмом, что особенно заметно в дружеских посланиях Михаила Муравьева, персонажи которых «...живут простой и скромной жизнью, вносят свой вклад в жизнь доброго сообщества и довольны собой...» [Там же];

д) идея «внеклассовой» ценности и достоинства личности, стимулирующая изображение «представителей среднего и низшего сословий», что «...является причиной успеха сентиментальных произведений среди обычных людей» (среди первых новых произведений – роман Ф. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры») [Чжэн Тыву, с. 31];

е) промежуточное, переходное положение между классицизмом и романтизмом, что особенно хорошо заметно в лирике Хераскова. Чжэн Тыву размышляет о том, что сентиментализм Хераскова, с одной стороны, восходит к некоторым открытиям Ломоносова. В то же время, с другой стороны, «...лирические стихи Хераскова подготовили почву для ... романтизма с точки зрения идеологического содержания и языковых средств его выражения...» [Там же, с. 33].

Поздний русский сентиментализм, по интересной гипотезе китайского литературоведения, во многом повторит поэтику раннего сентиментализма – так произойдет, допустим, в творчестве Николая Эмина (Эмина-младшего) и Павла Львова (их «чувствительные романы» «Роза» и «Игра судьбы» Эмина и «Российская Памела» и «Роза и Любим» Львова) [Сюй Мэни, с. 86]. В то же время заметно и движение дальше: приближение языка к фольклору, усиление роли лирических аллегорий и обогащение жанровой системы литературы – все это характерно для творчества ученика и друга Карамзина Ивана Дмитриева [Цзэн Сыи, с. 5].

Рассматривая вопрос о системе взглядов сентиментализма как литературного движения, китайские филологи сосредоточивают внимание на следующих моментах:

– история западного сентиментализма в именах и произведениях (писатели как теоретики нового явления);

– изменение оценок сентименталистской литературы в литературной культуре;

– сама эстетика сентиментализма.

В первом случае, например, интересно, что, кроме наиболее известных в мировой литературе Сэмюэла Ричардсона и Лоренса Стерна, наши соотечественники обращают внимание и на творчество Генри Маккензи, одно из произведений которого – «Человек чувства» – вообще выглядит как манифест. Китайский исследователь Ло Цзяцай в своей статье «О сентиментализме и модернизме» написал, что тенденция чувствительности в сентиментализме может достигнуть и крайней степени, близкой к абсурду, как в романе «Человек чувства», где герой весь день проливает слезы, и почти любая мелочь вызывает у него скорбные чувства и приводит к самым трагическим проявлениям [Ло Цзяцай, с. 50]. Чжу Вэйхун к литераторам мирового сентиментализма относит даже известного философа Рене Декарта, потому что он в своей книге «Страсти души» выделяет в качестве основы эмоционального мира личности шесть «простых страстей»: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль [Чжу Вэйхун, с. 75].

Другая сторона проблемы – восприятие этики и эстетики сентиментализма в литературной культуре. В целом, как отмечает Чжу Вэйхун, среди существенных недостатков сентиментализма – «чрезмерное выражение эмоций», «аморализм» позднего сентиментализма с его игрой в чувства (стернианство) и «странность чувства вообще на фоне его почти полного несоответствия историческим реалиям» [Там же, с. 74]. Здесь идет в гипотезах китайских ученых возврат к социологическому рассмотрению литературы, с проведением прямых параллелей к задачам исторического развития общества (об этом мы писали и выше).

В оценке нравственных взглядов сентиментализма филологи Китая идут дальше. В центре рассмотрения в этом заключительном, третьем случае – так называемая «философия моральных эмоций» (Шефтсбери, Хатчесон, Юм и Смит). «Чувственное восприятие» соответствует «эмоциональному требованию», а далее идет реализация / использование эмоций как «источника морали и нравственности» [Там же] и, наконец, «концепция морального сознания» у Шефтсбери [Шефтсбери].

Постепенно от просто системного обзора взглядов западных эстетиков сентиментализма китайские авторы-ученые переходят к проведению параллелей изучаемого материала с национальной философией, что потом в полной мере проявится и в ходе анализа «чувствительных повестей» Николая Карамзина. Приведем самое важное суждение: «С одной стороны, принцип жизни во вселенной представляет собой сбалан-

сированную и гармоничную красоту, которая трогает душу и эмоции человека... С другой стороны, в силу ... присущего человеку чувства красоты и морали (современные российские литературоведы пишут здесь о законе «калокагати» – см.: [Кочеткова]), он может ... воспринимать принципы жизни во вселенной и регулировать свои собственные импульсы в соответствии с внутренними принципами, которые совместимы с принципами жизни во вселенной, регулировать этические отношения семьи, друзей и даже всего человечества...» [Чжу Вэйхун, с. 77].

Размышления о развитии русского сентиментализма и этапах его истории закономерно приводят китайских литературоведов и к такой проблеме, как «Традиции сентиментализма в последующей литературе».

В русском литературоведении наиболее подробно разработан вопрос о традициях сентименталистского направления у писателей XIX века; особое внимание уделяется двум вопросам:

а) последующее влияние карамзинизма (очень важны работы Н. Б. Спектор [Спектор 1998] и Л. А. Сапченко [Сапченко];

б) восприятие сентиментализма и его идей каким-либо отдельным писателем русской литературы XIX века (главные фигуры – Пушкин, Гончаров и Достоевский).

Отдельно в рассмотрении находится вопрос о так называемом «нео-сентиментализме» (на примере творчества Л. Петрушевской, с большой общей библиографией по этому вопросу – [Прохорова]).

Ученые Китая рассматривают изменения и новые традиции в русском сентиментализме XIX–XX веков как одну общую систему, которая зависит и от европейских влияний, и от социально-исторических условий, и от складывающихся внутри нее идей. Этот третий момент, мы думаем, самый важный.

Подведем итоги нашего рассмотрения.

На материале очень широкого обзора творчества русских писателей, от Пушкина и Достоевского до Распутина, наши соотечественники стараются найти главные общие черты развивающегося сентиментализма в России.

Вот самые важные наблюдения китайских ученых:

а) «признание важнейшего значения силы эмоций как показателя высокого морального уровня человека, а не видимости или слабости» [Сюй Мэни, с. 88];

б) «четкая творческая цель – дать людям нравственное воспитание» [Чжу Вэйхун, с. 79];

в) «суть сентиментализма – красота природы» [Гао Хань, с. 68]; «природа» понимается

очень разнообразно: и как «начало, создающее красоту и богатство», и как «дары природы» человеку, и как «формирование человеческих природных эмоций в природе» [Гао Хань, с. 68–69];

г) движение «к большей естественности и динамичности» при сохранении главного морального конфликта между «простодушной дочерью природы и великовозрастным «ребенком» из мира городской жизни, с психологическими комплексами, отклонениями (в творчестве А. С. Пушкина, прямая параллель – между романом «Евгений Онегин» и карамзинской повестью «Бедная Лиза») [Фан Пин, с. 40–41];

д) явление «сентименталистских» лирических отступлений в прозе И. С. Тургенева, с характерным «набором» таких чувств, как печаль, грусть, пессимизм, «трагическая трогательность», и внутренними монологами для раскрытия чувств (особенно – в романах «Накануне» и «Дворянское гнездо») [Там же, с. 42];

е) изображение несчастья людей в «подошвенном» (низшем) слое городской цивилизации, с господством ощущений одиночества, унижения и главным вниманием писателя к «бессознательному взгляду» и «душевному излому» (романы Достоевского начиная от первого его произведения – «Бедные люди»);

ж) развитие идей Ж.-Ж. Руссо и полемика с ними (в творчестве Льва Толстого – вплоть до такого итогового произведения, как «Анна Каренина»);

з) значительная ослабленность личностного индивидуалистического начала и сильный рост группового, коллективного сознания, в основе которого патриотизм, гуманизм, альтруизм и даже определенный национализм (в XX веке, например, в повестях Валентина Распутина «Прощание с Матерой», «Последний срок»); это явление, кроме того, вписывается в такой важный культурный процесс как «историческая ностальгия» [Там же, с. 44–45].

По образному сравнению Фан Пина, русский сентиментализм, который отозвался в литературе России долгим эхом, очень похож на комету: «она задела литературный мир; хотя сущность кометы мала и ее яркость ограничена, за ней стоит длинный тонкий хвост...» [Там же, с. 43].

Именно под влиянием сентиментализма, считают китайские литературоведы, начинаются существенные изменения в системе направлений литературы. Литература развивается к романтизму и психологическому реализму: «...русская сентиментальная литература является не только предшественницей русской романтической литературы, но и матерью реалистической русской литературы» [Там же, с. 44].

Первое законченное целое воплощение идеи русского сентиментализма находят в творчестве Николая Карамзина и во взглядах этого писателя на мир и людей.

Список литературы

Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма. СПб: Наука, 1996. 336 с.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб.: Наука, 1994. 288 с.

Курилов А. С. Классицизм, романтизм и сентиментализм (К вопросу о концепциях и хронологии литературно-художественного развития) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. науч. тр., посв. памяти В. А. Запавова. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 47–55.

Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: МГУ, 1977. 270 с.

Прохорова Т. Г. Проза Л. Петрушевской как художественная система. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 264 с.

Пумпянский Л. В. Сентиментализм // История русской литературы: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. IV, Ч. 2. С. 430–445.

Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин. Судьба наследия (Век XIX). М.: МПГУ; Ульяновск: УлГУ, 2003. 380 с.

Снектор Н. Б. Н. М. Карамзин в художественном сознании Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 209 с.

Шефмсберн А.-Э. К. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1974. 536 с.

Grasshoff H. Zur Rolle des Sentimentalismus in der historischen Entwicklung der russischen und der westeuropäischen Literatur // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1963. Bd. VIII. S. 558–570.

Nebel H. M. N. M. Karamzin: A Russian sentimental. The Hague, Paris, 1967. 190 p.

任光宣. 俄罗斯文学简史. – 北京: 北京大学出版社, 2006. 487 с. (Жэнь Гуансюань. Краткая история Российской литературы. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006. 487 с.)

徐孟宜. 感伤主义与《可怜的丽莎》 // 俄语语言文学研究. 2003. № 01. С. 85–94 (Сюй Мэни. Сентиментализм и «Бедная Лиза» // Изучение русского языка и литературы. 2003. № 01. С. 85–94).

曾思艺. 试论俄罗斯抒情诗的发展历程 // 邵阳学院学报 – 2016. № 15(01). С. 84–104 (Цзэн Сыи. Оценка истории развития русской лирики // Вестник института Шяояна. 2016. № 15(01). С. 84–104).

方坪. 俄国感伤主义文学述评 // 怀化学院学报. 1991. № 10(3). С. 42–45 (Фан Пин. Обзор сентиментализма России // Вестник «Хуайхуа» педагогического колледжа. 1991. № 10 (3). С. 42–45).

郑体武. 俄罗斯文学简史. – 上海: 上海外语教育出版社, 2006. 289 с. (Чжэн Тьву. Краткая история Российской литературы. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2006. 289 с.)

高寒. 人与自然 - 俄罗斯文学永恒的母体 // 名作欣赏. 2014. № 36. С. 68-69 (Гао Хань. Человек и природа - Вечный мотив русской литературы // Оценка шедевра. 2014. № 36. С. 68-69).

黄岩. 俄罗斯贵族革命时期文学简论 // 咸宁师专学报. 1989. № 11. С. 49-55 (Хуан Иань. Краткий обзор развития литературы времени русской дворянской революции // Вестник Сяньнинского педагогического института. 1989. № 11. С. 49-55).

朱卫红. 《多情客游记》与感伤主义小说的伦理价值 // 外国文学研究. 2007. № 05. С. 73-83. (Чжу Вэйхун. «Сентиментальные путешествия» и ценность этики художественной прозы // Изучение иностранной литературы. 2007. № 05. С. 73-83).

罗家财. 论感伤主义与现代主义 // 桂林师范高等专科学校学报. 2001. № 48. С. 50-53. (Ло Цзяцай. О сентиментализме и модернизме // Журнал Гуйлинского педагогического института. 2001. № 48. С. 50-53).

赫鑫. 大历诗歌的感伤色彩. - 大连: 辽宁师范大学. 2015. 31 с. (Хэ Синь. Сентиментальность поэзии «Да Ли». Далянь: Издательство Ляонинского педагогического университета. 2015. 31 с.).

References

Grasshoff, H. (1963). *Zur Rolle des Sentimentalismus in der historischen Entwicklung der russischen und der westeuropäischen Literatur* // Zeitschrift für Slavistik. Berlin. Bd. VIII. Pp. 558-570. (In German)

Ivanov, M. V. (1996). *Sud'ba russkogo sentimentalizma* [The Fate of Russian Sentimentalism]. 336 p. Sankt-Petersburg, Nauka. (In Russian)

Kochetkova, N. D. (1994). *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian Sentimentalism]. 288 p. Sankt-Petersburg, Nauka. (In Russian)

Kurilov, A. S. (2001). *Klassitsizm, romantizm i sentimentalizm (K voprosu o kontseptsiiakh i khronologii literaturno-khudozhestvennogo razvitiia)* [Classicism, Romanticism and Sentimentalism (on Conceptions and Chronology of Literary and Artistic Development)]. Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka: mezhvuz.sb.nauch.tr., posv.pamiat V. A. Zapadova. Pp. 47-55. Samara, OOO "NTC". (In Russian)

Nebel, H. M. (1967). *N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist*. 190 p. The Hague, Paris. (In English)

Orlov, P. A. (1977). *Russkii sentimentalizm* [Russian Sentimentalism]. 270 p. Moscow, izdatel'stvo Moscovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

Prokhorova, T. G. (2007). *Proza L. Petrushevskoi kak khudozhestvennaia sistema* [Prose of L. Petrushevskaya as an Artistic System]. 264 p. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

Pumpianskii, L. V. (1947). *Sentimentalizm. Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [Sentimentalism. History of Russian Literature: In 10 Vol.]. T. IV, Ch. 2, pp. 430-445. Moscow-Leningrad, izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)

Sapchenko, L. A. (2003). *N. M. Karamzin. Sud'ba nasledija (Vek XIX)* [N. M. Karamzin. The Destiny of the Heritage (The Nineteenth Century)]. 380 p. Moscow, Moscovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet; Ul'ianovsk, Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

Sheftsberi, A.-Je.K. (1974). *Esteticheskie opyty* [Aesthetic Experiments]. 536 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

Spektor, N. B. (1998). *N. M. Karamzin v khudozhestvennom soznanii L. N. Tolstogo: Dis. ... kand. fi-lol. nauk* [Karamzin in the Art Consciousness of Leo Tolstoy: Ph.D. Thesis]. 209 p. Ivanovo. (In Russian)

任光宣. 俄罗斯文学简史. - 北京: 北京大学出版社 (2006) [A Brief History of Russian Literature]. 487 p. Pekin, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. (In Chinese)

徐孟宜. 感伤主义与《可怜的丽莎》 //

俄语语言文学研究. (2003) [Sentimentalizm i "Bednaja Liza"]. Izuchenie russkogo iazyka i literatury. No. 01, pp. 85-94. (In Chinese)

方坪. 俄国感伤主义文学述评 // 怀化学院学报. (1991) [Fan Ping. Review of Sentimentalism in Russia]. Vestnik "Huaihua" pedagogicheskogo kolledzha. No. 10(3), pp. 42-45. (In Chinese)

曾思艺. 试论俄罗斯抒情诗的发展历程 //

邵阳学院学报. (2016) [Zeng Siyi. Evaluation of the History of the Russian Lyrics Development]. Vestnik instituta Shaoiana. No. 15(01), pp. 84-104. (In Chinese)

朱卫红. 《多情客游记》

与感伤主义小说的伦理价值 // 外国文学研究. (2007). [Zhu Weihong. "Sentimental Journeys" and the Value of Fiction Prose Ethics]. Izuchenie inostrannoi literatury. No. 05, pp. 73-83. (In Chinese)

罗家财. 论感伤主义与现代主义 //

桂林师范高等专科学校学报. (2001). [Luo Jiaqai. On Sentimentalism and Modernism]. Zhurnal Guilinskogo pedagogicheskogo instituta. No. 48, pp. 50-53. (In Chinese)

赫鑫. 大历诗歌的感伤色彩. - 大连: 辽宁师范大学. (2015). [He Xin. The Sentimentality of "Da Li" Poetry]. 31 p. Dalian', Izdatel'stvo Liaoninskogo pedagogicheskogo universiteta. (In Chinese)

郑体武. 俄罗斯文学简史. - 上海:

上海外语教育出版社, (2006). [Zheng Tywu. A Brief History of Russian Literature]. 289 p. Shanhie, Shanhaiskoe izdatel'stvo inostrannykh iazykov. (In Chinese)

高寒. 人与自然 - 俄罗斯文学永恒的母体 // 名作欣赏. (2014). [Gao Han. Man and Nature - the Eternal Motif of Russian Literature]. Otsenka shedevara. No. 36, pp. 68-69. (In Chinese)

黄岩. 俄罗斯贵族革命时期文学简论 // 咸宁师专学报. (1989). [Huang Yian. A Brief Review of the Litera-

ture Development in the Times of the Russian Nobility Revolution]. Vestnik Sian'ninskogo pedagogicheskogo instituta No. 11, pp. 49-55. (In Chinese)

The article was submitted on 09.12.2021
Поступила в редакцию 09.12.2021

Ли Пэнфей,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
penfej94@mail.ru

Li Penfej,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
penfej94@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-182-186
УДК 821.161.1

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ А. НЕПОМНЯЩЕГО

© Анастасия Милитчук

RELIGIOUS PROBLEMATICS IN THE LITERARY WORKS AND JOURNALISM OF A. NEPOMINYASHCHIY

Anastasiya Militchuk

The article describes religious views of the Russian rock bard A. Nepomnyashchiy. Based on the “Bread of the Earth” album, the blog “In hoc signo vinces!” in LiveJournal and the article “Orthodoxy and Rock Music”, the article reconstructs the poet’s Orthodox worldview, examines various aspects of his life and his perception of the world. In particular, it reveals the attitude of A. Nepomnyashchiy to the institution of the Church, to other religions, to the theme of faith in poetic art, to rock poetry and modern “industrial civilization”.

The work identifies the possibility of studying the dialogical relationships between Christian culture and rock poetry, and presents A. Nepomnyashchiy’s view of this problem.

In the course of this study, we found that in the early 2000s, the journalism, poetry and blog of A. Nepomnyashchiy revealed the rock poet’s well-rounded views on the relationships between Christianity and Russian culture, on the Orthodox Church and on the possibility of the coexistence of Orthodox ideology with protest sentiments, on the modern secular society, “industrial civilization”, other religions and Western culture. We highlight the contrast between the dominant moods in the diary and in his songwriting: in the poet’s LiveJournal simple positive entries prevail, but in the album “Bread of the Earth” eschatological motifs, the motifs of winter, cold, war, alienation and loss of love dominate.

Keywords: rock poetry, religion, faith, A. Nepomnyashchiy, “Orthodoxy and Rock Music”, “In hoc signo vinces!”, “Bread of the Earth”.

В статье рассматриваются религиозные взгляды русского рок-барда А. Непомнящего. На материале альбома «Хлеб земной», блога «Сим победиши!» в «Живом Журнале» и статьи «Православие и рок-музыка» автор реконструирует православную картину мира поэта, рассматривает различные аспекты его жизни и мировосприятия. В частности, выявляется отношение А. Непомнящего к институту Церкви, к другим религиям, к теме веры в поэтическом искусстве, к рок-поэзии и современной «индустриальной цивилизации».

В работе определяется возможность изучения взаимоотношений христианской культуры и рок-поэзии как диалогических. Раскрывается взгляд А. Непомнящего на эту проблему.

В ходе исследования констатируется, что в публицистике, поэзии и блоге А. Непомнящего начала 2000-х годов обнаруживаются сформировавшиеся взгляды рок-поэта на взаимоотношения христианства и русской культуры, православную церковь, на возможность сосуществования православной идеологии с протестными настроениями, современное светское общество, «индустриальную цивилизацию», другие религии и западную культуру. Отмечается контраст между доминирующими настроениями в дневнике и в песенном творчестве: в «Живом Журнале» поэта преобладают записи, отличающиеся позитивностью и особой простотой слога, а в альбоме «Хлеб земной» преобладают эсхатологические мотивы и мотивы зимы, холода, войны, отчуждения, утраты любви.

Ключевые слова: рок-поэзия, религия, вера, А. Непомнящий, «Православие и рок-музыка», «Сим победиши!», «Хлеб земной».

Александра Непомнящего неслучайно определяют как «православного рок-барда». Несмотря на неоднородность его творчества, мотивы богооставленничества в ранних альбомах, имен-

но он был одним из тех, кто сделал возможным диалог между рок-музыкантами и Церковью.

С середины 1990-х годов А. Непомнящий был одной из знаменательных фигур в россий-

ской контркультуре. В песнях этого периода доминировала социальная проблематика, отражающая радикальные неконформистские взгляды поэта. «Убей Янки», «Все, Кто Любит Вавилон», «Конец Русского Рок-н-Ролла» – эти и другие композиции являются примерами жесткой сатиры на современное общество, капитализм.

Однако уже к началу XXI века, после воцерковления А. Непомнящего, его творчество приобретает совершенно новый пафос – в поэзии утверждается любовь Бога к человеку, сила спасительной веры.

Религиозные взгляды А. Непомнящего как человека, ставшего в некотором роде миссионером для многих молодых людей, друзей и слушателей (например, он приобщил к Богу Бориса Усова [Сандалов, с. 452]), представляют определенный исследовательский интерес. Они выражены в его поэтическом творчестве (к примеру, в альбоме «Хлеб земной»), в эго-текстах (интервью, дневниковые заметки), в публицистике (в статье «Православие и рок-музыка»).

Одна из особо значимых проблем для А. Непомнящего – это взаимоотношения русской рок-культуры и православной церкви. Он размышляет об использовании христианского кода в литературе, о миссии поэта, о роли религии в жизни творца.

Так, А. Непомнящий однозначно определяет «особую этику говорения о Боге в русской культуре» [Непомнящий, 2002–2006] и приводит в качестве примера Анну Ахматову и ее традицию. По мнению рок-барда, это должна быть «этика прикровенного говорения» [Там же], предполагающая определенный разрыв между небесным и земным, отсутствие абсолютного права у творца говорить только о духовно-возвышенном. 4 февраля 2005 года в «Живом Журнале» поэт подчеркнул, что обмирщение, нивелирование пропасти между божественным и земным – это одна из самых серьезных опасностей для Церкви. Здесь же он выразил свое отношение к некоторым православным рок-исполнителям (в частности, к Константину Кинчеву), концерты которых, по его мнению, являются «профанацией», «зловещей пародией» и «антилитургией». В таком же ключе А. Непомнящий осуждает Гинтаса Абарюса, которого относит к неопятидесятникам церкви «Новое поколение».

Однако не вся рок-музыка, по мнению поэта, является антилитургией. Проводя четкую черту между ею и музыкой духовной (рок-музыка, по словам А. Непомнящего, несравнима с духовными песнопениями, она продолжение музыки народной, в которой есть и «драйв» задорной пля-

ски, и воодушевленная агрессия солдатской песни, и «вся гамма чувств, присущих земной человеческой любви» [Непомнящий, 2007]), он делает акцент на ее роли в формировании мировосприятия нового поколения. Музыкант отмечает, что хорошая светская литература заставляет думать, воспитывает совесть, помогает выплыть из бушующего моря жизни; для современной молодежи такой литературой едва ли не в первую очередь становится рок-поэзия.

В статье «„Время колокольчиков“ в свете церковного суда» бард заостряет внимание на том, что идеология русского рока избавила Поэта от праздности, вернув его на «Вечный Пост» пророческого служения. А стиль жизни на этом Посту А. Непомнящий сравнивает с евангельским: «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» [Там же].

Имена некоторых музыкантов, состоящих, с точки зрения А. Непомнящего, «на службе у Неба», можно узнать из его композиции «Разговор с небослужителем», в которой поэт, используя интертекст, выстраивает своеобразный диалог с творцами своего времени. Так, на «Вечном Посту» бард видит Е. Летова («*Нравится тебе „лечить“, брат, тех, кто в зоопарке лишний?*»), Б. Гребенщикова и А. Хвостенко («*Снежся город золотой, / Потому что не понял, над небом он или – под небом...*»), Я. Дягилеву («*Дом горит – овца не видит, дом горит – овца не знает...*»), Б. Усова («*Будут звезды на погонах, звери добрые в загонах / Процветание на долгие года, / Только нас уже не будет никогда...*») [Непомнящий, 2013, с. 208].

Наравне с обозначенными выше темами А. Непомнящий осмысляет роль религии в жизни поэта. Он подчеркивает наличие духовной опасности для поэта, который идет в Храм, ведь он может нарваться «там на цитирующих „откровения“ отца Рафаила (Карелина) и „лечащих“ не от грехов, а от этой самой судьбы» [Непомнящий, 2007].

Бард осуждает «православно-чиновничьих обличителей культуры», соглашаясь с В. В. Розановым в том, что «главная беда Церкви нашей не в консерватизме ее, не в учителях и в учении, а в „несносном ханжестве... некоторых любителей церковных дел“» [Непомнящий, 2002–2006]. В качестве примера А. Непомнящий приводит реакцию некоторых священнослужителей на смерть М. Цветаевой и Янки Дягилевой: самолюбование, злорадство, насмешка, подкрепленные библейскими цитатами (29 августа 2002 года) [Там же].

Необходимо, однако, отметить, что поэт не дискредитирует роль Церкви в жизни верующего человека. Напротив, он осуждает ее критиков и 16 января 2005 года объясняет заблуждения «маловерной и совсем неверующей публики» [Там же] о том, что сбывается пророчество: «при Антихристе храмы будут стоять, а ходить в них будет нельзя». Со знанием вопроса А. Непомнящий объясняет суть предсказания и опровергает его осуществление.

Еще один аспект размышлений А. Непомнящего в контексте проблемы взаимоотношения православной церкви и русской рок-культуры – это «протестность» последней.

Во-первых, поэт пишет о несостоятельности предъявляемых некоторыми священнослужителями обвинений. Так, он отмечает, что у о. Лазаря бунт против установленного порядка приравнивается к сатанизму и половым извращениям, хотя история знает немало случаев, когда православные выходили на пикеты, например «против репрессий <...> в отношении не принявших ИНН» [Там же].

Во-вторых, в мировоззрении А. Непомнящего не обнаруживается представление о том, что дорога к Богу параллельна пути протеста, следования против светских правил и системы. Напротив, в его произведении «Деяния», отсылающем слушателя к «Деяниям святых апостолов» (ср.: «*А иные растакие, насмехаясь, говорили: / Они напились сладкого вина*» [Непомнящий, 2013, с. 184] и «*А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина*» (Деяния 2:13)), ученики Иисуса Христа «*Били витрины гастрономов в подарок собакам, <...> Просто смеялись, всю ночь шатались по лужам...*» [Непомнящий, 2013, с. 185].

Касательно взглядов поэта на современное светское общество с позиции человека религиозного и верующего, необходимо отметить его обеспокоенность «безбожностью» урбанизации, расцветом капитализма, индивидуализма и гедонизма. По мнению А. Непомнящего, городская, «индустриальная цивилизация» движется от соборности к самоуничтожению, так как является «цивилизацией Каина» (по Библии первый город построил именно Каин) [Непомнящий, 2002–2006].

Недовольство траекторией развития общества, его отдалением от Бога, заменой любви «отчуждением» наиболее ярко выражено в песне «Стекло»: «*Повсюду правит великая мать, / А имущество хочет жрать <...> А воздух стоит энцать центов за литр <...> И теперь здесь повсюду Москва <...> А между людьми – все толще стекло...*» [Непомнящий, 2013, с. 214].

Немаловажным в контексте нашего исследования кажется отношение А. Непомнящего к другим религиям.

Так, помимо православия, поэт пишет о католичестве, мусульманстве и язычестве. К последнему он относится с пониманием, хотя однозначно отрицает истинность такого миропонимания: «Бедные наши язычники, исходящие из гармонии с миром, с природой – смотря на нее широкими русскими глазами – и не увидели **смысла** (здесь и далее выделено автором. – А. М.)» (26 апреля 2003 года) [Там же]. При этом А. Непомнящий указывает на существующую между православием и язычеством связь («Православие <...> не вставало **против** язычества – оно его просветляло, вставало **над** ним, замыкало и венчало горней высотой его смыслы» – от 19 марта 2003 года [Там же]), которая возвышает Византийское христианство над Римским («Одно из важных отличий Католичества от Восточного Христианства <...> – более жесткое отвержение „народной веры“, как якобы несущей невыносимые для христианина „языческие пережитки“...» – от 17 марта 2003 года [Там же]).

Именно католичество поэт называет худшей из всех названных религий. Ислам, по мнению А. Непомнящего, не обладает «полнотой истины», но хотя бы не «дерзает именоваться Христианством» (от 1 марта 2003 года) [Там же].

Непринятие западной культуры, противопоставление ее божественному свету нашло отражение и в творчестве А. Непомнящего, например в композиции «В защиту Свободы Слова»: «*А Правда там, где Царские Врата, / А на западе – по-прежнему тьма*» [Непомнящий, 2013, с. 212].

В дополнение ко всему вышесказанному, помимо анализа системы осознанных взглядов поэта, необходимо обратить внимание на его иррациональные религиозные воззрения.

Самым наглядным примером глубины и чистоты веры поэта являются его размышления о своей болезни – глиобластоме (злокачественной опухоли головного мозга), ставшей по своей сути смертным приговором (продолжительность жизни пациентов с таким диагнозом крайне редко превышает двухлетний рубеж). В дневнике А. Непомнящего нет даже тени роптания на Господа за посланное испытание. Напротив, поэт благодарит его и с миром принимает свой путь. Например, мысли от 30 августа 2004 года: «Живу как-то несуетливо и тихо. И душевно гораздо собранней и светлей, чем до болезни» [Непомнящий, 2002–2006], от 28 октября 2004 года: «А болезнь – Божье посещение. Практически, дар» [Там же]. Более того, рок-поэт благодарит Всевышнего за все успешные операции и выражает

свою уверенность в том, что вера – это реальное спасение в его «войне».

Безропотное принятие судьбы и мудрости апостола Павла, адресованной римлянам («Пути Господни неисповедимы» (Рим. 11:33)), находит метафорическое выражение в тексте песни «Взыскание погибших»: *«Спасибо, что нет пощады, – Огонь дают, как награду / Снопы повязанных Богом / Твоих колосьев лучей...»* [Непомнящий, 2013, с. 199].

Кроме того, признаки истинной веры, возвышающейся над обывательской религиозностью, обнаруживаются в философских заметках и рассуждениях А. Непомнящего в «Живом Журнале». Так, одна из наиболее ранних записей (от 16 марта 2003 года) посвящена Великому посту и иллюстрирует действительно светлый, православный взгляд на жизнь, ведь «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8): *«Весна. Солнце. Сверкающие сугробы. Радостные собаки сгибают по лужам. Пост...»* [Непомнящий, 2002–2006].

В целом большая часть дневниковых заметок А. Непомнящего на религиозную тему имеет исключительно светлый посыл: поздравления с церковными праздниками, размышления о силе веры, рассказы о посещении различных святынь, монастырей, молитвы и просто отвлеченно-возвышенные размышления о Боге и красоте жизни.

Например, в дневнике есть отдельные заметки, посвященные Пасхе и некоторым двенадцатым праздникам. При этом в большинстве случаев, поздравляя с последними, А. Непомнящий цитирует тропари (молитвенные стихи и песнопения в честь религиозного праздника или святого).

При этом за все годы в «Живом Журнале» поэта обнаруживается лишь одна молитва, цитируемая из дневников святителя Николая Японского. Ей Непомнящий заявляет о своей борьбе со своим главным искушением и пороком – гневом: *«...Сохрани меня, Господи, от гнева и дай спокойствие капитана, плывущего по беспокойному морю!»* (от 31 января 2005 года) [Там же]. Не удивляет тот факт, что это единственный пример в своем роде, поскольку этот жанр как «диалог с Богом» предполагает некоторую интимность, таинство, а не публичное обсуждение.

В этой связи рок-бард гораздо охотнее делится не своими внутренними мытарствами, «скорбями», а положительными эмоциями и впечатлениями, пережитыми, например, при посещении монастырей и других российских святынь, в частности, и потому, что рассказ о них на открытом ресурсе может подтолкнуть читателей к ана-

логичному паломничеству. Так, в качестве примера можно привести записи от 16 июля 2004 года о Высоцком монастыре в Серпухове: *«Очень порадовало меня все там – все так строго, просто, светло, и очень свободно дышится...»* [Там же], от 10 апреля 2005 года о дне памяти Иоанна Лествичника в Христорождественском храме Коврова: *«По-воскресному солнечно и празднично. Удалой праздничный звон. Радостные люди...»* [Там же]. Эти заметки отличаются позитивностью и особой простотой слога, отсутствием пафоса и проповеднического тона. Автор ни к чему не призывает, но возбуждает у адресата желание приобщиться к описанным явлениям.

Записи такого типа диссонируют с творчеством рок-барда. Так, в последнем альбоме А. Непомнящего «Хлеб земной» ведущими мотивами становятся:

- 1) эсхатологические (в том числе смерть): «Сны серого кота», «Разговор с небослужителем», «Матрица», «Нить» и т. д.;
- 2) зимы, холода, недоступности весны: «Чандала», «Сны серого кота» и др.;
- 3) войны: «Дороги свободы», «Автостопная 3», «Разговор с небослужителем»;
- 4) стекла, отчуждения, утраты любви: «Матрица», «Стекло», «Взыскание погибших».

Такой контраст настроений и мотивов может быть объяснен жанровой спецификой. Дневник (в данном случае блог) – это результат рационального мышления, рефлексии и самоанализа. В то же время поэзия – это плод иррационального, концентрация эмоций и чувств. Поэтому можно сказать, что в «Живом Журнале» отражены более «правильные», «отфильтрованные» мысли.

Таким образом, в публицистике, поэзии и блоге А. Непомнящего начала 2000-х годов обнаруживаются уже сформировавшиеся взгляды рок-поэта на взаимоотношения христианства и русской культуры, на православную церковь, на возможность сосуществования православной идеологии с протестными настроениями, на современное светское общество, на «индустриальную цивилизацию», на другие религии и западную культуру. Кроме того, в названных источниках отражены доминирующие в это время настроения и переживания рок-барда.

Список литературы

Непомнящий А. Православие и рок-музыка: возможен ли человеческий и человеческий разговор? // Собрание. 2007. № 9. URL: <https://www.sobranie.org/archives/9/5.shtml> (дата обращения: 13.10.2021).

Непомнящий А. Сим победиши! // Живой Журнал. 2002–2006. URL: <https://nepomnyashy.livejournal.com/> (дата обращения: 13.10.2021).

Непомнящий А. Стихотворения. М.: Выргород, 2013. 236 с.

Сандалов Ф. Формейшен. История одной сцены. М.: Common place, 2016. 568 с.

Смирнова С. Вопреки этому миру. Интервью с Александром Непомнящим // Порог. СПб.: Самиздат, 2001. № 2. С. 4–5.

References

Nepomniashchii, A. (2007). *Pravoslavie i rok-muzyka: Vozmozen li chelovecheskii i chelovechnyi razgovor?* [Orthodoxy and Rock Music: Is Human and Humane Talk Possible?]. *Sobranie*. URL:

<https://www.sobranie.org/archives/9/5.shtml> (accessed: 13.10.2021). (In Russian)

Nepomniashchii, A. (2002–2006). *Sim pobedishi!* [In hoc signo vinces]. *Zhivoi Zhurnal*. URL: <https://nepomnyashy.livejournal.com> (accessed: 13.10.2021). (In Russian)

Nepomniashchii, A. (2013). *Stikhotvoreniia* [Poems]. 236 p. Moscow, Vyrgorod. (In Russian)

Sandalov, F. (2016). *Formeishen. Istoriia odnoi stseny* [Formation. The Story of One Scene]. 568 p. Moscow, Common place. (In Russian)

Smirnova, S. (2001). *Vopreki etomu miru. Interv'iu s Aleksandrom Nepomniashchim* [In Spite of This World. An Interview with Alexandr Nepomniashchii]. *Porog*, No. 2, pp. 4–5. Saint Petersburg, Samizdat. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Милитчук Анастасия Андреевна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nastja-babina0@rambler.ru

Militchuk Anastasiia Andreevna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nastja-babina0@rambler.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-187-191
УДК 82:801.6

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭПИЧЕСКОГО СТИЛЯ В ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

© Илшат Насипов, Нурфия Юсупова, Рушан Шабакбаев

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EPIC STYLE IN THE TURKIC-TATAR RELIGIOUS-SUFI POETRY

Ilshat Nasipov, Nurfiya Yusupova, Rushan Shabakaev

The article reveals the formation of the epic style in the Turkic-Tatar Sufi poetry based on the works of A. Yasavi and S. Bakyrhani. The relevance of this kind of research is due, firstly, to the little-studied nature of this problem, and secondly, to the need to identify the features of the formation and development of the epic style and its specific features in Turkic-Tatar poetry. The object of the study is A. Yasavi and S. Bakyrhani's poetic texts, in which the peculiarities of the epic style are clearly manifested.

The scientific novelty is determined by a different approach to the study of Turkic-Tatar religious-Sufi poetry: in the course of this study, we focus on identifying the features of the formation and development of the epic style, as well as its "national" specifics. A purposeful analysis of poetic texts, their assessment in content and functional integrity will make it possible to identify new facets both in the works of A. Yasavi and S. Bakyrhani, and in the development of Turkic-Tatar poetry as a whole.

Our study found that as early as in Tatar oral folk art, a certain foundation was formed for the formation and development of Sufi literature, and love lyrical poetry glorified divine-earthly love and female beauty. The epic style, as a literary phenomenon, was first outlined in the works of A. Yasavi and S. Bakyrhani. In their works, ethnic motifs are brought to the fore, the humanistic-didactic approach dominates, the main stages and steps on the way to the Almighty are identified, and the religious-Sufi picture of the world is recreated. In the structure of these works, religious and Sufi ideas often converge and seem to be inseparable.

Keywords: Sufism, religious-Sufi poetry, Turkic-Tatar poetry, A. Yasavi, S. Bakyrhani.

В статье рассматривается формирование эпического стиля в тюрко-татарской суфийской поэзии на материале творчества А. Ясави и С. Бақыргани. Актуальность подобного рода исследования обуславливается, во-первых, малоизученностью данной проблематики, во-вторых, потребностью выявления особенностей формирования, развития эпического стиля и его специфических особенностей в тюрко-татарской поэзии. Объектом исследования являются поэтические тексты А. Ясави и С. Бақыргани, в которых отчетливо проявляются особенности эпического стиля.

Научная новизна определяется иным подходом к изучению тюрко-татарской религиозно-суфийской поэзии: в ходе исследования акцентируется внимание на выявление особенностей становления и развития в ней эпического стиля, а также его «национальной» специфики. Целенаправленный анализ поэтических текстов, оценка их в содержательной и функциональной целостности дадут возможность выделить новые грани не только в творчестве А. Ясави и С. Бақыргани, но и в развитии тюрко-татарской поэзии в целом.

В ходе исследования утверждается, что уже в татарском устном народном творчестве был сформирован некий фундамент для становления и развития суфийской литературы, в любовной лирике имеет место воспевание божественно-земной любви, женской красоты. Эпический стиль как литературное явление впервые намечается в творчестве А. Ясави и С. Бақыргани. В их произведениях на первый план выдвигаются этические мотивы, доминирует гуманистическое, дидактическое начало, прослеживаются основные этапы и ступени приближения к Всевышнему, воссоздается религиозно-суфийская картина мира. В структуре произведений зачастую религиозные и собственно суфийские идеи сближаются, что даже разделить их не представляется возможным.

Ключевые слова: суфизм, религиозно-суфийская поэзия, тюрко-татарская поэзия, А. Ясави, С. Бақыргани.

В тюрко-татарской поэзии суфизм занимает особое место, поэтические произведения, отражающие религиозные идеи и мотивы, заимствованные из Корана и хадисов, открывают неограниченные возможности для создания новых связей между мирскими и сакральными идеями. Суфиями лирика считается одним из наиболее «чувствительных» литературных видов, передающим мистическую любовь, трансцендентальные идеи и внутреннее состояние суфия. Как отмечают Г. Рахим и Г. Губайдуллин, «вместе с официальным исламом среди наших татар с глубокой древности распространяется и суфизм. Поэтому мы видим сильное влияние суфизма в тюрко-татарской поэзии» [Абилов, с. 357]. На эту особенность словесного искусства еще на рубеже 1920–1930-х годов обратил внимание литературовед Ф. Туйка: «опираясь на найденные нами материалы, мы можем характеризовать данный период литературы как эпоху, проникнутую религиозно-суфийскими идеями» [Туйка, с. 42].

По нашему мнению, для сравнительно быстрого освоения суфизма среди тюрко-татар и развития суфийской поэзии были сформированы определенные предпосылки. С одной стороны, имелась определенная идеологическая почва. Как уже известно, «древние тюрки в своей истории прошли большой и длинный путь от язычества, от многобожия к единобожию, к признанию Тангрэ. Каждый поступок, каждое дело совершается именно желанием и поддержкой Тангрэ» [Татар әдәбияты тарихы, с. 64]. Особенность верования и волатизации этих качеств зафиксированы в памятниках Культегин, Бильге-кагане и Тоньюкук. В них идеализируются образы каганов, возводятся в Идеал, образец совершенства, и, таким образом, создается культовая традиция. Подобная тенденция приобретает традиционный характер в мировоззрении у тюрко-татар.

С другой стороны, изучая азербайджанскую литературу, ученые называют народную ашугскую поэзию уникальным явлением, связующим звеном, прочным поэтическим мостиком между фольклором и письменной литературой [Габибейли, Багиров, с. 183]. Как нам представляется, эту же мысль можно повторить и на материале тюрко-татарской письменной литературы. Для становления и развития суфийской поэзии был сформирован некий фундамент уже в татарском устном народном творчестве, так как воспевание божественно-земной любви, женской красоты, выражение возвышенной любви к возлюбленной через знакисимволы имеют место в народной любовной лирике, которая является первой матрицей символического мышления [Юсупова, с. 61–91].

Ученый Рашат Амирханов, изучавший средневековую философскую мысль, отметил, что в тюрко-татарском мире словесное искусство развивается в двух направлениях: в религиозном и светском. Первое связано с именем Ходжи Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, второе направление проявляется в творчестве Юсуфа Хаса Хаджиба Баласагуни, Ахмеда Югнэки [Амирханов, с. 34]. А. Сибгатуллина отмечает, что уже в поэме «Котадгу белег» Ю. Баласагунского намечаются суфийские идеи, отраженные в образе Одгурмышы: Одгурмыш – аскет, бродяга, отшельник, посвятивший себя служению только Богу: его питание – травяные корни, питье – дождевые воды, одежда – из мешкового полотна [Сибгатуллина, 2013, с. 7]. В работах русского ученого М. С. Фомкина Одгурмыш также обозначен не только отшельником, но и шейхом [Фомкин, с. 70].

В средневековой персидской поэзии ученые выявляют два направления: «труднодоступная простота (саһл-е мөмтани)» и «новое особенное изящество (фиганият)» [Пригарина, с. 104–105]. Этим классическим путем развивается и тюрко-татарская суфийская поэзия: простой, эпический стиль, ориентированный на дидактическое начало, и изящный стиль, ориентированный на символическое мышление и многослойную структуру. Изящный стиль в татарской поэзии впервые появляется в произведениях Кул Шарифа и достигает вершину в своем развитии в татарской поэзии XIX века, в частности в произведениях Ш. Заки [Юсупова, Юсупов, с. 230–235]. Как отмечали Г. Рахим и Г. Губайдуллин: «У нас редко появлялись такие писатели, как Шамсутдинсуфи, которые достигли вершин суфийской поэзии» [Рэхим, с. 149]. В отличие от первого стиля, второй имеет свой особый «язык», он адресован определенному типу читателя, который знаком с основами суфизма.

Эпический стиль впервые появился в творчестве А. Ясави и его ученика С. Бакыргани, основателей суфийского направления ясевия. Об этом свидетельствуют поэмы «Дәфтәри әүвәл» («Первая тетрадь») и «Дәфтәри сани» («Вторая тетрадь», «Диване хикмет») Ахмеда Ясави, 36 рассказов и 3 поэмы С. Бакыргана. В эпических произведениях лирический герой верит в Бога, стремится к духовному совершенству, воссоединению с Ним и зовет других за собой. А. Сибгатуллина отмечает, что примат дидактического содержания неизбежно отодвигал на второй план художественный аспект поэзии, и это следует воспринимать не как отсутствие таланта, а как литературную традицию, присущую всем тюркоязычным народам, произведения татарских поэтов не относятся к такому высокому, изящному стилю, как у

персидских суфиев [Сибгатуллина, 2000, с. 31]. Однако здесь можно было бы проводить параллели с древней мусульманской суфийской поэзией: И. М. Фильштинский отмечает декларативный характер произведений той эпохи и определяет, что художественная высота на начальном этапе зависит не столько от сложных образов, сколько от эмоционального подъема [Фильштинский, с. 224]. Такая же тенденция присуща и тюрко-татарской поэзии.

В произведениях А. Ясави и С. Бакыргани доминирует дидактическое начало, преобладают призывы к духовному развитию, к нравственности, стремление души соединиться с Богом, мотивы ложности земной жизни; ощущается критическое отношение к общественным порядкам, язычеству. Кроме того, прослеживаются основные этапы приближения к Богу.

В суфизме настроение человека, оказавшегося на пути к Богу, называется «халь», и в оборот входят девять его разновидностей: ощущение близости к Всевышнему, возвышенная любовь, боязнь, чувство собственной грешности, покаяние, надежда на милосердие Бога, страсть, созерцание, надежда, истинное постижение. Произведения А. Ясави художественно воплощают эти переживания, которые отражаются в монологах и диалогах лирического героя. Религиозная картина мира структурируется через такие универсальные бинарные оппозиции, как человек / Всевышний, земной / трансцендентальный, которые выступают средством оценивания земной жизни и духовного совершенства. На этом фоне земная жизнь воспринимается как источник греха, невежества, а трансцендентальный мир представляется неким светом, красотой, святостью, местом встречи с Богом. Например:

«Күзләремдин каннар түгеп яд итмәдем,
Йөз мен төрлек михнәт салдын, дад итмәдем,
Синдин куркып, хастә күңлем шат итмәдем,
Ләмәкәндә Хакдин сабак алдым мына» [Ясәви, 2003, с. 58]. –

«Глаза мои были неверны.
Сто тысяч разных страданий вложил.
Я боялся Тебя и не был рад.
Когда я не умолял, я получил урок»
(здесь и далее подстрочный перевод наш. – И. Н., Н. Ю., Р. Ш.).

Смыслом земной жизни, по мнению Ахмада Ясави, является подготовка к переходу в тот, «трансцендентальный» мир, движение души к пути слияния с Богом. Ясави перечисляет признаки конца света, доводя таким образом и экзистенциальные мотивы о реальном – крайне близком к границам трансцендентального бытия, о том, как

коротка земная жизнь и находится на грани апокалипсиса:

«Халакикълар, фысык булып, динен йотты» [Ясәви, 2000, с. 65]. –

«Они презрительно глотали веру».

Такие размышления приводят лирического героя к пониманию неизбежности смерти. Через эту экзистенциальную истину автор излагает мысли о Бытии и Небытии, об ответе перед Богом, призывает каждого человека подготовиться к этому пути, заглянуть в свою душу:

«Гомрем ахыр булганда ни кылгаймын, Ходая?

Жан аглучы килгәндә ни кылгайман, Ходая?» [Там же]. –

«Что я натворил, бог?

Что я скажу, боже, когда приходит душераздирающий?»

В свете этих взглядов всплывает мысль о том, что жизнь человека временна и только вечен мир иной.

Похожие мотивы продолжают и в произведениях С. Бакыргани. К примеру, в его стихотворении, посвященном взаимному спору рая и ада, рай хвастается тем, что внутри него живут пророки и верующие, истинные мусульмане, а ад, напротив, гордится тем, что страдающий кяфир находится в форме всякого наказания [Бакырган, с. 8]. Структурообразующим центром выступает идея о том, что человеческая жизнь ограничена, человек должен готовиться к смерти, совершать поступки, достигающие рая, приближаться к Богу.

В связи с этим в произведениях А. Ясави, С. Бакыргана актуализируются мотивы аскетизма, отшельничества – отказа от мирского богатства, удовольствия. Именно отказ от мирских благ, по мнению А. Юзиева, является привлекательной для различных слоев мусульманского общества доктриной [Юзеев, с. 114]. Одним из основополагающих принципов аскетизма является халва. По мнению А. Кныша, «термин „халва“ в значении „одинокость, отчуждение в суфийском учении (положение – от глагола одиночества)“ занимает важное место» [Кныш, с. 365] и считается одним из центров в пути к Всевышнему.

Доброта, любовь к бедным, отзывчивость, довольство тем, что есть, справедливость, милосердие, постоянная молитва, добрососедство, добросовестное соблюдение законов шариата, обеднение от Бога и надежда на рай воспринимаются лирическими героями Ахмада Ясави и С. Бакыргани как главные качества Совершенного человека. И такой личностью ими выдвигается пророк Мухаммад. В данном ключе намечается

идея гуманизма, лирический герой призывает людей быть милосердными:

«Кайда күрсән күңле сынык – мәрхәм булгыл»
[Ясәви, 2000, с. 89]. –

«Где ни посмотри – будь добр».

В связи с учением Совершенного человека, в структуре отдельных поэтических произведений доминирует оппозиция макрокосм / микрокосм. В творчестве Ахмада Ясави подобная тенденция кажется особенно сильной. Так, в двадцать третьем, двадцать четвертом сказаниях Хикматов лирический герой повествует о качествах пророка Мухаммеда, называет его образцом Совершенства на пути достижения истины. В поэме С. Бакыргани, посвященной описанию событий миграджа пророка Мухаммеда, пророк Мухаммед ставится Идеалом, в связи с этим выдвигаются на передний план мистические взгляды.

Таким образом, эпический стиль в тюрко-татарской религиозно-суфийской поэзии формируется в творчестве А. Ясави и С. Бакыргани. Многие их произведения выступают как диалог суфия, человека с Всевышним, в них на первый план выходят этические мотивы, доминирует гуманистическое, дидактическое начало, прослеживаются основные этапы и ступени приближения к Всевышнему, воссоздается религиозно-суфийская картина мира, условно-символический пласт выражен слабо. Вместе с тем стоит отметить, что в их произведениях зачастую религиозные и собственно суфийские идеи настолько сблизились, что не представляется возможным разделить их.

Список литературы

- Амирханов Р. М. Татарская социально-философская мысль средневековья: в 2-х кн. Кн. 1. Казань, 1993. 431 с.
- Габиббейли И., Багиров А. Азербайджан – жемчужина Турана: монография-антология. М.: Художественная литература, 2020. 656 с.
- Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм. СПб.: Диля, 2004. 464 с.
- Пригарина Н. И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. М.: Наука, 1983. С. 89–108.
- Сибгатуллина А. Т. Суфизм в татарской литературе (источники, тематика и жанровые особенности): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Елабуга, 2000. 62 с.
- Фильштинский И. М. Поэзия как форма самовыражения арабо-мусульманских мистиков // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. С. 222–238.
- Фомкин М. С. О суфийских мотивах в «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни // Советская тюркология. 1990. № 5. С. 69–72.
- Юзеев А. И. Суфизм в Поволжье и Приуралье // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. С. 113–117.
- Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф. Суфийская символика в татарской поэзии XIX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 2 (36). С. 230–235.
- Юсупова Н. М. Образ-символ как система номинаций в татарской поэзии первой половины XX века: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2018. 399 с.
- Абилов Ш. Суфичылык // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 354–368.
- Бакырган китабы: XII–XVIII йөз төрки-татар шагыйрьләре әсәрләре / текстны басма өчен Ф. Яхин әзерләде. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 240 б.
- Рәхим Г., Гобәйдуллин Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. Икенче басма. Казан: Татар. матбугат һәм нәшрият комбинаты нәшере, 1925. 149 б.
- Сибгатуллина Ә. Т. Татар дини-суфи әдәбияты. Казан: Казан ун-ты нәшр., 2013. 184 б.
- Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Т. 1: Борынгы һәм урта гасырлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 415 б.
- Туйкә Ф. Тузанлы шүрлекләрдә (әдәбият тарихына материаллар) // Безнең юл. 1928. № 9. Б. 41–43.
- Ясәви Ә. Хикмәтләр. Казан: «Иман» нәшр., 2000. 215 б.
- Ясәви Ә. Хикмәтләр. Казан: ТР «Хәтер» нәшрияты (ТаРИХ), 2003. 383 б.

References

- Abilov, Sh. (1984). *Sufichylyk* [Sufism]. Tatar әдәбияты тарихы: Alty tomda. T. 1. Pp. 354–368. Kazan, Tatar.kit. nashr. (In Tatar)
- Amirkhanov, R. M. (1993). *Tatarskaia sotsial'no-filosofskaia mysl' srednevekov'ia: v 2-kh kn* [Tatar Social and Philosophical Thought of the Middle Ages: In 2 Books]. Kn. 1. 431 p. Kazan'. (In Russian)
- Bakyrghan kitabı: XII – XVIII yöz tərki-Tatars shaghyrլәre әsәrlәre (2000) [The Book of Bakyrghan: Works of the Turkic-Tatar Poets of the 12th-18th Centuries]. Tekstny basma өchen F. Iakhin әzerlәde. 240 p. Kazan, Tatars.kit. nashr. (In Tatar)
- Gabibbeyli, I., Bagirov, A. (2020). *Azerbaidzhan – zhemchuzhina Turana: monografiia-antologiiia* [Azerbaijan - the Gem of Turan: A Monograph-Anthology]. 656 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Fil'shtinskii, I. M. (1989). *Poeziia kak forma samovyrazheniia arabo-musul'manskikh mistikov* [Poetry as a Form of Self-Expression of Arab-Muslim Mystics]. Sufizm v kontekste musul'manskoi kul'tury. Pp. 222–238. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Fomkin, M. S. (1990). *O sufiiskikh motivakh v "Blagodatnom znanii" Iusufa Balasaguni* [On Sufi Motifs in the "Graceful Knowledge" by Yusuf Balasaguni]. Sovetskaia tiurkologiiia. No. 5, pp. 69–72. (In Russian)
- Iasävi, Ä. (2000). *Hikmetler* [Wisdoms]. 215 p. Kazan, "Iman" nashr. (In Tatar)

Iasəvi, Ə. (2003). *Hikmətlər* [Wisdoms]. 383 p. Kazan, TR “Həter” nəshriaty (TaRIH). (In Tatar)

Iusupova, N. M., Iusupov A. F. (2014). *Sufiiskaia simbolika v tatarskoi poezii XIX veka* [Sufi Symbolism in the Tatar Poetry of the 19th Century]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 2 (36), pp. 230–235. (In Russian)

Iusupova, N. M. (2018). *Obraz-simvol kak sistema nominatsii v tatarskoi poezii pervoi poloviny XX veka: dis. ... dokt. filol. nauk* [An Image-Symbol as a System of Nominations in Tatar Poetry of the First Half of the Twentieth Century: Doctoral Thesis]. Kazan', 399 p. (In Russian)

Iuzeev, A. I. (2002). *Sufizm v Povolzh'e i Priural'e* [Sufism in the Volga and Ural Regions]. *Tatarskaia religiozno-filosofskaya mysl' v obshchemusul'manskom kontekste*. Pp. 113–117. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

Knysh, A. D. (2004). *Musul'manskii mistitsizm* [Muslim Mysticism]. 464 p. St. Petersburg, Dilia. (In Russian)

Prigarina, N. I. (1983). *Obraznoe sodержanie baita v poezii na persidskom iazyke* [Figurative Content of a Bayt

in Poetry in Persian]. *Vostochnaia poetika*. Pp. 89–108. Moscow, Nauka. (In Russian)

Rykhim, G., Gobidullin, G. (1925). *Tatars adəbiyatı tarikhı* [History of Tatar Literature]. Feudalism dəvere. Ikenche Basma. 149 p. Kazan, Tatar. matbugat h m n shriat kombinaty n shere. (In Tatar)

Sibgatullina, A. T. (2000). *Sufizm v tatarskoy literature (istoki, tematika i zhanrovyye osobennosti): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Sufism in Tatar Literature (origins, themes and genre features): Doctoral Thesis Abstract]. Elabuga, 62 p. (In Russian)

Sibgatullina, Ə. T. (2013). *Tatar dini-sufi adəbiyatı* [Tatar Religious-Sufi Literature]. 184 p. Kazan, Kazan un-ty n shr. (In Tatar)

Tatars adəbiyatı tarikhı: 8 volumes (2014) [History of Tatar Literature: In 8 Volumes]. T. 1: Boryngy h m urta gasyrlar. 415 p. Kazan, Tatar. kit. n shr. (In Tatar)

Tuik , F. (1928). *Tuzanly shyrl kl rd * [In Dusty Attics]. ( d biat tarikhyn materialar). Bezne  yul. No. 9, pp. 41–43. (In Tatar)

The article was submitted on 30.08.2021

Поступила в редакцию 30.08.2021

Насипов Илшат Сахиятуллович,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450008, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
Российский исламский университет
Центрального духовного управления
мусульман России,
450008, Россия, Уфа,
Чернышевского, 5.
nasipov2021@yandex.ru

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Шабакеев Рушан Ринадович,
преподаватель,
Российский исламский университет
Центрального духовного управления
мусульман России,
450008, Россия, Уфа,
Чернышевского, 5.
Ruchan1991@yandex.ru

Nasipov Ishat Sahiyatulloovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkortostan State Pedagogical University
(BSPU) named after M. Akmullah,

3a October Revolution Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
Russian Islamic University of the Central
Spiritual Administration of Muslims of Russia,

5 Chernyshevskogo Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
nasipov2021@yandex.ru

Yusupova Nurfiya Marsovnna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

Shabakaev Rushan Rinadovich,
Assistant Professor,
Russian Islamic University of the Central
Spiritual Administration of Muslims of Russia,

5 Chernyshevskogo Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
Ruchan1991@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-192-197
УДК 821.111

РЕЦЕПЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВОПИСИ XVII–XVIII ВЕКОВ В «ИСКУССТВЕННОЙ ПРИНЦЕССЕ» РОНАЛЬДА ФИРБЕНКА

© Ирина Новокрещенных

RECEPTION OF FRENCH 17th AND 18th CENTURY PAINTINGS IN “THE ARTIFICIAL PRINCESS” BY RONALD FIRBANK

Irina Novokreshchennykh

The article studies the intermedial problem of the reception of French 17th and 18th century paintings in the novel “The Artificial Princess” by Ronald Firbank. We analyze the representation of visual material in fiction. The direct naming of the artists Nicolas de Largilliers and Jean-Marc Nattier and the identification of the paintings by Charles André Van Loo and Louis Tauquet, based on pictorial details, determine different forms of representing French paintings by Ronald Firbank. The ekphrasis of fictional and real classic and rococo paintings, the discrepancy between empire style and everyday life in the Princess’s environment reveal other characters’ perception of the Princess, the pretentiousness and irony of her character. The 17th and the 18th centuries are perceived via English decadence at the turn of the 19th–20th centuries. This is expressed in the stylization and pastization of John Collier, Charles Conder, William Morris and Oscar Wilde and their works. The visuality of the Princess’s image is emphasized by means of the ekphrasis of the paintings, portraying historical figures, and the corresponding behavior and emotions of the female protagonist, her perception of the surrounding space and events through color.

Keywords: Firbank, French paintings of the 17th–18th centuries, irony, stylization, pastiche, ekphrasis.

Исследована интермедиальная проблема рецепции французской живописи XVII–XVIII веков в романе английского писателя Рональда Фирбенка «Искусственная Принцесса». Прослежена передача визуального материала в литературном произведении. Прямое название художников Никола де Ларжильера и Жана-Марка Наттье или узнавание полотен Шарля Андре Ван Лоо и Луиса Токе по живописным деталям определяет разные формы репрезентации французской живописи у Рональда Фирбенка. Восприятие Принцессы другими героями, вычурность и ироничность героини показаны через экфрасис вымышленных и действительных классицистических и рокайльных полотен, через несоответствие ампиричности и обыденности в ее окружении. Восприятие XVII–XVIII вв. происходит через английский декаданс рубежа XIX–XX вв. Это выражено в стилизации и пастшизации Уильяма Морриса, Оскара Уайльда и Обри Бердсли и их произведений. Визуальность образа Принцессы подчеркивают экфрасис полотен с изображением исторических личностей и соотношение с ними поведения и эмоций героини, ее восприятие через цвет окружающего пространства и событий.

Ключевые слова: Фирбенк, французская живопись XVII–XVIII веков, ирония, стилизация, пастшис, экфрасис.

Творчество Рональда Фирбенка (Arthur Annesley Ronald Firbank, 1886–1926) было замечено в «суматошной и легкомысленной атмосфере» 1920-х гг., хотя о нем знали немногие [Maes-Jelinek]. «Открытие» Фирбенка состоялось, когда в 1949 г. были вновь опубликованы несколько его романов, в 1958 г. по роману «Valmouth» (1919) был поставлен одноименный мюзикл, в 1964 г. по пьесе «The Princess Zoubaroff» (1920) была сделана радиопостановка [Brook]. Зарубежное литературоведение обратилось к фигуре писателя и его произведениям в 1950–1970-е гг.

[McIntyre, с. 1–36], [Davis, 1964], [Davis, 1968], [Аллен, с. 82–86], [Maes-Jelinek].

В произведении «Искусственная Принцесса» Фирбенк осмысляет линии французской культуры XVII–XVIII вв. и английского эстетизма рубежа XIX–XX вв. Современники писателя отмечают его интерес к Уайльду, к поэзии и духу 1890-х гг., к сезонам русского балета [Фирбенкиана]. Фирбенк жил эпохой и стилем 1890-х гг., продолжая «традиции дендистского эстетизма», а его произведения были «выдержаны в ретро тональности пряного декаданса fin de siècle»

[Вайнштейн, с. 480]. Переклички с сюжетами о Саломее Оскара Уайльда, о Венере и Тангейзере Обри Бердсли мы рассмотрим в следующих работах. В этой статье исследуем интермедийную проблему, не привлекавшую ранее ученых. Историко-литературная проблема связана с линией французской живописи XVII–XVIII вв. и ее ролью в создании образа заглавной героини – Принцессы. Каким образом визуальный материал передан в словесном произведении?

Первая треть XX в. освещена интересом к французской культуре. В Лондоне под руководством Роджера Фрая в 1910 и 1912 гг. состоялись знаменитые выставки французского искусства, а в Париже в 1912 г. выставка современной британской живописи. Лондонские выставки были решающими для «формирования живописной манеры художников Блумсбери» [Гордон, с. 128]. М. Волошин публикует художественно-критические статьи о французском театре, французских поэтах и их переводах на русский язык (книга «Лики творчества», 1914). П. Муратов в эссе «Век маски» (1911–1912) пишет о ключевых явлениях французской (а также итальянской) культуры XVIII в. Современники Фирбенка, такие как историк танца, издатель Серил У. Бомон, воспринимаемый как его первый биограф [Hollinghurst, с. 4], Вивиан Холланд, второй сын Уайльда, отмечают интерес Фирбенка к французской литературе XVIII в. [Фирбенкиана, с. 173, 178]. Упоминания художников и их полотен этого периода представлены в его коротком романе («short novel» [Hollinghurst, с. 6]) «Искусственная Принцесса» («The Artificial Princess»), который был написан в 1915 г. и опубликован в 1934 г.

«Искусственная Принцесса» Фирбенка открывается главой, название которой «Одна дама умоляет другую об услуге» не совсем отражает широту содержания. В главе повествуется о выборе транспорта и его цвете для поездки Баронессы с запиской-приглашением к Святому на празднование Дня рождения Принцессы, о нравах Двора, о вилле Святого, о наряде Баронессы, рассказывается история появления Принцессы во Дворце, говорится о внезапном появлении запаха духов, который не переносит Принцесса.

«Вы сядете в белый омнибус на площади, – мурлыкала Принцесса, – но не забудьте пересечь на ультрамариновый у Цветочного рынка, иначе окажетесь на Скотобойнях» [Фирбенк, с. 90].

Выбранный белый (white) цвет подчеркивает декоративность, а ультрамариновый (ultramarine) в сочетании противоречивыми деталями пространства – Цветочный рынок и «Скотобойни»

(Flower Market, «Abattoirs») – придает вычурность и иронию. Усиливает это впечатление ссылка Принцессы на стеклянную карету (glass-coach), в которой ее сестра сбежала с юным хористом. Карету она могла бы одолжить, но приказала, чтобы лошади день ее рождения провели лежа [Firbank, с. 241].

Интерес к «расцвечиванию воспоминаний» (loved colouring her retrospect) Принцессой подчеркивает визуальность образа. Она готова была делать это вслух, всечасно. Преувеличение важности воспоминаний отражено в назывании их «подлинным событием» (original occurrence) и игнорировании факта присутствия при нем Баронессы [Там же, с. 241]. В подтверждение особенности характера Принцессы повествователь на несколько страниц разворачивает декоративную ретроспекцию прибытия Принцессы и ее матери во Дворец с упоминаниями и уточнениями цвета и формы предметов, интерьера, одежды, деталей облика персонажей [Там же, с. 246–249].

Принцесса при дворе считалась «изысканной», объектом живописи Никола де Ларжильера (Nicolas de Largillière, 1656–1746), французского живописца конца XVII – первой половины XVIII в., известного парадными портретами царствующих и приближенных ко французскому Двору особ. Однако Королева, мать Принцессы, уверяла, что типаж дочери иной. Имена двух художников, расположенные в финале простых предложений в составе сложного, подчеркивают противопоставление художественных стилей Ларжильера и Минкса:

«At Court the Princess was considered exquisite – a *Largillière*... but her mother, the Queen, had never doubted her to be a *Minx*» (курсив наш. – И. Н.) [Там же, с. 241].

Хранительница гардеробной при Дворе, интеллектуалка, написавшая феерию в честь Принцессы, «не раз заявляла, что Принцесса обладает такой утонченностью выражений и блеском красок, какую сыщешь разве что у позднего Минкса». Королева знала и любила его картины, называя их «изысканно нереальными»: «Я восхищаюсь фантастическим великолепием его задних планов, его отведенными портьерами и высокими грозowymi облаками» [Фирбенк, с. 91]. В экфрасисе вымышленного живописного полотна представлены барочные детали – портьеры, придающие театральность изображению, грозовые облака, напоминающие манеру Эль Греко, живопись которого отличается серым перламутровым тоном. Описания полотен и живописных деталей акцентируют противоречие

между мнением Королевы о Принцессе и удивлением фрейлин, не слышавших о живописце, которым она восторгается. Вымышленный художник Минкс, экфрасис его «барочных», «эльгрековых» полотен выражает точку зрения Королевы и придворной дамы на противоречивость и вычурность Принцессы. Двор же видит в Принцессе статус королевской особы.

Известно полотно «Minx» (шалунья, кокетка) кисти прерафаэлиты Джона Кольера (John Collier, 1850–1934), писавшего на мифологические и исторические сюжеты. Героиня изображена в свободном халате, откинувшейся назад и пристально разглядывающей себя в зеркало. Она более подчеркивает непоследовательный и парадоксальный характер Принцессы, чем строгие парадные портреты Ларжильера. Интересно, что оригинальное имя вымышленного художника Минкса переведено на русский язык В. Куперманом как «Кокотти», что придает шутливый и даже уничижительный оттенок русскоязычному образу Принцессы [Там же]. Прямые и косвенные ссылки на французскую и испанскую живопись XVII в. демонстрируют восприятие Принцессы окружающими (Королевой-матерью, придворными). Далее в повествовании живописная линия связана с выражением эмоций и характера Принцессы.

Портреты предшественников внушают Принцессе сонливое состояние. В ожидании праздника, отправляя Баронессу с запиской-приглашением к Святому, Принцесса «сонно подняла взгляд» на овальный портрет королевы-прародительницы, известной под именем Берил Злая (Queen Beryl the Bad). На полотне, которое Фирбенк приписывает художнику рококо Жану-Марку Наттье (Jean-Marc Nattier, 1685–1766), изображена королева со звездой в волосах, облаченная во французское платье. Она вела на поводьях из хрупкого выюнка гарцующего боевого коня [Firbank, с. 243–244]. Наименование «Злая» отражает прихотливое течение истории: Принцессу по приезду во Дворец помещают в ту же жуткую башню, откуда, по ее словам, «бедную Королеву Берил» тащили на казнь [Firbank, с. 249].

Традиционным сюжетом в живописи является изображение царствующих особ на коне – это парадные конные портреты. На вымышленном полотне Наттье очевиден контраст: Королева ведет боевого коня на хрупких поводьях из выюнка, который подчеркивает игровой характер изображения. Подобного сюжета у Наттье, писавшего парадные портреты царствующих особ и приближенных, мы не обнаружили. Однако впечатление Принцессы, ее сонный взгляд, говорит о том, что она тяготится своим статусом, не вос-

принимает его как героини Ларжильера, с которыми ее сравнивали придворные.

Ироничное восприятие Принцессой своего окружения и статуса отражено в сравнении полотна с объектами садового искусства, которые развесил по стене опытный садовник (skilled in herbaceous lore). Когда Принцесса проводила Баронессу с запиской к Святому, она «дала волю чувству облегчения и исполнила ритуальный вальс» мимо шедевров. Богатство и разнообразие живописной традиции сопровождают задумку Принцессы, связанную с приглашением Святого на праздник и разыгрыванием сюжета Саломеи. Последовательное перечисление сюжетов полотен отражает историю живописи от Возрождения к Братству прерафаэлитов: «Мадонны», «насупленные Королевы», «Фаворитки, съездившие на оттоманках в прозрачайших батистах», «Нечаянные сюрпризы», «Морские бури», «огромные атласные картины с букетами цветов в лаковых рамах, которые сочлились золотой пылью». Контрастно этому перечислению «обыденное» (conventional) поведение Принцессы, сидящей на «обыденном ампирном стуле, с обыденной книгой от обыденной тети, с обыденными поздравлениями по случаю обыденного дня рождения. Обыденная книга называлась „Быт царицы Савской“» [Фирбенк, с. 110]. Ироничное соединение несоотносимых элементов – ампира, как самого вычурного стиля, и обыденности стула (conventional Empire stool), обыденности книги о домашней жизни царицы Савской (The conventional book was 'The Home Life of the Queen of Sheba') усилено шестикратным повторением слова «conventional», что придает ироничную манерность поведению Принцессы.

Портреты во Дворце связаны с выражением эмоций героини. Принцесса, догадавшись, что Баронесса попытается ослепить Святого, «огляделась, что бы разбить. Мария Лещинская, в лилейных одеждах, смотрела на нее из-за камина в холодном волнении». Мария Лещинская – супруга Людовика XV – была изображена в платье с рисунком из лилий на полотнах французских художников XVIII в. Шарль Андре Ван Лоо (1705–1765) пишет полотно «Мария Лещинская» (1747) (Лувр, Париж), «Мария Лещинская, королева Франции (1703–1768)», «Мария Лещинская, королева Франции и Наварры» (Художественный музей, Орлеан); Луис Токке (1769–1772) – «Мария Лещинская, королева Франции, жена Людовика XV» (1740) (Лувр, Париж). Изображенная героиня на всех картинах смотрит прямо перед собой, или ее лицо развернуто на $\frac{3}{4}$, у нее царственная осанка. Это парадные портреты королевы.

Геральдические лилии подчеркивают статус королевы. В конце XIX в. лилии наряду с другими изображениями были представлены на ткани кретон, выработанной в Мертонском аббатстве Уильямом Моррисом и зарегистрированной в 1885 г. под названием «Medway» [Гафифуллин, Халтунен, с. 34]. В отличие от изображений на платьях королевы, где лилии расположены повторяющимися фрагментами и похожи на золотые вазы или плафоны, стилизованные лилии Морриса включены в бесконечные причудливые переплетения стеблей. Они занимают всю плоскость ткани или листа и образуют «декоративные композиции с текучим „органическим“ ритмом» [Там же]. Лилия, красовавшаяся у Уайльда в петлице, была знаком денди. Интересно, что у Натъе тоже есть портрет Марии Лещинской. Однако это изображение более камерное, интимное. На платье нет изображения лилий, лицо королевы повернуто на $\frac{3}{4}$. Она представлена за чтением Библии («Мария Лещинская, королева Франции, за чтением Библии» (1748) Версаль, Национальный музей Версальского дворца и Трианона).

У Фирбенка в одном предложении место полотно над камином противопоставлено состоянию изображенной Марии Лещинской (over the fireplace in cold dismay). Ее тревога, испуг, страх («dismay») отражается и в поведении Принцессы. Она экзотично разглядывает себя в зеркало, говорит о своей красоте и, возможно, о сходстве с Марией Лещинской, противопоставляя себя родным, придворным и тремя (в переводе – двумя: «But, of course!» переведено как «Разумеется», что уменьшает эмоциональность Принцессы) восклицательными предложениями утверждая, таким образом, преемственность с французской королевой:

«Сжимая пальцы, расширяя зрачки, Принцесса дотошно изучала себя в зеркале. Какая роковая красота! Какая чудесная выразительность! Разумеется. Только унылые родственники или глупые придворные могут не заметить точнейшего сходства...» [Фирбенк, с. 114].

Прием несобственно-прямой речи использован, чтобы подчеркнуть сходство Принцессы с Марией Лещинской и намекнуть на биографическое сходство с ней. Лещинская из обедневшего польского рода попала во дворец, став супругой Людовика XV. Принцесса тоже попала во Дворец, но благодаря замужеству своей матери Королевы.

Портрет Марии Лещинской завершает вторую главу. В третьей главе, во время праздника, подтверждая принадлежность эпохе, героиня

появится в юбке времен Людовика XV «с интереснейшим кринолином». На празднике ее костюм – это пастись элементов костюма разных веков, привлекающий зрителей: «Все только и ждали, чтобы она встала и показала свой наряд». Корсаж – более «позднего периода», чем юбка на кринолине. Прическа, сравнимая с башней в Пизе, «склонялась на сторону, перехваченная драгоценным стилетом, который излучал огонь», примета, скорее, эпохи Людовика XIV [Фирбенк, с. 139].

Деталь из моды второй половины XIX в. – это веер, расписанный Чарлзом Кондером (Charles Edward Conder, 1868–1909) – «a rose-red fan, painted by Conder» [Firbank, с. 272]. Тайнственность облику Принцессы придает соединение разновеликих предметов на рисунке веера – это вселенная и движение планет, само движение плоскостей веерных дощечек, когда он «рассекает ночь ... косою плоскостью»: «Ей приятно было смотреть, как целые планеты мерцают меж хрупких пластинок. Она умела мечтать» [Фирбенк, с. 139]. Рисунок на веере конца XIX в. напоминает о XVII столетии, когда в астрономии были сделаны важнейшие открытия о движении планет.

Мы пришли к выводам о том, что в «Искусственной Принцессе» Рональда Фирбенка представлены разные формы репрезентации французской живописи XVII–XVIII вв. Одни художники называются прямо (Ларжильер, Натъе), другие узнаваемы по произведениям (Лоо, Токе). Экфрасис настоящих и вымышленных классицистических и рокайльных полотен, игра и взаимоотражение через декаданс связаны с восприятием Принцессы Хранительницей гардероба, Королевой-матерью и придворным окружением, с выражением вычурных эмоций героини. Ее противоречивое поведение иронично трактовано повествователем. Французская живопись XVII–XVIII вв. в «Искусственной Принцессе» воспринимается через призму английской культуры рубежа XIX–XX вв. (см. также: [Новокрещенных, Бочкарева: в печати]). Моррис, Уайльд, Бердсли и их произведения определяют стилизацию и пастизацию романа Фирбенка. Полотно с изображением исторических личностей, экфрасис вымышленных картин, костюм и веер, действия героини у картин и ее эмоции, восприятие окружающего пространства и воспоминания о событиях через цвет усиливают визуальность образа Принцессы.

Список литературы

Аллен У. Традиция и мечта (1965) / пер. с англ. В. Харитоновой, А. Мулярчика. М.: Прогресс, 1970. 424 с.

Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 640 с.

Гафифуллин Р., Халтунен М. Уильям Моррис и интерьеры Зимнего дворца // Пинакотекa. 2004. № 18/19. С. 32–35.

Гордон Е. Несостоявшийся модернизм. Художники группы Блумсбери и мастерской Омега // Пинакотекa. 2004. № 18/19. С. 126–131.

Новокрепченных И. А., Бочкарева Н. С. Рецепция личности и творчества Мольера в литературном и графическом наследии Обри Бердсли // Вестник Томского государственного университета. Филология. (в печати)

Фирбенкиана // Р. Фирбенк. Искусственная Принцесса / пер. В. Куперман. Тверь: Kolonna Publications, Митин журнал, 2004. С. 164–197.

Фирбенк Р. Искусственная Принцесса / пер. В. Куперман. Тверь: Kolonna Publications, Митин журнал, 2004. 208 с.

Brook J. Ronald Firbank (1886–1926). 1951. URL: urcivilisation.com/smartboard/shop/brookej/firbank/index.htm (дата обращения: 08.10.2021).

Davis R. M. From artifice to art: the technique of Firbank's novels // Style. 1968. Vol. 2, no. 1, pp. 33–47.

Davis R. M. The externalist method in the novels of Ronald Firbank, Carl van Vechten, and Evelyn Waugh. Unpublished Ph. D. dissertation. University of Wisconsin, 1964. P. 1–15.

Firbank R. Five Novels // Firbank R. The Artificial Princess. With an introd. by Osbert Sitwell. New York, 1981. P. 241–287.

Hollinghurst A. Ronald Firbank (revision of the third of Lord Northcliffe's Lectures given at University College, London, October 2006). 19 p. URL: <https://theflowerbeneaththefoot.files.wordpress.com/2017/09/northcliffe-lecture.pdf> (дата обращения: 08.10.2021).

Maes-Jelinek H. Ronald Firbank // Criticism of Society in the English Novel between the Wars. Liège: Presses universitaires de Liège, 1970. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.pulg.879>. P. 231–240 (дата обращения: 08.10.2021).

McIntyre J. Th. Satirical Methods in Eight Novels of Evelyn Waugh. Master's Theses. Loyola University Chicago, 1951. V, 133 p. URL: http://ecommons.luc.edu/luc_theses/1126 (дата обращения: 27.10.2021).

Brook, J. (1951). *Ronald Firbank (1886–1926)*. URL: urcivilisation.com/smartboard/shop/brookej/firbank/index.htm (accessed: 8.10.2021). (In English)

Davis, R. M. (1968). *From Artifice to Art: The Technique of Firbank's Novels*. Style, Vol. 2, No. 1, pp. 33–47. (In English)

Davis, R. M. (1964). *The Externalist Method in the Novels of Ronald Firbank, Carl van Vechten, and Evelyn Waugh*. Unpublished Ph. D. dissertation. University of Wisconsin, pp. 1–15. (In English)

Firbank, R. (1981). *Five Novels*. Firbank R. The Artificial Princess. With an introd. by Osbert Sitwell. Pp. 241–287. New York. (In English)

Firbank, R. (2004). *Iskusstvennaia Printsessa* [The Artificial Princess]. Per. s angl. V. Kuperman. 208 p. Tver', Kolonna Publications, Mitin zhurnal. (In Russian)

Firbankiana (2004). [Firbaciana]. Firbank R. Iskusstvennaia Printsessa. Pp. 164–197. Tver', Kolonna Publications, Mitin zhurnal. (In Russian)

Gafifullin, R., Khaltunen, M. (2004). *Uil'iam Morris i inter'ery Zimnego dvortsya* [William Morris and the Interiors of the Winter Palace]. Pinakoteka, No. 18/19, pp. 32–35. (In Russian)

Gordon, E. (2004). *Nesostoiavshis'ia modernizm. Khudozhniki gruppy Blumsberi i masterskoi Omega* [Failed Modernism. Bloomsbury Group and Omega Workshop Artists]. Pinakoteka, No. 18/19, pp. 126–131. (In Russian)

Hollinghurst, A. (2006) *Ronald Firbank (revision of the third of Lord Northcliffe's Lectures given at University College, London, October 2006)*. 19 p. URL: <https://theflowerbeneaththefoot.files.wordpress.com/2017/09/northcliffe-lecture.pdf> (accessed: 8.10.2021). (In English)

Maes-Jelinek, H. (1970). *Ronald Firbank. Criticism of Society in the English Novel between the Wars*. Liège, Presses universitaires de Liège. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.pulg.879>. P. 231–240 (accessed: 8.10.2021). (In English)

McIntyre, J. Th. (1951). *Satirical Methods in Eight Novels of Evelyn Waugh*. Master's Thesis. V, 133 p. URL: http://ecommons.luc.edu/luc_theses/1126 (accessed: 27.10.2021). (In English)

Novokreshchennykh, I. A., Bochkareva, N. S. *Retseptsiia lichnosti i tvorchestva Mol'era v literaturnom i graficheskom nasledii Obri Berdсли* [Reception of Moliere's Personality and Work in the Literary and Graphic Heritage of Aubrey Beardsley]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. [in print]. (In Russian)

Vainshtein, O. B. (2006). *Dendi: moda, literatura, stil' zhizni* [Dandy: Fashion, Literature, Lifestyle]. 640 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

References

Allen, U. (1970). *Traditsiia i mehta* [Tradition and Dream]. Per. s angl. V. Kharitonova, A. Muliarchika. 424 p. Moscow, Progress. (In Russian)

The article was submitted on 28.10.2021

Поступила в редакцию 28.10.2021

Новокрещенных Ирина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь,
Букирева, 15.
ira-tabunkina@mail.ru

Novokreshchennykh Irina Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Perm State University,

5 Bukirev Str.,
Perm, 614990, Russian Federation.
ira-tabunkina@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-198-202
УДК 94(47)''18''(092)

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЬВОВА (НА МАТЕРИАЛЕ «ИТАЛЬЯНСКОГО ДНЕВНИКА Н. А. ЛЬВОВА)

© Алексей Пашкуров, Екатерина Дунаева

SYNTHESIS OF THE DOCUMENTARY AND FICTIONAL IN NIKOLAI L'VOV'S WORK (BASED ON "THE ITALIAN DIARY" BY N. L'VOV)

Alexei Pashkurov, Ekaterina Dunaeva

The article studies the main and the most interesting part of N. L'vov's "The Italian Diary", which is a coherent text with chapters and the author's notes. The existence of "The Italian Diary" has been known for a long time, but it would not be an exaggeration to say that the theme of the synthesis of the documentary and fictional in the work of Nikolai L'vov has been insufficiently studied so far. The main tasks of our study are: 1) to analyze the writer's judgments about European fine arts and architecture; 2) to reveal, based on "The Italian Diary", the synthesis of the documentary and fictional in N. L'vov's work.

We begin by examining, in terms of a cultural dialogue, the important remarks of L'vov as an architect: the documentary and fictional elements in "The Italian Diary". Here, N. L'vov appears as a professional who vividly presents his architectural ideas and style when commenting on architectural monuments and natural reserves. Next, we focus on the image of L'vov as a connoisseur and aesthete, whose principles are clearly reflected in his remarks about some paintings. In the article, we use such methods of research as biographical, psychological and comparative-typological, as well as some elements of a systemic approach.

Keywords: artistic synthesis, documentalism, "The Italian Diary", cultural dialogue, N. L'vov.

Материал для рассмотрения в статье – основная, наиболее интересная в историческом отношении часть «Итальянского дневника» Н. А. Львова, представляющая собой связный текст главами с авторскими пометами. О существовании «Итальянского дневника» известно уже давно, однако не будет преувеличением утверждение о некоторой неизученности темы синтеза документального и художественного в творчестве Николая Александровича Львова.

Основные задачи: 1) проанализировать суждения писателя о европейской живописи и архитектуре; 2) выявить синтез документального и художественного в творчестве Н. А. Львова на примере означенного произведения.

Начинаем мы с рассмотрения важных замечаний Львова-архитектора в плане культурного диалога: документального и художественного начал на материале «Итальянского дневника». Здесь Н. А. Львов, комментируя памятники архитектуры и заповедники природы, предстает профессионалом, ярко отразившим свои архитектурные идеи и стиль. Далее нам интересен Львов как ценитель и эстет, принципы которого явно отражены в его высказываниях о некоторых живописных произведениях.

В статье нами использовались такие методы исследования, как биографический, психологический, сравнительно-типологический, а также элементы системного подхода.

Ключевые слова: художественный синтез, документализм, «Итальянский дневник», культурный диалог, Н. А. Львов.

Художник, архитектор, музыкант, естествоиспытатель, общественный деятель, литератор Николай Александрович Львов оставил заметный след в культуре и истории своего Отечества конца XVIII – начала XIX столетий. Обогащение художественного опыта Н. А. Львова во многом отразилось не только в произведениях писателя,

но и в российских постройках, производимых под руководством Львова-архитектора. А завершение формирования эстетических вкусов произошло под влиянием множества путешествий, в том числе и итальянского путешествия 1781 года, которое занимает особо важное место в биографии Николая Александровича.

Эти поездки, оказавшие влияние на мировоззрение Львова, отразились в его путевых записях, благодаря которым мы можем адекватно оценить силу воздействия мировой культуры на русского путешественника. Записи велись не для публикации, именно поэтому в «Итальянском дневнике» мы замечаем порой шуточные, вводящие в заблуждение высказывания архитектора-писателя. Стоит заметить, что объединение документально-точных записей ученого-испытателя, художественно-философских эссе и набросков художника-поэта постоянно в творчестве этого интереснейшего русского писателя и деятеля культуры конца XVIII – начала XIX века.

Особое значение для понимания записей Н. А. Львова имеет работа известнейшего российского ученого, историка культуры, писателя и философа Александра Николаевича Глумова «Н. А. Львов», которая была написана в 1980 году. Приведенная работа, посвященная жизни и деятельности Львова, стала первым исследованием в области архитектурного, литературного, музыкального талантов Н. А. Львова.

Широко используемый документальный и исторический материал ярко демонстрирует взгляды русского деятеля XVIII века на жизнь и политику того времени. Однако за пределами внимания множества исследований в аспекте анализа «Итальянского дневника» остается еще одна важная и менее изученная область интерпретации синтеза документального и художественного, являющаяся основополагающей в творчестве Н. А. Львова, относится это во многом и к его прозе, одним из образцов которой как раз и выступает «Итальянский дневник». Именно данной проблеме посвящена статья, объектом рассмотрения в которой будут замечания Львова о европейской культуре, отраженной в его дневнике.

Одной из ведущих целей итальянских путешествий Н. А. Львова было изучение европейской архитектуры. Сразу сделаем ряд очень важных в плане документализма замечаний.

На формирование архитектурного стиля Львова-профессионала повлиял ряд конкретных факторов. Во-первых, увлечение архитектурой и желание самому стать архитектором-профессионалом у русского деятеля было подготовлено глубоким пиететом и восхищением перед работами известнейшего в Европе мастера – Андреа Палладио, который прославился соединением античности и высокого Возрождения. Во-вторых, русский писатель и естествоиспытатель, путешествуя по Европе, наиболее глубоко проникся одной из ведущих целей мирового Просветительства, поставленных перед искусст-

вом – создавать героические и возвышенные образы, через это провозглашать идеи гуманизма и перестраивать культурную и общественную жизнь на новых гармоничных началах [Лаппо-Данилевский].

При всем этом, размышлял Н. А. Львов, в центре всегда должно находиться внимание к национальным особенностям русского народа, его культуры, менталитета. Несмотря на то что архитектор думал о возможности и необходимости развития «палладианских мотивов» на русской почве, он сформировал собственное своеобразное понимание архитектурной формы: «подражатель – не есть художник», говорил деятель XVIII века.

Постепенно из этих предпосылок стал формироваться и еще один важнейший принцип деятельности Николая Александровича Львова – синтез разных искусств, направленный на постижение универсальной Идеи, Истины мира.

Уже в путешествии по Франции с другом, поэтом Иваном Хемницером в 1777 году, Н. А. Львов собирал новые знания и ярко проявлял их. В частности, Николай Александрович внимательно присматривался к французским садово-парковым планировкам. В Булонском лесу Львов и Хемницер посетили «ристалище» Лонгшамп, были в королевском Ботаническом саду, большую зону которого занимал пейзажный сад: его правильная симметрия, тонко подметил Львов, позволяла сокращать пространство и в то же время объединять его, а посетив бассейны «Латон», «Нептун», «Аполлон» с запуском фонтанов, Николай Львов профессионально заинтересовался секретом механизмов, которые позволяли достичь невероятных чудес движения воды [Глумов].

Этот рефрен постоянен: рассматривая памятники архитектуры и заповедники природы, Н. А. Львов постоянно стремился разгадать тайны «всякой техники». Например, особое внимание Николай Александрович уделял механизму во дворце герцога Шартра, где кровать убиралась в люк на полу, а зеркало отодвигалось в сторону, открывая посетителям изображение сада, античных зданий и т. п. Документальное начало, то есть максимально точное, с деталями воссоздание структуры какого-либо механизма, технологии, сразу переходит для Львова-поэта и на новый уровень: ему важно, как это приведет к осмыслению и созданию художественной культуры и ее главному принципу – принципу Красоты.

Н. А. Львов постоянно предстает перед нами ценителем-эстетом. Это мы ясно видим в его размышлениях о компонентах некоторых классических живописных полотен, воплощающих

принципы красоты и духовности. Вслед за известным теоретиком европейского искусства И. Винкельманом Николай Александрович считал, что созерцание идеальных форм искусства гармонирует с внутренним миром человека, смягчает характер и совершенствует душу. Восторженный поклонник природы, Львов возмущался всяким проявлением безобразного в искусстве [Мозговая, Лаппо-Данилевский].

Обратимся к увиденным Н. А. Львовым картинам Тициана «Danae» и «The Venus of Urbino». Николай Александрович в своих записях достаточно необычно и творчески сравнивает эти две работы и замечает, что тело Данаи не столько красивое, сколько крепкое и здоровое, а лицо ее было *«лучше всех: прекраснее и экспрессивнее всех Венер и Данай тициановских...»* [Львов, с. 99].

А вот так передает Н. А. Львов пластическую красоту богини Венеры на втором полотне: *«легкое и нежное тело, руки маленькие, груди островатые, а ноги под икрами очень тонкие»*. Львов подчеркивает, что ни беременность, ни болезнь не смогут опорочить женское тело [Там же, с. 100].

Исходя из этого, делает вывод русский зритель-профессионал, Тициан, применяя разнообразие и тонкие изобразительные средства, не нарушал эстетический образ женщины. Именно поэтому никакая грубая и сильная тень, по словам Н. А. Львова, не способна была испортить *«натурального тела красавицы»*, даже белая простыня своей белизной лишь подчеркивала изящность тела.

Другая сторона работы Николая Александровича Львова – художника слова – стремление превратить все самое обыкновенное в жизни в игру-ребус. Подобное тяготение к «театрализации жизни» отражается и в его высказываниях, «созданных» на документальном восприятии памятников мировой живописи.

При всем уважении к итальянскому живописцу эпохи Раннего Возрождения Пьетро Перуджино, который внес вклад в развитие ренессансного искусства, Николай Александрович иронизирует над полотном «Христос и Богоматерь», сравнивая их образы с *«издыхающей гадкой медузой»*, над которой ползают и летают мыши, подобно изображению Рубенсона «Голова медузы». Несмотря на то что Пьетро Перуджино, развивая идеи антропоцентризма в живописи, прославлял своей кистью красоту человека и воспевал гармонию (к чему стремился и сам Николай Александрович), Львову кажется, что такое изображение связано с изменением взглядов художника на творчество, что и способствовало

корректировке его творческого стиля [Лаппо-Данилевский, с. 27].

С насмешкой Н. А. Львов дает комментарий и к картине Яна ван ден Хуке «Геркулес между пороком и добродетелью». Николай Александрович будто понимал Геркулеса, который выбрал сторону добродетели достаточно инстинктивно, не с глубоким нравственным убеждением, поскольку перед ним находилась *«голая, пьяная, толстая купчиха в виде Венеры»*, бесстыдно обнажавшая свои «отвислые прелести» [Львов, с. 101].

Принцип игры позволяет Николаю Александровичу отразить разные явления в культурной жизни, особенности художественного стиля вышеприведенных авторов.

Жанровая живопись с картинами небольших размеров, как видно из дневника, особенно интересовала Н. А. Львова. Примечателен сам характер описания в «Итальянском дневнике» – очень часто это не только констатация изображенного, но и домысливание, до-сотворение некоего сюжета, как, например, в случае с картинами Франса ван Мириса-Старшего.

Сопоставим комментарий Николай Александровича Львова с замыслом художника.

«Живописец и его семья», 1675 г.

(см. иллюстрацию 11, abb.11 в «Итальянском дневнике» Н. А. Львова)

На этой картине, по мнению Н. А. Львова, изображен некий шарлатан со своей семьей. Данное полотно, на взгляд писателя и искусствоведа, лишено всякой эстетики.	В действительности картина «Живописец и семья» отличается тонким исполнением и тщательным выписыванием мельчайших деталей на полотне. Данное изображение относится к позднему этапу творчества Франса ван Мириса-Старшего, поэтому оно невелико по формату и написано в духе классицизма. Художник стремился изобразить гармонию и созвучие простых людей.
--	--

«Голландская куртизанка», 1669 г.

(см. иллюстрацию 12, abb.12 в «Итальянском дневнике» Н. А. Львова)

Николай Александрович Львов сравнивает образ на картине с легкоймысленной «старой девкой». Женщиной	С точки зрения исследователей, данная картина имеет правильные структуры с чрезвычайно тонкими от-
---	--

любуется закутанный в епанчу мужчина, при- шедший насладиться созерцанием ее обна- женного тела.	делками, позволяющи- ми создать милый сю- жет без особого смыс- ла. Автор полотна стремился воплотить идеализированный женский образ, лишен- ный пафоса.
--	---

Итак, «Итальянский дневник» Н. А. Львова – одно из интереснейших описаний путешествий русского человека за границей. В каждой строке мы видим желание Львова получать знания, формировать свой опыт за счет впечатлительных проявлений культуры. Именно с помощью дневниковой формы Николай Александрович через обозначение включенности литературы в сферу искусства отражает неотъемлемую часть эстетического и выделяет синтез документального и художественного.

Жанр записей Львова позволяет деятелю XVIII века использовать форму игры, отражающей двойные принципы. С одной стороны, Николай Александрович в своих ироничных комментариях к культурным памятникам обращался к адресату как к врагу. С другой стороны, Львов будто ждал полемики от адресата или же от тех, чье поручение он выполнял [Пашкуров, Разживин]. Важно помнить, что Николай Александрович отправлялся во многие страны по поручению императрицы, которая желала расширить коллекцию Эрмитажа.

Решить задачи документального и художественного помогает целенаправленность путешествий Н. А. Львова – подготовить материал для делового отчета. Являясь художником, Николай Александрович передает увиденное ярко и живо, не забывая выражать собственную позицию. Из этого следует, что документальное в «Итальянском дневнике» занимает значительное место, нежели художественное.

Список литературы

Баженова Т. П. Европеизация русской культуры: сущность и особенности. URL: <http://www.dissercat.com/content/evropeizatsiya-russkoi-kultury-sushchnost-i-osobennosti> (дата обращения: 01.06.2021).

Блудилина Н. Д. Запад в русской литературе XVIII века. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/zapad-v-russkoj-literature-xviii-veka.html#3193101> (дата обращения: 01.06.2021).

Бакланова Т. И., Стрельцова Е. Ю. Народная художественная литература. М.: МГУКИ, 2000. 344 с.

Глумов А. Н. Н. А. Львов. М.: Искусство, 1980. 256 с.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Об «Итальянском дневнике» Н. А. Львова. СПб.: Пушкинский дом, 1998. 235 с.

Липич Т. И. Диалог как форма взаимодействия культур. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-forma-vzaimodeystviya-kultur> (дата обращения: 01.06.2021).

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 2008. 496 с.

Львов Н. А. Итальянский дневник URL: http://az.lib.ru/l/lxwow_n_a/text_0020.shtml. (дата обращения: 01.06.2021).

Мозговая Е. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю. Идеи И. И. Винкельмана и петербургская академия художеств в XVIII столетии. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/418552786/?page=1&*=0N0zDbCvWgUNqvtfhPicxgcV957In (дата обращения: 01.06.2021).

Пашкуров А. Н., Разживин А. И. История русской литературы XVIII века. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. Ч.2. 536 с.

Рапацкая Л. А. Русская художественная культура. М.: ВЛАДОС, 1998. 608 с.

Хлыщева Е. В. Культурный диалог: проблема единства и многообразия. URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/1\(2010\)/78-84.pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/1(2010)/78-84.pdf). (дата обращения: 01.06.2021).

References

Bazhenova, T. P. (2005). *Evropeizatsiia russkoi kul'tury: sushchnost' i osobennosti* [Europeanization of Russian Culture: Essence and Peculiarities]. URL: <http://www.dissercat.com/content/evropeizatsiya-russkoi-kultury-sushchnost-i-osobennosti> (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Bludilina, N. D. (2005). *Zapad v russkoi literature XVIII veka* [The West in Russian Literature of the 18th Century]. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/zapad-v-russkoj-literature-xviii-veka.html#3193101> (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Baklanova, T. I., Streltsova, E. Yu. (2000). *Narodnaia khudozhestvennaia literatura* [Folk Fiction]. 344 p. Moscow, MGUKI. (In Russian)

Glumov, A. N. (1980). *N. A. L'vov* [N. A. L'vov]. 256 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

Khlysheva, E. V. (2010). *Kul'turnyi dialog: problema edinstva i mnogoobraziia* [A Cultural Dialogue: The Problem of Unity and Diversity]. URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/1\(2010\)/78-84.pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/1(2010)/78-84.pdf) (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Lappo-Danilevski, K. Yu. (1998). *Ob "Ital'ianskom dnevnike" N. A. L'vova* [About "The Italian Diary" of N. A. L'vov]. 235 p. St. Petersburg, Pushkin House. (In Russian)

Lipich, T. I. (2009). *Dialog kak forma vzaimodeystviia kul'tur* [Dialogue as a Form of Interaction between Cultures]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-forma-vzaimodeystviya-kultur> (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Lotman, Yu. M. (2008). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX*

veka) [Conversations about Russian Culture: Everyday Life and Traditions of Russian Nobility (the 18th – the beginning of the 19th century)]. 496 p. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. (In Russian)

L'vov, N. A. *Ital'ianskii dnevnik* [The Italian Diary]. URL: http://az.lib.ru/l/xwow_n_a/text_0020.shtml (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Mozgovaia, E. B., Lappo-Danilevski, K. Yu. *Idei I. I. Vinkel'mana i peterburgskaya akademiya khudozhestv v XVIII stoletii* [The Ideas of I. I. Winkelman and the St. Petersburg Academy of Arts in the 18th Century]. URL:

https://docviewer.yandex.ru/view/418552786/?page=1&*%0N0zDbCvuwgUNqvtfhhPicxgcv957In (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Pashkurov, A. N., Razzhivin, A. I. (2017). *Istoriia russkoi literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Ch. 2, 536 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)

Rapatskaia, L. A. (1998). *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura* [Russian Art Culture]. 608 p. Moscow, Vlos. (In Russian)

The article was submitted on 15.08.2021
Поступила в редакцию 15.08.2021

Пашкуров Алексей Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
anp.72@mail.ru

Дунаева Екатерина Владиславовна,
студент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
kotovich.1989@bk.ru

Pashkurov Alexei Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
anp.72@mail.ru

Dunaeva Ekaterina Vladislavovna,
student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
kotovich.1989@bk.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-203-208

УДК 808.1 + 821.161.1'06

РУССКИЙ НУАР: ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ГАЗЕТЧИК», «ПИСАТЕЛЬ», «СЦЕНАРИСТ» АЛЕКСАНДРА МОЛЧАНОВА КАК РОМАНЫЙ ЦИКЛ

© Елена Пономарева

RUSSIAN NOIR: ALEXANDER MOLCHANOV'S WORKS "THE NEWSHOUND", "THE WRITER", "THE SCRIPTWRITER" AS A NOVEL CYCLE

Elena Ponomareva

The article is a continuation of the scientific conversation about such a specific phenomenon of Russian prose as Russian noir. We explore the phenomenology of Russian noir, reveal genre-style tendencies within this voluminous contradictory phenomenon, attempting to comprehend the nature and origins of this genre-style tendency. Based on various traditions (a mystical novel, horror, psychological detective story, historical novel, utopia, dystopia, fantasy, black detective story, short story, etc.), the article proposes scientific approaches that are productive for studying the nature of the phenomenon, created at the junction of cinema and literature.

The trilogy by Alexander Molchanov is investigated against the background of an extensive literary context, which is as close as possible to the genre-style model of noir. The subject of our scientific interest is the novel cycle of the screenwriter and writer Alexander Molchanov (the novels "The Newshound" (2018), "The Writer" (2018) and "The Scriptwriter" (2018)). The novel trilogy is examined from the standpoint of artistic unity.

The need to comprehend the genre and style tendencies of the Russian noir in its differential characteristics, including the most typologically close to the aesthetics of noir, determines the relevance of our work. Following the ideas in the studies (including foreign ones), devoted to the poetics of cinematic noir and the previously tested analytical approach, which has demonstrated its productivity, we focus on the carriers of the genre and its cross-cutting principles that artistically unify the novels of Alexander Molchanov. As follows from the general aesthetic approaches, adopted in relation to noir, such features as its plot organization, the specifics of its protagonist, the special atmosphere, the particularities of the detail and the specific style of storytelling are significant for understanding the nature of the novel noir trilogy.

The genre-style analysis of A. Molchanov's novel trilogy makes it possible to trace the features of the noir transformation in modern Russian literature and to test productive analytical approaches to this phenomenon.

Keywords: Russian noir, genre models, style characteristics, modern mass literature, novel, psychological detective story, novel cycle.

Статья является продолжением научного разговора о таком специфическом явлении отечественной прозы, как русский нуар. Автор исследует феноменологию русского нуара, выявляет жанрово-стилевые тенденции внутри этого объемного противоречивого явления, пытается постичь природу и истоки данной жанрово-стилевой тенденции. В статье предлагаются научные подходы, продуктивные для исследования природы явления, созданного на стыке кино и литературы, опирающиеся на различные традиции (мистического романа, хоррора, психологического детектива, исторического романа, утопии, антиутопии, фэнтези, черного детектива, новеллы и др.).

Автором предлагается обширный литературный контекст, на фоне которого исследуется трилогия Александра Молчанова, максимально приближающаяся к жанрово-стилевой модели нуара. Предметом научного интереса в данном частном исследовании является романский цикл сценариста и писателя Александра Молчанова: романы «Газетчик» (2018), «Писатель» (2018) и «Сценарист» (2018). Романная трилогия исследуется с позиций художественного единства.

Актуальность работы обусловлена потребностью в осмыслении жанрово-стилевой тенденции русского нуара в его дифференциальных характеристиках, в том числе максимально типологически близких эстетике нуара. Вслед за исследованиями (в том числе зарубежными), посвященными изучению поэтики кинематографического нуара, а также на основе продемонстрировавшего про-

дуктивность апробированного ранее аналитического подхода мы ставим акцент на носителях жанра, сквозных принципах, придающих романам Александра Молчанова характер художественного единства. Как следует из общеэстетических подходов, принятых по отношению к нуару, значимыми для понимания природы романной нуар-трилогии являются такие характеристики, как сюжетная организация, специфика героя, особая атмосфера, особый характер детали; специфический стиль повествования.

Жанрово-стилевой анализ романной трилогии А. Молчанова позволяет проследить особенности трансформации нуара в современной русской литературе и апробировать продуктивные аналитические подходы к этому явлению.

Ключевые слова: русский нуар, жанровые модели, стиливые характеристики, современная массовая литература, роман, психологический детектив, романский цикл.

Феномен русского нуара, заявив о себе в последнее десятилетие, так и не обрел четких жанровых контуров. Более того, привлекательность магического слова «нуар» позволила авторам и издателям соединить в предельно расширенном локусе этого понятия и произведения, которые изначально создавались по законам нуара (романы, автором которых является сценарист и писатель [Молчанов. Газетчик], [Молчанов. Писатель], [Молчанов. Сценарист], [Молчанов. Дыхание смерти], отчасти сборники [Москва Нуар], [Петербург нуар], фотоальбомы [Рашап]), и литературу, получающую удвоенные шансы попасть в руки читателю под тегом «нуар», но при этом имеющую весьма косвенное отношение к нуару, а иногда и вовсе не имеющую. И в этом случае нуар предстает чем-то более широким даже по сравнению со стиливой или жанрово-стилевой тенденцией, так как вбирает в себя целый корпус произведений начиная от мистических романов Саши Готти, Елены Ершовой (трилогия «Царство медное»), Вики Кисимьяки («Ад», «Рога добра»), Константина Образцова («Красные цепи»), графической прозы («Мутаген. Нуар. Палм»), романа-очерка Евы Ли («Noir»), серии разножанровых произведений Даниила Заврина, Марии Артемьевой («Черная сторона Петербурга», «Черная сторона Москвы»). В ряду нуара встречаются произведения, ориентированные на «родную» для нуара традицию кинонуара («Черная маска» Андрея Семенова). Можно говорить о явлении «кибернуара» («Тишина» Артема Скороходова), синтезе нуара, фэнтези и стимпанка («Восставший» Максима Виноградова), утопии и антиутопии («Цифровое чистилище» Роберта Оболенского). Нуар не боится примерять на себя «одежды» исторической прозы («Нуар в таежных тонах» Владимира Горалая, «Нуар» Андрея Валентинова). Традиции хоррора, дарк-фэнтези и мистического триллера положены в основу сборника «Грань безумия» (2019) – литературного проекта, в котором, по словам В. П. Точинова (составителя, правообладателя и автора «Предисловия»), состоялся «темный баттл» поколений,

формировавшихся в разных литературных условиях.

Такое многообразие, непрекращающийся поток самых разнородных явлений объясняются объективно. Нуар, «черный детектив» не нейтрален и притягателен своей возможностью вовлекать читателя в водоворот тайны, окрашенной всеми тонами ужаса, в ряде случаев приправленного мистикой. Тенденция, зародившаяся в западном искусстве, получила осмысление в работах зарубежных исследователей [Borde], [Bronte], [Dussere], [Ebert], [Meuel]. Эта традиция получила развитие в творчестве российских авторов, исследующих мировое искусство кинонуара [Артюх], [Васильченко], [Жариков], [Иващенко], [Карцева], [Орозбаев], [Попов], [Склярова]. Учитывая экзистенциальную природу психологии, философии героев отечественных произведений, максимально отвечающих природе нуара, продуктивным для исследования этой жанрово-стилевой тенденции является универсальный подход, предложенный в работах, посвященных русскому экзистенциализму [Заманская].

Сплав кино- и литературной эстетики, генетически соприродных нуару, интересен не только тем, что механизмы исследования кинонуара органично транспонируются на нуар литературный. Это явление интересно заявило о себе в творчестве автора, заявившего о себе в двух ипостасях: в прошлом шеф-редактора ряда изданий, а ныне сценариста, автора детективных сериалов, руководителя онлайн-киношколы, теоретика сценарного мастерства и писателя. Произведения Александра Молчанова – «преднуаровая» форма («Дыхание смерти» (2014)), романная трилогия «Газетчик», «Писатель» и «Сценарист» (2018) позволяет пролить свет на природу современного нуара в России.

Роман «Дыхание смерти» явился для автора своеобразной экспериментальной площадкой, позволявшей А. Молчанову апробировать и отточить элементы нуара, нащупать образы, создать мрачную атмосферу провинции, погрязшую

в смертных грехах, создать сюжетные схемы, в которых столкновение преступника и жертвы не всегда означает противостояние двух героев: преступник и жертва часто объединяются внутри сознания одного героя. Погружение в жестокий мир криминала, сложная интеллектуальная игра, жесткий повествовательный стиль, обилие натуралистических приемов и «киноштампов» автор предложил читателю и в следующей за «Дыханием смерти» романной трилогии, вышедшей в серии «русский нуар».

Массовая литература тяготеет к серийным изданиям, однако исследуемые произведения А. Молчанова «Газетчик», «Писатель» и «Сценарист» представляют не просто серию, а более устойчивый тип художественного единства, который можно причислить к романному циклу.

Единство авторства, единство жанра, маркированное жанровым подзаголовком «русский нуар», наличие сквозных персонажей, которые действуют во всех трех произведениях: журналист (газетчик) в первом романе, писатель – во втором, сценарист – в третьем Андрей Шиченга; милиционер в первом романе, охранник председателя правления банка – во втором, грабитель – в третьем Павел Пшеницын; дочь-жертва маньяка в первом романе, утратившая волю и сознание, но постепенно обретшая себя из-за желания во что бы то ни стало отомстить и справиться со страшным злом Нина Шарова; сам маньяк, творящий страшное зло и без раздумий сеющий смерть, но одержимый идеей собственного бессмертия – Лупоглазый.

В каждом из романов появляются и другие герои, действующие в контексте следующего произведения. Так, например, учитель Кораблев становится жертвой преступления и погибает еще в первом романе, но присутствие героя остается в двух следующих произведениях в виде постоянного упоминания книг, автором которых он являлся и которые после его смерти присвоил себе неплохой человек и неплохой журналист Андрей Шиченга (что ни в коем случае не помешало ему восхищаться талантом провинциального учителя, написавшего необычную сказку). Появляясь в середине второго произведения, в третий роман переходит образ Рыжей девочки-галлюцинации, преследующей Лупоглазого. Также из второго в третий переходят и образы Железняк, Курашова, Ларисы Железняк (жены бывшего банкира Железняк и сестры бывшего губернатора Курашова), врача-психиатра Эрнеста Маслова.

Общность хронотопа также является одним из ключевых принципов циклообразования: действие первого романа происходит в северном по-

селке Шиченга (отсюда псевдоним героя – корреспондента газеты «Русский север» Андрея Розанова), затем, во втором романе, переносится в Волоковец, куда постепенно перебираются и ключевые герои, а в финале второго романа уже можно предположить место действия третьего произведения цикла – Москву, куда судьба приводит героев первых двух произведений (Андрея, Нину, Маслова, Пшеницына, Курашова, Железняков, Лупоглазого). Но как бы кардинально ни менялся хронотоп, у читателя остается прочное ощущение единства произведений, которое создается за счет единой давящей мрачной атмосферы, господствующей в каждом из трех циклов, а также за счет сквозных сюжетов, развязка которых наступает уже в финале третьего романа.

Последовательность романов выражена обозначенными в них датами начала действия, зафиксированными в самом начале романа: «Газетчик» – 1996 год, «Писатель» – 1997 год, «Сценарист» – 8 августа 2002 года. Единство трилогии поддерживается авторской аннотацией, в которой в сжатом виде передается концептуальный замысел и ориентир для читателя. Такая форма коммуникации позволяет также соединить контексты в единую нить повествования:

«1996 год. Журналист областной газеты приезжает в северный поселок, чтобы написать о загадочном исчезновении школьницы, и обнаруживает целый мир – со своими мировыми обидами, мировыми войнами и совсем не мирными сказками. Здесь, в настоящей России, все наизнанку: слово насыщает, как яблоко, от снов загораются дома, а убитые выходят из огня, чтобы отомстить обидчикам. Редакционное задание превращается в охоту, и газетчик уже сам не знает, кто он – преступник, жертва или сказочник» [Молчанов. Газетчик];

«Страшные девяностые закончились, но поделены еще не все деньги и сферы влияния. В городе идет жестокая борьба за власть, в которую оказывается вовлечен молодой писатель. Победит ли тот, кто сумеет заставить его сказать правильные слова? Что важнее для него самого – принять сторону сильного и потерять себя либо пойти против всех, выбрав собственный путь? Писателю придется решать, что для него важнее – новая книга или новая жизнь» [Молчанов. Писатель];

«Наступил новый век – и настала новая эра в жизни молодого писателя. После успешного издания книги он переехал в Москву, но удача капризна и непостоянна, и ему, чтобы удержаться на плаву, приходится осваивать работу сценариста. Только кем бы он ни был – газетчиком, писателем или сценаристом, – прошлое следует за ним неотступно. То, что случилось несколько лет назад в далекой деревне, не так просто забыть, особенно если все действующие лица той трагедии вновь собрались вместе. И сценарий, ко-

торый приготовила для них судьба, не изменить» [Молчанов. Сценарист].

Общность заголовочно-финального комплекса также может выступать в качестве пусть не доминантного, но все же важного принципа формирования художественного единства: помимо указания на единый жанр – «настоящий русский нуар», произведения объединяются семантической общностью заглавий («Газетчик», «Писатель» и «Сценарист»), в которых фиксируется образ человека, связанного с творчеством, искусством слова, текста в разных формах его функционирования. Анализируя названия, читатель может предположить в них скрытую логику, отражающую динамику, которая позволяет двигаться от созерцания и фиксации факта до активного погружения и конструирования текста и, как следует из романов, самих событий. А если глубоко погружаться в текст, то становится очевидным, что динамика заглавий отражает динамику внутреннего мира героя, который к третьему произведению, пройдя через потери и жизненные испытания, поняв цену человеческой жизни, дружбе, таланту, предпочитает самостоятельную позицию и активное действие, даже если оно сопряжено с риском.

Анализ рамочного комплекса, а точнее, таких его компонентов, как зачины и финалы, в целом также позволяет воспринимать романы как часть общего циклического повествования: финал третьего романа закольцовывает общее повествование и «возвращает» на первый круг, что в полной мере отвечает представлению о цикле именно как о круге – замкнутой, обрамленной кольцом структуре, где первый и последний компоненты находятся в очень явной семантической связи. Сопоставим:

«– Представьте себе трассу Москва – Архангельск, над которой клубится жидкое горячее марево. Солнце стоит так высоко, насколько высоко оно вообще забирается в этих широтах. Сержант ГАИ Олег Малышев сидит на капоте желто-синей милицейской „копейки“, жует травинку и смотрит на дорогу...» [Молчанов. Сценарист];

«Над трассой Москва – Архангельск клубилось жидкое горячее марево. Солнце стояло так высоко, насколько оно вообще забирается в этих широтах. Сержант ГАИ Олег Малышев сидел на капоте желто-синей милицейской „копейки“, жевал травинку и смотрел на дорогу» [Молчанов. Газетчик].

С одной стороны, достаточно традиционной, а с другой – вполне необычной является сюжетная организация произведений. По существу, в трилогии реализуется метасюжет, при этом читателю, который начинает знакомство с произве-

дением не с первого романа, не последовательно, автор предлагает многочисленные флешбеки – небольшие экскурсы в сюжет предыдущего произведения, который должен восполнить информационную неполноту или недостаточность. Третий роман предлагает множество «псевдоновых» сюжетов, которые или поначалу производят впечатление новых, но, как оказывается, в них скрыто продолжается давняя история, не нашедшая своего завершения в «Газетчике» и «Писателе». Однако третий роман так или иначе представляет интегральное завершение двух предыдущих, причем это распространяется не только на событийный план, но и жанровую фактуру произведения: элементы черного детектива, социального и мистического романа, сохраняясь к третьему произведению, приобретают в нем еще большую насыщенность вследствие временной концентрации произведения, ускоренной динамики событий («Сценарист», в отличие от предыдущих произведений, где действие может показаться намеренно растянутым, – роман-хроника одного дня, сцепление микродетективов, являющихся развязкой сюжетов, намеченных в «Газетчике» и «Писателе»).

Синтетическая жанровая природа произведений также характеризуется общностью: эстетика черного детектива, нуара соединяется в произведении с мифологической фактурой, которая в тексте формально означает жанр сказки. И «память сказки», в свою очередь, означает не только наличие ясно выраженной морали (в романах она как раз, скорее, мерцающая) или победы добра над злом, сказка обеспечивает соединение двух пластов – реального и ирреального, онтологически-бытийного и социального, благодаря чему в произведении явно организуется философский подтекст, позволяющий поставить вопрос о том, что страшнее – фатальное мистическое зло или повседневное, растворенное в социуме, закрепленное сложившимся укладом жизни, прочно укоренившееся в самих людях с их пороками, привычками, бегством от жизни, от обстоятельств, от себя.

Мистический пласт в каждом из произведений реализуется с разной долей концентрации и воплощается в разных формах выражения: избрании сметающе-мистической силы несокрушимого зла (Лупоглазый), мистической изматывающей связи главных героев (Андрея Шиченги и Нины Шаровой) с Лупоглазым, раздвоения сознания героев (учитель Кораблев «выпадает» из реальности, попадая в параллельные миры); Лупоглазого преследует галлюцинация – сводящая с ума Рыжая девочка с запахом бензина, которая не позволяет герою выбраться из

страшного круга совершенных им преступлений, изводит своим присутствием, доставляет страшные моральные и физические мучения, сводит с ума, приводит к наркомании и не оставляет до последних дней, воплощая неотступный страшный суд, от которого не под силу избавиться даже самому циничному волевому человеку.

Общность цикла обусловлена и единством атмосферы. Атмосферу каждого из произведений можно определить «по-чеховски» как атмосферу всеобщего неблагополучия, где каждый несчастен и каждый несчастен по-своему. Ни один из героев не совпадает с собственными представлениями о должном, о себе и о счастье, если они вообще способны о таковом задумываться. Помимо давящей, поглощающей человека атмосферы, в которой он задавлен бытом, буднями, ощущением собственной несостоятельности, в романах явно реализуется общая мотивная структура, представленная целым комплексом мотивов, среди которых в качестве доминантных можно определить такие, как мотив смерти, предчувствия, игры, противостояния, насилия, погони, мести, расплаты. И если предыдущие вполне органичны для нуара, то мотив творчества определяется именно специфическим сюжетным замыслом романов Александра Молчанова и связан с решением индивидуальных авторских художественных задач.

Нуар предполагает также наличие интеллектуальных поединков, в которых, как правило, участвуют интеллектуал-следователь и изощренный преступник; вследствие этого нуар несет в себе специфический интеллектуальный посыл, не являясь чистым развлечением.

В произведениях Александра Молчанова существует опора на социально-философский контекст, который, сообразно авторской манере и авторской задаче, экстраполирован в многочисленные публицистические и философские отступления о жизни, смерти, человеческих взаимоотношениях. Они не озвучиваются резонером, не доверяются какому-либо «идеологу», интеллектуалу, а распределены между разными героями, что отвечает иной, по сравнению с классическим нуаром, логике организации отечественной версии этого жанрово-стилевого феномена.

Анализ поэтики романов А. Молчанова, демонстрирующий ряд сквозных характеристик, пронизывающих каждое из трех произведений («Газетчик», «Писатель», «Сценарист»), позволяет зафиксировать в них ряд общих скреп, а следовательно, оценивать их не как серию разрозненных моножанровых произведений, а как романский цикл, романную трилогию, объединенную наличием сквозного линейного сюжета,

общих приемов, единой атмосферы, единого повествовательного стиля.

Последовательное рассмотрение каждого из произведений, входящих в цикл, позволит постичь синергетический эффект, возникающий при соединении компонентов (романов), включенных в единое целое (романный цикл). А понимание природы романов А. Молчанова, которые намеренно создавались в ориентации на эстетику нуара, позволит выявить характеристики репрезентативного образца, что может расцениваться как «эталонный» для построения типологии отечественного нуара – разумеется, лишь в той степени, в которой понятие эталона представляется возможным, продуктивным и применимым, когда речь идет о столь обширной феноменологической палитре внутри этого пестрого разнородного потока, формально заявляющего о себе как русский нуар.

Список литературы

- Артюх А.* Нуар: голос из прошлого. Об истории и теории жанра. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18> (дата обращения: 12.10.2021).
- Васильченко А. В.* Пули, кровь и блондинки. История нуара. М.: Пятый Рим, 2018. 352 с.
- Жариков В. И.* Гангстерский детектив. URL: <http://lib.udm.ru/lib/DETEKTIWY/HEMMET/gangster.txt> (дата обращения: 14.11.2016).
- Заманская В. В.* Русская литература первой трети XX века: проблемы экзистенциального сознания. Екатеринбург: Изд-во УрГУ; Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1996. 408 с.
- Иващенко А. В.* Исторические и стилистические особенности нуара в американском кинематографе // История и археология. 2015. № 4. URL: <http://history.snauka.ru/2015/04/2144> (дата обращения: 26.09.2021).
- Карцева Е.* Легенды и Реалии. История американского уголовного фильма. М.: Материк, 2004. 248 с.
- Молчанов А.* Газетчик. М.: Эксмо, 2018. 224 с.
- Молчанов А.* Дыхание смерти. URL: <http://libking.ru/books/det-/detective/37907-aleksandr-molchanov-dyhanie-smerti.html> (дата обращения: 10.12.2018).
- Молчанов А.* Писатель. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
- Молчанов А.* Сценарист. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
- Москва Нуар: город исковерканных утопий. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
- Орозбаев К. Н.* Художественные особенности стиля нуар: на материале американского кинематографа 1940–1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2019. 35 с.
- Петербург нуар. СПб: Азбука, 2013. 317 с.
- Попов К.* Max Payne: эволюция нуара // Kanobu. URL: <http://kanobu.ru/articles/max-payne-evolyutsiya-nuara-366710/> (дата обращения: 14.10.2021).
- Рашид Илья.* Noir. М.: СканРус, 2015. 168 с.

Склярова Я. А. Традиции немецкого киноэкспрессионизма в американских фильмах нуар 1940–1950 гг. // Артикульт. 2015. 18 (2). С. 62–65.

Borde R. A Panorama of American Film Noir (1941–1953) / R. Borde, E. Chaumeton, P. Hammond. City Lights Publishers, 2002. 200 p.

Bronte E. Night passages: philosophy, literature, and film. New York: Columbia university press, cop., 2013. P. 496.

Dussere E. America is elsewhere: the noir tradition in the age of consumer culture. Oxford univ. press, cop., 2014. P. 289.

Ebert R. A guide to film noir genre, 1995. URL: <http://www.rogerebert.com/rogers-journal/a-guide-to-film-noir-genre> (дата обращения: 28.10.2021).

Meuel D. The noir western: darkness on the range, 1943–1962. Jefferson, North Garolina: McFarland, cop., 2015. P. 216.

References

Artiuk, A. (2007). *Nuar: golos iz proshlogo. Ob istorii i teorii zhanra* [Noir: A Voice from the Past. On the History and Theory of the Genre]. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18> (accessed: 12.10.2021). (In Russian)

Borde, R. (2002). *A Panorama of American Film Noir (1941–1953)*. R. Borde, E. Chaumeton, P. Hammond. 200 p. City Lights Publishers. (In English)

Bronte, E. (2013). *Night Passages: Philosophy, Literature, and Film*. 496 p. New York, Columbia University Press. (In English)

Dussere, E. (2014). *America Is Elsewhere: The Noir Tradition in the Age of Consumer Culture*. 289 p. Oxford Univ. Press. (In English)

Ebert, R. (1995). *A Guide to Film Noir Genre*. URL: <http://www.rogerebert.com/rogers-journal/a-guide-to-film-noir-genre> (accessed: 28.10.2021). (In English)

Ivashchenko, A. V. (2015). *Istoricheskie i stilisticheskie osobennosti nuara v amerikanskom kinematografе*. [Historical and Stylistic Features of Noir in American Cinematography]. *Istoriia i arkhеologіia* No. 4. URL: <http://history.snauka.ru/2015/04/2144> (accessed: 26.09.2021). (In Russian)

Kartseva, E. (2004). *Legendy i Realii. Istoriia amerikanskogo ugovnogo fil'ma* [Legends and Realities. The History of the American Criminal Film]. 248 p. Moscow, Materik. (In Russian)

Meuel, D. (2015). *The Noir Western: Darkness on the Range, 1943–1962*. 216 p. Jefferson, North Garolina, McFarland. (In English)

Molchanov, A. (2014). *Dyhanie smerti* [The Breath of Death]. URL: <http://libking.ru/books/detective/37907-aleksandr-molchanov-dyhanie-smerti.html> (accessed: 12/10/2018). (In Russian)

Molchanov, A. (2018). *Gazetchik* [Newsboy]. 224 p. Moscow, Eksmo, 2018. (In Russian)

Molchanov, A. (2018). *Pisatel'* [Writer]. 320 p. Moscow, Eksmo, 2018. (In Russian)

Molchanov, A. (2018). *Scenarist* [Screenwriter]. 320 p. Moscow, Eksmo, 2018. (In Russian)

Moskva Nuar: gorod iskovernannykh utopii (2011) [Moscow Noir. City of warped utopias]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Orozbaev, K. N. (2019). *Hudozhestvennye osobennosti stil'ia nuar: na materiale amerikanskogo kinematografа 1940–1950-h gg.: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniia* [Artistic Features of the Noir Style: Based on the American Cinema of the 1940–1950s: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 35 p. (In Russian)

Peterburg nuar (2013) [Petersburg Noir]. 317 p. Sankt-Peterburg, Azbuka. (In Russian)

Popov, K. *Max Payne: evoliutsiia nuara . Kanobu* [Max Payne: The Evolution of Noir. Kanobu]. URL: <http://kanobu.ru/articles/max-payne-evolyutsiya-nuara-366710/> (accessed: 14.10.2021). (In Russian)

Rashap Ilia. (2015). *Noir* [Noir]. 168 p. Moscow, ScanRus. (In Russian)

Skliarova, Ia. A. (2015). *Traditsii nemetskogo kinoekspressionizma v amerikanskikh fil'makh nuar 1940–1950 gg.* [Traditions of German Film Expressionism in American Films Noir of 1940–1950]. *Artikult*, 18(2). Pp. 62–65. (In Russian)

Vasil'chenko, A. V. (2018). *Puli, krov' i blondinki. Istoriya nuara* [Bullets, Blood and Blondes. Noir Story]. 352 p. Moscow, Piatyi Rim. (In Russian)

Zamanskaia, V. V. (1996). *Russkaia literatura pervoi treti XX veka: problemy ekzistentsial'nogo soznaniia* [Russian Literature of the First Third of the Twentieth Century: The Problems of Existential Consciousness]. 408 p. Ekaterinburg, izd-vo UrGU; Magnitogorsk, izd-vo MGPI. (In Russian)

Zharikov, V. I. *Gangsterskii detektiv* [A Gangster Detective Story]. URL: <http://lib.udm.ru/lib/DETEKTIWY/HEMMET/gangster.txt> (accessed: 14.11.2016). (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2021

Поступила в редакцию 15.11.2021

Пономарева Елена Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский центр качества образования,
105318, Россия, Москва,
Семеновская пл., 4.
ponomareva_elen@mail.ru

Ponomareva Elena Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow Center for Education Quality,
4 Semenovskaya Sq.,
Moscow, 105318, Russian Federation.
ponomareva_elen@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-209-214
УДК 82.512.145

ФАТИХ ХУСНИ О ПРИРОДЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

© Дина Сабирзянова

FATIH HUSNI ON THE NATURE OF LITERARY CREATIVITY

Dina Sabirzyanova

The article systematizes the information on the literary and critical heritage of the Tatar writer Fatih Husni (1908-1996), a master of Tatar prose, “a true wizard of language”. He has written dozens of articles in the genre of reviews, essays, literary-critical articles, creative portraits, open letters to writers, in which he raised the problems of literary creativity and reflected on the essence of the writer’s creativity. Our analysis is based on his collections of works “Uylanlar” (“Thoughts Aloud”, 1961), “Ni aiterga? Nichek aiterga?” (“What to Say? How to Say It?”, 1974), “Karurmanga keram” (“I Will Enter the Dark Forest”, 1986). Contrary to the socio-logistical spirit of the Soviet era, F. Husni remained an “aesthete”, a champion of the unity of form and content. He was interested not only in “what” was written, it was more important for him to reveal in his works “how” it was written. The Tatar writer paid great attention to the study of creative laboratories of classics and his contemporary writers. In addition to theoretical assumptions, his works contain many practical tips for achieving the optimal artistic structure of literary works.

Keywords: Tatar literature, Fatih Husni, literary criticism, writer, word artist, critic.

В статье систематизированы сведения о литературно-критическом наследии татарского писателя Фатиха Хусни (1908–1996), мастера татарской прозы, «подлинного чародея языка». Его перу принадлежат десятки статей, написанных в жанре рецензий, эссе, литературно-критических статей, творческих портретов, открытых писем к писателям, в которых он поднимает проблемы литературного творчества, размышляет о сути писательского труда. Материалом для анализа послужили его сборники «Уйланулар» («Мысли вслух», 1961), «Ни эйтергә? Ничек эйтергә?» («Что сказать? Как сказать», 1974), «Карурманга керәм» («Вхожу я в лес дремучий», 1986). Вразрез социологизаторскому духу советской эпохи Ф. Хусни оставался «эстетом», поборником единства формы и содержания. Его интересовало не только то, «о чем» написано, для него важнее было раскрыть в своих работах, «как» написано. Татарский писатель уделял огромное внимание изучению творческих лабораторий классиков и современников. В его трудах, помимо теоретических выкладок, много практических советов по достижению оптимальной художественной структуры произведений.

Ключевые слова: татарская литература, Фатих Хусни, литературная критика, писатель, художник слова, критик.

Фатих Хусни (Фатых Хуснутдинович Хуснутдинов, 1908–1996) – известный татарский писатель, прозаик, публицист, критик и драматург. «Если бы сегодня в нашей литературе не было Фатиха Хусни, то часть нашего духовного богатства была бы утрачена, – считает литературовед Фоат Галимуллин. – Действительно, вклад Фатиха Хусни (1908–1996) в развитие татарской литературы огромен, и его творчество высоко оценивается критиками. Он на протяжении полувека занимался творческой деятельностью, служил народу, создал произведения, ко-

торые определили лицо татарской литературы» [Галимуллин, с. 78].

Творчество Фатиха Хусни-прозаика монографически изучено татарским литературоведом Рифатом Сверигиным [Сверигин]. Творческий портрет писателя разнопланово представлен в трудах А. Ахунова [Ахунов], И. Гази [Гази], Р. Мустафина [Мустафин], А. М. Закирзянова [Закирзянов] М. Хабутдиновой ([Хабутдинова. «...Я буду всегда радостным»], [Хабутдинова. Специфика...], [Хабутдинова. Слово...], [Хабутдинова. Образ...], [Хабутдинова. Художествен-

ное мастерство...]) и др. А. Ахмадуллин раскрыл особенности драматургического дара Ф. Хусни [Ахмадуллин]. Сценической интерпретации его произведений посвящены работы Г. Зайнуллиной [Зайнуллина], А. Кадыровой [Кадырова], М. Хабутдиновой [Хабутдинова. Сочинение-рецензия].

«Фатых Хусни – охотно делится „секретами“ мастерства с творческой молодежью. Он написал на эту тему десятки статей, составивших целую книгу о писательском ремесле. Пожалуй, более, чем кто-либо из татарских писателей, он ратует за чистоту языка, за полнокровность и богатство стиля», – так отозвался о критическом даре писателя Рафаэль Мустафин [Мустафин, с. 221]. Мы считаем, что этот пласт деятельности писателя на сегодня еще недостаточно исследован и нуждается в детальном осмыслении.

Изучив литературно-критическое наследие Ф. Хусни, мы выявили круг работ, в которых писатель размышляет о природе литературного творчества. Написаны они в разных жанрах: рецензии, литературно-критические статьи, обзоры, эссе, открытое письмо. Как отмечает И. Гази, Ф. Хусни в своей публицистике и критических статьях оставался «эстетом» в наилучшем смысле этого слова, поборником единства формы и содержания, «яростным противником социализма в литературоведении» [Гази, с. 45].

Первая рецензия была опубликована Ф. Хусни в 1935 г. Писатель рассматривает творчество Галима Мухаметшина (1911–1956) в широком литературном контексте. Автор рецензии отмечает не только достижения поэта, но и указывает на его недостатки. Отмечая цельность композиции произведений своего современника, подмечая его умение увидеть привычные предметы в необычном ракурсе, Ф. Хусни восхищается присутствием поэту даром тонко чувствовать аудиторию читателей [Хөснi].

Весьма интересны в плане заявленной нами темы работы Ф. Хусни, посвященные творчеству Х. Такташа. В рецензии (1943) на его сборник стихотворений критик размышляет о творческом диапазоне поэта, занимающегося экспериментами не только в области ритмики, но и на ниве создания новых жанров в татарской литературе [Хөснi. Һади Такташ, с. 136]. В статье «Revolytsion lirik» («Революционный лирик») Ф. Хусни делает первый шаг к созданию творческого портрета знаменитого поэта [Хөснi, Revolytsion lirik]. В статье «Моннан шагыйрь узды» («Здесь прошел поэт») (1943) критик уже предлагает читателям осмыслить природу реформаторского таланта Х. Такташа. Ф. Хусни в своей статье резко выступает против

господства социологизаторского взгляда на творчество. По его мнению, литературоведы и критики игнорируют в ходе анализа ряд важных и принципиальных вопросов, когда говорят о художнике слова. Они ограничиваются анализом его общественных взглядов, тематического диапазона произведений, не выявляя специфику его творческого потенциала, своеобразие его философских взглядов. Будучи принципиальным и честным, Ф. Хусни указывает, что на это первым обратил внимание А. Файзи: «Такташ турында язучыларның күпчелеге, Такташның ничек язы белән шөгелләнмичә, бары тик аның нәрсә язы белән генә кызыксынып килделәр». – «Большинство пишущих о Такташе не занимались разработкой того, как он пишет, а интересовались тем, о чем он писал» (здесь и далее подстр. пер. наш. – Д. С.). Ф. Хусни стремится выявить особенности творческой эволюции поэта от романтизма к реализму. Критик четко фиксирует сдвиги как в образной системе, так и в поэтике. Ф. Хусни подробно разбирает суть революционных преобразований, совершенных Х. Такташем в технике татарского стиха [Хусни. Уйланулар, с. 5–23]. В 1937 г. Ф. Хусни написал рецензию «Революцион лирик» («Революционный лирик») [Хусни]. В 1941 г. оценил мастерство рассказчика Афзала Шамова [Хусни].

Особого внимания заслуживают результаты изучения Ф. Хусни особенностей творческой лаборатории татарского писателя Г. Тукая. Так, в 1939 г. критик поделился с читателями своими размышлениями о природе комического в творчестве поэта («Тукай ижатында юмор һәм сатира» («Юмор и сатира в творчестве Тукая»). В ряде статей: «Тукай хәйкәлен ачканда» («Во время открытия памятника Г. Тукая») (1956) [Хусни. Уйланулар, с. 126–129], «Тукай турында уйлану» (1966) [Хөснi. Ни әйтергә? Ничек әйтергә, с. 145–151], «Әхмәт Фәйзи – драматург» (Ахмет Файзи – драматург) [Хусни. Уйланулар, с. 120–122], «Тукайның фажигаләре» («Трагедии Тукая») [Хөснi. Карурманга керәм, с. 71–72], – критик осмысляет суть и природу открытий Г. Тукая в татарской литературе. По мнению Ф. Хусни, успех татарского поэта объясняется народностью его творчества и мастерским овладением богатого потенциала татарского языка [Хусни. Уйланулар, с. 129]. Ф. Хусни яростно борется с социологизированными штампами при оценке творчества великого сына татарского народа, превратившегося в «зеркало». [Хөснi. Ни әйтергә? Ничек әйтергә, с. 148, 150]

В годы Великой Отечественной войны Ф. Хусни предпринял попытку очертить

тематический диапазон и особенности поэтики военной лирики [Хәсни. Сугыш лирикасы].

Ф. Хусни внимательно следил за новинками на книжном рынке как русских писателей, так и писателей из братских республик, был в курсе литературных споров и дискуссий, открыто выражал свою позицию не только на страницах региональной прессы, но и на страницах ведущих столичных изданий ([Хусни. Окно в мир...], [Хусни. Человеческая диалектика], [Хусни. Глубокое течение или пузырьки на поверхности], [Хусни. Многонациональная – значит многокрасочная]).

Как верно подметила М. М. Хабутдинова, десятки статей о сути писательского труда вылились в сборники «Уйланулар» («Мысли вслух») (1961) [Хусни. Уйланулар, с. 5–23]. «Ни әйтергә? Ничек әйтергә?» («Что сказать? Как сказать») (1974), [Хәсни. Ни әйтергә? Ничек әйтергә?], «Карурманга керәм» («Вхожу я в лес дремучий». О писательском труде) (1985) [Хәсни. Карурманга керәм] (см. подр.: [Хабутдинова. Специфика...]).

«Нелегко быть писателем. Надо искать, всегда искать, беспокойно искать, найти свой жизненный материал, именно тот самый материал, где в какой-то степени скрыт и ты сам, твой ритм, твоя любовь, твоя душа... Без этого нет настоящего художественного творения. Только писатель-ремесленник может писать обо всем ладно, гладко и одинаково бездушно. Найти свой жизненный материал – еще полдела. Его надо еще открыть по-своему, с полнотой выразить. Выразить так, чтобы он стал достоянием всех, чтобы всем доставлял радость, свет, жар твоей души», – признается писатель в статье «Узнавать, любить, выражать» [Хусни. Узнавать, любить, выражать].

Огромное внимание уделяет Ф. Хусни воспитанию молодых писателей. Он находит время для рецензирования произведений из альманаха «Үсү юлында» («На путях роста»). Критик рассматривает произведения молодых в единстве содержания и формы, обращает внимание на особенности языка («Тәпи басканда», 1953) [Хәсни. Уйланулар, с. 69–77]. Ф. Хусни в статье «Яшь язучылар белән әңгәмә» («Диалог с молодыми писателями») (1955) щедро делится секретами писательского мастерства. Статья его есть настоящее руководство по созданию татарского рассказа. Разрабатывая контент своего мастер-класса, Ф. Хусни приводит примеры не только из отечественной, но и мировой литературы. Критик разбирает произведения как мэтров, так и начинающих писателей. Ф. Хусни обращается к молодым писателям с призывом неустанно рабо-

тать над собой как в плане расширения содержательного потенциала своих произведений, так и в плане поиска новых поэтических приемов для реализации замыслов. [Хәсни. Уйланулар, с. 69–77].

Свои взгляды о сути писательского творчества Ф. Хусни сформулировал очень четко во вступительной статье к сборнику «Карурманга керәм» («Вхожу я в лес дремучий», 1976–1977) (1985). Ф. Хусни считает литературное творчество делом ответственным и крайне непростым («гаять дәрәждә читен һәм жаваплы эш»). Критик уверен, что этот «тяжелый воз» не каждому по плечу. Каждый, почувствовавший в себе дар литературного дарования, по мнению Ф. Хусни, рано или поздно ставит перед собой два вопроса: о чем писать и как писать. Успех гарантирован лишь тому писателю, кто добьется гармонии в вопросах содержания и формы своих произведений [Хәсни. Карурманга керәм, с. 3–6].

Ф. Хусни уверен, что писатель лишь тогда добьется успеха в создании «крупного произведения», если сумеет четко сформулировать цель его создания («Ижат төшенчәсе, аның асылы» («Суть творчества, его сердцевина»)) [Там же, с. 25]. По мнению критика, настоящий писатель должен обладать своим видением происходящего вокруг, убедить читателя в достоверности изображаемого, которое должно быть пережито и прожито («Хуш, карурман жаным» («Прощай, душа моя, дремучий лес»)) [Там же, с. 84]. Писатель должен сам испытывать радость от творчества, добиться у читателя эмоционального отклика от художественного произведения («Үзең шатландыңмы?» («Ты сам испытал радость?»)) [Там же, с. 27]. «Синең ижатың һәрвакыт кешеләргә яңа шатлык алып килсен, күңелләре **яңа хисләр белән баетсын**». – «Пусть твое творчество всегда приносит людям новые радости, обогащает их сердца новыми чувствами» [Там же, с. 20].

Ф. Хусни жестко критикует графоманство как в среде писателей-профессионалов, так и тех, кто делает в творчестве первые шаги. Он рекомендует писателям избегать спешки в художественном оформлении того или иного творческого замысла. Ф. Хусни считает, что произведение должно немного «полежать», чтобы писатель мог свежим взором взглянуть на написанное [Там же, с. 33].

В размышлениях Ф. Хусни о природе творчества важное место отводится практическим советам по достижению оптимальной структуры художественного произведения. Настоящий художник, по его мнению, должен осмыслить начало и финал своего произведения, систему пер-

сонажей. По мнению Ф. Хусни, в произведении важно все. Автор «проявляет» себя через название произведения, ключевые слова и метафоры.

Весьма интересны и актуальны сегодня размышления писателя о природе национального. Надо отдать должное мужеству татарского писателя, поднявшего эту проблему в годы, когда в СССР началось «похолодание» в национальной политике (см. подр.: [Хабутдинова. «... Я буду радостным»]). Все подгонялось под единый стандарт соцреализма («Күп милләтле – күп бизәклә» («Многонациональный – многокрасочный», 1961)) [Хәснә. Карурманга керәм, с. 89–99].

Как верно подметила М. М. Хабутдинова, «в условиях торжества советской цензуры и размышления границ национальной культуры Ф. Хусни ратует за чистоту языка, за полнокровность и богатство стиля В своих произведениях создает блестящие образцы современной литературной речи» [Хабутдинова. «...Я буду радостным», с. 154]. Прав Р. Мустафин, книги Ф. Хусни можно не подписывать, читатель быстро узнает автора «по задушевной интонации», «лукавому юмору», «филигранности отделки стиля» [Мустафин, с. 221–222].

В своих статьях Ф. Хусни четко формулирует свои требования к литературным критикам, которые должны стать, по его мнению, настоящей опорой для писателей. Их взгляд на произведение должен отличаться объективностью, а позиция – принципиальностью: «Тәнкыйтьче – настроение колы түгел, әдәби эсәргә гыйльми-әдәби анализ бирүче галим, язучының акыллы киңәшчесе, дустан». – «Критик-не раб настроения, а ученый, дающий научно-литературный анализ литературному произведению, мудрый советник, друг писателя» («Безне ни өчен гаеплиләр?» («За что нас критикуют», 1962)) [Хусни, с. 120].

Литературно-критическое наследие Ф. Хусни, созданное в эпоху СССР, не потеряло актуальности и поныне, так как было свободно от идеологических штампов, ориентировано на осмысление сути писательского труда. Татарский писатель требует от художников слова полной самоотдачи в творчестве, способности «пропитаться» жизнью насквозь, чуткости к читательской аудитории, бережного отношения к национальной культуре и языку.

Список литературы

Ахунов А. 95 лет назад, 3 февраля 1908 г. родился прозаик и драматург Фатых Хусни // Татарстан. 2003. № 2. С. 66–67.

Гази И. Смелый и самобытный художник: творческий портрет Ф. Хусни // Сов. Татария. 1965. 12 янв.

Зайнуллина Г. На границе между светом и мраком: в театре им. Камала прошла премьера спектакля по повести Ф. Хусни «Перстень»; сценарий – И. Зайниев, режиссер – Лилия Ахметова // Республика Татарстан. 2011. 11 июня (№ 118). С. 5.

Закирзянов А. М. Основные направления развития татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. 320 с.

Кадырова А. В «Перстне» нет ни маленьких ролей, ни маленьких актеров: в Камаловском театре прошла премьера драмы Фатиха Хусни «Перстень»; сценарий – И. Зайниев, режиссер – Лилия Ахметова // Вечерняя Казань. 2011. 26 апреля (№ 46). С. 3.

Мустафин Р. Ф. Хусни // Р. Мустафин. Образы времени: статьи. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. С. 221–224.

Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 707 с.

Сверигин Р. Х. «Фатих Хусни: жизненный путь и творчество». Казань: Татарское книжное издательство, 1968. 150 с.

Фуко М. Что такое автор? Франция, 1969. 14 с.

Хабутдинова М. «...Я буду всегда радостным» // Ф. Х. Хусни. Перстень: повести, рассказы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 137–160.

Хабутдинова М. Образ труженицы в повести Ф. Хусни «Гыйльмениса» // Ф. Х. Хусни. Перстень: повести, рассказы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 184–192.

Хабутдинова М. Слово Ф. Хусни о герое и героизме: на материале повести «Йөзек кашы» («Перстень») // Ф. Х. Хусни. Перстень: повести, рассказы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 173–183.

Хабутдинова М. Сочинение-рецензия на спектакль // Ф. Х. Хусни. Перстень: повести, рассказы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 199–209.

Хабутдинова М. Специфика автобиографического мифа в повести Ф. Хусни «Минем тәрәзләрем» («Мои окна») // Ф. Х. Хусни. Перстень: повести, рассказы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 161–172.

Хабутдинова М. Художественное мастерство Ф. Хусни-рассказчика // Ф. Х. Хусни. Перстень: повести, рассказы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 184–192.

Хусни Ф. Глубокое течение или пузырьки на поверхности // Лит. газета. 1958. 24 июля.

Хусни Ф. Окно в мир. Писатель и его личный опыт // Литература и жизнь. 1962. 1 авг.

Хусни Ф. Человеческая диалектика (о творчестве писателя) // Литература и жизнь. 1962. 16 февр.

Ахмадуллин А. Ф. Хәснинең «Бертуган Таһировлар» исемле пьесасы // А. Г. Әхмәдуллин Дөрәслеккә ирешү юлында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. С. 141–143.

Галимуллин Ф. Г. Халыктан һәм халыкныкы: язучы Ф. Хәснә турында // Ф. Галимуллин. Эзләнү вакыты. Казан: Мәгариф, 2005. Б. 237–245.

Хәснә Ф. Сугыш лирикасы // Совет әдәбияты. 1942. № 4. Б. 76–79.

Хөсни Ф. Х. Караурманга керәм. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 200 б.

Хөсни Ф. Х. Ни әйтергә? Ничек әйтергә? Казан: Татар. китап. нәшр., 1974. 256 б.

Хөсни Ф. Һади Такташ // *Sovet әдәбияте*. 1943. № 12. Б. 135–138.

Хөсни Ф. Тукай ижатында юмор һәм сатира // *Sovet әдәбияте*. 1939. № 4. Б. 48–53.

Хөсни Ф.Х. Уйланулар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1961. 222 б.

Хусни Ф. Узнавать, любить, выражать // *Сов. Татария*. 1962. 6 янв.

Хөсни Ф. «Mөхәмәтсіннен „1935“nce jelu» // *Sovet әдәбияте*. 1934. № 4–5. Б. 109–110.

References

Ahmadullin, A. F. (1993). *Hөsnineң “Bertugan Tahirovlar” isemle p’esasy* [The Tagirov Brothers Play]. Әhmәdullin A. G. Dөreslekkә ireshy iulynda. Pp. 141–143. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Ahunov, A. (2003). *95 let nazad, 3 fevralia 1908 g. rodilsia prozaik i dramaturg Fatyh Khusni* [On February 3, 1908, the Novelist and Playwright Fatih Husni Was Born]. A. Ahunov. Tatarstan. No. 2, pp. 66–67. (In Russian)

Gazi, I. (1975). *Smelyy i samobytnyy khudozhnik: tvorcheskii portret F. Khusni* [A Bold and Original Artist: A Creative Portrait of F. Husni]. 45 p. Kazan. (In Russian)

Fuko, M. (1969). *Chto takoe avtor* [What Makes an Author]. France. 14 p. (In Russian)

Kadyrova, A. (2011). *V “Perstne” net ni malen'kih rolei, na malen'kih akterov: (v Kamalovskom teatre proshla prem'era dramy Fatiha Khusni “Persten”. Stsenarii-I. Zainiev, rezhisser - L. Ahmetova)* [There Are No Small Roles for Small Actors in “The Ring”: (the premiere of Fatikh Husni's drama “The Ring” took place at the Kamalovsky Theater. Screenplay - I. Zainiev, director -L. Akhmetova)]. A. Kadyrova. Vecherniaia Kazan'. 26 apreliia. No. 46, p. 3 (In Russian)

Khabutdinova, M. (2014). *“...Ya budu vseгда radostnym”* [I Will Always Be Joyful]. Khusni F. H. Persten' : povesti, rasskazy. Pp. 137–160. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khabutdinova, M. (2014). *Obraz truzhenitsy v povesti F. Husni “Gyl'menisa”* [The Image of the Female Worker in the Story “Gyl'menisa” by F. Husni]. Khusni F. H. Persten' : pove-sti, rasskazy. Pp. 184–192. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khabutdinova, M. (2014). *Slovo F. Husni o geroe i geroizme: na materiale povesti “Jozek kashy” (“Persten”)* [The Word F. Husni about the Hero and Heroism: Based on the Story “Yozek kashy” (“The Ring”)]. Khusni F. H. Persten' : povesti, rasska-zy. Pp. 173–183. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khabutdinova, M. (2014). *Sochinenie-retsenziia na spektakl'* [Essay-Review of the Play. Husni F. H. The Ring: Novellas, Short Stories]. Khusni F. H. Persten':

povesti, rasskazy. Pp. 199–209. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khabutdinova, M. (2014). *Spetsifika avtobiograficheskogo mifa v povesti F. Khusni “Minem tarazalarem” (“Moi okna”)* [The Specifics of the Autobiographical Myth in F. Husni's Story “My Windows”]. Khusni F. H. Persten' : povesti, rasskazy. Pp. 161–172. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khabutdinova, M. (2014). *Khudozhestvennoe masterstvo F. Khusni-rasskazchika. Khusni F. H. Persten' : povesti, rasskazy* [The Artistic Skill of F. Husni - the Narrator. Husni F. H. The Ring: Novellas, Short Stories]. Pp. 184–192. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Khusni, F. (1934). *“Muhamitshinnen “1935” nche jelu”* [The 1934 of Mukhametshin]. *Sovet әdabiaty*. No. 4–5, pp. 109–110. (In Tatar)

Khusni, F. (1942). *Sugysh lirikasy* [Military Lyrics]. *Sovet әdabiaty*. No. 4, pp. 76–79. (In Tatar)

Khusni, F. (1985). *“Voydu v temnyy les”* [I Will Enter the Dark Forest]. 193 p. Kazan. (In Tatar)

Khusni, F. (1974). *“Chto skazat? Kak skazat?”* [“What to Say? How to Say It?”]. 231 p. Kazan. (In Tatar)

Khusni, F. (1943). *Hadı Taktash* [Hadi Taktash]. *Sovet әdәbiatе*. No. 12, pp. 135–138 (In Tatar)

Khusni, F. (1939). *Tukai iжatında iumor һәм satira* [Humor and Satire in the Works of Tukay]. *Sovet әdәbiatе*. No. 4, pp. 48–53. (In Tatar)

Khusni, F. (1961). *“Uılanular”* [“Thoughts”]. 193 p. Kazan. (In Tatar)

Khusni, F. (1962). *Uznavat', lyubit', vyrazhat'* [To Learn, to Love, to Express]. *Sov. Tataria*. 6 ianv. (In Russian)

Khusni, F. (1958). *Glubokoe techenie ili puzyr'ki na poverhnosti* [Deep Current or Bubbles on the Surface]. *Lit. gazeta*. 24 iulia. (In Russian)

Khusni, F. (1962). *Okno v mir. Pisatel' i ego lichnyi opyt* [A Window into the World. The Writer and His Personal Experience]. *Literatura i zhizn'*. 1 avg. (In Russian)

Khusni, F. (1962). *Chelovecheskaia dialektika (o tvorchestve pisatel'ia)*. [Human Dialectics (On the Writer's Work)]. *Literatura i zhizn'*. 16 fevr. (In Russian)

Mustafin, R. (1981). *F. Husni. Mustafin R. Obrazy vremeni: stat'i*. [Fatikh Husni. Images of Time: Articles]. Pp. 221–224. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Nikoliukin, A. (2003). *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Pod red. Nikoliukina M. 707 p. (In Russian)

Sverigin, R. (1968). *“Fatikh Khusni: zhiznennyi put i tvorchestvo”* [Fatih Husni: Life Path and Works]. 150 p. Kazan. (In Tatar)

Zainullina, G. (2011). *Na granitse mezhdu svetom i mrakom* [On the Border between Light and Darkness]. *V teatre im. Kamala proshla prem'era spektaklia po povesti F. Khusni “Persten”*; scenario - I. Zainiev, rezhisser - Liliia Ahmetova. G. Zainullina. Respublika Tatarstan. 11 iunია. No. 118, p. 5. (In Russian)

Zakirzianov, A. M. (2011) *Osnovnye napravleniia razvitiia tatarskogo literaturovedeniia* (kon. XX – nach. XXI v.) [The Main Directions of the Development of Tatar Literary Criticism (the late 20th – early 21st centuries)]. 320 p. Kazan', Ihlas. (In Russian)

The article was submitted on 20.11.2021
Поступила в редакцию 20.11.2021

Сабирзянова Дина Решитовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
dine-1995@mail.ru

Sabirzyanova Dina Reshitovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
dine-1995@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-215-224
УДК 821.161.1

«КОНТРАПУНКТИК МУЗЫКАНТА»: ИНТОНАЦИЯ И ДИАЛОГИЗМ В ПОЭЗИИ И. ЧИННОВА

© Анна Семина

“COUNTERPOINT OF A MUSICIAN”: INTONATION AND DIALOGISM IN I. CHINNOV’S POETRY

Anna Semina

The article researches the specificity of Igor Chinnov’s lyrical poetry and highlights its intonational dominant principle and dialogism. We study the way Chinnov skillfully combines semantic and rhythmical intonations within the framework of the same text, so that poetry is naturally born, as a fragment of spontaneous speech. In those rhymes, full of tragic element and reflections on the 20th century discordant vicissitudes, Chinnov uses rhythmical shifts by intentionally destroying the melodic harmony of a regular meter. Chinnov’s desire to turn poetry into prose and his use of the natural speech intonation in such verses is compared with Russian concretists, who had to write poetry in the USSR in the second half of the 20th century by using the language, which discredited itself being exploited by the totalitarian rule when it was used as a tool of manipulation of millions of people. These reflections result in the minimal use of tropes, the use of clichés and quotations, as well as the emphasis on the intonational expression in verse, which means an attempt to create a poetic text by using extralinguistic methods.

Keywords: Chinnov, Igor Chinnov, intonation, rhythm, dialogism, prosaization, concretism, impossibility of poetry, Paris note.

В статье рассматривается специфика лирики Игоря Чиннова, делается акцент на ее интонационной доминанте и диалогизме. Рассматривается, как поэт виртуозно совмещает смысловую и ритмическую интонации в рамках одного текста, так что поэтический текст рождается словно бы сам собой, как фрагмент естественной речи. Предполагается, что в стихах, наполненных трагизмом и рефлексией о дисгармонии исторических поворотов XX столетия, Чиннов использует ритмические перебои, намеренно разрушая музыкальную гармонию регулярного метра. Стремление поэта к прозаизации и ориентация на интонацию естественной речи в подобных стихотворениях сопоставляется с практикой русских конкретистов, вынужденных во второй половине XX века в СССР писать стихи на языке, который себя дискредитировал, будучи объектом эксплуатации тоталитарного режима и средством обмана миллионов людей. Рефлексия над этим приводит авторов к минимализму художественных средств, использованию языковых клише и цитат, а также к повышению удельного веса интонационной выразительности стиха – то есть к попытке создать поэтический текст экстралингвистическими способами.

Ключевые слова: Чиннов, Игорь Чиннов, интонация, ритм, диалогизм, прозаизация, конкретизм, невозможность поэзии, Парижская нота.

Исследователи уже отмечали диалогичность поэзии И. Чиннова [Дворецкая], прозревая в ней в числе прочих особенностей «движение к себе-седничеству с иным миром» [Ничипоров, с. 140]. Справедливость подобных наблюдений не подлежит сомнению: к стихам Чиннова в высшей степени применима характеристика, которую дал поэзии С. Есенина Марк Щеглов, назвав ее «лирикой общения»: это поэзия, которая «вообще немислима без того, кто воспринимает» [Щеглов, с. 112–113]. В связи с этим в корпусе текстов Чиннова обращает на себя внимание боль-

шое количество стихотворений, содержащих явное или имплицитное обращение к адресату: «Милый друг, спасибо за молчание...» [Чиннов, т. 1, с. 361]; «Ты был жив недавно. Тяжело болел...» [Там же, с. 359]; «Забавное, милый, лекарство...» [Там же, с. 481]; «Друг, посадят вас на электростул...» [Чиннов, т. 2, с. 38] и мн. др. Несмотря на справедливость суждений о «фиктивной коммуникативности» поэтического текста [Левин, с. 467], [Невзглядова, с. 18], представляется все же, что поэзия может быть диалогична в широком, философском смысле – осо-

бенно в XX столетии, когда философия диалогизма так или иначе пронизывает все сферы культуры. Очевидно, что в стихах поэт не обращается напрямую к некоему собеседнику, даже если текст принадлежит к жанру послания, – поскольку адресат является все же не живым лицом, а моделируемым художественным образом, – однако данное обстоятельство не отменяет возможности рассмотреть поэзию того или иного автора в контексте диалога – не на бытовом, а на онтологическом уровне.

Лирический субъект Чиннова редко пребывает в одиночестве – для него более характерно лирическое «мы»: *«Житейская глупость и грубость / Уже не касаются нас»* [Чиннов, т. 1, с. 394]; *«Займемся летними полуднями, / Займемся зимними закатами, / Луной на улице застылой»* [Там же, с. 482]. Иногда, что характерно для авторов русского зарубежья, этот коллективный субъект может подразумевать всех русских эмигрантов, а стихотворение – символически аккумулировать коллективный опыт изгнания: *«Да, мы эмигранты, „переселенцы“ / „Отщепенцы“...»* [Там же, с. 439]; *«Мы сброшены с пути, как поезд взорванный / У обгорелого вокзала»* [Там же, с. 247]; *«Мы давно отдыхаем / На чужих берегах»* [Там же, с. 530]. Впрочем, иногда для героя Чиннова характерно обращение к самому себе во множественном числе – в подобных случаях диалог принимает форму автокоммуникации: *«За то, что ты старик, что старикашка ты, / Что мы к веселью опоздали»* [Чиннов, т. 2, с. 60].

Диалогическая направленность стихов Чиннова проявляется также и в том, что текст их изначально подразумевает вовлеченность автора и воспринимающего в определенную речевую ситуацию, которая обоим известна и потому не требует дополнительного пояснения (со стороны читателя же, напротив, предполагает некоторое творческое усилие). По словам лингвистов, «в диалоге неполное языковое высказывание ограничено обычными и стереотипными языковыми элементами (условными формулами) и дополняется знанием ситуации и неязыковыми выразительными средствами» [Горалек, с. 24], что отличает диалог от письменной речи, в которой неязыковые вспомогательные средства отсутствуют. Так, примечательны в этом отношении стихотворения, первые строки которых как бы продолжают некий разговор (читателю словно позволено «подслушать» этот диалог мимоходом): *«Ну что же – не хочешь, не надо...»* [Чиннов, т. 1, с. 334]; *«Человечество? Нет, не хочется...»* [Там же, с. 374]; *«Ну и ну, ну и дела, как сажа бела, трала-лала...»* [Там же, с. 259]; *«Да,*

недужится, неможется...» [Там же, с. 220]; *«Но выше нежного сияния...»* [Там же, с. 219]; *«А умрем – заживем на поверхности солнца...»* [Там же, с. 365]; *«Ну не бессмертие, хотя бы забыть...»* [Там же, с. 205]; *«Что же все бороться и бороться...»* [Там же, с. 240]; *«Ну, а тебе – дела не опротивели?»* [Там же, с. 238] и др. Неполнота высказывания, характерная для речи в диалоге, стихам Чиннова очень свойственна: *«А родина – она всегда, / Она, конечно...»* [Чиннов, т. 2, с. 71]. И хотя исследователи считают законной и вполне традиционной прерогативой поэзии вводить в текст элементы спонтанной речи [Ковтунова, с. 179], представляется, что в таком объеме, как у позднего Чиннова, прежде в авторизованных текстах подобного не наблюдалось.

«Диалог с „чужим“, уже сказанным словом» ныне рассматривается в качестве одной из ведущих тенденций культуры конца XX в. [Сорокина, с. 64]. Цитатность поэзии Чиннова очевидна – причем цитаты у него функционируют в практически неизменном, интонационно оформленном виде: в текст вводятся клишированные фрагменты устной речи, фразеологизмы, поговорки, присказки: *«Да, то-то и оно-то. / Такие-то дела. И что тут скажешь»* [Чиннов, т. 1, с. 516]; *«Все перетрут (работай скорее!) / Терпенье и труд, / И даже веревку у Вас на шее / Они перетрут»* [Там же, с. 450]; *«– Мели, Емеля, твоя неделя – / Ай да люли, разлили малина! / Долина плача, моя долина»* [Там же, с. 193]; *«За морем телушка, душка, полушка. / С миру по мышке, голому кошка»* [Там же, с. 438]; *«Да, жисть-жестянка, да, жисть-копейка, судьба-индейка. / Да, холодно-голод. Не радость старость. (И ночь, и осень)»* [Там же, с. 156]. Играя с пластом народной речи, Чиннов переосмысляет устойчивые выражения, из-за чего последние обретают новый смысловой объем: *«Как говорится, / До скорого! Вернее, до Второго / Пришествия...»* [Там же, с. 222]. Трудно не заметить, как подобная поэтическая техника сближает Чиннова с Вс. Некрасовым, у которого «едва ли не каждая отдельно взятая фраза отсылает к дискурсу, в котором она была создана, и чем более стандартизирована эта фраза, тем интенсивнее ощущается связь с контекстом» [Янечек]. Как и Некрасов, Чиннов, таким образом, посредством употребления языковых клише апеллирует к универсалиям русской ментальности, которые привносят в стихотворение семантическое мерцание контекста.

По-видимому, диалогизм поэзии Чиннова проявляется и на метрическом уровне: так, следующее стихотворение выглядит попыткой диалога с блоковским «Ночь, улица, фонарь, аптека...»:

«Да, траурная колесница
Иль в этом роде. Вот, опять
Кольнуло в сердце. Помолиться,
Приободриться, помечтать

О том, что там (ты веришь?) будет
Эдем, блаженство, торжество...
Скажи, там ничего не будет?
Совсем не будет ничего?» [Чиннов, т. 1, с. 108].

Исследователи неоднократно говорили о «памяти метра», которая является частью «памяти культуры» [Гаспаров, 2012, с. 13]. На диалог с Блоком, помимо метра, в тексте указывает интонация перечисления («Помолиться, приободриться, помечтать»), структура (два четверостишия), концентрация на теме смерти и загробного существования, а также в целом сходство тех ответов, которые оба автора дают на этот экзистенциальный вопрос: у Блока безысходность подчеркивается закольцованным перечислением, которое напоминает дурную бесконечность; Чиннов завершает текст двумя вопросами, последний из которых неявно подсказывает читателю, что ответ на первый вопрос «Скажи, там ничего не будет?» был отрицательным. Инверсия и практически неизменный повтор предпоследнего вопроса с акцентом на слове «совсем» в последней строке заражают читателя тем ощущением ужаса, которое испытывает герой, задающий вопрос. Как и Блок, Чиннов задействует в последней строке – то есть в сильной позиции – уже сказанное выше, усиливая произведенный эффект благодаря изменению порядка слов: тот факт, что читатель получает в новых вариациях все то же содержание, подчеркивает безвыходность ситуации, в которой человек оказывается один на один с небытием. Нарисованный авторами «замкнутый круг», таким образом, повторяет узор человеческого существования, из которого нет выхода в иную реальность.

Свою диалогическую, ориентированную на устную речь поэтическую манеру Чиннов прекрасно осознавал: характерен его автокомментарий в стихотворении «Из шелухи, из чепухи...»: «Не алгебра и не игра, / А контра-пунктик *музыканта*» [Чиннов, т. 1, с. 380]. Контрапунктом в музыке, как известно, является «искусство сочетания нескольких самостоятельных, но одновременно звучащих мелодий, голосов в одно гармоническое целое» [Малый академический словарь]. Данной особенностью Чиннов, по-видимому, наследует Г. Иванову, диалогичность поэзии которого также уже отмечалась [Трушки-

на]¹. В подобном же музыкальном ключе Чиннов осмысляет и суть человеческой жизни, а метафорой ее бессмысленности выбирает ситуацию, в которой диалог оказывается заведомо невозможен: «Так в опустелой квартире / Ночью звонит телефон» [Чиннов, т. 1, с. 110]. Характерно, что телефон звонит не просто в опустелой квартире, а ночью – безнадёжность ситуации как бы подчеркнута дважды: трудно ожидать, что ночью в квартире кто-то уже появится. Кроме того, текст может отсылать к практике ночных арестов в СССР, поскольку выше говорилось о краткости жизни некоего адресата («Только – *недолго продлится / нежная нота твоя. // В срок прозвучала в концерте / И обрывается нить. / Замысла жизни и смерти / Нам не дано изменить*» [Там же]). Данное предположение подтверждается эпитетом «опустелая»: квартира не просто пуста – она оставлена, в ней когда-то жили. Удивительно текст перекликается² со стихотворением Г. Иванова «Стоят сады в сияньи белоснежном...», где субъект речи (по-видимому, Бог) говорит герою о том, что жизнь последнего подходит к концу. Тематическое сходство обоих стихотворений позволяет предположить, что текст Чиннова может также приписываться Богу: начинается произведение с фиксации ощущений дирижера («Палочка мерно взлетает: / Музыка, стройно звени!» [Там же]). Как и в стихотворении Иванова, субъект речи у Чиннова обладает информацией о сроке жизни своего адресата, что позволяет сделать вполне однозначные предположения об образе дирижера. Подобная метафора коррелирует с масонскими представлениями о Боге как о Великом Архитекторе Вселенной, которые некогда входивший в масонскую ложу Чиннов переосмысляет в более характерном для него музыкальном измерении.

¹ Разумеется, преемственность по отношению к Г. Иванову у Чиннова прослеживается не только в плане поэтики, но и на уровне философской проблематики, что уже отмечалось исследователями: «В поисках ответов на экзистенциальные вопросы Чиннов идет путем Г. Иванова...» [Хадынская, с. 71].

² Примечательно, что стихотворение Чиннова перекликается с представлениями Б. Поплавского о человеческой жизни как о такте единой великой симфонии бытия и об «антимузыкальности» всякого самосохранения, выраженными в его статьях, например, в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» (1930). Любопытно, что название «Парижской ноты» приписывают именно Поплавскому, а Чиннов считал себя наиболее поздним ее представителем, хотя в зрелом творчестве существенно усложнил свою поэтику и отошел от программного аскетизма «ноты».

Представляется, впрочем, что роднит Г. Иванова и И. Чиннова не только и не столько диалогизм, сколько интонационная доминанта их лирики³, которую в поэзии Г. Иванова и в совершенной поэзии вообще интуитивно прозревал лидер «Парижской ноты» Г. Адамович: он всю жизнь, по мысли И. И. Болычева, «пытался добраться до... нерасщепляемого атомного ядра лирики» [Болычев, с. 38]: «Не „Стиль – это человек“, а ритм – это человек, интонация фразы – это человек. Стиль можно подделать, стиль можно усовершенствовать, можно ему научиться, а в интонации фразы или стиха пишущий не отдает себе отчета и остается самим собой» [Адамович, т. 14, с. 77]. И хотя сам Чиннов позже был более склонен определять тональность «Парижской ноты» лишь стихи раннего периода, под своей приверженностью ее традициям подразумевая исключительно минимализм художественных средств⁴, – думается, что с объединением Адамовича его роднило именно подобное интуитивное ощущение природы лирического стихотворения и его специфики, внутренняя созвучность самой «философии поэзии» «Парижской ноты»⁵, которая заключалась в первую очередь в признании того факта, что «истина по природе своей музыкальна» [Болычев, с. 41]. Любопытно, как данные соображения перекликаются с размышлениями лингвистов об интонации: так, Н. И. Жинкин отмечал, что «не может быть ложных интонаций, ибо интонация – это действительность» [Жинкин, 1998, с. 35], и что «интонация комплементарна ситуации» [Там же, с. 36]. И Иванов, и Чиннов, таким образом, в своей приверженности интонационной доминанте оказываются документально правдивы, словно стремясь запечатлеть сам механизм возникновения поэтического текста с предельной точностью, за протоколировать рождение чуда.

Одним из первых интонацию как основополагающий признак поэтического текста рассмотрел Андрей Белый, описав зарождающийся в по-

эте мелодический рисунок будущего стихотворения как «эмбрион слагаемого размера, определяемого внутреннею напевностью» [Белый, с. 22–23]. По мысли Белого, именно интонация предвосхищает появление слов и строк, служит критерием их отбора. Рассуждения Белого созвучны наблюдениям исследователей: «Интонация приобретает мелодию, отсутствующую в прозаической речи. Она информирует о коррелятивных ей воображаемых ситуациях состояния...» [Жинкин, 1998, с. 49]. По словам Б. М. Эйхенбаума, именно особая «лирическая» интонация отличает поэзию от других родов литературы [Эйхенбаум, с. 309]. Вместе с тем интересно, что как литературоведы, так и лингвисты интонацию классифицируют: в частности, Эйхенбаум разделяет лирику на декламативную, напевную и говорную [Там же]; солидаризируясь с ним, В. Е. Холшевников также считает справедливым деление лирики на напевный и говорный типы, – которое, однако, для ученого уже не является чем-то абсолютным: граница между ними проницаема и может нарушаться даже в пределах одного произведения [Холшевников, 1996, с. 145]. Как бы развивая данную мысль с позиций лингвистики, И. И. Ковтунова разделяет интонацию на смысловую и ритмическую, причем, по мысли исследователя, смысловая интонация, которая «переходит известные границы и расшатывает ритм» [Ковтунова, с. 12]. Представляется, что поэзия Чиннова уникальна, поскольку наглядно обнажает схематичность подобных классификаций, органично сочетая как ритмическую, так и смысловую интонации, и, изобилуя признаками спонтанной речи, все же остается при этом мелодичной и напевной. На первый взгляд, по классификации Эйхенбаума, поэзия Чиннова относится к лирике говорного типа, для которой характерны «разнообразие и подвижность интонации, отсутствие установки на систематическое ее разнообразие, стремление приблизить ее к обыкновенной, разговорной и таким образом „снизить“ ее напевное значение» [Эйхенбаум, с. 310]. В то же время в интервью, данном Дж. Глэду, Чиннов отметил, что критики, которые писали о его поэзии, упустили из виду наиболее существенную ее особенность – стремление автора «дать музыкальную интонацию и вместе с тем совершенно обыденную и житейскую» [Чиннов, т. 2, с. 147–148]. В документе «На вопросы о моей поэтике», опубликованном О. Ф. Кузнецовой, эта тема получает развитие: «Я всегда хотел в стихах музыкальности, мелодичности, плавности, звуковой нежности – и

³ Диалогизм, по-видимому, является следствием этой установки, наиболее наглядным примером ее реализации.

⁴ См., например: «...первая книга, в тонах адамовической „парижской ноты“, со словарем нарочито обедненным, вышла в 1950 году в Париже, благодаря Сергею Маковскому и Георгию Иванову. Вторую книгу... написал в том же сдержанном „парижском“ регистре...» [Чиннов, 1996, с. 8–9].

⁵ Неслучайно исследователи делают акцент на том, что и в поздний период Чиннов оставался верен духу «Парижской ноты», несмотря на откровенно экспериментаторский характер зрелого творчества [Болычев, с. 31].

полного совпадения *мелопеи с логопеей*⁶, логической интонацией, с ритмикой, подсказанной *смыслом*» [Там же, с. 154].

Вершиной мастерства Чиннова в данном аспекте представляется следующее стихотворение из книги «Композиция» (1972):

«И мириады звезд, и мириады лет,
И тишина с небес, и серебрится свет.

И только этот мир, и только эта ночь,
Когда ручей с горы – как замерцавший луч.

И полусвет лежит, как синеватый снег,
На темноте полей, у серебристых рек.

И озаренный мост, и почернелый холм,
И за холмом, в луче, автомобильный хлам –

Я не забуду, нет, я не хочу забыть.
Я не позволю, нет, меня навек зарыть,

Пока мерцает ночь, пока светает здесь,
Пока и тень и свет на белом свете есть» [Чиннов, т. 1, с. 289].

Трудно не заметить, насколько мелодичен, напевен данный логос, – и в то же время насколько он естественен: создается впечатление, что перед читателем запись живой, спонтанной речи. Чиннов не чурается ни развернутого перечисления, ни прозаизмов (*хлам*), ни характерных для устной речи эллипсисов («*Когда ручей с горы – как замерцавший луч*»). По классификации лингвистов, смысловая и ритмическая интонации в данном тексте полностью идентичны: синтаксическое членение совпадает с ритмическим, в результате чего возникает ощущение абсолютной гармонии. Чередования иктов («Я не забуду⁷, нет, я не хочу забыть. / Я не позволю, нет, меня навек зарыть») напоминают сердцебиение, с его характерной пульсацией, которая включает словно бы две близко расположенные сильные доли и длинную паузу в промежутке, которая у Чиннова обозначается рядом слабых долей (интересно в этой связи, что один из первоначальных вариантов заглавия более ранней книги Чиннова «Линии» звучал как «Кардиограммы» [Там же, с. 542]). «Гимн бытию», которым является рассмотренное стихотворение (неслучайно включенное Чинновым в раздел с названием «Полуосанны»), таким образом, обретает еще и телесный, физиологический аккомпанемент.

Неоднократно отмечалась характерная для художественной прозы и стиха «ориентация на мелодическую организованность текста» [Черемисина, с. 50], причем ведущая роль в данном случае отводится ритму: именно ритм управляет интонацией письменного художественного текста, четко организует и фиксирует ее [Там же, с. 52]. В этой связи наиболее интересными представляются те стихотворения Чиннова, где ритм выбивается из рамок, жестко регламентированных размером, тем самым приближаясь к естественной речи и создавая эффект рождения художественного текста «из ничего», – то есть те, где текст в большей степени организует интонация обыденной речи (что соотносится с эстетической программой «Парижской ноты», ориентированной на естественность, исповедальность лирического дневника). Таким образом в поэзии Чиннова возникают ритмические перебои⁸, которые «на фоне... устойчивого метра и ритмической инерции» воспринимаются «как звуковой курсив, что-то подчеркивающий в смысле текста» [Литературный энциклопедический словарь, с. 326].

Сознательные нарушения ритмического рисунка либо отказ от стихотворного размера вообще коррелируют с общей установкой поэтики Чиннова, заключающейся в намеренной непредсказуемости, регулярном обмане читательского ожидания. Задачу же ритма принято видеть в порождении ощущения «предсказуемости, „ритмического ожидания“ каждого очередного элемента текста» [Там же], и нарушение подобной предсказуемости неизбежно будет восприниматься «как особый художественный эффект» [Там же]. Стремление к нарушению читательского ожидания проявляется у Чиннова как формально, так и на уровне содержания («*Все, кажется, ждали Христа. Нет, конечно, не ждали*» [Чиннов, т. 1, с. 269]; «*Но перуанец – спал, лежал, беспечный, / И не ему я это говорил*» [Там же, с. 459]; «*Но я не вою на луну. / Почти не вою*» [Чиннов, т. 2, с. 23]; «*Эх! среда меня заела! / И четверг меня заест!*» [Чиннов, т. 1, с. 448]). В следующем стихотворении подобный прием работает сразу на двух уровнях – формальном и содержательном:

«Выдумываешь утешения,
И кажется при свете месяца,
Что началось преображение,

⁶ Здесь и далее в цитате курсив И. В. Чиннова.

⁷ Здесь и далее при цитировании выделения полужирным шрифтом сделаны мною. – А. С.

⁸ Под перебоем в данном тексте понимается «эффект обманутого ожидания», который, согласно В. Е. Холшевникову, достигается тремя способами: «изменением порядка рифм, изменением длины стиха, изменением количества стихов в строфе» [Холшевников, 1996, с. 159].

Что все сейчас, сейчас изменится –
 <...>
 И мир, свободный от инерции,
 От тяжести, от тяготения,
 Войдет в блаженное бессмертие,
 В сияние, во вдохновение...

Разыгрывается воображение» [Там же, с. 152].

Намеренно выбивающаяся из общего ритма последняя строка сводит на нет все, что что выше было так мечтательно перечислено: оказалось, это не более чем «праздная мозговая игра» лирического героя. Встреча с реальностью оборачивается диссонансом нарушенного ритмического движения: мысль героя словно спотыкается на взлете и возвращается с небес на землю, все еще несвободную от тяготения и инерции.

В следующем стихотворении из книги «Партитура» (1970) для эмфатического выделения первой строки каждой строфы Чиннов вводит в нее лишнюю долю, тем самым изменяя длину стиха:

«Не о войне – о том, что часто снится мне
 И сорок первый год, и страшный гость.
 О смутном угасающем огне
 Над городом в четвертый год войны.

Да нет, не о войне – о зверской той зиме,
 О зное, снившемся под Новый Год,
 О черном, окровавленном письме,
 О лунном берегу другой страны.

Не о войне, о нет – о страшной той весне,
 О сгустке крови с маленькую горсть,
 О том, что мы спаслись – в чужой стране,
 О чувстве – перед мертвыми – вины» [Там же, с. 228].

Первые строки каждого четверостишия как бы задают трагический тон остальным, которые уже не содержат перебоев. Стихотворение выделяется интересной рифмовкой: строки рифмуются не в пределах одного катрена, а по порядку в каждой строфе: первая строка первой строфы рифмуется с первой строкой второй строфы и первой строкой третьей строфы и т. д. Таким образом Чиннов усиливает внутренние связи между строфами, приближая текст к музыкальному произведению, где подобным способом перекликаются части посредством узнаваемых лейтмотивов. Само строение текста вызывает ассоциацию с сонатной формой, для которой характерна трехчастная структура, состоящая из экспозиции, разработки и репризы (последняя очень близка экспозиции). В этой связи обращает на себя внимание рифмовка: очевидно, что первая и третья

строфы связаны между собой точными рифмами («мне» – «весне», «гость» – «горсть», «огне» – «стране», «войны» – «вины»), тогда как первая и вторая преимущественно неточными («мне» – «зиме», «гость» – «Год», «огне» – «письме»), – что может соответствовать экспериментальному духу разработки. Первая строка с ритмическим перебоем (в первой строфе), задающая «тональность» всего стихотворения, соотносится с главной партией сонатного *allegro* – изложением темы в главной тональности, которое создает импульс, в значительной степени определяющий дальнейшее развитие. Тот факт, что стихотворение помещено в книгу «Партитура», подтверждает данные соображения.

Следующее стихотворение также содержит ритмические перебои в каждой строфе, наиболее выразительная ее часть выделяется посредством изменения метра, четырехстопный хорей сменяется дольником:

«На обугленной стене
 Копоть, будто черный иней.
Песок остывший, пепел синий,
 Темный дым и тень в окне.
 <...>
 Все в холодной саже тьмы
 Сожжено, оледенело.
Рисунок углем, почти без мела, –
 Как пейзаж и той зимы.

Той – на русском берегу...
 Пепелище, погорельцы.
И воздух жесткий, как будто тельце
 Мертвой ласточки в снегу» [Там же, с. 165].

Как видно из текста, переборами Чиннов выделяет те строки, которые наиболее явственно демонстрируют диссонанс окружающей действительности. В преимущественно размеренной стиховой ткани подобные вставки выглядят кричаще-неорганично, как бы продолжая мысль Т. Адорно о том, что «после Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование» [Адорно, с. 328], – или развивая соображения Г. Адамовича о «невозможности поэзии»⁹. В лирике Чиннова есть целый ряд стихотворений, где искусство оказывается противопоставлено страшной реальности человеческой истории – так, даже красота Дворца венецианских дождей не трогает его героя: *«Я слушал кровь слабеющего сердца, /*

⁹ Характерно, что в одноименной статье Адамович упоминает недавно вошедшего в литературу Чиннова; позже в своих статьях и воспоминаниях Чиннов неоднократно ссылается на нее (например, в статье «Смотрите – стихи» (1968).

Беглец, усталый от кровопролитий» [Чиннов, т. 1, с. 341]. В другом стихотворении конфликт между красотой и трагедией заостряется: «*Да, расчудесно, распрекрасно, распрелестно <...> / Да, как же с тем, кого под корень резали, / С тем, у кого расстреляны родители, / Кого рас-терли, под орех разделади?..*» [Чиннов, т. 1, с. 266] Прекрасное искусство, воспевающее мировую гармонию, таким образом, теперь несо-стоятельно: это означающее, утратившее свой денотат. Подобная рефлексия у Чиннова обра-чивается разочарованием в человеке вообще: че-ловек разумный, некогда «мыслящий тростник» – превращается у него в «*тростник неразумный Паскаля*» [Чиннов, т. 1, с. 158]. Трагедию чело-вечества, которое пошло по пути зла, Чиннов часто осмысляет с нравственных позиций, – впрочем, в отличие от обывательских представ-лений, возлагая ответственность за произошед-шее на самого человека: «*Мы рогатей чертей, как ни странно*» [Чиннов, т. 2, с. 67]. Человек XX столетия – как читатель, так и сам автор – оказывается недостоин божественной гармонии, – поэтому в стихах, наполненных особым тра-гизмом, Чиннов словно стыдится красоты, намеренно разрушая гармоничное, регулярное движение ритма: «*Так и терзайся при жизни в серном пламени ада, / Связанный пленник, по-трепанный, перегоревший*» [Чиннов, т. 1, с. 158]. Часто в подобных стихотворениях поэт переходит к предельному лаконизму, а стихотворение максимально приближается к прозе:

«Голод в Индии, голод в Китае,
То, что в нашей России.
Я спокойно газету читаю,
Я смеюсь без усилий.

Чем-то страшным, тюремно-больничным
Пахнет, друг, мирозданье.
Что же делать, раз так безразличны
Богу наши страданья» [Чиннов, т. 1, с. 111].

Рванный ритм неравномерных строк призван передать диссонансную музыку мира, который пахнет «чем-то страшным, тюремно-больничным». Стилистическая сдержанность стихотворения созвучна психологической закалке героя («я смеюсь без усилий»), который при-терпелся к дисгармонии, приспособился к суще-ствованию в подобных условиях (возможно, не без духовных потерь: даже логически соответ-ствующий содержанию знак вопроса в последней фразе заменяется точкой, констатирующей без-различие Бога). Равнодушие Бога, таким обра-зом, симметрично отзывается равнодушием, чер-ствостью героя – человека XX столетия, способ-

ного воспринимать известия о мировых трагеди-ях, не принимая их близко к сердцу.

Кульминацией отмеченной тенденции в ли-рике Чиннова представляются его верлибры, где автор последовательно отказывается и от рифмы, и от размера, а поэзия, таким образом, макси-мально приближается к прозаическому тексту:

«И жизнь – будто мельничный жернов на шее,
будто бревно, рухнувшее на зеваку.

Жизнь – как смерть, только нет в этой смерти по-коя <...>» [Там же, с. 196].

По словам исследователей, «соотношение ритмического и синтаксического членения речи» [Холшевников, 2002, с. 164]. Чиннов регулярно использует анжамбеманы, причем в следующем стихотворении прием доводится до абсурда, по-скольку ритмическое членение разрывает не только синтаксические связи, но и сами лексемы:

«И срублен ты, как маков цвет, под коре-
нь, на жизненном пути, в житейском море.
»Метался, как подкошенный, как вко-
»как вкопанный, убит безжалостной руко-

»й, как прошлогодний снег. Бесстрастная луна
»увидела, как во-царилась тишина,
»ти-ши, ши-ши, ши-на... И ты, увь,
»как все,
»в моги-
ле-
ле-
ле-

жишь, как белка в колесе,

»как лист перед травой, как клетка в птичке —
»как птичка в клетке, клетке-невеличке,
»и ниже, ниже, эх, травы, тра-тра, тра-тра,
»травы» [Чиннов, т. 1, с. 253].

Очевидно, восходящие к сонету И. Аннен-ского «Перебой ритма» рубленные строки в дан-ном случае призваны изобразить то, о чем гово-рится в стихотворении: насильственную смерть некоего субъекта, закрутившегося в водовороте истории. Оборванные слова, таким образом, од-новременно являются фрагментами речи автора и иллюстрацией жизни героя, который в момент смерти даже не успел бы договорить начатую фразу: по-видимому, герой был убит из огне-стрельного оружия и, возможно, даже расстре-лян, на что указывает звукоподражательная дробь: «*травы, тра-тра, тра-тра, / »травы*» [Там же]. Причудливый графический рисунок стихотворения выдает его интонационную доми-нанту: текст визуально напоминает музыкальную партитуру, а обозначения перед каждой строкой

– знаки альтерации¹⁰. В этой связи характерны наблюдения М. Л. Гаспарова над поэтической манерой А. Белого, для которого основными критериями совершенства в стихотворении являлись цельность и целостность. При этом, по мысли ученого, целостность напрямую зависит от эмоциональной интонации, которая на письме «выражается самыми нестандартными знаками препинания и причудливым расположением слов: столбиками, лесенками и еще того сложней» [Гаспаров, 1997, с. 151]. В то же время в стихотворении Чиннова налицо попытка автора подчеркнуть посредством графики суть текста: так, повторяющееся выделение слога «-ле» из слова «могиле» в отдельную строку, по-видимому, символизирует глубину этой могилы, масштаб трагических событий (возможно, подобными средствами создается обобщенный образ коллективной, братской могилы всех пострадавших в перипетиях XX столетия).

Отмеченное тяготение лирики И. Чиннова к «совершенно обыденной и житейской» интонации сближает ее с тем, что в СССР во второй половине XX в. делают конкретисты, у которых стихи также «перерастают» поэзию в ее консервативном понимании и чей ритмический импульс, по словам М. Айзенберга, столь естественен, что «в пространстве стихотворения устанавливается свой словесный режим – локальная языковая автономия... позволяющая чувству существовать предельно открыто, почти без защитной оболочки» [Айзенберг, с. 38]. Характерно, что побудительные мотивы выбора подобной творческой стратегии у них очень близки: в случае Чиннова это разочарование в человеке и стыд за бессилие искусства перед разрушительным воздействием истории XX столетия; в случае конкретистов – стыд за поэтический язык, который «оказался пособником террора» [Там же, с. 35]¹¹. Поэтический вектор русского конкретизма М. Айзенберг в целом определяет как «разрыв с инерцией стихосложения» [Там же, с. 36] и одновременно «опыт языкового выживания» в изменившихся исторических условиях [Там же, с. 37]. Очевидно, насколько близки импульсы поэтики позднего И. Чиннова данной системе координат. Отмеченная общность подтверждает то определение, которое дают исследователи рубежу XX–XXI веков, называя данный

период «временем тотальной рефлексии» [Сорокина, с. 64] и выделяя диалогизм как доминанту художественного мышления конца XX столетия.

Список литературы

- Адамович Г. В. Собр. соч.: В 18 т. Т. 14: Комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971. М., 2016. 624 с.
- Адорно Т. В. Негативная диалектика. М., 2003. 373 с.
- Айзенберг М. Н. Точка сопротивления // М. Н. Айзенберг Оправданное присутствие: Сборник статей. М., 2005. С. 35–44.
- Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929. 279 с.
- Болычев И. И. Творческий путь Игоря Чиннова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 159 с.
- Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М., 2012. 414 с.
- Гаспаров М. Л. Слово между мелодией и ритмом: Об одной литературной встрече М. Цветаевой и А. Белого // М. Л. Гаспаров Избранные труды: в 3 т. Т. II. О стихах. М., 1997. С. 148–161.
- Горалек К. О теории литературного языка // Новое в зарубежной лингвистике. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. Вып. XX. М., 1988. С. 21–37.
- Дворецкая И. А. Диалог в поэтическом мире Игоря Чиннова // Славянские чтения XIII. Даугавпилс, 2019. С. 129–137.
- Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. (Избранные труды). М., 1998. 364 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. 205 с.
- Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–482.
- Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. 750 с.
- Невзглядова Е. В. Интонационная теория стиха. СПб., 2015. 157 с.
- Ничипоров И. Б. Религиозные интуиции в лирике И. Чиннова // Ничипоров И. Б. Русская литература и Православие: пути диалога. М., 2019. С. 138–149.
- Словарь русского языка: В 4 т. (Малый академический) / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
- Сорокина Т. В. Принцип диалогизма как доминанта художественного мышления рубежа XX–XXI веков: теоретический обзор // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1. С. 59–64.
- Трушкина А. В. Особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
- Хадынская А. А. Георгий Иванов и Игорь Чиннов: специфика гротескного миромоделирования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. 2020. № 2 (197). С. 67–88.
- Холщевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. М., 2002. 202 с.

¹⁰ Примечательно, что стихотворение входит в книгу стихов «Композиция» (1972).

¹¹ Можно сопоставить эту мысль со стихотворением Чиннова, впервые опубликованным в 1980 г.: «Идеи? Идеалы? – Идолы! / О фокусники, лицедеи! / Болотные огни, мы вас увидели – / И мы не верим вам, идеи!» [Чиннов, т. 1, с. 391].

Холиевников В. Е. Перебои ритма как средство выразительности // Стихovedение: Хрестоматия / Сост. Л. Е. Ляпина. СПб., 1996. С. 157–171.

Холиевников В. Е. Типы интонации русского классического стиха // Стихovedение: Хрестоматия / Сост. Л. Е. Ляпина. СПб., 1996. С. 119–156.

Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1982. 207 с.

Чиннов И. В. Автор о себе // И. В. Чиннов Алхимия и ахиния: гротескиада. Десятый сборник стихов. М., 1996. С. 8–9.

Чиннов И. В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. О. Ф. Кузнецовой. М., 2000. 576 с.

Чиннов И. В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. О. Ф. Кузнецовой. М., 2002. 352 с.

Щеглов М. Есенин в наши дни // Щеглов М. На полдороге. Слово о русской литературе. М., 2001. С. 98–115.

Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. СПб., 2017. С. 305–510.

Янечек Дж. Всеволод Некрасов и русский литературный концептуализм. М.: НЛЮ, 2009. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/5/vsevolod-nekrasov-i-russkij-literaturnyj-konceptualizm.html> (дата обращения: 12.11.2021).

References

Adamovich, G. V. (2016). *Sobr. soch.: V 18 t. T. 14: Kommentarii (1967). Esseistika 1923–1971* [Collected Works: In 18 Vol. Vol. 14. Comments (1967). Essays 1923–1971]. 624 p. Moscow. (In Russian)

Adorno, Theodor W. (2003). *Negativnaia dialektika* [Negative Dialectics]. 373 p. Moscow. (In Russian)

Aizenberg, M. N. (2005). *Tochka soprotivleniia* [Point of Resistance]. *Opravdannoe prisutstvie: Sbornik statei*. Moscow, pp. 35–44. (In Russian)

Belyi, A. (1929). *Ritm kak dialektika i "Mednyi vsadnik"* [Rhythm as Dialectic in "The Bronze Horseman"]. 279 p. Moscow. (In Russian)

Bolychev, I. I. (1999). *Tvorcheskii put' Igoria Chinnova: dis. ... kand. filol. nauk* [Igor Chinnov's Creative Career: Ph.D. Thesis]. 159 p. Moscow. (In Russian)

Cheremisina, N. V. (1982). *Russkaia intonatsiia: poeziia, proza, razgovornaia rech'* [Russian Intonation: Poetry, Prose, Oral Speech]. 207 p. Moscow. (In Russian)

Chinnov, I. V. (1996). *Avtor o sebe* [Author about Himself]. *Alkhimiia i akhineia: groteskiada. Desiatyi sbornik stikhov*, pp. 8–9. Moscow. (In Russian)

Chinnov, I. V. (2000). *Sobr. soch.: V 2 t. T. 1: Stikhotvoreniia* [Collected Works: In 2 Vol. Vol. 1: Poems]. O. F. Kuznetsova (ed). 576 p. Moscow. (In Russian)

Chinnov I. V. (2002). *Sobr. soch.: V 2 t. T. 2: Stikhotvoreniia 1985–1995. Vospominaniia. Stat'i. Interv'iu. Pis'ma* [Collected Works: In 2 Vol. Vol. 2: Poems 1985–1995. Memories. Articles. Interview. Letters]. O. F. Kuznetsova (ed). 352 p. Moscow. (In Russian)

Dvoretkaia, I. A. (2019). *Dialog v poeticheskom mire Igoria Chinnova* [Dialogue in Igor Chinnov's Poetic World]. *Slavianskie chteniia*, vol. XIII, pp. 129–137. Daugavpils. (In Russian)

Eihenbaum, B. M. (2017). *Melodika russkogo liricheskogo stikha* [Melodics of the Russian Lyrical Verse]. *O poezii*. Pp. 305–510. St. Petersburg. (In Russian)

Gasparov, M. L. (2012). *Metr i smysl* [Meter and Meaning]. 414 p. Moscow. (In Russian)

Gasparov, M. L. (1997). *Slovo mezhdru melodie i ritmom: Ob odnoi literaturnoi vstreche M. Tsvetaevoi i A. Belogo* [Word between Melody and Rhythm: About One Literary Meeting of M. Tsvetaeva and A. Belyi]. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. II. O stikhakh*. Pp. 148–161. Moscow. (In Russian)

Goralek, K. (1998). *O teorii literaturnogo iazyka* [About the Theory of the Literary Language]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriia literaturnogo iazyka v rabotakh uchenykh ChSSR*, t. XX, pp. 21–37. Moscow. (In Russian)

Ianechek, Gerald. (2009). *Vsevolod Nekrasov i russkii literaturnyi kontseptualizm* [Vsevolod Nekrasov and Russian Literary Conceptualism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 5. Moscow. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/5/vsevolod-nekrasov-i-russkij-literaturnyj-konceptualizm.html> (accessed: 12.11.2021). (In Russian)

Khadynskaia, A. A. (2020). *Georgii Ivanov i Igor' Chinnov: spetsifika grotesknogo miromodelirovaniia* [George Ivanov and Igor Chinnov: The Specifics of the Grotesque World Modeling]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 1: problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*. No. 2 (197), pp. 67–88. (In Russian)

Kholoshevnikov, V. E. (2002). *Osnovy stikhovedeniia: Russkoe stikhoslozhenie* [Foundations of the Science of Versification: Russian Versification]. 202 p. Moscow. (In Russian)

Kholoshevnikov, V. E. (1996). *Pereboi ritma kak sredstvo vyrazitel'nosti* [Rhythmic Shifts as an Expressive Method]. Liapina, L. E. (ed.) *Stikhovedenie: Khrestomatiia*, pp. 157–171. St. Petersburg. (In Russian)

Kholoshevnikov, V. E. (1996). *Tipy intonatsii russkogo klassicheskogo stikha* [Intonational Types of the Russian Classic Verse]. Liapina, L. E. (ed.) *Stikhovedenie: Khrestomatiia*, pp. 119–156. St. Petersburg. (In Russian)

Kovtunova, I. I. (1986). *Poeticheskii sintaksis* [Poetic Syntax]. 205 p. Moscow. (In Russian)

Levin, Yu. I. (1998). *Lirika s kommunikativnoi tochkii zreniia* [Lyrical Poetry from the Communicative Point of View]. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika*. Pp. 464–482. Moscow. (In Russian)

Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' (1987) [Literary Encyclopedic Dictionary]. 750 p. Moscow. (In Russian)

Nevzgliadova, E. V. (2015). *Intonatsionnaia teoriia stikha* [Intonational Theory of Verse]. 157 p. St. Petersburg. (In Russian)

Nichiporov, I. B. (2019). *Religioznye intuitsii v lirike I. Chinnova* [Religious Intuition in Igor Chinnov's Poet-

ry]. Russkaia literatura i Pravoslavie: puti dialoga. Pp. 138–149. Moscow. (In Russian)

Shcheglov, M. (2001). *Esenin v nashi dni* [Esenin in Our Days]. Na poldoroge. Slovo o russkoi literature. Pp. 98–115. Moscow. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka: V 4 t. (Malyi akademicheskii) (1999) [Concise Academic Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol.]. Evgen'eva A. P. (ed.), Moscow. (In Russian)

Sorokina, T. V. (2013). *Printsip dialogizma kak dominanta khudozhestvennogo myshleniia rubezha XX–XXI vekov: teoreticheskii obzor* [The Principle of Dia-

logue as a Dominant Artistic Thinking of the 20th–21st Centuries: A Theoretical Overview]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, No. 1, pp. 59–64. (In Russian)

Trushkina, A. V. (2004). *Osobennosti poeticheskogo mira Georgiia Ivanova 1920–50-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Peculiarities of G. Ivanov's Artistic World of the 1920s–1950s: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 20 p. (In Russian)

Zhinkin, N. I. (1998). *Iazyk – rech' – tvorchestvo. (Izbrannye trudy)* [Language – Speech – Creativity (Selected Works)], 364 p. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 13.11.2021

Поступила в редакцию 13.11.2021

Семина Анна Андреевна,
кандидат филологических наук,
преподаватель,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
seminaaa@yandex.ru

Semina Anna Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
seminaaa@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-225-230
УДК 821.161.1

ФЕНОМЕН ЖИВОПИСНОГО ЭКФРАСИСА В ПОЭЗИИ Г. ДЕРЖАВИНА, К. БАТЮШКОВА И А. ПОЛЕЖАЕВА

© Анастасия Сесорова

THE PHENOMENON OF PAINTING EKPHRASIS IN THE POETRY OF G. DERZHAVIN, K. BATIUSHKOV AND A. POLEZHAEV

Anastasia Sesorova

Through Byzantium, Ancient Russia appeared to be the direct heiress to Ancient Greece. By studying interactions of these cultures, we study the history of preserving spiritual values significant in antiquity, perceived and rethought by Russian culture: beauty, harmony, calocagathy, eidos and many others. One of the important categories conceptualized by anthological lyrical poetry is the category of plastic beauty as a variant of a special ethical and aesthetic ideal. The article considers the genesis and development of the ekphrasis phenomenon, one of the variants of expressing “plastic beauty”, which from the 18th century was perceived as a phenomenon that arose at the intersection of arts. This phenomenon is analyzed based on the works of poets of various aesthetic views. We study the form of the painting ekphrasis embodiment in the anthological lyrical poetry of G. Derzhavin, K. Batiushkov and A. Polezhaev - an “imaginary portrait”. Owing to ekphrasis, the authors achieve the synthesis of painting and poetry in their poems. Derzhavin sees the ideal of plastic beauty in terms of calocagathy, in the harmony of external and internal, Batiushkov focuses on the earthly embodiment of the ideal of beauty, which contributes to the emergence of erotic motifs. Polezhaev creates an unattainable ideal that can cause pain and suffering to his character.

Keywords: Polezhaev, Derzhavin, Batiushkov, ekphrasis, painting, imaginary portrait, anthological lyrical poetry, calocagathy, plastic beauty.

Через Византию Древняя Русь оказалась прямой наследницей Древней Греции. Изучение взаимодействия этих культур – изучение истории сохранения духовных ценностей, значимых в античности и воспринятых и переосмысленных русской культурой: красота, гармония, калокагатия, эйдос и многие другие. Одной из важных категорий, осмысляемых антологической лирикой, является категория пластической красоты как вариант особого этико-эстетического идеала. В статье рассматривается генезис и развитие феномена экфрасиса, одного из вариантов выражения «пластической красоты», которая с XVIII века начинает восприниматься как явление, возникшее на стыке искусств. Феномен анализируется на основе творчества поэтов разных эстетических взглядов. Исследуется форма воплощения живописного экфрасиса в антологической лирике Г. Державина, К. Батюшкова и А. Полежаева – «воображаемый портрет». Благодаря экфрасису в стихотворениях осуществлен синтез живописи и поэзии. Державин видит идеал пластической красоты в калокагатийном ключе, в гармонии внешнего и внутреннего, Батюшков же акцентирует внимание на земном воплощении идеала красоты, что способствует появлению эротических мотивов. Полежаев создает недостижимый идеал, способный вызвать в герое муки и страдания.

Ключевые слова: Полежаев, Державин, Батюшков, экфрасис, живопись, воображаемый портрет, антологическая лирика, калокагатия, пластическая красота.

Русская литературная культура ведет давний диалог с античностью, где первоначально роль посредника осуществляла культура Византии. Некоторые философы предлагают рассматривать генезис и развитие даже особого феномена «русской античности» (Г. Кнабе, П. Шкуринов).

Для нас в этой связи интересной является сфера антологической традиции. Под антологической традицией с XVII века в Европе понима-

ется поэзия в духе древних. На русской почве это явление зарождается в XVIII веке. Первыми антологическую традицию основали классицисты, а представители почти всех позднейших литературных направлений испытали на себе влияние этой традиции и по-своему ее развивали и совершенствовали. Антологическая традиция в русской литературе – более широкое явление, нежели в литературе европейской. Она предпо-

лагает не только наличие античных реминисценций, приемов античной поэзии, но и косвенные античные параллели на различных уровнях.

В системе антологической лирики феномену пластической красоты отведено особое место.

Мы трактуем пластическую красоту как этический и эстетический, берущий корни еще в античности. Этот идеал – соединение, гармония внешней и внутренней красоты, вписывающийся в систему ценностей, значимых и в русской, и в зарубежной культуре, таких как добро, истина, мир, мудрость.

Под влиянием уже европейской философско-эстетической мысли в русской традиции к середине XVIII века закрепляются новые смысловые значения феномена «пластической красоты». Теперь под нею нередко понимают явление, возникшее на стыке разных искусств.

В связи с этим чрезвычайно актуализируются философско-эстетические функции экфрасиса. Сам термин для обозначения этого явления, равно как и его теория и философия, складываются еще в античности (Феон, Филострат Старший, Гомер, Вергилий). Первоначально под «экфрасисом» понимались словесные упражнения риторов, представлявшие собой описания произведений изобразительного искусства. С течением времени экфрасис эволюционирует в отдельный жанр. Одним из ярких примеров этого явления является трактат Филострата «Картины» – произведение, представляющее собой описание вымышленных картин и их объяснение.

На русской почве экфрасис зарождается довольно рано, еще в Средневековье в религиозной литературе. Позже жанр экфрасиса трансформируется и приобретает иной облик в литературе XVIII века: от А. Д. Кантемира и М. В. Ломоносова до Н. А. Львова. Новое итоговое раскрытие в литературной культуре XVIII века экфрасис находит в лирике Г. Р. Державина. Позже экфрасис становится очень значим для поэтов XIX века: Пушкина, Батюшкова, Полонского, Фета.

В свете интересующей нас проблемы пластической Красоты особенно интересен и показателен синтез словесного искусства и живописи и их диалог в стихотворениях конца XVIII и первой половины XIX столетия. Рассмотрим через призму явления живописного экфрасиса такие показательные стихотворения разных периодов и этапов русской антологической традиции, как «Варюша» Г. Державина (1799), «Мой гений» К. Батюшкова (1815), «Картина» А. Полежаева (1837).

Но для начала небольшой историко-филологический экскурс.

Феномен экфрасиса берет начало в синкретических первобытных комплексах, включавших

совершенно разные способы художественного осмысления мира: музыку, хореографию в ее раннем развитии, слово, пантомиму, первые примеры которых мы находим в культуре Древней Индии и Китая.

Одной из форм восприятия явления пластической красоты в поэзии, в том числе в интересующих нас стихотворениях с антологической поэтикой, выступает интерпретация произведений живописи.

Живопись в античности была ведущим видом искусства наравне со скульптурой и танцем. Живопись – явление для экфрасиса в ряде моментов более сложное, чем движение или танец. Здесь важно соблюдать в процессе ее осмысления и интерпретации динамику гармонии пластики внешней и воображаемой.

Державин одним из первых в отечественной литературной культуре глубоко воспринял эстетические идеи современных ему теоретиков и смог преобразовать их в своей поэзии. Поэзия для Державина становится «говорящей живописью»: так, поэт-философ активно использует в своей лирике прием цветописи. Кроме того, эталоном в искусстве для Державина всегда был Гораций, в трудах которого, как считается, впервые в мировой культуре было целостно узаконено уподобление поэзии живописи.

На примере творчества трех избранных нами поэтов, представляющих в эволюции антологическую «линию», проанализируем, как происходит трансформация живописного экфрасиса в их произведениях: у Гавриила Державина – поэта, творившего в контексте диалога традиций неоклассицизма и предромантизма, у Константина Батюшкова – представителя литературы перехода между предромантизмом и романтизмом, и у Александра Полежаева, воплотившего в своем творчестве черты богоборческого романтизма.

Нас будет интересовать такой феномен, как «воображаемый портрет». Одним из первых, кто создал в своем творчестве воображаемый портрет, был М. В. Ломоносов («Разговор с Анакреоном»). Обращение к живописцу носит условный характер, в действительности им является сам поэт.

Далее явление воображаемого портрета продолжает свое существование и развивается в лирике другого певца Анакреонта – Г. Р. Державина.

Батюшков наследует традицию Державина, но трансформирует ее. По мнению В. В. Башкеевой, его героиня предстает «телесно-воздушным созданием». Телесность переносится в сферу эротического, но эротический подтекст уходит на второй план, акцент смещается на духовную сферу человека [Башкеева, с. 13].

Полежаев в своем творчестве также обращался к явлению так называемого «воображаемого портрета», но уже стремясь во многом оспорить идеал, а нередко – и показать его кризис.

Все три стихотворения избранных нами поэтов представляют собой своеобразный «воображаемый портрет красавицы». Г. Р. Державин в стихотворении «Варюша» «пишет» воображаемый портрет своей родственницы, Варвары Михайловны Бакуниной. Как отмечает Е. Я. Данько, «Державин не раз вымышлял портреты, беря на себя роль живописца: в стихотворении „К Анжелике Кауфман“ он дает программу портрета своей второй жены, в стихотворении „Варюше“ (1799) он „пишет“ портрет своей родственницы. <...> Оба вымышленных портрета обладают чертами живописного стиля <...>» [Данько, с. 186].

Важным приемом при обращении к искусству живописи становится символика цвета. Как и в другом своем, более знаменитом антологическом стихотворении «Рождение красоты», Державин в «Варюше» использует символику голубого и красного цвета. В державинской поэзии голубой цвет выступает знаком божественного, чистоты, пластической красоты, неба. Красный символизирует не традиционную тревожность, связанную с этим цветом в более поздней традиции, а тревожность, связанную с анакреонтикой, где он олицетворяет изобилие жизни, цвет жизни, красоту, любовь. В стихотворении «Варюша» возникает в итоге колористическое взаимодействие «зари» и «неба»:

«Как, Варюша, ты прекрасна!
Если не из сердца страстна,
А из дружбы лишь одной
Я, писавши образ твой,
Написал тебя зарею, –
Но моложе если б был,
Я бы с пламенной душой
В тебе солнце находил.
Написал бы, как в диване
В голубом твоём тюрбане
Ты сидишь и, для красы
На чело спуская власы,
Всех улыбкою любезной
Вмиг умеешь полонить <...>» [Державин, с. 56].

Таким образом, возникающий диалог красного цвета, символизирующего силу жизни, красоту юности, чувство радости, с голубым цветом, олицетворяющим небо и являющимся знаком божественного, выходит на идеал добродетельной Красоты – калокагатии. В воображаемом портрете Державин соблюдает идеал гармонии телесной и внутренней красоты.

Также сквозным мотивом в живописном экфрасисе у Державина становится улыбка – улыбка красивой женщины способна пленить всех и растопить сердца:

«Всех улыбкою любезной
Вмиг умеешь полонить, –
Должно быть душе железной,
Чтоб, взглянув, не полюбить» [Там же].

Появление красоты, по Державину, оказывается способным принести мир и гармонию не только в жизнь людей, но даже богов (как в стихотворении «Рождение красоты»). В державинском стихотворении пленительная улыбка Варюши способна влюбить в себя окружающих и внести гармонию и красоту в жизнь.

Прекрасная женщина гармонична и наделяется тонкой и добродетельной душой, ее красота в фокусе калокагатии становится достойной божественной любви:

«А чтоб нравиться прекрасной
И пленить тебя кто мог,
Нужен мальчик нежной, страстной,
Взгляд любви, – крылатый бог» [Там же, с. 57].

Образ крылатого бога (Амура) тесно связан с антологической традицией. Державин косвенно встраивает в свое стихотворение интерпретацию мифа об Амуре и Психее. Образ Варюши соотносится не только с телесным идеалом красивой женщины, но с олицетворением души: крылатый бог должен «пленить» Варюшу, как Амур пленил Психею.

К. Н. Батюшков, как и Г. Р. Державин, рисует в своем стихотворении портрет красивой женщины. Если для русского психологического романтизма, в частности для поэзии Жуковского, в целом был несвойственен зримо пластичный портрет возлюбленной, то Батюшков, как раз исходя из принципов пластической красоты, создает ее зримый воображаемый портрет, подчеркивая привлекательность и пленительное обаяние. «В лирике Жуковского мы почти не находим изображения внешнего облика возлюбленной, напротив, Батюшков хочет воспроизвести красоту и привлекательность своих героинь, пленительность их обаяния и рисует портрет прекрасной женщины» [Фридман, с. 23]. И еще важное наблюдение современных ученых: «Возлюбленная батюшковского героя всегда идеально прекрасна. Ее уста непременно алые, очи — голубые, „ланиты“ пылают, как розы, локоны ниспадают золотой или каштановой волной; ее руки — лилейны и т. п.» [Семенко, с. 27].

«Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно выющихся волос.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной» [Батюшков, с. 192].

Батюшков, как и Державин, использует прием цветописи в своем стихотворении. Возникает образ голубого и золотого цвета. Однако в отличие от Державина голубой цвет глаз и золотой цвет волос становятся приметами идеальной, но земной красоты.

Образ голубого цвета, отражаясь в сентименталистской эстетике, становится в стихотворении Батюшкова не просто символом неба, но и свидетельством кроткой, чувствительной души. Золотой цвет олицетворяет собой «сады вечности» на земле. Важным в этой связи становится образ ангела-посланника, который приходит подарить эти «сады вечности» земному человеку. Так изначально небесная, бессмертная красота нисходит на землю и для исполнения роли посредника для поэта приобретает черты прекрасной земной женщины.

Для понимания пластической красоты важна и символика поз. Зачастую внутреннее состояние героев у Батюшкова описывается через демонстрацию внешних признаков. Поза героини – «... прикинется к изголовью / И усладит печальный сон» [Там же, с. 193] – также дана в ключе земного понимания пластической красоты. В отличие от бестелесности женских образов Жуковского, Батюшков в русле романтизма придерживается иной трактовки: героиня прикидается к герою и услаждает его своей красотой. Жест героини в этом стихотворении – жест небесной страсти как прощания. Он предельно чист – героиня пытается спасти душу героя сродни тому, как лермонтовский Ангел пытается спасти душу Тамары от Демона.

Если у Державина красота сродни божественному дару, то Батюшков осознанно наделяет свою героиню «земной» красотой – «*локоны златые небрежно выющихся волос*», «*наряд простой*». Подобное земное понимание красоты имеет антологические корни: истоки восходят к жанру идиллии. Т. В Саськова, исследуя пасторальные жанры русской литературы, обращает внимание на то, как функционирует и развивается пастораль в рамках русского романтизма: «Традиция, так весомо заявившая о себе на предыдущих этапах историко-культурного развития, развивается и далее, трансформируясь и прелом-

ляясь в свете новых философско-эстетических установок» [Саськова, с. 5].

А. И. Полежаев в своем стихотворении «Картина» тоже создает воображаемый портрет красавицы.

Поэт так же, как и Державин с Батюшковым, прибегает к приему цветописи: «*Свежее розы благовонной / Уста румяные твои...*» [Полежаев, с. 183].

Красный цвет, как и в державинской поэзии, выступает символом жизни, красоты, любви, но при этом начинает предвещать и тревогу. Возникает в стихотворении и образ белого цвета, однако имеющий нетрадиционное значение:

«Лилейный пух твоей груди
Трепещет негой благосклонной!
И этой ножки белизна» [Там же, с. 183].

Сочетание красных ланит и белизны груди и ног героини не вызывают гармоничную любовь в душе героя, а наоборот, начинают терзать его своей недостижимостью, невозможностью соединиться с предметом страсти:

«И этот стан зыбучий, смелый –
Соблазн и взора и руки –
Манят, и мучат, и терзают,
И безотрадно растрavляют
Смертельный яд моей тоски!» [Там же, с. 183],

так как лирический герой способен лишь лицезреть «милую деву» на полотне:

«„Счастливец!“ – скажете вы мне.
Напрасно... Всё мое блаженство,
Всё милой девы совершенство
И вся она – на полотне!» [Там же, с. 184].

Таким образом, красный цвет в полежавском стихотворении является цветом крови и символизирует роковую губительную страсть.

Данное стихотворение можно также рассмотреть и как полежавскую вариацию древнегреческого мифа о Пигмалионе и Галатее, где Галатея является не прекрасной статуей, а «девой», запечатленной на полотне, в которую влюблен лирический герой, и, возможно, отсюда возникает мотив муки, в том числе с эротическим оттенком:

«Как ты без пламенных речей
Красноречиво сладострастна!
Для наслажденья и любви
Ты создана очарованьем;
Сама любовь своим дыханьем
Зажгла огонь в твоей крови!» [Там же, с. 183].

Также необходимо отметить динамику и внешней, и внутренней пластики. Героиня описывается поэтом невероятно пластичной, грациозной:

«Лилейный пух твоей груди
Трепещет негой благосклонной!
И этой ножки белизна,
И эта тёмная волна
По лоску бархатного тела,
И этот стан зыбучий, смелый –
Соблазн и взора и руки <...>» [Там же];
«И тайны грации стыдливой
Ласкать рукою прихотливой» [Там же].

Вся грация безымянной героини, то есть внутренний вид красоты, проявляющийся в движении, вступает в противоречие со статуарной, статической красотой, так как героиня является лишь изображением на полотне и обладает пластической красотой в воображении героя.

Таким образом, через живописный экфрасис и явление «воображаемого портрета» тремя авторами был осмыслен идеал пластической красоты. Посредством экфрасиса в стихотворениях также был осуществлен синтез искусств: живописи и поэзии. Для Державина основной мерой ценностей жизни является красота. Именно сила красоты способна внести гармонию и согласие как в мир земной, так и небесный. Державин верен идеалу калокагии: в понимании поэта женщина, наделенная красотой, красива и телесно, и душевно. Батюшков обращается не к небесному, а к земному идеалу красоты, наделяя своих героинь чертами осязаемой красоты, с этим в том числе связаны эротические мотивы. Полежаев рисует образ прекрасной, но недостижимой девы, пластическая красота, таким образом, становится прекрасным и недоступным идеалом, при этом одновременно предвещая муки и душевный кризис.

Список литературы

Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Наука, 1964. 353 с.

Башкеева В. В. Русский словесный портрет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 50 с.

Васильев Н. Л. Поэзия А. И. Полежаева в контексте русской литературы. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (дата обращения: 14.11.2021).

Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // XVIII век. Статьи и материалы. Сборник. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вып. 2. С. 166–247.

Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М.: Наука, 1986. 471 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в XI т. Т. VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. М.: Изд-во Академии наук, 1959. 1279 с.

Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Сов. Писатель, 1987. 567 с.

Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. URL: <http://cheloveknauka.com/pastoral-v-russkoy-literature-xviii-pervoy-treti-xix-veka> (дата обращения: 14.11.2021).

Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1970. 296 с.

Фридман Н. В. К. Н. Батюшков // К. Н. Батюшков. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Советский писатель, 1964. С. 5–52.

References

Bashkeeva, V. V. (2000). *Russkii slovesnyi portret: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Verbal Portrait: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 50 p. (In Russian)

Batiushkov, K. N. (1964). *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [A Complete Collection of Poems]. 353 p. Moscow, Leningrad, Nauka. (In Russian)

Dan'ko, E. Ia. (1940). *Izobrazitel'noe iskusstvo v poezii Derzhavina* [Fine Arts in Derzhavin's Poetry]. XVIII vek. Stat'i i materialy. Sbornik. No. 2, pp. 166–247. Moscow-Leningrad. Izd-vo AN SSSR. (In Russian)

Derzhavin, G. R. (1986). *Anakreonticheskie pesni* [Anacreontic Songs]. 471 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Fridman, N. V. (1964). K. N. Batiushkov. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [K. N. Batiushkov. Complete Collection of Poems]. Pp. 5–52. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Lomonosov, M. V. (1969). *Polnoe sobranie sochinenii: v XI t. T. VIII. Poeziia, oratorskaia proza, nadpisi 1732–1764 gg.* [Complete Works: In 11 Vol., Vol. 8. Poetry, Oratory Prose, Inscriptions in 1732–1764]. 1279 p. Moscow, izd-vo Akademii nauk. (In Russian)

Polezhaev, A. I. (1987). *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and Poems]. 567 p. Leningrad, Sov. Pisatel'. (In Russian)

Sas'kova, T. V. *Pastoral' v russkoi literature XVIII – pervoi treti XIX veka* [Pastoral in Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries]. URL: <http://cheloveknauka.com/pastoral-v-russkoy-literature-xviii-pervoy-treti-xix-veka> (accessed: 14.11.2021). (In Russian)

Semenko, I. M. (1970). *Poety pushkinskoi pory* [Poets of the Pushkin Era]. 296 p. Moscow, Hudozh. lit. (In Russian)

Vasil'ev, N. L. *Poeziia A. I. Polezhaeva v kontekste russkoi literatury* [Poetry of A. I. Polezhaev in the Context of Russian Literature]. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (accessed: 14.11.2021). (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2021
Поступила в редакцию 15.11.2021

Сесорова Анастасия Дмитриевна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
miss.oblivate@gmail.com

Sesorova Anastasiya Dmitrievna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
miss.oblivate@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-231-235
УДК 821.161.1

ОБРАЗ ХЛЕБА КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ В ЭПОПЕЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

© Татьяна Смыковская

THE IMAGE OF BREAD AS A SYMBOLIC DETAIL IN A. SOLZHENITSYN'S EPOPEE "THE RED WHEEL"

Tatyana Smykovskaya

The article is devoted to the symbolically narrative aspect of A. Solzhenitsyn's epopee "The Red Wheel". The object of research is the image of *bread*, loaded with historical and ontological meanings. These meanings aim to depict the decay of the Russian national world. The word *bread*, in most cases used by Solzhenitsyn in his epopee in its direct meaning, has a concrete historical significance, since it is associated with the bread situation that took place on the eve of the revolution and after it. Historicism is mainly represented "In August 1914" and "November 1917" through the image of the bread noose. It reflects the situation of the bread crisis, one of the tragic milestones of the February Revolution. The metaphysical aspect comes to the foreground in "March 1917" and is related to the image of the bread line. In the system of characters from "The Red Wheel", this image is inseparable from the demon heroes. It marks the intense flow of black, infernal force, aroused by revolutionary events. According to the writer's worldview, this flow speeded the spin of the deconstructive red wheel and facilitated the destruction of Russian civilization.

Keywords: A. Solzhenitsyn, The Red Wheel, image of bread, image of the bread noose, symbol of the bread line.

В статье анализируется символический повествовательный пласт эпопеи Александра Исаевича Солженицына «Красное Колесо». Объектом исследования становится образ хлеба, обладающий в произведении двунаправленной историко-онтологической семантикой, прежде всего нацеленной изобразить процесс распада русского национального космоса. Слово «хлеб», употребляемое в эпопее Солженицына в большинстве случаев в прямом значении, имеет конкретно-историческую нагрузку, так как связано с хлебной ситуацией, имевшей место в преддверии революции и после нее. Историчность, объемно явленная в «Августе Четырнадцатого» и «Октябре Шестнадцатого», прежде всего раскрывается через образ хлебной петли, воссоздающий ситуацию хлебного кризиса, ставшего одним из мощных маятников Февральской революции. Метафизический аспект, выходящий на первый план в «Марте Семнадцатого», сопряжен с образом хлебного хвоста, который в системе персонажей повествования в отмеренных сроках соединен с героями-бесами и призван обозначить небывалый поток черной inferнальной силы, обрушившийся вместе с революцией на Россию. Он, по мысли писателя, лишь ускоряя вращение деструктивного красного колеса, способствовал уничтожению русской цивилизации.

Ключевые слова: А. Солженицын, эпопея «Красное Колесо», образ хлеба, образ хлебной петли, символ хлебного хвоста.

Образы-символы «Красного Колеса» (1965–1990) не раз становились предметом исследовательского внимания литературоведов [Спиваковский], [Урманов 2014]. Их основой у А. И. Солженицына, по замечанию А. В. Урманова, служит христианская традиция, славянская мифология и древнерусское искусство [Там же, с. 170]. Одним из таких важнейших символов, пока не попавшим в поле зрения солженицыноведов, является образ хлеба, с которым в произведении

тесно связан мотив десакрализации, свидетельствующий о низвержении русского бытия, уничтожении онтологических основ русской цивилизации. Известно, что хлеб у славян почитался как высшая ценность, «дар Божий», был символом достатка, благоденствия, здоровья и плодородия [Толстая, с. 412], ритуально соединялся (свадебный хлеб, поминальный хлеб, пасхальный хлеб, рождественский хлеб) с важнейшими периодами жизни. Для героев, близких авторскому миро-

ощущению, такое отношение к хлебу естественно. Ирина Томчак считает хлеб *«твердыю»* [Солженицын, т. 7, с. 43] народной жизни. Саня ассоциирует *«утреннее солнце над хлебным морем»* [Там же, с. 28] со счастьем. Столыпин благодарит Бога за возможность пребывания в сибирской раздольной степи. Фёдор Ковынёв ощущает *«родной, сытный, хлебный»* [Солженицын, т. 9, с. 171] запах от спелой пшеницы.

Однако с раскручиванием революционного колеса отношение к хлебу изменяется, становятся все более частотными фрагменты, упоминающие и описывающие сцены хлебного поругания. Мировая война одной из первых явит болезнь, поразившую душу и сознание русского человека:

«<...> Саша выходил на дорогу. Наткнулся на сваленную кучу, это оказался хлеб, армейский печеный хлеб – уже черствый и даже заплесневелый. Наступали без хлеба, а вот – выкинут хлеб!» [Солженицын, т. 7, с. 395].

У славян считалось неприемлемым бросать хлеб на землю: «упавший кусок следовало поднять, поцеловать и попросить у него прощения» [Толстая, с. 415]. Даже Ленартовичу, далекому от национальных корней, данное деяние видится странным. Прибывшему с фронта Арсению Благодарёву почти святотатственными представляются разговоры односельчан о нецелесообразности сеяния хлеба:

«<...> никогда в деревне такого не бывало: на чо нам столько хлеба выращивать? И в голову не лезет, такого не помнил он в жизни» [Солженицын, т. 9, с. 465].

Если в «Августе Четырнадцатого» и «Октябре Шестнадцатого» помятый хлеб – симптом помутнения русского духа, то в революционных Узлах – знак разрушения жизненных констант, национального космоса. Становятся обычными и не вызывают удивления погромы лавок с выбрасыванием хлеба на улицу, *«прямо на мостовую»* [Солженицын, т. 11, с. 84]. Хлеб как ключевая традиционная ценность подменяется красной революционной символикой: *«И все бросались на кумач и раздирали его, как если б он был дорожке хлеба»* [Там же, с. 527].

Прение и гниение хлеба в революционные дни на станциях и речных портах становится знаком тления, разложения основ русского бытия. Целенаправленное, безнаказанное сжигание крестьянами хлебных риг и амбаров – символом богооставленности: *«– А жги, ребята, анбар! Ни нам, ни им! / И сожгли»* [Солженицын, т. 15, с. 214]. У славян одним из самых строгих табу,

связанных с хлебными продуктами, был запрет бросать хлеб в огонь: «на „том свете“ будешь рукой доставать его из огня; бросишь хлеб или крошки в огонь, сгорит хлеб в поле» [Толстая, с. 415]. Десакрализация, переступание через вековые традиции приведут к тому, что хлеб материализуется в черную пайку заключенного, которую тот будет вынужден добывать рабским непосильным трудом. В результате обозначится обратный процесс: малосъедобная пайка станет самым вожделенным и святым объектом, определяющим жизнь. Шухов свой *«хлебушек»*, заворачивая в чистую *«белую тряпицу»*, носит, точно ребенка, у сердца. Поедание пайки, спрятанной в специально сшитом под телогрейкой белом карманчике, для героя подобно священной трапезе.

Образ хлеба в «Красном Колесе» мотивен. Он, пронизывая десяти томную эпопею, воспроизводится на нескольких повествовательных уровнях, многократно появляется в разных по стилистике и задачам сюжетных и обзорных главах, экранах, газетных подборках. В подавляющем большинстве слово «хлеб» в эпопее Солженицына употреблено в прямом значении. Оно, связываясь с хлебной ситуацией в стране накануне и после революции, обладает конкретно-исторической нагрузкой. Особенно отчетливо историчность образа прослеживается в «Августе Четырнадцатого» и «Октябре Шестнадцатого», где автор обозначает ряд важнейших моментов, приведших к будущему хлебному кризису. В первом Узле показана парадоксальная ситуация с хлебными поставками в действующую армию. При полной отправке хлеба на фронт солдаты получают его с большим опозданием. Плохое питание и многочасовые переходы не способствуют победному солдатскому настрою. Армию, состоящую в основном из крестьян, начинают одолевать подспудные революционные размышления о «пустоте» затеянной войны, о том, что расплачиваться за нее придется простым мужикам. Причин происходящего в Ставке объяснить не могут, и командующие вынуждены добывать муку в оставленных немецких городах. Данный сюжетный мотив «Августа Четырнадцатого» символически отражен в революционных Узлах, когда жители Петрограда при обеспеченности хлебом вдруг начинают выстраиваться в хлебные очереди и сеять панические настроения. И в первом, и во втором случае власти оказываются бессильны, не способны противостоять обстоятельствам и быстро решать насущные проблемы.

Хлебная политика, детально и многосторонне раскрытая в первых двух Узлах эпопеи, дает представление не только о параличе верховной власти, опасавшейся вмешиваться в хлебный

вопрос, но и несогласованности, поверхностности, неспособности оппозиционных, революционных, либеральных сил разрешить проблемы, связанные с ценами и поставками хлеба. Данная ситуация уже в «Октябре Шестнадцатого» побудила к распространению слухов о насильственной ревизии хлеба в деревни и его нехватке в городах, что послужило толчком к раскачиванию одного из мощных маховиков будущей революции.

Историчность в изображении образа хлеба приглушается в «Марте Семнадцатого», открывающегося двумя символами: хлебного хвоста и хлебной петли. Авторский взгляд с началом революционного дискурса расширяется, смещаясь с конкретно-исторических ситуаций на метаисторический процесс, призванный приоткрыть причины общемировых, глобальных политических, социальных, религиозных, психологических деформаций, обнаженных в России февральской катастрофой. При этом Солженицын не склонен снимать ответственности с самих себя, о чем и свидетельствует в начале «Марта Семнадцатого» образ хлебной петли.

Образ петли в «Красном Колесе» прежде всего соотносится с казнью Богрова, повешенного за убийство Столыпина. Петля, по мысли писателя, начала затягиваться с кончиной министра внутренних дел, единственного, имевшего реальное желание противостоять колесу революции. О петле как неминуемой смерти постоянно думают Кирпичников и Масловский, зачинатели петроградского солдатского бунта. Однако в петле воплощена не просто смерть, а самоубийство российского государства. Солженицын, олицетворяя, почти материализуя хлебный кризис («руки», «тело», «горло»), подчеркивает, что процесс шел изнутри. Граждане сами, «своими руками» затягивая веревку, толкали страну в бездну.

Поток иной силы, низвергающей Россию в хаос, будет зафиксирован с помощью образа хлебного хвоста. Хвост по славянским представлениям – признак демонологического существа [Плотникова], коим у Солженицына предстает революция, с ее неотъемлемыми и многочисленными хлебными хвостами. Образ хвоста соединен в «Красном Колесе» с персонажами-бесами [Гуськов]. В «Августе Четырнадцатого» одна из тетешек революционерок Агнесса Ленартович, пламенно рассуждая о Богрове, «*расхаживала по комнате с хвостом папиросного дыма*» [Солженицын, т. 8, с. 92]. В первом Узле мысль о превращении империалистической войны в гражданскую Ленин ассоциирует с животным, которого «*выхватываешь за дрожащий хвост у по-*

следней каменной щели» [Солженицын, т. 7, с. 212] как единственно оставшийся шанс. В революционных Узлах внешне инертный теоретик Гиммер, удивляясь сверхактивности Керенского и Ленина, первого сравнивает с метеором, чей огненный хвост невольно «*прихватывал*» и уносил за собой, второго – с внезапно вторгшейся кометой: «*<...> увлек за собою в хвост, уже в самый последний хвост <...>*» [Солженицын, т. 15, с. 70]. Автор, посредством сознания персонажа-беса дважды акцентируя «хвостатость» Ленина, выявляет неумность его разрушительной энергии. Дым, метеор, комета – образы, имеющие общую огненную и космическую семантику. Разрушительный огонь, метафорически конкретизируясь в пламенном бенгальском революционном колесе, – неизменный атрибут многих персонажей-бесов. Огненная символика, составляющая ядро образов революционно настроенных Агнессы и Адалии Ленартович, была проанализирована А. Аркатовой, отметившей, что «метафора огня <...> является наиболее часто употребляемым тропом в лексиконе Адалии и Агнессы» [Аркатова, с. 360]. Огненная метафора пронзает образ ключевого персонажа-беса – Ленина, напряженное внутреннее и умственное состояние которого нередко определяется словом «угар». Если в «Августе Четырнадцатого» политические просчеты «сжигают» Ленина, то с началом революционных Узлов он предпочитает действовать внезапно, будто «бомба», взрывая ситуацию изнутри. В преддверии нового восстания вождя большевиков «*сжигает нетерпение*» [Солженицын, т. 15, с. 393], а мысли «*не сказанные вовремя, мучительно догорают потом в груди*» [Там же, с. 587]. Огненно воспринимают Ленина и другие герои эпопеи. Гиммер возвращение главного большевика в Россию сравнивает с пламенем, которое «*поднесли к самому лицу*» [Там же, с. 70]. Саша Ленартович, ожидая приезда Ленина, воображает его «*жгучее нетерпение*» [Там же, с. 77] и сравнивает с огненным метеором, летящим в эпицентр революции.

Мифологичность, космичность, огненность образов воплощают вселенский масштаб и непримиримость революционной битвы, где между собой сталкиваются не просто человеческие характеры и устремления, но высшие inferнальные силы, возможно и определившие исход борьбы. Помимо этого, образы отражают разные векторы вторжения бесовских сил. Дым, исходящий от Агнессы, – олицетворение затухшего, но готового с новой мощью воспламениться внутреннего революционного огня. Метеор – символ черной внеземной энергии главных «бесов» революции, бездумно разрушающих старый

мир, не осознающих катастрофические последствия своей деятельности. Ленин – огненный осколок, прилетевший из другого, европейского, эмиграционного мира и сумевший с небывалой силой разжечь угасающее пламя либеральной революции. Приметой персонажей-бесов (Ленин, Матвей Рысс) является и почерк с хвостиками. В «Апреле Семнадцатого» Гиммер, ратуя о возвращении большевистской газеты «Новая жизнь», особо отмечает новый «хвостатый» шрифт: «<...> *какие семь круглых хвостов у „ж“, „з“ и мягкого знака <...>*» [Там же, с. 384].

На причастность к inferнальной сфере указывает механизм возникновения хлебных петроградских хвостов. По сведениям правительства, Думы, газет, хлеба в столице достаточно, однако горожане, как будто управляемые какой-то высшей, бесконтрольной бесовской силой, выстраиваются возле лавок в длинные очереди. Попав в хвост, ведут себя неадекватно, никакие разумные доводы не приемлют. Одержимая толпа, начиная с крушения хлебных лавок и магазинов, перекинется на дома, общественные здания, начнет убивать городских, полицейских и офицеров. Воротынцев уже в «Октябре Шестнадцатого» ощущает необычность, противоестественность хвостов: «<...> *скопились и стоят странно выстроенные в затылок друг другу люди разных возрастов <...>*» [Солженицын, т. 9, с. 141]. Герой, обладающий «двунаправленным взглядом» (термин А. В. Урманова) [Урманов, 2013, с. 464], словно предчувствует скорое появление иных хвостов, колонн заключенных, опоясавших страну: «*Выперли весь барак наружу. <...> Выстроились все в хвост, сперва по пять строго, а там – шалманом*» [Солженицын, т. 1, с. 84, 108]. Главному герою «Одного дня Ивана Денисовича» (1959) колонны заключенных видятся черными обезличенными хвостами, автору – страшными отростками ГУЛАГа, во многом порожденными февральским хаосом 1917 года.

Автор показывает, что с началом революции не просто активизируются оппозиционные партии, негативно настроенные солдаты, рабочие, простой люд, но и inferнальные силы, роль которых в раскручивании революционного колеса, по мнению писателя, очень велика. Возможно, поэтому все попытки остановить его обречены на неудачу. Вероня и Фенечка, интуитивно угадывая темную энергетику хлебных хвостов, с них решают начать свою революционную агитацию. Как одно из самых «удачных мест» для митингов расценивает хлебные очереди и Ленин: «*Один агитатор поговорил пять минут и обработал сотню женщин <...>*» [Солженицын, т. 15, с. 153].

Образ хлеба, спаивая важнейшие повествовательные пласты (исторический и онтологический) эпопеи, обозначает два мощных эпицентра революционного пожара. Один из них, по мысли писателя, коренился внутри России, в десакрализованном сознании русского народа, недалеко-видных действиях общественности, правительства и верховной власти. Второй, сформировавшись в космических кругах и приобретя в силу религиозно-нравственной деструкции inferнальный характер, разошелся потоками черной, бесконтрольной бесовской силы, с небывалой интенсивностью убыстряющей и без того стремительное кружение красного колеса.

Список литературы

- Аркатова А. Е. Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. М.: Русский путь, 2013. С. 359–369.
- Гуськов В. В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 228 с.
- Плотникова А. А. Хвост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 411–412.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2007. 672 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 7. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2007. 432 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 8. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 2. М.: Время, 2007. 536 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 9. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2007. 512 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 11. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2008. 744 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 15. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел IV. Апрель Семнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2009. 624 с.
- Спиваковский П. Е. Система онтологических символов в эпопее «Красное Колесо» // «Красное Колесо» А. И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Междунар. сб. науч. трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 34–88.
- Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 412–421.
- Урманов А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. 624 с.

Урманов А. В. «Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе») // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. М.: Русский путь, 2013. С. 462–473.

References

Arkatova, A. E. (2013). *Sistema kliuchevykh zhenskikh obrazov v epopee A. Solzhenitsyna "Krasnoe Koleso"* [The System of Key Female Images in A. Solzhenitsyn's Epopee "The Red Wheel"]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: Na puti k "Krasnomu Kolesu"*: Sb. st. Pp. 359–369. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

Gus'kov, V. V. (2010). *Kto raskrutil Krasnoe Koleso? Sistema personazhej istoricheskoi epopei A. I. Solzhenitsyna "Krasnoe Koleso"* [Who Rolled the Red Wheel? The System of Characters in A. Solzhenitsyn's Epopee "The Red Wheel"]. 228 p. Blagoveshchensk, izd-vo BGPU. (In Russian)

Plotnikova, A. A. (2012). *Hvost* [The Tail]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti t. T. 5*, pp. 411–412. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 1. Rasskazy i Krohotki*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. Short Stories and Miniatures]. 672 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 7. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel I. Avgust Chetyrnadtsatogo. Kn. 1*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. August 1914. Node I. Book I]. 432 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 8. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel I. Avgust Chetyrnadcatogo. Kn. 2*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in

Discrete Periods of Time. August 1914. Node I. Book II]. 536 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 9. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel II. Oktjabr' Shestnadcatogo. Kn. 1*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. November 1916. Node II. Book I]. 512 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2008). *Sobr. soch. v 30 t. T. 11. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel III. Mart Semnadcatogo. Kn. 1*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. March 1917. Node III. Book I]. 744 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2009). *Sobr. soch. v 30 t. T. 15. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel IV. April' Semnadcatogo. Kn. 1*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. April 1917. Node IV. Book I]. 624 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Spivakovskii, P. E. (2005). *Sistema ontologicheskikh simvolov v epopee "Krasnoe Koleso"* [The System of Ontological Symbols in the Epopee "The Red Wheel"]. "Krasnoe Koleso" A. I. Solzhenitsyna: Khudozhestvennyi mir. Poetika. Kul'turnyi kontekst: Mezhdunar. sb. nauch. Trudov, pp. 34–88. Blagoveshchensk, izd-vo BGPU. (In Russian)

Tolstaia, S. M. (2012). *Hleb* [Bread]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti t. T. 5*, pp. 412–421. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia. (In Russian)

Uрманов, А. В. (2014). *Khudozhestvennoe mirozhdanie Aleksandra Solzhenitsyna* [Aleksandr Solzhenitsyn's Artistic Worldview]. 624 p. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

Урманов, А. В. (2013). «Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе») [“Locusts Out of the Abyss”: Biblical Symbolism in “The Red Wheel”]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: Na puti k "Krasnomu Kolesu"*: Sb. st., pp. 462–473. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Смыковская Татьяна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
675000, Россия, Благовещенск,
Ленина, 104.
tarkatova@yahoo.com

Smykovskaya Tatyana Yevgenyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
104 Lenin Str.,
Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation.
tarkatova@yahoo.com

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. С. СУРАЗАКОВА И Д. Б. КАИНЧИНА

© Ульяна Текенова

THE ORIGINALITY OF ARTISTIC PSYCHOLOGISM IN THE WORKS OF S. S. SURAZAKOV AND D. B. KAINCHIN

Ulyana Tekenova

This article studies the psychological function of details and their role in creating a national picture of the world in the novels of Altai writers in the second half of the 20th century. The focus of the article is the formation of psychological prose in the works of prose writers whose aim is a deeper understanding of the social and eventual essence of man. Based on the unfinished novels of Sazon Surazakov and Dibash Kainchin, the article reveals the role of artistic detail in the binary oppositions of “our” and “their” worlds, used to express the contradictory state of mind of the characters and their ideological aspirations. The study represents the psychological detail as the “microimage of the world” through the opposition of “our” and “their” world through the struggle of the representatives of different religions - shaman Karbysh and priest Mikola in D. Kainchin’s novels and through the details of ayil / yurt / hut and the episode of baptising Altaians by Father Makarii in S. Surazakov’s work, demonstrating a fundamental impossibility and unattainability of the spiritual and intellectual closeness of these characters. The studied works reveal significant contradictions in the religious relationships of the inhabitants of Gorny Altai in this particular era (pre-revolutionary and post-revolutionary), showing acute social, socio-religious and political conflicts. The psychological detail contributes to the creation of a conceptual, linguistic and individually-figurative national picture of the world.

Keywords: Surazakov, Kainchin, novel, psychologism, artistic detail, image, binary opposition, our and their world.

Данная статья посвящена исследованию психологической функции деталей и их роли в создании национальной картины мира в романах алтайских писателей второй половины XX века. Автор акцентирует свое внимание на формировании психологической прозы в творчестве прозаиков, направленное на более глубокое постижение социальной и событийной сущности человека. На примере незаконченных романов Сазона Саймовича Суразакова и Дибаша Беруковича Каинчина раскрывается роль художественной детали в бинарных оппозициях «свой» и «чужой» мир с целью выражения противоречивости душевного состояния героев и их идейных устремлений. В исследовании психологическая деталь как «микрообраз мира» посредством оппозиции «свой» и «чужой» мир представлена через борьбу представителей разных вероисповеданий – шамана Карбыша и попа Миколы в романах Д. Б. Каинчина и через детали айыл / юрта / изба, эпизод крещения алтайцев отцом Макарием у С. С. Суразакова как принципиальная невозможность и недостижимость духовной и интеллектуальной близости этих героев. В исследуемых произведениях раскрываются существенные противоречия в религиозных взаимоотношениях жителей Горного Алтая данной конкретной эпохи (дореволюционной и послереволюционной), остросоциальные, общественно-религиозные и политические конфликты, психологическая деталь способствует созданию концептуальной, языковой и индивидуально-образной национальной картины мира.

Ключевые слова: Суразаков, Каинчин, роман, psychologism, художественная деталь, образ, бинарная оппозиция, свой и чужой мир.

Одной из особенностей алтайской литературы второй половины XX века можно назвать начало формирования психологической прозы или так называемого особого художественного качества – углубления психологизма. Наиболее ре-

презентативными художественными текстами для исследования роли художественной детали можно назвать незаконченные романы «Чөбөлкөп» и «Улалу» («Чевалков» и «Улала») С. Суразакова, «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над на-

ми Белуха») Д. Каинчина, которые можно уверенно обозначить как равноправные диалогические произведения. В этих произведениях наблюдается углубление психологизма в изображении – как портрета, так и внутреннего мира героев. К примеру, в романе Д. Каинчина удачно применяются приемы психологического изображения, в частности, через внутренние монологи и психологические детали раскрываются душевные переживания героев, их желания, мысли и чувства.

Автором статьи применяется контекстуальный подход к изучению всего творчества Д. Б. Каинчина, где художественное своеобразие психологизма исследуется во взаимосвязи с внешними явлениями, историческими событиями в жизни своего народа и страны, литературным контекстом определенного периода в целом. Следовательно, целью выбранного подхода является углубленное понимание произведений С. С. Суразакова и Д. Б. Каинчина, их адекватное прочтение. Следует отметить, что предметный мир, взаимоотношения и противостояния героев (свой и чужой) сложно воссоздать без включения в контекст определенной исторической эпохи. В исследуемых произведениях авторы прибегают к различным приемам психологического изображения героев (внутренний монолог и внутреннее состояние, различные художественные детали, природные явления). Согласно Е. С. Добину, деталь – это не «периферийный момент образного мышления», и не просто «крайне нужное» «дополнение к общему глубокому знанию действительности» [Добин, с. 300, 301]. Для достижения «предельной выразительности», «законченности» произведения, деталь имеет «...очень сильное стремление сомкнуться с основным замыслом вещи: характерами, конфликтами, судьбами» [Там же, с. 303].

Как известно, «в основе внутренней организации элементов текста, как правило, лежит принцип бинарной семантической оппозиции: мир будет делиться на богатых и бедных, своих и чужих, правоверных и еретиков, просвещенных и непросвещенных, людей Природы и людей Общества, врагов и друзей» [Лотман, с. 227].

Рассматриваемые произведения привлекают внимание тем, что «свой» и «чужой» мир в исследуемых романах представлен через религиозную борьбу, где «вероисповедание выступает в качестве главного признака и обязательного атрибута как „своего“, так и „чужого“ миров» [Текенова, с. 68], а в организации сюжетосложения чаще всего участвуют художественные детали, к которым авторы неоднократно возвращаются. Согласимся, что «рядом с самосознанием героя,

вобравшим в себя весь предметный мир, в той же плоскости может быть лишь другое сознание, рядом с его кругозором – другой кругозор, рядом с его точкой зрения на мир – другая точка зрения на мир. Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний [Бахтин, с. 69].

Отсюда следует, что в художественном пространстве произведений сюжеты построены на основе конфликтов взглядов: столкновение человека и общества (например, отец Микола и Карбыш кам, Самтар бай, Табытка), разных вероисповеданий (православие и шаманизм), разных культур и менталитетов народов (алтайцы и русские), проживающих на Алтае в начале XX века. Все компоненты бинарной оппозиции, приведенные в качестве примера в исследуемых романах, обладают как положительными, так и отрицательными чертами.

К примеру, обратимся к одной главе неоконченного романа «Чөбөлкөп» С. Суразакова, где писатель свою версию исторических личностей и событий строит на основе факта и вымысла (образ отца Макария, обряд крещения и др.). Деталь, раскрывающая истинные причины появления на Алтае миссионеров и выполнение ими своей миссии, выражается через беседу Макария с Константином:

« – Алтайды Россия жуулап алган эмес – деп, Константин каруун жандырды. – Алтайлар 1756 жылда бойлорынын күүниле Россияга кожулган. Же олоор Россияга кожулган ла болзо, христианството түшпегенче, неме болбос. Религиязы башка улус качан да болзо башка болор» [Каинчин, с. 120]. – «Россия не завоевывала Алтай – ответил Константин. – Алтайцы в 1756 году добровольно вошли в состав России. Но, они хоть и вошли в Россию, пока не примут христианство, ничего не получится. Люди с другой религией всегда будут другими» (здесь и далее перевод наш. – У. Т.).

Автор намеренно делает акцент на предметно-изобразительные детали, еще больше выделяя сам фрагмент крещения, так как «сгущение в тексте предметно-изобразительных деталей образует конструктивно выделяющиеся фрагменты целого: портрет, пейзаж, интерьер, экфрансис; интеллектуально-психологических – характеристики персонажей» [Поэтика, с. 54]. В романе «Улалу» С. Суразаков мастерски сумел выделить главное: айыл (юрта) – «свой», а изба (дом) – это «чужое». На страницах романа хорошо прослеживается быт крещеных алтайцев конца XIX века: все они стали жить не в айылах, а в избах, что

требовала новая религия, но рядом все же строили айылы.

«Чужое», которое, появившись на Алтае в первой половине XIX века (период христианизации), прочно входит и укрепляется в начале XX века (советская власть, коллективизация) и продолжает сосуществовать в настоящее время уже как обжитый свой мир: айыл + дом/изба, – неприменный атрибут жилища современных алтайцев.

В исследуемом романе также привлекают внимание такие художественные детали, как изба («чужой мир») – замок – ограда, которые раньше у местных не наблюдались. В романе они представлены параллельно национальным айылам («свой мир»). Их появление тоже связано принятием христианства:

«Алтай улустардын туралары орустардыйынан качан да аңыланып туратан: јабузы јабыс, көзнөктөринде ставня, кыйуларында јурамал јок, сенеги база јок, олор крестке тўшкен де болзо, је темиккени аайынча, айыл јок јатпайтан» [Суразаков, с. 131]. – «Избы алтайцев всегда отличались от изб русских: кровля низкая, на окнах нет ставни и наличников с узорами, сеней тоже нет, хоть они и крещенные, но привыкли жить с айылами».

Все эти избы огорожены, а на дверях висят замки (закрытое пространство). Эта деталь становится символом различия между персонажами православной и традиционной алтайской веры.

В дореволюционное время на Алтае мужчина-алтаец был немыслим без кеҗеге¹ ‘косичка’, и его остригание миссионерами вызывает у присутствующих ужас:

«...Кертек Макарийдин колында јаан крестти окшоп турарда, Константин десе кийнинен базып келеле, колындагы кайчызыла Кертектин кеҗегезин кезип ийди. Улус: „Куда-ай-май! Эмди ле өлөр!“ – дежи, алакандарыла јўстерин бөктөп ийдилер» [Суразаков, с. 125]. – «Когда Кертек целовал большой крест в руках Макария, Константин подошел сзади с ножницами на руках и остриг его косичку. Люди с возгласами: „О, господи-и! Сейчас умрет!“ – ладонями прикрыли лица».

¹ Традиционная мужская прическа, в конце которой вплетены украшения (цветные пуговицы, кисти из красного или черного шелка). Кеҗеге выступает как оберег, защита, связь с божествами верхнего мира и как один из отличительных признаков социального статуса мужчины. У состоятельных людей шнур был двойной и с двумя кистями, а бедные могли позволить лишь бумажные украшения или они отсутствовали вообще [Радлов, с. 133].

В романе «Чөбөлкөп» С. Суразакова также встречаются эпизоды крещения алтайцев, принимающих крещение и другую веру с целью ухода от наказания зайсана. Например, эпизод крещения первых двух жителей устья рек Майма и Катунь Кертека и Тоодыйка образует нравственно-психологическую коллизию исследуемой главы. Во время крещения имя, данное родителями, меняется согласно церковным правилам: Кертек становится Григорием, а Тоодыйка – Федосьей. Далее, после крещения Кертек и Тоодыйка целуют крест, на шею им надевают крестик, выдается сумма в пятьдесят рублей, отрез ткани на одежду. Также они освобождаются от уплаты налога на пять лет и только после истечения этого срока будут платить представителям царя. Отец Макарий благословляет молодых на супружество. Кертек, который должен был предстать перед судом зайсана за воровство, после крещения оказался под защитой священников, а Тоодыйка больше не служанка Кочой.

Они меняли не только религию, но и свое имя, данное от рождения, при этом все же продолжали соблюдать свои традиции и вероисповедание, то есть в них мирно сосуществовали обе религии. Например, образ крещеного купца-алтайца Тобокова Табытка, который даже после принятия христианства все же не может не соблюдать все обычаи и традиции своего народа. С возрастом заложенные с детства взгляды и мировоззрения алтайца просыпаются в нем вновь и вновь, являясь подтверждением тому, что ничто не выбрасывается или исчезает навсегда. В трудные минуты Табытка (во время болезни) остро чувствует необходимость поклонения Матери-Огню, Духу Алтая. Он берет ветку можжевельника и окуривает свой дом и все вокруг, тем самым сильно испугав набожную жену.

В романе «Ўстибисте Ўч-Сўмер» Д. Каинчина, например, привлекает внимание приезд представителя Алтайской Горной Думы Асканака Дьектиекоева. Эпизод, когда Самтар бай сразу же по прическе определяет, какой человек – крещеный или придерживается традиционной алтайской религии:

«Солун кижы эмеш те јалтанбады, аланзыбады. Бозогоны алтайла, көндүре төр јаар өтти. Ак ширдекке табыланып, отура тўшти. Каргузын уштып ийерде, кеҗеге јок эмтир. Айдарда, бу крестү кижы» [Каинчин, с. 69]. – «Новый человек нисколько не испугался, не сомневался. Переступив порог, прошел прямо на почетное место. Спокойно сел на коврик. Когда снял свой картуз, кеҗеге не было. Значит, крещеный».

Как уже выше отмечалось, деталь кеҗеге в прическе мужчины-алтайца выступает атрибу-

том традиционной религии: связь мужчины с создателем. Отсутствие кеҗеҗе у Асканака говорит о том, что он принял крещение. Но через его поведение, такт, речь автор раскрывает, что в душе Асканак все же придерживается традиций и обычаев своего народа. Например, когда он входит в айыл, осторожно переступает порог, во время беседы с баем выражает уважение к нему как старшему и т. д. Эти художественные детали вводятся как приемы углубления психологизма и помогают раскрыть черты характера персонажа.

Самоуверенность гостя передается через осанку, одежду, походку и манеру держаться на коне: «*кара жалтырууш картус ла кара сукно чекпен бу кижини там уурладат*» [Там же, с. 68–69]. – «*черный блестящий картуз и черный суконный пиджак этого человека скорее больше утяжеляет*» и т. д.

Автор, применяя стилистический прием антитезы, в данном эпизоде детально противопоставляет двух героев: Тотороков Тудаачы (Самтар бай), настоящее имя которого читатель узнает именно с момента встречи с Асканак, не очень-то любил у своей коновязи встречать гостей (ему было тяжело угощать, поддерживать беседу с гостями). Он не старался выделяться, одеваться в дорогую одежду, всегда ходил в старой и рваной и всю работу выполнял сам: «– *Је мени улус билбес эмес...*» [Там же, с. 69]. – «*Но как будто люди меня не знают...*». Здесь разворачивается мотив жадности и скупости, для раскрытия психологического портрета бая это оттеняется с помощью контрастных деталей, образующих через бинарные оппозиции бедность / богатство. Только приезд незнакомца вынуждает Самтар бая накинуть на себя новую шубу, проявить гостеприимство:

«Эпјоксынар неме јок: кураан терези тон јажыл килин кыпту, камду кыйулу, ѓмјрлерин канча јјзјн учук чинмерилеп койгон. Топчыларын, куйкаларын кјрзј, кезиктеринин бирјзинин баазы – чардын эмезе минер аттын баазына турар» [Там же, с. 68]. – «Ничего неудобного нет: шуба из шкуры ягненка покрыта зеленым бархатом, оторочена мехом выдры, грудь расшита разноцветными нитями. Если смотреть на пуговицы-куйка, только одна из среди них – стоит целого быка или коня».

В романе Д. Каинчина под «своим» миром подразумевается расположенный в центре мироздания Горный Алтай со священными источниками аржан-суу, реками и святыней Ёч-Сјмер (Белуха), ее людьми (простые люди, бай, шаманы), где природа выступает как органическая часть благоустроенного «своего» родного мира. «Чужой» мир олицетворяется образом церкви,

построенной в низовьях этой долины, которые вместе с миром «своим» представляют «старый мир» (дореволюционный Алтай). Символически звучат слова повествователя о том, что «*горы будут стоять вечно ...*» [Там же, с. 31].

Писатели изображают, как непрерывно развивается мир, не быстрыми темпами, но все же чувствуется, что перемены в России дошли и до окраины. В целом историческая судьба малой родины и народа в романе выдвигается на передний план. «Чужой» мир, принесенный сначала извне староверами-кержаками, потом Алтайской духовной миссией, проникает постепенно, шаг за шагом «завоевая» богатые земли вокруг церквей (некрещеным нельзя там проживать) как «чужой» враждебный социум для служителей традиционной религии. Бинарные оппозиции, привнесенные автором в роман и представленные через художественные детали, просматриваются и на интонационных контрастах как противоречивость внутреннего состояния героев.

Оппозиция «свой» и «чужой» мир также ярко прослеживается через образы шамана Карбыш и отца Миколы в романе Д. Каинчина. Их противостояние длится уже многие годы, но пути пересекаются только сейчас в айыле сестры шамана. Символический сон шамана (нападение стаи степных рыжих волков на табун) и видения в бреду предвещают трагический закат его религиозной деятельности. События в первой части романа, сюжет встречи отца Миколы и шамана Карбыша, отличаются психологической напряженностью взаимоотношений героев, которые автор достигает включением в текст их портретных описаний как психологических деталей и вербальным обозначением чувств противоборствующих персонажей разных вероисповеданий. Поведение героев, втянутых в борьбу в разных ролях (шаман и священник), во время неожиданной ночной встречи передает динамику их внутренней жизни. Здесь можно выделить две группы психологических деталей. Например, внешние – пейзаж (столкновения противоборствующих героев происходит темной ночью, в ущербную луну); портретной детали – для полного раскрытия ситуации автор вводит внешнее описание героев. Микола «*узун ла сырсак*» («*длинный и худощавый*»), Карбыш кам тоже высокого роста и «*сырсак*» («*худощавый*»). И вторая – собственно психологические детали, которые можно разделить на – «внутренние жесты» («прием умолчания» [Есин, с. 93], или «невербальные диалоги», то есть «действия и явление кинесики» («жесты, элементы мимики и пантомимы») [Чернец, с. 296]. Второй вид – собственно психологическая деталь с «суммарно-обозначающей формой

психологического изображения» [Есин, с. 93]. Обратимся к примерам, когда при столкновении двух противоборствующих героев в невербальном диалоге наблюдаются и «еще и паралингвистические элементы, как то смех, плач, темп речи и прочее», как косвенная форма психологической детали [Чернец, с. 296], например, «Микола абыс тыйтылдада каткырып ийди» («Поп Микола захихикал»), «алаканын уужады» («размял ладони») [Каинчин, с. 31]. Ироничный смех (хихиканье) отца Миколы представляется и как художественный троп, через который выражено насмешливо-критическое отношение одного из противоборствующих сторон по отношению к другому. С помощью деталей автор обозначает динамику внутренней жизни героев, их чувства, страхи, переживания, мысли. От неожиданной встречи и ожидания неприятностей и без того плохо себя чувствующий Карбыш был бессилён сопротивляться. Проиллюстрировать это тезис могут фрагменты:

«Кам кыймык та эдер арга жок» («Шаман не может даже сделать движение»), «турар кўч жок» («нет сил встать»), «Башты ёрб кўдўрер де эмес. Жўрек чындапка ла октолып, кўгўсте кўчўлдеп жат» [Там же, с. 31, 28, 27]. – «Невозможно поднять голову. Сердце и вправду трясется и сильно стучит в груди»;

«– Бот сакубаган тушташ! <...> – Канча кире истешкен сыгыным тоозулга бойы келген турбай... <...> Эмди тил жок артып каларын – деп, Микола абыс сап-сары сагалынан бир кыл жула тартып алды. <...> ...Сагалынын кылын шыпшайла, Карбыш камнын кежирине туура салып салды. Камнын чыкпыдында та не де тырс ўзўлип, ол билинбей калды» («– Вот неожиданная встреча! [Там же, с. 31]. – <...> Марал, которого столько преследовал, сам на засаду пришел... <...> Теперь останешься без языка – отец Микола вырвал из своей рыжей бороды один волос. <...> ...Прошептав на волос заговор, положил его поперек горла шамана Карбыш. В висках шамана что-то оборвалось, и он оказался в беспамятстве».

Эта ночная встреча с шаманом Карбышем становится фиксацией начала исполнения коварной мысли попа Миколы, который прибегает к элементам черной магии. Он при помощи волоса своей бороды и магических слов «насылает» на шамана немоту и лишает его силы общения со своими близкими и помощниками-беркутами.

Мотив потери голоса (шаман Карбыш) можно рассматривать как мотив выпадения из общества или мотив «социального отчуждения», которое реализуется как отчуждение от собственного «я». Карбыш теряет возможность общения со своими «беркутами», при помощи которых объединял в себе все три стихии: Ёстиги Ороон (Небо), Орто Телекей (Средний Мир, Земля) и

Алтыгы Ороон (Подземный мир), гармонично вписываясь в вертикальную модель мироустройства, а теперь он оказывается в одиночестве. Д. Каинчин концентрирует внимание на внутреннем мире своего персонажа – его чувствах и переживаниях, тем самым выражая борьбу немого кама Карбыша с отцом Миколой. Это противостояние выражается через его внутренние монологи, размышления, шепот, обращенные к священнику, который слышится как «невнятное мычание».

«Нет, нет, я на тебя не сержусь... Твоя работа, твоя работа... Зачем тогда ты сюда пришел. Тебя сюда зачем послали... Ты мой черноголовый, с кожаным ремнем народ хочешь перетянуть к себе. <...> Хочешь корни мои оборвать, род мой иссушить...» [Там же, с. 60].

Так, в мыслях онемевшего кама Карбыша теперь стали всплывать картины прошлого, разные временные пласты стали пересекаться, наплывая друг на друга, где прошлое смыкается с настоящим. Обнаруживаются бинарные оппозиции неопределенного потока сознания шамана и внешних событий.

Исследование мотива голоса в романе Д. Каинчина выражает предельное отчаяние, вскрывающее противоположные устремления кама Карбыша как невозможность человеческого общения, вызов и крик о помощи. К примеру, эпизод внутреннего монолога шамана:

«– Сен, Микола, менин эн ле баалу немемди жоголттын – деп, Карбыш камнын жўреги жабызабайт. – Сен менин эн ле керектў немемди жидин. Тил жокко мен кандый кам! Сен менин тайагымды блаадын, сен менин канадымды ўстин...» [Там же, с. 61]. – «Ты, Микола, уничтожим у меня самое ценное – не может успокоить, подавить сердце Карбыш кам. – Ты у меня съел самое нужное. Какой я шаман без языка! ты у меня отобрал мой посох, оторвал мои крылья...»

Психологическое изображение противостояния священника и шамана в тексте занимает существенный объем, обретает «относительную самостоятельность и становится чрезвычайно важным для уяснения содержания произведения» [Есин, с. 86].

В ответ на проделки отца Миколы Карбыш в полночь, в ущербную луну, поджигает церковь, тем самым лишая его всего: «Тоннын топчызы – сенин кинчегин болор, абыс, тўкўрўгим жерге тўшпес – сеге тўжер, сеге жедер...» [Каинчин, с. 62]. – «Пуговица от шубы – будет твоим мучением, плевков мой да не упадет на землю – на тебя упадет, до тебя дойдет». «Плевков» шамана тоже носит магическое заклинание-проклятье,

направленное на отрицательное воздействие на своего оппонента-попа.

Немой кам является символом шаманизма, теряющего право голоса, но продолжающего свою борьбу за человеческие души. Внутренний монолог Карбыша раскрывает его отношение к враждующей стороне (отцу Миколу).

«...Семтек чачын таралар, серкпен јок болор. Јок болор, күйүп калар. Ойто тутканчанг – узак. Јаткан јадык анданып калар, јажыл јенес бүркеп койор... <...> Сен өчөбөсти өчөдин, өштөшпөслө өштөштин... Эмди кұл болуп күйүп јадын, күйе болуп буркурап јадын...» [Там же, с. 62]. – «... Косматые волосы твои расчесутся, церкви твоей не будет. Не будет, сгорит. Пока построишься заново – долго. Лежащее бревно перевернется, зеленым мхом покроется <...> Ты унизил того, кого нельзя унижать, ты враждуешь с тем, с кем нельзя враждовать... Теперь горишь, превращаясь в пепел, кишишь как моль...».

Этот пожар является кульминацией борьбы двух вероисповеданий, одним из главных эпизодов в первой части романа Д. Каинчина. Это стихийное бедствие, вызванное противоборствующей стороной, перед которым невозможно устоять. Рушится влияние шаманов, православная религия тоже начинает терять свои устои. Автор четко указывает место каждого из героев. Интересна следующая деталь: перед поджогом церкви шаман замечает, как в наступивших сумерках *«высоко отчетливо виднеется контур креста, который как будто перечеркнул небо»*. Шаман уже и раньше думал о том, что мог бы одним взглядом испепелить церковь, представив вместо нее священника Миколу. А теперь он следит за заревом пожара, наблюдает, как золотой крест церкви блестит на фоне пламени и теряется в дыму. Как известно, «крест» символизирует человека, и в тексте этот символ выражает гораздо больше и глубже, чем просто уничтожение церкви. Ведь с приходом советской власти и Церковь лишается всех прав. Из горящего здания люди успели вынести иконы, золотые и серебряные украшения из алтаря, образ распятого Христа и многое другое. Обратим внимание, образ распятого Христа спасен.

Подобная сцена пожара встречается в незавершенном романе С. Суразакова «Улалу», но автор не указывает истинных причин горения церкви. На передний план выдвигается сундук, полный денег, который блаженный Ыбан выносит из горящей церкви и приносит домой к дяде Табытка, одного из главных героев романа.

«Тенек Ыбан улуска болужып турала, церквини темир кайырчагын көндүрө айылга экелген. Табытка кайырчагын блаап алала, сарайга кирип, ташла сомо-

гын оодып, ачып ийзе, толтыра акча эмир. Сүүнгенине онын тыныжы көксине батпай барды» [Суразаков, с. 151]. – «Блаженный Ыбан, помогая людям, железный сундук из церкви принес прямоком домой. Табытка отобрал сундук, зайдя в сарай, камнем ломает замок, открывает, а он полон денег. От радости у него дыхание перехватило».

В данном случае *«дыхание перехватило»* (от радости) как психологическая деталь, которая соотносится с «суммарно-обозначающей формой психологического изображения, когда о чувствах персонажа сообщается с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [Есин, с. 87].

Сундук с деньгами у блаженного отнимает дядя, который решает скрыть этот факт, спрятав его в горах. Таким образом, в данном эпизоде блаженный Ыбан принимает на себя грех своего дяди (его заставили молчать). В данном случае присутствует мотив детской наивности блаженного человека, который становится грешником. В последующем уже разбогатевший на ворованном, в зрелом *возрасте* Табытка решает искупить свою вину и за большие деньги строит церковь.

Кульминация «схватки» двух противоборствующих героев, финальная развязка между шаманом Карбыш и отцом Миколой в исследуемой главе обозначена напряженным противостоянием, где мастерски переплетаются разные типы психологических деталей (портрет, «внутренние жесты» и т. д.). Сталкивая в конфликте разных по религиозным убеждениям и по менталитету людей, автор высвечивает их характеры, создавая тем самым национальную и индивидуально-образную картину мира.

Таким образом, в исследованных произведениях С. Суразакова и Д. Каинчина прослеживаются элементы углубления психологизма, которые выражены через определенные художественные детали – внутренний монолог, внешние – пейзаж, интерьер, портретные детали, мотивы, бинарную оппозицию «свой» и «чужой».

Список литературы

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 364 с.
- Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Сов. писатель (Ленингр. отд.), 1981. 432 с.
- Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
- Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб: Искусство. СПб, 1998. 704 с.

Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 263–264.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Текенова У. Н. Художественный мир Дибаша Кайнчина. Горно-Алтайск, 2011. 179 с.

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2003. 405 с.

Каинчин Д. Б. Ыстибисте – Ыч-Сүмер. Горно-Алтайск, 2003. 492 с.

Суразаков С. С. Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985. 206 с.

References

Bakhtin, M. M. (1963). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Issues of Dostoevsky's Poetics]. 364 p. Moscow. Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Dobin, E. S. (1981). *Siuzhet i deistvitel'nost'*. *Iskusstvo detali* [Plot and Reality. The Art of Detail]. E. S. Dobin.-L. 432 p. Sov. pisatel' (Leningr.otd.). (In Russian)

Esin, A. B. (1988). *Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury: kn. dlia uchitelia* [Psychologism of Russian Classical Literature: A Teacher's Book]. 176 p. Moscow. Prosveshchenie. (In Russian)

Kainchin, D. B. (2003). *Ыstibiste – Ыch-Sümer* [Above Us Is Belukha]. 492 p. Gorno-Altai. (In Altai)

Khalizev, V. E. (2003). *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. 405 p. Moscow. Vysshiaia shkola. (In Russian)

Lotman, Iu. M. (1998). *Ob iskusstve* [On Art]. 704 p. St. Petersburg, Iskusstvo. St. Petersburg. (In Russian)

Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i poniatii (2008) [Poetics. Dictionary of Current Terms and Concepts]. Pp. 263–264. Moscow. Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada. (In Russian)

Radlov, V. V. (1989). *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. 749 p. Moscow. Nauka. (In Russian)

Surazakov, S. S. (1985). *Altaiym kereginde sös* [A Word about My Altai]. 206 p. Gorno-Altai. (In Altai)

Tekenova, U. N. (2011). *Khudozhestvennyi mir Dibasha Kainchina* [The Artistic World of Dibash Kainchin]. 179 p. Gorno-Altai. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Текенова Ульяна Николаевна,
кандидат филологических наук,
Научно-исследовательский институт
Алтаистики им. С. С. Суразакова,
649000, Россия, Горно-Алтайск,
Социалистическая, 6.
tekenovau@mail.ru

Tekenova Ulyana Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Research Institute of Altaic Studies
named after S. S. Surazakov,
6 Sotsialisticheskaya Str.,
Gorno-Altaysk, 649000, Russian Federation.
tekenovau@mail.ru

КОММЕНТИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

© Даниил Бастриков

FORMING THE LINGUOCULTURAL COMPETENCE OF INTERNATIONAL STUDENTS: COMMENTARIES ON THE ARTISTIC TEXT

Daniil Bastrikov

The article studies the issue of choice with respect to an explanatory toolkit in a lesson of Russian as a foreign language in the context of the linguistic and cultural theory of the word. The main objectives of this research are systematization of effective types of comments on linguistic and culturally significant information in the literary text and their implementation in teaching practice during the development of the linguistic and cultural competence of international master's degree students. Linguocultural competence is understood as students' ability to use linguistic means with a national cultural component in meaningful communication activities with native speakers. The article identifies the following functions of the commentary: informing, forming and systematizing (organizing). The choice of information for commentaries is based on the principles of reliability, sufficiency, accessibility, the student's native language support and the potential of creative use in the process of intercultural communication. The article provides various types of comments on a literary text (linguistic, historical, cultural, literary criticism, etc.), which are used in classes of Russian as a foreign language in accordance with the specifics of the information and educational goals. Commentaries on the literary texts of I. S. Turgenev, I. P. Myatlev and I. Severyanin, united by one precedent phenomenon, became an illustrative material. The article presents a detailed description of techniques for working with poetic texts (the algorithm of a comprehensive analysis: title – composition – theme and idea – details – symbols – visual means), taking into account the peculiarities of the new information used in the comments.

Keywords: Russian as a foreign language, linguistic and cultural theory of the word, linguocultural competence, literary text, commentary, culturally significant information.

Статья посвящена проблеме выбора объяснительного инструментария на занятии по русскому языку как иностранному в контексте лингвострановедческой теории слова. В качестве цели работы была выбрана систематизация эффективных видов комментариев лингвистической и культурно значимой информации, содержащейся в художественном тексте, и их реализация в практике преподавания при формировании лингвокультурной компетенции иностранных магистрантов-филологов, понимаемой нами как владение студентами арсеналом языковых средств с национально-культурным компонентом и осознанным включением в коммуникативную деятельность с носителями языка. Выявлены функции комментария: информирующая, формирующая, систематизирующая. Выбор информации для комментария осуществляется на основании принципов достоверности, достаточности, доступности, учета родного языка учащегося, потенциала творческого использования в процессе межкультурной коммуникации.

В статье приводятся различные виды комментариев художественного текста (лингвистический, историко-культурный, историко-бытовой, историко-литературный, литературоведческий и др.), привлекаемых на занятиях по русскому языку как иностранному в соответствии со спецификой информации и учебными целями. Иллюстративным материалом стали комментарии к художественным текстам И. С. Тургенева, И. П. Мятлева и И. Северянина, объединенным одним прецедентным феноменом. Предлагается подробное описание приемов работы с поэтическими текстами (алгоритм комплексного анализа: заголовок – композиция – тема и идея – детали – символы – изобразительные средства) с учетом особенностей используемой в комментариях новой информации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвострановедческая теория слова, лингвокультурная компетенция, художественный текст, комментарий, культурно значимая информация.

Актуальность данного исследования заключается, с одной стороны, в необходимости интеграции методического инструментария в процессе обучения чтению, с другой – в обобщении имеющегося опыта работы с художественным текстом в иностранной аудитории, сопряженной со стратегической целью – формированием лингвокультурной компетенции иностранных учащихся.

Объектом исследования послужил процесс обучения иностранных магистрантов (филологов) чтению и интерпретированию художественных текстов в контексте антропологического и лингвокультурологического подходов.

Ценным источником лингвокультурного материала в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) является текст художественного произведения, содержащий важную информацию о материальной и духовной культуре народа и репрезентирующий элементы национальной языковой картины мира. Актуальными в лингводидактике при работе над текстом художественного произведения являются комментирование текста, его анализ и интерпретация.

Освоение нового языкового кода, таким образом, непосредственно связано с овладением, по словам Е. И. Пассова, иноязычной культурой, которая обладает и воспитательной ценностью. Е. И. Пассов и Н. Е. Кузовлева писали: «Преподаватель как интерпретатор чужой культуры и носитель родной культуры должен делать все от него зависящее, чтобы сформировать у учащихся ту систему ценностей, которая соответствует идеалу образования – человеку духовному» [Пассов, Кузовлева, с. 87]. Данная цель лежит в плоскости решения задач формирования лингвокультурной компетенции учащихся, которая мыслится нами как одновременное владение знаниями системы языка и иерархически организованной совокупности культурных ценностей, накопленных предыдущими поколениями.

В качестве методов исследования были избраны теоретические (анализ лингводидактической и лингвокультурологической литературы, посвященной проблемам взаимодействия языка и культуры) и педагогические (метод наблюдения за формированием различных умений и навыков у иностранных студентов в ходе их работы над фрагментами художественных текстов, во время формирования их лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенций в контексте их самостоятельного поиска соответст-

вующей информации в словарях, справочниках, а также интернет-ресурсах и др.).

Проанализировав существующую методическую литературу и обобщив наблюдения за учебным процессом, мы установили, что преподаватель ставит перед собой различные цели: собственно языковые / речевые (коммуникативные, прагматические и др.) и экстралингвистические (формирование культурной, этнокультурной, лингвокультурной, страноведческой и т. п. компетенций).

Новизной нашего исследования является интегративный подход, во-первых, к выявлению языковых единиц, фиксирующих культурно значимую информацию, во-вторых, к использованию различных приемов комментирования фрагментов текста и семантизации национально маркированной лексики в учебном процессе, в-третьих, к привлечению разного по кодам иллюстративного материала как лингвокультурного комментария.

Одним из эффективных приемов методического обеспечения формирования лингвокультурной компетенции является комплексное рассмотрение языковых единиц, в которых сосредоточены лингвистические знания и аккумулируется культурная информация. Для иностранца, изучающего русский язык, присвоение новой культурно значимой информации через языковую единицу является сложной задачей. Понять культурные феномены изучаемого языка помогает комментарий, который представляет собой разъяснение, толкование, интерпретацию какого-либо феномена, «объяснение связей между лексическими единицами, особенностей отражения национальной культуры в слове» [Азимов, Щукин, с. 97]. Комментарий выполняет следующие функции: а) информирующую (передает основное содержание источника); б) формирующую (способствует совершенствованию навыков работы с текстом, развивает саму личность учащегося); в) систематизирующую (комментируемый текст становится своего рода коннектором между предшествующим (в некоторых случаях – прецедентным) и последующим, для которого и коннектор тоже может стать прецедентным).

Своеобразным средством преодоления возникающих барьеров при восприятии подобной информации служит такой методический прием, как комментарий. В этой связи В. В. Воробьев писал, что незнание «культурного ореола» слова не позволяет реципиенту «проникнуть в глубо-

кую сеть культурных ассоциаций» [Воробьев, с. 48].

Таким образом, мы считаем, что отбор информации для комментария должен производиться с учетом следующих оснований: достоверность, достаточность, доступность, учет родного языка учащегося, потенциал творческого использования в процессе межкультурной коммуникации. Комментирование художественного текста на уроке РКИ осуществляется вербальным, аудиальным или визуальным способом трансляции новых, контекстуально обусловленных аспектов информации, которая способствует расширению кругозора иностранных учащихся и преодолению возможной лингвокультурной интерференции. На первую задачу указывали еще в 1983 году Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров: комментарий «всегда соотнесен с текстом, ради которого написан» [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 169].

Комментирование призвано презентовать и объяснять лингвистические особенности словесных знаков, а также страноведческие реалии и «культурные ореолы». Оно способствует, с одной стороны, обогащению лексического запаса и закреплению в коммуникативной практике знаний лексических и фразеологических единиц русского языка, с другой – совершенствованию умений и навыков анализа и синтеза культурно значимой информации, оформленной в виде конкретного текста. Глубина содержания комментария зависит от контекста и уровня владения РКИ учащимися. Важно учитывать и то, насколько в комментарии отражается массовое языковое сознание носителей данного языка. На наш взгляд, излишний энциклопедизм предъявляемой информации снизит мотивацию, усилит дезориентацию иностранных студентов при освоении культурных феноменов в художественном тексте.

Основным источником для комментария являются разного рода словари – от энциклопедических до узкоспециальных (лингвографических). Если раньше в словарях регулярно отражалось лексическое и понятийное содержание языкового знака, то сейчас имеются лексикографические источники, фиксирующие фоновую информацию. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров применительно к процедуре составления лингвострановедческих словарей, содержащих информацию о культурных реалиях, и использованию их в учебном процессе сформулировали следующие принципы: «лексический фон как объект семантизации», «ориентация на актуальное языковое сознание» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 253], «актуальный историзм как черта лингвострановедческой семантизации»

[Там же, с. 254], «опора на зрительную наглядность» [Там же, с. 256], «демонстрация парадигматической и синтагматической сочетаемости заголовочного слова» [Там же, с. 257], «соблюдение филологической меры глубины содержания» [Там же, с. 259], «необходимость ориентирующей (обзорной) тематической вводки в словарь» [Там же, с. 260], «обучающая направленность» [Там же, с. 261].

Необходимо, по нашему мнению, учитывать и принцип диалогичности, отличающийся интерактивным характером, который позволяет успешно предъявлять и толковать безэквивалентную, фоновую и коннотативную лексику в контексте межкультурной коммуникации.

При семантизации словесных знаков проблема может возникнуть не только с указанными выше видами лексики, но и с обычной языковой единицей, актуализирующей в контексте культурную информацию. Глубокого проникновения в информационную структуру слова можно достичь путем уровневого подхода к семантизации лексических единиц. Н. Е. Меркиш выделяет следующие уровни: контекстуальный (осмысление значения слова в контекстах), культурно-нейтральный (постижение понятийного значения слова) и культурно-специфический (экспликация культурной специфики лексики) [Меркиш, с. 179]. При этом необходимо комментировать элементы фоновых знаний, которые могут находиться в пространстве художественного текста, среди них отметим историко-культурный, социокультурный, этнокультурный, семиотический фоны. Каждый из них составит отдельный комментарий в виде контекста или небольшого текста.

Комментарии к художественному тексту могут содержать информацию: во-первых, о собственном языковом статусе единицы (лингвистический, словарный комментарий); во-вторых, об исторических фактах, событиях, персоналиях и бытовых артефактах (исторический, историко-культурный, историко-бытовой комментарий); в-третьих, об особенностях эпохи, литературного процесса, то есть времени создания художественного текста и его жанрово-стилистической специфике, а также о литературоведческой терминологии (историко-литературный, литературоведческий комментарий). Л. А. Лисина предлагает использовать лингвоисторический комментарий, который понимается ею как «лингвистическое толкование слова или выражения с учетом культурно-исторического контекста» [Лисина, с. 10].

Комментарий воспринимается и осваивается иностранным учащимся одновременно со знакомством с основным текстом. Первичные труд-

ности, связанные с восприятием незнакомой лексики, снимаются с помощью лингвистического и стилистического комментариев, находящихся в словарных статьях. Экстралингвистическая, культурно значимая информация требует специфического комментария, который Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в монографии «Язык и культура» назвали лингвострановедческим. Ученые привели следующие виды данного комментария: прагматичный, в котором объясняются факты, необходимые для понимания текста; проективный с ориентацией на контекст, дающий представление о месте явления в широком социальном окружении; проективный с ориентацией на затекст, имеющий целью показать скрытые смыслы, заложенные автором [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 171–174].

В преподавании РКИ при работе с безэквивалентной лексикой, по словам Т. Г. Фоминой, используются разные комментарии: а) контекстный (толкование слова производится с опорой на слова и выражения, входящие в состав высказывания); б) затекстный (комментарий может размещаться в учебниках параллельно тексту или после текста, а также внизу страницы); к разновидностям затекстного комментария относятся прагматичный, историко-этимологический, комплексный; в) прием опережающего комментария (при большом количестве безэквивалентной лексики) [Фомина, с. 33–34].

В качестве примера покажем, как на уроке по РКИ при работе над текстом стихотворения в прозе И. С. Тургенева (1818–1883) «Как хороши, как свежи были розы ...» с магистрантами-филологами могут быть введены разные виды комментариев, позволяющих углубить представление учащихся о русском языке, литературе, культуре.

Для погружения иностранных студентов в атмосферу русского литературного процесса XIX века предлагается посмотреть документальный фильм «Великий певец великой России» (7 мин.) [Великий певец Великой России], где историко-литературный комментарий содержит биографические сведения о писателе, его произведениях. Перед просмотром формулируются вопросы, которые будут ориентировать студентов на выявление общей информации. После просмотра проводится беседа, в которой выявляется степень понимания студентами полученной аудио- и визуальной информации.

Следующим видом работы является рассказ преподавателя, посвященный общей характеристике цикла стихотворений в прозе «Senilia» И. С. Тургенева. Такое сообщение позволяет ввести учащихся в культурное пространство России

XIX века и представляет собой контаминацию историко-литературного и литературоведческого комментариев. Текст может содержать информацию о времени создания, тематике и структуре цикла. Кроме того, в нем дается терминологическая справка о специфике жанра и его структурно-стилистических особенностях.

Работа с текстом-комментарием включает в себя чтение текста, проверку понимания содержания текста (ответы на вопросы или тестовые задания закрытого типа).

Основная работа над текстом стихотворения И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы ...» начинается с приема опережающего комментария слов, которые могут вызвать трудности у иностранца. В список слов для комментирования входят устаревшие, диалектные, безэквивалентные, стилистически окрашенные слова, различные онимы, устойчивые выражения, прецедентные единицы и др.

Лингвистический комментарий включает, во-первых, семантизацию с помощью толкования, привлечения близкозначимых единиц (синонимов), во-вторых, акцентирование внимания студентов на словарные пометы, характеризующие степень современности, отнесенность к стилистическим пластам лексики и под. Приводятся, например, пояснения к следующим языковым единицам: *давно-давно тому назад; резеда; протодушный; скрипит; вопрошающие* (губы); *держать* и др. [Тургенев, с. 167–168].

Обращается внимание студентов на синтаксические особенности организации конкретного текста, например, модели предложений с обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами, модели восклицательных предложений и др. Заметим, что интонационные особенности восклицательных предложений, которые предусмотрены стандартами ТРКИ, традиционно вызывают трудности у студентов. Для их снятия предлагается задание прочитать фрагмент текста стихотворения с учетом знаков препинания, обратить внимание на повтор слова *как*, способствующего выражению восхищения и передаче эмоционального состояния лирического героя.

Непосредственное знакомство с текстом стихотворения И. С. Тургенева происходит в формате аудирования с разным музыкальным сопровождением. Это важно, чтобы почувствовать музыкальность стиха. После аудирования текста в беседе выясняется, какой эмоциональный отклик вызывает прослушанный текст и музыка. Второе прослушивание текста сопровождается другим музыкальным произведением. Параллельно студенты следят за письменным тек-

стом без знаков препинания, делают пометки фонетического и интонационного характера, обращают внимание на связь интонации и знаков препинания. Послетекстовая работа включает проверку постановки знаков и чтение текста. В беседе выясняется, меняется ли впечатление от включения разного музыкального сопровождения. Третье прослушивание стихотворения связано с новым, визуальным рядом – параллельным созданием рисунков-иллюстраций к звучащему тексту. После аудирования студенты описывают персонажей и ситуации текста.

Далее придерживаемся следующего алгоритма для анализа текста: заголовок – эпиграф (если имеется) – композиция – тема и идея – детали – символы – изобразительные средства. В своем слове (историко-культурный комментарий) преподаватель говорит о том, что название текста И. С. Тургенева является прецедентной единицей: это начальная строка созданного в 1834 году стихотворения Ивана Петровича Мятлева (1796-1844) «Розы». Далее предлагается на слух историко-литературный комментарий – биографическая справка о поэте. Проверка понимания аудиотекста осуществляется с помощью небольшого теста.

При характеристике композиции текста стихотворения И. С. Тургенева приводится литературоведческий комментарий, включающий дефиниции терминов *рефрен* и *тональность*. Отмечается, что композиция текста структурно оформлена в шести абзацах, представляющих собой чередование двух художественных миров, противопоставленных друг другу: мира прошлого в виде повествовательного монолога (нечетные абзацы – 1, 3, 5) и мира настоящего в виде внесюжетных включений (четные абзацы – 2, 4, 6). Каждый абзац заканчивается одной и той же строкой, вынесенной в сильную позицию текста – заглавие.

Преподаватель отмечает, что текст «держится» на ключевых единицах, четко разведенных по принципу контраста. Студенты выявляют в тексте идеи, представленные антонимическими смыслами мира настоящего и мира прошлого (старость ≠ молодость; зима ≠ лето; холод (мороз) ≠ тепло; одиночество ≠ люди, семья; тьма ≠ свет; треск, скрип, шепот, кашель ≠ шум, крик, смех, музыка вальса; смерть ≠ жизнь), и приходят к выводу, что мир реальный связан с трагическим ощущением, а мир воспоминаний – с радостной, счастливой порой. При этом уточняется, что каждая микротема текста включает ключевое слово – *розы*: в названии, а также после каждого абзаца (всего семь раз).

Детализация содержания стихотворения осуществляется через описание персонажей: лирического героя и девушки из прошлого. На примере описания девушки у окна из прошлой жизни лирического героя дается лингвистический комментарий функционально-смысловой принадлежности фрагмента: в тексте-описании акцент делается на внешности персонажа, положении в пространстве и др., которые сопровождаются словами-признаками (прилагательными, причастиями), передающими нюансы авторского взгляда.

В процессе погружения в атмосферу текста студенты под руководством преподавателя обнаруживают и пытаются комментировать национально-специфическую и фоновую лексику, связанную с этнической картиной мира, что способствует развитию лингвокультурной компетенции будущего специалиста-филолога.

В пятой части текста приводится описание семейной деревенской жизни. Чтобы понять традиции русской патриархальной жизни, целесообразно предложить студентам контекстный и затекстный историко-бытовые комментарии. В первом случае может быть выявлен сложившийся стандарт «облика» русского человека (*русые головки, светлые глаза, алые щеки*) и особенности образования молодых людей привилегированных сословий (обучение языкам и искусствам – живописи, музыке). Затекстный комментарий позволит иностранным учащимся расширить представление об идеале женской красоты, реализованном в выражении «тургеневская девушка»: так называют «романтичную девушку, способную на самоотречение ради любимого человека или высокой идеи» [Россия, с. 581].

Далее имеет смысл перейти от существующих определенных стереотипов к русской национальной картине мира, ввести этнокультурный комментарий. В описании быта И. С. Тургенев мастерски яркими средствами характеризует ментальную суть русского дома: *весёлый шум семейной деревенской жизни; добрые голоса, уютная комната; старенькое пианино, патриархальный самовар* [Тургенев, с. 168]. Этнокультурный комментарий будет посвящен характеристике представленного в тексте уютного (в ментальном понимании русского человека) дома посредством лексем, имеющихся в толковых словарях: *дом, уютный, самовар, патриархальный* и др. Отдельно приводится историко-культурный комментарий, посвященный музыкальному произведению, упомянутому в тексте. В примечаниях Собрания сочинений И. С. Тургенева содержится затекстный комментарий о ланнеровском вальсе [Тургенев, с. 512–513].

Художественный текст изобилует изобразительно-выразительными средствами языка. С помощью лингвостилистического комментария можно напомнить студентам определения данных средств и их функции в тексте, в том числе указать на символическое использование языковых единиц, транслирующих дополнительные смыслы в зоне подтекста. Далее закономерным будет задание на поиск указанных тропов и фигур в тексте стихотворения и запись их в таблице.

Символический потенциал языковых единиц необходимо обнаружить с помощью затекстного лингвокультурного комментария семиотического фона текста, например: *роза*. В национальных культурах этот цветок многовариантно интерпретировался. В тексте И. С. Тургенева данный языковой знак символизирует и любовь, и девушку, и молодость, и упущенное счастье.

Фраза «Как хороши, как свежи были розы...» стала крылатой в контексте русской культуры. Она послужила отправной точкой для других произведений. Так, хронологически это стихотворение И. С. Тургенева находится между прототекстом И. П. Мятлева «Розы» [Мятлев, с. 57–58] и текстом «Классические розы» И. Северянина (И. В. Лотарева) (1887–1941) [Северянин, с. 6].

Далее работаем с последним текстом с целью установления поэтической традиции и нового символического наполнения языковых знаков. После чтения преподаватель дает задание пересказать содержание обоих стихотворений. Учащиеся отмечают, что первое (стихотворение И. П. Мятлева) связано с романтической традицией, где описана жизнь и смерть девушки, в которую влюблен лирический герой. Роза здесь ассоциируется с молодой женщиной, любовью. В то же время роза – запретный, заветный цветок, который нельзя срывать. Нарушив запрет (сорвав цветок и подарив его девушке), юноша обрек ее на смерть.

Стихотворение И. Северянина труднее пересказать, так как в нем нет явного сюжета. Композиция включает три микротемы, отражающие жизнь лирического героя (автора): «было», «сейчас», «будет». Несмотря на прямую отсылку к тексту И. П. Мятлева (эпиграф), текст И. Северянина наполняется новым, символическим содержанием. Речь идет о стране и людях, оказавшихся на разломе эпох, в водовороте трагических исторических событий. В данном случае необходим исторический комментарий, включающий описание российских событий начала XX века (революции, гражданская война, голод, разруха и др.).

Итак, мы рассмотрели возможности комментирования на занятиях по РКИ. Считаем, что

комментарий является важным средством лингвокультурной презентации текста художественного произведения. Это особенно актуально для иностранных учащихся, имеющих возможность через текст и его фрагменты понять новую для себя культуру.

Доказано, что комментарии не только поясняют новые и непонятные слова и культурно значимые реалии, но и становятся приемом формирования лингвокультурной компетенции. Благодаря этому происходит становление полноценной вторичной языковой личности: у студентов расширяются знания о традиционной культуре и быте русского народа, пополняются активный и пассивный лексиконы. В результате учащиеся могут демонстрировать глубину интерпретации текста художественной литературы, в котором в языковой форме закрепляются фрагменты русского менталитета.

Список литературы

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- Великий певец великой России. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S0U2A50Ecc4> (дата обращения: 23.07.2021).
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Российский университет дружбы народов, 1997. 331 с.
- Лисина Л. А. Художественный текст как объект лингвоисторического комментирования (на материале произведений И. С. Тургенева): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Владивосток, 2006. 25 с.
- Меркиш Н. Е. Особенности осмысления культурного компонента лексики как предпосылка успешной коммуникации с носителем языка // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 4. С. 175–188.
- Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л.: Советский писатель, Лен. отделение. 1969. 648 с.
- Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курс, 2010. 568 с.
- Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 736 с.
- Северянин И. Классические розы. М.: Т8. RUGRAM, 2018. 196 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 12 томах. Т. 10. М.: Наука, 1982. 607 с.

Фомина Т. Г. Язык и национальная культура: Лингвострановедение. Казань: Изд-во Казан. (Приволж.) федер. ун-та, 2011. 128 с.

References

Azimov, E. G., Shchyukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. 448 p. Moscow, Ikar. (In Russian)

Fomina, T. G. (2011). *Iazyk i natsional'naiia kul'tura: Lingvostranovedenie* [Language and National Culture: Linguistic and Regional Studies]. 128 p. Kazan, Izd-vo Kazan. (Privolzh.) feder. un-ta. (In Russian)

Lisina, L. A. (2006). *Khudozhestvennyi tekst kak objekt lingvoistoricheskogo kommentirovaniia (na materiale proizvedenii I. S. Turgeneva): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Literary Text as an Object of Linguo-Historical Commentary (based on the works of I. S. Turgenev): Ph.D. Thesis Abstract]. Vladivostok, 25 p. (In Russian)

Merkish, N. E. (2020). *Osobennosti osmysleniia kul'turnogo komponenta leksiki kak predposylka uspekhnoi kommunikatsii s nositelem iazyka* [Specifics of Understanding the Cultural Component of Vocabulary as a Prerequisite for Successful Communication with a Native Speaker]. Science for Education Today, No. 4, pp. 175–188. (In Russian)

Miatlev, I. P. (1969). *Stihotvoreniia. Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi* [Poems. Sensations

and Remarks of Mrs. Kurdyukova]. 648 p. Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Passov, E. I., Kuzovlova, N.E. (2010). *Osnovy kommunikativnoi teorii i tehnologii inoiazychnogo obrazovaniia: metodicheskoe posobie dlia prepodavatel'ov russkogo iazyka kak inostrannogo* [Fundamentals of Communication Theory and Technology of Foreign Language Education: A Methodological Guide for Teachers of Russian as a Foreign Language]. 568 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Prohorov, U. E. (2007). *Rossiiia. Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'* [Russia. Comprehensive Linguistic and Cultural Dictionary]. 736 p. Moscow, AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

Severianin, I. (2018). *Klassicheskie rozy* [Classic Roses]. 196 p. Moscow, T. 8. RUGRAM. (In Russian)

Turgenev, I. S. (1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomah. Sochineniia v 12 tomah. T. 10.* [Complete Works and Letters in 30 Volumes. Works in 12 Volumes. Vol. 10]. 607 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Velikii pevets velikoi Rossii. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S0U2A5OEcc4> (accessed: 23.07.2021). (In Russian)

Vereshhagin, E. M., Kostomarov V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaia teoriia slova* [Linguistic and Cultural Theory of the Word]. 320 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Vereshhagin, E. M., Kostomarov V. G. (1983). *Iazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. 269 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Vorob'ev, V. V. (1997). *Lingvokul'turologiia*. [Linguoculturology]. 331 p. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov. (In Russian)

The article was submitted on 05.11.2021

Поступила в редакцию 05.11.2021

Бастриков Даниил Алексеевич,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
DABastrikov@stud.kpfu.ru

Bastrikov Daniil Alexeevich,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
DABastrikov@stud.kpfu.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-250-254
УДК 811.411

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

© Раушания Гареева, Нияз Фаткуллин, Евгений Хамидов

INTERDISCIPLINARY RELATIONS IN THE CONTEXT OF ARABIC LANGUAGE TEACHING

Raushaniya Gareeva, Niyaz Fatkullin, Evgeny Khamidov

Modern trends in education have affected the system of Islamic education. In this context, Islamic universities are consistently included into the general system of Russian education. They conduct comprehensive research and introduce educational standards, imposing multilevel requirements for the professional training of future bachelors in the system of Islamic education. The article is devoted to the application of interdisciplinary connections in teaching Arabic to students of non-linguistic specialties. The article studies the features of these interdisciplinary connections, their specifics and learning use cases for better acquisition of the Arabic language by students in a non-linguistic environment. It is argued that the disciplines of Oriental and Islamic studies are initially characterized by interdisciplinarity; therefore, the Arabic language and classical Islamic sciences complement each other, facilitating better acquisition of the educational material of all the disciplines under consideration. This article considers the features of interdisciplinary connections relevant to the teaching and learning of the Arabic language, and proposes implementations of these features for the successful acquisition of the Arabic language within the curricula of non-linguistic specialties. These proposals are successfully used in teaching Arabic to students of religious studies and theological specialties.

Keywords: Qur'an, Arabic, Islamic sciences, linguistic features, language.

Современные тренды образования отразились и на системе исламского образования. В этом контексте исламские вузы последовательно включаются в общую систему российского образования, проводятся комплексные исследования, внедряются образовательные стандарты, что предъявляет многоуровневые требования к профессиональной подготовке будущих бакалавров в системе исламского образования. Статья посвящена исследованию междисциплинарных связей при преподавании арабского языка студентам неязыковых специальностей. Авторы рассматривают особенности этих междисциплинарных связей, их специфику и варианты использования для более качественного усвоения арабского языка студентами в неязыковой среде. Утверждается, что для востоковедческих, исламоведческих дисциплин изначально характерна междисциплинарность, поэтому арабский язык и классические исламские науки взаимодополняют друг друга, помогая лучше усвоить учебный материал всех рассматриваемых дисциплин. В данной статье рассматриваются особенности междисциплинарных связей, актуальных при преподавании и изучении арабского языка, предлагаются варианты имплементации этих особенностей для успешного усвоения арабского языка в рамках учебных программ неязыковых специальностей. Эти предложения успешно применяются при преподавании арабского языка студентам, обучающимся на религиозоведческих и теологических специальностях.

Ключевые слова: Коран, арабский язык, исламские науки, лингвистические особенности, язык.

Арабский язык преподается в высших учебных заведениях Российской Федерации в рамках филологических, востоковедческих, исламоведческих дисциплин. И если на филологических направлениях изучению языка уделяется достаточное для неязыковой среды время [Программа «Арабская филология»], то в рамках нефилологических специальностей такой возможности нет, и

тут на долю языка приходится не более 20% учебного времени студентов [Основная профессиональная образовательная программа...]. Для достаточного уровня овладения иностранным языком в неязыковой среде этого явно мало, поэтому возникает необходимость поиска дополнительных инструментов для погружения в изучаемый язык. Для востоковедческих, исламоведче-

ских дисциплин эти инструменты могут быть обнаружены в области междисциплинарных связей.

В первую очередь, стоит пояснить, что мы понимаем под междисциплинарными связями. Междисциплинарность – это свойство современной науки, которая имеет проблемно-ориентированный характер, выражающийся в привлечении нескольких научных направлений для решения одной конкретной задачи [Проективный философский словарь, с. 323]. Также существует понятие «междисциплинарный подход», который, в том числе, может заключаться в использовании методов, понятий и инструментов одной дисциплины для исследований в области другой. Мы остановимся именно на этом междисциплинарном подходе как инструменте для повышения качества преподавания арабского языка в рамках нефилологических дисциплин в неязыковой среде.

Будет не лишним отметить, что процессу изучения языка в принципе присуща междисциплинарность, поскольку язык как средство коммуникации используется не абстрактными говорящими и слушающими в некоей абстрактной ситуации; соответственно, чтобы коммуникация состоялась, важно понимать, кто говорит, когда говорит, где говорит, как говорит и т. д. [Введение в востоковедение, с. 30]. Эти характеристики можно научиться распознавать лишь при междисциплинарном подходе, не ограничиваясь отдельным изучением лексики или грамматики языка. Именно этим объясняется наличие в учебных программах по арабской филологии таких дисциплин, как «Корановедение», «Хадисоведение», «История ислама», «Лингвострановедение» и т. д. То же самое справедливо и для востоковедческих, исламоведческих специальностей.

Как уже было сказано, при обучении в неязыковой среде по неязыковым специальностям возникает проблема с ограниченностью возможностей для формирования языковых компетенций у студентов, в связи с этим междисциплинарный подход в преподавании иностранного языка крайне актуален [Междисциплинарная интеграция в обучении иностранному языку студентов неязыковых факультетов, с. 64–68]. Язык каждого народа служит выразителем его духовной жизни, через язык человек знакомится с традициями и менталитетом народа. В идеале, изучение арабского языка должно способствовать пониманию культурных, религиозных особенностей народов-носителей арабского языка [Зимняя, с. 22]. Когда речь идет об исламоведческом образовании, мы можем с уверенностью утверждать, что без глубокого погружения в арабский язык невозможно освоить целый ряд исламоведческих дисциплин. А поскольку ислам все-

ронне влиял на развитие арабского языка, полноценное овладение языком Корана невозможно без освоения исламских наук и исламоведческих дисциплин.

В первую очередь, на востоковедческих и исламоведческих специальностях актуально изучение арабского языка как языка Корана. Коран оказал огромное влияние на формирование и весь ход развития арабского литературного языка, в широком смысле став фундаментальным источником для обогащения вокабуляра «классического» / литературного арабского языка и выступив основой для систематизации его грамматической структуры. Коран является одной из ключевых причин сохранения арабского литературного языка вплоть до сегодняшних дней, он остается одинаково понятным как для носителей арабского языка, которые являются представителями множества различных региональных диалектов, так и для иностранцев, которые стараются им овладеть.

И несмотря на то, что толкование Корана представляет собой сложную науку, предполагающую широкий кругозор, высокую эрудицию и обширный набор компетенций, фундаментальным аспектом выступает уровень владения арабским языком. В свою очередь, Коран является первоисточником классических исламских наук, таких как фикх (исламское право), тафсир (наука о толковании Корана), акыда (вероубеждение / катехизис) и т. д.

Также с изучением, комментированием Корана связано начало и становление таких разделов арабского языка, как фонетика, риторика, морфология, синтаксис арабского и т. д. Интересно то, что средневековые ученые Арабского халифата, изучавшие Коран, считали арабский язык одной из дисциплин, входящих, выражаясь современным языком, в корановедение. Среди этих ученых можно отметить арабского грамматиста, хадисоведа, комментатора и правововеда из Андалусии аль-Шатиби, считавшего, что науки, относящиеся к Корану, делятся на несколько видов, и один из них это арабский язык, который является «средством понимания смыслов и извлечения (получения) пользы и помощником для познания желаний Всевышнего» [аль-Шатиби, с.198]. На его взгляд, ученый в исламе не получит степень муджтахиды [Ислам, с.168], если не познает в совершенстве арабский язык. «Основным требованием получения данной степени является знание арабского языка, и это не только знание синтаксиса, морфологии, риторики и других разделов языка, а, прежде всего, понимание и интерпретирование значений слов в том или ином тексте» – пишет аль-Шатиби [аль-Шатиби, с.198] (здесь и далее перевод наш – Н.Ф.).

Некоторые междисциплинарные связи между арабским языком и исламским правом можно проследить в отношении способов суждения. Об этом пишет исламский богослов и толкователь Корана аль-Суюты в своей книге «Исследование основ арабского языкознания», объясняя отношения между науками: «Грамматика основывается на осмысленном суждении из текстов так же, как исламское право основывается на осмысленном суждении из текстов» [аль-Суюты, с. 9]. Речь идет о том, что в обеих дисциплинах применяются такие методы вынесения суждений, как *иджма* (единодушное мнение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу), *кыяс* (суждение по аналогии) и пр. Точно так же можно говорить и о Коране как источнике для обеих дисциплин: священной книгой мусульман пользовались и для правовых решений, и для выстраивания грамматики арабского языка. Под нормой арабского языка понимали лингвистические единицы, закрепленные Кораном, именно Коран регулировал употребление слов, их коллокации, правописание, синтаксические типы [Хайрутдинов, с. 83].

Если с точки зрения ислама Коран – это речь Бога, то речь самого пророка Мухаммада можно услышать в некоторых хадисах, передающих прямую речь. Эти два корпуса текстов стали основой для развития таких наук, как риторика, стилистика речи, поэтому неудивительно, что методы описания языковых понятий этих наук и корановедения, хадисоведения во многом совпадают [Резван, 94].

Другой пример тесной взаимосвязи арабского языкознания и исламской науки – это *таджвид*, который представляет из себя свод правил о правильном чтении Корана и включает в себя «фонетику классического арабского языка, ассимиляцию и диссимиляцию согласных, влияние последних на произношение соседних гласных, фразовые и смысловые ударения, паузы и стяжения, постановку дыхания и особые приемы, с помощью которых достигается красота и выразительность чтения» [Ислам, с. 220]. Такие разделы лингвистики, как лексикология и этимология, также, в первую очередь, связаны с изучением лексики Корана [Резван, с. 84].

Понимание специфики междисциплинарных связей между исламскими науками и арабским языкознанием может стать ключом к успешному применению этих особенностей на практике и повысить качество усвоения арабского языка в рамках учебных программ неязыковых специальностей. На наш взгляд, весь процесс изучения арабского языка в рамках таких специальностей можно построить так, чтобы темы, изучаемые в рамках разных дисциплин, взаимно дополняли друг

друга и способствовали закреплению полученных знаний. А поскольку изучение языка начинается с алфавита, соответственно, с фонетики языка, было бы логично одновременно в рамках коранистики брать темы, связанные с таджвидом.

Более глубокому пониманию специфики текста на арабском языке будет способствовать изучение коранических текстов в рамках коранистики и текстов хадисов в рамках хадисоведения; то есть не стоит ограничиваться готовыми переводами текстов в рамках этих дисциплин. Хадисы, как правило, короткие, но крайне емкие по содержанию, и это дает прекрасную возможность познакомиться на практике с полисемантической арабского языка. Как пример можно привести текст хадиса «Закят ал-джасади сыйам» [Ибн Маджа, с. 123], который интересен в рамках изучения арабского языка тем, что даже при условии, что значение всех слов известно, смысл предложения может быть истолкован некорректно.

Изучение исламского права – *фикха*, безусловно, должно быть сопряжено с изучением терминов на арабском языке, начиная с самого понятия «фикх», категорий видов действий («халаль» и «харам», «мустахаб», «макрух» и т. д.). Безусловно, наиболее выигрышный вариант – изучение исламского права хотя бы частично на языке оригинала, например, на базе «Макасид аш-шари'а» («Цели шариата») Джассера Ауды [Джассер Ауда, с. 68]. Так или иначе, лексика, описывающая основы поклонения согласно вероучению ислама, обогатит словарный запас студентов, особенно если будет изучен не только терминологический смысл религиозной лексики, но и другие смыслы.

Корпус лексики классического литературного языка можно усвоить через рассказы о жизни сподвижников, истории о пророках или тексты различных притч, как Коранических, так и из «народного» цикла (например, из цикла Ибн аль-Мукаффа «Калила и Димна» [Ибн аль-Мукаффа]). Восприятие текста на слух может быть отработано при помощи видеоматериалов, таких как сериалы «Луна рода Хашим» [Луна рода Хашим], «Умар» [Умар ибн аль-Хаттаб] и пр. Такого рода материалы помогают в изучении литературного языка и вместе с тем погружают в культурно-исторический, религиозный пласт арабского мира.

В этом контексте уместно упомянуть «Хрестоматию по арабскому языку» Гиргаса В.Ф. и Розена В. [Гиргас, Розен] как пример применения междисциплинарного подхода в изучении арабского языка. Первый блок хрестоматии посвящен пословицам. Пословицы удобны при изучении иностранного языка тем, что, как правило, они краткие и емкие, охваты-

вают широкий спектр разнообразной лексики, являются частью фольклора, тем самым помогают захватить этнографическую составляющую при изучении языка и понять ментальность арабов, их картину мира, логику мышления. Вторая часть хрестоматии состоит из подборки хадисов, которые, как уже было отмечено, знакомят учащегося с другой важной составляющей арабской ментальности – исламом. Третья часть – это короткие исторические анекдоты и выдержки рассказов из различных циклов типа «Тысячи и одной ночи». Далее хрестоматия предлагает отрывки текстов классических произведений таких авторов, как Ибн Хишам (жизнеописание пророка Мухаммада), Ибн Баттута («Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар» – путевые заметки путешественника 14 века) и т. д. В целом, хрестоматия позволяет познакомиться с широким спектром разнообразных текстов из богатого корпуса арабского языка, позволяя сформировать о нем базовое представление.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены особенности междисциплинарных связей, актуальных при преподавании и изучении арабского языка, и предложены варианты имплементации этих особенностей для успешного усвоения арабского языка в рамках учебных программ неязыковых специальностей. Эти рекомендации успешно применяются при преподавании арабского языка студентам, учащимся религиозных и теологических специальностей.

Список литературы

Введение в востоковедение: Общий курс/ Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб.: КАРО, 2011. 584 с.

Гиргас В. Ф., Розен В. Арабская хрестоматия для 1-го курса, СПб, [б. и.], 1912. 110 с.

Гончар А. И., Медведева Л. Г., Надеждина Е. Ю., Шатурная Е. А. Междисциплинарная интеграция в обучении иностранному языку студентов неязыковых факультетов // Приоритетные направления развития науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 64–68.

Джассер Ауда. Цели шариата (руководство для начинающих). М.: Изд-во Марджани, 2015. 193 с.

Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4. С. 16–31.

Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна. М.: Изд-во «Художественная литература», 1986. 304 с.

Ибн Маджа. Суннан (сборник хадисов). Книга 5. Казань: изд-во «Иман», 2002. 201 с.

Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.

«Луна рода Хашим» (сериал, 2008). URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1044431/> (дата обращения: 21.10.21)

Основная профессиональная образовательная программа высшего образования по направлению подготовки 48.03.01 «Теология» URL: [http://www.kazanriu.ru/Dokumenti/OPOP/opop%2048.03.01%20teologiya%20\(b\).pdf](http://www.kazanriu.ru/Dokumenti/OPOP/opop%2048.03.01%20teologiya%20(b).pdf) (дата обращения: 21.10.21)

Программа «Арабская филология» (бакалавриат) URL: <https://www.orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/kafedry/item/70-kafedra-arabskoj-filologii> (дата обращения: 24.10.21)

Проектный философский словарь. Новые термины и понятия. / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. Предисл. М. Н. Эпштейна. СПб., Алтейя, 2003. 512 с.

Резван Е. А. Введение в коранистику. Казань: изд-во Казанского университета, 2014. 408 с.

«Умар ибн аль-Хаттаб» (сериал, 2012). URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/734161/> (дата обращения: 21.10.21)

Хайрутдинов А. Г. История арабского языка: начальный курс: Учеб. пособие. Казань: Магариф, 2007. 175 с.

لا شاطبي، بل و إسحاق بن راهب ن موسى بن محمد ال لخمى
ال مؤلف قات حقيقى: بل و عبدة مشهور بن حسن ال سلمان،
دار بن عفان، ل سعوى، ط1، 7991، ج4، ص891، ج5، ص25.
(Аль-Шатиби, Абу Исхак Ибрагим бин Муса бин Мухаммад аль-Лакхми. Разрешения (согласия). Саудовская Аравия, Аррият: Дар Ибн Афган, 1997, т. 1. 367 с.)

ال سيوطي، جلال ل ن. ال تراخى ي علم أصول ل نوح،
ن عليق: محمود سليمانى ق وت، دار ال معف ال جامعى، 6002،
794ص-Сууты Джалилюддин. Исследование основ арабского языкознания. Издательство «Дар аль-ма'риф» при университете, 2006. 497 с.)

References

Al-Shatybi, Abu Ishaq Ibrahim bin Musa bin Mohammed Al Lakhmi (1997). إسحاق بن راهب و ل شاطبي، ن حقيقى ال مؤلف قات، - ل لخمى محمد ن موسى بن ن راهب عفان، بل ن دار سلمان، ال حسن بن مشهور عبدة بل و [Approvals, Investigation: Abu Obeida Shahr bin Hassan Al-Salman, Dar Ibn Afan]. 367 p. Saudi Arabia, V.1. (In Arabic)

Al-Suyuti, Jalal al-Din (2006). ل ن جلال ل سيوطي، سليمان محمود ن عليق و ل ن أصول علم ي ال تراخى [The Proposal in the Etymology of Grammar]. Commentary: Mahmoud Suleiman Yaqoot, 497 p. University Knowledge House. (In Arabic)

Dzhasser Auda (2015). *Tseli shariata (rukovodstvo dlia nachinaiushchikh)* [The Goals of Sharia (a Beginner's Guide)]. 193p. Moscow, izd-vo Mardzhani. (In Russian)

Gonchar, A. I., Medvedeva, L. G., Nadezhkina, E. Iu., Shaturnaia, E. A. (2018) *Mezhdistsiplinarnaiia integratsiia v obuchenii inostrannomu iazyku studentov neiazykovykh fakul'tetov* [Interdisciplinary Integration in Teaching a Foreign Language to Students of Non-Linguistic Faculties]. *Prioritetnye napravleniia razvitiia*

nauki i obrazovaniia: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pp. 64–68. Penza, MCNS “Nauka i Prosveshchenie”. (In Russian)

Girgas, V. F., Rozen, V. (1912). *Arabskaia khrestomatiia dlia 1-go kursa* [An Arabic Textbook for the 1st Year]. 110 p. St. Petersburg. (In Russian)

Ibn Madzha (2002). *Sunan. Sbornik khadisov. Kniga 5* [A Collection of Hadiths]. 201 p. Kazan, izd-vo “Iman”. (In Russian)

Ibn al-Mukaffa (1986). *Kalila i Dimna* [Kalila and Dimna]. 304 p. Moscow, izd-vo “Khudozhestvennaia literatura”. (In Russian)

Islam: *Entsiklopedicheskii slovar'* (1991) [Islam: An Encyclopedic Dictionary]. 315 p. Moscow, Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian)

Khairutdinov, A. G. (2007). *Istoriia arabskogo iazyka: nachal'nyi kurs* [History of the Arabic Language: A Beginner Course]. 175 p. Kazan, Magarif. (In Russian)

“Luna roda Khashim” (serial 2008) [The Moon of the Hashim Family]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1044431/> (accessed: 21.10.21). (In Russian)

Osnovnaia professionalnaia obrazovatelnaia programma vysshego obrazovaniia po napravleniyu podgotovki 48.03.01 “Teologiya” [The Main Professional Educational Program of Higher Education in the Field of Training 48.03.01 “Theology”]. URL: [http://www.kazanriu.ru/Dokumenty/OPOP/opop/%2048.03.01%20teologiya%20\(b\).pdf](http://www.kazanriu.ru/Dokumenty/OPOP/opop/%2048.03.01%20teologiya%20(b).pdf) (accessed: 21.10.21). (In Russian)

.01%20teologiya%20(b).pdf (accessed: 21.10.21). (In Russian)

Proektivnyi filosofskii slovar'. Novye terminy i poniatiia (2003) [Projective Philosophical Dictionary. New Terms and Concepts]. 512 p. Edited by G. L. Tul'chinskii, M. N. Epshtein. St. Petersburg, Aleteia. (In Russian)

Programma “Arabskaya filologiya” (bakalavriat) [Arabic Philology Program (Bachelor's Degree)]. URL: <https://www.orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/kafedry/item/70-kafedra-arabskoj-filologii> (accessed: 24.10.21). (In Russian)

Rezvan, E. A. (2014). *Vvedenie v koranistiku* [Introduction to Qur'an Studies]. 408 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

“Umar ibn al-Khattab” (serial 2012) [Umar ibn al-Khattab]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/734161/> (accessed: 21.10.21). (In Russian)

Vvedenie v vostokovedenie: Obshchii kurs (2011) [Introduction to Oriental Studies: A General Course]. 584 p. Edited by E. I. Zelenev, V. B. Kasevich. St. Petersburg, KARO. (In Russian)

Zimniia, I. A. (2013) *Kompetentsiia i kompetentnost' v kontekste kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii* [Competency and competence in the Context of Competence Approach in Education]. Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki. No. 4, pp. 16–31. (In Russian)

The article was submitted on 26.10.2021

Поступила в редакцию 26.10.2021

Гареева Раушания Рауфовна,

кандидат филологических наук,
доцент,

Башкирский государственный
педагогический университет

им. М. Акмуллы,

450106, Россия, Уфа,

Октябрьской революции, 3а.

ru_gareeva@mail.ru

Фаткуллин Нияз Инзилевич,

старший преподаватель,

Российский исламский университет ЦДУМ

России,

450100, Россия, Уфа,

Чернышевского, 5.

niyazfatkullin@yandex.ru

Хамидов Евгений Нафисович,

старший преподаватель,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

ibnnafis@gmail.com

Gareeva Raushanya Raufovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical

University,

3a October Revolution Str.,

Ufa, 450106, Russian Federation.

ru_gareeva@mail.ru

Fatkullin Niyaz Īnzilevich,

Assistant Professor,

Russian Islamic University TsDUM Russia,

5 Chernyshevskaya Str.,

Ufa, 450100, Russian Federation.

niyazfatkullin@yandex.ru

Khamidov Evgeniy Nafisovich,

Assistant Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

ibnnafis@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-255-260
УДК 78.05

СИСТЕМА ФАКТОРОВ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВУ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

© Владимир Гоптарев, Надежда Жданова

THE SYSTEM OF SUCCESSFUL LEARNING FACTORS: THE ART OF MUSICAL IMPROVISATION

Vladimir Goptarev, Nadezhda Zhdanova

As far as its format allows, this article, for the first time, presents a system of factors that determines success in mastering the art of musical improvisation in its entirety. The problem of identifying these factors and their system has not been resolved yet, as evidenced by the lack of scientific research in this area. Our conclusions reflect the results of a critical analysis of the theoretical provisions presented in numerous sources and the sum of experiences in learning musical improvisation, based on which the main groups and categories of factors are summarized, revealing their content, structure and features.

The results of the study make it possible to conclude that it is necessary to include personal, social, psychological, pedagogical, sociocultural, educational, professional and age status in the system of factors, as well as organizational, pedagogical and methodical conditions, which have a number of specific characteristics and unique content. This system of factors can be used in the theory and practice of learning musical improvisation and contribute to a more effective solution to the problems associated with the mastery of the musical improvisation art.

Keywords: musical improvisation, system, factor, condition, training.

В статье впервые в максимально полном виде, насколько это позволяет её формат, представлена система факторов, определяющих успех в овладении искусством музыкальной импровизации. Проблема установления этих факторов и их системы до настоящего времени не была решена, что подтверждается отсутствием научных исследований в этой сфере. Полученные авторами выводы отражают результаты критического анализа теоретических положений, представленных в многочисленных источниках, а также результаты обобщения опыта обучения музыкальной импровизации, на основе которых устанавливаются основания для их вывода. Представлены основные группы и категории факторов, которые по-разному проявляют себя в различных процессах музыкальной импровизации, кратко раскрывается их содержание, структура и особенности.

На основе результатов проведенного исследования авторы пришли к выводу о необходимости включения в систему факторов личностного, социального, психологического, педагогического, социокультурного, образовательного, профессионального и возрастного статусов, а также организационных, педагогических и методических условий, обладающих рядом специфических характеристик и имеющих уникальное содержание. Выведенная система факторов может быть использована в теории и практике обучения музыкальной импровизации и способствовать более эффективному решению присущих им проблем.

Ключевые слова: музыкальная импровизация, система, фактор, условие, обучение.

Выявление системы факторов, определяющих успех в овладении невероятно сложным искусством музыкальной импровизации и обучении ей, до сих пор представляется одной из довольно важных и интересных проблем, имеющих отношение к музыкальному образованию, музыкальной педагогике, к методологии и методике обучения импровизации. Более того, в настоящее время целевые ориентиры, содержание и процесс обучения детей музыкальным дисциплинам под-

вергаются существенной переоценке. Одним из результатов этой переоценки является признание педагогическим сообществом необходимости усиления творческого начала и применения в процессе преподавания музыкальных дисциплин креативных видов деятельности, методов и технологий, в том числе музыкальной импровизации. Однако успех обучения музыкальной импровизации зависит от ряда факторов, которые не были представлены в предыдущих исследова-

ниях в системном виде. Без знания об этих факторах, об их системе и особенностях эффективное обучение музыкальной импровизации и диагностика успешности овладения ею в принципе не представляются возможными.

Рассматривая проблему выявления системы факторов, необходимо было определить и интерпретировать понятие *фактор* в контексте заявленной проблемы. Под фактором может подразумеваться «момент, существенное обстоятельство в каком-н. процессе, явлении» [Толковый словарь русского языка, с. 736] или «движущая сила, причина какого-л. процесса, явления, определяющая его характер» [Ефремова, с. 889]. Под факторами успешности овладения искусством музыкальной импровизации мы в самом широком смысле понимаем *внешние и внутренние условия, движущие силы, психические процессы и состояния, определяющие возможность и положительный конечный результат овладения им.*

Данные факторы рассматривались в работах отечественных и зарубежных исследователей, имеющих отношение к театральной, музыкальной, педагогической и иной деятельности. Так, факторы успешного овладения педагогической импровизацией были рассмотрены В. Н. Харькиным [Харькин]. К ним он относит «общекультурные и психолого-педагогические знания, умения, навыки, в том числе о природе творчества вообще и педагогического в частности, опыт; творческая доминанта, включающая развитые внимание (концентрированное и одновременно распределенное), воображение, состояние творческого поиска педагога; специальные знания о сущности педагогической импровизации, умения и навыки импровизирования» [Там же, с. 7]. Лабильность и высокую скорость протекания нервных процессов, мотивационную ориентацию на публичность творческой деятельности выделяет М. А. Григорьева [Григорьева, 2014, с. 344], а ведущими показателями при определении способности к импровизации она считает скорость и оригинальность.

Важно отметить, что приведенные исследователями факторы представляют значимость и для овладения искусством музыкальной импровизации.

Феномену *музыкальной импровизации*, присущим ему особенностям и факторам, способствующим обучению импровизации, были посвящены работы А. Д. Алексеева, Л. М. Борухзон, С. А. Гильманова, С. М. Мальцева, А. А. Никитина, М. А. Сапонова, Г. И. Шатковского, Ferand E., Lehman A. C., Sloboda J.A., Wollnes G. P., Woody R.H. и др. Так, Г. И. Шатковский отмечал важность триединства музыкальной теории, му-

зыкального слуха и музыкальной практики [Шатковский, с.7]. Мотивационно-целевые установки, которые «заставляют музыканта обращаться к импровизации, совершенствовать ее, импровизировать на сцене, несмотря на боязнь неудачи», выделял С. А. Гильманов [Гильманов, с. 116], желание и волю – А. Л. Маклыгин [Маклыгин, с. 4]. Л. М. Борухзон отмечала, что для обучения импровизации учащегося необходимо «обогащать его память значительным запасом элементов музыкальной речи, научить свободно владеть тональностями, развить мелодический и гармонический слух» [Борухзон, с. 238]. А. А. Никитин выделял формулы и организационно-методические модели, на основании которых может строиться обучение музыкальной импровизации [Никитин]. С. М. Мальцев указывал на важность основных принципов обучения, в числе которых: «изучение отдельных элементов – „слов“ музыкального языка (ладов, типовых попевок, стереотипов орнаментики, аккордов и их соединений и т. п.), изучение правил соединения этих элементов („грамматика“ и „синтаксис“) через импровизацию и композицию <...>, высказывание „на музыкальном языке“ по определенным моделям и образцам» [Мальцев, с.180]. Также исследователи выделяют факторы психологического ряда: антиципацию, восприятие и способности, необходимые для овладения искусством музыкальной импровизации.

Способности к импровизации рассматривались в работах М. В. Григорьевой [Григорьева, 2014]; [Григорьева, 2016]. Выполненный ею корреляционный анализ показал «взаимосвязь между такими показателями импровизации <...>, как скорость, оригинальность, беглость, гибкость, разработанность, и личностными факторами¹, такими как независимость, смелость, уверенность в себе» [Григорьева, 2014, с.243–246]. Так же, по ее мнению, «в основе импровизации лежат интуитивные бессознательные процессы, связанные с активностью правого полушария мозга, обеспечивающие способность к одномоментному восприятию и оценке объекта, инкубацию и рождение творческой идеи» [Там же, с. 344].

Результаты изучения способностей, необходимых для овладения *музыкальной импровизацией*, приведены в работах С. А. Гильманова, С. М. Мальцева, А. А. Никитина, А. Л. Маклыгина и др. Выявление музыкальных способностей, потенциально необходимых для овладения искусством музыкальной импровизации, представляет серьезную научную проблему, которая пока еще

¹ Отмеченные ею *личностные факторы* могут трактоваться и как *качества*.

не нашла своего разрешения, в том числе и на методологическом уровне. Исследователи не определяют иерархическую систему способностей, ее структуру, категории, специфику, особенности выявления, содержания и развития каждой из них, а также связь *общей способности* к музыкальной импровизации с *отдельными способностями*, такими как мышление и воображение, со *свойствами*, а также со степенью интеллектуального, эмоционального и художественного развития. Эта психологическая проблема пока еще ожидает своего компетентного разрешения. Тем не менее, в числе наиболее важных, помимо специфических способностей к музыкальной импровизации, исследователи выделяют способность к антиципации, к комбинированию, предсказания фактуры и ее развития и т. д.

Качества, необходимые для овладения навыками и искусством музыкальной импровизации, были представлены в работах Г. И. Шатковского [Шатковский], С. О. Мильтоняна [Мильтонян], А. Л. Маклыгина [Маклыгин].

Условия для овладения музыкальной импровизацией выделяют С. М. Мальцев, А. А. Никитин, Ю. П. Козырев [Козырев], Л. М. Борухзон и др.

Результаты изучения источников позволяют сделать вывод о том, что система факторов может формироваться за счет категорий *личностного, социального, психологического, педагогического, социокультурного, образовательного, профессионального, возрастного статуса, их сторон и особенностей*, а также *организационных, педагогических, методических условий, обладающих рядом специфических характеристик и имеющих уникальное содержание*. Они могут быть сгруппированы по трем блокам.

1. Блок психических факторов

Включает иерархически выстроенную систему и структуру свойств психики человека, процессов и психических образований, определяющих группы способностей и качеств. Они были достаточно полно представлены в работе Ю. А. Цагарелли [Цагарелли, с. 21–23, 40]. Рассмотрим компоненты этой структуры в контексте нашей проблематики.

Психические свойства индивида. На основании результатов исследований Б. М. Теплова и В. Д. Небылицина [Теплов, Небылицин], Ю. А. Цагарелли [Цагарелли] мы обозначаем ряд психических свойств, имеющих отношение к овладению искусством импровизации и музыкальной импровизации: сила и слабость нервной системы, динамика процессов возбуждения и торможения, скорость протекания нервных процессов [Теплов, Небылицин], влияющих на мобильность,

адаптивность, сосредоточенность, концентрацию внимания и т. д.

Психологические свойства личности. По мнению Ю. А. Цагарелли, они включают «направленность личности, потребности, мотивы, тревожность, эмоциональную реактивность» [Цагарелли, с.23], «надежность в экстремальной ситуации, психоэмоциональную устойчивость, устойчивость психомоторики, стабильность, устойчивость мышления, саморегуляция» [Там же, с.40]. Эти свойства личности имеют прямое отношение и к процессам музыкальной импровизации. К ним можно было бы причислить интеллектуальную развитость, от которой в значительной степени зависит успешность обучения музыкальной импровизации.

Психические процессы. К психическим процессам исследователи относят ощущения, восприятие, память, мышление, воображение, внимание и процессы в области психомоторики (см.: [Цагарелли]). Кроме этого, интуитивный или дискурсивный типы мышления выделяет Е. Ю. Савин [Савин].

Психические состояния индивида. Отражают не только психологические, но и соматические и физиологические особенности функционирования человеческого организма, особенности его отношения с окружающей средой. На психологическом уровне они характеризуются изменениями психических функций и настроений человека: воля – апатия, замкнутость – гиперкоммуникабельность, открытость, завышение – занижение самооценки и т. д., состояние творческого поиска педагога и обучающегося, эмоциональный подъем, инсайт и т. д.

Социально-психологические свойства. Разделяются на основании отношения к психическим функциям, присущим деятельности в музыкальной сфере (речь, музыкальная речь и музыкально-смысловое интонирование, музыкальное общение, игра), и отражают особенности «деятельности, поведения и отношения человека», «обеспечивают взаимодействие и общение между людьми и особенно важны в деятельности типа человек – человек» (например, в деятельности руководителя, учителя, артиста и т. п.). На социально-психологическом уровне представлены «такие категории и взаимосвязанные с ними свойства личности, как коммуникативные и организаторские способности, замкнутость, тактичность и т. д.» [Цагарелли, с. 23].

Социальные свойства. К ним относят: лидерство, сплоченность, референтность (то есть отношение к потребностям и ценностной ориентации коллектива), а также свойства, связанные с особенностями деятельности, поведения и отно-

шения: формальное и неформальное лидерство, мировоззрение индивидуума [Там же].

Способности. Занимают особое место в системе факторов. Несмотря на разницу в понимании сущности способностей и их статуса, отраженную в работах Б. М. Теплова, Д. К. Кирнарской, Ю. А. Цагарелли и др., следует учитывать отношение способностей к следующим сферам:

а) к процессам восприятия, запоминания, мышления, воображения, создания нового (креативные), к эмоциональному переживанию (эмпатийные), к воспроизведению определенного содержания (репродуктивные), к выполнению точных и тонких движений, к их координации, необходимой для выполнения деятельности в определенной сфере;

б) к выполнению определенной музыкальной деятельности (композиции, транспонированию, подбору по слуху, исполнению на инструменте и т. д.).

Также можно выделить ряд способностей, предполагающих одновременное их функционирование в *интегрированном варианте* в процессе выполнения определенной деятельности, например, способности к координации слуха и моторики при исполнении музыкальных произведений разных стилей и жанров; к модулированию в тональностях (подготовленному и неподготовленному); к освоению звуковых комплексов в процессе игры двумя руками и даже ногами (например, при исполнении на органе); к интеграции образной и звуковой сфер и т. д.

К способностям, без которых музыкальная импровизация в принципе не может состояться, следует отнести: музыкальный слух во всех его проявлениях (мелодический, ладовый, гармонический и т. д.), музыкально-ритмическое чувство, музыкальное мышление (предметное, образное, логическое, абстрактное; способность к анализу и др.), музыкальное воображение (способность к быстрым изменениям характера, тональностей, ритма, жанра, стиля и др.), эмпатийность как способность к сопереживанию и сама способность к передаче эмоциональных состояний, что особенно важно при импровизировании в различных жанрах и стилях; психомоторные способности.

Качества индивида, необходимые для овладения искусством музыкальной импровизации, обусловлены особенностями индивида соматического, физиологического, личностно-психологического, социально- и генетически детерминированного статуса. Являясь отражением воле-свойств индивида в их различных состояниях и сочетаниях, качества представляются важнейшей категорией в системе факторов.

К важнейшим качествам музыканта-импровизатора, входящим в число личностных факторов, М. В. Григорьева относит «независимость, смелость, уверенность в себе» [Григорьева, 2014, с. 347]. К ним также можно отнести целеустремленность, настойчивость, сообразительность, утонченность натуры, развитый музыкально-художественный вкус, компетентость в музыкально-художественных стилях, предрасположенность к импровизированию и др.

При рассмотрении системы факторов психологического блока следует учитывать, что они могут обладать признаками поливалентности (так, например, креативность может относиться и к способностям, и к свойствам, и к качествам). Также особо необходимо отметить присущие этому блоку *комплексные психические образования*, которые не могут быть конкретно отнесены ни к качествам, ни к свойствам, ни к способностям, но отражают их симбиоз (гуманистическое, художественно-творческое мировоззрение, интеллигентность и т. д.).

2. Блок социальных и социально-культурных факторов

Включает *социальные условия* (информационные, индустриальные, социально-культурные, этнокультурные, конфессиональные и т. д.), а также особенности развития конкретного социума или социальной группы, которые могут оказывать существенное влияние на процесс обучения искусству музыкальной импровизации. Необходимыми *социокультурными условиями* являются: состояние социокультурной сферы в определенном регионе проживания; отношение конкретного социума к искусству, музыкальному искусству и его видам; востребованность и доступность предметов искусства; наличие интереса социальных слоев к искусству музыкальной импровизации в определенных видах и формах (например, в бытовых условиях при исполнении песен в стихийно сложившихся ансамблях).

3. Блок образовательных и музыкально-образовательных факторов

Включает: а) наличие учреждений системы образования и организаций, музыкальных инструментов; б) организационно-методические условия (наличие образовательных моделей, образовательных программ², методико-технологической базы; уровня методической подготовки педагогов, необходимого для выполнения задач, связанных с обучением импровизации; степень раз-

² Например, модель обучения импровизации Джонсона-Лейрда [Гильманов, с.116], технологии обучения джазовой импровизации в колледже Беркли (США) и т. д.

вития компетенций обучающихся, необходимых для успешного овладения искусством музыкальной импровизации); в) психолого-педагогические условия (возможность создания ситуации психологического комфорта, положительной психо-эмоциональной атмосферы на уроке, «звучко-образная интрига») [Маклыгин, с. 4].

В рамках этого блока особое место занимают *результаты музыкально-образовательной деятельности* – знания, умения, навыки, полученные при освоении теории и в практической деятельности; компетенции в состоянии их развития: а) музыкальные знания (ладов, стилей и жанров, музыкальных форм, основ импровизирования и др.); б) навыки и умения (слуховые, игровые, мышления и воображения, слухо-моторные связи и т. д.); в) сформированные предрасположенность к импровизированию и мотивация к ней; г) «импровизационная» компетентность как итог обучения.

Необходимо отметить, что приведенные выше факторы по-разному проявляют себя в различных процессах музыкальной импровизации. Так, если в вокальной импровизации от обучающегося требуются прежде всего умения координировать внутренний слух, образную сферу и звучание голоса, строить певческий аппарат в соответствии со стилем, жанром, содержанием и целями творческого задания, то процесс импровизирования в классе струнно-смычковых инструментов связан не только со слухо-моторной координацией, но и с необходимостью учитывать качество соединения смычка со струной, с координацией движений правой и левой рук, обусловленной необходимостью качественного интонирования и др.

Выявленная и представленная нами в статье система факторов может служить организационной, научно-педагогической, психологической и методической основой для обучения искусству музыкальной импровизации, а их учет – способствовать эффективному решению проблем овладения этим искусством и решению ряда образовательных задач.

Список литературы

Борухзон Л. М. О детском музыкальном театре как форме творческого развития ребенка // Музыкальное воспитание в СССР. Вып. 2 М.: Сов. композитор, 1985. С. 237–252

Гильманов С. А. Психологические характеристики способностей к музыкальной импровизации // Вестник Югорского государственного университета. Ханты-Мансийск: Издательство: Югорский государственный университет, 2016. Выпуск 1 (40). С. 116–123.

Григорьева М. В. Личностные факторы развития способности импровизации в младшем школьном возрасте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар: Адыгейский государственный университет. № 6–1, 2014. С. 243–246.

Григорьева М. В. Развитие способности к импровизации у младших школьников в художественной деятельности: автореф. дис... канд. психол. наук: Санкт-Петербург, 2016. 28 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.

Козырев Ю. П. Импровизация – путь к музыке для всех // Музыкальное воспитание в СССР. Выпуск второй. М.: Советский композитор, 1985. С. 252–271.

Маклыгин А. Л. Импровизируем на фортепиано. М.: Престо, 1995. Вып. 1. 32 с.

Мальцев С. М. О психологии музыкальной импровизации. М.: Музыка, 1991. 88 с.

Мильтонян С. О. Педагогика гармоничного развития музыканта: новая гуманистическая образовательная парадигма. С.-Пб: Планета музыки, 2020. 324 с.

Никитин А. А. Импровизация как вид творчества. URL: http://xn--b1ae6c2a.xn--p1ai/nauchnye_statji/improvizaciya/ (дата обращения: 18.09.2020).

Савин Е. Ю. Методика изучения склонности к педагогической импровизации и самооценки опытности: конструирование и апробация // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» URL: <http://www.psyedu.ru/> / ISSN: 2074-5885 / E-mail: psyedu@mgppu.ru. 2012, № 1. (дата обращения: 24.12.2020)

Теплов Б. М., Небылицин В. Д. Изучение основных свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий / Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 38–47.

Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.

Харькин В. Н. Педагогические импровизации в профессиональной деятельности учителя: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: Москва, 1992. 32 с.

Цагарелли Ю. А. Системная диагностика человека и развитие психических функций: учебное пособие. Ин-т экономики, упр. и права (г. Казань), Междунар. науч.-произв. об-ние «Акцептор». Казань: Познание, 2009. 491 с.

Шатковский Г. И. Развитие музыкального слуха. М.: Амрита-Русь, 2012. 208 с.

References

Borukhzon, L. M. (1985). *O detskom muzykal'nom teatre kak forme tvorcheskogo razvitiia rebenka* [On Children's Musical Theater as a Form of Creative Development of the Child]. *Muzykalnoe vospitanie v SSSR*. Pp. 237–252. Moscow, Sovetskii kompozitor. (In Russian)

Gil'manov, S. A. (2016). *Psikhologicheskie kharakteristiki sposobnostei k muzykal'noi improvizatsii*

[Psychological Characteristics of Musical Improvisation Abilities]. Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 1 (40), pp. 116–123. (In Russian)

Grigor'eva, M. V. (2014). *Lichnostnye faktory razvitiia sposobnosti mprovizatsii v mladshem shkol'nom vozraste* [Personal Factors in the Development of the Ability to Improvise in Primary School Age]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Krasnodar, Adygeiskii gosudarstvennyi iuniversitet. No. 6–1, pp. 243–246. (In Russian)

Grigor'eva, M. V. (2016). *Razvitie sposobnosti k improvizatsii u mladshikh shkol'nikov v khudozhestvennoi deiatel'nosti: avtoref. dis... cand. ps. nauk* [Development of the Ability to Improvise in Junior Schoolchildren in Artistic Activities: Ph.D. Thesis Abstract]. St. Petersburg, 28 p. (In Russian)

Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Word-formational]. 1084 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Harkin V. N. (1992). *Pedagogicheskie improvizatsii v professional'noi deiatel'nosti uchitelia: avtoref. diss... d-raped. nauk* [Teaching Improvisations in the Professional Activities of the Teacher: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 32 p. (In Russian)

Kozyrev, Iu. P. (1985). *Improvizatsiia – put' k muzyke dlia vsekh* [Improvisation is the Way to Music for All]. Muzykalnoe vospitanie v SSSR. Pp. 252–271. Moscow, Sovetskii kompozitor. (In Russian)

Maklygin, A. L. (1995). *Improviziruem na fortepiano* [Improvising on the Piano]. Issue 1. 32 p. Moscow, Presto. (In Russian)

Maltsev, S. M. (1991). *O psikhologii muzykal'noi improvizatsii* [On the Psychology of Musical Improvisation]. 88 p. Moscow, Musyka. (In Russian)

Miltonian, S. O. (2003). *Pedagogika garmonichnogo razvitiia muzykanta: novaia gumanisticheskaia*

obrazovatel'naia paradigma [Pedagogy of the Harmonious Development of the Musician: A New Humanistic Educational Paradigm]. 324 p. Tver, Planeta Muzyki. (In Russian)

Nikitin, A. A. (2011). *Improvizatsiia kak vid tvorchestva* [Improvisation as a Kind of Creativity]. URL: http://xn--b1ae6c2a.xn--p1ai/nauchnye_statji/improvizatsiya/ (accessed: 18 09.2020). (In Russian)

Savin, E. Yu. (2015). *Metodika izucheniia sklonnosti k pedagogicheskoi improvizatsii i samoootsenki opytnosti: konstruirovaniye i aprobatziia* [Method of Studying the Propensity for Pedagogical Improvisation and Self-esteem of Experimentation: Design and Testing]. Elektronnyi zhurnal "Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie". URL: <http://www.psyedu.ru/> ISSN: 2074–5885 / E-mail: psyedu@mgppu.ru. 2012, No. 1 (accessed: 24.12.2020). (In Russian)

Teplov, B. M., Nebylitsyn, V. D. (1963). *Izucheniye osnovnykh svoystv nervnoi sistemy i ikh znachenie dlia psikhologii individual'nykh razlichii* [Study of the Fundamental Properties of the Nervous System and Their Importance for the Psychology of Individual Differences]. Voprosy psikhologii. No. 5, pp. 38–47. (In Russian)

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka (2012) [The Dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. S. I. Ozhegov ; pod obschch. red. L. I. Skvortsova. 28-e izd., pererab. 1375 p. Moscow, Mir i Obrazovanie, ONIKS. (In Russian)

Shatkovskii G. I. (2012). *Razvitie muzykal'nogo slukha* [Development of Musical Hearing]. 208 p. Moscow, Amrita-Rus. (In Russian)

Tsagarelli U. A. (2009). *Sistemnaia diagnostika cheloveka i razvitie psikhicheskikh funktsii : uchebnoe posobie* [Systemic Human Diagnosis and Development of Mental Functions: A Training Manual]. 491 p. Kazan, In-t Ekonomiki, upr. iprava. (In Russian)

The article was submitted on 30.04.2021

Поступила в редакцию 30.04.2021

Гоптарев Владимир Николаевич,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанская государственная консерватория
имени Н. Г. Жиганова,
420015, Россия, Казань,
Большая Красная, 38.
VGoptarev@yandex.ru

Жданова Надежда Александровна,
преподаватель,
соискатель К(П)ФУ,
«Детская школа искусств»
Авиастроительного района г. Казани,
420127, Россия, Казань,
Чапаева, 3А.
Nadezd_zda@Bk.ru

Goptarev Vladimir Nicolaevich,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
N. G. Zhiganov Kazan State Conservatory,

38 Bolshaya Krasnaya Str.,
Kazan, 420015, Russian Federation.
VGoptarev@yandex.ru

Zhdanova Nadezhda Aleksandrovna,
Teacher,
Ph.D. applicant,
Children's School of Arts in Aviaostroitelnyi
District,
3A Chapayev Str.,
Kazan, 420127, Russian Federation.
Nadezd_zda@Bk.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-261-269
УДК 372.881.161.1

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ДЕТЬМИ МИГРАНТОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

© Елена Железнякова

DIAGNOSTICS OF MIGRANT CHILDREN'S RUSSIAN LANGUAGE PROFICIENCY IN PRIMARY SCHOOL

Elena Zhelezniakova

The problem of teaching Russian to migrant children is widely considered in modern science. Researchers are looking for effective approaches to teaching young foreign speakers in a language environment. The development of such approaches is impossible without the diagnosis of Russian language proficiency of children studying at modern Russian schools.

The purpose of this study is to analyze the results of the diagnosis conducted with the aim to test the Russian language proficiency of first-graders, foreign speakers, and to identify the language aspects that should be included in the content of teaching Russian as a non-native language in the 1st grade. To achieve this goal, we used such methods as a theoretical analysis and synthesis of scientific and methodological literature, a diagnostic testing of students and processing of its results using classification and analysis, the method of probabilistic forecasting to hypothesize the need to include specific language aspects in teaching Russian as a non-native language to first-graders.

It was revealed that listening skills of first-graders are better developed than speaking. Accordingly, the additional course should include purposeful and systematically organized work on monologue speech, constructed in accordance with the methodological principles of teaching a non-native language. A correction course in the 1st grade should contain such grammatical topics, difficult for foreign speakers, as the gender and case of nouns and adjectives, the past and future tense of verbs. At the same time, the study should be organized in accordance with the functional approach to the Russian language grammar. Since students are proficient in elementary level vocabulary, the lexical material should be selected based on textbooks for the 1st grade. Special attention should be paid to the cognition of Russian culture.

The results of the language diagnostics can be used in further scientific research into the methods of teaching Russian as a non-native language, in the creation of teaching materials for children of migrants, as well as in the course "Methods of Teaching Russian as a Non-Native Language" in higher education institutions.

Keywords: children of migrants, Russian as a non-native language, language diagnostics, correction course.

Проблема обучения детей мигрантов русскому языку широко рассматривается в современной науке. Исследователи ищут эффективные подходы к обучению инофонов младшего возраста в условиях языковой среды. Разработка таких подходов невозможна без диагностики уровня владения русским языком у детей, обучающихся в современных российских школах.

Цель настоящего исследования заключается в анализе результатов диагностики уровня владения русским языком у первоклассников-инофонов и выявлении языковых аспектов, которые должны быть включены в содержание обучения русскому языку как неродному в 1 классе. Для достижения этой цели использовались такие методы, как теоретический анализ и синтез научно-методической литературы, диагностическое тестирование учащихся и обработка его результатов при помощи классификации и анализа, метод вероятностного прогнозирования для выдвижения гипотезы о необходимости включения в обучение нерусскоязычных первоклассников конкретных языковых аспектов.

Было выявлено, что аудирование у первоклассников развито лучше, чем говорение. Соответственно, в коррекционный курс необходимо включать целенаправленную и системно организованную работу над монологической речью, строящуюся в соответствии с принципами методики обучения неродному языку. Дополнительный курс в 1 классе должен содержать такие сложные для инофонов грамматические темы, как род и падеж имен существительных и имен прилагательных, прошедшее и будущее время глагола. При этом изучение должно быть организовано в соот-

ветствии с функциональным подходом к грамматике русского языка. Поскольку учащиеся владеют лексикой элементарного уровня, лексический материал должен быть отобран на основе учебников для 1 класса. Особое внимание в процессе обучения целесообразно уделить постижению русской культуры.

Результаты языковой диагностики могут быть использованы в дальнейших научных работах в области методики обучения русскому языку как неродному, в проектировании учебно-методических материалов для детей мигрантов, а также в курсе методики обучения русскому языку как неродному в вузах.

Ключевые слова: дети мигрантов, русский язык как неродной, инофон, языковая диагностика, коррекционный курс.

Введение

Сегодня проблема обучения детей мигрантов в российских школах широко обсуждается как учеными-методистами и учителями, так и представителями власти. Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям отметил необходимость глубокой адаптации детей мигрантов к российской языковой среде [Путин рассказал, сколько детей мигрантов должно быть в школах]. Очевидно, что для подобной адаптации недостаточно обучать инофонов в одном классе с русскоязычными детьми. Требуется многоаспектная работа, включающая языковое, социокультурное и психологическое сопровождение учащихся.

Одним из основных направлений адаптации детей мигрантов к жизни в российском обществе является изучение русского языка. В настоящее время не существует единой общепринятой системы диагностики уровня владения русским языком для детей мигрантов. Обычно они зачисляются в класс в соответствии с возрастом, что приводит к образованию поликультурных разновневных классов. Для того чтобы приблизить уровень коммуникативной компетенции инофонов к уровню их русскоязычных одноклассников, школьный курс русского языка должен быть дополнен коррекционными внеурочными занятиями, организованными с применением специальных образовательных технологий. Как правило, подобная внеурочная деятельность ограничена 2-3 часами в неделю, поэтому для разработки коррекционного курса важно определить «проблемные точки», на которых целесообразно сосредоточиться в обучении.

Особый интерес представляет языковая адаптация первоклассников-инофонов. Ранний школьный возраст наиболее благоприятен для овладения неродным языком, поэтому важность соответствующей работы на этом этапе обучения сложно переоценить. Обычно первые месяцы в российской школе – это, прежде всего, социокультурная адаптация. Учащиеся погружаются в русскоязычную среду не только в бытовой, но и

в учебной сферах, выстраивают взаимоотношения с одноклассниками и учителями, осваивают нормы поведения в школе и правила речевого этикета. Спустя некоторое время стихийная языковая адаптация, осуществляющаяся за счет среды, должна дополняться целенаправленными занятиями по русскому языку как неродному.

Цель настоящего исследования заключается в анализе результатов диагностики уровня владения русским языком у первоклассников-инофонов и выявлении языковых аспектов, которые должны быть включены в содержание обучения русскому языку как неродному в 1 классе российской школы.

Для достижения этой цели использовались следующие методы:

- теоретический анализ и синтез научно-методической литературы;
- диагностическое тестирование учащихся и обработка его результатов при помощи классификации и анализа;
- метод вероятностного прогнозирования для выдвижения гипотезы о необходимости включения в обучение нерусскоязычных первоклассников конкретных языковых аспектов.

Обзор изученности темы

Проблема языковой адаптации нерусскоязычных учащихся начальных классов привлекла внимание исследователей около 15 лет назад, когда активная миграция стала причиной возникновения поликультурных классов в российских школах [Быстрова, Воителева], [Зборовский, Шуклина], [Лысакова], [Федорова, Панова], [Gromova, Khairutdinova]. Тем не менее вопрос диагностики уровня владения русским языком у детей мигрантов и выявления типичных ошибок до сих пор не решен, несмотря на его актуальность и востребованность.

Популярны диагностические материалы для детей-билингвов Е. А. Хамраевой [Хамраева, 2013], [Хамраева, 2020] и Н. В. Гагариной, А. Класерт и Н. Топаж [Гагарина, Класерт, Топаж], однако они созданы для детей, проживающих за

рубежом и освоивших русский язык на бытовом уровне в семье.

В отсутствие общепризнанных диагностических материалов для инофонов исследователи обращаются к методикам диагностики устной речи для русскоязычных младших школьников, например, к методике Т. А. Фотековой [Фотекова], [Обучение русскому языку детей-мигрантов младшего школьного возраста...]. На наш взгляд, этот путь не является оптимальным для детей мигрантов, подобные методики не могут использоваться в неизменном виде. Авторы статьи о проведенной в соответствии с этой методикой диагностике выявили, что большинство испытуемых характеризуется низким уровнем развития речи. Исследователи выделили некоторые проблемные зоны (лексика, грамматика), но без конкретизации ошибок.

Е. Л. Какорина и Н. Л. Смирнова предлагают использовать такую форму диагностики, как урок-тестирование [Какорина, Смирнова, с. 41]. Представляется, что это довольно сложная технология с точки зрения фиксации результатов конкретного ребенка, поскольку в процессе урока используются не только индивидуальная, но и фронтальная и групповая формы работы. Тем не менее, апробация тестирования в полиэтническом классе Екатеринбурга (15 испытуемых-инофонов) позволила выделить некоторые аспекты, требующие корректировки в курсе неродного языка для учащихся 3 класса.

Большой интерес представляет «Входное тестирование по русскому языку и русской культуре для детей мигрантов, поступающих в московские школы», разработанное сотрудниками Лаборатории стратегии формирования вторичной языковой личности в преподавании русского языка как иностранного Московского государственного педагогического университета [О входном тестировании детей мигрантов по русскому языку и русской культуре]. Авторы создали многоуровневую систему диагностических тестов, позволяющих осуществить как входную, так и промежуточную проверку уровня владения русским языком. Также существует пособие, созданное специально для детей мигрантов Е. В. Капелюшник и Е. А. Шериной [Капелюшник, Шерина]. К сожалению, данные о результатах диагностики, осуществленной с помощью названных методик, не являются общедоступными, так как они не получили широкого распространения.

Таким образом, несмотря на запрос учителей и интерес исследователей к проблеме диагностики уровня владения русским языком у детей мигрантов, в настоящее время отсутствует обще-

принятая методика диагностики. Опубликованные результаты диагностических мероприятий с использованием различных методик носят фрагментарный характер и, как правило, получены на основе анализа данных небольшого количества испытуемых. Сведений о результатах текущего контроля уровня владения русским языком у первоклассников-инофонов нами обнаружено не было.

Обсуждение результатов исследования

В соответствии с поставленной целью исследования были разработаны диагностические материалы, предназначенные для детей с неродным русским языком, обучающихся в 1 классе российских школ. Как было сказано ранее, дополнительные занятия по русскому языку как неродному целесообразно начинать после первичной социокультурной адаптации детей, а именно – со второго полугодия 1 класса. На уроках русского языка школьники знакомятся с русскими буквами и звуками, учатся читать и писать. В связи с этим представляется, что дополнительный курс должен быть посвящен формированию и развитию коммуникативной компетенции в области устных видов речевой деятельности. В тестирование были включены задания, проверяющие сформированность умений и навыков аудирования и говорения и языковую компетенцию в области лексики и грамматики. Кроме того, одно из заданий было посвящено проверке уровня знакомства с русской культурой.

В исследовании приняли участие 112 человек – учащиеся 1 класса школ Санкт-Петербурга, Ленинградской и Астраханской областей. Для всех испытуемых русский язык не является родным, однако степень владения этническим языком различна: некоторые испытуемые владеют им только на бытовом уровне, другие читают и пишут на родном языке. Родными языками первоклассников являются казахский, киргизский, узбекский, азербайджанский, таджикский.

Тестирование проводилось в устной форме, индивидуально с каждым испытуемым. После процедуры тестов составитель отчет, в котором данные об уровне владения русским языком инофонами сопровождалось комментарием в свободной форме, позволяющим обратить внимание на обнаруженные в ходе диагностики нюансы, которые показались важными тестору.

Первое задание представляло собой беседу-знакомство с учащимся и было направлено на проверку сформированности умений и навыков говорения. Испытуемым давались задания, позволяющие продемонстрировать как монологическую, так и диалогическую речь.

1. Расскажи о себе.

Возможные наводящие вопросы: *Как тебя зовут? В каком классе ты учишься?*

2. Расскажи о своих друзьях.

Возможные наводящие вопросы: *У тебя есть друзья? Как их зовут? Какие они? Что вы любите делать вместе?*

При оценивании ответов учитывались скорость реакции, самостоятельность и полнота высказываний. В соответствии с этими критериями ответам присваивалось от 0 до 3 баллов, где 0 – отсутствие ответа, 3 – самостоятельный и полный ответ. Языковая правильность высказываний во внимание не принималась. Результаты выполнения первого задания представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Говорение

Задание	Средний балл	Результат в %
1. Расскажи о себе.	2,25	75
2. Расскажи о своих друзьях.	1,65	55

Диагностика позволила выявить, что навыки монологической речи на русском языке у учащихся не сформированы: практически никто не смог выполнить задание без наводящих вопросов тестора. Ответить на вопросы о себе учащимся оказалось легче, чем на вопросы о друзьях, что объясняется частотностью первой темы в общении первоклассников. В среднем уровень компетенции инофонов в области говорения на русском языке – 65%.

Во втором задании проверялась лексическая компетенция школьников. Слова были отобраны на основе лексического минимума для элементарного уровня владения русским языком как иностранным и учебника по русскому языку для 1 класса учебно-методического комплекса «Школа России» (это наиболее распространенный учебно-методический комплекс, используемый в петербургских школах).

Учащимся предъявлялись картинки, изображавшие предметы, людей, животных, число, действия, и задавались вопросы: *Что / Кто это?* и *Что он / она делает?* Предварительно все картинки были апробированы на русскоязычных учащихся 1-2 классов (91 человек). Для диагностических материалов были отобраны изображения, на которые была дана однозначная вербальная реакция русскоязычных испытуемых. В процессе тестирования в случаях, когда давался правильный, но неточный ответ, тестор задавал уточняющий вопрос. Например, *Что это? – Цветок. Как называется этот цветок? – Ро-*

машка. Если учащийся не мог дать ответ на уточняющий вопрос, реакция оценивалась как неправильная. Фонетические и грамматические ошибки не учитывались при квалификации ответов. Результаты проверки лексической компетенции инофонов представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Лексика

Лексическая единица	Некоторые варианты ответов испытуемых	Количество правильных ответов в %
доска (школьная)	-	82,6
лестница	дорожка, ступеньки, лестницы	69,6
бабушка	-	100
медведь	мишка	95,7
воробей	птица, птичка, синичка	0
корова	-	91,3
дождь	капли воды, вода, капля	82,6
ветер	-	82,6
ромашка	цветок, цветочек, тюльпан, подсолнух, береза	43,5
береза	дерево, деревья, дуб, сосна	13
сорока	птица, птичка, ворона, синичка, голубь, дятел	0
рубашка	кофта, майка, пиджак	73,9
нога	-	91,3
восемнадцать	цифра, восемь, цифры один и восемь, цифры два и восемь, буквы	47,8
автобус	грузовик, троллейбус	95,7
сыр	-	100
нож	ножницы, меч	69,6
деньги	-	95,7
вокзал	поезд, паровоз, вагон, станция, трамвай, город, люди, аэропорт, подвал,	17,4
шкаф	-	100
памятник	статуя, лошадь и человек, картинка	13
писать	уроки	87
читать	-	100
кормить (животное)	-	82,6
дуть (о вет-	свистнул, злится,	78,3

ре)	говорит	
кататься на велосипеде	катается на самокате	73,9
летать (о птице)	-	100
есть	кушать	21,7
идти	бежать, шагом	60,9
болеть	-	82,6
строить	домик сделать	78,3

Результаты диагностики в области лексики свидетельствуют о том, что лексическая компетенция учащихся соответствует элементарному уровню владения русским языком как иностранным: дети хорошо знают слова, входящие в лексический минимум названного уровня. Однако единицы, которые выходят за рамки элементарного уровня, но активно используются в учебной сфере и встречаются в учебнике по русскому языку, знакомы инофонам не так хорошо. Значительные затруднения школьники испытывают при необходимости дифференциации наименований, связанных родо-видовыми отношениями: названий птиц, цветов и деревьев. Чаще всего в подобных случаях первоклассники употребляли гипероним, а после уточняющего вопроса тестора или отказывались от ответа, или давали неверный ответ.

Диагностика показала, что наиболее частотной лексической ошибкой учащихся является смешение близких по значению слов (*кофта* или *майка* вместо *рубашка*), которое может проявляться в назывании части вместо целого (*ступеньки* вместо *лестница*), общего вместо частного (*птица* или *птичка* вместо *воробей* или *сорока*, *цветок* или *цветочек* вместо *ромашка*, *дерево* вместо *береза*). В среднем уровень лексической компетенции первоклассников-инофонов составляет 69%.

Третье задание было направлено на проверку уровня грамматической компетенции нерусскоязычных школьников. Для диагностики были отобраны такие грамматические темы, как предложный падеж имен существительных с предлогами *в* и *о*, дательный падеж имен существительных в значении адресата, согласование полных имен прилагательных с именами существительными в именительном падеже, спряжение глаголов в настоящем времени, прошедшее и будущее время глагола. Данные темы соответствуют элементарному уровню владения русским языком как иностранным.

Для проведения диагностики использовались картинки, по которым тестор задавал вопросы, например: *Где дети? Какая это девочка? Какой мальчик?*

Результаты проверки грамматической компетенции инофонов представлены в таблице 3. Оценивалась только грамматическая правильность ответов.

Таблица 3.

Грамматика

Вопрос	Правильный ответ	Некоторые варианты ответов испытуемых	Количество правильных ответов в %
Где дети?	В школе	Школе (без предлога), школа, в школу	56,5
Какая это девочка?	Красивая, маленькая и т. д.	Маленький, красивый, читает, ученик, школьник	65,2
Какой мальчик?	Маленький, умный и т. д.	Маленькая, добрая	65,2
Кому читает мама?	Девочке, дочери, ребенку и т. д.	Детешку, детишку, дочку, дету	69,6
О чем она читает?	О зайце	Про зайку, про зайчика, про зайчик, о зайцем, на кролика, сказка, сказку, книжку	30,4
Какой это мяч?	Большой	Большая	82,6
А этот?	Маленький	Маленькая, маленькой	82,6
Что он делает?	Он пишет	Пишает	91,3
Что она делает?	Она играет	-	91,3
Что они делают?	Они читают	Читают	78,3
Что я сейчас делаю?	Вы пишете	Пишет, пишете, пишу, работает	52,2
Что ты делал / делала вчера?	Я играл / играла, гулял / гуляла и т. д.	Я делала писала, отдохнула	69,6
Что ты будешь	Я буду играть, гулять и	Я буду делать иг-	56,5

делать завтра?	т.д.	рать, буду принести задание, завтра рисовать	
----------------	------	--	--

Очевидно, что сложной темой для инофонов оказался падеж имен существительных, при этом наибольшие затруднения вызывает употребление предлогов. Наименее трудной темой является спряжение глаголов в настоящем времени, однако и здесь наблюдаются ошибки. Сложности в согласовании полных имен прилагательных с именами существительными связаны с тем, что категория рода отсутствует в тюркских языках, носителями которых в основном являются нерусскоязычные школьники. В среднем уровень грамматической компетенции первоклассников составляет 67,4%.

Четвертое задание предназначалось для проверки сформированности умений и навыков аудирования. Под аудитивным умением в методике обучения иностранному языку понимается «речевое умение, обеспечивающее возможность понимать смысл воспринимаемых на слух иноязычных текстов» [Азимов, Щукин, с. 27]. Аудитивный навык – это «речевая операция, доведенная до уровня автоматизма и связанная с узнаванием и различением на слух отдельных звуков и звуковых комплексов, в том числе различных типов интонационных конструкций в потоке речи» [Там же].

Тестор демонстрировал испытуемым картинку с изображением девочки и однократно читал текст, лексически и грамматически соответствующий элементарному уровню владения русским языком:

Посмотри на картинку. Это Маша. Маша учится в первом классе. Ей нравится читать и танцевать. У Маши есть кошка Мурка. Мурка любит пить молоко. Маша и Мурка играют вместе.

Для проверки сформированности аудитивных умений и навыков после прослушивания учащегося были заданы вопросы по тексту. Результаты этого этапа диагностики представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Аудирование	
Вопрос	Количество правильных ответов в %
Кто это?	91,3
В каком классе она учится?	100
Что нравится Маше?	43,5
Что нравится Мурке?	71,7

Что Маша и Мурка делают вместе?	87
---------------------------------	----

Диагностика выявила, что умения и навыки аудирования у учащихся сформированы на среднем уровне. В основном текст был понят, отсутствие ответов или неверные ответы преимущественно были связаны с действиями, которых в тексте было несколько: *читать, танцевать, пить молоко, играть*. Например, на вопрос *Что нравится Маше?* были получены такие ответы: *играть со своим Мурком, петь*. В среднем уровень сформированности аудитивных умений и навыков у детей составляет 78%.

Пятое задание было направлено на проверку уровня знаний инофонов о русской культуре. Возраст детей обусловил обращение к русским народным сказкам «Репка», «Колобок» и «Три медведя», первоклассникам необходимо было назвать сказку по иллюстрации. Ко второму полугодю первого класса учащиеся уже должны быть знакомы с этими фольклорными произведениями, так как обращение к ним происходит в процессе обучения грамоте в соответствии с «Азбукой», входящей в учебно-методический комплекс «Школа России».

Испытуемые получали от 0 до 2 баллов в зависимости от уровня их знаний: 0 баллов, если ребенок не знает сказку; 1 балл, если сказка знакома, но назвать ее первоклассник не может; 2 балла, если ребенок знает сказку и верно называет ее. Результаты выполнения этого задания представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Русская культура	
Сказка	Уровень знаний в %
Колобок	82
Репка	39
Три медведя	58

Дети мигрантов знакомы с русскими сказками, но знают их недостаточно хорошо. Обратим внимание на низкий результат в отношении сказки «Репка». В основном дети не узнавали сказку, а большинство из них не могли назвать овощ. Вероятно, это связано как с низкой частотностью лексической единицы *репка*, так и с неглубокой работой с текстом на занятиях по обучению грамоте. Вторая причина представляется вероятной, так как еще более редкая лексическая единица *Колобок* большинством детей называлась безошибочно. Это свидетельствует о важности тщательной работы с культурно значимыми текстами в аудитории детей мигрантов. Средний уровень знаний русских сказок у инофонов составляет 59%.

Выводы. Анализ научных публикаций, посвященных диагностике уровня владения русским языком у детей мигрантов, позволил обнаружить, что существующие диагностические материалы разнообразны, однако их применение носит локальный характер, и результаты исследований труднодоступны. Нами не были найдены данные, которые могли бы помочь разработать предметное содержание дополнительного курса по русскому языку как неродному для первоклассников-инофонов. Проведенная диагностика дает возможность определить, на какие аспекты развития языковой и коммуникативной компетенции учащихся следует направить основное внимание в рамках дополнительного учебного курса.

Было выявлено, что аудирование у первоклассников развито лучше, чем говорение (78% и 65% от нормы соответственно). Это свидетельствует о том, что дети привыкли воспринимать русскую речь на слух, однако их собственная речь на русском языке недостаточно корректируется. Учителям рекомендуется обращать больше внимания на речевые ошибки учащихся, постоянно исправлять их и использовать задания на развитие умений и навыков монологической речи. Подобная работа проводится в школьном курсе обучения русскому языку, однако она строится в соответствии с принципами методики обучения русскому языку как родному, что является неэффективным для детей мигрантов. Соответственно, в дополнительный курс необходимо включать целенаправленную и системно организованную работу над монологической речью, строящуюся в соответствии с принципами методики обучения неродному языку.

На удовлетворительном уровне находится развитие языковой компетенции (лексические и грамматические навыки). Дополнительный курс в 1 классе должен включать такие сложные для инофонов грамматические темы, как род и падеж имен существительных и имен прилагательных, прошедшее и будущее время глагола. При этом изучение должно быть организовано в соответствии с функциональным подходом к грамматике русского языка.

Диагностика показала, что учащиеся владеют лексикой элементарного уровня, поэтому целесообразно основываться исключительно на лексическом минимуме по русскому языку как иностранному. Для дополнительного курса должен быть произведен отбор лексического материала на основе учебников для 1 класса.

Особое внимание в процессе обучения должно быть уделено постижению русской культуры. Очевидно, что на школьных уроках в этом на-

правлении проводится большая работа, которая имеет результат, однако сложность предмета изучения требует дополнительных усилий педагогов, что возможно при условии проведения дополнительных занятий во внеурочное время.

Ни одна диагностика не может дать исчерпывающей информации о тех пробелах в языковой и коммуникативной компетенции, которые следует ликвидировать на дополнительных занятиях по русскому языку как неродному. В связи с этим диагностика должна применяться в совокупности с такими методами, как анализ ошибок в письменных работах и устной речи учащихся и сопоставительный анализ языков. Эти вопросы частично раскрыты нами в предыдущих исследованиях [Железнякова. Обучение тюркоязычных школьников..., 2020], [Железнякова. Фонетические ошибки в речи детей мигрантов..., 2020] и будут изучаться далее.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00213 «Этнокогнитивный подход к обучению детей русскому языку как иностранному и как неродному» (2019-2021 г.).

Список литературы

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2019. 496 с.
- Быстрова Е. А., Воинова Т. М. Социально-речевая адаптация детей мигрантов в общеобразовательной школе // Русский язык в школе. 2007. № 6. С. 95–96.
- Гагарина Н. В., Класерт А., Топаж Н. Тест по русскому языку для билингвальных детей. СПб.: Златоуст, 2015. 58 с.
- Железнякова Е. А. Обучение тюркоязычных школьников морфемной структуре слова на занятиях по русскому языку: этнокогнитивный подход // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 87–95.
- Железнякова Е. А. Фонетические ошибки в речи детей мигрантов с позиции этнокогнитивного подхода к обучению русскому языку // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 111–116.
- Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2(346). С. 80–91.
- Какорина Е. В., Смирнова Н. Л. Готовность детей мигрантов к обучению на русском языке: анализ результатов урока-тестирования // Филологический класс. 2016. № 2(44). С. 40–47.
- Капелюшник Е. В., Шерина Е. А. Тесты по русскому языку как иностранному (для детей мигрантов). Томск: Томский политехнический университет, 2013. 42 с.

Лысакова И. П. Новая реальность петербургской школы: русский язык как неродной // Мир русского слова. 2006. № 1. С. 73–79.

Обучение русскому языку детей-мигрантов младшего школьного возраста в условиях консультационного центра: постановка проблемы / Е. В. Грудева, Е. М. Иванова, И. А. Бучилова, Т. И. Алиева // В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 28. С. 12–19.

О входном тестировании детей мигрантов по русскому языку и русской культуре / Т. В. Савченко, Н. В. Постнова, Л. С. Аткина, М. С. Берсенева, Т. В. Лапутина // Русский язык как неродной: новое в теории и методике: Материалы IV международной научно-методической конференции (Москва, 16 мая 2014 г.). Чебоксары, 2015. С. 26–32.

Путин рассказал, сколько детей мигрантов должно быть в школах, 2021. URL: <https://ria.ru/20210330/migranty-1603465944.html> (дата обращения: 02.10.2021).

Федорова К. С., Панова Е. А. Иноэтничные дети в петербургской школе: мифы и реальность (по материалам социолингвистического исследования) // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 1. С. 81–102.

Фотекова Т. А. Тестовая методика диагностики устной речи младших школьников. М.: Айрис-пресс, 2007. 84 с.

Хамраева Е. А. Готов ли Ваш ребенок к обучению на русском языке? Диагностическая тетрадь дошкольника 6-7 лет. М.: Ювента, 2013. 32 с.

Хамраева Е. А. Комплексная диагностика детей, изучающих русский язык в образовательных организациях вне Российской Федерации: Дидактическое пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2020. 144 с.

Gromova C., Khairutdinova R. Cultural Diversity in Russian School: Results of Research of Elementary School Teachers' Experience with the Immigrant Children // ARPHA Proceedings. 2019. С. 977–987.

References

Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2019). *Sovremennyyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii. Teoriia i praktika obucheniia iazykam* [Modern Dictionary of Methodological Terms and Concepts. Theory and Practice of Language Teaching]. 496 p. Moscow, Russkii iazyk. Kursy. (In Russian)

Bystrova, E. A., Voiteleva, T. M. (2007). *Sotsial'no-rechevaia adaptatsiia detei migrantov v obshcheobrazovatel'noi shkole* [Social and Speech Adaptation of Migrant Children in Secondary Schools]. *Russkii iazyk v shkole*, No. 6, pp. 95–96. (In Russian)

Fedorova, K. S., Panova, E. A. (2006). *Inoetnichnye deti v peterburgskoi shkole: mify i real'nost' (po materialam sotsiolingvisticheskogo issledovaniia)* [Other-Ethnic Children in St. Petersburg Schools: Myths and Reality (based on a sociolinguistic study)]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, vol. 4, No. 1, pp. 81–102. (In Russian)

Fotekova, T. A. (2007). *Testovaia metodika diagnostiki ustnoi rechi mladshikh shkol'nikov* [Test

Method of Oral Speech Diagnostics of Younger School-children]. 84 p. Moscow, Airis-press. (In Russian)

Gagarina, N. V., Klasert, A., Topazh, N. (2015). *Test po russkomu iazyku dlia bilingval'nykh detei* [Russian Language Test for Bilingual Children]. 58 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

Gromova, C., Khairutdinova, R. (2019). *Cultural Diversity in Russian School: Results of Research on Elementary School Teachers' Experience with the Immigrant Children*. ARPHA Proceedings, pp. 977–987. DOI 10.3897/ap.1.e0928. (In English)

Obuchenie russkomu iazyku detei-migrantov mladshego shkol'nogo vozrasta v usloviakh konsul'tatsionnogo tsentra: postanovka problemy (2013) [Teaching Russian to Migrant Children of Primary School Age at Consultation Centers: Problem Statement]. E. V. Grudeva, E. M. Ivanova, I. A. Buchilova, T. I. Alieva. *V mire nauki i iskusstva: Voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii*, No. 28, pp. 12–19. (In Russian)

Kakorina, E. V., Smirnova, N. L. (2016). *Gotovnost' detei migrantov k obucheniiu na russkom yazyke: analiz rezul'tatov uroka-testirovaniia* [The Readiness of Migrants' Children to Schooling in Russian: The Arrangement of a Testing Lesson and the Analysis of Results]. *Filologicheskii klass*, No. 2 (44), pp. 40–47. DOI 10.26710/fk16-02-07. (In Russian)

Kapeliushnik, E. V., Sherina, E. A. (2013). *Testy po russkomu iazyku kak inostrannomu (dlia detei migrantov)* [Russian as a Foreign Language Tests for Migrant Children]. 42 p. Tomsk, Tomskii politekhnicheskii universitet. (In Russian)

Khamraeva, E. A. (2013). *Gotov li Vash rebenok k obucheniiu na russkom iazyke? Diagnosticheskaiia tetrad' doshkol'nika 6-7 let* [Is Your Child Ready to Study in Russian? A Diagnostic Book of a 6-7-Year Old Preschooler]. 32 p. Moscow, Iuventa. (In Russian)

Khamraeva, E. A. (2020). *Kompleksnaia diagnostika detei, izuchaiushchikh russkii iazyk v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vne Rossiiskoi Federatsii: Didakticheskoe posobie* [Comprehensive Diagnostics of Children Studying Russian in Educational Institutions outside the Russian Federation: A Didactic Manual]. 144 p. Moscow, Russkii iazyk. Kursy. (In Russian)

Lysakova, I. P. (2006). *Novaia real'nost' peterburgskoi shkoly: russkii iazyk kak nerodnoi* [New Reality of St. Petersburg Schools: Russian as a Non-Native Language]. *Mir russkogo slova*, No. 1, pp. 73–79. (In Russian)

O vkhodnom testirovanii detei migrantov po russkomu iazyku i russkoi kul'ture (2015) [Russian Language and Russian culture Entrance Tests for Migrant Children]. T. V. Savchenko, N. V. Postnova, L. S. Atkina, M. S. Berseneva, T. V. Laputina. *Russkii iazyk kak nerodnoi: novoe v teorii i metodike: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*, pp. 26–32. (In Russian)

Putin rasskazal, skol'ko detei migrantov dolzhno byt' v shkolakh (2015) [Putin Told How Many Migrant Children Should Be in Schools]. URL: <https://ria.ru/20210330/migranty-1603465944.html> (accessed: 02.10.2021). (In Russian)

Zborovskii, G. E., Shuklina, E. A. (2013). *Obuchenie detei migrantov kak problema ikh sotsial'noi adaptatsii* [Education of Migrant Children as a Problem of Their Social Adaptation]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, No. 2(346), pp. 80–91. (In Russian)

Zhelezniakova, E. A. (2020a). *Obuchenie tiurkoyazychnykh shkol'nikov morfemnoi strukture slova na zanyatiakh po russkomu iazyku: etnokognitivnyi podkhod* [Teaching Turkic-speaking Schoolchildren the Morphemic Structure of a Word in Russian Language Classes: An Ethnocognitive Approach]. *Vestnik*

Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, vol. 25. No. 189, pp. 87–95. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-87-95. (In Russian)

Zhelezniakova, E. A. (2020b). *Foneticheskie oshibki v rechi detei migrantov s pozitsii etnokognitivnogo podkhoda k obucheniiu russkomu iazyku* [Phonetic Errors in the Speech of Children of Migrants from the Position of Ethnocognitive Approach to Teaching the Russian Language]. *Mir russkogo slova*, No. 4, pp. 111–116. (In Russian)

The article was submitted on 02.10.2021

Поступила в редакцию 02.10.2021

Железнякова Елена Алексеевна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
199004, Россия, Санкт-Петербург,
1 линия В.О., 52.
elenazheleznyakova@yandex.ru

Zhelezniakova Elena Alekseevna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Herzen State Pedagogical University,
1st line of Vasilievsky Ostrov Str.,
St. Petersburg, 199004, Russian Federation.
elenazheleznyakova@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-270-274
УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ФЛОРОНИМОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Екатерина Лескова

FEATURES OF LEARNING PHRASEOLOGISMS WITH A FLORONYM COMPONENT IN CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS

Ekaterina Leskova

The article examines linguistic properties and the linguocultural value of phraseological units with a floronym component (a component containing the name of a plant) and studies methods and motivational features of the floronym vocabulary nomination. We also explore the symbolic images, underlying this vocabulary, and their role in the formation of the vegetative code of culture. This article analyzes various examples of the floristic component use in the phraseology of the Russian, English and French languages, which makes it possible to draw a conclusion about the similarities or differences in the worldview of different nations, the peculiarities of their cultural consciousness. The article also discusses methodological issues of teaching Russian phraseological units to foreign students, not only in order to expand their vocabulary and develop phraseological competence, but also in order to improve their linguistic and cultural knowledge, as well as their general communication skills necessary both for the professional growth of students and for optimization of communication processes in a new cultural and linguistic environment as a whole. Thus, we provide examples of learning activities, aimed to master phraseological units with a floronym component in classes of Russian as a foreign language and prove the importance of studying this linguistic phenomenon within the framework of this discipline.

Keywords: phraseological units, floronyms, linguoculturological aspect, Russian as a foreign language, Russian language, English language, French language.

В статье исследуются языковые свойства, а также лингвокультурологическая ценность фразеологизмов с компонентом-флоронимом (компонентом, содержащим название растения). Изучаются способы и мотивировочные признаки номинации флоронимической лексики. Рассматриваются символические образы, заложенные в основу этой лексики, их роль в формировании вегетативного кода культуры. Анализируются различные примеры использования флористических компонентов во фразеологии русского, английского и французского языков, позволяющие сделать вывод о сходстве или различии мировосприятия разных наций, особенностях их культурного сознания. Также в статье рассматриваются методические вопросы обучения русским фразеологизмам иностранных студентов не только в целях расширения их словарного запаса и развития фразеологической компетенции, но и в целях повышения их лингвострановедческих знаний, а также улучшения общих коммуникативных навыков, необходимых как для профессионального роста учащихся, так и для оптимизации процессов общения в новой для них культурно-языковой среде в целом. В связи с этим приводятся примеры работы с фразеологизмами с компонентом-флоронимом на занятиях по «Русскому языку как иностранному», доказывающиеся значимость их изучения в рамках данной дисциплины.

Ключевые слова: фразеологизмы, флоронимы, лингвокультурологический аспект, Русский язык как иностранный, русский язык, английский язык, французский язык.

Язык того или иного народа, как известно, является отражателем его культурного сознания, особенностей понимания мира, при помощи символических кодов в нём сохраняется и передаётся аксиологическая система нации.

Благодаря своей экспрессивности, образности, широкой коннотативности (под которой мы понимаем ассоциативность, семантику «созначения» за счёт дополнения денотативного смысла дополнительными смыслами [Телия, с. 14]),

одними из носителей этих кодов в лингвистике считаются фразеологические единицы. Яркость и символизм фразеологизмов, отличие их общего значения от семантики составляющих их лексем делают эти языковые феномены интересным и важным объектом исследования не только с лингвистической, но с и социокультурной, и с лингвокультурологической точек зрения.

Прежде чем говорить об отличительных чертах фразеологического состава русского, английского и французского языков, анализировать особенности использования фразеологизмов с компонентом-флоронимом на занятиях по РКИ, необходимо сказать несколько слов о самом понятии «флороним», который согласно определению представляет собой – «единицу целостного макрополя ботанической терминологии конкретного языка» [Барышникова, с. 12]. Исследователи-филологи выделяют целый ряд мотивирующих признаков, на основе которых происходит образование флоронимов (см. работу С. С. Шумбасовой) [Шумбасова, с. 106]. Согласно нашим наблюдениям, особенно популярными среди этих признаков являются внешние свойства растений.

Рассмотрим некоторые примеры образования флоронимической лексики в русском и английском языках: по форме: англ. *bluebell* – ‘колокольчик’ [Мюллер, с. 16]; англ. *Lady's candlesticks* – ‘примула’ (дословно: ‘подсвечники Девы Марии’) [Там же, с. 115]; англ. *yellow lady's slipper* – ‘башмачок’ [Там же, с. 605]; по цвету: англ. *blueberry* – ‘голубика’, англ. *blackberry* – ‘черная смородина’ [Там же, с. 16]; реже во французском языке: франц. *trèfle rouge* – ‘красный клевер’ [Матвеев, с. 377]. Зачастую во всех языках встречается наименование растений, связанное с особенностями их произрастания. Так, рус. *подсолнух* / *подсолнечник*, англ. *sunflower* [Мюллер, с. 498], франц. *tournesol* – ‘поворачивающийся за солнцем’ [Матвеев, с. 305]) получил своё название благодаря тому, что поворачивается вслед за солнечными лучами.

Ещё одним признаком, лежащим в основе формирования флоронимической лексики, являются эмоции, впечатления, производимые растениями на человека. К примеру, рус. *трёхцветная фиалка* или *Анютины глазки* получили в английском и французском языках несколько названий: англ. *kiss-me-quick* – ‘поцелуй меня быстро’ [Мюллер, с. 470]; франц. *la pensée* – ‘размышление’ [Матвеев, с. 300]; англ. *heartsease* – ‘душевная болезнь’ [Мюллер, с. 111]; *love-in-idleness* – ‘легкомысленная любовь’ [Там же, с. 500] = франц. *amour de l'oisiveté* [Матвеев, с. 8]. Растение *незабудка* (рус.) во многих языках име-

ет аналогичное наименование: *forget-me-not* (англ.) [Мюллер, с. 45], *ne m'oublie pas* (франц.) [Матвеев, с. 216]. Многие растения получили своё название благодаря сопоставлению с образами животных (реальных или мифологических). Причём одни и те же растительные объекты могут порождать в различных языках различные образные ассоциации, сравним: рус. *львиный зев* = англ. “*snapdragon*” (‘укус дракона’) [Мюллер, с. 490], франц. “*la gueule-de-loup*” (‘пасть волка’) [Матвеев, с. 99]. Таким образом, в основе практически каждого флоронима, в том числе и входящего в состав фразеологизма, лежит некий метафорический или метонимический образ, который может быть представлен эксплицитно, а может быть скрытым в языке: к примеру, рус. *первоцвет* – первые растения, цветущие весной [Шанский, Боброва, с. 114], рус. *молочай* – растения с млечным соком [Там же, с. 112]).

Частотность использования тех или иных флоронимических образов в языке зависит от географии произрастания называемых растений (то есть от наличия / отсутствия их во флоре определённой страны) и от того, какую роль играет символ растения в истории и культуре народа-языконосителя [Вакулич, Дерунова, с. 191]. Опираясь на эти знания, можно сделать выводы об особенностях фразеологического состава нескольких языков, об их сходстве и различии, а следовательно (что особенно важно при работе с иностранными студентами), сопоставить модели миропонимания и ценностные системы исследуемых культур.

К примеру, как в русской, так и в английской и во французской фразеологии наиболее употребительными флоронимическими компонентами являются следующие: *цветок, роза* [Кхонг Тху Хиен, с. 10], *шип / колючка / тернии* [Скачкова, с. 176] и многочисленные «древесные» флоронимы (*дерево, дуб, ель*) [Пучкова, с. 262]. Символы «цветка» и «розы» имеют во всех языках, в основном, положительные коннотации, сопрягаясь с такими оттенками значения, как молодость, свежесть, расцвет, изящество, красота [Кхонг Тху Хиен, с. 7]:

1) флоронимический символ «цветок» (англ. – *flower*, франц. – *fleur*): рус. *срывать цветы удовольствия* (то есть радоваться жизни), *дети – цветы жизни; цветы красноречия* [Степанова, с. 517]; англ. *as well as flowers in May* (‘долгожданный, желанный, как цветы в мае’) [Кузьмин, с. 19]; *the flowers in speech* (‘цветы красноречия’); *in flower of life* (‘в расцвете жизни’) [Там же, с. 115]; франц. *fine fleur* (‘самое лучшее’) [Переверзева, с. 87], *couvrir de fleur* (‘усыпать цветами’, ‘превозносить’), *etre dans la fleur de sa jeunesse*

(‘в расцвете сил’); *beau comme une fleur* (‘красив как цветок’) [Там же, с. 60];

2) флоронимический символ «роза» (англ. – *rose*, франц. – *la rose*): рус. *свежа как майская роза, красива как роза, вечная роза* (то есть душа) [Степанова, с. 305]; англ. *fresh as a rose* (‘свежий как роза’), *come up roses* (‘удачное стечение обстоятельств’) [Кузьмин, с. 360], *path strewn with roses* (‘лёгкая, беззаботная жизнь’) [Там же, с. 328]; франц. *bouton de rose* (‘бутон розы’, то есть юный), *c’est la plus belle rose de son chapeau* (‘самое большое достоинство’) [Переверзева, с. 92], *humour de rose* и *etre dans ses roses* (‘быть в отличном настроении’), *etre frais comme une rose* (‘выглядеть отдохнувшим и свежим’) [Там же, с. 109].

Флороним *шип* (колючка, тернии) имеет во всех языках подчёркнуто негативную коннотацию [Скачкова, с. 176]: рус. *есть шипы и у розы* (то есть у прекрасного есть недостатки), *через тернии к звездам* (то есть идти через трудности к успеху), *терновый венец* [Степанова, с. 119]; англ. *to be on pins and needles* (‘сидеть как на иголках’), *to be (sit) on thorns* (‘терзать себя, мучиться’), *to stick pins into smb* (‘сердить кого-то, раздражать’) [Кузьмин, с. 608]; франц. *s'enfoncer dans les épines* (‘иметь крупные неприятности’), *marcher sur les épines* (‘находиться в затруднительном положении’) [Переверзева, с. 121], *avoir un esprit épineux* (‘видеть во всём сложности’); *couronne d'épines* (‘терновый венец’), *chemin épineux* (‘тернистый путь’) [Там же, с. 97].

Флоронимы, связанные с образами деревьев, являются в русском, английском и французском языках амбивалентными, имеющими как положительные, так и отрицательные коннотации [Кхонг Тху Хиен, с. 11], [Пучкова, с. 262]. К примеру, в русской культуре образ дуба сопряжён, с одной стороны, с такими качествами, как крепкость, стойкость, надёжность, с другой – глупость и невежество: 1) *крепок как дуб, стойкий как дуб*; 2) *дуб дубом* (то есть глупый человек), *дубовая голова, дубина стоеросовая, с дуба рухнуть* (то есть сделать что-то странное, неадекватное; простореч.) [Там же].

Во французском языке флороним «дуб» (*un chêne*) имеет положительную коннотацию: *fort comme un chêne* – ‘силен как дуб’; *solide comme un chêne* – ‘крепок как дуб’; *se porter comme un chêne* – ‘отлично чувствовать себя’ [Переверзева, с. 74]. Негативные оттенки значения приобретает более широкий образ дерева в целом, становясь синонимом закостенелости: франц. *langue de bois* – ‘канцелярский язык’, *tête de bois* – ‘консервативный человек’ [Кравцов, с. 53]. Амбивалентным является французский флороним «ель» (*le*

sapin): с одной стороны, обозначает стройность – *droit comme un sapin* – ‘прямой как ель’, с другой – связывается со значениями гроба и смерти: *canadienne de sapin = redingote de sapin* – ‘гроб’, *sentir le sapin* – ‘предчувствовать приближение смерти’ [Там же].

В английском языке наблюдается похожая картина, положительное прочтение имеет флороним «дуб» (*the oak*), ассоциируясь с чем-то стойким и непоколебимым: англ. *little strokes fell great oaks* – ‘слабые удары валят крепкие дубы’, то есть всего можно достичь, приложив старания; *oak may fall when reeds stand the storm* – ‘дуб от бури падает, а тростник стоит’ [Кузьмин, с. 412], а образ дерева (*the tree*) в целом имеет двойственное восприятие [Пучкова, с. 263]: 1) *be at the top of the tree* – ‘быть в первых рядах’; *in the green tree* – ‘время процветания’; 2) *up a tree* – ‘попасть в тяжёлое положение / в ловушку’.

Множество интересных фразеологических сочетаний с флоронимическими компонентами одного языка (например, французского) имеют свои смысловые аналогии в других языках [Фатхулова, с. 95], однако лексически обозначаясь совершенно иначе, зачастую и вовсе без использования растительных образов, заменяясь образами животных, продуктов или различных фактов природы: франц. *pas besoin de pousser grand-mère dans les orties* [Переверзева, с. 202] – ‘не надо толкать бабушку в крапиву’ (то есть не надо преувеличивать) может быть заменён русским фразеологизмом *не надо делать из мухи слона*; франц. *pas de figue pas de raisin* – ‘ни инжир, ни виноград’ (то есть никакой, неинтересный) [Там же, с. 203] = рус. *ни рыба ни мясо*; франц. *comme deux pois* – ‘как две горошины’ (то есть похожие, почти одинаковые) [Там же, с. 24] = рус. *как две капли воды*; франц. *manger des racines de pissenlit* – ‘есть корни одуванчиков’ (то есть лежать в могиле) [Там же, с. 99] = рус. *червей кормить*.

Все вышеназванные аспекты рассмотрения ФЕ (с компонентом-флоронимом) могут быть использованы на занятиях по «Русскому языку как иностранному» (см.: [Вакулич; Дерунова, с. 192]; [Шабдарова]) с англо- и франкоговорящими студентами в качестве основы для сопоставления символических образов изучаемого языка с символикой языка родного, что, во-первых, значительно облегчит процесс обучения, во-вторых, позволит одновременно погрузиться как в новую языковую систему, так и в новую культурную среду.

Изучение ФЕ должно происходить в несколько этапов:

1) ознакомление с ФЕ (к примеру, при помощи картинок);

2) выполнение упражнений и проведение различных языковых игр с использованием разнообразных вместе с преподавателем ФЕ;

3) отработка полученных знаний за счёт составления небольших рассказов с использованием изученных фразеологических сочетаний.

Результатом выполнения упражнений должны стать навыки: 1) быстрого перевода ФЕ в процессе общения с русскими однокурсниками, преподавателями и т. д. 2) свободного использования изученных ФЕ в собственной речи [Шабдарова].

Приведём несколько примеров упражнений на использование ФЕ с компонентом-флоронимом на занятиях по «Русскому языку как иностранному»:

1) Учащийся должен подобрать к русским ФЕ синонимичные фразеологические обороты родного языка – а) абсолютные синонимы: рус. *искать иголку в стоге сена* (то есть заниматься безнадёжным делом) = англ. *look for a needle in a haystack* = франц. *chercher une aiguille dans une botte de foin*; б) синонимы семантические: рус. *тише воды, ниже травы* = англ. *as calm as a millpond* – ‘тихий как пруд’; рус. *крепкий орешек* = франц. *un dur à cuire* – ‘слишком жёсткий для приготовления’.

2) Заменить изученную ФЕ синонимом-словом: *крепок как дуб* – силён; *дрожит как осиновый лист* – боится, волнуется; *шут гороховый* – пустой, смешной, несерьезный.

3) Дополнить диалоги, вставив пропущенные ФЕ:

а) – Волнуешься?

– Почему ты так думаешь?

– Ты дрожишь ... (как осиновый лист).

б) – Устал?

– Да, я чувствую себя как выжатый ... (лимон).

4) Составить свой текст (диалог / рассказ) с использованием русских фразеологических сочетаний.

Предлагаемый нами метод работы был апробирован на занятиях с франкоговорящими студентами (из Сенегала и Камеруна) 1 и 2 курсов. В процессе обучения был замечен повышенный интерес учащихся к изучаемой теме (фразеологической лексике с компонентами-флоронимами), к особенностям культуры русского народа, выявляемым в ходе сопоставительного анализа. Обращение к родному языку заметно облегчило процесс семантизации фразеологических единиц. В результате занятия учащиеся использовали изученные ФЕ при формировании собственных высказываний без затруднений, их речь стала более свободной и лек-

сически разнообразной. Таким образом, считаем предложенный нами метод обучения эффективным в целях развития у иностранных учащихся фразеологической, коммуникативной и лингвострановедческой компетенций, а также в целях повышения интереса к русскому языку и русской культуре в целом.

Список литературы

Барышникова Т. Д. Структурно-семантические и мотивационные свойства флоронимов в английском и французском языках: дис... канд. филол. наук: Пятигорск, 1999. 216 с.

Вакулич Л. А., Дерунова А. А. Формирование лексических навыков: русская фразеология в практике преподавания русского языка как иностранного: мат. международной научно-практ. конференции «Беларуссия-Иран-Россия»: сотрудничество в области русского языка как иностранного (24.11.2017). Минск: Изд-во БГМУ, 2017. С. 190–194.

Кравцов С. Отражение во фразеологии менталитета и жизни русского и французского народов // *La revue Russe*. Париж, 2004. № 24. С. 51–61.

Кузьмин С. С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. М.: Просвещение, 2009. 800 с.

Кхонг Тху Хиен Русские и вьетнамские фразеологизмы с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис.... канд. филол. наук. Тверь: 2019. 18 с.

Матвеев С. А. Французско-русский и русско-французский словарь с произношением. М.: АСТ, 2019. 416 с.

Мюллер В. К. Англо-русский и русско-английский словарь. М.: АСТ, 2016. 800 с.

Переверзева Е. Ф. Русско-французский фразеологический словарь. М.: Флинта, 2017. 281 с.

Пучкова Е. В. Символический культурный код «дерево» в русском языке // *Эпоха науки*. № 14. Ачинск, 2018. С. 261–265.

Скачкова Л. В. Языковой и культурный обзор французских и английских фразеологизмов-флоронимов с компонентом «шип / колючка» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2017. № 1 (67). В 2-х ч.: Ч. 1. С. 175–178.

Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб: Виктория Плюс, 2016. 608 с.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Фатхулова Д. Р. Флористические фразеологизмы: нововведение или хорошо забытое старое (на примере французского и английского языков): мат. IV международной научно-практической конф. Москва: МЦНС «Наука и просвещение», 2016. С. 94–97.

Шабдарова Н. Г. Иноязычная фразеология в практике преподавания русского языка как иностранного. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/201/ch_06_sim_1_sektsii_15_16-n.g.-shabdarova-75.pdf (дата обращения: 26.08.21).

Шумбасова С. С. Английские флоронимы: способы номинации и классификации // Rhema. Рема. Москва: Изд-во МПГУ, 2011. № 3. С. 104–114.

References

Baryshnikova, T. D. (1999). *Strukturno-semanticheckie I motivatsionnye svoistva phloronimov v angliiskom i phranzuzskom iazykah*. [Structural, Semantic and Motivational Properties of Floronyms in English and French: Ph.D. Thesis]. 216 p. Piatigorsk. (In Russian)

Fathulova, D. R. (2016). *Floristik phraseologisms: novovvedenie ili horosho zabytoe staroe (na primere phrantsuzskogo I angliiskogo iazykov)* [Floristic Phraseological Units: An Innovation or the Well-Forbidden Old (based on French and English)]. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konpherentsii. Pp. 94–97. Moscow, Nauka i prosveshenie. (In Russian)

Krivosov, S. (2004). *Otrazhenie vo phraseologii mentaliteta i zhizni russkogo i phrantsuzskogo narodov* [Reflection in Phraseology of the Russian and French Peoples' Mentality and Life]. Pp. 51–61. Paris, La revue Russe. (In Russian)

Kuzmin, S. S. (2009). *Russko-angliiskii phraseologicheskii slovar perevodchika* [Russian-English Phraseological Dictionary of Translators]. 800 p. Moscow, Prosveshenie. (In Russian)

Khong, Thu Hien (2019). *Russkie I vietnamskie phraseologizmy s nazvaniyami rastenii v lingvokulturologicheskom aspekte* [Russian and Vietnamese Phraseological Units with the Names of Plants in the Linguistic and Cultural Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. 18 p. Tver, Tver State University. (In Russian)

Matveev, S. A. (2019). *Phrantsuzsko-russkii i russko-phranzuzskii slovar s proiznosheniem* [French-Russian and Russian-French Dictionary with Pronunciation]. 416 p. Moscow, AST. (In Russian)

Muller, V. K. (2016). *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar* [English-Russian and Russian-English Dictionary]. 800 p. Moscow, AST. (In Russian)

Pereverzeva, E. F. (2017). *Russko-franzuzskii phraseologicheskii slovar* [Russian-French Phraseological Dictionary]. 281 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Puchkova, E. V. (2018). *Simvolicheskii kulturnyi kod "derevo" v russkom iazyke* [Symbolic Cultural Code "Tree" in Russian]. Pp. 261–265. Achinsk. (In Russian)

Shabdarova, N. G. (2019). *Inoiazychnaia phraseologiya v praktike prepodavaniia russkogo iazyka kak inostannogo* [Foreign Language Phraseology in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language]. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/201/ch_06_sim_1_sektsii_15_16-n.g.-shabdarova-75.pdf (accessed: 26.08.21). (In Russian)

Shumbasova, S. S. (2011). *Angliiskie floronimy: sposoby nominatsii i klassifikatsii* [English Floronyms: Ways of Nomination and Classification]. Pp. 104–114. Moscow, Rhema, MPG. (In Russian)

Skachkova, L. V. (2017). *Iazykovo i kulturnyi obzor phrantsuzskikh i angliiskikh phraseologismov-floronimov s komponentom "ship / koluchka"* [Floronyms with the Component "Spike/Thorn"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Pp. 175–178. Tambov, Gramota. (In Russian)

Stepanova, M. I. (2016). *Phraseologicheskii slovar russkogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. 608 p. St. Petersburg, Victoria Plus. (In Russian)

Teliia, V. N. (1996). *Russkaia phraseologiya: semanticheckii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekt* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. 288 p. Moscow, Iazyki russkoi kultury. (In Russian)

Vakulich, L. A., Derunova, A. A. (2017). *Formirovaniie leksicheskikh navykov: russkaia phraseologiya v praktike prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo* [Formation of Lexical Skills: Russian Phraseology in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language]. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Belarus-Iran-Russia": sotrudnichestvo v oblasti prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo (24.11.2017). Pp. 190–194. Minsk. (In Russian)

The article was submitted on 12.11.2021
Поступила в редакцию 12.11.2021

Лескова Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ФГБОУ ВО «КГТУ»,
236022, Россия, Калининград,
Советский проспект, 1.
ekaterina.leskova@klgtu.ru

Leskova Ekaterina Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kaliningrad State University,
1 Sovetsky Prospect,
Kaliningrad, 236022, Russian Federation.
ekaterina.leskova@klgtu.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-275-281
УДК 372.881.1

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

© Дмитрий Шифман

CODE SWITCHING IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO NON-LINGUISTIC STUDENTS AT THE TERTIARY LEVEL

Dmitriy Shifman

The article deals with the phenomenon of code switching in language teaching methods, the issue that has been widely discussed recently in national and foreign publications. Modern approaches to foreign language teaching, associated with the spread of bilingual education, consider code switching as a promising area of study. The article analyzes Russian and foreign research on the problems of code switching in teaching foreign languages: the functional and methodological possibilities of using code switching in teaching foreign languages in modern conditions; the results of our research, aimed at studying the attitude of non-linguistic students to code switching; the real and optimal volume of use of the native and target languages in foreign language classes. An analysis of the theory and practice of using code switching in teaching foreign languages allows us to draw a conclusion about the effectiveness of this approach and the need to develop methods for its use in teaching non-linguistic students.

Keywords: foreign language, language training methods, non-linguistic students, code switching, native language, target language.

Статья посвящена широко обсуждаемому в последнее время в отечественной и зарубежной методике явлению переключения языковых кодов в обучении иностранным языкам. Переключение языковых кодов в обучении иностранным языкам определяется как переход с изучаемого иностранного языка на родной язык и обратно. Современные подходы к преподаванию иностранного языка, связанные с распространением билингвального и полилингвального образования, рассматривают переключение языковых кодов как перспективное направление в обучении. В статье анализируются российские и зарубежные исследования по проблемам переключения языковых кодов в преподавании иностранных языков; выявляются функциональные и методические возможности использования переключения языковых кодов в обучении иностранному языку в современных условиях; приводятся результаты проведенного автором исследования, направленного на изучение отношения студентов неязыкового вуза к переключению языковых кодов, реального и оптимального объема использования родного и изучаемого иностранного языка на занятиях по иностранному языку. Анализ теории и практики применения переключения языковых кодов при обучении иностранному языку позволяет автору сделать вывод об эффективности данного подхода и необходимости разработки методик для его использования в неязыковом вузе.

Ключевые слова: иностранный язык, методика обучения иностранному языку, неязыковой вуз, переключение языковых кодов, родной язык, целевой язык.

Переключение языковых кодов (далее – ПЯК) в процессе коммуникации в лингвистике, теории коммуникации, психо- и социолингвистике рассматривается как переход между диалектами или стилями одного и того же языка, так и разными языками [Muysken]. Феномен активно изучался в контексте билингвизма [Балакина, Соснин]. Л. Вэй, принимая во внимание работы У. Вайнрайха в области билингвизма, определяет его как попеременное использование двух языков в практическом общении [Garcia, Wei, с. 24].

О. Гарсия, ссылаясь на исследование Р. Аппеля, считает, что переключение языковых кодов – это не изолированное явление, а ключевая составляющая билингвального речевого общения [Там же, с. 26]. Основываясь на работах Ш. Поплак, Ю. В. Балакина называет переключением кодов смешение двух или более языков в речи билингвов (или мультилингвов), при котором не обязательно происходит смена собеседника или темы разговора» [Балакина, Соснин, с. 6].

Современный этап развития общества, характеризующийся повышением мобильности населения, развитием и ростом доступности информационно-коммуникационных технологий, возможностью широкого распространения информации на разных языках, формирует новую поликультурную и полилингвальную коммуникационную среду. В такой среде переключение языковых кодов становится повсеместной практикой в общественной, бытовой, профессиональной и образовательной сферах, в том числе в обучении иностранным языкам. При этом проблема переключения языковых кодов в преподавании иностранного языка в различных образовательных контекстах до сих пор является дискуссионным в лингводидактике и практике обучения иностранным языкам [Шифман].

Сторонники монологического подхода (прямой метод, иммерсионный метод), среди которых М. Берлиц, Г. А. Китайгородская, А. С. Плесневич и др., выступают за исключение родного языка из процесса обучения. Исследователи отмечают наличие негативного влияния использования ПЯК на результат обучения, которое выражается в том, что родной язык на занятии по иностранному языку усиливает межъязыковую интерференцию, способствует росту количества лексико-грамматических ошибок и снижает учебную мотивацию обучающихся [Там же]. Кроме того, ряд авторов, отмечает Келлер, утверждают, что обучающимся не нужно понимать все, что им говорит преподаватель, а использование ПЯК может негативно отразиться на языковых и ситуативных навыках обучающихся. Таким образом, переход на родной язык подрывает процесс обучения, в то время как обучение на изучаемом языке имеет множество преимуществ, таких как, например, погружение в иностранный язык и культуру [Keller, с. 82].

Такие российские и зарубежные исследователи, как П. Ауэр, Э. М. Ахунзянов, Е. М. Верецагин, Г. М. Вишневская, О. Гарсия, С. Канагараджа, О. В. Легостаева, Э. Макаро, К. Майерс-Скоттон, П. Мейсен, Р. П. Мильруд, Л. Ортега, Ш. Поплак, Е. К. Черничкина и др., указывают, что использование переключения между родным и изучаемым языком в процессе обучения иностранному языку обладает высоким методическим потенциалом [Шифман].

Согласно П. Ауэру на занятиях по иностранному языку обучающиеся, говорящие на родном языке, часто начинают разговор на изучаемом языке, не имея достаточных знаний последнего, а при использовании ПЯК выстраивается билингвальное общение и создаются практические ситуации для применения изучаемого языка [Auer,

с. 77]. К. Браун, опираясь на исследование Д. Гумперса, придерживается идеи использования ПЯК на занятии по иностранному языку для облегчения процесса обучения [Brown, с. 379].

Д. Скиннер был одним из тех, кто считал, что исключение родного языка на занятии по иностранному языку может негативно воздействовать на процесс изучения его. Он утверждал, что, «поскольку мысли и идеи обучающихся развиваются на родном языке, отказ от него может затруднить процесс формирования и развития мысли на иностранном языке, а ПЯК является связующим звеном в этом процессе» [Skinner, с. 372]. Р. Скиба считал, что ПЯК работает как вспомогательный элемент в тех ситуациях, когда обучающиеся не способны выразить свою мысль на изучаемом языке [Skiba, с. 126]. Д. Гумперс утверждает, что обучающиеся чередуют языковые коды, так как конкретные слова и выражения быстрее приходят в голову на родном языке [Gumperz, с. 151]. В. Кук выступает за использование ПЯК в обучении иностранному языку, поскольку данное явление выполняет в учебном процессе различные функции: например, грамматику изучаемого языка доступнее объяснить средствами родного языка, а для поддержания дисциплины на занятии родной язык является обязательным инструментом [Cook, с. 410].

Британский исследователь Т. Эйвери, опираясь на работы В. Буцкамма, В. Кука, Д. Камминса, Л. Ортеги и др., считает ПЯК естественным результатом языкового контакта и говорит, что использование родного языка в обучении иностранному является полезным и необходимым. Автор утверждает, что родной язык формирует когнитивный базис для дальнейшего изучения иностранного языка и что «запретить обучающимся использовать родной язык – значит лишить их величайшего познавательного инструмента, который у них есть» [Avery, p. 4].

С позиций теории коммуникативной адаптации, предложенной Г. Джайлзом, говорящие по-разному используют разные языки либо их варианты, чтобы выразить единство с собеседниками или дистанцироваться от них на сознательном и бессознательном уровне [Giles, Coupland, с. 37]. Г. Джайлз утверждает, что говорящие сознательно переключают языковые коды для достижения определенных коммуникативных целей в различных языковых сообществах, чтобы укрепить межличностные отношения [Там же, с. 68]. Следовательно, к использованию ПЯК прибегают в ситуациях, когда, например, необходимо либо включить, либо же исключить конкретного участника из разговора. В этом случае ПЯК подразделяется на два типа: конвергентный, когда го-

ворящий использует предпочтительный для собеседников языковой код, и дивергентный, создающий дистанции между говорящим и слушателем из-за неправильного выбора языкового кода. Переключение на родной язык на занятии происходит бессознательно, когда обучающиеся общаются друг с другом на личном уровне [Shereen, с. 44]. Согласно утверждению Д. Саймона, переключение на родной язык дает обучающемуся естественную возможность уйти в «комфортную зону» использования языка, а также понимать полученную информацию в упрощенном виде, что способствует процессу обучения иностранным языкам [Simon, с. 199].

Немецкий лингвист и педагог В. Буцкамм в своем исследовании, проводимом на базе одной из школ в Германии, обнаружил, что родной язык на занятии по иностранному языку работает как «смазочный материал» для разговора, позволяя ему протекать плавно и без усилий. По его наблюдениям, ПЯК использовалось в образовательных целях, когда обучающиеся просили уточнить термины, которые были им необходимы для участия в дискуссии. В. Буцкамм предложил преподавателям рассматривать ПЯК как естественный путь обучения иностранным языкам [Butzkamm, с. 90].

В отечественной методике преподавания ИЯ проблема ПЯК рассматривается в контексте методического принципа «опоры на родной язык» [Капитонова]. Этот принцип предполагает переключение языковых кодов в обучении иностранным языкам на занятиях как преподавателем, так и обучающимся [Казаева]. Согласно данному принципу обучение иностранному языку будет успешным, когда он ориентирован на родной язык обучающегося. Е. В. Смирнова признает принцип опоры на родной язык как один из наиболее важных, особенно на начальном этапе обучения ИЯ [Смирнова]. В процессе обучения, безусловно, проводятся определенные параллели с родным языком, устанавливаются сходства и различия. Следовательно, системы изучаемого и родного языков находятся в тесном контакте друг с другом. Это помогает проанализировать языковые явления двух языков с целью определения и дальнейшего преодоления трудностей, которые могут возникнуть в процессе обучения [Щукин, с. 228]. Кроме этого, как утверждает Н. Д. Гальскова, очень важным является использование имеющегося у обучающихся опыта в родном языке и перенос ряда умений и навыков из родного языка на процесс овладения ИЯ [Гальскова, Гез, с. 157].

Исследователи О. Гарсия, С. Канагараджа, В. Кук, О. В. Легостаева, Р. П. Мильруд, Р. К. Минь-

яр-Белоручев, Л. Ортега, Ш. Полио, М. П. Чеснокова и др. выделяют функции, которые выполняет ПЯК на занятиях по иностранному языку. М. П. Чеснокова считает, что определение места родного языка или языка-посредника на занятиях по русскому языку как иностранному является важной методической проблемой. Переключение на родной язык происходит при отборе и введении языкового материала, когда, например, применяются сопоставления, перевод и др. Хотя автор и не поощряет частое использование ПЯК, так как считает, что родной язык в большей мере имеет негативное влияние на изучаемый, в результате чего возникает языковая интерференция – перенос норм родного языка на изучаемый, она утверждает, что учет родного языка помогает отобрать нужный материал и правильно распределить учебное время [Чеснокова, с. 61].

Д. Гумперс считает, что ПЯК применяется в следующих случаях:

- при цитировании собеседника;
- в качестве обращения (указание адресата);
- для повторения содержания сообщения;
- для демонстрации лингвокультурного контраста между родным и изучаемым языком [Gumperz, с. 192].

По мнению Д. Хаймса, ПЯК на занятии по иностранному языку имеет четыре основные функции:

- выразительная функция предполагает, что обучающиеся переключают коды для выражения эмоций;
- директивная функция используется в ситуации, когда необходимо дать указания или сделать замечание;
- металингвистическая функция используется для объяснения терминов, перефразирования слов и др.;
- поэтическая функция означает, что говорящий вставляет ссылки, шутки, цитаты, чтобы «разбавить» сообщение [Hymes, с. 30].

Ш. Полио и П. Дафф выделили следующие функции использования ПЯК:

- объяснение грамматических явлений;
- управление дисциплиной в классе и установка контакта с собеседником;
- поддержание непрерывности коммуникации;
- перевод незнакомой лексики;
- проверка понимания материала [Polio, Duff, с.319].

С. Канагараджа разделил функции ПЯК на две категории: организация работы в классе и передача учебной информации. Согласно его мнению, использование ПЯК в организации ра-

боты помогает преподавателям и обучающимся систематизировать и эффективно контролировать взаимодействие друг с другом. Применение ПЯК при передаче учебной информации повышает эффективность понимания содержания занятия [Canagarajah, с. 178].

А. Флиман-Маттссон и Н. Буренхульт выделяют следующие случаи:

- перевод отдельных слов или выражений. Авторы отмечают, что это происходит при введении безэквивалентной лексики, для поддержания непрерывности высказывания, а в некоторых случаях – с целью экономии времени на занятии;

- объяснение грамматических явлений. Определенные аспекты грамматики рассматриваются преимущественно на родном языке, так как в процессе обсуждения темы проводятся параллели между системой родного и изучаемого языка;

- выражение чувств и эмоций. Исследователи утверждают, что ПЯК используется для установления доверительных отношений между участниками учебного процесса и для создания благоприятной языковой среды в классе [Flyman-Mattsson, Burenhult, с. 67].

Обобщая исследования функциональных возможностей ПЯК в обучении иностранному языку, необходимо обратить внимание на дополнительные факторы, влияющие на использование переключения языковых кодов, которые связаны с условиями обучения, такими как однородность / неоднородность групп обучающихся в языковом отношении: наличие / отсутствие общего родного языка или языка-посредника у обучающихся; наличие общего родного языка у преподавателя и обучающихся; владение преподавателем родным языком обучающихся; обучение в языковой среде или вне среды изучаемого языка. Очевидно, что наличие общего родного языка / языка-посредника в группе студентов и у преподавателя позволяет легко использовать ПЯК в процессе изучения иностранного языка. Что касается особенностей обучения ИЯ в среде и вне среды изучаемого языка, то, как отмечает И. А. Орехова, при изучении ИЯ в языковой среде язык становится не только объектом изучения, но и инструментом жизнедеятельности [Орехова, 2016, с. 1980], что является важным фактором использования изучаемого языка в естественных ситуациях общения. При этом необходимо отметить, что если у обучающихся в языковой среде есть возможность использовать родной язык на учебных занятиях или в какой-либо другой группе, то использование изучаемого языка как инструмента жизнедеятельности может уменьшаться.

Когда ИЯ изучается вне языковой среды у обучающихся отсутствуют «утилитарно-потре-

бительские мотивы, обозначающие каждодневное использование иностранного языка в целях обеспечения жизнедеятельности, а также предметно-функциональные мотивы, формируемые внутренним побуждением постоянно пользоваться изучаемым языком» [Орехова, 2007, с. 36]. Компенсировать отсутствие языковой среды на занятиях ИЯ в полном объеме, считает исследователь, не представляется возможным, «поскольку атрибуты, составляющие образовательный потенциал языковой среды (обучающая стихия языка, естественный видеоряд, естественный аудиоряд, естественная ситуативность и др.) трансформируются в статичный учебный материал» [Там же, с. 37].

С целью выявления особенностей использования ПЯК в обучении иностранному языку в современных условиях вне языковой среды в неязыковом вузе автором было проведено анкетирование студентов-бакалавров Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова. В анкетировании приняли участие 385 студентов – 239 студентов 1 курса и 146 студентов 2 курса.

Анкетирование проводилось в онлайн-формате в начале осеннего семестра 2020 / 2021 учебного года (1 и 3 соответственно). Анкета включала 30 вопросов, которые были направлены на выявление:

- 1) объема использования ПЯК на занятиях по иностранному языку в вузе преподавателями и обучающимися;

- 2) этапов занятия, на которых участники учебного процесса применяли ПЯК;

- 3) отношения обучающихся к использованию ПЯК на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе.

Результаты анкетирования показали, что в практике обучения иностранному языку в неязыковом вузе ПЯК используется как преподавателями, так и обучающимися. Обучающиеся используют ПЯК чаще, чем преподаватели, но разница минимальна (см. рис.1).

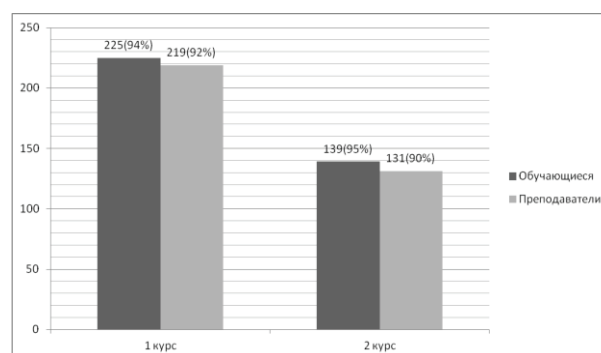

Рис. 1. Использование ПЯК на занятиях по ИЯ в неязыковом вузе.

Функции использования ПЯК на занятиях по иностранному языку по результатам анкетирования были представлены следующим образом:

1) введение языкового материала: новые грамматические явления и незнакомая лексика преимущественно объяснялись на родном языке (см. рис.2);

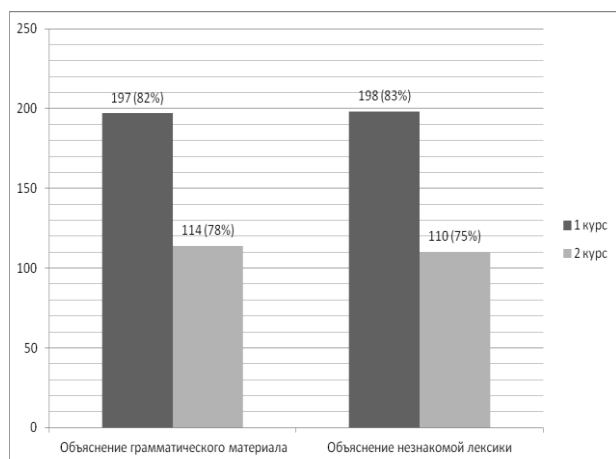

Рис. 2. Использование ПЯК при введении нового языкового материала на занятии по ИЯ.

2) организация учебного процесса: приветствие преподавателя и обучающихся, формулировка заданий, оценивание, поддержание дисциплины; завершение занятия сопровождалось переходом на родной язык. Такую тенденцию отметили более половины респондентов 1 и 2 курса (52% и 55% соответственно).

Анализ ответов на вопросы, направленные на определение отношения обучающихся к использованию ПЯК на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе, показал, что большинство опрошенных (86%) положительно относятся к использованию ПЯК. 8% респондентов считают применение родного языка на уроке негативным явлением. 6% опрошенных отмечают, что ПЯК имеет как положительную, так и отрицательную стороны (см. рис.3).

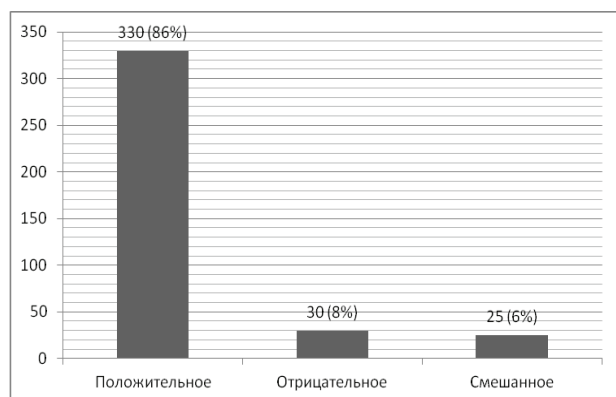

Рис. 3. Отношение обучающихся к ПЯК на занятиях по ИЯ в неязыковом вузе.

Рассмотрение теории и отечественной и зарубежной практики применения ПЯК в обучении иностранному языку позволяет сделать следующие выводы:

– ПЯК является естественным процессом в билингвальном / многоязычном дискурсе;

– использование ПЯК в обучении иностранному языку имеет как положительные, так и отрицательные стороны;

– объем использования ПЯК в обучении иностранному языку зависит от целого ряда объективных и субъективных причин: от уровня подготовки обучающихся по иностранному языку и индивидуальных особенностей обучающихся до условия обучения ИЯ, в том числе связанных с языковой средой обучения, уровнем образования и направлением профессиональной подготовки обучающихся в учебном заведении;

– использование ПЯК в обучении иностранному языку в неязыковом вузе в современных условиях необходимо рассматривать с учетом новых информационно-коммуникационных реалий и мультилингвизма.

Таким образом, представляется, что эффективное использование ПЯК в обучении иностранному языку в неязыковом вузе требует дальнейшего изучения этого явления в контексте современных требований к обучению студентов лингвистических направлений и разработки методики его применения в учебном процессе с учетом указанных выше факторов.

Список литературы

Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. Н. Новгород, 2015. № 2. С. 5–11.

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 336 с.

Казаева Л. И. Родной язык в процессе обучения иностранному // Вестник Югорского государственного университета, 2007. С. 43–46.

Капитонова Т. И. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному: методическое руководство / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин, А. Н. Щукин; под ред. А. Н. Щукина. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 312 с.

Орехова И. А. Языковая среда есть. Языковой среды нет // Русский язык за рубежом. М., 2007. №3 (202). С. 35–38.

Орехова И. А. Языковая среда и ее роль в обучении русскому языку как иностранному // Ди-

намика языковых и культурных процессов в современной России. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. №5. С. 1979–1982.

Смирнова Е. В. Опора на родной язык и лингвокультуру как компонент основы билингвального образования при использовании средств ИКТ // Карельский научный журнал, 2017. Т. 6. № 1(18). С. 24–28.

Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учеб. пособие. М.: МАДИ, 2015. 132 с.

Шифман Д. В. Функциональные аспекты переключения языковых кодов на занятии по иностранному языку (Functional Aspects of Code-Switching in the EFL Classroom) // Актуальные проблемы современного общества: язык, культура и технологии в изменяющемся мире (Urgent Problems of Modern Society: Language, Culture, Technology in the Changing World). Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции молодых учёных. Новосибирск, 2020. С. 313–318.

Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. Учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Филоматис, 2006. 479 с.

Auer P. Code-switching in conversation: language, interaction and identity // Bilingual Conversation Revisited. London/New York, 1998. Pp. 75–90.

Avery T. The Pedagogical potential of codeswitching. 2015. 22 p.

Brown K. Encyclopedia of language & linguistics. Applied linguistics in South Asia. Elsevier, United Kingdom: Oxford University Press, 2006. 379 p

Butzkamm W. Code-switching in a bilingual history lesson: The mother tongue as a conversational lubricant // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 1998. №1. Pp. 81–99.

Canagarajah S. Functions of code switching in ESL classrooms: Socializing bilingualism in Jaffna // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 1995. № 16. Pp. 173–195.

Cook V. Using the first language in the classroom // Canadian Modern Language Review, 2001. Vol. 57. Pp. 403–423.

Flyman-Mattsson A., Burenhult N. Code switching in second language teaching of French // Working Papers, 2015. Vol. 47. Pp. 59–72.

Garcia O., Wei L. Translanguaging, Language, Bilingualism and Education. Palgrave Macmillan, 2014. 165 p.

Giles H., Coupland N. Contexts of accommodation. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 352 p.

Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 317 p.

Hymes D. The ethnography of speaking // Anthropology and human behavior. Washington, DC: Anthropological Society of Washington, 1962. Pp. 15–53

Keller G. H. Code Switching in Teaching English to Speakers of Other Languages. Master's Projects and Capstones, 2016. 112 p.

Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2000. 264 p.

Polio C., Duff P. Teachers' language use in university foreign language classrooms: A qualitative analysis on

English and target language alternation // The Modern Language Journal, 1994. Vol. 78. Pp. 313–326.

Shereen A. H. The Functions of Code Switching Used by Secondary Students in English Classes, 2014. 97 p.

Simon D. Towards a new understanding of code switching in the foreign language classroom // Code switching Worldwide. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 193–205.

Skiba R. Code switching as a countenance of language interference // The Internet TESL Journal, 1997. №3. Pp. 122–140.

Skinner D. Access to meaning: The anatomy of the language/learning connections // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 1985. №6 (5). Pp. 369–389.

References

Auer, P. (1998). *Code-switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. Bilingual Conversation Revisited. Pp. 75–90. London, New York. (In English)

Avery, T. (2015). *The Pedagogical Potential of Codeswitching*. P. 4. (In English)

Balakina, Iu. V., Sosnin, A. V. (2015). *Teoreticheskie osnovy perekliucheniia kodov i funktsionirovaniia zaimstvovaniia s pozitsii kontaktnoi lingvistiki* [Theoretical Foundations of Code Switching and the Functioning of Borrowings through the Lens of Contact Linguistics]. Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. No. 2, pp. 5–11. N. Novgorod. (In Russian)

Brown, K. (2006). *Encyclopedia of Language & Linguistics. Applied Linguistics in South Asia*. Pp. 379. Elsevier, United Kingdom, Oxford University Press. (In English)

Butzkamm, W. (1998). *Code-switching in a Bilingual History Lesson: The Mother Tongue as a Conversational Lubricant*. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 1, pp. 81–99. (In English)

Canagarajah, S. (1995). *Functions of Code Switching in ESL Classrooms: Socializing Bilingualism in Jaffna*. Journal of Multilingual and Multicultural Development. No, 16, pp. 173–195. (In English)

Chesnokova, M. P. (2015). *Metodika prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo* [Teaching Methods of Russian as a Foreign Language]. Ucheb. posobie. 132 p. Moscow, MADI. (In Russian)

Cook, V. (2001). *Using the First Language in the Classroom*. Canadian Modern Language Review. Vol. 57, pp. 403–423. (In English)

Flyman-Mattsson, A., Burenhult, N. (2015). *Code Switching in Second Language Teaching of French*. Working Papers. Vol. 47, pp. 59–72. (In English)

Gal'skova, N. D., Gez, N. I. (2004). *Teoriia obucheniia inostrannym iazykam: Lingvodidaktika i Metodika* [Theory of Foreign Language Teaching: Linguodidactics and Methodology]. Ucheb. posobie dlia stud. lingv. un-tov i fak. in. iaz. vyssh. ped. ucheb. zavedenii. 336 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)

- Garcia, O., Wei, L. (2014). *Translanguaging, Language, Bilingualism and Education*. 165 p. Palgarve Macmillan. (In English)
- Giles, H., Coupland, N. (1991). *Contexts of Accommodation*. 352 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
- Gumperz, J. (1982). *Discourse Strategies*. 317 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
- Hymes, D. (1962). *The Ethnography of Speaking*. Anthropology and human behavior. Pp. 15–53. Washington, DC, Anthropological Society of Washington. (In English)
- Kapitonova, T. I. (2018). *Metody i tekhnologii obucheniia russkomu iazyku kak inostrannomu: metodicheskoe rukovodstvo* [Methods and Technologies of Teaching Russian as a Foreign Language: A Methodological Guide Book]. T. I. Kapitonova, L. V. Moskovkin, A. N. Shchukin; pod red. A. N. Shchukina. - 4-e izd., stereotip. 312 p. Moscow, Russkii iazyk. Kursy. (In Russian)
- Kazaeva, L. I. (2007). *Rodnoi iazyk v protsesse obucheniia inostrannomu* [Native Language in the Foreign Language Learning Process]. Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 43–46. (In Russian)
- Keller, G. H. (2016). *Code Switching in Teaching English to Speakers of Other Languages*. Master's Projects and Capstones. 112 p. (In English)
- Muysken, P. (2000). *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. 264 p. Cambridge, England, Cambridge University Press. (In English)
- Orehova, I. A. (2007). *Iazykovaia sreda est' Iazykovoii sredy net* [There Is a Language Environment. No Language Environment]. Russkii iazyk za rubezhom. No. 3 (202), pp. 35–38. Moscow. (In Russian)
- Orehova, I. A. (2016). *Iazykovaia sreda i ee rol' v obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu* [Language Environment and Its Role in Teaching Russian as a Foreign Language]. Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. No. 5, pp. 1979–1982. St. Petersburg. (In Russian)
- Polio, C., Duff, P. (1994). *Teachers' Language Use in University Foreign Language Classrooms: A Qualitative Analysis on English and Target Language Alternation*. The Modern Language Journal. Vol. 78, pp. 313–326. (In English)
- Shchukin, A. N. (2006). *Obuchenie inostrannym iazykam: Teoriia i praktika* [Foreign Language Teaching: Theory and Practice]. Uchebnoe posobie dlia prepodavatelei i studentov. 479 p. Moscow, Filomatis. (In Russian)
- Shereen, A. H. (2014). *The Functions of Code Switching Used by Secondary Students in English Class*. 97 p. (In English)
- Shifman, D. V. (2020). *Funktsional'nye aspekty perekliucheniia iazykovykh kodov na zaniatii po inostrannomu iazyku* [Functional Aspects of Code-Switching in the EFL Classroom]. Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva: iazyk, kul'tura i tekhnologii v izmeniaiushchemsia mire. Sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Pp. 313–318. Novosibirsk. (In Russian)
- Simon, D. (2001). *Towards a New Understanding of Code Switching in the Foreign Language Classroom*. Code switching Worldwide. Pp. 193–205. Berlin, Mouton de Gruyter. (In English)
- Skiba, R. (1997). *Code Switching as a Countenance of Language Interference*. The Internet TESL Journal. No. 3, pp. 122–140. (In English)
- Skinner, D. (1985). *Access to Meaning: The Anatomy of the Language Learning Connections*. Journal of Multilingual and Multicultural Development. No. 6 (5), pp. 369–389. (In English)
- Smirnova, E. V. (2017). *Opora na rodnoi iazyk i lingvokul'turu kak komponent osnovy bilingval'nogo obrazovaniia pri ispol'zovanii sredstv IKT* [Reliance on the Native Language and Linguistic Culture as a Component of the Basis of Bilingual Education Using Information and Communication Technologies]. Karel'skii nauchnyi zhurnal. T. 6. No. 1(18), pp. 24–28. (In Russian)

The article was submitted on 06.06.2021

Поступила в редакцию 06.06.2021

Шифман Дмитрий Викторович,
старший преподаватель,
Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна
и искусств имени А.Д. Крячкова,
630099, Россия, Новосибирск,
Красный проспект, 38.
аспирант,
Новосибирский государственный
технический университет,
630092, Россия, Новосибирск,
проспект К. Маркса, 20.
dvshifman@nsu.ru

Shifman Dmitriy Victorovich,
Assistant Professor,
Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts,
38 Krasny Prospect,
Novosibirsk, 630099, Russian Federation.
graduate student,
Novosibirsk State Technical University,
20 Karl Marx Prospect,
Novosibirsk, 630092, Russian Federation.
dvshifman@nsu.ru

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-282-285

УДК 811:39

О ВКЛАДЕ ТАТАРСКОГО ТЮРКОЛОГА В ОРИЕНТАЛИСТИКУ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ПРОФЕССОРА М. Х. БАКИРОВА «ПРОТОТЮРКИ: ИЗНАЧАЛЬНАЯ ПРАРОДИНА, РАННИЕ ПЛЕМЕНА И ЯЗЫК, ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРА». – КАЗАНЬ, 2018. – 464 С.)

© Тариел Азертюрк

ON THE CONTRIBUTION OF THE TATAR TURKOLOGIST TO ORIENTALISM (REVIEW OF PROFESSOR M. BAKIROV'S MONOGRAPH "PROTO TURKS: ORIGINAL HOMELAND, EARLY TRIBES AND LANGUAGE, HISTORY AND ETHNOCULTURE". - KAZAN, 2018. - 464 p.)

Tariel Azerturk

Рецензируемая монография профессора-тюрколога М. Х. Бакирова является весьма важным событием в современной ориенталистике, поскольку прибавляет уникальный и пионерский в своем роде труд к малочисленному корпусу работ по этногенезу, этнокультуре и этнолингвистике ранних тюрков. Эта книга содержит разработку новой и оригинальной концепции глобального характера, согласно которой тюркское языковое единство сложилось за счет смешения и слияния лексики и признаков исторической грамматики родственных (агглютинативных) и отчасти неродственных (флективных) языков благодаря их длительному и интенсивному взаимодействию в составе единого ареального союза на Ближнем и Переднеазиатском Востоке.

Зарождающий прототюркский язык, как утверждает автор, находился с другими языками этого ареала в состоянии культурно-контактного родства и формировался в составе шумеро-афразийско-индоевропейско-дравидо-загросско-го языкового союза. Иначе говоря, прототюркский языковой массив по отношению к другим языкам Ближнего Востока выступал в качестве изначального «среднеземноморского субстрата» и представлял из себя обширный диалектный массив тюрко-алтайского типа. Такой подход в части хронологии смыкается с выводом разработчика ностратической теории В. М. Иллича-Свитыча о том, что «алтайская (по сути прототюркская. – М. Б.) общность значительно древнее уральской, дравидийской, индоевропейской,

картвельской и семито-хамитской и наиболее близка к ностратической» [Иллич-Свитыч, с. 69].

По концептуальному заключению М. Бакирова, которое созвучно со взглядами здравомыслящих языковедов, алтайское языковое единство фактически образовалось после миграции прототюрков на восток и смежного соседства и взаимодействия их с другими так называемыми алтайскими языками. Монголы, тунгусо-маньчжуры, тем более японцы и корейцы общие и схожие с тюрками лексемы приняли от их носителей эстафетообразно, то есть через посредство соседних языков.

Но, как утверждает автор, теории как ностратической, так и индоевропейской макросемей не в силах разъяснить поразительную общность собранной и систематизированной им базовой и культурной лексики ранних тюрков, которая связана с мертвыми и архаичными языками древнего Ближневосточного ареала. Ибо обе эти теории необоснованно отрывают прототюрков от их первоначального местопребывания и переносят его на восточную территорию: либо в Центральную Азию, либо – в лучшем случае – в Среднюю Азию. При этом, подчеркивает татарский тюрколог, делается упрощенный и односторонний вывод о том, что предки тюрков сходные слова якобы заимствовали напрямую, либо через промежуточные диалекты из западно-ностратических языков или же главным образом из индоевропейских (включая индоиранских) народов,

эмигрировавших после распада Ближневосточного языкового союза на восток.

Возникает парадоксальная ситуация: в создании базового лексического словаря предки тюрков сами якобы не участвовали, потому что, по господствующей концепции индоевропеизма и индоиранизма, схожие лексемы рассматриваются как результат миграции индоевропейцев, а также как следствие «ползущей ностратизации» (удачный термин самого автора). Но такая концепция совершенно не согласуется с реконструируемым исследователем лексико-семантическим, отчасти этимологическим сравнительным словарем Ближнего Востока, включающим в себя, помимо общего лексического корпуса, также и многочисленные архетипы из неиндоевропейских и неностратических языков.

Первая часть книги называется «Лексико-семантический сравнительный словарь», составленный автором на материале выявленных генетико-контактных изоглосс из мертвых и древних языков Ближнего Востока, параллельных с древним лексическим слоем тюркоязычного мира. Кроме индоевропейских и картвельских макроязыковых семей, в нем представлены также языки неиндоевропейского и неиранского склада и непременно с агглютинативным морфологическим строем, а именно кутии (гутии), касситы, эламиты. Они составляли родственную между собой группу, условно называемую загросской или каспийской. Языкам этого же строя относились еще и шумеры, субары, дравиды, а также переселившаяся из Передней Азии в Африку хамитская группа (кушиты, чады, берберы, древние египтяне).

Надо особо отметить, что прототюркский языковой массив, по своеобразной концепции татарского тюрколога, формировался в силу длительного сожительства и интеграции (сближения и слияния) как раз из этих языков, но одновременно ряд лексических архетипов ранние тюрки создавали в процессе взаимообобщения с мертвыми и индоевропейскими племенами и народностями совместно, либо даже заимствовали непосредственно у них. По мере сложения и развития производящего хозяйства, включая кочевое скотоводство мелкого и крупного рогатого скота, наши предки постепенно отпочковались от ареального языкового союза и самый ранний лексический слой унесли с собой на Восток – в Среднюю и Центральную Азию, в регион Саяно-Алтая и степные просторы Сибири. Постановка и вердикт по вопросу глоттогонии тюркского языка в таком ракурсе вполне правомерны и подкупают своей аргументированностью.

Весьма примечательно, что вопрос о хронологическом дальнейшем контактно-генетическом родстве ранних тюрков с древними афроазиатско-хамитскими языками, потомки которых и ныне живут в Северной и Центральной Африке, ставится в ориенталистике впервые. При этом, что очень важно, М. Бакиров из хамитских языков выделяет уцелевшие архетипы, обозначающие первопредметы и изначальную примитивную форму какой-либо деятельности, которые в дальнейшем стали основой для выражения видоизменений в тех же сферах. Таковы: *ka / kap (kan)* – сосуд из листьев → деревянная чаша → горшок, кувшин → бурдюк, куль; *ka* (сосуд) + *bak* (тыква, бутылка) – сосуд-тыква → посуда → *ka+zan* – сосуд рода (племени) > *zan / zon* (др.-тюрк.) – родовой коллектив, племя, народ; *hb / haba* – мотыжить, мотыга → *hb* – плуг → *saban* – «то же», *sak* – заостренный колышек, тычковая обработка земли // *sak* – мотыжить, пахать, обрабатывать землю > *saka* – сеять → *haha* – соха / сука (деревянный плуг). Все эти поразительные факты восстанавливают истоки известных нам культурных явлений или действий, которые уже давно забыты и указывают на географический регион, откуда они берут начало.

Самое главное, такие вот удивительные субстратные слова совместно с другими лексическими параллелями, которые в общей сложности доходят чуть-ли не до тысячи единиц, подтверждают правоту пробивающей себе дорогу глобальной идеи о первоначальной ближневосточной прародине палеотюрков. Ибо слово – это, как принято оценивать в научных кругах, самый долговечный и надежный свидетель и памятник истории, причем чуть ли не каждое слово или лексический корень-основа в словнике за счет параллелей из контактных и генетических родственных языков наращивается до объемного лексического гнезда и сопровождается познавательной словарной статьей. Такая форма составления сравнительного словаря воссоздает перед нами генезис и эволюционную картину, включая межэтнические преемственные связи, определенной части основного и культурного лексического фонда тюркского мира.

Вторая часть монографии названа «Этническая идентификация прото- и пратюркского мира на основе комплексных признаков». Очень важно и показательно то, что в этом разделе исследователь концепцию о самой ранней ближневосточной прародине наших дальних предков рассматривает дифференциально: вернее, разбивая людской и этнополитический мир Ближнего и Переднеазиатского Востока на конкретные племена, народности и государства. Выделенные

при этом в отдельные группы племена и народности кутиев / гутиев, касситов, эламитов, дравидов, суваров и шумеров тракуются, разумеется, опираясь на веские доводы и аргументы – как этнические компоненты или носители в той или иной степени формирующегося прототюркского языка.

Более того, эти же давно вымершие этносы татарским тюркологом исследуются и анализируются в сравнительном плане в контексте архаической идеологии и культуры, и полученные выводы при этом сближают и объединяют их с традиционной культурой тюркского мира. В ходе этих исследований автором выделены устойчивые этнические признаки, названные им этническими определителями и индикаторами. Самое главное, они позволили М. Бакирову роднить или отождествлять носителей этих признаков с тюркским этническим и этнокультурным социумом.

К таким этническим определителям, идущим из глубин истории, татарский тюрколог относит прежде всего отдельные мифологемы-мотивы символического характера, которые засвидетельствованы в традиционной культуре наших предков как доминирующие и системные признаки. Это, в частности, волк или волчица, выступавшие у тюркских племен и народов в различных ипостасях: и как прародитель-родоначальник племени, и как проводник, указывающий новые места для переселения или маршрут во время военных походов, и как кормилец-спасатель будущего вождя рода или племени. Исследователь истоки этого культа обнаруживает именно на Западе у вышеназванных неиндоевропейских народностей.

Второй ведущий мифологический образ, послуживший исследователю как этнический индикатор для выявления наших дальних предков, это большой и одноголовый крылатый змей-сагаган. В отличие от вредоносного многоголового дракона, идущего из мифологии иранцев, такой образ возвеличивался и почитался у тюрков. Вообще, как установлено учеными многих поколений, индоевропейские народы, включая индоариев и иранцев, были змеборцами – яростными противниками культа змей. Причину того, что в христианской религии даже дьявол-сатана выступает в облике змеи, М. Бакиров видит именно во враждебном отношении индоевропейцев к этой рептилии. Исходя из высказывания русского слависта А. А. Потебни («мы считаем волка за другую форму мифологического змея»), татарский тюрколог рассматривает эти образы в одной упряжке. При этом он в древних культурах Ближнего Востока от волка- и змее-

борцев резко отделяет почитателей (на деле зачинателей прототюркской мифологии) этих же мифологических животных.

Кроме данных мифологем и образов исследователь-тюрколог в качестве этнических определителей выдвигает еще несколько признаков, характерных именно для тюркской традиционной культуры. Это, в отличие от индоевропейских народов, предпочтение или возвеличивание левой стороны – стороны сердца и мужского пола (левая – мужская сторона юрты, привилегированное положение воинских должностей и воинов левого крыла, левосторонний запах одежды), далее – пещерное происхождение родоначальника племени или культ пещеры предков, кругообразная планировка ранних стоянок или поселений, своеобразные прически, специфическая еда (кумыс и конина). Эти признаки позволили исследователю путем накладки на древние культуры Среднеземноморского бассейна нащупать и выделить (разумеется, совместно с языковыми реалиями) ранние племена и народности тюркского склада, в среде которых зарождалась и формировалась этнокультура предков.

Кстати, именно эти же показатели помогли исследователю подойти к сако-скифам и сарматам с новой позиции и видеть среди этнического массива их туранских и причерноморских пратюрков. Для подтверждения и подкрепления своего взгляда им же составлен и размещен дополнительный раздел – сако-скифо-сармато-тюркский словарь с общими лексемами.

Самостоятельную ценность представляют в работе разделы, посвященные хунно-гуннам и смежным с ними или появившимся после них древнетюркским народностям. Особый интерес вызывает доказательство тюркоязычности гуннов, подкрепленное достаточно емким словарем, собранным по крупицам из различных малоизвестных источников. Ранние тюрки Средней и Центральной Азии, а также Сибири в изложении М. Бакирова воспринимаются как преемники и потомки пришельцев с Запада, иначе говоря – органически вписываются в ключевую его концепцию.

Еще одна принципиально важная область, что нашла весьма убедительное и объективное решение в монографии и которую хотелось бы выделить особо, это вопрос антропологии, связанный с характером физического типа наших предшественников и их преемников. В противовес предвзятому мнению о монголоидности хуннов и древних тюрков, которое проникло, оказывается, и в «Историю татар с древнейших времен» (Казань, 2002, т. 1), М. Бакиров изначально тюрков и их преемников по большому счету

относит к европеоидам, опираясь при этом на оставшийся до этого вне поля зрения историков малоизвестный коллективный труд В. А. Алексеева, И. Гохмана и Д. Тумэна.

Что касается монголоидности или монголоидной примеси у отдельных тюркоязычных народов, особенно на восточных окраинах, то эту особенность автор, ссылаясь на труды отдельных исследователей, связывает с проникновением и близким соприкосновением их предков с монголами и отчасти тунгусо-маньчжурами алтайского языкового круга.

В завершение хочется отметить, что М. Бакировым создан уникальный труд по этногенезу и этнической, этнокультурной истории тюркоязычного мира. Структура работы, методика исследований и использованные источники, литература, содержащие более 800 названий, а главное – полученные результаты, на наш взгляд, впечатляют! Хочется особо отметить, что удив-

ляет терпение и выносливость автора этого фундаментального творения – немолодого уже исследователя, но мудрого и многостороннего специалиста. Ориенталистика ждала именно такого рыцаря науки, талантливого тюрколога, как профессор М. Бакиров.

Список литературы

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М.: Наука, 1971. 369 с.

References

Illich-Svitych V. M. (1971). *Opyt sravneniia nostraticheskikh iazykov. Sravnitel'nyi slovar'*. [Experience of Comparing Nostratic Languages. A Comparative Dictionary]. 369 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2020
Поступила в редакцию 15.11.2020

Азертюрк Тариел,
доктор биохимии,
учредитель, главный редактор,
журнал «The Turkic world – Türk dünjasi» и
«Babelon – Azerbaijan» (США),
США. Сиэтл
tarikativ@frontier.com

Azerturk Tariel,
Doctor of Biochemistry,
founder, editor-in-chief,
journal “The Turkic World – Türk dünjasi” and
“Babelon – Azerbaijan” (USA),
USA, Seattle.
tarikativ@frontier.com

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:

(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author

Организация / Organization

Страна / Country

Город / City

E-mail:

Наименование статьи / Title of article

Аннотация / Abstract

Ключевые слова / Keywords

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

– Формат MS Word

– Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.

– Абзацный отступ – 1,25.

– Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

– французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

– в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смыслового различия контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке.

Текст статьи.

Список литературы.

References.

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Примечания и библиографические ссылки

Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.

Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (от 01.01.2009).

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Пушкин, т. 2, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Отсылки на архивы и рукописные собрания оформляются по общим правилам, указываются в квадратных скобках внутри текста статьи и вносятся в список литературы.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список литературы оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список литературы

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uchashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант LC (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanii, а не Voprosy iazykoznanii.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: *Il'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.*

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

10. Итак, получаем следующий вариант:

Il'inskaya, S. B. (1984). Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Если указывается электронное издание, то дату обращения также надо перевести на английский язык (например, accessed: 24.02.2015).

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Для заметок

Филология и культура. Philology and Culture

№ 4 (66)

Дата выхода в свет 25.12.2021.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,9.

Тираж 1000 экз. Заказ 217/12

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

